LIBRARY OF CONGRESS
00005392688

THE LIBRARY OF CONGRESS

ОЧЕРКИ

Профессора М. Н. Петрова.

Iz vsemirnoi istorii.

ИЗЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ОЧЕРКИ

Профессора М. Н. Петрова.

Евангеліе въ исторіи.—Германикъ.—Мохаммедъ.—Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ.—Жанна д-Аркъ.—Людовикъ XI.—Савонарола.—Томасъ Мюнцеръ.—Эразмъ Роттердамскій.—Филиппъ II.—Петръ Великій.

ИЗДАНІЕ 2-е, ПРОСМОТРѢННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

КНИЖНАГО МАГАЗИНА В. А. СЫХРА.

Харьковъ.
Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26.
1882.

DT
.P4
1882

Дозволено цензурою. Москва. 7-го Апрѣля 1881 года.

104837
-07

ОТЪ АВТОРА.

„Предлагаемые „Очерки“ составлены авторомъ преимуще-
„ственно на основаніи того матеріала, которымъ располагалъ
„онъ при обработкѣ читанныхъ имъ университетскихъ кур-
„совъ. Полагая, что содержаніе ихъ небезъинтересно для лю-
„бителей исторіи и можетъ послужить нѣкоторымъ пособіемъ
„при учебныхъ занятіяхъ этимъ предметомъ, онъ рѣшается
„издать ихъ въ видѣ настоящаго сборника“.

Надежды эти, высказанныя авторомъ при первомъ появленіи его книги въ 1868 году, оправдались вполнѣ, — и, такъ какъ тогдашнее изданіе ея давно уже исчерпано, то, удовлетворяя постоянно возобновляющимся требованіямъ, онъ счелъ возможнымъ приступить ко второму, дополнивъ его очеркомъ о Петрѣ Великомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ЕВАНГЕЛІЕ ВЪ ИСТОРІИ.

ЕВАНГЕЛІЕ ВЪ ИСТОРІИ.

Едва-ли есть въ исторіи вопросъ, о которомъ писали бы такъ много, какъ о вліяніи христіанства на цивилизацію міра. Съ того времени, какъ стала возникать въ Европѣ серьезная историческая наука, т. е. съ начала нынѣшняго столѣтія, люди всѣхъ возможныхъ партій и убѣжденій одинаково оцѣнили великую образовательную роль нашей религіи. Даже тѣ писатели, которые отвергали божественное происхожденіе христіанства и смотрѣли на него просто, какъ на явленіе историческое, выказали тѣмъ болѣе усердія въ разъясненіи громаднаго вліянія, какое христіанская религія имѣла на судьбы и характеръ новаго человѣчества. Лучшимъ примѣромъ служить можетъ бельгійскій профессоръ Лоранъ, который, въ своемъ сочиненіи, одно время имѣвшимъ нѣкоторый успѣхъ и въ нашей публикѣ, до-того настойчиво преслѣдуетъ эту задачу, что впадаетъ даже въ какой-то ненаучный историческій провиденціализмъ.

При такихъ условіяхъ, довольно смѣло, быть можетъ, предлагать здѣсь наши размышленія и соображенія о предметѣ, почти исчерпанномъ; но думаемъ, что самый вопросъ представляетъ столько безчисленныхъ сторонъ, что каждое живое личное впечатлѣніе, искренно переданное, способно остановить вниманіе мыслящаго человѣка.

Много разъ высказывалась ученой литературой мысль, что христіанство было великой реакціей противъ духа языческой древности. Чтобы уяснить себѣ это понятіе, надо внимательно читать Евангеліе, стараясь перенестись мыслію въ тѣ обстоятельства, событія и всѣ условія жизни, среди которыхъ проповѣдано было ученіе Спасителя. Вопросъ—въ чемъ именно состояла противуположность этого ученія порядкамъ и идеямъ древняго міра и, слѣдовательно, какія новыя начала возвѣщены людямъ Евангеліемъ,—такъ сказать наглядно рѣшается этимъ путемъ. И вотъ какого ро-

да впечатлѣніе выноситъ читатель, сопоставляя проповѣдь Спасителя съ современной ей исторіей міра.

По семи тиберинскимъ холмамъ, раскинулся царственный городъ, со своимъ двухъ-милліоннымъ населеніемъ, четырьмястами храмовъ, двумя тысячами дворцовъ и десятками тысячъ меньшихъ человѣческихъ обиталищъ. Столица восьмидесяти-милліонной державы, повелитель лучшихъ культурныхъ странъ трехъ частей свѣта, императорскій Римъ сосредоточилъ въ стѣнахъ своихъ всю образованность, все богатство и силу тогдашняго историческаго міра. Двѣ трети населенія имперіи, половина жителей города состоятъ изъ рабовъ, остальные только по имени считаются гражданами и, наравнѣ со всѣми, подвластны произволу одного. Государству, пресыщенному смутами, завоеваніями и славой, цезари впервые принесли спокойствіе и безопасность, осудивъ его на жизнь механической деспотіи.

Войдемъ же въ одинъ изъ великолѣпныхъ чертоговъ, наполняющихъ городъ, и посмотримъ—какъ живутъ люди посреди этихъ условій и порядковъ.

Дворецъ, украшенный фресками и мозаикой, дорическими портиками и экседрами, наполненный сотнями разноцвѣтной прислуги, составляетъ только ничтожную часть обширнаго помѣщенія. Роскошныя бани, писцины, звѣринецъ, сады, даже храмы и форумъ,— окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, служа принадлежностями самой изысканной роскоши. Каждый домъ милліонера-магната имѣетъ видъ какъ-бы цѣлаго города, и Римъ есть собраніе городовъ.

Заснувши подъ звуки успокоительной, отдаленной симфоніи, сибаритъ просыпается при свѣжемъ шумѣ каскада и небрежно протягиваетъ руку поцѣлуямъ жадной толпы утреннихъ посѣтителей, рабовъ и кліентовъ.

Онъ выискиваетъ всѣ средства, чтобы убить длинное несносное время и все-таки не находитъ удовольствія, которое-бы тотчасъ не надоѣло. Сокровища и наслажденія всего свѣта стеклись сюда, чтобъ украсить его жилище, наполнить и усладить его вѣчный досугъ. Полъ его залы усѣянъ цѣнными камнями; изваянный изъ цѣльнаго дерева столъ стоитъ шестьдесятъ тысячъ рублей на наши деньги; его мурены плаваютъ въ мраморныхъ бассейнахъ и откармливаются свѣжимъ человѣческимъ мясомъ; для его павлиновъ и соловьевъ выстроены изящные кіоски, окутанные экзотической зеленью и освѣжаемые безчисленными фонтанами.

Ему скучно въ городѣ,—онъ ѣдетъ въ свою роскошную виллу на берегу партенопейскаго залива, гдѣ и на высокихъ горахъ и посреди волнъ бушующаго моря воздвигнуты для него увеселительныя постройки, гдѣ прудъ обставленъ настоящими прибрежными скалами, передвинутыми сюда съ неимовѣрными издержками.

Онъ хочетъ прослыть ученымъ и собираетъ коллекцію драгоцѣнныхъ рукописей, которыхъ не знаетъ часто и названій. Да ему и некогда. Онъ безпокоится о томъ, что вотъ какой-нибудь локонъ его завитыхъ и раздушенныхъ волосъ упадетъ къ нему на плечо не съ такою небрежностію и граціей, какъ того требуетъ мода, что толпы рабовъ, окружающихъ столъ его и разставленныхъ въ порядкѣ по росту, возрасту или цвѣту кожи, одѣты и причесаны не съ такимъ безукоризненнымъ однообразіемъ, какъ-бы это слѣдовало; онъ волнуется, чтобы кто нибудь изъ прислуги, при гостяхъ, не ошибся въ движеніи или перемѣнѣ мѣста, чтобы диковинная птица, предназначенная къ банкету, по новости случая, не была какъ-нибудь разрѣзана противъ правилъ кулинарнаго искусства.

Но вотъ ему наскучила роскошь и, пресыщенный удовольствіями, онъ удаляется на нѣсколько дней въ бѣдную хижину, нарочно построенную въ его домѣ, гдѣ, на глиняномъ полу, ѣстъ черствую пищу изъ простой посуды, забывая на-время свои золотыя вазы и кубокъ изъ цѣльнаго аметиста,—и все это съ тѣмъ, чтобъ, воротившись къ роскошной жизни, найдти въ ней новое, освѣженное удовольствіе.

Вся Италія покрыта парками, прудами и рощами, гдѣ барышники откармливаютъ рыбу и дичь для стола его. Отдаленныя провинціи даже снабжаютъ его кладовыя отборными припасами. Косъ доставляетъ ему вино, Θазосъ—птицу, Сицилія—хлѣбъ, Африка—раковины. Поваръ его за свое искусство увѣнчанъ золотымъ вѣнкомъ. Его ужинъ обошелся въ три милліона сестерцій, въ полтораста тысячъ рублей на наши деньги. Одно блюдо павлиньихъ языковъ, или соусъ изъ мозговъ попугаевъ, стоили иногда по сту тысячъ по римскому счету.

На пурпуровыхъ ложахъ возлежатъ собесѣдники, окруженные услужливой и подобострастной толпой оффиціаловъ, угадывающихъ ихъ малѣйшія желанія; молодые рабы на серебрянныхъ блюдахъ подаютъ несчетныя кушанья, убранныя со вкусомъ и изяществомъ; красивые кудрявые мальчики въ бѣлыхъ туникахъ разносятъ вино, разливаютъ по полу ароматы, обмахиваютъ гостей вѣерами. Во-

кругъ стола—пѣсни, танцы, музыка, фарсы и споры. И посреди всего этого веселья, гама и шума, царь банкета, амфитріонъ, возноситъ частые заздравные тосты, вѣнчаетъ гостей своихъ свѣжей зеленью и розами. „Поспѣшимте жить, говоритъ онъ, смерть близится, украсимъ же наши головы цвѣтами прежде чѣмъ сойдемъ ко Плутону“.

Перенесемся ли мы изъ этого тѣснаго домашняго круга въ шумную уличную жизнь и общественныя удовольствія вѣчнаго города,— и тамъ встрѣтимъ то-же отсутствіе нравственныхъ интересовъ, туже пустоту и матеріализмъ.

Амфитеатръ открытъ съ самаго утра. Восемьдесятъ тысячъ зрителей тѣснятся на его мраморныхъ ступеняхъ. Среди трепетнаго ожиданія публики, выпускаютъ въ арену африканскихъ тигровъ, львовъ и пантеръ и заставляютъ ихъ грызться другъ съ другомъ. Затѣмъ выходятъ противъ нихъ дикіе гетулы и длинноволосые галлы-гладіаторы, нарочно для того воспитанные спекулянтами. Покончивъ съ звѣрями, они начинаютъ сражаться между собою. Сражаются на колесницахъ, и на коняхъ, и пѣшіе, сражаются даже съ завязанными глазами, и это въ-особенности нравится публикѣ, но еще больше возбуждаетъ общій восторгъ и хохотъ галльское искусство ловить людей арканами и сѣтями.

А кругомъ стоитъ одинъ непрерывный, оглушительный гулъ,— крики одобренія за ловкій и смѣлый ударъ, за граціозное паденіе, за твердость въ предсмертныхъ мукахъ,—крики злобы и негодованія за слабость, малодушіе или неловкость.

Иногда и зрителей вдругъ охватываетъ бранный задоръ. Они сами сходятъ въ арену и принимаютъ участіе въ свалкѣ. Сенаторъ и всадникъ дерутся, какъ простые гладіаторы.

Но вотъ, посредствомъ подземныхъ трубъ, арена внезапно наполняется водою и представляетъ видъ озера, гдѣ плаваютъ крокодилы и гиппопотамы, является двадцать кораблей,—два враждебные флота вступаютъ въ битву. Смерть предстаетъ глазамъ публики во всѣхъ видахъ. Люди тонутъ, умираютъ отъ огня, отъ желѣза. Это—навмахіи, любимѣйшее наслажденіе римлянъ.

Наконецъ вода сбѣжала и на влажной еще аренѣ снова завязывается рукопашная рѣзня.

Вотъ гладіаторъ наступилъ на горло своему поверженному противнику и, съ занесеннымъ мечемъ, равнодушно ожидаетъ отъ зрителей обычнаго сигнала—recipe ferrum,—между тѣмъ какъ нес-

частный, валяясь въ пыли, усиливается принять еще живописную позу, чтобы, къ удовольствію образованной публики, умереть по всѣмъ правиламъ искусства.

Вотъ молоденькая дѣвушка порывается съ своего мѣста, хлопаетъ руками и издаетъ крики восторга, увидѣвъ бойца, ловко поверженнаго сильнымъ ударомъ.

Звуки тысячи инструментовъ смѣшиваются съ громомъ рукоплесканій, со стонами жертвъ, съ воплями народа.

Шелковое, шитое золотомъ, покрывало колеблется надъ зрителями, защищая ихъ отъ полдневнаго зноя. Ароматный дождь ниспадаетъ на нихъ изъ особо устроенныхъ машинъ. Кругомъ—мраморныя статуи, роскошные барельефы и мозаика.

А тамъ, подъ темными арками, гдѣ такъ много нечистыхъ и развратныхъ символовъ по стѣнамъ, виднѣются продажныя прелести женщинъ, устроившихъ притонъ свой подлѣ арены, залитой человѣческой кровью.

Все здѣсь,—холодное безчеловѣчіе, утонченность вкуса, пресыщеніе роскоши и безстыдное наслажденіе.....

Сцены эти, какъ они ни характерны, составляютъ все-же едва замѣтный отрывокъ общей картины. Но надо читать подробныя изображенія времени у современниковъ, или даже въ такихъ сочиненіяхъ, какъ Дезобри и графа де-Шампаньи, чтобъ получить понятіе о той удушливой атмосферѣ разврата, раболѣпства, лицемѣрія, пустоты и пошлости, среди которой жило высшее общество тѣхъ временъ,—о той безконечной тоскѣ, которая подтачивала каждаго мыслящаго въ немъ человѣка. Совершенное отсутствіе свободной публичной дѣятельности, невозможной при цезаряхъ, разрушеніе семейныхъ связей, общій упадокъ нравовъ и вырожденіе религіознаго чувства въ суевѣріе и грубый матеріализмъ,—или поселяли въ немъ отвращеніе къ этой безсодержательной жизни, „taedium vitae“, оканчивавшееся нерѣдко самоубійствомъ, или-же заставляли бросаться въ самую необузданную чувственность, могущую хоть на время, унять томленіе пустоты, его мучившее.

Такъ жили лучшіе, передовые люди своего вѣка. Массы же томились въ невѣжествѣ, нищетѣ и рабствѣ. Объ нихъ, низведенныхъ на степень животныхъ, никто и не думалъ, никто не признавалъ за ними даже человѣческаго достоинства.

Рабъ не имѣлъ никакихъ правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ—и считался вещью, собственностію своего господина. Даже

дѣти его принадлежали не ему, а хозяину, какъ будто это былъ приплодъ лошади или коровы. Фамильнаго имени у него тоже не было, и его звали просто какой-нибудь кличкой. Право жизни и смерти предоставлено было гражданину надъ принадлежавшими ему рабами, и легко представить—къ какимъ злоупотребленіямъ подавало оно поводъ въ рукахъ гордыхъ и безчеловѣчныхъ тирановъ, вѣчно боявшихся мятежа со стороны этихъ многочисленныхъ и доведенныхъ до отчаянія страдальцевъ. Подозрительно слѣдили они за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ этой безмолвной и забитой толпы, и стоило кому-нибудь изъ нихъ сдѣлать ничтожную ошибку въ услугѣ или не замѣтить знака, поданнаго хозяиномъ, чтобъ навлечь на себя страшныя наказанія. Несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Въ тихую ночь по улицамъ Рима прохожій то и дѣло слышалъ стоны, удары кнута и звуки цѣпей, несшіеся изъ сырыхъ и душныхъ подваловъ, куда рабы запирались на ночь не иначе, какъ прикованные къ стѣнамъ. Рабъ не могъ даже подружиться и сойдтись съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, такъ-какъ въ каждомъ подобномъ сближеніи господинъ тотчасъ видѣлъ стачку и заговоръ. Наконецъ, больнаго или увѣчнаго раба, какъ безполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія. Даже законъ не зналъ милосердія къ этимъ несчастнымъ, и хотя нѣкоторые императоры законодательными мѣрами старались смягчить ихъ участь, но, даже при лучшихъ цезаряхъ, было въ обычаѣ предавать казни всѣхъ рабовъ, принадлежавшихъ одному хозяину,—а ихъ бывало нерѣдко по нѣсколько сотъ въ одномъ домѣ—если хозяинъ этотъ былъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Пытка употреблялась при самыхъ маловажныхъ слѣдствіяхъ и смерть на крестѣ была самою обыкновенною ихъ казнію.

Римъ много сдѣлалъ для человѣчества, но такихъ преступленій не искупитъ вся его славная исторія.

А участь провинцій, пріобрѣтенныхъ мечемъ и управляемыхъ насиліемъ? Сомнительно, чтобы тѣ блага однообразной цивилизаціи, которыя онѣ получили отъ покорителей, въ состояніи были вознаградить за систематическій грабежъ, разореніе и рабство, постигавшія побѣжденные римлянами народы. Горькую долю ихъ можно сравнить развѣ съ положеніемъ турецкихъ райевъ, а проконсуловъ, стоявшихъ во главѣ областной администраціи—съ паша-

ми старыхъ временъ. Прибытіе такого администратора въ провинціальную резиденцію не многимъ разнилось отъ взятія ея штурмомъ непріятельскими силами. „Наши провинціи стонутъ, писалъ еще Цицеронъ, свободные народы жалуются, всѣ царства міра вопіютъ противъ нашей хищности и насилій. Нѣтъ столь отдаленнаго, или столь сокровеннаго уголка до самаго океана, куда бы не проникли наши несправедливости и тиранія. Народъ римскій не въ силахъ долѣе переносить не войнъ и возстаній народовъ, но ихъ воплей и слезъ". И такимъ негодованіемъ разражался человѣкъ, который, въ теченіи только годичнаго управленія маленькой Киликіей, нажилъ милліонъ сестерцій состоянія. Что же подумать о другихъ, менѣе благодушныхъ правителяхъ? Что подумать о страшномъ финансовомъ истощеніи провинцій, когда, кромѣ этого частнаго грабежа проконсуловъ и ихъ чиновничьей когорты, на нихъ лежало все бремя государственныхъ податей, сборъ которыхъ сопровождался обыкновенно насиліями публикановъ или откупщиковъ, пытками несостоятельныхъ плательщиковъ и тому подобными ужасами?

Надо представить себѣ весь этотъ міръ немногихъ избранниковъ, утопающихъ въ богатствѣ и наслажденіяхъ и все-таки томящихся безъисходною скукой, и безправныхъ милліоновъ, обреченныхъ на вѣчное горе,—міръ необузданнаго эгоизма и ужасающихъ страданій,—и тогда только мы оцѣнимъ весь смыслъ необъятнаго переворота, посѣяннаго въ немъ евангельской проповѣдью.

Когда отъ береговъ галилейскаго озера пронеслись по свѣту отрадныя слова „возлюбите ближнихъ вашихъ, какъ самихъ себя", то это по-истинѣ была великая новость, радостное „благовѣстіе" для людей. Цѣлая перспектива лучшихъ отношеній, цѣлая счастливая будущность открывалась предъ ними. Противу золъ, угнѣтавшихъ общество, впервые найдена была цѣлая тайна, невѣдомая сила вступала въ жизнь, чтобы согрѣть ее, облагородить и осчастливить.

Сила эта — любовь.

Любить надо, чтобы угодить Богу, чтобъ быть счастливымъ на землѣ, любить не только кровныхъ и близкихъ, но всѣхъ и каждаго, даже враговъ,—и для другихъ жить столько-же, сколько и для себя. Тогда только получитъ жизнь цѣну и интересъ, станутъ нетягостными ея радости и облегчатся ея бѣды. Можетъ ли какая-нибудь философія такъ просто, вѣрно и вмѣстѣ такъ глубоко рѣшить задачу земнаго существованія и указать ему руководящій законъ?

„Блаженны нищіе духомъ, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ

и миротворцы, — блаженны плачущіе и гонимые за правду, — приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, — и я успокою васъ“..... Это былъ языкъ небесъ, незнакомый тогдашнему міру. Говорить такимъ образомъ, — значитъ открыть несомнѣнный путь ко власти надъ человѣческимъ сердцемъ, но говорить такимъ образомъ посреди порядковъ римской имперіи — значило пролить такое врачующее утѣшеніе на безнадежныя страданія милліоновъ, что, услышавъ однажды этотъ голосъ, люди пойдутъ за ними на муки, гоненія и смерть.

Воспитанные и преображенные Евангеліемъ, мы теперь привыкли къ его человѣчному духу и каждый день повторяемъ молитву Спасителя, часто и не останавливаясь на томъ, — какая величественная идея заключается въ ея простыхъ начальныхъ словахъ — „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Необъятный смыслъ ихъ, во всей своей глубинѣ, постигается полнѣе всего исторически. Посреди величайшаго неравенства, какое когда-либо видѣлъ міръ, и вопіющихъ несправедливостей общественныхъ, представляемыхъ римскимъ государствомъ, въ нихъ высказывался новый идеалъ человѣчества, радикально противоположный античнымъ понятіямъ и чувствамъ. Всѣ люди — братья, дѣти одного отца небеснаго, любящаго ихъ безконечно.... Языческая древность, съ сорока вѣками своего развитія, не въ силахъ была подняться до высоты такого представленія, наше время, со всѣми успѣхами своего гордаго образованія, не могло создать ничего совершеннѣе, — нужно думать, что и самое далекое будущее не превзойдетъ его никогда.

И такъ, „ученіе любви“, мало по малу измѣнившее весь строй и смыслъ человѣческой жизни, — вотъ первая и главная образовательная заслуга христіанства въ исторіи, — и самый смѣлый раціонализмъ всегда долженъ будетъ преклониться и пасть передъ ней во прахъ.

За тѣмъ, — что поражаетъ исторически изучающаго Евангеліе, это — высокая „духовность“, разлитая во всемъ этомъ твореніи.

Проповѣдуя важность однихъ духовныхъ интересовъ — истины, справедливости и добра, призывая къ смиренію, самоотверженію и нравственной чистотѣ, ученіе христіанское и въ этомъ смыслѣ, явилось рѣзкимъ протестомъ противъ страшнаго разврата, матеріализма и чувственности, растлившихъ въ то время античный міръ.

Духовность эта высказывается въ проповѣди Спасителя въ трехъ главныхъ идеяхъ, такъ сказать господствующихъ надъ всѣми част-

ными случаями, по поводу которыхъ Божественный Учитель преподалъ свое слово спасенія и жизни: въ идеѣ о господствѣ духа надъ всякими формами,—въ ученіи о владычествѣ духовнаго начала надъ матеріальнымъ, и—въ первенствующемъ значеніи, присвоенномъ жизни индивидуальной предъ дѣятельностію общественною и политическою.

Остановимся на каждой изъ этихъ особенностей Евангелія, такъ-какъ ими преимущественно опредѣляется его противоположность всему духу языческой древности.

Чтобъ оцѣнить историческое значеніе первой идеи, необходимо вспомнить, что господствующимъ характеромъ древней цивилизаціи, и особенно—цивилизаціи классическихъ народовъ, была пластика, состоявшая, какъ извѣстно, въ ограниченности или правильнѣе—въ исчерпаемости, измѣримости духовнаго развитія, извѣстными твердыми формами, его обнимавшими. И хотя свойство это много способствовало необыкновенному изяществу и совершенству формъ античной жизни, но, съ другой стороны, оно-же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ медленнаго движенія древняго образованія и окончилось совершеннымъ его застоемъ, когда, такъ сказать, изжился этотъ опредѣленный фондъ духовнаго содержанія, оставивъ по себѣ однѣ блестящія, но пустыя формы. На исходѣ временъ до-христіанскихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности человѣческой въ особенности поразительно стало это общее оскудѣніе духа,—и жизнь, мало по малу, превратилась въ обрядъ, значеніе, душа котораго давно уже отлетѣла.

Чтобы возродить человѣка къ новой, неистощимой моральной жизни, надо было прежде всего внушить ему смѣлость, увѣренность въ собственномъ могуществѣ, въ неодолимыхъ силахъ его духа. И вотъ раздается голосъ Спасителя: „если вѣру имѣете и не сомнѣваетесь, скажите горѣ этой,—пусть сдвинется и ввержется въ море,—и будетъ“. Никогда духъ человѣка не достигалъ еще такой изумительной высоты, какъ въ этихъ словахъ, никогда законная вѣра въ его господство надъ міромъ не выражалась тверже и абсолютнѣе. Все на землѣ, сама природа должны отнынѣ покорствовать его царственной волѣ и мысли.

Далѣе, мы видимъ, какъ изъ той-же идеи истекаетъ постоянное стремленіе Евангелія освободить человѣка отъ всѣхъ формъ, символовъ и обрядовъ, нѣкогда стѣснявшихъ его развитіе, задерживавшихъ свободный полетъ его генія. Религія Спасителя есть

самая ясная, самая доступная изъ всѣхъ религій. Полная искренности, простоты и правды, она сводитъ все богопочитаніе и всю мораль на голосъ сердца и совѣсти человѣка. Отсюда - это безпощадное посрамленіе фарисейской мудрости и фарисейскаго благочестія, основанныхъ единственно на внѣшнихъ формальностяхъ закона, какое мы встрѣчаемъ въ ней на каждомъ шагу. Съ этого времени уже не обрядъ, не буква будутъ имѣть существенное значеніе, но духъ, мысль человѣка, въ какой бы формѣ она ни явилась,— „ибо Сынъ человѣческій сдѣлался господиномъ субботы". Съ этого времени открытъ будетъ путь къ безконечной усовершаемости человѣчества, которое, не стѣсняясь болѣе никакими постоянными формами жизни, будетъ господствовать надъ ними, творить и разрушать ихъ, по требованію законовъ и правъ своего развитія.

Ученіе евангельское о преобладаніи духа надъ чувственностію, вызываетъ также на всеобъемлющія историческія соображенія. Надо прослѣдить хоть бѣгло характеръ языческой древности во всѣхъ сферахъ жизни—индивидуальной, общественной, политической,— чтобы понять какія перемѣны произведены въ нихъ проповѣдью Спасителя.

Что касается внутренней или душевной жизни древняго человѣка, то она уже потому носила въ себѣ сѣмена неизбѣжнаго матеріализма, что чувственность коренилась въ самомъ средоточіи и источникѣ этой жизни—въ религіозныхъ представленіяхъ. Вспомнимъ, что, если не брать въ разсчетъ философскихъ и теософическихъ системъ древности, постоянно бывшихъ удѣломъ немногихъ высоко-развитыхъ избранниковъ,—обыкновенныя народныя религіи древняго міра были религіями „натуральными". На низшихъ ступеняхъ своего развитія, онѣ ограничивались простымъ поклоненіемъ предметамъ вещественной природы—такъ-называемымъ фетишамъ, а на высшихъ—обоготвореніемъ силъ ея въ различныхъ образахъ и символахъ. Но и тамъ и здѣсь вездѣ мы видимъ природу, которая, своею властію, своимъ могуществомъ, тяготѣетъ надъ свободнымъ сознаніемъ человѣка. Самымъ происхожденіемъ большая часть вѣрованій древнихъ обязана мѣстнымъ условіямъ тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Такъ, египтянинъ обоготворилъ въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ мѣстныя особенности своего края. Плодородную почву нильской долины обожествилъ онъ подъ именемъ благодѣтельной Изиды; Нилъ, приносящій ей плодородіе и солнце, съ періодическимъ теченіемъ котораго связаны его разлитія,—въ

образѣ верховнаго Озириса, источника всякаго добра; а грозную сосѣднюю пустыню, наносившую смерть и разрушеніе, — въ лицѣ враждебнаго духа—Тифона. И каково бы ни было дальнѣйшее отвлеченное развитіе, приданное впослѣдствіи этимъ культамъ жрецами, но нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они имѣли лишь этотъ простой матеріальный смыслъ, а въ массахъ народа остались такими и до позднѣйшаго времени. Такъ точно поклоненіе двумъ верховнымъ божествамъ древне - иранскихъ народовъ Агура-Маздѣ и Ангро-Майніи, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, Ормузду и Ариману, развилось, какъ справедливо думаютъ, подъ значительнымъ вліяніемъ противоположности между гористымъ, свѣтлымъ, земледѣльческимъ Ираномъ и сосѣднимъ дикимъ, степнымъ Тураномъ, населеннымъ хищными кочевыми ордами. Самая вражда двухъ странъ этихъ отразилась, быть можетъ, и въ религіозныхъ представленіяхъ народовъ, ихъ населявшихъ,—въ идеѣ вѣчной борьбы между началомъ добра и началомъ зла, царствомъ свѣта и царствомъ тьмы. Первоначальныя религіозныя понятія греко-италійскихъ народовъ имѣютъ тоже подобный же чувственный характеръ. Деметра, Гермесъ, Персефоне, Гадесъ, — весь кругъ древнѣйшихъ пелазгическихъ культовъ Эллады, по мнѣнію К. О. Мюллера и Преллера, представлялъ именно рядъ хтоническихъ божествъ, или поклоненіе силамъ вещественной природы. Даже впослѣдствіи, когда, со временъ Гомера, религія грековъ стала принимать болѣе опредѣленный антропоморфическій характеръ, главнымъ предметомъ обожествленія послужили все-таки свойства, силы и доблести самаго человѣка, т. е. опять природа физическая и нравственная доставила содержаніе для религіи.

Оттого всѣ божества языческаго міра имѣютъ слишкомъ частный интересъ. Они неразрывно связаны со своимъ мѣстомъ и племенемъ, или даже — съ отдѣльными сословіями и фамиліями, внѣ которыхъ не имѣютъ никакого смысла. Оставлялъ ли народъ свою родную сторону, сами ли религіозныя представленія переходили въ другую мѣстность,—тотчасъ же они теряли всякое живое значеніе. Разительный примѣръ представляетъ Римъ во времена имперіи, куда въ это время стеклись всѣ религіи тогдашняго міра, — такъ что, по остроумному выраженію Петронія, въ городѣ оказалось болѣе боговъ, чѣмъ людей. Но безчисленные культы эти, перешедшіе сюда изъ всѣхъ областей и ото всѣхъ предѣловъ государства, на новой, чуждой имъ мѣстности, естественно должны были утратить всю свою

прежнюю силу. Поклоненіе Изидѣ, на берегахъ Нила, имѣло, конечно, своего рода смыслъ, но перенесенное въ Италію, гдѣ не было ни почвы нильской долины, ни періодическихъ разлитій рѣки,—оно оказалось безсодержательнымъ и превратилось въ одинъ пустой и голый обрядъ.

Отсюда—общая недолговѣчность древнихъ религій и изумительно быстрое ихъ паденіе—предъ возрастающими успѣхами христіанства, какъ религіи всеобщей, всечеловѣческой и чисто духовной, непривязанной ни къ націямъ, ни къ мѣстностямъ, ни ко времени. Великое движеніе народовъ IV и V столѣтія, эпоха обширныхъ племенныхъ переселеній, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и эпохою окончательнаго торжества Евангелія надъ язычествомъ. Покидая свои родныя поля и горы, народы покидали и связанныя съ ними религіозныя понятія и приносили въ чужія, незнакомыя имъ мѣста свои свободныя сердца, въ которыхъ слово Божіе легко находило воспріимчивую почву. Западному духовенству не стоило большаго труда обратить въ христіанство готовъ, франковъ, бургундовъ и другихъ германцевъ, покинувшихъ свою древнюю сѣверную отчизну, но Карлу Великому пришлось просвѣщать саксовъ тридцатилѣтнею истребительною войною, именно потому, быть можетъ, что сѣверогерманскіе саксы, оставаясь такъ долго въ пріэльбскихъ земляхъ, гдѣ каждый холмъ, каждый источникъ имѣлъ для нихъ какое-нибудь священное значеніе,—вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держались и своихъ старыхъ религіозныхъ представленій.

Евангеліе, повторяемъ, не носитъ на себѣ ни мѣстнаго, ни племеннаго характера. Не изъ чувственныхъ и матеріальныхъ впечатлѣній беретъ оно свое начало, но изъ духовнаго озаренія свыше. Провозгласивъ, что „Богъ есть духъ, и что покланяться ему должно духомъ и истиной“, оно произвело уже этимъ однимъ громадный переворотъ въ религіозномъ сознаніи человѣчества. Такая простая и естественная для насъ идея въ тѣ далекія времена, для несчетныхъ милліоновъ, была цѣлымъ великимъ открытіемъ. Она невозвратно лишала природу ея древняго всемогущества, ея божественности, и низводила на степень служебной и покорной матери. А тѣмъ самымъ и духу человѣческому, такъ долго подавленному ея властію, открывался свободный путь ко всестороннему развитію и успѣху.

Подобная-же перемѣна совершена Евангеліемъ и въ общественной жизни древняго міра.

Извѣстно, что источникомъ и главнымъ жизненнымъ принципомъ государственнаго быта древнихъ-было начало фамильное, родовое, кровное, или говоря другими словами, начало матеріальное, чувственное. Та-же физическая природа, которая властвовала надъ душевною жизнію древняго человѣка, условливала также и характеръ его соціальныхъ отношеній.

Стоитъ напомнить себѣ, хоть въ главныхъ чертахъ, общественную организацію различныхъ государствъ до-христіанскаго міра, чтобы фактически убѣдиться въ этомъ.

Начиная съ самаго отдаленнаго и самаго древняго востока, т. е. съ Китая, мы видимъ, какъ фамильное начало, во всей своей простотѣ первобытной, проникло всю общественную жизнь этой страны. Богдоханъ, по теоріи шу-кинга, есть общій отецъ своихъ подданныхъ и имѣетъ надъ ними безграничную отцовскую власть. Мандарины — его старшія дѣти, подвѣдомыя имъ лица — младшія, и такъ далѣе по нисходящимъ классамъ; эта соціальная іерархія обхватываетъ собою все государство, — такъ что двѣсти пятьдесятъ милліоновъ населенія составляютъ, по-крайней мѣрѣ въ идеѣ, какъ-бы одно семейство, силою естественнаго наращенія развившееся до колоссальныхъ размѣровъ.

Въ государствахъ теократическихъ, гдѣ общественное устройство основано было на различіи кастъ, какъ въ Индіи и Египтѣ, родовое начало сохранило подобную же силу, ибо и самое раздѣленіе на касты основано было, главнымъ образомъ, на ихъ племенномъ различіи. По крайней мѣрѣ это положительно можно сказать объ Индіи, гдѣ три высшія касты — брамановъ, кшатріевъ и вайсіевъ, ни цвѣтомъ кожи, ни языкомъ, ни даже умственными способностями, не похожи на четвертую касту туземцевъ — судрасовъ, покоренныхъ арійскими завоевателями, пришедшими съ сѣвера.

Общественное устройство еврейской націи, раздѣленной на двѣнадцать колѣнъ, управлявшихся въ древнѣйшее время родоначальниками или старѣйшинами, было тоже чисто патріархальное. Такимъ осталось оно отчасти даже и при царяхъ.

Въ деспотіяхъ древняго востока,—Вавилоніи, Ассиріи, Мидіи, Персіи, — вліяніе кровнаго начала уже менѣе ощутительно, ибо тутъ всѣ, не взирая на происхожденіе, были рабами одного. То было первое равенство между людьми, печальное равенство общаго рабства. Впрочемъ и здѣсь преимущества крови и расы встрѣчаются еще на каждомъ шагу. Раздѣленіе персидской націи на де-

сять колѣнъ, первенство пассаргадовъ предъ другими соплеменниками, господствующее положеніе персовъ посреди покоренныхъ народовъ и множество подобныхъ явленій—слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Даже торговыя республики семитической расы въ Финикіи и Карѳагенѣ были въ сущности, ни чѣмъ инымъ, какъ тягостнымъ господствомъ исключительной, кастической племенной аристократіи надъ безправнымъ земскимъ населеніемъ и зависимыми инородными племенами.

Еще болѣе ослабѣла сила родовыхъ отношеній въ государствахъ классической древности. Вся исторія Греціи и Рима представляетъ борьбу восточнаго родоваго начала съ началомъ собственно государственнымъ, основаніемъ котораго служитъ не происхожденіе и старѣйшинство, а нравственное достоинство человѣка. Первоначальная общественная организація обѣихъ странъ почти одинакова и, по своему характеру, примыкаетъ еще къ патріархальнымъ формамъ востока. Цари героическихъ временъ Эллады и цари римскіе, по характеру своей власти, еще подходятъ къ восточнымъ патріархамъ. Какъ въ греческомъ мірѣ Спарта, такъ въ римскомъ—этрусское племя и потомъ—патриціанское сословіе, организованныя по кровному началу, представляютъ собою родовые интересы. Какъ въ Спартѣ строгое раздѣленіе на спартіатовъ, лакедемонянъ и илотовъ напоминаетъ касты варварскаго востока, такъ этрусскіе лукумоны и главы патриціанскихъ родовъ, съ ихъ патріархальною властію, имѣютъ тоже какой-то восточный оттѣнокъ. Тамъ государственное начало, основанное на нравственныхъ правахъ личности, нашло довольно сильное выраженіе въ аѳинской демократіи, здѣсь—въ общинѣ плебейской. И тамъ и здѣсь между принципомъ родовымъ и государственнымъ завязывается ожесточенная борьба; но только исходъ ея не одинаковъ. Въ греческомъ мірѣ, борьба эта, подготовленная вѣками и наконецъ разрѣшившаяся двадцатилѣтнею братоубійственною войною, заключается побѣдою родоваго начала, олицетвореннаго въ дорической Спартѣ. Въ Римѣ, напротивъ, вѣковой споръ плебеевъ съ патриціями, имѣющій отчасти подобное же значеніе, оканчивается учрежденіемъ имперіи, какъ демократической диктатуры, т. е. торжествомъ государственной идеи, на этотъ разъ пересилившей узкія родовыя отношенія.

Такимъ образомъ въ цѣломъ строѣ и общественной жизни древнихъ преобладающимъ принципомъ является та-же чувственность,—

въ формѣ кровныхъ или родовыхъ отношеній, — и хотя естественныя связи эти, въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Греціи и Римѣ, и были постепенно вытѣсняемы новымъ государственнымъ или моральнымъ элементомъ, то съ большимъ, то съ меньшимъ успѣхомъ, но окончательно споръ этотъ не могъ быть рѣшенъ языческою древностью, гдѣ матеріализмъ коренился даже въ религіозныхъ понятіяхъ, — такъ сказать — въ источникѣ всякаго историческаго развитія и, слѣдовательно, по неизбѣжному закону, долженъ былъ отразиться также и на соціальныхъ порядкахъ. Мы видѣли, что, не говоря уже объ азіатскомъ востокѣ, даже стремленія классическихъ народовъ, — перейдти отъ быта родового къ быту гражданскому, имѣютъ характеръ только болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ. Достигнуть же полной побѣды въ этомъ смыслѣ было не въ силахъ древняго государства, основаніемъ котораго служило рабство, самое вопіющее изъ родовыхъ учрежденій. Что такое, въ сущности, была знаменитая перикловская демократія въ Афинахъ, этотъ цвѣтъ античнаго государственнаго устройства, — какъ не жестокой эксплуатаціей почти полумилліоннаго населенія рабовъ и иностранцевъ какими-нибудь двадцатью тысячами привилегированныхъ гражданъ. Но не только въ жизни, въ самыхъ идеалахъ общественныхъ, въ мечтахъ и утопіяхъ своихъ величайшихъ мыслителей, древность не могла возвыситься надъ узкимъ горизонтомъ своихъ родовыхъ понятій. Стоитъ вспомнить „республику“ Платона, гдѣ „божественный“ мудрецъ античнаго міра не находитъ ничего совершеннѣе для своего идеальнаго государства, какъ формы аристократическо-родовой Спарты, примиренныя съ уваженіемъ въ наукѣ.

Христіанству только, ученію евангельскому, обязано человѣчество окончательнымъ и невозвратнымъ осужденіемъ узкихъ кровныхъ понятій и предразсудковъ.

Дѣйствительно, Спаситель и словомъ, и дѣломъ, и ученіемъ, и жизнію своею постоянно развивалъ мысль, что величайшую цѣну для человѣка должны имѣть интересы и связи духовные, въ жертву которымъ мы обязаны приносить всѣ драгоцѣннѣйшія влеченія, внушаемыя намъ плотію. „Тотъ не достоинъ меня, говоритъ Онъ, кто любитъ болѣе меня или отца своего, или мать, или дщерь, или сына. Тотъ не пойдетъ мнѣ во слѣдъ и не будетъ ученикомъ моимъ, кто ради меня не возненавидитъ отца своего и мать, жену и дѣтей, кто не назоветъ своими врагами домашнихъ, кровныхъ и близкихъ сердцу людей“. Не ясно-ли здѣсь высказана мысль, что, для цѣлей духовныхъ, для истины и добра, для высшихъ

разумныхъ стремленій, человѣкъ долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ кровныхъ привязанностей и влеченій, долженъ пожертвовать и собственною жизнію, подобно тому, какъ жертвовалъ сю Спаситель для блага и счастія человѣчества. „И кто ради меня, говоритъ Онъ, погубитъ душу свою, тотъ спасетъ ее“. Но особенно поразительна въ этомъ отношеніи слѣдующая сцена, описанная у евангелиста Марка. Спаситель въ домѣ поучаетъ народъ, и толпы слушателей тѣснятся вокругъ него. Въ это время одинъ изъ ближе сидѣвшихъ къ нему говоритъ: „Господи, вотъ мать твоя, братья и сестры тебя ищутъ“. Тогда Христосъ, указывая на слушавшихъ слово его, отвѣчаетъ: „вотъ мать моя и братья мои; тѣ, кто творитъ волю Отца моего небеснаго, тотъ братъ мнѣ и сестра и мать“.

Въ словахъ этихъ лежитъ вся будущность новаго человѣчества и сѣмя радикальнаго переворота, который преобразуетъ, въ теченіи вѣковъ, весь складъ его общественныхъ отношеній.

Съ этого времени кровный инстинктъ, свойственный даже и животнымъ, уже не будетъ исключительно руководить людскими связями, но выше и прежде всего оцѣнится нравственное достоинство личности, какъ начало и основаніе новаго общественнаго порядка. Съ этого времени, на призывъ долга, на голосъ истины и добра, „раздѣлится и возстанетъ сынъ на родного отца, и дщерь на мать свою, и невѣстка на свекровь свою“. Съ этого времени миръ исчезнетъ даже и подъ домашней кровлею и у домашняго очага водворится раздоръ и раздѣленіе. Но среди этого раздора, вѣчной борьбы и смятенія, снидетъ на землю Божіе царство,—царство правды, любви, свободы и высшей духовной гармоніи.

Моральныя стяжанія и побѣды не достаются человѣку легкою и дешевою цѣною. Такъ и здѣсь потребуются отъ него жертвы тяжелыя и даже противоестественныя, но тѣмъ болѣе неизбѣжныя, что только подъ условіемъ этихъ жертвъ возможно и совершенствованіе личное и успѣхъ на всякомъ поприщѣ жизни. Родовыя связи, по самой природѣ своей, представляютъ слишкомъ тѣсный, ограниченный кругъ для разумной дѣятельности человѣка и для его нравственной свободы. Патріархальный востокъ окоченѣлъ въ своей умственной неподвижности, тогда какъ въ классическомъ мірѣ, гдѣ впервые успѣшно развились начала государственной жизни, мы встрѣчаемъ и первые въ исторіи движеніе и прогрессъ. Но только христіанской Европѣ досталось на долю такое широкое развитіе гражданственности, о какомъ древность не имѣла и слабаго понятія.

Послѣ этого естественно, что чувственные или кровные инстинкты не могли уже беззавѣтно властвовать и въ международныхъ сношеніяхъ, уступивъ постепенному вліянію духовныхъ принциповъ Евангелія.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ сильно эта сторона древней жизни условливалась такими кровными побужденіями. Даже въ глазахъ высокообразованныхъ грековъ, иноплеменникъ считался естественнымъ врагомъ, не заслуживающимъ ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти. Ихъ отличнѣйшіе философы, напримѣръ Аристотель, не сомнѣвались, что варвары, т. е. иностранцы, по самому рожденію, предназначены въ рабство. Съ подобнымъ-же убѣжденіемъ налагалъ и римлянинъ на покоренные народы самое тяжкое иго, часто и не подозрѣвая въ этомъ чего нибудь противнаго справедливости или долгу.

Христіанствомъ, напротивъ, впервые проповѣдана была взаимная братская любовь между народами. Въ каждомъ человѣкѣ христіанинъ долженъ уважать его нравственное достоинство, какого бы племени и происхожденія онъ ни былъ, и еврей, дотолѣ чуждавшійся, ненавидѣвшій чужестранца, сдѣлался братомъ самарянина. „Отнынѣ не будетъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни господина, ни мужчины, ни женщины,—ибо всѣ во Христѣ равны". Такъ писалъ славный апостолъ язычниковъ, открывая въ этихъ словахъ новый періодъ исторіи человѣчества.

Вмѣстѣ съ ослабленіемъ исконной племенной непріязни, стала исчезать также та особность и взаимное отчужденіе, въ силу которыхъ каждый изъ древнихъ народовъ жилъ своею отдѣльною жизнію, вращаясь въ тѣсной сферѣ своихъ мѣстныхъ, внутреннихъ отношеній и знакомясь съ иноплеменниками чаще всего посредствомъ войны. Правда, что уже стоическая философія не чужда была космополитическихъ стремленій, а Римъ, въ колоссальномъ конгломератѣ своихъ завоеваній, отчасти осуществилъ ихъ силою своего меча и законодательства. Но только Евангеліе, внушая повсюду дѣятельную любовь и духовное братство между народами, окончательно и прочно установило идею всемірной цивилизаціи съ ея неистощимою будущностью, и сдѣлало возможнымъ тотъ дружный трудъ на общую пользу, которымъ связаны теперь отдаленнѣйшія страны и самыя разнообразныя племена человѣчества.

Таковъ характеръ нравственнаго переворота, произведеннаго христіанскимъ ученіемъ во всѣхъ сферахъ жизни—международной политикѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ и, что всего важнѣе, въ самой душѣ человѣка.

*

Остается вникнуть еще въ послѣдній видъ этой духовной реакціи, — въ идею первенствующаго значенія жизни индивидуальной предъ дѣятельностію общественною и политическою, — идею, составляющую одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ Евангелія со всѣмъ строемъ античной жизни, гдѣ человѣкъ имѣлъ значеніе только и единственно, какъ гражданинъ своего государства.

Каждый, кто внимательно читалъ Евангеліе, не могъ не быть пораженъ какимъ-то равнодушіемъ, чтобы не сказать — пренебреженіемъ, какое въ немъ обнаруживается къ общественной дѣятельности. Оно какъ-то страдательно относится къ существовавшимъ въ то время политическимъ порядкамъ Римской имперіи: не высказываетъ къ нимъ сочувствія, но не произноситъ и осужденія. Все вниманіе Спасителя обращено почти исключительно на улучшеніе, усовершенствованіе личной природы человѣка, его внутренняго существа. Одна только, стало быть, жизнь внутренняя или душевная служитъ предметомъ его заботъ. Что же касается формъ и характера общественнаго устройства, къ которому мы должны стремиться, и вообще быта государственнаго и политическаго, то мы не находимъ въ евангельскомъ ученіи никакихъ положительныхъ на этотъ счетъ указаній.

На первый поверхностный взглядъ, черта эта могла бы показаться недостаткомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, неполнотою. Между тѣмъ какъ въ ней именно и состоитъ одно изъ величайшихъ совершенствъ и преимуществъ христіанскаго ученія предъ всѣми религіозными системами древности. Возьмемъ для сравненія книги или священныя книги китайцевъ, веды индусовъ, иранскую зендъ-авесту, или даже позднѣйшій коранъ. Въ религіозныхъ системахъ Кон-фу-тсе, Заратуштры (Зороастра), даже Мохаммеда, нерѣдко съ замѣчательною полнотою и послѣдовательностію, изложено ученіе о формахъ государственнаго устройства, о характерѣ верховной власти, о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ подданныхъ, объ обязанностяхъ чиновниковъ, — однимъ словомъ для государства какъ-бы данъ идеалъ, предначертанъ извѣстный планъ, который долженъ осуществиться въ исторической жизни народа. И дѣйствительно, съ теченіемъ времени, планъ этотъ, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ, былъ выполненъ, идеалъ воплощенъ. Но что же вышло? какъ-скоро была исполнена эта задача, вся историческая жизнь народа остановилась. Вѣка и тысячелѣтія проходили потомъ надъ Китаемъ и Индіей, множество переворотовъ, перемѣнъ, даже чуж-

дыхъ завоеваній испытали эти страны, а государственный организмъ все оставался въ нихъ неподвижнымъ, застывшій, закованный въ своихъ окаменѣлыхъ формахъ. И теперь еще стоятъ они за предѣлами историческаго міра, не принимая участія въ его движеніяхъ и представляя собою холодный остовъ той жизни, которая нѣкогда въ нихъ играла. То-же самое мы видимъ и на мохаммеданскомъ востокѣ.

Въ Евангеліи нѣтъ никакого подобнаго идеала. Спаситель не внушалъ народамъ—какъ должны они устроить общественную жизнь свою, или какую избрать форму правленія, а старался только облагородить и возвысить личную духовную натуру человѣка. Божественный сердцевѣдецъ, онъ зналъ, что единственный источникъ общественной, политической и всякой исторической жизни есть духъ человѣка и что чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе будетъ и все, имъ созданное. Назначить, слѣдовательно, для дѣятельности его какія-нибудь постоянныя формы, указать конечный предѣлъ его стремленіямъ—значило бы остановить его успѣхи, по природѣ своей, предназначенные къ безконечному развитію. Одинъ только завѣтъ, одинъ недоступный идеалъ указываетъ людямъ Спаситель: „будьте такъ совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Тогда только, стало быть, остановится неистощимое развитіе духовной жизни человѣка, когда онъ сдѣлается подобнымъ самому божеству.

Въ этой чертѣ религіи христіанской лежитъ, такимъ образомъ, залогъ безконечной будущности нашего образованія, которое въ самомъ духѣ христіанина, въ его неизсякаемой способности совершенствоваться всегда найдетъ источникъ своего дальнѣйшаго обновленія и развитія.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, весь характеръ Евангелія, въ смыслѣ исторической силы, дѣйствовавшей въ теченіи вѣковъ.

Нельзя, послѣ сказаннаго, не согласиться, что оно не только не враждебно прогрессу, какимъ нѣкогда могло казаться въ своекорыстныхъ толкованіяхъ средневѣковаго католическаго духовенства, но, напротивъ, заключаетъ въ себѣ всѣ задатки и условія прогресса. Стосковавшимся по правдѣ божіей народамъ стоило только вырвать изъ недостойныхъ рукъ святую книгу—и быстрые успѣхи ума человѣческаго, начавшіеся съ XVI столѣтія, тотчасъ доказали міру ея высокую образовательную роль.

Съ другой стороны, не трудно понять также, какое почетное мѣсто принадлежитъ христіанству въ ряду элементовъ, изъ которыхъ сложилась цивилизація новой Европы.

Мнѣнія ученыхъ, въ этомъ отношеніи, правда, довольно разнообразны. Нѣмецкіе историки, большею частію, отдаютъ преимущество германскому началу, свѣжею силою котораго человѣчество возрождено къ новой жизни. Гуманисты и вообще поклонники классической древности видятъ главное основаніе нашей исторической жизни въ наслѣдіяхъ античнаго міра. Французы, по своему обыкновенію, стараются мирить противоположные взгляды, и самая удачная попытка въ этомъ смыслѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, Гизо.

Признавая за каждымъ воззрѣніемъ его справедливую долю, мы считаемъ себя въ-правѣ замѣтить, что какъ бы ни было важно вліяніе другихъ началъ—Евангелію, по-крайней-мѣрѣ, на столько принадлежитъ первенство въ историческомъ составѣ и развитіи нашего образованія, на сколько вообще религія первенствуетъ предъ всѣми прочими интересами и явленіями человѣческой жизни. Ибо религія, понимаемая въ обширномъ значеніи, есть та сумма высочайшихъ нравственныхъ убѣжденій, которыми руководится человѣкъ во всей своей жизни. Въ ней заключены его коренныя понятія о добрѣ, правдѣ, справедливости и законѣ,—о всѣхъ тѣхъ вѣчныхъ духовныхъ благахъ, безъ которыхъ немыслимы ни развитіе, ни самая жизнь. Вся внѣшняя дѣятельность—общество, политика, искусство и наука,—вездѣ и во всѣ времена были и будутъ только отраженіемъ свойства и духа этихъ верховныхъ принциповъ. Не даромъ въ самомъ словѣ „религія“ заключено знаменательное указаніе на высокое значеніе выражаемой имъ силы. Religo, religare значитъ—соединять, связывать. Религія, поэтому, есть та духовная связь, которая устанавливаетъ отношенія человѣка ко всему окружающему—къ природѣ, къ людямъ и къ самому божеству, образуя, такимъ образомъ, средоточіе и источникъ его жизни.

II.

ГЕРМАНИКЪ.

СЦЕНЫ—ПО ТАЦИТУ.

ГЕРМАНИКЪ.

Сцены—по Тациту.

I.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ „лѣтописей“ Тацитъ жалуется на мрачное однообразіе эпохи, которую ему досталось описывать. „Таковали, говоритъ онъ, участь историковъ прежняго времени! Тамъ—знаменитыя войны, осады городовъ, полоненные, или же изгнанные правители, споры консуловъ съ трибунами, полевые и хлѣбные законы, борьба черни съ оптиматами—открывали таланту историка достойное поприще. Мнѣ, напротивъ, выпалъ на долю неблагодарный трудъ изобразить постоянное, или же изрѣдка возмущаемое спокойствіе государства, бѣдствія его гражданъ,... скучный перечень безчеловѣчныхъ декретовъ, вѣроломныхъ друзей, безпрестанныхъ доносовъ, несправедливыхъ приговоровъ“....

Какъ художникъ и моралистъ, Тацитъ, можетъ быть, и имѣлъ основаніе сѣтовать на однообразіе и мрачный колоритъ того вѣка, но онъ не правъ, какъ историкъ. Въ этомъ глухомъ, едва замѣтномъ броженіи общественныхъ элементовъ, несжившихся съ чуждымъ для нихъ началомъ не законной еще, но все-же фактической монархіи,—не только весь драматическій интересъ, но и главный историческій смыслъ эпохи.

Время, описанное въ тацитовыхъ „анналахъ“, т. е. эпоха четырехъ римскихъ цезарей, непосредственно слѣдовавшихъ за Августомъ и принадлежавшихъ къ его фамиліи, по особенной формѣ государственнаго устройства, не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи.

По официальной теоріи, которую поддерживали сами-же императоры, Римъ считался, по-прежнему, республикой, а сенатъ — представителемъ верховной власти народа, который юридически отъ нея не отказывался. По-прежнему существовали консулы и трибуны, нерѣдко даже народныя собранія, и весь механизмъ древней общественной жизни оставался, повидимому, нетронутымъ. Надъ всѣми этими республиканскими учрежденіями стояло, правда, лицо императора, направлявшее ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли; но присутствіе и власть этого лица, по той-же теоріи, нисколько не противорѣчило идеѣ республики. На императорскую власть смотрѣли, какъ на родъ безсмѣнной диктатуры, цѣлію которой было возстановленіе древнихъ формъ государственнаго устройства, потрясенныхъ продолжительными гражданскими войнами. Для легчайшаго выполненія задачи, цезари сосредоточиваютъ въ своей особѣ главнѣйшія республиканскія должности, чтобы тѣмъ удобнѣе управлять государственнымъ механизмомъ по одной общей идеѣ. Сколько разъ Августъ, какъ-бы считая цѣль достигнутою, пытался сложить съ себя власть, какъ слишкомъ тяжелое и ненужное бремя? Сколько разъ заговаривалъ о томъ-же Тиберій?

Такова была теорія эпохи,—и сами императоры августова дома утверждали ее въ общественномъ мнѣніи. Не всѣ ли они, облекаясь властію, старались увѣрить сенатъ и публику въ своихъ республиканскихъ чувствахъ? Только, для огражденія общества отъ своеволія партій, рѣшились принимать они верховную власть, поручая себя руководству сенаторовъ и давая имъ отчетъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ.

И между тѣмъ все это былъ только обманъ, одна комедія, искусно разыгранная для того, чтобъ незамѣтно и постепенно пріучить къ монархическому порядку общество, ненавидѣвшее нѣкогда самое имя монарха. Августъ первый подалъ примѣръ такого политическаго лицемѣрія. Щадя и уважая республиканскія формы и имена, онъ, въ то-же время, осторожно прибиралъ къ рукамъ одну за другою всѣ вѣтви администраціи и всѣ дѣйствительныя силы государства — сенатъ, комиціи, провинціи, деньги, войско, самую религію и, притворно отказываясь отъ власти, зналъ напередъ, что его станутъ умолять—удержать ее еще за собою. Не станемъ винить его въ этомъ. Онъ видѣлъ себя посреди тѣхъ-же сенаторовъ, которые еще такъ недавно были свидѣтелями и участниками убійства, совершеннаго Брутомъ, посреди того-же народа, который съ

негодованіемъ встрѣтилъ царскій вѣнецъ, появившійся на головѣ великаго диктатора, посреди легіоновъ, съ одинаковымъ усердіемъ сражавшихся нѣкогда за Кассія, за Антонія, за Цезаря и противъ Цезаря. И хотя міръ утомленъ былъ столѣтними смутами и, повидимому, ничего уже не желалъ кромѣ покоя, но надо было дѣйствовать осторожно и осмотрительно,—катастрофа Юлія была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. И хотя народъ, казалось, охотно, даже съ радостію, предоставилъ императору власть, которою самъ не умѣлъ и не хотѣлъ распорядиться, но онъ помнилъ еще свое древнее величіе и свою древнюю свободу,—и требовалось много умѣнья, чтобъ усыпить его ревнивую бдительность.

Такъ, подлѣ отходящей республики, съ ея пышными именами, славными воспоминаніями и священными учрежденіями, скромно и незамѣтно выростала монархія. Цезари, сначала дальновидно отказавшіеся отъ почестей и наружныхъ отличій своего сана, мало-помалу сосредоточивали въ себѣ ту верховную власть, которую царственный народъ раздѣлялъ нѣкогда между множествомъ лицъ и учрежденій. Императоръ сдѣлался представителемъ и олицетвореніемъ всей республики римской. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него перешло и то высокое, почти религіозное значеніе, какимъ пользовалась у классическихъ народовъ идея государства. Вотъ путь, по которому Калигулы, Нероны и Домиціаны могли дойдти до страшнаго восточнаго деспотизма и наконецъ потребовать себѣ божескихъ почестей.

Прямымъ слѣдствіемъ такого неестественнаго порядка вещей, такого разлада между теоріей и дѣйствительностію, было утонченное притворство, распространившееся отъ правительства до послѣднихъ классовъ народа и проникшее во всѣ общественныя и житейскія отношенія. Тиберій представляетъ полнѣйшій типъ этого недуга эпохи, подготовленнаго неотвратимымъ сложеніемъ обстоятельствъ. Уже Августъ, умирая, просилъ друзей своихъ—похлопать ему, какъ актеру, хорошо сыгравшему свою роль. Но, представляя всю жизнь республику и республиканца, онъ не имѣлъ еще нужды слишкомъ далеко простирать свое лицемѣріе. Пріобрѣтенная имъ власть ограждалась его многочисленными заслугами и общимъ сочувствіемъ согражданъ, любившихъ его за щедрость, тонкій государственный умъ, доступное и ласковое обращеніе, за кротость и справедливость въ администраціи, за его благоговѣйное уваженіе ко всему національному. Однимъ словомъ, это былъ въ высшей степени популярный правитель, монархъ-гражданинъ, если можно такъ выразиться. Та-

кому государю, казалось бы, нечего было бояться за власть, которой онъ не казался похитителемъ. И все-таки неискренность, лицемѣріе и обманъ были главными орудіями его правленія.

Но вотъ умираетъ Августъ и ему наслѣдуетъ Тиберій. Легко представить, во-сколько разъ труднѣе было положеніе новаго цезаря. Его отношенія къ римскому обществу оказались еще двусмысленнѣе, еще неопредѣленнѣе. Ему досталась верховная власть отъ отчима, который самъ не имѣлъ на нее законнаго права. Власть эту не обезпечивали за нимъ ни особенныя заслуги, ни преданность согражданъ. Личный характеръ новаго правителя, мрачнаго, сухаго и гордаго, какъ весь патриціанскій родъ Клавдіевъ, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію, не могъ внушить къ нему довѣрія, еще менѣе — любви. Оставалось одно средство — притворство — и Тиберій довелъ его до типическаго развитія. Не смотря на то, общество, которое, въ теченіи сорока лѣтъ, старались увѣрить, что императорская власть есть спасительница республики, въ первый разъ ясно почувствовало въ ней узурпацію. Напрасно Тиберій объявляетъ, что онъ государь — только для рабовъ и императоръ — только для войска, для всѣхъ же прочихъ — не болѣе, какъ первый гражданинъ въ государствѣ; напрасно, вступая во власть, смиренно проситъ въ сенатѣ — предоставить ему только ту часть управленія, какую сенаторамъ угодно будетъ ему назначить. Никто уже этому не вѣритъ, хотя, изъ страха, всѣ и показываютъ видъ, что принимаютъ эту политическую комедію за чистую монету. Напрасно вездѣ уступаетъ онъ консуламъ первое мѣсто, порицаетъ тѣхъ изъ сенаторовъ, которые воздерживаются отъ свободнаго разсужденія, и объявляетъ, что въ свободномъ государствѣ и слово должно быть свободно. Никто и не думаетъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Напротивъ, при первой вѣсти о смерти Августа, все, что есть въ Римѣ значительнаго — консулы, сенаторы, всадники, подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, наперерывъ устремляется въ рабство, ибо всѣ знаютъ, что въ рукахъ республиканца Тиберія — деньги, преторіанцы, легіоны, сановники, всѣ дѣйствительныя силы государства.

Тогда начинается глухой, безмолвный, страдательный протестъ общества противъ новаго порядка, грозившаго утвердиться въ немъ законно и навсегда. Все двадцатитрехлѣтнее правленіе Тиберія проходитъ въ этой скрытой, косвенной борьбѣ республиканскихъ воспоминаній съ монархіей, сильной матеріальными средствами, но

еще не имѣвшей опоры въ общественномъ мнѣніи, въ-особенности, — высшихъ образованныхъ классовъ. Борьба эта обнаруживается уже не въ видѣ политическихъ партій, гражданской войны, возмущеній и заговоровъ, какъ бывало въ послѣднія времена республики. Теперь представителями древняго республиканскаго духа являются отдѣльныя личности, къ которымъ стремится безмолвное, тайное сочувствіе общества. Судьба этихъ личностей, ихъ отношенія къ правительству, ихъ преслѣдованіе и гибель составляютъ всю исторію эпохи, налагая на нее тотъ утомительно-грустный отпечатокъ, который вполнѣ отразился въ художественномъ разсказѣ Тацита.

По роковому стеченію обстоятельствъ, героемъ этой борьбы, въ началѣ тиберіева правленія, является Германикъ и его семейство. Вкругъ нихъ группируются всѣ остатки республиканской партіи, всѣ недовольные настоящими порядками и личностію Тиберія. Имя Германика служитъ для нихъ общимъ лозунгомъ. Понятно, поэтому, почему ревнивая бдительность цезаря направлена преимущественно на это популярное имя.

Исторія Германиковъ, составляя, такимъ образомъ, ключъ къ уразумѣнію цѣлой эпохи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отношенія къ Тиберію, тайные подкопы, которыми императоръ подрывалъ благосостояніе знаменитой фамиліи, испытавшей такую трагическую судьбу, рисуютъ предъ нами какъ положеніе и характеръ верховной власти въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и тѣ средства, какими боролась она со вспышками республиканскаго духа, отъ времени до времени пробуждавшаго еще онѣмѣвшую общественную жизнь.

II.

Ливія Друзилла, послѣдняя и любимѣйшая супруга Августа, носившая, по смерти мужа, почетный титулъ Августы, ввела въ домъ императора двухъ сыновей отъ перваго брака своего съ Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ. Старшій изъ нихъ, Тиберій, усыновленный Августомъ, былъ впослѣдствіи его преемникомъ, второго же, Друза Клавдія, Ливія родила уже три мѣсяца спустя послѣ брака своего съ императоромъ. Этотъ-то Друзъ Клавдій и былъ родоначальникомъ знаменитаго дома Германиковъ.

Хотя и нельзя вѣрить буквально тѣмъ похваламъ, которыя Веллей Патеркулъ, съ обычною своею эмфазою, расточаетъ брату бо-

готворимаго имъ Тиберія, но не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ человѣкъ съ большими достоинствами. Свидѣтельства Светонія и Діона приписываютъ ему много важныхъ государственныхъ заслугъ, много личныхъ доблестей, военныхъ и гражданскихъ. Извѣстны его славные походы въ Реціи и Германіи, гдѣ онъ побѣдоносно дошелъ до самой Эльбы, первый изъ римскихъ генераловъ плавалъ по Нѣмецкому морю и оставилъ по себѣ долговѣчную память громадными гидротехническими сооруженіями,—извѣстными у римлянъ подъ именемъ Друзова канала, которымъ облегчалось сообщеніе Рейна съ нынѣшнимъ Зюдерзее и который много способствовалъ успѣху дальнѣйшихъ римскихъ экспедицій въ этой странѣ. За эти-то подвиги сенатъ, въ числѣ другихъ почестей, предоставилъ ему и его потомству почетное прозвище Германика.

Но не столько военная слава, сколько любовь къ общественной свободѣ привлекала къ нему сочувствіе согражданъ. Даже Веллей, горячій приверженецъ монархіи и панегиристъ цезарей, не можетъ умолчать о томъ, что онъ обладалъ неподражаемымъ искусствомъ кроткаго и привѣтливаго обращенія, съ близкими же обходился, какъ съ равными; а Светоній прямо говоритъ, что онъ никогда не скрывалъ своего намѣренія—возстановить древнюю республику, какъ-скоро къ тому представится возможность. Мы не имѣемъ довольно данныхъ, чтобы опредѣлить, въ какой степени искренне было это намѣреніе; но достовѣрно то, что римляне до-того простирали въ немъ увѣренность, что и самую смерть Германика приписывали тайной недовѣрчивости Августа, будто-бы отдѣлавшагося ядомъ отъ опасной популярности пасынка. Светоній положительно отвергаетъ этотъ слухъ, какъ невѣроятный, но онъ нашелъ отголосокъ даже въ лѣтописяхъ строго-разборчиваго Тацита, кажется, смотрѣвшаго на Друза, какъ на мученика публичной свободы. Какъ бы то ни было, но въ этомъ заключается тайна необыкновеннаго уваженія и любви, съ какими народъ чтилъ память Германика и боготворилъ его потомство, чѣмъ и проложилъ послѣднему путь къ той видной исторической роли, какую играло оно въ теченіи трехъ поколѣній.

Старшій сынъ Друза Клавдія, Германикъ, наслѣдовалъ доблести, характеръ и извѣстность своего отца. На немъ сосредоточились надежды семейства, котораго онъ сдѣлался представителемъ, и успокоилось народное чувство, больно пораженное раннею потерею Друза, погибшаго въ полномъ развитіи жизненныхъ силъ.

Его-то кратковременное, но блестящее поприще намѣрены мы изобразить въ настоящемъ очеркѣ. Его военная слава, всегда столь обаятельно дѣйствующая на умы, его благородный характеръ, его знаменитое, украшенное народнымъ сочувствіемъ имя, блистательная, хотя и трагическая судьба его потомства, управлявшаго въ теченіи цѣлаго полувѣка судьбами образованнаго міра, — все это даетъ этой личности высокій историческій интересъ.

О дѣтствѣ и ранней юности Германика, обо всемъ времени до появленія его на поприщѣ публичной дѣятельности, когда, впервые заговорила о немъ исторія, мы знаемъ очень немногое. Не смотря однако на скудость подробныхъ свѣдѣній, извѣстно, что Германикъ родился въ сентябрѣ 15 года до Р. Х. и получилъ прекрасное и тщательное образованіе. Образованіемъ этимъ обязанъ былъ онъ не отцу, по смерти котораго остался шестилѣтнимъ ребенкомъ, но, вѣроятно, матери своей, Антоніи Младшей, и, быть можетъ, самому чадолюбивому Августу, который, по свидѣтельству Светонія, любилъ заниматься воспитаніемъ своихъ внуковъ, самъ училъ ихъ грамотѣ, давалъ имъ уроки плаванія и пригласилъ въ палатинскій дворецъ какого-то вольноотпущенника Верія Флакка, знаменитаго въ то время педагога, вмѣстѣ со всею его школою, съ тѣмъ, чтобы молодые принцы, не выходя изъ родительскаго надзора, могли пользоваться, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми выгодами публичнаго воспитанія. Въ этомъ-то домашнемъ училищѣ воспитывался, можетъ быть, и Германикъ.

Легко представить себѣ, чему учился онъ здѣсь, зная какъ воспитывалось вообще высшее римское юношество августова вѣка. Отличительнымъ характеромъ этого воспитанія была разносторонность. Его не ограничивали какимъ-нибудь спеціальнымъ приготовленіемъ къ тому, или другому роду дѣятельности, но старались образовать государству гражданина, способнаго служить ему на разныхъ поприщахъ, что, впрочемъ, условливалось уже самымъ свойствомъ римскаго общественнаго устройства, гдѣ одно и то-же лицо должно было нерѣдко исполнять обязанности самыя разнохарактерныя. Преторъ, напримѣръ, занимался правосудіемъ въ Римѣ, а въ военное время часто командовалъ арміями, или же бывалъ администраторомъ провинціи. Консулъ долженъ былъ соединять въ себѣ способности военачальника, гражданскаго правителя, жреца, оратора, дипломата. Это одно уже давало воспитанію многостороннее направленіе, а римскимъ характерамъ — ту гармоническую полноту,

которая гораздо рѣже встрѣчается въ нашъ вѣкъ спеціализма и которою отмѣчены всѣ почти знаменитыя личности римской національной исторіи. Военное дѣло, юриспруденція, финансовыя операціи, ораторство, поэзія, политика, философія, исторія, — всѣ эти поприща съ успѣхомъ, часто со славою, проходились однимъ и тѣмъже лицомъ. Чѣмъ, напримѣръ, не былъ Цицеронъ, или Цезарь?

Если обыкновенная школа аристократической молодежи должна была давать ей такое разнообразное развитіе, то тѣмъ болѣе многосторонности представляло воспитаніе принцевъ императорскаго дома, которымъ, по самому рожденію, открытъ былъ путь ко всѣмъ высшимъ общественнымъ должностямъ и на которыхъ лежала уже прямая обязанность готовить себя въ государственные люди.

Первое мѣсто въ кругу воспитательныхъ предметовъ принадлежало военному искусству, такъ-какъ большая часть тогдашняго знатнаго юношества начинала службу въ легіонахъ. Съ этой цѣлію его учили всѣмъ родамъ гимнастическихъ упражненій, а также отечественной исторіи, которая у римлянъ, какъ и вообще у древнихъ, имѣла дидактическое значеніе. Далѣе слѣдовали право и краснорѣчіе. Изученіе ихъ считалось равно необходимымъ для всякаго, кто желалъ посвятить себя публичной дѣятельности. Послѣднее, въ особенности, составляя одинъ изъ существенныхъ элементовъ римскаго образованія, требовало и особеннаго вниманія воспитателя. Извѣстно, до какой утонченности деведено было у римлянъ ораторское искусство, необходимость котораго на каждомъ шагу могла встрѣтиться въ жизни, ибо conciones, какъ нынѣшнія англійскія спичи, говорились при всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Поэтому передача множества разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по части грамматики, риторики, діалектики, или такъ-называемыхъ свободныхъ искусствъ, равно какъ миѳологіи, декламаціи, мимики, музыки и безчисленныхъ родовъ упражненій палестры, — направлена была къ развитію въ юношѣ ораторскаго таланта. Преподаваніемъ всѣхъ этихъ предметовъ занимались, преимущественно, ученые греки, подъ именемъ софистовъ, риторовъ, грамматиковъ, педагоговъ — наводнившіе Римъ еще со времени Сципіоновъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ воспитательной монополіи было распространеніе греческаго языка въ наукѣ и школахъ, а потомъ — и въ самой жизни, до такой степени сдѣлавшагося употребительнымъ и моднымъ, что Цезарь, даже подъ ножемъ Брута, говорилъ по-гречески, а потомокъ того самаго Катона цензора, который съ такимъ негодованіемъ возставалъ противъ

греческихъ софистовъ, называя ихъ искусство — „ludi impudentiae“, — умеръ за чтеніемъ Федона. — Съ этого времени изученіе греческаго языка и литературы сдѣлалось потребностію всякаго порядочнаго воспитанія и, вмѣстѣ со своими хорошими сторонами, привило къ обществу и множество тѣхъ недостатковъ, которыми страдала уже въ то время одряхлѣвшая и самоисчерпавшаяся греческая образованность. По поводу объясненій на Гомера, Геродота, или Аристотеля, пускались въ обращеніе всѣ тонкости сухого анализа, всѣ ухищренія изворотливой діалектики, въ которыхъ, какъ въ паутинѣ, путались и темнѣли типическія, вѣчно-юныя красоты эллинскаго генія. Разсуждали, напримѣръ, о цвѣтѣ волосъ Венеры, или о днѣ рожденія Геркулеса, — и это дѣлали люди, давно уже не вѣрившіе въ боговъ. Къ сожалѣнію, эта пустая и лишенная живаго содержанія наука въ римской жизни, которая сама была проникнута нѣкоторымъ формализмомъ, нашла для себя воспріимчивую почву и, вмѣстѣ съ упадкомъ стараго общественнаго устройства, немало способствовала разрушенію того мощнаго, непоколебимо-послѣдовательнаго національнаго духа, который нѣкогда доставилъ Риму владычество надъ міромъ. Если сообразимъ эти обстоятельства, да прибавимъ къ тому натянутое, неискреннее положеніе общества, въ виду постоянной, тяготѣвшей надъ нимъ узурпаціи цезарей, то поймемъ — въ чемъ должно было состоять ораторское искусство того времени. Лишенное серьознаго содержанія и достойнаго поприща послѣ того, какъ его вытѣснили изъ общественной жизни, оно сдѣлалось жалкимъ умѣньемъ переливать изъ пустого въ порожнее, родомъ фехтовальнаго упражненія на словахъ.

Таковъ общій характеръ среды, въ которой выросъ Германикъ. Въ какой степени ея недуги привились и къ нему самому — съ точностію опредѣлить довольно трудно. Но, сопоставляя личный его характеръ, напоминавшій лучшія времена римской доблести съ весьма замѣтнымъ формализмомъ тогдашняго воспитанія, нельзя, кажется, не придти къ заключенію, что школа вообще имѣла на него немного вліянія. Едва-ли ей одной обязанъ былъ онъ безкорыстнымъ патріотизмомъ, справедливостью, великодушіемъ, наконецъ, — сочувствіемъ ко всему великому и прекрасному, которыми проникнута вся его дѣятельность. Изъ жизни, а не изъ школы вынесъ онъ, надо думать, настоящее свое воспитаніе и всѣ лучшія стороны своей натуры, прекрасно совмѣстившей въ себѣ древне-римскую простоту и строгое достоинство съ тою поэтической, вызываю-

щею сочувствіе душевною теплотою, которою украшены благороднѣйшіе характеры національной исторіи Эллады.

III.

Большимъ счастіемъ для Германика было то, что онъ рано оставилъ Римъ, и первые, лучшіе годы своей юности провелъ въ легіонахъ. Едва исполнился ему двадцать одинъ годъ, какъ уже онъ посланъ былъ Августомъ въ дунайскую армію, занятую въ то время трудною кампаніей въ Паннонін и Далмаціи.

Рѣдко приходилось римлянамъ выдерживать болѣе упорную войну. Задолго еще до паденія республики, со времени завоеванія сѣверной Италіи и Иллиріи, положено было начало той великой борьбѣ римскаго міра съ германскимъ, которая, шесть столѣтій спустя, кончилась разрушеніемъ имперіи. Съ первыхъ-же столкновеній съ германцами римляне почуяли въ нихъ грозную, неодолимую силу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не похожи были эти новые враги на изнѣженные и выродившіеся народы востока, растлѣнные разрушительнымъ вліяніемъ климата, деспотизма, исторіи. Быть можетъ, столько-же оружію, сколько и фарисейской дипломаціи своего сената обязанъ былъ Римъ владычествомъ надъ всѣми прибрежьями Средиземнаго моря. Но къ чему годилась эта военная и дипломатическая тактика въ виду суровыхъ альпійскихъ варваровъ, которыхъ жены бросались въ пламя, не желая живыми попасться въ руки непріятелю, и которые убивали собственныхъ дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ римскаго рабства? А между тѣмъ столкновенія съ ними были неизбѣжны. Италія до-тѣхъ-поръ не могла считаться спокойною, пока оставалась неподчиненною вся широкая горная полоса, облегающая полуостровъ съ сѣвера. Здѣсь въ неприступныхъ ущельяхъ издавна гнѣздились хищническія племена германскихъ горцевъ, защищенныя своею дикою мѣстностію, любившія до фанатизма свою дикую волю, всей душой ненавидѣвшія всякую чужую имъ власть на землѣ. Не проходило года, чтобы въ томъ, или другомъ пунктѣ цизальпинской Галліи страшное сосѣдство ихъ не напомнило о себѣ какимъ-нибудь опустошительнымъ набѣгомъ. Ужасная пора великаго германо-кимврскаго движенія, грозный напоръ котораго могъ остановить только Марій, была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Пока силы государства поглощены были внутренними смутами, потрясавшими его на исходѣ временъ республиканскихъ, Римъ, конечно,

не могъ думать о дѣятельной борьбѣ съ германцами, война съ которыми имѣла, по преимуществу, характеръ оборонительный. Но какъ-только Августъ принесъ имперіи домашнее спокойствіе,—великій даръ, доставившій ему владычество надъ міромъ,—война на сѣверѣ предстала съ прежнею неизбѣжностію и съ прежними опасностями. Въ ней прошли цѣлые тридцать послѣднихъ лѣтъ августова правленія. Благодаря настойчивымъ усиліямъ римскихъ генераловъ, и въ особенности, пасынковъ императора—Тиберія и отца германикова, Друза, эта ожесточенная борьба кончилась для римлянъ успѣшно. Истреблены были цѣлыя племена; уцѣлѣвшіе отъ меча старцы и дѣти проданы въ рабство; альпійская цѣпь была покорена отъ Средиземнаго моря до Адріатики, и отъ Германскаго океана до Понта эвксинскаго устроена военная граница, служившая оплотомъ имперіи съ сѣвера. Она состояла изъ цѣлаго ряда крѣпостей и военныхъ колоній; по Рейну и Дунаю крейсировали безпрестанно сторожевыя флотиліи, а лежащія на этихъ рѣкахъ провинціи состояли на военномъ положеніи и усѣяны были легіонами. Иногда цѣлымъ племенамъ германскимъ отводимы были земли въ предѣлахъ имперіи съ условіемъ ихъ обороны, или же союзные Риму зарейнскіе германцы принимали эту обязанность на себя. Кромѣ того, римскіе генералы, переходя, отъ времени до времени, предѣлы имперіи, вносили оружіе въ самую варварскую Германію. Такъ, быстро возникшее на Дунаѣ, Дакійское царство, при Августѣ, было побѣждено. Съ другой стороны, легіоны побѣдоносно переходили Майнъ и Эльбу и на правомъ берегу этой рѣки воздвигли Августу алтарь. Вся Германія до Везера готова была сдѣлаться римскою провинціей и платить трибутъ. И то она признавала уже авторитетъ Вара, командовавшаго военными силами на Рейнѣ. Время это было апогеемъ могущества и успѣховъ римскихъ въ Германіи.

Но, между тѣмъ какъ дѣла за Рейномъ шли такъ удачно, на Дунаѣ опять собиралась на имперію гроза. Тамъ образовался новый вооруженный союзъ, во главѣ котораго сталъ отважный маркоманъ Марбодъ, успѣвшій перенять римскую военную тактику и дисциплину во время своей долговременной службы въ легіонахъ. Но въ то время, какъ направлены противъ него огромныя силы, пламя возстанія охватываетъ всю Паннонію и Далмацію, гдѣ жители, выведенные изъ терпѣнія жадностію и тиранствомъ чиновниковъ, вооружились подъ начальствомъ одного туземнаго князя—Батона.

Въ такомъ состояніи были отношенія римлянъ къ германскому міру, когда, въ 7-мъ году по Р. Хр., Германикъ, въ званіи квестора, впервые посланъ былъ дѣдомъ къ далматскимъ легіонамъ, состоявшимъ подъ командою Тиберія.

Число инсургентовъ въ Далмаціи, если вѣрить Титу Ливію, простиралось до двухсотъ тысячъ человѣкъ. Множество римскихъ граждапъ, купцовъ и солдатъ было захвачено ими въ расплохъ и перерѣзано. Ужасъ и смятеніе распространились въ самомъ Римѣ при этой вѣсти. Поспѣшно призвали на службу ветерановъ, вооружили вольноотпущенниковъ; императоръ, въ полномъ сенатѣ, объявилъ, что если не будутъ приняты чрезвычайныя мѣры, то черезъ десять дней непріятель покажется въ виду городскихъ стѣнъ. Наскоро составленная такимъ образомъ армія поручена начальству Тиберія, въ то время уже испытаннаго полководца, прославленнаго походами въ Германіи. Не смотря однако на то, на новомъ театрѣ войны Тиберій не встрѣтилъ прежнихъ успѣховъ. Дѣла стали затягиваться. Тогда Августъ, недовольный медленностію пасынка, а быть можетъ еще и подозрѣвая, что онъ съ умысломъ старается продлить войну, чтобъ долѣе удержать команду надъ войскомъ, послалъ къ нему въ помощь Германика.

Уже одно это назначеніе должно было возбудить въ душѣ Тиберія непріязненное чувство къ племяннику, въ которомъ онъ видѣлъ человѣка, присланнаго присматривать за нимъ и контролировать его дѣйствія. Когда-же Германикъ съ восторгомъ былъ принятъ солдатами, боготворившими память его отца, когда любовь легіоновъ и счастіе доставили ему нѣсколько побѣдъ надъ непріятелемъ,—вмѣстѣ съ оскорбленнымъ самолюбіемъ въ Тиберіи заговорила зависть. Тутъ — начало той глубоко-затаенной, но неумолимой ненависти, которую Тиберій до конца дней своихъ питалъ къ Германику и его семейству.

Въ трехлѣтнюю далматскую кампанію Германикъ испыталъ первыя прелести военнаго счастія и славы. Здѣсь-же впервые раскрылся въ немъ и блестящій военный геній, наслѣдованный имъ отъ отца. Не смотря на соперничество и недоброжелательство дяди, онъ нанесъ инсургентамъ нѣсколько чувствительныхъ пораженій и много способствовалъ счастливому окончанію войны взятіемъ города Ардубы, гдѣ непріятель защищался съ такимъ ожесточеніемъ, что женщины сражались вмѣстѣ съ мужчинами и, увидѣвъ, что дѣло проиграно, бросались въ пламя, или въ рѣку. Самъ Батонъ по-

пался въ плѣнъ. На вопросъ Тиберія — какъ смѣлъ ты возстать противъ имперіи? — варваръ отвѣчалъ своимъ грубымъ иносказательнымъ языкомъ: кто-жъ виноватъ, когда, вмѣсто пастуховъ, вы поручаете волкамъ стеречь ваши стада.

Новое возстаніе, вспыхнувшее вскорѣ подъ руководствомъ тогоже Батона, успѣвшаго ускользнуть изъ плѣна, имѣло для далматовъ такой-же несчастный исходъ. Въ 9-мъ году вся страна была уже усмирена, и побѣдителей встрѣчали въ Римѣ заслуженными почестями и наградами.

Но, посреди самаго разгара далматскихъ тріумфовъ, изъ-за Рейна неслись уже вѣсти о варовой катастрофѣ. Кровавая ночь въ тевтобургскомъ лѣсу, гдѣ цѣлые три легіона, захваченные въ расплохъ, были истреблены херусками и ихъ соплеменниками, вдругъ уничтожила всѣ плоды двадцатичетырехлѣтнихъ римскихъ побѣдъ и усилій. Римляне потеряли всѣ свои пріобрѣтенія на правомъ берегу Рейна, потеряли свою армію, самого Вара, нежелавшаго пережить своего безславія; но — что въ особенности важно, — потеряли тотъ грозный авторитетъ и блестящее, почти повелительное положеніе, которымъ доселѣ пользовались въ Германіи. Римъ пришелъ въ ужасъ отъ этой вѣсти, старый императоръ посыпалъ голову пепломъ, отпустилъ бороду и волосы, бредилъ во снѣ пораженіемъ Вара, голова котораго была отослана Арминіемъ Марбоду, какъ залогъ и символъ союза между лигою Рейна и Дуная.

Волненіе умовъ въ Римѣ было такъ велико, что на улицахъ и площадяхъ нужно было разставить стражу, чтобы предохранить городъ отъ безпорядковъ. Каждый день проносились новые слухи о наступательныхъ движеніяхъ непріятеля. Опасались за Италію и самый Римъ. Не смотря, однако, на чрезвычайныя мѣры, принятыя Августомъ для составленія новой арміи, не прежде, какъ чрезъ два года послѣ варова пораженія, отправлены были къ Рейну войска подъ начальствомъ Тиберія и Германика, уже возведеннаго въ званіе проконсула.

Такимъ образомъ, судьба опять столкнула эти два лица на одномъ поприщѣ, и хотя мы не знаемъ ничего положительнаго объ ихъ отношеніяхъ въ это время, но позволительно догадываться, что раздѣленіе команды между двумя начальниками, популярность одного и несимпатичный характеръ другого, наконецъ — различная степень довѣрія, какимъ пользовались они у императора, должны были, вѣроятно, еще болѣе усилить между ними чувство взаимна-

го охлажденія. Неудивительно, что и военныя дѣйствія, предпринятыя при такихъ условіяхъ, не могли быть рѣшительны и что весь успѣхъ кампаніи ограничился только тѣмъ, что римляне сдѣлали нѣсколько опустошительныхъ вторженій въ земли, ближайшія къ Рейну, не углубляясь въ страну, на-зиму же возвратились на лѣвый берегъ рѣки.

Вотъ въ какой школѣ совершилось истинное воспитаніе Германика. Не должно думать, что воспитаніе это было чисто военное. Не одно боевое мужество и опытность вынесъ онъ съ театра германскихъ войнъ: еще важнѣе было ихъ моральное вліяніе. Служба въ легіонахъ была въ тѣ времена едва-ли не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ могъ совершенствоваться нравственно, или, по-крайней-мѣрѣ, предохранить свою чистоту отъ тѣхъ разрушительныхъ вліяній, которыми общество грозило каждому свѣтлому явленію, недовольно окрѣпшему силами. Сенатъ, магистратура, администрація, весь бюрократическій римскій міръ — давно уже не представляли ручательствъ за неприкосновенность какихъ бы то ни было благородныхъ убѣжденій. Трудно было стяжать гражданскій вѣнецъ на поприщѣ, гдѣ на каждомъ шагу чувствовалось присутствіе произвола, тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ скрывался подъ личиною закона и ограждалъ себя громадными матеріальными средствами, — гдѣ нужно было вести мелкую, утомительную войну съ интригою, завистью, съ тайнымъ подкопомъ, со всѣми ихъ нечистыми порожденіями. Съ другой стороны, и неприложимая наука эпохи слишкомъ мало представляла пищи для возвышеннаго и сильнаго характера. Въ легіонахъ только жили еще остатки благороднаго древнеримскаго духа. И въ то время, какъ самый Римъ болѣе и болѣе превращался въ амальгаму различныхъ племенныхъ элементовъ, въ войскахъ поддерживались еще лучшія качества народнаго римскаго характера. Эти грубые провинціалы, собранные со всѣхъ концовъ имперіи, являли нерѣдко такіе примѣры самоотверженія и безкорыстной любви къ отечеству, къ какимъ неспособенъ былъ уже вовсе искусственный и формальный патріотизмъ Рима августовыхъ временъ. Расположенный на предѣлахъ имперіи, вдали отъ моральнаго растлѣнія, заразившаго Италію, посреди опасностей, трудовой жизни и суровой дисциплины, легіонъ, безспорно, представлялъ для юноши лучшую нравственную школу, какую можно было въ то время найдти въ государствѣ. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, господствовала простота и безъискусственность нравовъ.

Тогда какъ въ Римѣ не вѣрили уже ни во что, здѣсь была своя особая религія—культъ римскихъ орловъ, были нравственныя чувства—военнаго братства къ товарищамъ, преданности къ вождю.

Если вообще въ римскихъ войскахъ того времени было столько здоровыхъ жизненныхъ силъ, то, въ-особенности, это можно сказать о рейнскихъ легіонахъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ исключительно счастливое положеніе. Ихъ безпрестанное соприкосновеніе съ германскимъ міромъ не могло не отразиться на нихъ благодѣтельными нравственными слѣдами. Простота нравовъ, мужество, любовь къ родинѣ и ея независимости, наконецъ—гуманное чувство германцевъ,—какъ ни грубы и безъискусственны были формы, въ которыхъ они выражались,—должны были производить на римлянъ невольное, неуловимое вліяніе. Умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди своего вѣка, какъ Тацитъ и Плиній, не могли отказать имъ въ удивленіи, не смотря на непріязнь и презрѣніе гордаго римскаго генія ко всему иностранному. Вотъ отчего, можетъ быть, рейнскіе легіоны, въ теченіи долгаго времени, были для имперіи школою великихъ характеровъ. Отсюда вышли Друзъ, Германикъ, Цецина, Агрикола и столько другихъ благородныхъ личностей, свѣтлые образы которыхъ передалъ Тацитъ потомству съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Изъ рейнскихъ же легіоновъ и въ послѣдующія времена не разъ появлялись люди, спасавшіе общество отъ опасностей и нерѣдко съ достоинствомъ носившіе заслуженную порфиру.

Съ другой стороны, далматская и рейнская кампаніи опредѣлили навсегда отношенія Германика къ Тиберію.

Холодная, сосредоточенная натура Тиберія вообще мало способна была къ личной привязанности. Исторія его представляетъ немного примѣровъ такого сближенія съ кѣмъ-нибудь, въ основаніи котораго не лежалъ бы интересъ, или необходимость. Человѣкъ этотъ, постигавшій искусство самаго утонченнаго лицемѣрія и могшій прикинуться всѣмъ, чѣмъ угодно, никогда не имѣлъ надъ собой столько власти, чтобы притвориться любящимъ. Даже наружность его и манеры были чрезвычайно несимпатичны; въ нихъ невольно проглядывала его сухая и черствая душа. Да и самая среда, гдѣ онъ постоянно вращался, едва-ли способна была развить противуположныя качества.

Въ родѣ цезарей, какъ и во всѣхъ узурпаторскихъ семействахъ, никогда не было ни искренности, ни родственныхъ чувствъ между

членами. Между такими людьми, отношенія чаще всего опредѣляются взаимною недовѣрчивостью и страхомъ, такъ-какъ здѣсь каждый имѣетъ одинаковое право на первенство, каждый смотритъ на другого, какъ на совмѣстника и врага. Система усыновленія, принятая Августомъ, не имѣвшимъ собственныхъ дѣтей, кромѣ дочери, должна была еще болѣе усиливать эти завистливыя и непріязненныя чувства. И не одно семейство, цѣлое общество, среди котораго жилъ Тиберій, проникнуто было тѣмъ-же характеромъ неискренности, взаимныхъ опасеній и систематическаго притворства,— неизбѣжныхъ послѣдствій ложнаго положенія правительства. Поразительное лицемѣріе, которое такъ тонко разоблачаетъ Тацитъ своимъ неумолимымъ шекспировскимъ анализомъ, составляло общій, господствующій тонъ всего вѣка.

Сколько извѣстно объ отношеніяхъ Тиберія къ членамъ августова дома, они отличались холодностію, даже непріязнію. Все, что могъ онъ питать къ нимъ, были или страхъ, или зависть, хотя то и другое скрывалось подъ маскою обычнаго сдержаннаго благодушія. Въ-особенности, вражда его становилась неумолимою къ принцамъ, которыхъ Августъ предназначалъ въ наслѣдники. Неизвѣстно, правда, какъ держалъ онъ себя съ Марцелломъ, но, что касается Кая и Люція—цезарей, которыхъ Августъ усыновилъ по смерти Марцелла, то мы положительно знаемъ, что Тиберій питалъ къ нимъ глубоко-затаенную вражду. Назначеніе ихъ въ наслѣдники имперіи до такой степени уязвило его самолюбіе и гордость, что онъ рѣшился даже оставить Римъ и удалиться въ добровольное изгнаніе на островъ Родосъ, прикрывая, впрочемъ, желчь свою предлогами, полными великодушія и самоотверженія, и увѣряя Августа, что ѣдетъ на чужбину для того, чтобы не перебивать молодымъ принцамъ дороги къ почестямъ и отличію. Нѣсколько лѣтъ спустя, впрочемъ, судьба, а можетъ-быть и тайныя козни Ливіи, избавили его отъ этихъ опасныхъ совмѣстниковъ. Еще прежде лишился онъ брата своего Друза, умершаго скоропостижно въ 9-мъ году до Р. Хр., на возвратномъ пути изъ Германіи въ Римъ. Не смотря на близкую кровную связь, Тиберій не только не любилъ брата, но даже не постыдился низости, чтобы уронить его въ добромъ расположеніи Августа. Онъ показалъ императору какое-то письмо Друза, гдѣ будто-бы онъ говорилъ о своемъ намѣреніи— насильственно возстановить республику.

Освободившись, такимъ образомъ, отъ всѣхъ своихъ совмѣстни-

ковъ, Тиберій началъ заискивать расположеніе и довѣріе императора. Въ угоду ему, онъ не поколебался развестись со страстно-любимою имъ Агриппиною, отъ которой у него былъ уже сынъ, для того чтобы жениться на Юліи, дочери Августа, которая овдовѣла тогда по смерти второго мужа своего, Агриппы, и развратныя наклонности которой были ему хорошо извѣстны. Весьма характерно также поведеніе его и на островѣ Родосѣ, гдѣ ему пришлось испытать немилость Августа и даже навлечь на себя его подозрѣнія. Онъ смиренно сталъ просить, чтобъ его окружили стражею и шпіонами и тѣмъ убѣдились въ его невинности. Однимъ словомъ, всю жизнь свою Тиберій провелъ между страхомъ и надеждою и, по странному возмездію судьбы, будучи властолюбивѣйшимъ и высокомѣрнѣйшимъ изъ смертныхъ, долженъ былъ постоянно унижаться и исчезать предъ другими. Усиленнымъ просьбамъ матери, имѣвшей большое вліяніе на Августа, обязанъ онъ былъ тѣмъ, что послѣ восьмилѣтняго изгнанія, ему наконецъ позволили возвратиться въ Римъ. Тогда только, уже по смерти Кая и Люція, благодаря ходатайству и интригамъ Ливіи, усыновленъ онъ былъ Августомъ вмѣстѣ съ Агриппою Постумомъ, меньшимъ братомъ покойныхъ цезарей. Впервые блеснула ему тогда болѣе опредѣленная надежда на наслѣдство въ имперіи, хотя Августъ, со свойственною ему проницательностію, прекрасно постигавшій истинный характеръ своего пасынка, и тутъ позаботился наложить на него сильное нравственное ограниченіе, заставивъ его усыновить въ свою очередь Германика съ полными правами наслѣдства и мимо роднаго сына его Друза, который въ то время былъ уже совершеннолѣтнимъ.

Съ этой минуты Тиберій увидѣлъ въ Германикѣ своего смертельнаго врага. Къ тому-же онъ не могъ не знать, что императоръ долго колебался между нимъ и племянникомъ и рѣшилъ выборъ въ его пользу только потому, что двадцатидвухлѣтній Германикъ былъ слишкомъ молодъ для царства, и что Ливія, хлопотавшая, конечно, болѣе за своего роднаго сына, нежели за внука, осаждала его своими неотступными просьбами. Зналъ онъ также и то, какъ дорога была для римлянъ память Друза, какъ популярно было его имя, сколько надеждъ таилось въ сердцахъ вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ его сыну. Когда же далматская война обнаружила въ Германикѣ будущаго героя, когда легіоны встрѣтили его съ восторгомъ, и имя его пронеслось по имперіи вмѣстѣ съ вѣстію

о побѣдѣ, ненависть еще сильнѣе зашевелилась въ его душѣ и еще глубже затаилъ онъ ея ропотъ. Для того ли столько лѣтъ лелѣялъ онъ мечту о верховной власти, съ такимъ усиліемъ подавлялъ душившее его честолюбіе, боясь обнаружить его преждевременно и тѣмъ испортить все дѣло; весь, какъ улитка, уходилъ въ самого себя, понесъ столько трудовъ, стяжалъ военную славу, — чтобы уступить теперь мѣсто какому-нибудь неопытному счастливцу-юношѣ? И то уже императоръ, говорятъ, посылалъ его въ армію, съ тайнымъ порученіемъ — присматривать за его дѣйствіями въ Далмаціи. Кончена война, — и вотъ на Германика сыплются преждевременныя почести и награды, — тріумфальные знаки, право подавать въ сенатѣ голосъ непосредственно послѣ консуловъ, позволеніе искать консульскаго званія прежде установленнаго законами срока. Народъ въ Римѣ встрѣчаетъ его, какъ полубога. Не прошло и года послѣ того, какъ уже двадцатипятилѣтняго Германика, не бывшаго еще преторомъ, дѣлаютъ прямо консуломъ. Это новое званіе обнаруживаетъ въ немъ и новые таланты, административную распорядительность, пониманіе права и такую строгую справедливость въ судопроизводствѣ, что даже вмѣшательство самого Августа не въ-силахъ смутить произнесеннаго имъ приговора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ растетъ къ нему народная любовь; а великолѣпныя игры, данныя имъ въ томъ-же году, въ память Друза, окончательно упрочиваютъ его господство надъ умами черни. Особымъ актомъ Августъ рекомендуетъ его сенату; а въ слѣдующемъ году, не смотря на всѣ происки Ливіи, ставитъ его во главѣ восьми рейнскихъ легіоновъ, съ званіемъ проконсула и съ правами самостоятельнаго главнокомандующаго.

Понятно, какъ сильно должно было смутить Тиберія такое быстрое возвышеніе противъ воли усыновленнаго имъ племянника, въ-особенности же — назначеніе его въ главнокомандующіе, дававшее ему совершенно независимое, а въ случаѣ нужды — даже грозное положеніе. И хотя императоръ, на старости лѣтъ совершенно подчинившійся вліянію своей жены, осыпалъ и его своими милостями, — назначилъ ему за усмиреніе Далмаціи великолѣпный тріумфъ, возвелъ въ достоинство трибуна, званіе котораго считалось въ то время исключительнымъ атрибутомъ верховной власти, представлялъ сенату, какъ будущаго главу государства; хотя Тиберій, по-видимому, могъ считать себя спокойнымъ и положиться на бдительную любовь и усердіе Ливіи, но, съ другой стороны, независимая

роль Германика, всѣ выгоды его положенія въ государствѣ, неизвѣстность его намѣреній—весьма мало ручались ему за будущее, тѣмъ болѣе, что дни Августа были уже сочтены.

Была Тиберію еще и другая опасность—это совмѣстничество Постума, послѣдняго оставшагося въ-живыхъ сына Агриппы. И хотя этотъ принцъ, за злобность своего характера, былъ давно уже заточенъ Августомъ на островъ Планазію, но кто могъ поручиться, что, на закатѣ жизни, старый императоръ не возвратитъ правъ и довѣренности внуку, нравъ котораго могъ быть смягченъ уже долговременными несчастіями? Вѣдь носились же слухи, что за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Августъ тайно посѣтилъ царственнаго узника и что свиданіе ихъ было чрезвычайно трогательно.

IV.

Между-тѣмъ, какъ всѣ эти опасенія тревожили ревнивое властолюбіе Тиберія, судьба подвигала ихъ къ развязкѣ. 19-го августа 14 года по Р. Хр., въ Нолѣ, умеръ Августъ. Ближайшіе къ событію историки довольно различно разсказываютъ о его смерти. У Патеркула и Светонія находимъ извѣстіе, что императоръ, чувствуя приближеніе кончины, поспѣшно вызвалъ къ себѣ Тиберія, ѣхавшаго въ то время къ иллирійской границѣ и, послѣ продолжительнаго съ нимъ совѣщанія, передалъ ему всѣ важнѣйшія дѣла, какъ будущему главѣ государства. Напротивъ того, Тацитъ и Плиній, авторитетъ которыхъ гораздо уважительнѣе въ исторической критикѣ, положительно говорятъ, что Августъ въ предсмертныя минуты вовсе не видѣлъ Тиберія, что его послѣднія намѣренія на-счетъ преемника остались неизвѣстными и что Ливія, разставивъ стражу вокругъ квартиры императора, скрывала смерть его до прибытія сына; тогда только, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Августа, услышали, что Тиберій наслѣдовалъ его власть. Конечно, темныя обстоятельства эти еще не доказываютъ, что Августъ готовилъ себѣ въ непосредственные преемники Германика, молодость котораго едва-ли бы позволила императору возложить на него трудныя заботы правленія. Скорѣе можно думать, не имѣлъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ виду Агриппу Постума,—догадка тѣмъ болѣе вѣроятная, что первымъ дѣломъ новаго правителя было умерщвленіе этого несчастнаго принца. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Августъ очень неохотно назначилъ Тиберія своимъ преемникомъ, отчего от-

ношенія послѣдняго къ Германику становились еще болѣе неискренними и опасными. Къ прежнимъ причинамъ недовѣрчивости къ нему и непріязни присоединялись теперь и тайная неувѣренность въ своихъ правахъ, и страхъ справедливаго возмездія съ его стороны.

Опасенія новаго императора, впрочемъ, были преувеличены. Едва получено было въ Римѣ извѣстіе обо всемъ, случившемся въ Нолѣ, какъ именитѣйшіе люди города показали примѣръ униженности и раболѣпства. Чѣмъ выше было ихъ общественное положеніе, тѣмъ болѣе старались они обнаружить лицемѣрнаго усердія. Съ лицами, настроенными такъ, чтобъ не показать ни особенной радости о смерти Августа, ни печали о вступленіи Тиберія во власть, они расточали и слезы, и восторги, и сожалѣнія, и ласкательства. Консулы первые присягнули новому цезарю, за ними — преторіанцы, чиновники, сенаторы и народъ. Однимъ словомъ, ему нечего было бояться за Римъ. Здѣсь его охраняли преторіанцы, германскіе наемники, малодушіе поколѣнія, пріученнаго къ покорности сорокапятилѣтнею систематической узурпаціей Августа; солдаты сопровождали его въ сенатъ и на форумѣ; на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ города бодрствовала вѣрная стража. Оставалось увѣриться въ повиновеніи легіоновъ, — и сюда-то, главнымъ образомъ, устремилась ревнивая бдительность Тиберія. Въ-особенности страшна была рейнская армія. Во главѣ ея стоялъ Германикъ, располагавшій силами восьми легіоновъ, многочисленныхъ полуварварскихъ союзныхъ отрядовъ, боготворимый народомъ и провинціями, окруженный любовью солдатъ. Что могло быть для него легче, какъ, опираясь на это всеобщее сочувствіе, объявить себя главою имперіи? Самъ Тиберій, будь онъ на его мѣстѣ, непремѣнно сдѣлалъ бы это. Какъже было ему предполагать въ Германикѣ столько благородства и великодушія, чтобы добровольно отказаться отъ всѣхъ выгодъ своего положенія и принести ихъ въ жертву человѣку, не имѣвшему никакихъ правъ на его сочувствіе и преданность. Да, Тиберій былъ твердо увѣренъ, что съ этой стороны грозятъ ему неминуемыя опасности. Его первыя распоряженія и мѣры касательно рейнскихъ легіоновъ несомнѣнно доказываютъ это. Еще не кончены были торжественныя церемоніи великолѣпныхъ похоронъ покойнаго императора, какъ уже Тиберій пишетъ приказъ войскамъ, объявляя имъ о своемъ вступленіи во власть, — проситъ въ сенатѣ проконсульства для Германика, назначаетъ особую депутацію для поднесенія ему этого званія вмѣстѣ съ соболѣзнованіями о смерти Августа; прики-

дывается даже опасно больнымъ, чтобы усилить въ глазахъ племянника вѣроятность близкаго наслѣдства и хотя этимъ удержать его отъ насильственныхъ мѣръ въ случаѣ, если-бы на него не подѣйствовали ласкательства.

Между-тѣмъ, какъ-бы въ оправданіе тревожныхъ опасеній правительства, приходятъ вѣсти о возстаніи корпуса, расположеннаго въ Панноніи и Иллиріи. Почти въ то-же самое время и въ рейнскихъ легіонахъ, чего больше всего боялись въ Римѣ, вспыхнулъ мятежъ. Для Тиберія настала предвидѣнная имъ минута опасности. Все зависѣло теперь отъ того, какъ поведетъ себя Германикъ. Останется ли онъ вѣрнымъ долгу, обязательность котораго имѣлъ основаніе считать сомнительною, или же захочетъ воспользоваться удобными обстоятельствами для достиженія верховной власти, на которую давали ему право какъ сочувствіе лучшей части римскаго общества, такъ и неизвѣстность послѣднихъ намѣреній Августа насчетъ преемства въ имперіи. А тайная вражда Тиберія, рано или поздно, но всегда находившая средства губить отмѣченныя ею жертвы, — вражда, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстная Германику, должна была, по-видимому, заставить его подумать о собственной безопасности и уже, по одному чувству самосохраненія, поднять оружіе противъ дяди. Такимъ образомъ, новый цезарь увидѣлъ себя въ положеніи тѣмъ болѣе опасномъ, что всѣ вѣроятности успѣха были на сторонѣ его соперника и что самъ онъ, не имѣя другихъ правъ на имперію, кромѣ сомнительнаго завѣщанія отчима, не чувствовалъ подъ собой никакого твердаго основанія, и потому не могъ дѣйствовать рѣшительно и открыто. Оставалось одно средство, къ которому прибѣгалъ онъ такъ часто и прежде — униженіе и лицемѣрное самоуничтоженіе предъ другими. Чтобъ имѣть въ государствѣ какую-нибудь законную точку опоры, еще съ первыхъ-же дней своего правленія, Тиберій сталъ заискивать расположеніе сената, который, впрочемъ, ненавидѣлъ въ глубинѣ души, какъ коллегію, въ рукахъ которой находилось, по господствовавшимъ въ то время понятіямъ, представительство верховной власти римскаго народа. Съ своей стороны, сенатъ тоже не имѣлъ никакихъ поводовъ питать особенную симпатію къ Тиберію; но, по системѣ взаимнаго страха, который обыкновенно лежитъ въ основаніи узурпаціоннаго порядка вещей, императоръ лицемѣрно унижался предъ сенатомъ, сенатъ лицемѣрно раболѣпствовалъ предъ императоромъ; такъ, первые эдикты Тиберія явились съ именами консуловъ на заголовкѣ,

какъ бывало въ прежнія, республиканскія времена. Какъ-бы забывъ о своемъ новомъ достоинствѣ, цезарь предлагалъ въ нихъ различныя распоряженія только на основаніи своей трибунской власти, которую ему даровалъ еще Августъ. Но больше всего выказалъ онъ смиренія предъ сенатомъ, явившись туда въ первый разъ въ новомъ санѣ. Рѣчь, которую говорилъ онъ здѣсь, запутанная, уклончивая, какъ всѣ его рѣчи, какъ будто нарочно составлена была съ тѣмъ, чтобы скрыть настоящія желанія и мысли оратора. Поняли только, что цезарь просилъ въ ней — освободить его отъ тяжкихъ заботъ правленія, или, по-крайней-мѣрѣ, раздѣлить ихъ между нимъ и другими. Тогда сенаторы, очень-хорошо знавшіе ненасытное властолюбіе Тиберія, притворяются, что принимаютъ его скромность за чистую монету, какъ-бы не понимая того, что, присвоивъ себѣ власть надъ войсками, финансами и всѣми дѣйствительными силами государства, Тиберій, безъ всякаго уполномоченія, фактически уже захватилъ въ свои руки верховную власть. Начинаются вопли, мольбы и заклинанія. Призываютъ на помощь боговъ, воздѣваютъ руки къ статуѣ Августа, обнимаютъ колѣни Тиберія. Тиберій тоже очень хорошо знаетъ, что все это только комедія, вынужденная страхомъ, и что эти люди, ползающіе теперь у ногъ его, въ душѣ ненавидятъ его, какъ своего смертельнаго врага, но тоже притворяется вѣрющимъ искренности всѣхъ этихъ изліяній, и послѣ долгихъ отговорокъ, какъ-бы черезъ силу, соглашается наконецъ принять власть, на достиженіе которой посвятилъ, по-крайней-мѣрѣ, двадцать лѣтъ своей жизни.

Вотъ отношенія Тиберія къ сенату, опора и авторитетъ котораго были столь необходимы для него въ критическую минуту возстанія легіоновъ. До сихъ поръ покорность сената еще можно было обезпечивать за собой грозою военной силы; но гораздо труднѣе было противопоставить своеволію войска авторитетъ коллегіи, настоящія чувства которой были очень сомнительны.

А между тѣмъ опасность росла съ каждымъ днемъ. Три легіона, расположенные общимъ лагеремъ въ Панноніи, потребовали прибавки жалованья, сокращенія срока службы, улучшенія участи ветерановъ, смягченія дисциплины. Напрасно начальствовавшій ими Юній Блезъ, человѣкъ, полный самоотверженія и преданности законному порядку, подставлялъ имъ грудь свою, говоря, что уже не въ силахъ спасти честь своей арміи, но надѣется, по-крайней-мѣрѣ, своею смертію ускорить ея раскаяніе, — мятежники потребо-

вали, чтобы онъ отправилъ къ Тиберію собственнаго сына, отъ лица всей арміи, съ предъявленіемъ ея требованій. Но прежде чѣмъ успѣли привести это въ исполненіе, изъ Рима явилась депутація отъ сената, въ сопровожденіи двухъ преторіанскихъ когортъ, и съ ними—Друзъ, сынъ императора, и префектъ Элій Сеянъ. Прибывши въ лагерь, они тотчасъ увѣрили всѣхъ въ милостивыхъ намѣреніяхъ правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что не могутъ рѣшиться ни на какія уступки безъ соизволенія сената и воли Тиберія. „Такъ зачѣмъ-же было приходить сюда, если ты не имѣешь власти помочь намъ, кричали мятежники сыну своего императора. А казнить и наказывать насъ—ты, вѣрно, имѣешь полномочія? И надо-же было присылать сюда ребенка, который самъ еще нуждается въ опекѣ!“. И вслѣдъ за-тѣмъ зарѣзанъ былъ одинъ центуріонъ и едва не побитъ каменьями сенаторъ изъ друзовой свиты. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ первый взрывъ военной фуріи, принесшей впослѣдствіи столько зла государству, еслибъ совершенно случайное обстоятельство не измѣнило внезапно настроенія умовъ. На небѣ показалось лунное затменіе. Суевѣрные солдаты, считая этотъ естественный феноменъ несомнѣннымъ признакомъ гнѣва боговъ, обнаружили раскаяніе и, въ своемъ усердіи загладить прошедшее, простерли его такъ далеко, что сами выдали и изрубили главныхъ зачинщиковъ мятежа.

Не такъ легко было управиться съ возстаніемъ рейнскихъ легіоновъ. Здѣсь, кромѣ корыстныхъ побужденій, двигавшихъ паннонскимъ мятежемъ, инсургентовъ одушевляла еще надежда, что Германикъ будетъ на ихъ сторонѣ, и тѣмъ усиливала ихъ смѣлость. Волненіе обнаружилось прежде всего въ четырехъ легіонахъ, стоявшихъ лагеремъ на нижнемъ Рейнѣ, подъ ближайшимъ начальствомъ легата Цецины. Первыми жертвами насилія сдѣлались центуріоны, искони ненавистные солдатамъ. Нѣкоторые изъ военныхъ трибуновъ и префектовъ подверглись той-же участи и были растерзаны разсвирѣпѣвшими легіонерами. Избраны новые начальники, отправлены эмиссары въ лагерь верхняго Рейна и къ войскамъ, стоявшимъ въ Панноніи. Опасность казалась тѣмъ болѣе грозною, что возставшіе дѣйствовали съ рѣдкимъ единодушіемъ и дружно кричали, что имъ однимъ принадлежитъ право давать имперіи повелителей.

Германика въ то время не было при войскѣ. Онъ былъ занятъ въ Галліи распредѣленіемъ трибута и приводилъ къ присягѣ Ти-

берію секвановъ и бельговъ. Узнавъ о случившемся, онъ поспѣшно является въ лагерь. Кое-какъ возстановивъ тишину, онъ собираетъ солдатъ въ строевой порядокъ и съ военнаго трибунала говоритъ имъ рѣчь. Напоминаетъ имъ о подвигахъ Тиберія въ этой самой Германіи и съ этими самыми легіонами, указываетъ на общую покорность имперіи, осыпаетъ строгими упреками нарушителей военной дисциплины, дерзнувшихъ поднять руку на своихъ начальниковъ. Войска не ожидали такого безкорыстія отъ своего вождя и были имъ озадачены. Съ глухимъ, сдержаннымъ ропотомъ слушали они нежданныя для нихъ рѣчи и, мало-по-малу, переходя отъ колебаній къ рѣшимости, отъ рѣшимости—къ дерзости и насилію, подняли такой ужасный вопль, что Германикъ долженъ былъ замолчать. Тогда одни показываютъ ему свои раны, сѣдины, исхудавшіе, согбенные члены и синіе рубцы по тѣлу—слѣды палочныхъ ударовъ, другіе жалуются на скудость содержанія, на тяжкое бремя невознагражденныхъ трудовъ, на безчеловѣчное обращеніе офицеровъ. Наконецъ, смѣльчаки кричатъ ему, что они не хотятъ имѣть Тиберія императоромъ, какъ не ими возведеннаго въ этотъ санъ, и предлагаютъ свою помощь Германику, если-бы онъ захотѣлъ овладѣть верховною властію. Услышавъ эти слова, эти наглыя приглашенія, Германикъ выхватываетъ мечь и бросается съ трибунала, какъ-бы спасаясь отъ грозящаго ему преступленія. Его удерживають, грозятъ смертію, если онъ не займетъ своего мѣста. Только съ трудомъ и силою могли удержать его отъ самоубійства.

Люди разсудительные и спокойно мыслящіе, конечно, оцѣнили бы въ этомъ поступкѣ Германика подвигъ высокаго самоотверженія, но волнуемой грубыми страстями толпѣ—онъ показался малодушіемъ. „Такъ убей же себя!“—кричали ему изступленные голоса, а одинъ изъ безумцевъ подалъ ему даже мечъ свой, прибавивъ съ грубымъ цинизмомъ: „вотъ этотъ будетъ острѣе!“. Наглость эта, поразившая даже самихъ возмутившихся, спасла Германика отъ погибели. Воспользовавшись минутнымъ смущеніемъ толпы, озадаченной этой неожиданной выходкой, друзья увели его въ палатку.

Положеніе Германика было трудное. Уступить требованіямъ солдатъ—значило выказать свою слабость и тѣмъ поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ насиліямъ; съ другой стороны, твердость и крутыя мѣры могли ожесточить буйныхъ легіонеровъ и повлечь за собой гражданскую войну. Въ этой крайности важнѣе всего было—выиг-

рать время, и потому рѣшили показать войскамъ подложное письмо, въ которомъ императоръ, будто-бы уступая ихъ желаніямъ, сокращаетъ для нихъ срокъ службы, облегчаетъ участь ветерановъ и, сверхъ того, удвоиваетъ сумму, которую слѣдовало раздать имъ, по завѣщанію Августа. Но и эта хитрость не удалась. Подозрѣвая обманъ, мятежники успокоились не прежде, какъ вынудивъ немедленное выполненіе всѣхъ обѣщаній и получивъ деньги, которыя Германикъ долженъ былъ выплатить изъ собственныхъ суммъ. Тогда-только легіоны согласились идти на отведенныя имъ зимнія квартиры.

Но и тутъ броженіе встревоженныхъ умовъ нашло новый поводъ ко взрыву. Явилась депутація отъ сената. Полагая, что она явилась съ цѣлію — уничтожить исторгнутыя ими права, солдаты снова возмутились. Ночью нападаютъ они на домъ своего главнокомандующаго, ломаютъ двери, стаскиваютъ Германика съ постели и, грозя ему смертію, требуютъ выдачи знаменъ и орловъ, которые хранились въ его квартирѣ. Мунацій Планкъ, консуляръ, прибывшій во главѣ депутаціи, подозрѣваемый въ особенномъ недоброжелательствѣ къ легіонамъ, и бывшіе съ нимъ сенаторы подвергаются безчисленнымъ оскорбленіямъ и опасностямъ. На другой уже день удалось Германику возстановить въ городѣ порядокъ и успокоить солдатъ увѣреніемъ, что цѣль прибытія Планка и его товарищей состоитъ въ подтвержденіи льготъ, однажды уже дарованныхъ легіонамъ.

Хотя, такимъ образомъ, спокойствіе было возстановлено и депутацію можно было отправить въ Римъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ союзныхъ отрядовъ; но, послѣ всего случившагося, кто могъ поручиться, что таящаяся въ умахъ крамола и однажды сорвавшійся буйный духъ мятежа не найдутъ для себя снова удобнаго выхода. Поэтому всѣ благомыслящіе люди совѣтовали Германику удалиться въ верхне-рейнскій лагерь подъ защиту тамошнихъ легіоновъ, или же, по-крайней-мѣрѣ, отправить туда свое семейство, и тѣмъ спасти его отъ случайностей какого-нибудь новаго волненія. Благоразуміе послѣдняго совѣта было очевидно. Самъ Германикъ, разумѣется, ни за что не рѣшился-бы оставить свой постъ въ минуту опасности; но семейныя чувства налагали на него долгъ подумать о безопасности беременной жены и малолѣтняго сына, къ которымъ питалъ онъ рѣдкую привязанность.

Вообще, какъ мужъ и отецъ, Германикъ представлялъ собою поучительный въ тѣ времена примѣръ. Женатъ онъ былъ на Агрип-

пинѣ, дочери Агриппы и Юліи, и слѣдовательно внукѣ Августа,— женщинѣ, властолюбиваго и вспыльчиваго нрава, но украшенной коренными добродѣтелями истинной римлянки. Ея нѣжная любовь къ мужу и дѣтямъ, ея величавое и строгое достоинство, счастливое плодородіе, которымъ столько гордилась она предъ другими женщинами, безукоризненная чистота ея нравовъ,—окружали особу ея тѣмъ величіемъ, въ какомъ являются въ исторіи типы древне-римскихъ матронъ. Подобно мужу своему, она стояла среди современнаго ей общества какимъ-то почтеннымъ анахронизмомъ, римлянкой добрыхъ старыхъ временъ. Не даромъ называли ее уцѣлѣвшимъ образчикомъ древности—„unicum antiquitatis specimen". Такимъ образомъ, два эти характера—Германикъ и Агриппина, составляя во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную и гармоническую чету, въ самомъ сходствѣ направленія, всегда находили новую пищу для взаимной привязанности и постоянный источникъ такого семейнаго счастія, какимъ въ то время могли похвалиться немногіе.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ Агриппина явила себя достойною своей репутаціи и своего супруга. Узнавъ о предполагаемомъ отправленіи ея въ Триръ, подъ защиту тамошнихъ провинціаловъ, она съ твердостію объявила, что никакая опасность не въ состояніи удивить внуку Августа. Только послѣ долгихъ сопротивленій, она уступила настойчивымъ убѣжденіямъ мужа и мольбамъ своихъ приближенныхъ. Наступила трогательная сцена разлуки. Супруга главнокомандующаго, окруженная толпою рыдающихъ женщинъ, безъ свиты, безъ почетной стражи, съ младенцемъ Калигулой на рукахъ, прощалась съ мужемъ, съ которымъ, можетъ быть, разставалась на вѣки, и изъ римскаго лагеря шла искать защиты у чужеземцевъ. Зрѣлище это потрясаетъ загрубѣлыя чувства солдатъ. Женскіе вопли и слезы, колебавшіе нѣкогда желѣзную волю Коріолановъ, вызываютъ вдругъ благодѣтельный кризисъ. Стыдъ, состраданіе, раскаяніе, личныя качества Агриппины, воспоминаніе ея славныхъ предковъ, наконецъ зависть къ трирянамъ—все въ эту минуту поражаетъ мятежные умы легіонеровъ. Они бросаются къ Германику, умоляютъ его оставить жену, не отдавать предпочтенія чужимъ, пощадить ихъ честь.

Германикъ постигъ важность этого мгновенія и искусно умѣлъ имъ воспользоваться. „Да, говорилъ онъ голосомъ, полнымъ негодованія и печали, я спасаю отъ вашей ярости жену и сына не потому, чтобы они были для меня дороже государства и его вер-

ховнаго представителя,—для вашей славы я бы охотно имн пожертвовалъ,—но чтобы избавить васъ отъ позора новыхъ покушенiй на правнука августова, на племянницу Тиберiя; пусть одна моя кровь искупитъ ваши преступленiя. И то уже, на что не отважились вы въ послѣднее время? Чѣмъ, какимъ именемъ назвать скопище, меня окружающее? Неужели воинами—васъ, осаждающихъ сына вашего императора въ его собственной ставкѣ? Неужели гражданами—васъ, такъ легкомысленно играющихъ авторитетомъ сената? Враги даже уважаютъ священное званiе пословъ, вы не задумались посягнуть и на нихъ. Юлiй Цезарь усмирилъ волненiе возмутившихся солдатъ, назвавши ихъ только—Quirites, Августъ однимъ взглядомъ привелъ въ трепетъ легiоны акцiумскихъ побѣдителей;—а мнѣ, потомку этихъ героевъ, суждено сдѣлаться посмѣшищемъ испанской и сирiйской армiи, которыя съ изумленiемъ услышатъ о вашихъ поступкахъ. Другiя провинцiи, другiя войска могутъ порадовать отца моего добросовѣстнымъ исполненiемъ долга; одни вы играете его властiю и никакiя уступки не могутъ насытить вашей жадности. Съ какимъ прискорбiемъ услышитъ онъ обо всѣхъ вашихъ безчинствахъ—о пролитой крови вашихъ начальниковъ, о поруганiи представителей сената, обо мнѣ, осажденномъ солдатами, превратившимися въ моихъ враговъ! И зачѣмъ было удерживать мою руку, уже занесенную на самоубiйство! Я погибъ бы, не бывши по-крайней-мѣрѣ свидѣтелемъ безславiя и позора моей армiи. Духъ великаго Августа, тѣнь славнаго Друза,—вы, незримо намъ соприсутствующiе съ небесъ,—сойдите къ вашимъ легiонамъ, устремите ихъ ярость на враговъ!".

Впечатлѣнiе, произведенное этой рѣчью, было полное. Ея благородный, полный высокаго негодованiя тонъ, справедливость упрековъ, искренность, которая звучала въ каждомъ словѣ, обаятельно подѣйствовала на толпу. „Казни виновныхъ,—кричали проникнутые глубокимъ раскаянiемъ легiонеры,—пощади слабыхъ, возврати намъ твое семейство, веди насъ въ бой!".

Подъ влiянiемъ этого настроенiя начался судъ надъ виновниками и упорнѣйшими поджигателями мятежа,—судъ простой и быстрый, какъ того требовало значенiе и важность минуты. Легiоны съ обнаженными мечами окружали военный трибуналъ. Поочередно всходили на него обвиняемые,—и тутъ трибунъ показывалъ ихъ солдатамъ. Кто былъ объявленъ ими виновнымъ, того повергали внизъ и тамъ подхватывали на мечи. Послѣ этого кроваваго

очищенія, такимъ-же порядкомъ произведена была публичная повѣрка офицеровъ. Каждый центуріонъ долженъ былъ громко объявить о лѣтахъ своей службы, о своихъ заслугахъ, о полученныхъ за нихъ наградахъ. Если трибуны и солдаты находили его достойнымъ, за нимъ оставляли должность; въ противномъ случаѣ, тотчасъ-же избирали на его мѣсто другого. Такъ возстановлены были, съ нѣкотораго времени забытые, въ арміи порядокъ и дисциплина; ибо вскорѣ послѣ того приведены были также въ покорность и два легіона, стоявшіе на зимнихъ квартирахъ въ Castra vetera, подъ ближайшимъ начальствомъ Цецины. И здѣсь также мятежники, устрашенные грозными приготовленіями Германика, уже собиравшагося укротить ихъ силою, выдали и умертвили зачинщиковъ, — такъ-что къ прибытію его въ эти мѣста, на пространствѣ рейнской военной линіи, спокойствіе уже господствовало повсюду.

Тогда безпокойный духъ, двигавшій возстаніемъ, сталъ искать для себя другой, болѣе славной дѣятельности. Солдаты, обагрившіе руки въ крови товарищей, всѣ горѣли желаніемъ — смыть свой позоръ, успокоить тѣни убитыхъ честною войною съ врагомъ и скорѣе покинуть эти ужасныя мѣста, ненавистныя по совершеннымъ здѣсь преступленіямъ. Поэтому рѣшенъ былъ походъ. Трауръ по Августѣ и смуты, возникшія въ римской арміи, до того усыпили бдительность варваровъ, что они предались совершенной безпечности. Получивъ объ этомъ извѣстіе и пользуясь одушевленіемъ войска, Германикъ нападаетъ въ расплохъ на землю марсовъ и опустошаетъ пятьдесятъ римскихъ миль пространства.

Въ описаніи этихъ событій мы держались почти исключительно Тацита, передавшаго факты со всѣми живописующими подробностями. Но не одинъ Тацитъ, всѣ другіе писатели свидѣтельствуютъ о высокомъ безкорыстіи и самоотверженіи, съ какими Германикъ дѣйствовалъ въ пользу интересовъ Тиберія, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ и величайшихъ опасностей; а Діонъ положительно утверждаетъ, что въ рукахъ его была полная возможность достигнуть верховной власти, что Римъ, провинціи и войска очень охотно бы ее признали, но что онъ самъ великодушно отъ нея отказался. Мало того, — если сообразить все поведеніе Германика, вникнуть во всѣ его поступки и рѣчи, то мы не замѣтимъ въ нихъ даже ни малѣйшаго колебанія, или нерѣшительности. Подумаешь, что ему и въ голову не приходила возможность поспорить съ Тиберіемъ за власть, на которую уполномочивали его столь-

ко уважительныхъ основаній. Трудно, разумѣется, представить, чтобы имъ руководило въ этомъ случаѣ личное доброжелательство, тѣмъ болѣе—преданность къ Тиберію. Мы знаемъ уже, что на подобныя чувства со стороны племянника Тиберій не имѣлъ ни правъ, ни притязаній. Еще менѣе допустить можно, что онъ потерялся и отступилъ малодушно предъ опасностями рискованнаго предпріятія. Скорѣе должно думать, что Германикъ дѣйствовалъ такъ по внушенію гражданскаго долга и безкорыстнаго патріотизма. Его чистая душа, безъ сомнѣнія, содрогалась при мысли, что его покушеніе на императорскій санъ будетъ не только сигналомъ къ неизбѣжной гражданской войнѣ, но даже въ будущемъ отзовется для государства несчастіями, ниспровергнувъ порядокъ наслѣдства въ имперіи по праву усыновленія, установленный Августомъ для блага и спокойствія общества.

Побѣды и завоеванія покрыли вскорѣ личность Германика обаятельнымъ блескомъ военной славы, поставивъ имя его на ряду съ именами величайшихъ полководцевъ римской исторіи. Но едва-ли не чище и лучезарнѣе тотъ вѣнецъ нравственнаго величія, которымъ украсило его благородное самоотверженіе въ эпоху возстанія легіоновъ. Кто умѣлъ устоять противъ обольщеній близкой, почти несомнѣнной власти и выйдти побѣдителемъ изъ заманчивыхъ сѣтей собственнаго интереса, тому уже не трудно явиться мужемъ въ виду какой бы ни было внѣшней опасности.

Рейнскія событія конца 14-го года были послѣднимъ горниломъ, въ которомъ закалился благородный характеръ Германика, послѣднимъ, завершительнымъ актомъ того нравственнаго воспитанія, какое дала ему жизнь. Послѣ такихъ испытаній ему уже можно было смѣло выходить на широкое и скользкое поле жизненной дѣятельности.

Когда въ Римѣ узнали о счастливомъ исходѣ опасностей, грозившихъ имперіи съ Рейна, волненіе умовъ въ городѣ достигало крайнихъ предѣловъ. На улицахъ и площадяхъ громко порицали малодушіе Тиберія, не рѣшавшагося личнымъ появленіемъ смирить буйное безначаліе легіоновъ. Съ своей стороны, Тиберій, по-обыкновенію, хитрилъ, притворялся самоувѣреннымъ, распускалъ слухи о скорой поѣздкѣ своей на рейнскую границу, но ни за что не рѣшался оставить городъ и сенатъ, въ которыхъ не могъ быть увѣреннымъ. Получивъ, наконецъ, благопріятныя вѣсти отъ Германика, онъ не обнаружилъ никакой особенной радости, чтобы тѣмъ не открыть также и того томительнаго страха, который мучилъ его въ

теченіи всего послѣдняго времени. Притомъ-же, раздачею различныхъ льготъ и наградъ Германикъ упрочивалъ свою популярность въ арміи, что подавало императору поводъ къ зависти и подозрѣніямъ. Къ подозрѣніямъ? да развѣ можно было сомнѣваться въ человѣкѣ, представившемъ такія поразительныя доказательства вѣрности и безкорыстія? Да, какъ ни странно подобное явленіе, но оно оправдывается исторически и психологически. Въ первомъ отношеніи мы имѣемъ положительное свидѣтельство Тацита, во второмъ также нѣтъ недостатка въ вѣроятностяхъ. Если справедливо, что человѣкъ всегда склоненъ заключать о другихъ по себѣ, то о Тиберіи это можно сказать тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что въ тѣ смутныя времена, какъ бываетъ всегда въ пору глубокаго нравственнаго упадка, вообще имѣли мало вѣры въ людей. Поэтому, Тиберій едва-ли серьезно повѣрилъ, что Германикъ могъ, но не хотѣлъ лишить его власти; а какъ онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ искренности поступковъ племянника, то и недовѣрчивость къ нему могла только усилиться, такъ-какъ теперь легко было еще предположить въ немъ тонкаго и опаснаго лицемѣра. Съ другой стороны, допустивъ даже, что услуга Германика точно была чистосердечна, Тиберій, поставленный въ необходимость принять ее отъ человѣка, къ которому онъ питалъ столько ненависти, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, горько почувствовать—какъ сильно страдало его самолюбіе и гордость. Каковы бы ни были, однимъ словомъ, сокровенные мотивы поведенія Германика, оно скопляло надъ его головою неизбѣжныя опасности въ будущемъ. Вражда Тиберія не умѣла забывать ничего.

Въ сенатѣ, однако, и въ публикѣ Тиберій отдавалъ справедливость заслугамъ племянника, но въ выраженіяхъ слишкомъ напыщенныхъ, говоритъ Тацитъ, для того, чтобъ они могли показаться искренними. Самого Германика благодарилъ онъ искусственно-трогательнымъ письмомъ.

V.

Мы переходимъ къ изображенію лучшей поры въ жизни Германика,—къ исторіи его походовъ. Тацитъ, который и здѣсь служитъ главнымъ руководителемъ, съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ разсказываетъ о военныхъ подвигахъ своего любимаго героя, какъ-бы желая этими отрадными картинами вознаградить се-

бя и читателя за пошлость и мрачный колоритъ внутренняго быта изображеннаго имъ общества. Боевая доблесть была въ тѣ времена одною изъ немногихъ свѣтлыхъ сторонъ, какія уцѣлѣли отъ прежней славной жизни римскаго народа. Вотъ почему, быть можетъ, люди, которымъ доставалась въ удѣлъ военная слава, такъ особенно высоко становились во мнѣніи согражданъ, невольно порабощали себѣ ихъ умы.

Германскій міръ, облегавшій, по Рейну и Дунаю, сѣверные и сѣверо-восточные предѣлы имперіи, состоялъ въ то время изъ множества отдѣльныхъ племенъ, не связанныхъ никакимъ политическимъ единствомъ, вѣчно враждовавшихъ между собою. Казалось бы, что при такомъ состояніи легче всего было подчинить его римскому преобладанію. При Августѣ, до самыхъ временъ варова пораженія, отношенія къ германцамъ уже какъ-бы дѣйствительно клонились къ этой развязкѣ. Римляне поддерживали и сѣяли между ними раздоры, знакомили ихъ со своею цивилизаціею; многіе изъ благородныхъ германцевъ получали воспитаніе въ Римѣ и служили въ легіонахъ, сражаясь нерѣдко подъ римскимъ знаменемъ со своими же земляками. Хотя послѣ варовой катастрофы римляне и потеряли всѣ выгоды своего преобладанія въ за-рейнскихъ земляхъ, однакожъ положеніе ихъ отъ того не сдѣлалось еще безнадежнымъ. У нихъ оставалась въ Германіи сильная партія, преданная ихъ интересамъ; множество наемниковъ, набранныхъ, большею частію, по сю сторону Рейна, служили въ римскихъ войскахъ; между вождями германцевъ были еще люди, которые не только по какимъ-нибудь личнымъ интересамъ, но даже по убѣжденію, желали римскаго владычества въ своей родинѣ. Въ числѣ такихъ людей наиболѣе извѣстенъ былъ своею приверженностію къ Риму нѣкто Сегестъ, одинъ изъ херусскихъ князей, личный врагъ Арминія, похитившаго у него дочь, уже обѣщанную другому, — тотъ самый Сегестъ, который неоднократно предостерегалъ Вара отъ замысловъ вѣроломныхъ херусковъ.

Начиная кампанію за Рейномъ, Германикъ основывалъ много надеждъ на этой враждѣ Арминія съ Сегестомъ, пользовавшихся большимъ уваженіемъ у своихъ земляковъ, хотя предпріимчивый и пылкій характеръ Арминія, его надежная опытность въ ратномъ дѣлѣ, наконецъ его непоколебимая ненависть къ римлянамъ доставляли ему нравственный перевѣсъ надъ соперникомъ.

Первая экспедиція Германика направлена была въ землю каттовъ

или въ область бывшаго нассаускаго герцогства. Нападеніе, сдѣланное въ расплохъ, удалось вполнѣ. Вся земля до Одера была опустошена и захвачено множество плѣнниковъ.

Этотъ удачный набѣгъ, раздраживъ варваровъ, подалъ Арминію поводъ объявить виновникомъ его Сегеста и поднять противъ римлянъ своихъ земляковъ, которые, какъ-бы предчувствуя упорную борьбу, сначала неохотно брались за оружіе. Разумѣется, что первою жертвою народнаго негодованія сдѣлался Сегестъ. Приверженцы Арминія до-того стѣснили его въ собственныхъ владѣніяхъ, что ему оставалось только просить помощи у Германика. Родной сынъ Сегеста прибылъ въ римскій лагерь умолять о защитѣ отца. Принявъ милостиво посольство, Германикъ тотчасъ-же двинулся на выручку союзника. Легко одолѣвъ сопротивленіе осаждавшихъ, римляне направили путь обратно къ Рейну. За ними слѣдовалъ самъ Сегестъ, его семейство, кліенты и множество благородныхъ германскихъ женщинъ, и между ними жена Арминія, Туснельда, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ. Какъ истинная германка, она шла спокойно и твердо, безъ слезъ, безъ мольбы и упрековъ; глаза ея неподвижно покоились на сынѣ Арминія.... Отецъ ея, Сегестъ, человѣкъ колоссальнаго росту, самоувѣренно и гордо слѣдовалъ вмѣстѣ съ дочерью, оправдывая свое поведеніе передъ римлянами. „Я не измѣнникъ, не врагъ моей родинѣ, говорилъ онъ, но думалъ и думаю, что неразрывно связаны интересы Германіи и Рима, и что для обѣхъ сторонъ доброе согласіе выгоднѣе войны. Съ той минуты, какъ Августъ даровалъ мнѣ достоинство гражданина, съ римлянами у меня были общіе друзья и враги. Не корысть и не жажда отличій заставляютъ меня дѣйствовать такимъ образомъ, но желаніе блага моей родинѣ, которая всегда найдетъ во мнѣ посредника и ходатая передъ вами, если когда-нибудь настанетъ для нея часъ холодной разсудительности и раскаянія“. Германикъ обѣщалъ имъ всѣмъ безопасность, покровительство и приличное содержаніе въ одной изъ древнихъ римскихъ провинцій.

Вѣсть о подданствѣ Сегеста, о плѣнѣ семейства арминіева произвела на варваровъ различное впечатлѣніе: одни видѣли въ этомъ начало добраго согласія съ римлянами и надежду на близкій миръ, но большая часть—новый поводъ ко враждѣ, для которой, кромѣ войны, не было другого исхода. Что касается самого Арминія, то, какъ и можно было предвидѣть, негодованіе его не знало границъ. „Какъ? — кричалъ онъ землякамъ своимъ,—такъ вотъ это знаме-

нитый вождь, это могущественная армія, ограничивающая свои подвиги похищеніемъ слабой женщины! Я не прибѣгалъ къ измѣнѣ, не воевалъ съ беременными женами; но открыто уничтожилъ три легіона вооруженныхъ враговъ. И теперь еще тлѣютъ въ нашихъ лѣсахъ римскія знамена, посвященныя мною отечественнымъ богамъ. Пусть Сегестъ на чужой землѣ наслаждается спокойствіемъ рабовъ; никогда свободные германцы не простятъ ему вины появленія римской сѣкиры и тоги между Рейномъ и Эльбою“. Такими и подобными рѣчами онъ поднялъ противъ римлянъ почти всю Германію. На голосъ его возстали не только херуски и всѣ окрестныя племена, но даже знаменитый своею военною славой, престарѣлый вождь Ингіомеръ, дядя Арминія, принялъ участіе въ коалиціи.

Чтобы раздѣлить силы враговъ, Германикъ различными путями соединяетъ свои войска на берегахъ Эмса, опустошивъ все пространство между этой рѣкою и Липпою.

Неподалеку оттуда лежалъ тевтобургскій лѣсъ. Тамъ кости Вара и останки его легіоновъ лежали безъ погребенія. Движимый участіемъ, воспоминаніями, религіознымъ чувствомъ, самою поэтическою заманчивостью предпріятія, Германикъ рѣшился туда проникнуть и отдать послѣдній долгъ погибшимъ товарищамъ. Съ чрезвычайными предосторожностями углубились римляне въ эти непроходимыя, болотистыя дебри, на каждомъ шагу встрѣчая слѣды роковой катастрофы,—остатки лагеря варова, бѣлыя груды костей, изломанное оружіе, алтари, гдѣ принесены были въ жертву богамъ трибуны и центуріоны, человѣческія головы, пригвожденныя къ деревьямъ. Уцѣлѣвшіе свидѣтели событія указываютъ даже мѣста, гдѣ отбиты были знамена, гдѣ закололся раненный Варъ... Начался печальный обрядъ погребенія. Сколько трогательныхъ воспоминаній возбудили въ сердцахъ эти одинокія, побѣлѣвшія кости, сколько братьевъ, родныхъ, друзей погребали здѣсь дружественныя руки, — какимъ негодованіемъ горѣли въ эту минуту лица и души легіонеровъ! Никакое зрѣлище не могло воспламенить большей ненависти ко врагу, возбудить сильнѣе жажду кроваваго съ нимъ разсчета, хотя, съ другой стороны, ничто не могло произвести на войска болѣе тяжелаго впечатлѣнія, какъ эти нѣмые свидѣтели безславно павшихъ собратій.

„Все же шесть лѣтъ спустя послѣ варова пораженія, — прибавляетъ Тацитъ съ чувствомъ удовлетворенной народной гордости, — другая римская армія пришла въ эти мѣста за-тѣмъ, чтобы воздать послѣдній долгъ товарищамъ“.

Полагаясь на одушевленіе войска, Германикъ рѣшился преслѣдовать Арминія, но настигъ его на слишкомъ невыгодной мѣстности для того, чтобъ отважиться на рѣшительную битву. Варвары укрылись въ окрестныхъ лѣсахъ и своимъ смѣлымъ натискомъ едва не разстроили римской боевой линіи; невозмутимая стойкость легіоновъ спасла ихъ отъ опасности, и арміи разошлись безъ особеннаго успѣха съ той или съ другой стороны.

Обратный путь къ Рейну стоилъ римлянамъ болѣе жертвъ, нежели ихъ наступательное движеніе. Имъ предстояло идти по непроходимымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ, на каждомъ шагу преодолѣвая преграды со стороны дикой природы и отбиваясь отъ непріятеля, ободреннаго нѣкоторыми успѣхами, умѣвшаго извлекать выгоды изъ такихъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ римляне встрѣчали только препятствія.

Чтобы сколько возможно облегчить трудности такого отступленія, Германикъ раздѣлилъ войска. Свои четыре легіона онъ посадилъ на суда, стоявшія въ готовности на Эмсѣ, приказавши кавалеріи слѣдовать берегомъ океана въ виду кораблей; другіе же четыре легіона поручилъ Цецинѣ вести къ Рейну кратчайшимъ, но за-то болѣе опаснымъ путемъ. Оба отряда должны были испытать много лишеній и бѣдствій, прежде-чѣмъ достигли своего назначенія.

Корпусъ Германика, во-первыхъ, не могъ безопасно размѣститься на судахъ, и потому два легіона сошли на берегъ, чтобы продолжать слѣдованіе сухимъ путемъ. Сначала путь былъ удобенъ и все шло хорошо; но вскорѣ подулъ сильный сѣверный вѣтеръ; къ нему присоединились высокіе морскіе приливы, и волны стали затоплять низкіе берега. Въ короткое время уже невозможно было различить ни береговъ, ни моря, ни деревень; все покрылось безразличнымъ воднымъ пространствомъ. Напрасно солдаты, по грудь и по горло въ водѣ, старались выбраться на болѣе возвышенную и безопасную мѣстность. Преслѣдуемые волнами, затрудняемые обозомъ и тяжелой аммуниціей, многіе изъ нихъ погибли. Только къ утру слѣдующаго дня удалось имъ достигнуть возвышенности, откуда Германикъ могъ посадить ихъ снова на корабли.

Еще печальнѣе была участь легіоновъ, возвращавшихся подъ начальствомъ Цецины. Въ-особенности большими опасностями грозилъ имъ переходъ по такъ называемымъ „длиннымъ мостамъ", или узкой плотинѣ, посреди болотъ и лѣсовъ, построенной еще

Домиціемъ, ходившимъ сюда при Августѣ. Время и вліяніе естественныхъ перемѣнъ разрушили большую часть этихъ сооруженій. Арминій, хорошо знакомый съ мѣстностію, кратчайшими путями успѣлъ предупредить прибытіе римлянъ въ эту окрестность и занялъ своими войсками всѣ ближайшіе лѣса. Солдатамъ приходилось и работать надъ исправленіемъ дороги и въ то-же время отбиваться отъ непріятелей. Всѣ выгоды мѣстности, оружія, привычки были на сторонѣ врага. Римлянъ, быть можетъ, ждала участь Вара. Самъ Цецина, сдѣлавшій въ теченіе своей жизни сорокъ кампаній, хорошо знакомый со всѣми превратностями военнаго счастія, на этотъ разъ сталъ отчаяваться въ успѣхѣ и, видя ослабѣвающее мужество своихъ, отвелъ ихъ къ-вечеру того дня на одну ближайшую равнину, простиравшуюся между болотами и горами. Германцы, направивъ на плотину воды, стекавшія съ горъ, и затопивъ ими сдѣланныя римлянами работы, тоже расположились на-ночь. Разумѣется, что ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ никто не думалъ о снѣ. Но у германцевъ пылали частые огни, шелъ видно пиръ, слышались веселыя пѣсни и грозные клики. Въ римскомъ станѣ царствовало мрачное безмолвіе. Истомленные усталостію и ожиданіемъ близкой опасности солдаты печально бродили вокругъ палатокъ и насыпей. Ихъ военачальникъ видѣлъ въ ту ночь зловѣщій сонъ: Квинктилій Варъ, весь забрызганный кровью, почудился ему выходящимъ изъ мрака болотъ и простирающимъ къ нему руки... На разсвѣтѣ, какъ только римляне стали переправлять по плотинѣ свой тяжелый обозъ, и вслѣдствіе того разстроился нѣсколько ихъ боевой порядокъ, Арминій аттаковалъ ихъ, воскликнувъ, что судьба предаетъ ему въ руки второго Вара. Отступавшіе легіоны опять должны были весь день выдерживать неравный, невыгодный бой, и только къ-вечеру удалось имъ выдти на болѣе твердую и открытую почву, понесши тысячи потерь людьми, лошадьми и багажемъ.

Слѣдующая ночь не принесла римлянамъ покоя. Раздѣливъ остатки скудной пищи, смѣшанные съ кровью и грязью, солдаты должны были разбивать лагерь, копать рвы, насыпать ретраншаменты,—что было тѣмъ болѣе трудно, что большая часть необходимыхъ для того орудій была потеряна во время гибельной переправы. Ночью варвары пытались нѣсколько разъ напасть въ расплохъ. Напуганные и обезкураженные легіонеры до того потеряли присутствіе духа, что при каждомъ малѣйшемъ шумѣ готовы были

обратиться въ бѣгство. Случилось, что сорвавшаяся откуда-то лошадь прибѣжала въ римскій станъ. Стража пришла въ движеніе; произошла суматоха. Не зная ея причины и постоянно ожидая нападенія, солдаты опрометью стали бросаться изъ окоповъ. Напрасно Цецина грозитъ, приказываетъ, умоляетъ; никто не обращаетъ на него вниманія. Каждый думаетъ о себѣ, всѣ толпятся къ заднимъ воротамъ. Римскому военачальнику оставалось только броситься на-земь и своимъ тѣломъ загородить выходъ бѣглецамъ. Состраданіе, стыдъ, возвратившееся сознаніе долга остановили, наконецъ, солдатъ, когда офицеры объяснили имъ причину происшедшаго безпорядка. Тогда Цецина, находя минуту благопріятною, собираетъ солдатъ и объясняетъ имъ опасное положеніе арміи, спасеніе которой зависѣло теперь единственно отъ мужества легіоновъ. Напомнивъ имъ объ отличіяхъ и славѣ, о близкомъ возвратѣ на родину, въ случаѣ дружнаго исполненія долга, онъ предсказываетъ имъ неизбѣжную гибель, если войска откажутся дѣйствовать самоотверженно и единодушно. За-тѣмъ положено было не выходить изъ лагеря и ждать непріятеля въ окопахъ. На утро дѣйствительно, густыя массы германцевъ, предводимыхъ Арминіемъ и Ингіомеромъ, окружили станъ, воображая римлянъ немногочисленными и худо вооруженными и стараясь проникнуть за ретраншаменты. Тогда, по данному Цециной сигналу, вдругъ раздались звуки военныхъ трубъ и рожковъ, и въ ту-же минуту легіоны въ стройномъ порядкѣ выступили изъ-за окоповъ и со всѣхъ сторонъ окружили изумленнаго и растерявшагося врага. Это первое впечатлѣніе рѣшило дѣло. Объятые ужасомъ варвары бросились бѣжать; но на ровной и открытой мѣстности успѣли спастись немногіе. Самъ Ингіомеръ былъ тяжело раненъ. Цѣлый день римляне преслѣдовали и кололи бѣгущихъ и только къ-вечеру собрались въ общій лагерь, гдѣ ихъ по прежнему ожидали голодъ и нужда, но гдѣ сознаніе совершеннаго подвига и надежда на близкій конецъ воинскимъ трудамъ замѣнили для нихъ наилучшія удобства и изобиліе.

Когда на Рейнѣ узнали объ опасномъ положеніи арміи, паническій страхъ заставилъ многихъ подумать о разрушеніи моста на этой рѣкѣ съ тѣмъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, предохранить Галлію отъ вторженія близкаго, увлеченнаго успѣхами врага. Одна Агриппина воспротивилась исполненію этого малодушнаго намѣренія. Въ эти опасныя минуты она приняла на себя обязанности и заботы главнокомандующаго,—раздавала солдатамъ одежду, пособія бѣд-

нымъ и лѣкарства больнымъ; когда же войска достигли благополучно береговъ Рейна, то, стоя на мосту, поздравляла возвращавшіеся съ похода легіоны и благодарила ихъ за мужество и самоотверженіе. Вскорѣ за-тѣмъ прибылъ и Германикъ со своимъ корпусомъ и, съ своей стороны, также употребилъ всѣ усилія и заботливость, чтобы вознаградить солдатъ за ихъ лишенія, воздать каждому по заслугамъ, и тѣмъ поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и трудамъ.

Между тѣмъ Тиберій зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Германіи и на рейнской границѣ. Если-бы онъ располагалъ большею свободою дѣйствій, то, безъ всякаго сомнѣнія, воспротивился бы походамъ Германика, или, по-крайней-мѣрѣ, поручилъ бы начальство надъ ними другому. Но, при шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ находилась его власть въ Римѣ, ему не было никакой возможности отмѣнить распоряженіе Августа. Оставались косвенные пути и интриги, въ которыхъ цезарь чувствовалъ себя наиболѣе сильнымъ. Уже послѣ первой экспедиціи Германика, не ознаменованной никакими особенными успѣхами и похожей болѣе на набѣгъ, чѣмъ на кампанію, онъ назначилъ ему тріумфъ съ тѣмъ, чтобы, польстивъ его юному честолюбію, приманкою чрезвычайныхъ почестей привлечь его въ Римъ и тамъ, подъ какими-нибудь благовидными предлогами, разлучить съ легіонами. Не смотря однакожъ на то, Германикъ не поддался на уловку, не поѣхалъ въ Римъ, и, какъ мы видѣли, съ весною 15-го года, началъ войну. Тогда Тиберій перемѣнилъ планъ аттаки. Не нападая явно на племянника, сохраняя, со свойственнымъ ему искусствомъ, всѣ признаки наружнаго безпристрастія, онъ началъ, отъ времени до времени, публично порицать его распоряженія, чтобы тѣмъ уменьшить его славу. Такъ, напримѣръ, не одобрялъ онъ похода въ тевтобургскій лѣсъ, находя, что зрѣлище роковыхъ слѣдовъ варова пораженія подѣйствовало невыгодно на воинственный духъ легіоновъ и внушило варварамъ смѣлость тревожить отступленіе римлянъ, — но забывая весь глубоко-трогательный, религіозно-патріотическій смыслъ этого поступка. Когда же кампанія 15 года, противу всѣхъ ожиданій, кончилась такъ удачно, и Германикъ вышелъ побѣдоносно изъ всѣхъ трудныхъ обстоятельствъ и опасностей, которыми сопровождалось его отступленіе, зависть и подозрѣнія Тиберія проснулись съ новою силою. Въ заботливости Германика объ успокоеніи пострадавшихъ и изувѣченныхъ въ походѣ солдатъ онъ видѣлъ

намѣреніе окончательно расположить къ себѣ войска, въ его желаніи продолжать такъ успѣшно начатую войну—опасные честолюбивые замыслы. Въ-особенности сильно было его негодованіе на поведеніе Агриппины. На этотъ разъ Тиберій забылъ даже свою обычную осторожность и громко жаловался въ публикѣ на гордость и властолюбіе этой женщины, самовольно присвоившей себѣ права и обязанности вождя. Онъ не могъ простить ей сцены на рейнскомъ мосту, считая ее прямымъ посягательствомъ на императорское величіе. Не забылъ онъ также и того, что ребенокъ, меньшой сынъ Агриппины и Германика, какъ любимое дѣтище легіоновъ, носилъ простой солдатскій костюмъ и что родители допустили прозвать его фамиліарнымъ именемъ Калигулы. Наконецъ, блистательная роль Агриппины во время возстанія арміи, презрѣвшей авторитетъ императора и сената и уступившей нравственному вліянію этой женщины—во всемъ этомъ Тиберій видѣлъ доказательства опасной популярности ненавистнаго ему семейства, и въ душѣ его все болѣе и болѣе накоплялось къ нему вражды. Въ первый разъ тогда рѣшился написать онъ къ Германику, что пора бы кончить войну и возвратиться въ Римъ, гдѣ его ждутъ награды, спокойствіе и слава.

Съ своей стороны, Германикъ, видя возрастающую ненависть дяди и не безъ основанія полагая, что ему не дадутъ долго остаться на Рейнѣ, спѣшилъ воспользоваться временемъ и одушевленіемъ преданной ему арміи для того, чтобы кончить войну какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ.

Вникая въ причины незначительности результатовъ прежнихъ римскихъ кампаній въ Германіи, онъ убѣдился, что варварамъ преимущественно благопріятствовали счастливыя для нихъ мѣстныя условія—болота, лѣса, непроходимость путей, раннія зимы, и что легіоны не столько теряли отъ меча непріятельскаго, сколько отъ трудностей изнурительнаго и далекаго похода. Онъ видѣлъ, что только по устраненіи этихъ препятствій можно ожидать прочныхъ успѣховъ, и потому рѣшился воспользоваться мыслію и трудами отца своего Друза, который, большею частію, водилъ войска на судахъ, и съ этой цѣлію выстроилъ даже искусственный каналъ, облегчавшій соединеніе Рейна съ Флавіевымъ озеромъ (нынѣшнимъ Зюдерзее) и слѣдовательно—съ океаномъ. Согласно этому плану, на Рейнѣ зимою выстроено было тысяча судовъ разнаго калибра съ тѣмъ, чтобы на нихъ доставить войска къ устьямъ Эмса, или

же Везера, смотря по тому, куда укажетъ необходимость. Такимъ образомъ Германикъ надѣялся сберечь силы и здоровье войска и, настигши Арминія на открытой мѣстности, принудить его къ правильному сраженію, которое всегда представляло для римлянъ много вѣроятностей успѣха.

Весною 16-го года суда были готовы, и Германикъ посадилъ на нихъ корпусъ, состоявшій изъ восьми легіоновъ, не считая кавалеріи, союзническихъ отрядовъ, преторіанскихъ когортъ и стрѣлковъ пѣшихъ и конныхъ со всѣми ихъ принадлежностями — лошадьми, оружіемъ и провіантомъ. Сборнымъ мѣстомъ для этой сильной флотиліи назначена была земля батавовъ, лежавшая между двумя рукавами Рейна — собственно Рейномъ и Вааломъ. Отсюда суда поплыли къ устьямъ Эмса, но сдѣлали ошибку, высадивъ войска на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ землѣ фризовъ, ибо потомъ нужно было терять время на постройку мостовъ для переправы на правый берегъ, и самая переправа не обошлась безъ потерь. Дальнѣйшее движеніе къ сѣверу совершено было, впрочемъ, безпрепятственно, и армія вскорѣ достигла Везера, за которымъ начинались земли херусковъ и гдѣ Арминій, въ ожиданіи римлянъ, расположенъ былъ съ многочисленнымъ войскомъ.

Какъ только легіоны приблизились къ рѣкѣ, на правомъ ея берегу показался Арминій со свитою и, освѣдомившись — находится ли Германикъ при войскѣ, просилъ позволенія видѣться съ братомъ своимъ Флавіемъ, служившимъ въ римской арміи и отличавшимся неподкупною вѣрностію римлянамъ. Свиданіе было разрѣшено, и тогда на берегахъ Везера произошла сцена, въ маломъ видѣ олицетворившая два различныя направленія, раздиравшія въ то время германскій міръ. Два родные брата, стоявшіе подъ враждебными знаменами, наканунѣ рѣшительнаго боя, сошлись сюда съ тѣмъ, чтобы оправдать другъ предъ другомъ искренность своихъ убѣжденій, правоту своего дѣла. Каждый приводилъ свои доводы, стараясь ими поколебать рѣшимость другого. Флавій говорилъ о величіи Рима, могуществѣ цезарей, о страшномъ возмездіи, какое готовятъ они отпавшимъ, или измѣнившимъ союзникамъ, наконецъ — о великодушіи, ожидающемъ чистосердечно раскаявшихся, приводя въ примѣръ милостивый пріемъ, оказанный женѣ и сыну Арминія. Съ своей стороны Арминій старался подѣйствовать на душу и воображеніе брата, напомнивъ ему о священныхъ правахъ отечества, о свободѣ и независимости ихъ предковъ; грозилъ ему гнѣвомъ

національныхъ боговъ, заклиналъ именемъ матери. Увлеченные горячимъ разговоромъ, они незамѣтно перешли ко взаимнымъ оскорбленіямъ и угрозамъ. Уже Флавій требовалъ коня и оружіе,—и рѣка, раздѣлявшая собесѣдниковъ, едва-ли бы удержала его отъ кровавой раздѣлки съ братомъ, если-бы приближенные насильно не увлекли его съ берега; но на той сторонѣ долго еще раздавались негодующіе клики Арминія. Слышно было, какъ своимъ ломаннымъ латинскимъ языкомъ онъ вызывалъ римлянъ на бой.

На утро слѣдующаго дня дѣйствительно увидѣли херусковъ, уже построенныхъ въ боевой порядокъ. Въ виду такой встрѣчи переправа чрезъ Везеръ была не легка. Поэтому, чтобы раздѣлить силы союзниковъ, легіоны въ нѣсколькихъ мѣстахъ стали переходить рѣку и совершили это довольно удачно. Одни союзные римлянамъ батавы понесли сильный уронъ отъ непріятеля, притворнымъ бѣгствомъ заманившаго ихъ на невыгодную лѣсную позицію.

Переправившись черезъ Везеръ, Германикъ узналъ отъ переметчиковъ и своихъ разъѣздовъ, что Арминій не вдалекѣ оттуда занялъ позицію и что силы его состоятъ изъ огромныхъ скопищъ не только херусковъ, но и другихъ окрестныхъ племенъ. На другой день ждали сраженія.

Въ эту рѣшительную минуту для Германика очень важно было испытать расположеніе солдатъ и увѣриться, въ какой степени онъ можетъ разсчитывать на ихъ преданность и усердіе. На донесенія офицеровъ, вольноотпущенниковъ, даже друзей полагаться было нельзя, потому что и лесть и излишнее доброжелательство часто представляли дѣло не въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось дѣйствительно. Поэтому онъ рѣшился прибѣгнуть къ другому средству. Ночью, незамѣченный никѣмъ и переодѣтый въ простое платье, въ сопровожденіи одного только человѣка, онъ прокрался по опустѣвшимъ дорожкамъ лагеря, съ тѣмъ чтобы подслушать въ палаткахъ непринужденный разговоръ солдатъ у походнаго котла и отсюда извлечь заключеніе о настоящемъ настроеніи арміи. Эти минуты, быть можетъ, были счастливѣйшими въ жизни Германика: судьба послала ему великое и рѣдкое наслажденіе—слышать себѣ нелицемѣрную похвалу изъ устъ людей, свободно и непринужденно высказывавшихъ другъ другу все, что было у нихъ на душѣ. Одинъ превозносилъ его привѣтливость, другой—твердость, терпѣніе и боевое мужество; всѣ были готовы доказать ему свою признательность на полѣ сраженія. Тогда-же случилось, что одинъ не-

пріятельскій всадникъ, подскакавъ на близкое разстояніе къ лагерю, громко закричалъ, что Арминій обѣщаетъ каждому легіонеру, который бы захотѣлъ перейдти на его сторону, земли, жену и по сту сестерцій въ день жалованья во все продолженіе войны; но солдаты съ негодованіемъ отвѣчали, что они лучше дождутся дня и тогда съ боя возьмутъ всѣ предлагаемыя имъ награды.

Увѣрившись, такимъ образомъ, въ надежномъ расположеніи арміи, Германикъ возвратился въ свою палатку и предъ самымъ утромъ столь рѣшительнаго для него дня видѣлъ отрадный, полный счастливаго предзнаменованія сонъ. Онъ видѣлъ себя приносящимъ жертву, кровь которой забрызгала его бѣлую, шитую пурпуромъ тогу; но въ то-же время онъ получилъ другую, прекраснѣйшую, изъ рукъ бабки своей Августы. Какъ истинный римлянинъ, онъ вѣрилъ въ предзнаменованія, въ сны, въ могущество національныхъ боговъ. Посѣтившее его ночное видѣніе наполнило его новою увѣренностію въ успѣхѣ.

Весь еще подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній отраднаго сна, на разсвѣтѣ, Германикъ собралъ солдатъ, и, со свойственною ему разсудительностію, представилъ имъ всѣ выгоды ихъ положенія, если они съумѣютъ воспользоваться превосходствомъ своего оружія и своей тактики. „Эльба теперь уже ближе, чѣмъ Рейнъ, сказалъ онъ въ заключеніе, и у этой рѣки, всегда служившей предѣломъ римскимъ походамъ въ Германіи, должна окончиться война. Если васъ утомило скучное плаваніе по морямъ и трудные, далекіе переходы по сушѣ, то въ предстоящемъ сраженіи вы найдете конецъ вашимъ трудамъ. Въ вашихъ рукахъ—доставить побѣду сыну Друза, племяннику Тиберія, идущему въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ по ихъ славнымъ слѣдамъ!“

Съ своей стороны, Арминій то-же старался одушевить своихъ, называя римлянъ жалкими остатками варовыхъ легіоновъ, обреченными той-же неумолимой судьбѣ. „Если германцы помнятъ, кричалъ онъ, высокомѣріе, жадность и жестокость римлянъ, то имъ остается или отстоять свою независимость, или смертію избавиться отъ рабства“.

Одушевленные рѣчами своихъ предводителей, варвары сошли на „идиставизскую равнину“, образуемую Везеромъ и лѣсистыми возвышенностями, остававшимися у нихъ въ-тылу. Легіоны, готовые къ бою, хладнокровно двинулись въ аттаку.... Но въ ту минуту, когда римская боевая линія, въ стройномъ порядкѣ, приближалась

къ непріятельской, восемь большихъ орловъ пронеслись по направленію къ лѣсу. Это случайное обстоятельство, сочтенное счастливымъ предзнаменованіемъ, новымъ мужествомъ одушевило войска. Видя въ немъ несомнѣнный залогъ побѣды, Германикъ указывалъ его движущимся колонамъ, убѣждая ихъ слѣдовать за этими священными птицами Рима, богами-покровителями легіоновъ. Въ пять часовъ утра началось сраженіе и продолжалось до поздней ночи. Напрасно Арминій своими криками и примѣромъ старался одушевить растерявшіяся массы германцевъ. Раненный и залитый кровью, онъ все еще носился верхомъ отъ одного отряда къ другому, своимъ личнымъ присутствіемъ поддерживая повсюду порядокъ и стойкость своихъ, не разъ уже покушавшихся разсѣяться въ бѣгствѣ. Послѣ полудня послѣднія усилія непріятеля были уже истощены и онъ началъ въ безпорядкѣ оставлять поле сраженія. Тогда началось истребительное преслѣдованіе бѣгущихъ,—и когда ночь сошла на равнину, десять римскихъ миль пространства было усѣяно убитыми, раненными, растеряннымъ оружіемъ и багажемъ. Самъ Арминій спасся только хитростію, запачкавъ себѣ лице собственною кровью, чтобы неузнаннымъ легче пробиться сквозь непріятельскіе ряды. Такимъ-же образомъ ускользнулъ раненный Ингіомеръ.

Въ тотъ-же день армія поднесла Германику высшій военный титулъ — imperator. На полѣ битвы воздвигнутъ былъ побѣдный трофей.

При видѣ этого оскорбительнаго для ихъ народной гордости памятника, германцы, готовые уже оставить отечество и бѣжать за Эльбу, приходятъ въ новую ярость. Юноши и старики, народъ и вожди — все снова поднялось противъ римлянъ, пылая мщеніемъ. Выбравъ удобную позицію, окруженную рѣкою, болотами и лѣсами, на дорогѣ, по которой нужно было отступать Германику, они приготовились къ новой битвѣ. По условіямъ мѣстности, римляне имѣли у себя въ-тылу горы и рѣку, германцы — болота. Ни той, ни другой сторонѣ отступленіе было невозможно. Единственнымъ средствомъ оставалось личное мужество, единственной надеждой побѣда. Поэтому, бой былъ самый ожесточенный, но за-то и пораженіе варваровъ — совершенное. Германикъ, съ открытымъ лицемъ и безъ шлема, носился на конѣ по полю сраженія, приказывая не щадить никого, съ тѣмъ чтобы добыть спокойствіе совершеннымъ истребленіемъ націи. До самой ночи легіоны купались въ крови непріятельской; сраженіе подъ-конецъ превратилось въ рѣзню. Въ

числѣ добычи найдены были цѣпи, которыя варвары, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, приготовили было для римлянъ.

По волѣ Германика, на мѣстѣ этого послѣдняго ожесточеннаго боя построенъ былъ монументъ съ великолѣпною надписью въ стилѣ добрыхъ старыхъ временъ: „армія Тиберія цезаря, побѣдивъ народы между Эльбою и Рейномъ, посвятила этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу“. О себѣ Германикъ не упомянулъ ничего, опасаясь-ли зависти Тиберія, или-же находя достаточную награду въ сознаніи совершеннаго подвига.

Между-тѣмъ лѣто близилось къ концу и римлянамъ нужно было подумать объ отступленіи. Отправивъ нѣсколько легіоновъ сухимъ путемъ, Германикъ съ большею частію сѣлъ на суда и Эмсомъ вошелъ въ океанъ. Сначала плаваніе счастливыхъ побѣдителей шло благополучно и весело; но вскорѣ поднялся свирѣпый южный вѣтеръ и сталъ метать въ разныя стороны непрочныя и наскоро сколоченныя суда, переполненныя народомъ и грузомъ. Солдаты и матросы, вообще не привыкшіе къ грознымъ явленіямъ неизвѣстнаго имъ океана, вскорѣ потеряли изъ виду берега, служившіе для нихъ путеводною нитью. Множество кораблей пошло ко дну; другіе выкинуты были бурею на скалистые острова, отдаленные и враждебные берега, или же на неизвѣстныя, необитаемыя мѣста, гдѣ несчастные солдаты умирали съ голоду, или же питались раковинами, растеніями и дохлымъ мясомъ, выброшенныхъ моремъ лошадей. Иныхъ занесло бурею даже въ Британію. Изъ всей громадной флотиліи одна трирема Германика пристала къ берегамъ союзныхъ римлянамъ хауковъ.

Соображая всѣ обстоятельства этого бѣдственнаго плаванія, нельзя не видѣть, что, предпринимая его, Германикъ не разсчиталъ всѣхъ опасностей, съ нимъ сопряженныхъ, и многое пустилъ на удачу, тогда-какъ, слѣдуя сухимъ путемъ, онъ могъ-бы надѣяться совершить его безопасно, такъ-какъ обезсиленный потерями и павшій духомъ непріятель едва-ли бы осмѣлился преслѣдовать побѣдоносные легіоны. Германикъ самъ понималъ это и чѣмъ болѣе сознавалъ свою опрометчивость, тѣмъ сильнѣе было его отчаяніе. День и ночь бродилъ онъ по прибрежнымъ скаламъ и мысамъ, напрасно устремляя взоры въ даль бушующаго океана и обвиняя себя въ столь великомъ несчастіи. Друзья едва могли удерживать его отъ намѣренія броситься въ море. Наконецъ буря стала стихать, и нѣкоторые корабли возвратились въ плачевномъ видѣ. Одни безъ ве-

селъ, другіе — съ развѣшеннымъ платьемъ вмѣсто паруса, или же влекомые другими, менѣе поврежденными судами. Наскоро исправивъ еще сколько-нибудь годные корабли, объѣхали тотчасъ-же сосѣдніе острова и берега, гдѣ и подобрали остатки выброшенныхъ туда и уцѣлѣвшихъ отъ голодной смерти солдатъ. Иныхъ, уже впослѣдствіи, выкупили изъ варварскаго плѣна и рабства.

Въ такомъ плачевномъ видѣ прибыли остатки арміи къ Рейну. Но тамъ ее ждали уже новые труды и новые подвиги. Слухъ о несчастіяхъ римлянъ, ободривъ германцевъ, поднялъ на ноги многія союзныя племена. Германикъ понялъ, что только быстрыя и рѣшительныя мѣры могутъ возстановить уваженіе къ римскому авторитету, пріобрѣтенное недавними побѣдами. Поэтому, не теряя времени, онъ тотчасъ-же, съ сильнымъ, семидесяти-тысячнымъ корпусомъ, вторгнулся въ землю каттовъ и марсовъ и опустошилъ ее огнемъ и мечемъ. Пораженные этимъ внезапнымъ ударомъ, варвары сопротивлялись слабо и покорились вмѣстѣ съ вождемъ своимъ Маловендомъ.

Послѣ этихъ новыхъ успѣховъ, войско было отведено на зимнія квартиры, гдѣ Германикъ своими попеченіями и наградами старался отдать справедливость заслугамъ каждаго.

Послѣдніе подвиги Германика до-того изумили варваровъ, что они совершенно упали духомъ, называя римлянъ непобѣдимыми и стоящими выше ударовъ судьбы. Ничто не можетъ смутить ихъ: ни неудачи, ни случайныя несчастія, ни трудности, — и послѣ каждаго посланнаго имъ испытанія они являются тѣми-же неодолимыми. Германцы серьезно начинали думать о мирѣ. Еще одна кампанія, — и война, быть можетъ, была бы кончена.

Если только Тацитъ не преувеличиваетъ заслугъ и подвиговъ своего героя по невольному чувству національной гордости, то кто знаетъ, какія громадныя послѣдствія могли бы повлечь они, еслибы Германику позволили окончить такъ блистательно начатое имъ дѣло. Возобновился бы, вѣроятно, прежній политическій вѣсъ римлянъ въ Германіи, какимъ пользовались они въ августовы времена; римская цивилизація успѣла бы пустить здѣсь свои легко принимающіеся корни, — и исторія образованнаго міра пошла бы инымъ путемъ....

Но Тиберій слалъ къ Германику письмо за письмомъ, настойчиво приглашая его въ Римъ. Мучимый подозрѣніями и завистью, онъ рѣшился, во что бы ни стало, разлучить его съ легіонами. Формальнаго приказанія, впрочемъ, послать не посмѣлъ; но онъ

надоѣдалъ ему просьбами, льстилъ его самолюбію, обѣщая назначить его вторично консуломъ, напоминалъ, что его ждетъ въ Римѣ тріумфъ. Онъ представлялъ ему превратности человѣческаго счастія, собственный примѣръ, говоря, что Августъ девять разъ посылалъ его въ Германію, но что всегда онъ находилъ лучшее средство привесть варваровъ въ покорность — въ политикѣ; что такъ принудилъ онъ къ миру сигамбровъ, свевовъ и царя Марбода, — что такъ и теперь, когда честь римскаго имени отомщена, лучше всего — предоставить варваровъ ихъ собственнымъ междоусобіямъ. Зная, наконецъ, великодушіе Германика, онъ убѣждалъ его уступить свое мѣсто Друзу, еще не успѣвшему ничѣмъ прославиться, такъ-какъ германская война была въ то время единственнымъ поприщемъ для отличій.

Напрасно Германикъ, хорошо понимая коварство этихъ совѣтовъ, просилъ оставить ему команду только на одинъ еще годъ. Ему отказали, — и тогда, повинуясь судьбѣ и долгу, рѣшился онъ ѣхать въ Римъ.

VI.

Тріумфъ, ожидавшій Германика въ Римѣ, судя по краткости тацитова о немъ разсказа, вообще былъ довольно бѣденъ, — и уже ни въ какомъ случаѣ не могъ сравниться съ ослѣпительными торжествами этого рода въ послѣднія времена республики. Впрочемъ, воздвигнута была тріумфальная арка подлѣ храма Сатурна, въ память того, что Германикъ возвратилъ римлянамъ орлы, отбитые у Вара. Народу роздано отъ имени тріумфатора по триста сестерцій на человѣка. Добыча, плѣнники, искусственныя горы, рѣки, сраженія, по обыкновенію, украшали помпу.... Но что болѣе всего, говоритъ Тацитъ, привлекало сердца и приковывало взоры, такъ это самъ Германикъ, его мужественная красота и пятеро дѣтей, сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ на колесницѣ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ своего любимца; несмѣтныя толпы встрѣтили его уже за двадцать миль отъ города; многіе рисковали жизнію, чтобъ ближе протолпиться къ его колесницѣ.... Но въ то-же время сердца сжимались тайной боязнью, когда вспоминали, какъ пагубна была народная любовь отцу его Друзу, какъ дядя его Марцеллъ во цвѣтѣ лѣтъ похищенъ былъ смертію у пылкихъ восторговъ плебса, — какъ вообще кратковременны и несчастны были всѣ привязан-

ности римлянъ. Чуткій народный инстинктъ не могъ не понимать, какія опасности висѣли въ то время надъ каждою даровитою головою, умѣвшею привлечь общественное вниманіе, и на свѣтломъ челѣ ликующаго побѣдителя читалъ неотвратимый приговоръ его судьбы....

Мы не знаемъ ничего о первой встрѣчѣ Тиберія съ Германикомъ по пріѣздѣ послѣдняго въ Римъ; но достаточно вспомнить вообще ихъ отношенія, чтобы понять, какъ долженъ былъ императоръ обрадоваться этому возвращенію. У него словно гора свалилась съ плечъ, когда онъ увидѣлъ, что человѣкъ внушавшій ему столько опасеній, столько тайныхъ, мучительныхъ тревогъ, попался, наконецъ, къ нему въ руки, возвратился въ этотъ тлетворный Римъ, въ это нечистое море интригъ, низостей и преступленій.... Впрочемъ, по обыкновенію, Тиберій ласкалъ Германика, показывалъ къ нему много наружнаго расположенія, назначилъ его на 17-й годъ своимъ товарищемъ по консульству, но въ то-же время изыскивалъ средства поставить племянника въ какое-нибудь совершенно безвредное для себя положеніе. Для этого, разумѣется, лучше всего было — удалить его изъ Рима, гдѣ его громкая военная слава, опасная популярность и вообще сочувствіе — кололи глаза Тиберію и не давали ему покоя. Оставалось найдти только благовидный предлогъ. Онъ не замедлилъ представиться въ тогдашнихъ восточныхъ дѣлахъ.

На востокѣ въ это время поднялись нѣкоторыя волненія и неустройства. Тиберій, изложивъ ихъ въ сенатѣ, объявилъ, что только Германикъ, по своему благоразумію и опытности, способенъ устранить всѣ затрудненія. Онъ ссылался на свои преклонныя лѣта и правительственныя заботы, на слишкомъ раннюю молодость сына своего Друза и просилъ полномочій для племянника, какъ единственно надежнаго члена своей фамиліи, на котораго можно было положиться въ столь важныхъ обстоятельствахъ. Тогда сенатъ назначилъ Германика высшимъ правителемъ областей, лежавшихъ по ту сторону моря, подчинивъ его авторитету всѣхъ частныхъ администраторовъ и чиновниковъ этихъ мѣстъ.

И вотъ судьба бросила теперь Германика на самое трудное и опасное поприще изъ всѣхъ, пройденныхъ имъ въ своей жизни, — трудное въ-особенности потому, что оно нисколько не согласовалось съ его характеромъ и наклонностями. Какъ далека, какъ не похожа была эта пышная роль верховнаго распорядителя восточныхъ провинцій на простую, лагерную жизнь посреди германскихъ легіо-

новъ, гдѣ, правда, много было трудовъ и опасностей, но за-то много и чистыхъ наслажденій, честной и безукоризненной славы. Здѣсь, напротивъ, героя нашего ждала разрушительная и душная атмосфера интригъ, обмановъ и козней, весь одуряющій чадъ страстей нравственно-растлѣннаго востока, буйный духъ избалованныхъ роскошью и климатомъ войскъ, продажность и жадность чиновниковъ, но,—что всего страшнѣе,—какъ тѣнь слѣдившая за нимъ ненависть дяди, ничего такъ жадно не искавшая, какъ его погибели.

Едва Германикъ успѣлъ оставить Римъ, какъ уже вслѣдъ за нимъ посланъ былъ человѣкъ, предназначенный слѣдить и присматривать за нимъ всюду, повѣрять его дѣйствія, окружить его шпіонами, опутать цѣлою сѣтью интригъ. То былъ Кней Пизонъ, человѣкъ вспыльчиваго, неуживчиваго и высокомѣрнаго нрава, гордый своими предками, богатствомъ и связями жены своей Планцины, извѣстной интригантки, состоявшей въ дружественныхъ связяхъ съ Августой. Тиберій назначилъ его правителемъ Сиріи. Какія инструкціи везъ съ собой Пизонъ на востокъ, положительно неизвѣстно. Хотя и носились слухи, что онъ имѣлъ тайное порученіе погубить Германика, но ни Тацитъ, упоминающій объ нихъ, ни другіе авторитеты не ручаются за ихъ достовѣрность. Впрочемъ, зная всегдашнюю осторожность Тиберія, нельзя и предполагать, чтобы онъ въ этомъ случаѣ такъ легкомысленно рисковалъ своимъ именемъ, и тѣмъ ставилъ себя въ опасное положеніе въ виду многочисленной и сильной партіи приверженцевъ Германика, ибо не только въ Римѣ, войскахъ и провинціяхъ, но даже при самомъ дворѣ императорскомъ у послѣдняго было много явныхъ и тайныхъ друзей. Скорѣе должно думать, что Пизонъ не получалъ никакихъ ясныхъ приказаній на этотъ счетъ, но что ему, вѣроятно, не безъизвѣстны были тайныя желанія императора и Августы, которая, изъ женской зависти, еще сильнѣе ненавидѣла Агриппину, чѣмъ Тиберій ея супруга. Притомъ-же Тиберій, зная властолюбивый и заносчивый характеръ Пизона, могъ смѣло разсчитывать на личную непріязнь его къ Германику, которую легко было предвидѣть при неизбѣжности частыхъ столкновеній ихъ правительственныхъ авторитетовъ, съ умысломъ поставленныхъ въ неопредѣленныя и сбивчивыя отношенія. Такимъ образомъ можно было предполагать почти навѣрное, что гордый Пизонъ, едва уступавшій самому императору и не въ-шутку ставившій себя выше его дѣтей, не уживется съ прямодушнымъ и неопытнымъ совмѣстникомъ и безъ всякихъ инструкцій самъ до-

гадается погубить его, въ надеждѣ на тайное покровительство двора и на ожидающую его безнаказанность. Что-же касается Планцины, то мы знаемъ изъ Тацита, что она имѣла отъ Ливіи прямое приказаніе — преслѣдовать Агриппину оскорбленіями и стараться причинить ей всевозможное зло.

Между-тѣмъ Германикъ уже былъ на пути къ своему новому назначенію. Буря, повредившая его корабли, заставила его на нѣкоторое время остановиться въ Никополисѣ, гдѣ онъ началъ свое консульство, 18 года. Обстоятельство это доставило ему случай посѣтить мѣста, прославленныя акціумской побѣдой, столь живо интересовавшія его воображеніе и душу по воспоминаніямъ и слѣдамъ его великихъ предковъ, такъ-какъ онъ доводился внукомъ и Октавію Августу, и Марку Антонію. Отсюда отправился онъ въ Аѳины, куда, изъ уваженія къ знаменитому городу, въѣхалъ съ однимъ только ликторомъ. Греки встрѣтили его съ чрезвычайными почестями, по своему обыкновенію, разсказывали ему много о своей славной старинѣ, впрочемъ, лишь для того, чтобы придать болѣе цѣны тѣмъ ласкательствамъ, которыя они ему расточали. Далѣе, чрезъ Эвбею, достигъ онъ береговъ Ѳракіи и, переправившись на азіатскій берегъ, видѣлъ мѣста древняго Иліона. Здѣсь, подобно Александру Великому, принесши жертвы на могилахъ славныхъ героевъ древности, направилъ онъ путь по западному берегу Малой Азіи, чрезъ Колофонъ, гдѣ мѣстный оракулъ, говорятъ, предсказалъ ему своимъ обыкновеннымъ аллегорическимъ языкомъ преждевременную кончину. Посѣщая эти мѣста, какъ любознательный путешественникъ, какъ человѣкъ, сочувствующій всему великому и прекрасному и чтущій ихъ даже въ оставленныхъ ими слѣдахъ и воспоминаніяхъ, Германикъ въ то-же время не забывалъ и своего гражданскаго долга, всюду занимаясь мѣстной администраціей, повѣркой дѣйствій чиновниковъ, облегченіемъ участи угнетенныхъ.

А между-тѣмъ Кней Пизонъ началъ уже свои козни. Оскорбленный одною мыслію, что есть на востокѣ лицо, превышавшее его своею властію и значеніемъ, онъ явно набивался на ссору съ Германикомъ, — гордо и повелительно въѣхалъ въ Аѳины и въ нахальной рѣчи, говоренной къ народу, косвенно порицалъ Германика за его ласковое обращеніе съ этимъ „colluvies gentium“, сбродомъ, нисколько уже не похожимъ на древнихъ славныхъ аѳинянъ и не заслуживающимъ того, чтобы ради его унижать достоинство римскаго имени. Въ отношеніи къ жителямъ онъ велъ себя, какъ на-

стоящій проконсулъ добрыхъ республиканскихъ временъ — недоступно, жестоко и презрительно, на каждомъ шагу давая имъ чувствовать, что они — народъ побѣжденный. Изъ Аѳинъ Пизонъ послѣдовалъ за Германикомъ въ Родосъ; но буря застигла его не въ далекѣ отъ острова и грозила разбить суда его о скалистый берегъ. Узнавъ объ этомъ, Германикъ тотчасъ послалъ свои лучшіе корабли спасти человѣка, котораго онъ зналъ за своего отъявленнаго врага и смерть котораго, какъ дѣло простого случая, никакъ не могла быть поставлена ему въ вину. Такое великодушіе, достойное благороднѣйшихъ характеровъ, о которыхъ знаетъ исторія, не укротило однакожъ Пизона; напротивъ, оно еще болѣе разожгло его вражду, какъ это обыкновенно случается со злыми людьми, поставленными въ необходимость воспользоваться благодѣяніемъ ненавистнаго имъ лица. Изъ Родоса онъ поспѣшилъ въ Сирію, предупреждая прибытіе туда Германика и желая воспользоваться выиграннымъ временемъ, чтобы предубѣдить противъ него стоявшія тамъ войска и тѣмъ лишить его главной опоры. Щедростію, потворствомъ буйному поведенію солдатъ, интригами, смѣною лучшихъ центуріоновъ — ему, дѣйствительно, удалось этого достигнуть. Солдаты, въ восторгѣ отъ его ласкъ и обращенія, провозгласили его отцемъ легіоновъ. Планцина, съ своей стороны, позволяя себѣ самые невыгодные отзывы объ Агриппинѣ, старалась подорвать ея доброе имя въ общественномъ мнѣніи.

Германикъ хотя и зналъ объ всемъ этомъ, но рѣшился прежде всего заняться дѣлами и успокоить востокъ. Но и тутъ Пизонъ во всемъ старался дѣйствовать ему на-перекоръ и, казалось, вовсе не признавалъ его авторитета. Оба начальника встрѣтились, наконецъ, въ Киррѣ. Послѣдовало объясненіе. Германикъ съ трудомъ удерживалъ порывъ негодованія, Пизонъ — затаенной дерзости. Они разошлись смертельными врагами. Оскорбленія слѣдовали за оскорбленіями. Пизонъ рѣдко сталъ засѣдать въ трибуналѣ Германика, когда же и дѣлалъ это, то всегда съ видомъ неудовольствія и неодобрѣнія. На одномъ пиру онъ до того простеръ свою дерзость, что бросилъ на полъ предложенный ему золотой вѣнокъ, обидѣвшись, что поднесенные цезарю и его супругѣ были богаче и драгоцѣннѣе. Германикъ, сначала довольно равнодушно сносившій наглости Пизона, вышелъ, наконецъ, изъ себя и сталъ отплачивать ему тою-же монетою.

Таковы были отношенія совмѣстниковъ, когда Германикъ рѣшил-

ся на-время оставить Сирію и посѣтить Египетъ. Предлогомъ поѣздки служили административныя нужды страны. На самомъ-же дѣлѣ его влекла туда любознательность, заманчивая слава египетскихъ древностей, но болѣе всего желаніе — въ чистой сферѣ науки и искусства обновить свои нравственныя силы и почерпнуть примиреніе съ жизнію, такъ горько его обманувшею. Онъ направилъ путь чрезъ Сицилію, гдѣ пониженіемъ цѣны на хлѣбъ и другими благодѣяніями снискалъ полную народную любовь и восторженный пріемъ въ Сиракузахъ, а явившись въ публикѣ безъ стражи и въ греческомъ костюмѣ, возбудилъ къ себѣ такой энтузіазмъ, какимъ пользовался здѣсь нѣкогда только Сципіонъ Африканскій.

Тиберій съ завистью смотрѣлъ даже и на эти успѣхи племянника, порицалъ въ сенатѣ его поведеніе въ Сициліи, какъ несогласное съ достоинствомъ цезаря, — намѣреніе же его ѣхать въ Египетъ подвергнулъ строгому осужденію, ссылаясь на одно древнее постановленіе Августа, по которому сенаторамъ и другимъ облеченнымъ властію лицамъ воспрещалось посѣщеніе этой страны безъ особеннаго разрѣшенія императора.

Ничего не зная объ этомъ, Германикъ продолжалъ путешествіе и, прибывъ въ городъ Канопъ, пустился оттуда вверхъ по Нилу, обозрѣвая на пути замѣчательнѣйшія древности края, — былъ на исполинскихъ развалинахъ Ѳивъ, гдѣ жрецы объясняли ему надписи на уцѣлѣвшихъ памятникахъ и обломкахъ, посѣтилъ Сіену и островъ Элефантине, бывшіе въ то время крайними пунктами имперіи на югѣ, видѣлъ и пресловутую статую Мемнона, издававшую, при восходѣ солнца, звуки, похожіе на человѣческій голосъ.

Едва отдохнувъ немного отъ тяжкихъ заботъ и огорченій, Германикъ спѣшилъ обратно въ Сирію, не думая, вѣроятно, какая участь тамъ его ожидаетъ. Во-первыхъ, всѣ свои распоряженія по войскамъ и провинціямъ онъ нашелъ или отмѣненными, или и вовсе уничтоженными. Тогда, не скрывая болѣе своихъ чувствъ, онъ разразился противъ Пизона явнымъ негодованіемъ; Пизонъ же отвѣчалъ ему новыми оскорбленіями. Когда въ Антіохіи приносили благодарственныя жертвы богамъ, по случаю разнесшейся вѣсти о выздоровленіи Германика, занемогшаго около этого времени, Пизонъ велѣлъ раскидать жертвы, принесенныя къ подножію алтарей, и разогнать народъ, собравшійся въ праздничныхъ одеждахъ. Къ этимъ моральнымъ потрясеніямъ присоединилось вскорѣ сильное органическое разстройство, подъ вліяніемъ котораго силы больного

стали замѣтно ослабѣвать. Къ тому-же, возникли подозрѣнія, что Пизонъ тайными средствами отравилъ его,—и эта мысль еще болѣе усиливала его страданія. Приводимые Тацитомъ улики противъ Пизона, какъ-то—куски вырытыхъ труповъ, найденные около дома Германика, кучи полусожженнаго и окровавленнаго пепла, свинцовыя таблички съ именемъ больного, талисманы и разныя заклинанія—не могутъ, правда, служить несомнѣнными доводами преступленія, но все предыдущее и послѣдующее поведеніе Пизона довольно ясно указываютъ на то, что виновникомъ злодѣянія могъ быть дѣйствительно онъ, а множество современныхъ свидѣтельствъ дѣлаютъ такое предположеніе еще болѣе вѣроятнымъ. Но такъ сильно было въ Германикѣ чувство гражданскихъ обязанностей и такъ высоко стояло оно надъ всякими личными побужденіями, что, будучи уже тяжело больнымъ и имѣя противъ Пизона столько сильныхъ подозрѣній, все еще долго не рѣшался онъ, безъ воли императора, удалить его изъ провинціи. Только за нѣсколько дней до своей кончины написалъ онъ къ нему письмо, въ которомъ, по древнему римскому обычаю, отказывая ему публично во всякихъ дальнѣйшихъ дружелюбныхъ сношеніяхъ, приказывалъ выѣхать изъ Сиріи.

Пизонъ сначала медлилъ, показывалъ видъ, что собирается въ путь, остановился на нѣсколько дней въ Селевкіи, видимо выжидая, какой оборотъ приметъ болѣзнь Германика; агенты его постоянно бродили около дома, гдѣ лежалъ умирающій. Сѣвъ, наконецъ, на корабль, онъ плылъ очень медленно и держался вблизи сирійскаго берега, чтобы, при первой вѣсти о смерти Германика, поспѣшно туда возвратиться.

А между-тѣмъ уже весь Эпидафнъ и Антіохія были въ волненіи. Въ томительномъ ожиданіи толпился народъ по улицамъ. Вѣсть за вѣстью тревожно перебѣгала изъ устъ въ уста. Близилась послѣдняя минута Германика...

Еще разъ собрались вокругъ печальнаго одра друзья и семейство пожать умирающему руку, выслушать его послѣднюю волю. Страдалецъ трудно разставался съ жизнію. „Еслибъ смерть моя была естественна, говорилъ онъ, то и тогда я имѣлъ бы право роптать на суровость судьбы, такъ рано отрывающей меня отъ родныхъ, друзей, отечества. Но вамъ извѣстно, что я умираю жертвой злодѣянія Планцины и Пизона,—пріимите-же мои послѣднія мольбы... Разкажите моему отцу и брату всѣ горечи, отравившія мои дни, всѣ преслѣдованія и козни, меня окружавшія... Не толь-

ко родные и близкіе мнѣ люди, но даже тѣ, кто питалъ ко мнѣ зависть и непріязнь, не откажутъ въ слезѣ участія человѣку, который, стяжавъ нѣсколько славы, переживъ столько сраженій, падаетъ жертвою женскаго коварства. Вы будете имѣть случай требовать правосудія сената, просить защиты законовъ. Помните-же, что не безплодныхъ слезъ и сожалѣній, надъ бездыханнымъ прахомъ, но точнаго исполненія ихъ воли ждутъ мертвые отъ живыхъ своихъ друзей. Вы будете мстителями Германика, если любили его самого болѣе, чѣмъ прежнее его счастіе и могущество. Представьте народу внуку Августа, покажите ему шестерыхъ осиротѣлыхъ дѣтей Германика, — состраданіе будетъ говорить за нихъ предъ судомъ; и если клевета предполагаетъ здѣсь тайну преступныхъ повелѣній, знайте, что римляне или не повѣрятъ ей, или же будутъ неумолимы“.

Слыша подобныя предсмертныя рѣчи изъ устъ лучшаго мужа своей эпохи, невольно приходишь къ мысли — какъ бѣдна была, какъ низко стояла нравственная идея тогдашняго времени. Человѣкъ разставался съ жизнію не съ примиреніемъ, но съ проклятіемъ и местію въ душѣ, и послѣднее чувство, провожавшее его въ вѣчность, была ненависть ко врагамъ. Господствовавшее въ то время стоическое ученіе, воспитавшее, впрочемъ, столько сильныхъ характеровъ древности, на рубежѣ земной жизни покидало человѣка одинокаго и безнадежнаго, сознавая свое безсиліе и отказываясь служить ему руководителемъ. Выше всего въ мірѣ оно оставило нравственный долгъ и справедливость, и потому не прощало никакихъ отъ нея уклоненій. Естественно, что и Германикъ, какъ видно по всему, воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, считалъ своимъ священнымъ правомъ, въ предсмертный часъ требовать мести врагамъ, несправедливо и незаконно посягнувшимъ на жизнь его.

Между тѣмъ какъ друзья у смертнаго одра клялись исполнить завѣщанную имъ волю, Германикъ собралъ еще послѣднія силы и, обратившись къ женѣ, увѣщавалъ ее смирить свою гордость, покориться суровой судьбѣ и, въ-особенности, удерживать себя отъ тѣхъ властолюбивыхъ порывовъ, которые были слишкомъ свойственны характеру Агриппины и которые больше всего могли расшевелить ненависть и вражду сильныхъ людей. Потомъ онъ говорилъ ей еще что-то наединѣ, полагаютъ — о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ участія Тиберія и Ливіи въ преступленіи Пизона и Планцины.

Это были его послѣднія рѣчи. Онъ умеръ на рукахъ Агриппины...

VII.

Едва въ Римѣ узнали о болѣзни Германика со всѣми ея страшными подробностями, какъ взрывъ публичнаго негодованія обрушился тотчасъ-же на Тиберія. „Такъ вотъ цѣль этого изгнанія въ далекіе края, — кричали въ народѣ, — посылки Пизона въ Сирію и тайныхъ бесѣдъ Августы съ Планциной!“ Старики при этомъ вспоминали о Друзѣ, не сомнѣваясь, что и Германикъ, подобно отцу, сдѣлался жертвою намѣренія — возстановить свободу римскаго народа. На чемъ основывали подобныя надежды — мы опредѣлить не умѣемъ. Прослѣдивъ все поведеніе Германика, всю его жизнь, мы нигдѣ не могли замѣтить, чтобы онъ серьезно думалъ объ этомъ. Ему представлялся даже случай привести такой планъ въ исполненіе, еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ его, — это тотчасъ-же по смерти Августа, въ эпоху возстанія легіоновъ. Тогда, дѣйствительно, онъ легко могъ бы собрать подъ республиканское знамя многочисленную и сильную партію, но мы видѣли, что онъ и не подумалъ объ этомъ. Напротивъ, его благоговѣйное уваженіе къ своему гражданскому долгу всегда удерживало его отъ насильственныхъ мѣръ. Не вѣрилъ ли онъ уже вовсе въ возможность республики, или ждалъ только болѣе благопріятной минуты, напримѣръ смерти Тиберія, когда онъ могъ бы законно возстановить общественную свободу, нельзя сказать навѣрное. Скорѣе, впрочемъ, должно думать, что, какъ человѣкъ мыслящій и понимавшій современное ему движеніе исторіи, едва-ли онъ могъ увлечься несбыточною уже въ то время химерою республики, если же и мечталъ когда-нибудь объ этомъ, то, вѣроятно, въ слишкомъ юные свои годы. Если-бъ точно судьба помогла ему сдѣлаться императоромъ, то мы полагаемъ, что монархія устояла бы по-прежнему, съ тою только разницею, что Германикъ, опираясь на всеобщую любовь народа, быть можетъ, съумѣлъ бы дать ей болѣе законный, естественный видъ, своимъ кроткимъ и благодушнымъ правленіемъ въ древне-римскомъ духѣ заставилъ бы согражданъ забыть объ утратѣ свободы, такъ точно, какъ заставлялъ ихъ забывать объ ней Августъ своимъ благоразуміемъ, славою своихъ дѣяній и своею хитростію.

Но массы народа не скоро и не легко забываютъ старый порядокъ вещей. Высшіе классы — сенаторскія фамиліи, всадники, вообще оптиматы никогда не благоволили къ новому и всегда съ тай-

нымъ сожалѣніемъ вспоминали о прошломъ, такъ-какъ лучшія времена римской республики были господствомъ аристократіи. И тѣ и другіе до тѣхъ только поръ безропотно уживались съ монархіей, пока Августъ своимъ мудрымъ правленіемъ, державшимъ всѣ партіи въ равновѣсіи, дѣлалъ утрату общественной свободы незамѣтною и нечувствительною. Когда же во главѣ государства явилась несимпатичная личность Тиберія и общество почуяло въ будущемъ неизбѣжность суроваго и тиранническаго правленія, сожалѣнія о прошломъ проснулись съ новою силою, и народъ, тревожимый мрачными предчувствіями, сталъ съ безпокойствомъ искать глазами лицо, на которое бы безъ страха можно было возложить надежды на лучшую будущность. Такимъ лицомъ общій голосъ считалъ Германика, какъ по воспоминаніямъ объ отцѣ его, который, если вѣрить молвѣ, въ душѣ былъ усерднымъ приверженцемъ республики, такъ и по личному характеру открытому, благородному, способному на всякое добро для людей. Замѣтивъ въ немъ, можетъ быть, слишкомъ много популярности, привѣтливости и эллинскаго гуманнаго чувства, ему приписали идеи и намѣренія, слишкомъ слабо, вѣроятно, занимавшія его душу.

Какъ бы то ни было, однакожъ, теряя Германика, Римъ терялъ свои лучшія надежды, и потому общественная скорбь не знала предѣловъ. Когда пришла вѣсть о его смерти, народъ, не ожидая ни эдикта сановниковъ, ни опредѣленія сената, заперъ дома, закрылъ театры и присутственныя мѣста. Во всемірномъ городѣ воцарилась скорбная тишина. Изъ многихъ глазъ полились сердечныя, искреннія слезы... Вдругъ, среди всеобщаго оцѣпенѣнія, разносится вѣсть, что Германикъ живъ еще и болѣзнь его клонится къ выздоровленію, — запоздалая вѣсть, привезенная сирійскими купцами, — и все народонаселеніе города съ восторгомъ бросается къ храмамъ благодарить боговъ. Когда же открылась ошибка и горестное событіе сдѣлалось несомнѣннымъ, уныніе и скорбь сильнѣе прежняго овладѣли обществомъ, какъ будто Римъ вторично потерялъ Германика.

Между тѣмъ, больная и убитая горемъ Агриппина, съ прахомъ своего супруга и съ двумя изъ своихъ дѣтей, не смотря на суровую зимнюю пору, торопливо ѣхала въ Римъ, направляя свой путь чрезъ Коркиру къ берегамъ Калабріи. Она должна была высадиться въ Брундузіумѣ, гдѣ уже множество друзей покойника, его бывшихъ сослуживцевъ и всякаго рода людей ждало ея прибытія.

Безмолвно и мрачно приближалась погребальная флотилія къ гавани, усѣянной тысячами народа. Въ толпѣ господствовало недоумѣніе, какъ принять прахъ Германика — скорбнымъ ли молчаніемъ, или же какимъ-нибудь возгласомъ. Но какъ-только Агриппина, съ траурною урной въ рукахъ, ступила на землю, общій, единодушный вопль поднялся на берегу и пронесся по всему городу. Отсюда печальная процессія потянулась по Калабріи, Апуліи, Кампаніи до Рима. Начальства лежавшихъ на пути мѣстъ, получивъ инструкціи отъ Тиберія, вездѣ встрѣчали почтенный прахъ со всевозможными почестями. Народъ, въ траурныхъ одеждахъ, съ окрестностей стекался къ дорогѣ, всадники и другіе зажиточные люди сожигали ароматы, матеріи и другія погребальныя жертвы. Шествіе сопровождали двѣ преторіавскія когорты, высланныя изъ Рима. Трибуны и центуріоны несли погребальную урну на плечахъ своихъ; ей предшествовали опрокинутыя сѣкиры, опущенныя къ землѣ знамена. По мѣрѣ приближенія къ Риму, процессія встрѣчаема была разными депутаціями и сановниками. Въ Террацинѣ выѣхалъ ей на встрѣчу Друзъ, сынъ императора, Клавдій, братъ покойника, и четверо дѣтей Германика, не ѣздившихъ съ отцемъ на востокъ. Сюда-же явились сенатъ, всадники, консулы и большія массы народа. Все плакало непритворными, искренними слезами, въ которыхъ не было ни лицемѣрія, ни ласкательства, потому что всѣ знали, какъ пріятна была Тиберію преждевременная кончина Германика. Ни императоръ, ни Ливія не вышли на-встрѣчу дорогому для римлянъ праху, показывая видъ, будто не хотятъ публично предаться своей печали, но на-самомъ-дѣлѣ опасаясь, чтобы сотни тысячъ испытующихъ взоровъ не открыли на ихъ лицахъ притворства.

День, когда снесли останки Германика въ фамильный склепъ августова семейства, былъ днемъ то мрачной тишины, то смѣнявшихъ ее порывовъ неудержимой скорби. По улицамъ, окнамъ и кровлямъ домовъ тѣснился народъ. Безчисленными факелами искрилось марсово поле. Стояли войска безъ оружія, сановники безъ знаковъ своего достоинства. Одинъ общій голосъ несся по Риму отъ края до края, что республика погибла и что нѣтъ болѣе надежды. Многіе въ порывѣ отчаянія бросали каменьями въ храмы, ниспровергали статуи боговъ, выкидывали на улицу своихъ новорожденныхъ дѣтей. Вдова Агриппина была предметомъ особеннаго народнаго энтузіазма. Ее называли украшеніемъ отечества, настоящею кровью Августа, единственнымъ образчикомъ древнихъ добродѣте-

лей. Возносили къ небу мольбы о благоденствіи ея семейства, призывали гибель на голову ея враговъ. Не смотря на то, что похороны были, дѣйствительно, великолѣпны, многіе находили погребальную помпу слишкомъ скромною и громко упрекали Тиберія, что онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ воздать достойныхъ почестей знаменитому праху. „И все это — прибавляетъ Тацитъ, повѣствователь этой сцены, — говорилось громко и съ увлеченіемъ. На этотъ разъ народъ какъ будто забылъ, — кто и какой былъ у него повелитель“.

Тиберій смотрѣлъ сквозь пальцы на этотъ взрывъ общественной скорби и негодованія и старался успокоить народъ эдиктомъ, гдѣ говорилось, что хотя горесть римлянъ дѣлаетъ имъ честь, но что она должна имѣть предѣлы, что много другихъ знаменитыхъ мужей погибало за отечество, не повергая общества въ отчаяніе, приличное болѣе какому-нибудь мелкому государству, но не идущее царственному народу. За-тѣмъ онъ приглашалъ гражданъ обратиться къ ихъ обыкновеннымъ занятіямъ. Тогда открылись лавки и присутственныя мѣста, въ городѣ закипѣло обычное движеніе и все, по-видимому, пришло въ прежній порядокъ; но народъ долго не могъ забыть своей потери и долго еще толпа собиралась по ночамъ у оконъ Тиберія кричать — „отдай намъ Германика“.

Когда волненіе умовъ въ Римѣ нѣсколько успокоилось, общественное вниманіе съ тревожнымъ любопытствомъ обратилось къ начавшемуся процессу Пизона.

Пизонъ находился на островѣ Косѣ, когда узналъ о смерти Германика. Онъ и не думалъ скрывать своего восторга при этой вѣсти. Принесены были благодарственныя жертвы богамъ, устроенъ великолѣпный пиръ; Планцина, бывшая въ то время въ траурѣ, надѣла праздничный нарядъ. Впрочемъ, надежды Пизона на верховное управленіе Сиріей и другими восточными провинціями оказались вскорѣ неосновательными, — ибо легаты и сенаторы, бывшіе тогда на востокѣ, тотчасъ-же по смерти Германика, избрали ему преемникомъ Сенція, одного изъ усерднѣйшихъ почитателей памяти усопшаго. Напрасно Пизонъ пробовалъ отбить у совмѣстника управленіе и начальство надъ сирійскими легіонами. Его покушеніе склонить на свою сторону войска кончилось неудачно, — лучшая и большая часть арміи осталась вѣрною долгу. Такъ-же точно не имѣла никакого успѣха его попытка дѣйствовать открытою силой. Сенцій, съ вѣрными легіонами, принудилъ его запереться въ одномъ укрѣпленномъ киликійскомъ замкѣ, и когда Пизонъ отвергъ

предложеніе о сдачѣ, повелъ войска на приступъ. Тогда инсургентамъ оставалось только положить оружіе. Пизону и его семейству позволено было ѣхать въ Римъ.

Но явиться въ Римъ въ такое время, когда не улеглось еще общественное негодованіе противъ враговъ Германика, когда еще такъ свѣжа была оплакиваемая народомъ могила, было дѣломъ небезопаснымъ. Пизонъ могъ, правда, разсчитывать на тайное содѣйствіе Тиберія, на покровительство Августы; но ему извѣстенъ былъ также осторожный и вѣроломный характеръ цезаря, и друзья недаромъ предупреждали его, что люди, наиболѣе порадовавшіеся смерти Германика, предъ публикой покажутъ наиболѣе участія къ его дѣлу и негодованія къ его врагамъ. Но, предчувствуя опасности, онъ все-таки рѣшился явиться въ Римъ самоувѣренно и гордо, какъ человѣкъ, который, чувствуя себя правымъ, не обращаетъ вниманія на безсильную злобу ослѣпленной пристрастіемъ толпы. Планцина, въ-особенности, выказала въ этомъ случаѣ много наглой самонадѣянности. Она въѣхала въ городъ съ торжествующимъ видомъ и съ многочисленною свитою кліентовъ; въ окнахъ ея дома горѣли въ тотъ вечеръ яркіе огни; видно было, какъ шелъ тамъ ликующій пиръ. Все это еще болѣе оскорбляло народное чувство и усиливало негодованіе къ Пизону.

Начался судъ. Друзья Германика, исполнители его воли и свидѣтели самаго преступленія избрали судьею Тиберія; того-же требовалъ и Пизонъ, не сомнѣваясь, что сынъ Ливіи, вѣроятно, участвовалъ въ ея тайнѣ. Но Тиберій, зная, какія сильныя подозрѣнія устремлены на него самого, очень дальновидно отклонилъ отъ себя это дѣло, предоставивъ его сенату. Вообще императоръ и сынъ его Друзъ вели себя съ необыкновенною осторожностію и искусствомъ. Они приняли Пизона довольно благосклонно, какъ человѣка, вина, или невинность котораго еще не доказаны, но не подавали ему никакихъ надеждъ на свое заступничество и тщательно избѣгали всякихъ съ нимъ тайныхъ сношеній.

Ожиданія всего Рима достигли крайняго напряженія. Каждый съ жадностію желалъ видѣть, до чего будетъ простираться усердіе обвинителей, ихъ самоотверженіе и настойчивость, и, съ другой стороны,—до чего дойдетъ наглая самоувѣренность обвиненнаго и лицемѣрное спокойствіе императора. Тиберій открылъ судебное засѣданіе рѣчью, стараясь соблюсти въ ней тонъ самаго невозмутимаго безпристрастія. Онъ убѣждалъ сенаторовъ обсудить дѣ-

ло съ холоднымъ благоразуміемъ, не увлекаясь ни ненавистью, ни участіемъ къ какой-либо сторонѣ, приглашалъ обвинителей изложить обстоятельно всѣ доводы и свидѣтельства, какія можетъ внушить имъ справедливость и благоговѣніе къ памяти усопшаго, но предоставлялъ также и Пизону смѣло воспользоваться всѣми законными средствами защиты. „Прошу васъ, говорилъ онъ, обращаясь къ сенаторамъ, чтобы ваше сочувствіе къ моему горю не увлекало васъ за предѣлы холоднаго безпристрастія,... не смотрите на слезы Друза, закройте глаза на мою собственную скорбь"...

Пизонъ защищался слабо противъ всѣхъ пунктовъ, только обвиненіе въ отравленіи успѣлъ почти опровергнуть. Дѣйствительно, доказательства, представленныя по этому вопросу обвинителями, оказались весьма неудовлетворительными. Не смотря на то, однакожъ, сенатъ казался неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что народъ у дверей и подъ окнами залы кричалъ, что онъ самъ съумѣетъ управиться съ Пизономъ, если судьи рѣшатся оправдать его.

Тогда надежды подсудимаго стали ослабѣвать. Сама Планцина, успѣвшая стать подъ эгиду Августы и имѣя обѣщаніе пощады, нечувствительно отдѣлилась отъ мужа. Пизонъ понялъ зловѣщій смыслъ этого отпаденія и рѣшился предаться своей судьбѣ. Друзья и адвокаты уговорили его еще разъ явиться въ сенатъ; но здѣсь его встрѣтили такимъ общимъ негодованіемъ, что трудно было сохранить какую-нибудь надежду. Напрасно обвиненный устремлялъ молящіе взоры къ трибуналу цезаря. Тиберій оставался спокойнымъ, безстрастнымъ, какъ всегда, безъ гнѣва, но и безъ состраданія, и на его ледяномъ и неподвижномъ лицѣ нельзя было прочесть рѣшительно ничего.

Возвратившись въ свою квартиру, Пизонъ написалъ записку въ нѣсколько строкъ на имя жены, письмо къ Тиберію, поручая его милосердію дѣтей своихъ, и, вручивъ ихъ вѣрному вольноотпущеннику, заперся въ своей комнатѣ. На утро нашли его мертвымъ.

Хотя Тиберій жаловался въ сенатѣ, что насильственная смерть подсудимаго ему крайне непріятна, какъ случай, могшій навлечь на него ненависть пизоновой партіи, но внутренно не могъ не порадоваться такому счастливому исходу дѣла, выручавшему его изъ весьма затруднительнаго положенія; ибо, не компрометируя себя, онъ не могъ поддерживать Пизона, а между тѣмъ отчаяніе и безнадежность могли ожесточить несчастнаго и вызвать съ его стороны какія-нибудь признанія, которыя, быть можетъ, бросили бы

тѣнь на самого цезаря. Вѣдь ходили же слухи, что въ рукахъ Пизона были инструкціи и письма Тиберія и Августы, слишкомъ ясно свидѣтельствовавшія объ ихъ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Германика, и что онъ непремѣнно представилъ бы ихъ сенату, еслибъ Сеянъ не отклонилъ его отъ этого, постоянно поддерживая въ немъ надежду на заступничество двора. Говорили также, что Пизонъ не самъ наложилъ на себя руки. Тацитъ, правда, не выдаетъ этихъ слуховъ за достовѣрные, но говоритъ, что онъ самъ, въ своей юности, слышалъ ихъ отъ стариковъ, современниковъ и очевидцевъ тѣхъ событій.

Такимъ образомъ, истинныя причины смерти Германика остаются неразгаданными для потомства, какъ были онѣ неразгаданы и для современниковъ. Не только Діонъ и Светоній, но даже Тацитъ, имѣвшій подъ-руками всѣ документы и пользовавшійся ими съ чрезвычайною добросовѣстностію, не могъ сказать объ этомъ ничего утвердительнаго, хотя и есть нѣкоторыя вѣроятности, что Германикъ, дѣйствительно, былъ отравленъ Пизономъ.

Еще труднѣе рѣшить вопросъ объ участіи Тиберія въ преступленіи. Сообразивъ всѣ свидѣтельства, можно прійдти къ заключенію, какое высказано было и прежде, а именно, что осторожный и дальновидный цезарь не давалъ своему проконсулу никакихъ положительныхъ и ясныхъ инструкцій, хотя и позволилъ ему, быть можетъ, замѣтить—сколько недовѣрчивости и вражды къ племяннику таилось въ его душѣ. Иное дѣло Ливія. Гордая и властолюбивая, она никогда не скрывала своей ненависти къ Агриппинѣ и ея семейству, и потому очень легко могла уполномочить Планцину на какое-нибудь жестокое дѣло. Какъ бы то ни было, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, если смерть Германика была и естественна, то интриги и ненависть двора были все-таки ея моральными причинами, и преступленіе тѣмъ не менѣе остается на совѣсти и памяти Тиберія.

III.

МОХАММЕДЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИСЛАМА.

МОХАММЕДЪ.

Происхожденіе ислама.

I.

Научная разработка исторіи Мохаммеда началась только съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Гейдельбергскій профессоръ Густавъ Вейль и, нѣсколько лѣтъ спустя, французскій оріенталистъ Коссенъ де-Персеваль положили ей серьезное начало. Тотъ и другой впервые внесли нѣкоторую критику въ этотъ темный вопросъ и хотя отчасти очистили память пророка какъ отъ легенды, ее опутавшей въ сочиненіяхъ восточныхъ писателей, такъ и отъ предразсудковъ и ненависти старинныхъ европейскихъ историковъ, такъ долго на ней тяготѣвшей. Персевалю же, кромѣ того, принадлежитъ еще и та заслуга, что онъ первый изслѣдовалъ бытъ и исторію до-мохаммеданской Аравіи и такимъ образомъ приготовилъ возможность болѣе правильныхъ понятій объ историческомъ происхожденіи ислама. Но, какъ ни высоко, даже и теперь еще, ставятъ французы ученый вѣсъ своего соотечественника, все же, какъ онъ, такъ и его товарищъ по спеціальности Вейль, сильно страдаютъ нѣкоторыми общими недостатками прежнихъ оріенталистовъ и въ-особенности — неумѣньемъ ихъ отрѣшиться отъ мусульманскаго міровоззрѣнія арабскихъ источниковъ и твердо подчинить матеріалъ естественнымъ законамъ исторической логики. Тѣмъ не менѣе прошло почти двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ европейская наука сдѣлала и въ этомъ отношеніи новый и рѣшительный шагъ. За то, съ началомъ прошлаго десятилѣтія, ученая литература и періоди-

ческая печать, посвященные и непосвященные, разомъ заговорили о Мохаммедѣ, и нѣтъ почти сколько-нибудь извѣстнаго въ Европѣ семитолога, который бы не принялъ участія въ состязаніи и такъ или иначе не подалъ своего голоса. И англичанинъ Мойръ, и французъ Ренанъ, и нѣмецъ Шпренгеръ почти одновременно стали рѣшать вопросъ, лежавшій такъ долго безъ движенія. Даже старикъ Вейль выступилъ снова на поприще и не мало помогъ уясненію дѣла изданіемъ въ нѣмецкомъ переводѣ древнѣйшей арабской біографіи Мохаммеда, составленной Ибнъ-Исхакомъ во II столѣтіи гиджры. Подлѣ такихъ почтенныхъ трудовъ, французская компиляція Бартелеми Сентъ-Илера появившаяся нѣсколько лѣтъ назадъ, имѣетъ, конечно, уже немного цѣны и, едва-ли не лучше было бы для репутаціи столь извѣстнаго академика, еслибъ онъ воздержался вовсе отъ этого изданія, тѣмъ болѣе что и задача, которую онъ себѣ поставилъ, — „доказать, что Мохаммедъ былъ самымъ умнымъ, самымъ благочестивымъ и кроткимъ изъ арабовъ своего времени и что своими успѣхами онъ единственно обязанъ такому превосходству надъ современниками“, — послѣ всѣхъ послѣднихъ изслѣдованій о предметѣ, можетъ возбуждать одно лишь сомнѣніе.

Такимъ образомъ, если не считать вейлева перевода, могущаго, впрочемъ, служить только пособіемъ для соображеній, новѣйшія изысканія о Мохаммедѣ сводятся къ тремъ названнымъ выше капитальнымъ авторитетамъ нынѣшней оріентальной науки, или, правильнѣе, — къ двумъ, такъ-какъ сочиненіе Мойра, при всей его основательности, имѣетъ свою особую, какъ-бы полемическую цѣль и написано было въ видахъ содѣйствія христіанской пропагандѣ между мусульманскими населеніями Индустана. Оттого и самыя сужденія о восточномъ пророкѣ являются здѣсь недовольно свободными и объективными. Такъ, напримѣръ, съ самаго переселенія въ Медину, Мойръ не видитъ уже въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мохаммеда ничего, кромѣ властолюбія, хищности, жестокости и разврата, а самыя его вдохновенія считаетъ чуть не наважденіемъ діавола.

За-тѣмъ, остаются Ренанъ и Шпренгеръ.

Статья Ренана „Мохаммедъ и происхожденіе ислама“, помѣщенная въ его „Этюдахъ религіозной исторіи“, имѣетъ одинъ только недостатокъ: она слишкомъ коротка. Это — просто небольшой историческій эскизъ, но эскизъ, очерченный такою мастерской рукой и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, даже чутьемъ изображаемыхъ

жизненныхъ отношеній, что эти немногія страницы гораздо болѣе уясняютъ читателю какъ историческое рожденіе ислама, такъ и роль Мохаммеда въ этомъ процессѣ, нежели цѣлые томы прежнихъ изслѣдованій. Личность же пророка, никѣмъ еще, сколько намъ извѣстно, не была представлена и объяснена такъ естественно, живо и просто, какъ здѣсь. Арабскій пророкъ, возведенный впослѣдствіи шіитской легендой на степень какого-то сверхъестественнаго существа, является у него просто даровитымъ человѣкомъ со всѣми его слабостями, интересами и страстями, а исламъ, какъ и всѣ явленія исторіи, — плодомъ совокупнаго дѣйствія времени, мѣстныхъ условій и обстоятельствъ и личности самого дѣятеля. Замѣтимъ, къ тому же, что Ренанъ писалъ свой очеркъ задолго до появленія всѣхъ послѣднихъ трудовъ объ этомъ вопросѣ и во многомъ опередилъ ихъ. Такъ, знаменитое сочиненіе Шпренгера, въ сущности, есть только болѣе подробное и болѣе научное развитіе взглядовъ Ренана. Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что „жизнь и ученіе Мохаммеда“ вовсе лишено оригинальности; намъ неизвѣстно даже, знакомъ ли былъ Шпренгеръ съ мыслями Ренана объ исламизмѣ и его основателѣ, такъ-какъ онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ въ своей книгѣ. Мы утверждаемъ только, что Ренанъ первый подалъ примѣръ того простого и естественнаго отношенія къ предмету, которое потомъ такъ блистательно было проведено нѣмецкимъ оріенталистомъ въ его прекрасномъ и долговѣчномъ трудѣ.

Ренанъ, впрочемъ, какъ и другіе его предшественники, Вейль и даже Коссенъ-де-Персеваль, въ процессѣ образованія ислама, отводятъ Мохаммеду все-же главную, господствующую роль; но Шпренгеръ уже прямо ставитъ задачею и основною мыслію всего своего изслѣдованія то убѣжденіе, что новая религія возникла „изъ духа и потребностей времени“. Съ этою цѣлью онъ безпощадно налегъ на личныя слабости пророка, обнаруживая, при каждомъ случаѣ, его лицемѣріе и обманы, его коварство, хитрую разсчетливость, грубую чувственность и порою даже холодную жестокость. Вся свѣтлая сторона его личности, которой тоже отрицать нельзя, какъ будто съ умысломъ поставлена въ тѣнь. Такъ, высокія поэтическія дарованія Мохаммеда, его сильный природный умъ и отчасти организаторскій геній, наконецъ его непоколебимое и искреннее благочестіе, — все, чему удивлялись въ немъ европейскіе историки со временъ Вейля, отодвинуто въ общей картинѣ на второй планъ. И это именно съ тою цѣлью, чтобы на авансценѣ великаго

историческаго процесса дать мѣсто другимъ болѣе общимъ и главнымъ факторамъ — общественнымъ интересамъ и моральнымъ потребностямъ края, духу и характеру націи, стеченію новыхъ понятій и обстоятельствъ, принесенныхъ временемъ. Едва-ли поэтому совершенно справедливы нападки, со всѣхъ сторонъ посыпавшіеся на Шпренгера за систематическое униженіе личности пророка. Какъ-бы предчувствуя ихъ, онъ объяснился на этотъ счетъ съ первыхъ же страницъ своей книги, сказавши, что изъ „хвалебныхъ источниковъ онъ съ-умысломъ старался вызвать наружу и темныя пятна“, чтобъ показать, что Мохаммедъ, какъ человѣкъ, не могъ бы совершить столь великаго дѣла, если-бы духъ времени не былъ на его сторонѣ. Наконецъ, онъ вовсе не отказываетъ ему и въ личныхъ достоинствахъ, но все-таки впереди всѣхъ его заслугъ и талантовъ ставитъ именно его умѣнье приноровиться къ обстоятельствамъ, прислушиваться къ требованіямъ окружающей среды, понимать ея неясныя инстинкты и удовлетворять имъ. Только слѣдуя этимъ путемъ, то есть опираясь на это геніальное чутье людей, обстоятельствъ и времени, могъ незначительный и полуневѣжественный корайшитскій купецъ сдѣлаться пророкомъ своего народа и основателемъ религіи и царства, совершившихъ громадный переворотъ въ культурныхъ судьбахъ человѣчества. Въ этомъ только значеніи, въ смыслѣ полнаго и вѣрнаго представителя своего вѣка, могъ бы и Вейль назвать Мохаммеда „пророкомъ божіимъ“, такъ-какъ онъ уже придаетъ этому понятію какое-то условное, или произвольное значеніе. Величайшая заслуга Шпренгера именно и состоитъ въ томъ, что въ жизни этого избранника исторіи онъ умѣлъ прослѣдить его постепенное психологическое развитіе и отмѣтить всѣ его важнѣйшія ступени и фазы. Читатель какъ-бы присутствуетъ при такомъ удивительномъ внутреннемъ процессѣ и видитъ, какъ этого даровитаго, но простого и бѣднаго араба, которому сначала никогда и не снилась роль пророка и повелителя могущественной имперіи, сами обстоятельства наталкиваютъ на эту дорогу, — какъ посреди борьбы, сомнѣній и колебаній, уступокъ и сдѣлокъ съ прошедшимъ, постепенно вырабатывается въ немъ самомъ цѣлая религіозная система, — какъ одинъ за другимъ воспринимаетъ онъ въ себя самые разнообразные элементы — іудейство, христіанство, ученія разныхъ христіанско-іудейскихъ сектаторовъ, самыя языческія вѣрованія, — пока наконецъ умственный горизонтъ его расширяется до полнаго и яснаго сознанія опредѣленной ко-

нечной цѣли. Никому, однимъ словомъ, до сихъ поръ не удавалось еще такъ живо, подробно и убѣдительно доказать и представить — какъ „сама исторія творила исламъ“.

Мохаммедъ, при такомъ взглядѣ на вещи — „ни герой во вкусѣ Карлейля, ни одержимый діаволомъ, какимъ изобразилъ его Мойръ“. Онъ только — органъ и орудіе своего времени, и притомъ орудіе не единственное и, быть можетъ, даже не главное; Омаръ, въ глазахъ Шпренгера, имѣетъ не менѣе, если не болѣе заслугъ въ организаціи новой религіи, чѣмъ самъ ея основатель. Мохаммедъ — просто фирма великаго историческаго процесса, театромъ котораго была семитическая Аравія VI и VII столѣтія.

Съ другой стороны, ни одинъ изъ прежнихъ ученыхъ не былъ поставленъ въ столь благопріятныя личныя условія для основательнаго выполненія такого труда. Лучшіе годы своей жизни Шпренгеръ провелъ на востокѣ, изучилъ въ совершенствѣ тамошніе языки, литературы, нравы и мѣстность, долгое время былъ директоромъ одной высшей мохаммеданской школы въ Остъ-Индіи, пользовался огромными учеными связями и вліяніемъ и даже, одно время, издавалъ въ Дели арабскій популярный журналъ. Великолѣпнѣйшую коллекцію восточныхъ рукописей и книгъ вывезъ онъ оттуда въ Европу. Подъ именемъ „Sprengeriana“ составляетъ она теперь одно изъ лучшихъ украшеній королевской библіотеки въ Берлинѣ. Наконецъ, Шпренгеръ — человѣкъ самаго разносторонняго и солиднаго европейскаго образованія, — философъ и естествовѣдъ, гуманистъ и медикъ. Съ такою-то рѣдкою ученостію и въ-добавокъ съ огромнымъ литературнымъ талантомъ, предпринялъ онъ „исторію Мохаммеда“, появленіе которой, какъ отзываются о ней всѣ знатоки дѣла, и по важности реальныхъ открытій, и въ-особенности — по методу изслѣдованія, составило эпоху въ развитіи ученой оріентальной литературы. Вся жизнь Шпренгера была подготовленіемъ къ этому труду. Всю жизнь собиралъ онъ для него матеріалы и изучалъ источники. Много новаго, при этомъ, открыто было имъ самимъ въ восточныхъ библіотекахъ и впервые введено въ изслѣдованіе. Въ-особенности это нужно сказать о такъ называемыхъ на востокѣ „хадитъ“ или преданіяхъ о Мохаммедѣ, сборники которыхъ составляютъ „суннетъ“, служащій, какъ извѣстно, источникомъ обычнаго права для одной части мусульманскаго міра. Сунниты и шіиты имѣютъ свои особенные сборники „хадитъ“. Однихъ главныхъ, какъ-бы каноническихъ, считается десять, не говоря о

неоффиціальныхъ. Всѣ они заключаютъ и весьма интересный историческій матеріалъ, служа превосходными объясненіями для корана. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ — „исаба“, открытомъ и отчасти изданномъ Шпренгеромъ, находится до восьми тысячъ именъ и біографическихъ извѣстій о современникахъ и сподвижникахъ пророка, знавшихъ его лично. А число всѣхъ, записанныхъ въ этихъ громадныхъ коллекціяхъ, сказаній простирается до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи ислама Шпренгеръ прежде всего оперся на эту необозримую массу преданій, разумѣется очистивъ и повѣривъ ихъ строгою критикой. Оффиціальные документы, комментаторы и экзегеты корана и древнѣйшіе генеалогическіе списки, носящіе всѣ признаки большой исторической достовѣрности, служили ему пособіемъ при этой, поистинѣ изумительной работѣ. Такимъ путемъ успѣлъ онъ сильно подорвать авторитетъ догматической біографіи пророка, условно или оффиціально принятой на всемъ востокѣ и служившей до сихъ поръ главнымъ источникомъ и для европейскихъ историковъ. Шпренгеръ доказалъ, что только послѣднія десять лѣтъ жизни Мохаммеда, т. е. отъ бѣгства его въ Медину до смерти, могутъ въ этихъ біографіяхъ пользоваться значительнымъ довѣріемъ, если устранить изъ нихъ прикрасы благочестивой и суевѣрной фантазіи мослимовъ. Вся же остальная часть жизни пророка не имѣетъ въ нихъ никакой твердой исторической почвы. Даже древнѣйшее изъ подобныхъ догматическихъ жизнеописаній, принадлежащее Ибнъ-Исхаку и дошедшее до него въ сочиненіи Ибнъ-Гишама, не говоря уже о другихъ, позднѣйшихъ, напримѣръ Вакиди, Ибнъ-Саада и другихъ, есть не что иное, какъ сборникъ набожныхъ легендъ о рожденіи и юности пророка, съ незапамятныхъ временъ рецитируемыхъ въ мусульманскихъ краяхъ записными публичными разсказчиками и называемыхъ тамъ „моледъ-шерифъ“, или благородное рожденіе. Разумѣется, что эти легенды, такъ точно, какъ и подобная же благочестивая сага о воздушномъ путешествіи Мохаммеда на небеса, или такъ называемый по-арабски „мираджъ“, составленныя единственно для прославленія пророка, не имѣютъ почти никакой исторической цѣны. Такимъ образомъ Шпренгеру удалось замѣнить эти несостоятельные авторитеты другими, болѣе достовѣрными памятниками, преимущественно хадитами, повѣренными оффиціальной генеалогіей и документами, и впервые создать критическую біографію Мохаммеда. Но, разумѣется, что для него, какъ и для вся-

каго другого изслѣдователя, главнымъ источникомъ все-таки служилъ коранъ. Коранъ — это внутренняя исторія пророка. Его мысли, чувства и страсти, радость и горе, сомнѣнія и боли, интересы и цѣли, его волновавшіе, событія и случаи, условливавшіе его судьбу, столкновенія и знакомства, чужія вліянія и совѣты, — все оставило здѣсь свои слѣды. Такъ, что еслибъ коранъ былъ написанъ правильно, т. е. ясно, послѣдовательно и просто, то онъ уже одинъ могъ бы представить довольно полную автобіографію своего составителя. Но въ томъ-то и бѣда, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ памятникъ этотъ представляетъ такой безвыходный хаосъ безъ всякой системы и связи набросанныхъ и перемѣшанныхъ откровеній и суръ или главъ, и содержаніе его до такой степени пестро и разнохарактерно, — молитвы, легенды, угрозы, распоряженія и законы до-того перепутаны, затемнены и переполнены аллегоріей и эмфазомъ, что критика и комментированіе становятся почти невозможными. Не одинъ дѣльный и опытный арабистъ отступалъ уже передъ этой неразрѣшимой задачей. Но Шпренгеръ и въ этомъ отношеніи пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ и, по общему признанію спеціалистовъ, очень удачно ввелъ въ текстъ своего сочиненія около двухъ третей всего корана, назначая каждому отрывку принадлежащее ему мѣсто въ исторіи и объясняя его происхожденіе.

Такъ возникъ классическій трудъ по начальной исторіи ислама, классическій въ томъ смыслѣ, что до-нынѣ никто еще не овладѣлъ такъ мастерски матеріаломъ и не подчинилъ его такой смѣлой и твердой критикѣ, какъ Шпренгеръ, — и мы можемъ только порадоваться, что, наконецъ, и оріентальная исторіографія дождалась своего Нибура.

Одно только упущеніе мы позволимъ себѣ отмѣтить въ этомъ во многихъ отношеніяхъ образцовомъ трудѣ. Намъ кажется, что разбирая такъ подробно и всесторонне процессъ происхожденія ислама, Шпренгеръ не довольно ярко выставилъ и оцѣнилъ вліяніе мѣстной природы на развитіе монотеизма, составляющаго, какъ извѣстно основу и сущность этой религіи. Онъ говоритъ, правда, объ удивительныхъ свойствахъ воздуха пустыни, вливающаго въ грудь человѣка необыкновенную энергію, довольство и ясность ощущенія и мысли, объясняя этимъ отчасти самую трезвость и положительность мусульманскаго міровоззрѣнія, но впечатлѣнія самаго ландшафта природы не касается вовсе. А между тѣмъ впечатлѣніе это такъ могущественно, что едвали его обойдти можно въ подобномъ случаѣ.

Кто не читалъ объ аравійскихъ и африканскихъ пустыняхъ, кто не знакомъ съ живописными разсказами безчисленныхъ путешественниковъ, напримѣръ какого-нибудь Буркгардта, или Барта, описывавшихъ эту оригинальную и внушающую природу? Но, быть можетъ, не каждый въ состояніи представить себѣ то чувство, какое порождаетъ пустыня въ душѣ человѣка, дѣйствуя особенно на ту нѣжную и тайную струну ея, которую мы называемъ религіознымъ инстинктомъ, религіознымъ чутьемъ. Въ этомъ отношеніи ссылаемся на всѣхъ, кто бывалъ когда-нибудь въ степяхъ, ссылаемся на наши собственныя воспоминанія. Мы воображаемъ себя въ степи въ ночную пору. Одиноко стоимъ мы въ самой срединѣ огромнаго, пустого, гладкаго круга, разстилающагося ровно со всѣхъ сторонъ. Съ изумительною правильностію, словно циркулемъ, обведенъ горизонтъ, и съ такою же правильностію воздвигается съ горизонта небесный куполъ, усѣянный милліонами звѣздъ. Кругомъ — ни души, ни звука. Весь доступный нашимъ чувствамъ міръ здѣсь, передъ нами. И если младенческой душой мы не имѣемъ никакого чаянія даже объ истинахъ откровенія, то въ эту минуту хоть темное чувство цѣлости, единства природы проснется въ насъ непремѣнно. Вниманіе не разорвано, не развлечено ничѣмъ. Насъ поражаетъ развернувшееся передъ нами громадное „все“, — и врожденная намъ потребность поклоненія и религіи хоть смутно почувствуетъ „единаго“ Бога.

Во сколько же разъ сильнѣе чувство это овладѣетъ душой въ тѣхъ глухихъ, необозримыхъ песчаныхъ пространствахъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь? Представьте себѣ тропическую ночь гдѣ-нибудь въ пустынѣ Гиджаза, или Нофуда, и полудикаго кочующаго бедуина, остановившагося на-привалъ со своей семьей, конемъ и верблюдомъ. Неподвижный шатеръ небесъ высится концентрически надъ его походнымъ шатромъ, голубоватый свѣтъ струится отъ мерцающихъ звѣздъ, наполняя пустыню какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ, — моремъ серебра отливается необозримая песчаная даль, ароматы бальзама и мирры стоятъ въ неподвижномъ воздухѣ... да это чертогъ, это храмъ Всемогущаго! Этотъ бѣдный сынъ природы падетъ на колѣни и за-долго до Мохаммеда воскликнетъ: Алахъ экберъ — Богъ великъ, и нѣтъ Бога, кромѣ его! Не къ чему, стало быть, предполагать въ семитической расѣ какую-то особенную, врожденную способность къ монотеизму, зависящую чуть не отъ устройства ея черепа. Пустыня, съ ея неотразимымъ впечатлѣніемъ единства и цѣлости мірозданія, съ незапа-

мятныхъ временъ научила семита призывать и поклоняться единому Богу. Идея единобожія, до которой мыслящіе люди греко-римскаго міра дошли вѣками умственной работы и философскаго отвлеченія, открылась ему непосредственно подъ вліяніемъ родной его природы. Куда ни заходилъ онъ потомъ, занесенный волнами исторіи, въ Палестину ли, Сирію, на берега Евфрата и Ганга въ Африку и Испанію, — повсюду несъ онъ съ собою эту твердую идею, какъ священное воспоминаніе родины, какъ драгоцѣнный завѣтъ старины.

Въ самой Аравіи, подъ вліяніемъ иныхъ впечатлѣній и чужихъ, занесенныхъ культовъ, идея эта могла на-время ослабѣть и померкнуть, уступивъ мѣсто различнымъ формамъ политеизма; но во всѣ времена составляла она, однакожъ, тотъ незыблемый природный фонъ народныхъ вѣрованій, на которомъ можно было выводить какіе угодно узоры, но сущности котораго не могли измѣнить никакія вліянія и силы. Дѣйствительно, ко временамъ Мохаммеда, встрѣчаемъ мы въ Аравіи — и христіанъ, и евреевъ, и огнепоклонниковъ и даже простой грубый фетишизмъ; но это были, большею частію, изъ-чужи занесенные элементы. Одинъ только языческій культъ, особенно распространенный между южно-аравійскими племенами, носитъ всѣ признаки туземнаго происхожденія. Это — поклоненіе звѣздамъ. Если что-нибудь, кромѣ цѣльной природы, могло поразить особенно воображеніе араба, такъ это звѣзды, сіяющія такъ ярко въ этихъ полуденныхъ краяхъ, совершающія свое таинственное періодическое теченіе, связанное съ временами года. Стало быть, это живыя, движущіяся, разумныя существа, управляющія явленіями природы, судьбами людей, стало быть, это — боги. Вотъ прямой, естественный источникъ звѣздопоклонства. Но надо замѣтить, что и между сабеями было много монотеистовъ и что эта коренная форма аравійскаго религіознаго міросозерцанія никогда не исчезала и между ними.

Вотъ что, намъ кажется, упущено изъ виду Шпренгеромъ.

Съ другой стороны, нигдѣ человѣкъ не чувствуетъ себя такимъ безпомощнымъ, ничтожнымъ и слабымъ, какъ въ этихъ ужасныхъ безлюдьяхъ. Общественная жизнь слаба. Взаимной помощи нѣтъ. Даже по городамъ промышленность совершенно ничтожна. Человѣкъ весь предоставленъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ. И хотя нужда и ежедневныя опасности развиваютъ предпріимчивость, отвагу и энергію характера, но за то ставятъ благосостояніе и самую жизнь въ полную зависимость отъ случая. Не даромъ

Риттеръ называетъ страны эти „самымъ антипромышленнымъ центральнымъ пунктомъ земли“. Нигдѣ природа такъ не изолировала, не лишила человѣка въ такой степени постоянныхъ, обезпеченныхъ рессурсовъ для жизни, какъ здѣсь. Правда, что и нужды его тутъ не велики. Одинъ верблюдъ можетъ доставить ему пищу, одежду и матеріалъ для топлива. Но не каждый бѣднякъ можетъ имѣть верблюда. Обладаніе имъ есть уже извѣстная степень довольства. Существованіе нищаго араба предоставлено совершенно игрѣ прихотливаго случая. Сегодня онъ встрѣтилъ финиковую пальму — и утолилъ свой голодъ, завтра нашелъ страусовое перо — и продалъ его на ближайшемъ рынкѣ. Но послѣ-завтра можетъ не представиться подобнаго случая. Онъ пристанетъ къ шайкѣ такихъ-же, какъ онъ, голодныхъ пролетаріевъ и ограбитъ караванъ. Грабежъ здѣсь не только не преступленіе, — онъ въ нравахъ, почти въ почетѣ. Горькая нужда и повседневность явленія придали ему даже какой-то рыцарскій характеръ. А если караванъ отобьется, а если вовсе не будетъ каравана, а если никто не подастъ ему милостыни? Что тогда? Голодная смерть со всѣми своими ужасами. Остается одна надежда, это — милость Аллаха. Онъ великъ, онъ всемогущъ и благъ. Онъ спасетъ, если захочетъ; но захочетъ ли?.... Полная, безграничная зависимость, совершеннѣйшая преданность его волѣ, то чувство, та религія, которую впослѣдствіи Мохаммедъ назвалъ характеристическимъ именемъ „ислама“, т. е. покорности, преданности Богу и его волѣ, — является естественнымъ плодомъ такого безвыходнаго положенія араба. Это не гордый эллинъ, въ своей прекрасной и роскошной странѣ съ достоинствомъ относившійся къ своимъ олимпійцамъ и самоувѣренно сложившій дерзкій миѳъ Прометея. Это рабъ, ползающій у ногъ своего властелина и съ трепетомъ ожидающій отъ него счастія и несчастія, жизни и смерти. Предъ лицомъ, предъ произволомъ этого всемогущаго міровладыки онъ сдѣлается фаталистомъ, фанатикомъ, рабомъ. Съ подобострастіемъ станетъ падать онъ ницъ предъ каждымъ ловкимъ честолюбцемъ, который съумѣетъ увѣрить его, что онъ избранникъ Аллаха. Въ огонь и воду, въ пылъ сраженія и на штурмъ крѣпостей пойдетъ онъ за всякимъ, кто поведетъ его именемъ Аллаха и объявитъ себя исполнителемъ его воли.

Вотъ два существенныя основанія ислама — единобожіе и фатализмъ — готовы. Сама природа и вызванныя ею условія жизни искони вложили ихъ въ душу араба.

Нужды нѣтъ, что самъ Мохаммедъ постоянно колебался въ понятіяхъ о предопредѣленіи и что въ коранѣ то признаются права свободной воли и личныхъ заслугъ человѣка, то проповѣдуется ученіе о предначертанномъ свыше удѣлѣ для каждаго. Такія противорѣчія зависѣли, большею частью, отъ тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился пророкъ. Ему нужно, напримѣръ, побудить малодушныхъ къ опасной экспедиціи,— онъ и говоритъ имъ: все равно, кому суждено умереть, того смерть найдетъ и въ глубинѣ самаго крѣпкаго замка. Въ другое же время, опять-таки, по требованію минуты, онъ высказывалъ и противоположныя идеи. Во всякомъ случаѣ вѣра въ фаталистическое начало въ немъ не была такъ сильна, какъ его незыблемый монотеизмъ. И однакожъ мы видимъ, что предопредѣленіе все-таки дѣлается кореннымъ догматомъ огромнаго большинства мусульманъ. Не служитъ ли уже это одно указаніемъ, что причины болѣе глубокія, чѣмъ личное убѣжденіе пророка, способствовали его владычеству надъ умами, и въ числѣ главнѣйшихъ мы считаемъ себя въ-правѣ поставить и мѣстныя условія края. Условія эти по видимому такъ сильны, что даже и самый основной догматъ исламизма — единобожіе постоянно находилъ въ нихъ свое обновленіе и охрану. Извѣстно, какъ много и часто, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, уклонялось мохаммеданство отъ древней простой семитической нормы. Но Аравія каждый разъ служила оплотомъ противъ сложныхъ иноземныхъ нововведеній и примѣсей,—и еще не дальше, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ фанатической сектѣ ваггабитовъ, обнаружилась противъ нихъ сильная монотеистическая реакція.

При такомъ взглядѣ на дѣло, мохаммедизмъ явился бы нетолько, какъ у Шпренгера, организованной системой, созданной и развитой временемъ и обстоятельствами, но вмѣстѣ и такой же „натуральной“, т. е. зависимой отъ условій и свойствъ самой мѣстности, религіей, какъ и всѣ языческіе культы древнѣйшаго востока. Только на незыблемой „природной“ почвѣ возможно было для Мохаммеда создать долговѣчную религію, удовлетворяющую кореннымъ религіознымъ инстинктамъ и представленіямъ семитическихъ населеній его отчизны.

Несмотря, однакожъ, на нѣкоторыя упущенія и пробѣлы, благодаря Шпренгеру и другимъ ученымъ трудамъ, происхожденіе ислама и жизнь его основателя достигли въ настоящее время той

степени научной ясности и достовѣрности, какія желательны были бы и для прочихъ отдѣловъ религіозной и политической исторіи востока. Новой разработкой предмета и послѣдними открытіями въ этой области не исключается, впрочемъ, и цѣнность прежнихъ изслѣдованій, — и Коссенъ-де-Персеваль, напримѣръ, остается и понынѣ главнымъ руководителемъ при изученіи судебъ и жизни домохаммеданской Аравіи, т. е. тѣхъ условій, порядковъ и отношеній, которыя приготовили Мохаммеда и служатъ ему объясненіемъ.

II.

Огромный полуостровъ аравійскій, по-крайней-мѣрѣ вчетверо превосходящій величиною Францію, съ незапамятныхъ временъ населенъ былъ семитическимъ народомъ, распадавшимся на множество мелкихъ племенъ, родственныхъ единокровнымъ съ ними евреямъ и нѣкоторымъ другимъ сирійцамъ. Всѣ они, кочевники и осѣдлые жители морскаго прибрежья, происходили, по преданію, отъ общихъ родоначальниковъ — патріарховъ и имѣли, въ глубокой древности, общую религію, состоявшую въ простомъ, натуральномъ монотеизмѣ. Кочующія племена или бедуины, самые чистые и гордые изъ арабовъ, питались скотоводствомъ и грабежемъ. Слабо развитое земледѣліе и торговля немногихъ городовъ составляли рессурсъ поселенцевъ. Безконечныя усобицы, непрочныя попытки чужеземныхъ завоеваній, — римскаго, персидскаго, византійскаго, абиссинскаго, — составляютъ всю древнѣйшую исторію этой бѣдной страны. Патріархальный бытъ ея не измѣнился въ главныхъ чертахъ и понынѣ, — и разсказы новѣйшихъ путешественниковъ о нравахъ и жизни бедуиновъ могутъ служить превосходными комментаріями къ картинамъ и событіямъ временъ Мохаммеда.

И тогда, какъ теперь, арабъ не зналъ надъ собой никакой власти и пользовался такой широкой естественной свободой, о какой въ цивилизованныхъ государствахъ Европы не имѣютъ и слабаго понятія. Значеніе племеннаго старшины или шайха ограничивалось почетомъ, да моральнымъ вліяніемъ, а общія дѣла и интересы вѣдались племенною сходкой. Равенство между членами этого совѣта было столь-же безгранично, какъ и ихъ свобода. Ни титуловъ, ни публичныхъ отличій, ни привилегированной аристократіи — ничего этого не знаетъ и не зналъ аравійскій міръ. Арабы просто называютъ другъ друга братьями, и единственное общест-

венное чувство, имъ знакомое, — это привязанность къ своему племени. Но за-то привязанность эта доходитъ до фанатизма. Честь и выгоды племени для бедуина такъ-же дороги, какъ его собственныя. Племя, однимъ словомъ, для него — цѣлый особый міръ. Гостепріимство и война, поэзія и любовь — наполняютъ, за-тѣмъ, остальную часть его жизни, непоглощенную племеннымъ интересомъ. Особенно — война. Вѣчные племенные раздоры и взаимный грабежъ сдѣлали ее искони нормальнымъ явленіемъ жизни. Только на четыре мѣсяца въ году, считавшіеся священными, стихала эта хроническая вражда и торговые люди спѣшили воспользоваться ими для ярмарокъ и отправленія каравановъ, тянувшихся обыкновенно вдоль морскихъ береговъ и рѣдко углублявшихся въ непроходимыя пустыни Неджида, или центральной Аравіи. Но не одинъ обычай „божьяго мира“ былъ плодомъ нескончаемыхъ войнъ между арабами. У нихъ развилось даже своего рода рыцарство, идеалъ котораго состоялъ въ боевой отвагѣ, поэтическихъ дарованіяхъ и презрѣніи къ богатству. Таковъ былъ въ до-мохаммеданскія времена поэтъ-воинъ Антаръ, раздавшій свое состояніе нищимъ и питавшійся потомъ грабежемъ каравановъ и войной съ племенными врагами. Гостепріимство, съ его священными обязанностями, было тоже своего рода человѣчной реакціей посреди ужасовъ вѣчной усобицы. Наконецъ бѣдность края и нищета, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ и разореній, породили всеобщій долгъ милостыни, а у болѣе дикихъ племенъ вызвали жестокій обычай убивать лишнихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ. Если мы прибавимъ къ этому еще родовую месть, логически вытекавшую изъ преобладанія въ обществѣ фамильныхъ и племенныхъ интересовъ, то и получимъ довольно полную картину нравовъ и быта до-мохаммеданскихъ арабовъ съ ихъ особыми добродѣтелями и пороками, — быта воспѣтаго и отразившагося въ дошедшихъ до насъ лирическихъ стихотвореніяхъ этого далекаго времени и извѣстныхъ подъ именемъ „моаллакатъ“, т. е. почетно вывѣшенныхъ на стѣнахъ каабы.

Дози, да еще и прежде его — Ренанъ, очень интересно объясняютъ вѣковую неподвижность этой патріархальной древне-арабской жизни. Причину ея, кромѣ мѣстныхъ условій, безъ сомнѣнія очень могущественныхъ, они видятъ, главнымъ образомъ, въ бѣдности, почти въ совершенномъ отсутствіи фантазіи въ духовной организаціи араба, да и всѣхъ вообще семитовъ. Въ противность укоренившимся въ Европѣ понятіямъ, арабы — самый положитель-

*

ный, самый реальный народъ изъ всѣхъ азіатовъ и уступаютъ въ этомъ качествѣ развѣ однимъ китайцамъ. Недостатокъ воображенія, и слѣдовательно изобрѣтательности, творчества, отразился во всей ихъ жизни и цивилизаціи, въ ихъ литературѣ и въ ихъ религіи. У нихъ нѣтъ ни эпоса, ни миѳологіи, какъ нѣтъ и искусства, за исключеніемъ весьма реалистической лирики. Открытія ихъ въ наукахъ, когда, впослѣдствіи, на чужбинѣ, они усвоили себѣ образованность покоренныхъ странъ, тоже крайне бѣдны. Даже въ знаменитыхъ сказкахъ „тысячи и одной ночи", обыкновенно извѣстныхъ подъ именемъ арабскихъ, все, что есть фантастическаго, принадлежитъ не имъ, а индійскимъ и персидскимъ составнымъ элементамъ и вліяніямъ. Отсюда — отсутствіе идеаловъ, какъ въ мірѣ мысли и чувства, такъ и въ общественной жизни, а слѣдовательно — неподвижность и застой. Арабъ не можетъ представить себѣ ничего совершеннѣе окружающей его дѣйствительности, доволенъ и счастливъ ею и не желаетъ ничего лучшаго. Идея прогресса, составляющая вѣчный стимулъ движенія и перемѣнъ въ европейской жизни, ему вовсе незнакома и чужда. Отсюда-же — особый, какой-то простой и трезвый характеръ его до-мохаммеданской религіи.

Главною особенностью этой религіи были „наби", пророки, — явленіе, свойственное вообще всей семитической расѣ. Жрецы у ней были, но жречество никогда не достигало большого значенія, не переходило въ безконтрольную теократію. Каждое племя, кромѣ оффиціальныхъ жрецовъ, непремѣнно имѣло своего наби, получавшаго внушенія непосредственно отъ Аллаха. Такимъ образомъ, личное вдохновеніе и оригинальная инициатива какой-нибудь даровитой натуры всегда у нихъ господствовали надъ оффиціальною религіей. Да и вообще, жречество было слабо развито у арабовъ. Морально господствовали пророки. Ко временамъ Мохаммеда, у различныхъ племенъ, они спеціально назывались „кагинами".

Крайне бѣденъ и простъ былъ и внѣшній культъ этой натуральной религіи. Не было ни капищъ, ни ритуала, ни сложныхъ обрядовъ богослуженія. Зачѣмъ сыну пустыни храмы, жрецы и формулы, когда каждый день и каждую ночь стоитъ онъ лицомъ къ лицу съ своимъ Богомъ въ вѣчномъ храмѣ вселенной!

Одно только святилище пользовалось особеннымъ, общимъ почетомъ у арабскихъ племенъ. Это „кааба", въ гиджазской землѣ, по среднему побережью Краснаго моря. То было небольшое, ста-

рое, четырехъугольное каменное зданіе, очень бѣдное, очень неуклюжее и грубое, но полудикому сыну степей, не видавшему въ жизни своей никакихъ построекъ, кромѣ шатровъ, да наскоро складенныхъ лачугъ, оно казалось идеаломъ возможной на землѣ красоты, — и онъ составилъ повѣрье, что кааба построена по образцу небесныхъ чертоговъ Аллаха. Тутъ-то, въ одномъ изъ угловъ наружной стѣны, вдѣланъ былъ знаменитый черный камень, предметъ ревностнаго поклоненія пилигримовъ, стекавшихся сюда еще за-долго до Мохаммеда, составляющій и по-нынѣ, вмѣсѣ съ гробомъ пророка, главную религіозную святыню всего мусульманскаго міра. По преданію, вѣроятно позднѣйшему, камень этотъ, можетъ быть, аэролитъ, упалъ съ неба, когда Ибрагимъ, т. е. Авраамъ, родоначальникъ арабскаго народа, закладывалъ основаніе каабы. Въ то время онъ сіялъ необыкновеннымъ блескомъ; но, по мѣрѣ того, какъ накоплялись человѣческіе грѣхи, онъ тускнѣлъ и наконецъ совершенно сдѣлался чернымъ, какъ и самая совѣсть людская. Но будетъ день, прибавляетъ преданіе, день страшнаго суда и всеобщаго очищенія, когда онъ снова просіяетъ въ своемъ первобытномъ блескѣ и озаритъ собою весь міръ.

Каждый сколько-нибудь достаточный человѣкъ считалъ своею обязанностію хоть разъ въ жизни посѣтить это священное мѣсто, семь разъ обойти каабу, семь разъ поцѣловать черный камень и семь разъ испить воды изъ ближайшаго источника. Мѣстные жители назвали источникъ этотъ звукоподражательнымъ именемъ „цемъ — цемъ“, вѣроятно отъ плеска воды, звѣнящей о камни.

Въ безводной странѣ, не имѣющей ни рѣкъ, ни озеръ, открывшійся источникъ есть цѣлое благодѣяніе. Это зародышъ оаза, причина основавшагося поселенія, часто — пунктъ, около котораго строится городъ, — однимъ словомъ, это — жизнь. Но если вообще вода здѣсь составляетъ драгоцѣнность, то родникъ, протекавшій у каабы, былъ еще особенно дорогъ арабамъ по священнымъ воспоминаніямъ, съ нимъ соединеннымъ. Это тотъ самый ключь, говорило преданіе, который ангелъ Господень вызвалъ изъ нѣдръ земныхъ для того, чтобъ утолить жажду изгнанной Агари и ея отверженнаго сына Измаила, праотца аравійскихъ племенъ. Вокругъ каабы и цемъ-цемскаго ручья, лѣтъ за полтораста до Мохаммеда возникла Мекка. Впрочемъ огромное стеченіе богомольцевъ, приходившихъ сюда на поклоненіе святынѣ, торговые пути, идущіе изъ Сиріи, Абиссиніи и южной Аравіи и пересѣкающіеся въ этомъ

пунктѣ, уже въ незапамятной древности вызвали здѣсь караванную стоянку. Транзитная торговля и храмъ подняли ея благосостояніе и богатство, а вмѣстѣ съ торговлею и богатствомъ явились первые зародыши духовнаго развитія. Въ небольшомъ городкѣ Окатѣ, лежавшемъ въ одномъ изъ ближайшихъ оазовъ, въ опредѣленные обычаемъ сроки, собиралась ярмарка, куда на состязаніе сходились, между прочимъ, національные пѣвцы и поэты, и, при огромномъ стеченіи народа, какъ нѣкогда на олимпійскихъ играхъ у грековъ, рецитировали свои произведенія. Лучшія изъ нихъ вышивались золотыми буквами на тканяхъ и вывѣшивались въ каабѣ, — высшая награда и высшая почесть, къ какимъ могло только стремиться самолюбіе художника. Такъ, мало-по-малу, сдѣлалась Мекка не только главнымъ центромъ торговли и богатства страны, но и средоточіемъ умственной, художественной и религіозной жизни арабовъ. Здѣсь только можно было явиться національному пророку. Онъ явился въ началѣ VII столѣтія.

Именно тогда, въ началѣ VII столѣтія, ему пора было явиться. Аравійскій міръ болѣе, чѣмъ когда-нибудь нуждался въ это время въ реформѣ. Древняя религія патріарховъ, общая арабамъ и соплеменнымъ съ ними евреямъ, чистое и духовное поклоненіе единому, міродержавному Аллаху, пришла въ упадокъ. Иноземные культы втѣснились съ сѣвера и юга и нашли доступъ у многихъ племенъ. Но, что важнѣе всего, сама натуральная религія пустыни затмилась и померкла, обезобразившись примѣсью грубаго фетишизма. Долина мекканская и даже самый храмъ наполнились идолами, изображавшими божества различныхъ племенъ аравійскихъ, такъ какъ каждое племя, при своей исключительности и гордости, ни за что не хотѣло бы покланяться чужимъ богамъ. Мекка, такимъ образомъ, составила средоточіе этой, какъ выражается Шпренгеръ, „федеративной“ религіи, и въ этомъ обстоятельствѣ нужно искать причину ея искони важнаго священнаго значенія для всей страны. Латъ, Узза, Гобалъ и другіе истуканы, окружавшіе каабу, числомъ до четырехсотъ, были представителями вѣрованій и культовъ цѣлой Аравіи, не исключая даже евреевъ и христіанъ, — и въ каабѣ, на ряду съ разными языческими символами и фигурами, были изображенія Авраама и Пресвятой Дѣвы съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ.

При такомъ только взглядѣ на значеніе Мекки становятся понятными тѣ усилія, какія употреблялъ впослѣдствіи Мохаммедъ,

чтобъ быть признаннымъ корайшитами, владѣвшими этою всеарабскою святыней. Добиться такого признанія — значило быть признаннымъ почти цѣлою Аравіей, или, по-крайней-мѣрѣ, проложить себѣ вѣрный къ этому путь. Съ другой стороны, здѣсь же находитъ разгадку и то замѣчательное и единственное въ исторіи явленіе, что основаніе новой, единой для всего края религіи было вмѣстѣ и политическимъ объединеніемъ націи, основаніемъ могущественнаго царства. Древне-арабскій политеизмъ, сильно опиравшійся на племенномъ партикуляризмѣ страны, тогда только могъ быть успѣшно вытѣсненъ однообразною проповѣдью корана, когда отдѣльныя племена принуждены были оружіемъ отказаться отъ своей стародавней воли. Мохаммедъ и его сподвижники поняли это и устремили всѣ свои надежды на силу меча.

Но какая причина привела къ упадку этотъ древній природный монотеизмъ? Грубому человѣку, поставленному даже въ самыя благопріятныя условія, нѣтъ возможности избѣжать суевѣрія. Его младенческую душу тревожитъ и смущаетъ все, для него непонятное. Вотъ появился миражъ въ пустынѣ, обольщая обманчивыми призраками неопытный взоръ полудикаго бедуина. Удушливый симунъ сорвался съ невѣдомыхъ пространствъ и пронесся ураганомъ. Лошади, люди, верблюды — все припало къ землѣ, притаивъ дыханіе. Тропическій-ли зной породилъ болѣзнь, или гроза опустошительно разразилась надъ окрестностью, — вотъ уже онъ думаетъ, что это злыя, враждебныя силы, духи — властители разныхъ явленій природы. Арабъ назвалъ ихъ „джинами“ и, пораженный страхомъ, сталъ приносить имъ жертвы, кланяться идоламъ, изображавшимъ ихъ. Джины, правда, по его понятіямъ, всѣ подчинены Аллаху, но тѣмъ не менѣе, это строптивыя, непокорныя силы, стремящіяся отстоять свою независимость. Аллаху часто приходится съ трудомъ укрощать ихъ дерзость и буйство, такъ точно какъ племенному князю или шайху, облеченному всею полнотой своей моральной власти, иной разъ не легко бываетъ управиться съ упрямымъ норовомъ какихъ-нибудь удальцовъ.

У джиновъ есть свои любимцы, которымъ они покровительствуютъ, которымъ повѣряютъ тайны, подслушанныя ими у дверей чертоговъ Аллаха. Такіе люди назывались кагинами и пользовались большимъ уваженіемъ. Нѣкоторые, впрочемъ, выдавали себя и за непосредственныхъ пророковъ Аллаха. Всѣ же вообще вели уединенную, аскетическую жизнь, лѣчили болѣзни, считались знахарями

и мудрецами, давали совѣты, дѣлали предсказанія. Въ спорахъ и тяжбахъ нерѣдко прибѣгали къ ихъ рѣшенію и посредничеству. Большая часть кагиновъ отличалась поэтическими дарованіями, слагала пѣсни, гимны, афоризмы житейской мудрости. Особый языкъ усвоили себѣ эти люди. Выражались они обыкновенно риѳмованною прозой, въ короткихъ, оригинальныхъ изрѣченіяхъ, сопровождая свои предсказанія или отвѣты какими-нибудь фантастическими заклинаніями. Омайя съ Гашимомъ, два богатыхъ араба, заспорили однажды о древности рода и побились объ закладъ въ пятьдесятъ черноглазыхъ верблюдовъ, и такъ-какъ трудно было доказать генеалогіей, чей родъ древнѣе, то обратились за рѣшеніемъ къ одному знаменитому кагину. Кагинъ отвѣчалъ: блескомъ луны, звѣздами ночи, гремящей тучей, птицей, парящей въ воздухѣ, тѣмъ, кто надъ странникомъ бодрствуетъ — клянусь, что Омайя благороднѣе Гашима". Читайте коранъ — и во многихъ мѣстахъ вы встрѣтите тамъ совершенно тотъ-же языкъ. Въ началѣ своего поприща, Мохаммедъ былъ не что иное, какъ кагинъ.

Естественно, что такое состояніе народной религіи не удовлетворяло мыслящихъ, передовыхъ людей общества, тѣмъ болѣе, что память о чистомъ служеніи Аллаху, по преданію, хранилась въ избранныхъ сердцахъ. Въ поколѣніи, непосредственно предшествовавшемъ Мохаммеду, мы встрѣчаемъ уже довольно много подобныхъ избранниковъ. Преданіе сохранило намъ ихъ имена и память объ ихъ стремленіяхъ. Это—Варака, Отманъ, Убейдалахъ, Зеидъ. Послѣдній особенно отличался смѣлостью, съ какою обличалъ языческія суевѣрія своихъ соплеменниковъ и всю жизнь провелъ въ странствованіяхъ по свѣту, отыскивая слѣды древней религіи патріарховъ; религія же эта, какъ ее понимали арабы, была не что иное, какъ простой, натуральный монотеизмъ.

Состояніе народныхъ вѣрованій цѣлаго края представляло, такимъ образомъ, какую-то уродливую смѣсь монотеизма, политеизма и фетишизма. Самымъ характернымъ выраженіемъ его были ежедневныя пилигримскія празднества въ Меккѣ, гдѣ каждое племя, покланяясь своему мѣстному идолу, въ то-же время приносило жертвы и общему для всѣхъ божеству — Аллаху, „у котораго, по выраженію древней религіозной формулы, нѣтъ совмѣстниковъ, за исключеніемъ развѣ одного (мѣстнаго кумира), подвластнаго Аллаху и не имѣющаго участія въ его владычествѣ".

Неудивительно, поэтому, что въ общей нравственной атмосферѣ

эпохи мы видимъ какое-то недовольство, ожиданіе и сомнѣніе, переходящія нерѣдко въ индифферентизмъ или же голое невѣріе. Отсюда же — возможность и легкость вторженія иноземныхъ культовъ, тѣмъ болѣе, что съ V столѣтія, замкнутая до тѣхъ поръ, Аравія, со всѣхъ сторонъ открываетъ доступъ чужимъ племеннымъ вліяніямъ и элементамъ. Персы и абиссиняне поочередно властвуютъ надъ Іеменомъ, нѣкоторыя сѣверныя племена подпадаютъ зависимости отъ греческихъ императоровъ. Перемѣшиваются расы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, происходитъ обмѣнъ и религіозныхъ представленій.

Разумѣется, что, изъ числа этихъ изъ-чужи принесенныхъ культовъ, привились особенно тѣ, которые, по своимъ господствующимъ идеямъ, могли удовлетворять монотеистическимъ симпатіямъ арабовъ, самыхъ чистыхъ семитовъ изъ всѣхъ представителей этой даровитой и замѣчательной расы. Іудейство и христіанство ближе всего отвѣчали этимъ симпатіямъ. Оттого на востокѣ, сѣверо-западѣ и даже на югѣ полуострова мы очень рано встрѣчаемъ послѣдователей обѣихъ религій. Всѣ пограничные съ сирійской пустыней оазы и весь берегъ Краснаго моря до самой Мекки были ими наполнены. Но какъ іудаизмъ, такъ и христіанство проникли въ Аравію не въ чистой, ортодоксальной своей формѣ, а въ видѣ уклонившихся отъ правовѣрія сектъ. Оно и не могло быть иначе. Ученіе о трехличномъ божествѣ, мистическій характеръ, свойственный многимъ изъ христіанъ первобытной церкви, были не въ духѣ кровнаго семита-монотеиста, такъ точно, какъ не въ его же духѣ была еврейская обрядность и щепетильный систематическій законъ (тора), окруженный безчисленными и тонкими толкованіями. Только тѣ изъ іудейско-христіанскихъ сектъ и нашли у него сочувствіе, которыя были наиболѣе свободны отъ этихъ, по его понятіямъ, недостатковъ.

Такою была, во-первыхъ, оригинальная іудейская секта „эсееевъ“, стоящая въ близкой и не совсѣмъ еще разгаданной связи съ христіанствомъ апостольскихъ временъ. Сколько можно догадываться, эссеизмъ именно былъ протестомъ чистой семитической идеи единобожія противъ оффиціальной іерусалимской церкви, погрязшей въ фарисейскомъ педантизмѣ и ханжествѣ, или же увлекшейся, какъ это было въ высшихъ слояхъ іерархіи, индифферентностью и эпикурействомъ саддукеевъ. Не разрывая формально связей своихъ съ тогдашнимъ іудаизмомъ, эссеи, однакожъ, чуждались направленія, какое онъ принялъ въ Іерусалимѣ. Они вѣрили въ святость хра-

ма, но не посѣщали его, вѣрили въ библію, но мало ее читали и плохо понимали ея языкъ. Въ противуположность мірской жизни и мірскимъ интересамъ современной іерархіи, они вели уединенную, полуаскетическую жизнь, вдали отъ городовъ, небольшими общинами, или братствами, нерѣдко имѣвшими коммунистическое устройство, т. е. общія занятія и имущество. Строгая нравственность, доходившая до добровольнаго целибата, простая жизнь, умѣренный честный трудъ, доставлявшій имъ необходимое, были ихъ отличительными чертами.

Они чужды были прозелитизма, никого не заманивали въ свое братство, никому не мѣшали выходить изъ него. Та національная исключительность, которая даетъ господствующій тонъ характеру и исторіи евреевъ, была имъ совершенно незнакома. Какая-то кроткая терпимость, напоминающая человѣчественный духъ евангельской проповѣди, осѣняетъ ихъ довольно неясный въ исторіи образъ. Вообще во многихъ отношеніяхъ, они сходны съ первобытными христіанами. Современные писатели, не довольно тонко вникавшіе въ различія и оттѣнки религіозныхъ партій, безпрестанно ихъ смѣшиваютъ съ ними. А между тѣмъ различіе было огромное. Какъ истые семиты, воспитанники пустыни, эссеи не понимали догмата троичности. Евангеліе они уважали, но не видѣли въ немъ послѣдняго слова откровенія, такъ точно, какъ и въ ветхозавѣтныхъ библейскихъ писаніяхъ. Они думали, что догматы, законъ, однимъ словомъ — писанная религія только стѣсняютъ прямое и непосредственное отношеніе человѣка къ божеству и что духъ божій нельзя заключить въ книгахъ, нельзя исчерпать писаніемъ. Оттого, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ приходилось прибѣгать къ библіи, они придавали ей свой собственный аллегорическій смыслъ. Этотъ-то „духъ божій" и составлялъ сущность ихъ религіозныхъ понятій. Богъ посылаетъ его своимъ избранникамъ — пророкамъ, но избранія можетъ удостоиться всякій, кто достигъ высокой нравственной чистоты. Чистоты же можно достигнуть не наукой и книгами, а дѣлами любви и подвигами аскеза. Посты, молитвы, милостыня, омовенія — считались средствами душевнаго и тѣлеснаго очищенія.

Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ себѣ исторія это замѣчательное явленіе, развившееся изъ нѣдръ іудаизма, какъ одинъ изъ послѣднихъ благороднѣйшихъ цвѣтовъ, выросшихъ на этой, въ то время, уже высыхавшей почвѣ. Оно-то дало первый толчокъ тому

религіозному движенію, которое, распространяясь въ теченіи столѣтій, ко временамъ Мохаммеда, отозвалось и въ Аравіи и вызвало здѣсь необходимость реформы.

Но не сами эссеи были непосредственною причиной религіознаго броженія, театромъ котораго сдѣлалась Мекка въ концѣ VI столѣтія. Рѣдко оставляли они родную пустыню на восточномъ берегу Мертваго моря, гдѣ ихъ было особенно много, рѣдко высылали миссіонеровъ. Но, съ теченіемъ времени, къ нимъ пристали нѣкоторыя отверженныя правовѣріемъ христіанскія секты и перемѣшались съ ними. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ были эбіониты. Люди эти доказывали, что, въ первыя времена христіанства, всѣ послѣдователи Евангелія были „эбіонимъ", то есть убогіе, бѣдные, для которыхъ преимущественно Спаситель и проповѣдалъ свое ученіе, которымъ возвѣстилъ свое царство. Но, что, впослѣдствіи, церковь, достигши торжества въ имперіи, измѣнила своему призванію, сдѣлалась богатою, могущественной корпораціей, стала гоняться за житейскими благами, преслѣдовать мірскіе интересы. Съ того времени и духъ божій оставилъ ее и удалился къ нимъ, эбіонитамъ. Вотъ отчего они только одни истинные христіане.

Когда ихъ стали преслѣдовать въ имперіи, они ушли въ восточныя пустыни, и, здѣсь одни стали извѣстны въ Аравіи подъ именемъ „раманистовъ", другіе же, столкнувшись съ сирійскими эссеями, нашли въ нихъ много симпатичнаго и родного и, мало по малу, слились съ ними. Такъ составились смѣшанныя іудейско-христіанскія секты, въ свою очередь, опять породившія нѣсколько оттѣнковъ, которыми и наполнены были оазы сирійской пустыни и сѣверо-западной Аравіи, гдѣ сектаторы нашли довольно безопасное убѣжище отъ преслѣдованій правительства и господствующей церкви. Они извѣстны были здѣсь подъ общимъ именемъ „сабіевъ", но, какъ уже было замѣчено, распадались на нѣсколько толковъ. „Ракузіи" и „ганифы" считались главнѣйшими изъ нихъ ко времени появленія пророка.

Первые были эбіониты, перемѣшавшіеся съ монофизитами и развившіе оригинальное ученіе объ откровеніи. Откровеніе, по ихъ идеямъ, впервые дано было во всей полнотѣ Адаму, но, такъ-какъ люди скоро исказили его, то Богъ опредѣлилъ возстановить его между ними цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ откровеній черезъ избранныхъ имъ мужей—патріарховъ и пророковъ. Христосъ былъ однимъ изъ такихъ Богомъ вдохновенныхъ мужей.

Вторая секта — ганифовъ, по своимъ ближайшимъ отношеніямъ къ исламу, заслуживаетъ еще большаго вниманія.

Это были эссеи, утратившіе всякое знакомство съ подлинными текстами библіи, но однакожъ сохранившіе объ ней традиціонную память. У нихъ были свои какія-то священныя рукописи или свитки, будто-бы ниспосланные Аврааму съ неба, — безъ сомнѣнія — позднѣйшіе апокрифы, наполненные библейскими сказаніями, искаженными устнымъ преданіемъ и передѣланными на арабскій ладъ. Самыя имена еврейскія переведены здѣсь на арабское произношеніе. Авраамъ, напримѣръ, называется Ибрагимомъ, Ной — Нугомъ, Моисей — Музою, Ааронъ — Гаруномъ и т. д. Псалмы Давида и Евангеліе, точно такъ-же искаженные, дополняли содержаніе этихъ книгъ. Изъ всѣхъ сектаторовъ, ганифы были наиболѣе распространены въ Аравіи, такъ-какъ, въ противуположность сложнымъ и иногда мистическимъ ученіямъ другихъ толковъ, они развили простой семитическій монотеизмъ. Шпренгеръ доказываетъ, что ученіе ихъ занесено было въ Мекку, со второй половины VI вѣка, Багирою и что Зейдъ и Варака, имѣвшіе такое огромное вліяніе на первоначальную проповѣдь ислама, принадлежали именно къ этой сектѣ.

Вотъ элементы, которые засталъ Мохаммедъ вокругъ себя и изъ которыхъ онъ, главнымъ образомъ, сложилъ свою религіозную систему. Разъясненіемъ ихъ, болѣе точнымъ опредѣленіемъ генетическаго развитія мохаммеданства, наука обязана Шпренгеру, и, если онъ не вполнѣ удовлетворяетъ изслѣдователя, желающаго постигнуть естественное рожденіе религіи, опредѣлить вліяніе природы и мѣстныхъ условій на самую сущность религіозныхъ понятій народа, то за-то никто до него не прослѣдилъ такъ отчетливо всѣхъ разнообразныхъ нитей, изъ которыхъ сплеталась сложная ткань ислама. Хотя все-таки, мы опять повторимъ это, чужіе, занесенные въ Аравію культы и представленія о божествѣ никогда бы не создали народной вѣры, еслибъ не нашли уже готовой, родственной почвы въ натуральной религіи края. Мохаммедъ могъ заимствовать изъ этихъ постороннихъ источниковъ множество частностей, касающихся развитія главной идеи, нѣкоторыя принадлежности и формы внѣшняго культа, но самую идею эту долженъ былъ искать только въ глубокихъ нѣдрахъ народнаго духа.

Въ то-же самое время и общественные порядки аравійскаго міра подверглись значительнымъ перемѣнамъ. Съ половины V вѣка власть

надъ каабой и ея священной областью перешла отъ хозаитовъ къ даровитому и предпріимчивому корайшитскому роду, предводитель котораго Коссаи, въ свое долгое пятидесятилѣтнее управленіе, положилъ первыя основы какъ величію своего племени, такъ и будущему объединенію всей Аравіи подъ религіозной, торговой, а потомъ и политической гегемоніей корайшитовъ. Въ его время простая караванная стоянка мекканская превратилась въ значительный городъ и возникла большая часть священныхъ и общественныхъ обычаевъ, послужившихъ впослѣдствіи опорами первоначальной организаціи калифата. „Надва“ или центральный правительственный совѣтъ, „лива“ или національное священное знамя, „рифада“ или милостыня, собираемая въ пользу пилигримовъ, „сикайя“ или особая администрація по продовольствію водой, „хиджаба“ или должность хранителя ключей каабы, — всѣми этими учрежденіями воспользовался потомъ Мохаммедъ при устройствѣ своей новой державы. Нѣкоторые изъ преемниковъ Коссаи, въ званіи племеннаго шайха, съ успѣхомъ продолжали его дѣло и учрежденіемъ правильныхъ каравановъ, періодически выходившихъ изъ Мекки въ разныхъ направленіяхъ, доставили своимъ соплеменникамъ и торговое первенство, какъ они уже пользовались первенствомъ религіознымъ и нравственнымъ.

Такъ сдѣлались корайшиты избранными представителями и вождями націи, а кааба, этотъ пантеонъ аравійскаго міра, — зерномъ и ея будущаго политическаго единства. Только изъ этой среды могъ выйдти общенаціональный пророкъ и вмѣстѣ общественный преобразователь, въ которомъ такъ нуждалась тогдашняя Аравія и для котораго сама исторія уже проложила и подготовила всѣ пути.

III.

По времени своего происхожденія, исламъ есть послѣдняя изъ великихъ религій человѣчества. Всего двѣнадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ событія, и, на такомъ сравнительно близкомъ разстояніи, историкъ имѣетъ возможность довольно отчетливо изучить процессъ его появленія и развитія. Господство греко-римской культуры, уцѣлѣвшее въ передней Азіи до VII столѣтія, — извѣстная степень самородной цивилизаціи аравитянъ того времени, ихъ положительный, серьезный и даже нѣсколько скептическій характеръ, наконецъ обиліе современныхъ свидѣтельствъ и памятниковъ сама-

го факта, — все это еще болѣе облегчаетъ такую задачу. Изъ всѣхъ основателей великихъ религій древности, Мохаммедъ одинъ представляетъ весьма опредѣлительный историческій характеръ, а жизнь его — множество твердыхъ и несомнѣныхъ данныхъ, доступныхъ критической повѣркѣ. Легенда, обыкновенно сопровождающая появленіе и память религіозныхъ героевъ, очень мало исказила біографію проповѣдника исламизма. По-крайней-мѣрѣ арабскіе историки, даже древнѣйшій изъ нихъ Ибнъ-Исхакъ, чрезвычайно скупы и трезвы въ баснословныхъ прикрасахъ своему пророку. Только у арійскихъ персовъ, въ противуположность прозаическимъ арабамъ, одаренныхъ блестящей и изобрѣтательной фантазіей, выросъ онъ впослѣдствіи до размѣровъ какого-то сверхъестественнаго существа. Извѣстный сборникъ шіитскихъ преданій „Хіатъ-уль-колубъ" разсказываетъ, напримѣръ, что въ ночь рожденія Мохаммеда семьдесятъ тысячъ рубиновыхъ и столько же жемчужныхъ чертоговъ было построено въ раю, что ослѣпительный свѣтъ озарилъ всю Аравію въ минуту появленія младенца и что еще въ колыбели онъ исповѣдывалъ свое посланничество. По смыслу этихъ легендъ пророкъ не только ознаменовалъ жизнь свою цѣлымъ рядомъ чудесъ, но самою своею личностію представлялъ непрерывное чудо, — могъ видѣть, не поворачиваясь, впередъ и назадъ, слюной своей превращать морскую воду въ прѣсную, тѣло его, ни при лунѣ, ни при солнцѣ, никогда не бросало тѣни. Такъ было у персовъ. Но подъ перомъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ Мохаммедъ вышелъ въ сущности человѣкомъ, какъ всѣ, со всѣми слабостями, интересами и страстями обыкновенныхъ смертныхъ, и самое замѣтное преувеличеніе, какое позволилъ себѣ Ибнъ-Исхакъ, это — желаніе украсить родъ пророка какъ древностію, такъ и княжескимъ блескомъ.

Въ тридцатомъ колѣнѣ выводитъ онъ его непосредственно отъ Измаила, въ пятомъ, по прямой линіи, — отъ Коссаи, а Гашима, родоначальника фамиліи, къ которой принадлежалъ пророкъ, изображаетъ, — что подвержено нѣкоторымъ сомнѣніямъ, — благодѣтельнымъ и славнымъ шайхомъ мекканскимъ. Встрѣчаются и чудеса. Деревья и горы, на зовъ Мохаммеда, сдвигаются съ мѣстъ своихъ и покорно идутъ къ нему, легіоны ангеловъ выходятъ изъ тучи на помощь мусульманамъ, сражающимся при Бедрѣ. Но вообще чудеса немногочисленны и рѣдки, да и самъ историкъ, сообщая ихъ, тотчасъ спѣшитъ оговорить традиціонный источникъ раз-

сказа, и даже знаменитый мираджъ или воздушное путешествіе Мохаммеда въ Іерусалимъ и на небеса на крылатомъ конѣ, Боракѣ, равно какъ и явленіе архангела Гавріила, принесшаго первыя откровенія корана, — передаетъ не иначе, какъ въ формѣ сновидѣній, посѣтившихъ пророка.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, хвалебная и некритическая исторіографія востока успѣла значительно затемнить и запутать жизнь основателя ислама, и Шпренгеръ оказалъ наукѣ по истинѣ важную услугу, представивъ первый опытъ критической его біографіи. До него европейскіе историки, и даже самъ Вейль, обыкновенно довольствовались тѣмъ, что, большею частію, переписывали такое принятое на востокѣ, традиціонное жизнеописаніе пророка, устраняя только легенды, или оговаривая легендарный характеръ того или другого извѣстія. Шпренгеръ попытался доказать, что эта слишкомъ извѣстная всѣмъ біографія Мохаммеда есть условный, догматическій, принятый на вѣру, разсказъ, отчасти напоминающій тѣ преданія объ основаніи Рима и первыхъ римскихъ царяхъ, которыя тоже, до временъ новѣйшей критики, принимались всѣми за несомнѣнныя. Въ сущности же жизнь этой личности, по крайней мѣрѣ, до публичнаго выступленія ея въ качествѣ пророка и даже — до бѣгства въ Медину, чрезвычайно темна, — а то, что въ ней и можетъ быть доказано положительно, не всегда согласно съ преданіемъ.

Не говоря уже о легендахъ, даже обыкновенные и основные факты этой біографіи подвержены сильнымъ сомнѣніямъ. Принято, напримѣръ, что Мохаммедъ родился 20 апрѣля 571 года, что онъ былъ княжескаго рода, хотя и обѣднѣвшаго, что женитьба на Хадиджѣ доставила ему блестящее положеніе въ Меккѣ, что сограждане удостоили его высокаго почета собственноручно вложить черный камень въ стѣну, отстроенной послѣ пожара, каабы. Ничего этого исторически утверждать нельзя. Самый годъ рожденія его съ точностію неизвѣстенъ, такъ точно, какъ и годъ его первыхъ откровеній, который обыкновенно называютъ сороковымъ его жизни. Родъ Мохаммеда тоже былъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ во всемъ корайшитскомъ племени, въ то время владѣвшемъ Меккой. Это доказывается не только ничтожностію наслѣдства, доставшагося ему по смерти отца и состоявшаго всего изъ пяти верблюдовъ, да одного раба, но и многими другими соображеніями. Фамилія Гашимъ, къ которой принадлежалъ пророкъ, ни-

когда не имѣла кліентовъ, т. е. вольноотпущенныхъ рабовъ, а равно и „союзниковъ“, которыми окружены были обыкновенно благородные и древніе корайшитскіе роды. Гашимиты, напротивъ, до того были бѣдны, что дядя и опекунъ осиротѣвшаго мальчика Мохаммеда, Абу-Талибъ, не могъ прокормить его и долженъ былъ отдать его въ пастухи — ремесло, бывшее въ большомъ презрѣніи у мекканцевъ. Но незначительная роль Мохаммеда и его семейства лучше всего видна изъ исторіи его первой женитьбы.

Извѣстно, что главнымъ занятіемъ пророка, съ того дня, какъ онъ сдѣлался взрослымъ, была торговля, да и всѣ жители Мекки занимались и жили этимъ промысломъ. Городъ лежитъ въ безплодной песчаной долинѣ, — ни полей, ни хорошихъ пастьбищъ, ни морского берега. Природа не даетъ никакихъ рессурсовъ для жизни. А между тѣмъ, по своему географическому положенію, пунктъ этотъ предназначенъ для выгоднаго транзита. Оттого, съ незапамятныхъ временъ, мекканцы сдѣлались купцами, устраивали склады товаровъ, снаряжали караваны. Гашимиты тоже принадлежали къ незначительнымъ, мелкимъ купцамъ. Отецъ Мохаммеда, Абдъ-Аллахъ, держалъ верблюдовъ, ходилъ съ ними въ разные торговые пункты Сиріи и южной Аравіи; дядя его Абу-Талибъ велъ такой-же родъ жизни и часто бралъ съ собой племянника, съ ранней молодости привыкшаго къ этимъ занятіямъ. Въ качествѣ погонщика, работника или мелкаго приказчика, участвовалъ Мохаммедъ въ этихъ странствованіяхъ, будучи слишкомъ бѣднымъ для того, чтобъ имѣть собственныя дѣла, — нерѣдко нанимался и въ чужіе торговые дома. Такимъ путемъ случилось ему познакомиться съ одною зажиточною вдовой, Хадиджей, въ караваны которой онъ нѣсколько разъ нанимался. Мохаммеду могло быть тогда двадцать четыре или двадцать пять лѣтъ. Его мусульманскіе біографы, разумѣется, по дошедшимъ до нихъ преданіямъ, изображаютъ его человѣкомъ средняго роста, съ довольно нѣжнымъ сложеніемъ и выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ густою черною бородой, съ большими черными же глазами и съ необыкновеннымъ обиліемъ волосъ, падавшихъ съ его огромной головы до самыхъ плечъ. Сорокапятилѣтняя Хадиджа предалась интересному юношѣ со всею страстью угасшей молодости и предложила ему свою руку. Согласіе на этотъ бракъ по разсчету не обличаетъ въ Мохаммедѣ, по-крайней-мѣрѣ въ ту пору его жизни, пламеннаго энтузіаста и мечтателя, какимъ мы привыкли его представлять себѣ. Онъ, правда,

очень уважалъ Хадиджу, но женился на ней больше изъ видовъ, можетъ быть — изъ признательности. Но не легко досталась ему первая жена. Отецъ ея и слышать не хотѣлъ о такомъ неравномъ, по состоянію, бракѣ. Хитрая вдова прибѣгла къ уловкѣ, — подпоила старика и, въ этомъ состояніи, исторгла у него согласіе. На другой день, пришедши въ себя, онъ очень разгнѣвался, созвалъ родныхъ, грозилъ убить дерзкаго пришельца, насильно ворвавшагося въ его семейство. Но было уже поздно. Хоть и не безъ скандала, дѣло какъ-то уладилось. Но пророкъ постоянно оставался въ зависимости отъ жены, не раздѣлилъ съ ней состоянія, и хотя положеніе его сдѣлалось обезпеченнѣе, однакожъ все-таки и теперь, какъ прежде, онъ былъ не болѣе, какъ приказчикъ Хадиджи, управлявшій ея дѣлами и долго еще ходившій съ ея караванами. Наконецъ, что касается сказанія о почетной роли Мохаммеда, при воздвиженіи чернаго камня, то это чистая басня, такъ-какъ, по вычисленію Шпренгера, кааба сгорѣла и была отстроена въ самомъ раннемъ отрочествѣ пророка.

Во всей этой первоначальной и мало извѣстной карьерѣ будущаго преобразователя востока для насъ важны въ-особенности два обстоятельства: это — его раннее знакомство съ пустыней и его многочисленныя путешествія.

Съ грандіозными впечатлѣніями пустынной природы, невольно вызывающей на размышленіе о глубочайшихъ вопросахъ бытія, о Богѣ и вѣчности, Мохаммедъ свыкся съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своей жизни. Кто знаетъ, какія картины рисовала фантазія, какія мысли роились въ душѣ впечатлительнаго и даровитаго юноши въ тѣ безсонныя ночи, когда сторожилъ онъ спящій, изнуренный усталостью караванъ, — быть можетъ еще въ то время, какъ пасъ онъ стадо овецъ па тощихъ загородныхъ ложбинахъ мекканскихъ, покрытыхъ жесткой сожженной травой? Глубокія убѣжденія и крѣпкія идеи, способныя наполнить всю жизнь человѣка, рѣдко вычитываются изъ книгъ. Большею частью внушаетъ ихъ жизнь, или же, мощною рукой, ихъ влагаетъ въ душу сама природа, безъ анализа и синтеза, безъ размышленій и сложныхъ логическихъ процессовъ, прямо и непосредственно, какъ свою неизгладимую печать. Человѣкъ, подобный Мохаммеду, всю жизнь и всецѣло поглощенный идеей великаго, единаго Бога, могъ и долженъ былъ развить ее въ себѣ только этимъ путемъ.

Съ другой стороны, частыя торговыя поѣздки, особенно посѣще-

ніе пограничныхъ сирійскихъ оазовъ, гдѣ кипѣло такое сильное религіозное броженіе, обогатило умъ его многостороннею опытностію и наблюденіями жизни и людей, познакомило съ состояніемъ Аравіи, съ нуждами и интересами страны и доставило много вліятельныхъ встрѣчь и знакомствъ. И хотя преданіе о несторіанскомъ монахѣ Георгіѣ, будто бы сдѣлавшемъ большое впечатлѣніе на Мохаммеда, въ одномъ изъ такихъ его путешествій, и нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ полную возможность близко узнать какъ содержаніе, такъ и формы культа разныхъ религіозныхъ толковъ, еврейскихъ и христіанскихъ, бывшихъ въ то время въ Аравіи. Такъ, напримѣръ, исторія положительно знаетъ о сношеніяхъ его съ какимъ-то Коссомъ, принадлежавшимъ къ сектѣ ракузіевъ и публично развивавшимъ свои монотеистическія идеи въ Окатѣ. Еще болѣе вліянія имѣли на него ганифы, Зеидъ и Варака—родственникъ жены его, часто бывавшій у нея въ домѣ. Сама Хадиджа была женщина образованная и читала съ Babакой библію, вѣроятно по ганифскимъ рукописямъ.

Вотъ все воспитаніе, полученное Мохаммедомъ, если только для обозначенія подобнаго рода развитія можно употребить наше современное слово „воспитаніе“, съ которымъ невольно связываются представленія о систематическомъ ученіи и изученіи чего-нибудь. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи рессурсы будущаго пророка были очень бѣдны. И хотя почти не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ грамотенъ, однако, впослѣдствіи, при составленіи своего корана, онъ обыкновенно предпочиталъ диктовать его другимъ для записыванія.

Въ извѣстіяхъ арабскихъ писателей встрѣчаются еще нѣкоторыя подробности, которыми они стараются заполнить въ сущности очень темную юность пророка: какъ сдѣлался онъ членомъ товарищества для защиты пилигримовъ, какъ участвовалъ въ войнѣ съ племенемъ гавазинъ—родовымъ врагомъ корайшитовъ,—но эти сомнительные факты, еслибъ они и были болѣе достовѣрны, не уясняютъ нисколько ни характера Мохаммеда, ни его ранней судьбы. Что же касается зрѣлыхъ годовъ его жизни, начиная съ женитьбы на Хадиджѣ, то цѣлыя пятнадцать лѣтъ лучшей поры человѣка, даже у мусульманскихъ біографовъ, тщательно выискивавшихъ все, что могло сколько-нибудь прославить жизнь и личность пророка, являются почти совершенно неизвѣстными и пустыми; между тѣмъ какъ именно въ это время должны были сложиться его первыя религіозныя убѣжденія и взгляды, въ противуположность

языческому суевѣрію его соплеменниковъ. Но мы не знаемъ почти ничего объ этомъ интересномъ внутреннемъ процессѣ, подготовившемъ первыя откровенія корана. Какъ вѣрующій мусульманинъ, Ибнъ-Исхакъ прямо переноситъ насъ къ этимъ откровеніямъ, считая ихъ непосредственнымъ и внезапнымъ озареніемъ свыше.

Преданіе, нашедшее мѣсто въ его „сиратъ-эръ-расулѣ“, разсказываетъ объ нихъ такимъ образомъ. Каждый годъ, въ теченіи мѣсяца Рамадана, Мохаммедъ имѣлъ обыкновеніе удаляться, со своимъ семействомъ, на гору Хиру, гдѣ время поста проводилъ въ молитвѣ и благоговѣйныхъ размышленіяхъ. Здѣсь, на сороковомъ году его жизни, архангелъ Гавріилъ, съ исписанною хартіей въ рукахъ, явился ему однажды во снѣ и, сильно сдавивъ ему грудь, сказалъ, „читай“. На отвѣтъ Мохаммеда, что онъ не въ силахъ прочесть, ангелъ повторилъ: „читай, — во имя Господа Творца. Онъ создалъ человѣка изъ кровинки“. И потомъ въ третій разъ: „читай, — ибо Господь великодушенъ. Онъ научилъ человѣка тому, чего онъ не зналъ, онъ научилъ его перьями“..... Съ этого дня начались откровенія Мохаммеда. Каждый разъ, какъ только являлся ему ангелъ, пророкъ возвѣщалъ какую-нибудь новую суру, т. е. главу корана. За-тѣмъ слѣдуетъ извѣстный разсказъ „сирата“ о томъ, какъ Мохаммедъ объявилъ о своемъ божественномъ призваніи сначала въ кругу домашнихъ, а потомъ и публично, какъ только Хадиджа, малолѣтній двоюродный братъ Али, да невольникъ Зеидъ увѣровали въ его посланничество, какъ напротивъ корайшиты сначала осмѣяли его, а потомъ стали грозить и преслѣдовать, и такъ далѣе — до бѣгства въ Ятрибъ или Медину въ 622 году.

Что такое были эти откровенія Мохаммеда и какъ смотрѣть на его пророчество?

Прежде всего мы устраняемъ мысль объ умышленномъ, систематическомъ обманѣ. Поверхностная наука старыхъ временъ могла пересказывать басню о пріученномъ голубѣ, прилетавшемъ клевать пшеницу, насыпанную въ ухѣ пророка, могъ Вольтеръ самоувѣренно называть его „le grand imposteur“, великимъ обманщикомъ. Такіе взгляды и такія мнѣнія недостойны нашего серьезнаго времени. Мы никогда не поймемъ, какъ могъ шарлатанъ воздвигнуть вѣковѣчное дѣло, потрясти міръ отъ Ганга до Гибралтара и создать религію, покорившую своимъ законамъ болѣе ста милліоновъ людей. Для подобныхъ дѣлъ и переворотовъ нужны все-таки глубо-

*

кія, искреннія и честныя убѣжденія. По-крайней-мѣрѣ, исторія не знаетъ ни одного великаго и прочнаго дѣла, которое бы совершено было обманомъ.

Мохаммедъ искренно считалъ себя пророкомъ, избранникомъ божіимъ — и только эта искренность могла дать словамъ его авторитетъ и силу, магически увлекшую столь многихъ, и внушить ему самому ту настойчивость и волю, которыя преодолѣли всѣ опасности и препятствія. Въ такомъ смыслѣ и Карлейль поставилъ его въ рядъ своихъ великихъ мужей, своихъ „героевъ", отличительнымъ свойствомъ и всею тайной могущества которыхъ онъ считалъ именно эту „искренность". Особенности физической организаціи пророка и психическія послѣдствія, изъ нея вытекавшія, впервые поселили въ немъ мысль о его небесномъ посланничествѣ, а множество благопріятно сложившихся внѣшнихъ условій и вліяній развили ее впослѣдствіи до степени несомнѣнной увѣренности.

Теперь уже положительно доказано, что Мохаммедъ былъ больной человѣкъ. О его болѣзни и вліяніи, какое имѣла она на его видѣнія, говорилъ уже Вейль. Шпренгеръ, со своею медицинскою компетентностію, изслѣдовалъ вопросъ этотъ еще обстоятельнѣе, хотя, можетъ быть, слишкомъ смѣло и далеко простеръ свои остроумныя предположенія. Самую болѣзнь, слѣдуя описанію признаковъ и симптомовъ ея, сдѣланному извѣстнымъ терапевтомъ прошлыхъ десятилѣтій Шенлейномъ, называетъ онъ hysteria muscularis. Болѣзнь эта — хроническая, и въ извѣстныхъ случаяхъ сопровождается особеннаго рода припадочнымъ помѣшательствомъ и каталептическими явленіями. Мохаммедъ страдалъ ею съ дѣтства, на что, по-видимому, указываютъ преданія о Халимѣ, его кормилицѣ, и о таинственномъ очищеніи его сердца ангелами въ пустынѣ, въ то время, какъ ребенокъ лежалъ въ безпамятствѣ на землѣ. Но съ особенною силою стала обнаруживаться она около сороковыхъ годовъ его жизни. Неизвѣстно какія обстоятельства вызвали эти усилившіяся страданія организма: вѣроятно, напряженное душевное состояніе, въ которомъ онъ находился въ то время.

По-видимому, тогда уже не велъ онъ своей прежней дѣятельной жизни, мало ѣздилъ по торговымъ дѣламъ жены; состояніе ихъ поколебалось. Онъ сталъ искать уединенія, избѣгалъ общества и все о чемъ-то думалъ. Его всего занимали уже вопросы религіи, какъ въ то время занимали они многихъ мыслящихъ людей.

Быть можетъ, страннымъ покажется, какъ простой, малообразо-

ванный купецъ могъ увлечься рѣшеніемъ подобныхъ высокихъ проблеммъ? Странно это было бы у насъ и въ наше время; но на востокѣ, особенно въ Аравіи VI столѣтія, это было совершенно обыкновеннымъ явленіемъ. Природа порождаетъ тамъ мало потребностей и требуетъ немного физическаго труда для ихъ удовлетворенія; комфортъ и обстановка жизни, для пріобрѣтенія которыхъ уходитъ у насъ все время, имѣютъ тамъ ничтожную цѣну, и объ нихъ никто не заботится. Каждый бѣднякъ, поэтому, можетъ тамъ сдѣлаться мыслителемъ и поэтомъ. Востокъ, — по преимуществу, страна идеализма и поэзіи. А что касается купеческаго званія пророка, то всѣ мекканцы, даже самые богатые и знатные, были купцы, какъ и всю націю арабскую можно назвать военно-купеческимъ народомъ. Въ сравненіи съ другими, съ большинствомъ даже, Мохаммедъ все-таки пользовался нѣкоторымъ довольствомъ и могъ на свободѣ предаться своимъ любимымъ религіознымъ мечтамъ. Добрая и умная, но непривлекательная жена и шестеро дѣтей, отъ нея прижитыхъ, по-видимому, не наполняли его страстной души, не удовлетворяли его сердца. Онъ искалъ для нихъ другой пищи, — и нашелъ ее въ религіи, вопросы которой въ то время составляли главный интересъ всего общества.

Гора Хира, которую называетъ преданіе, какъ мѣсто первыхъ откровеній пророка, лежитъ въ разстояніи одного часа отъ Мекки. Это — голая, пустынная скала, изрѣзанная ущельями и пещерами. Но, когда начинается нестерпимый лѣтній зной, жители города, особенно бѣдныя семейства, любятъ переселяться сюда на два каникулярныхъ мѣсяца „рахабъ“, укрываясь въ прохладныхъ пещерахъ и подземельяхъ отъ удушающей тропической жары.

Любилъ сюда удаляться на это время и Мохаммедъ. При его тогдашнемъ созерцательномъ настроеніи, мѣсто это нравилось ему, по своему уединенію и дикости. И теперь еще показываютъ набожнымъ мусульманскимъ пилигримамъ небольшую продолговатую пещеру, въ которой жилъ онъ со своею семьей. Очень естественно, что, среди этой мрачной обстановки, напряженное состояніе его души усиливалось и, наконецъ, вызвало старую болѣзнь. На этотъ разъ она сопровождалась сильными каталептическими припадками. Застигнутый пароксизмомъ, Мохаммедъ падалъ въ изнеможеніи на землю, въ тѣлѣ начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось блѣднымъ и покрывалось холоднымъ потомъ. Это ангелъ посѣтилъ его, говорили вѣровавшіе въ него. И дѣйствитель-

но, послѣ каждаго припадка, пророкъ возвѣщалъ новое откровеніе.

Мы не беремся судить, что это за болѣзнь, тѣмъ болѣе, что и сами медики въ этомъ расходятся. То, что Шенлейнъ называлъ мускулярной истерикой, новѣйшіе психіатры считаютъ просто особеннымъ видомъ сильной меланхоліи. Но для насъ важна моральная сторона этихъ страданій, какъ-бы они ни назывались въ медицинѣ. Всѣ согласны въ томъ, что болѣзнь эта развиваетъ въ пораженномъ ею субъектѣ неодолимую наклонность ко лжи и сопровождается галюцинаціей слуха и зрѣнія. Видѣнія и голоса представляются въ то время больному; дѣйствительность до такой степени перемѣшивается съ созданіями фантазіи, что, по истеченіи нѣкотораго времени, такіе люди, говорятъ, совершенно теряютъ способность различать истину отъ вымысла.

Понятно также, что содержаніе видѣній и другихъ галлюцинацій, какъ это бываетъ во всякомъ горячечномъ бреду, зависитъ отъ свойства мыслей, занимавшихъ человѣка въ обыкновенное время, отъ характера понятій и предразсудковъ данной эпохи и общества, — однимъ словомъ — отъ степени развитія индивидуума и отъ господствующаго въ немъ настроенія. Вотъ отчего Мохаммеду, напитанному и поглощенному въ это первое время, по всей вѣроятности, ганифскими представленіями о божествѣ, представлялись и ганифскія видѣнія. Это до такой степени правдоподобно, что самыя слова ангела, сказанныя при первомъ явленіи и которыя мы привели выше, надо полагать, взяты изъ какого-нибудь ганифскаго свитка. По-крайней-мѣрѣ, въ коранѣ встрѣчаются цѣлыя тирады, заимствованныя, повидимому, изъ этого источника, и самое выраженіе „Богъ научилъ человѣка перьями“, выраженіе странное и темное, становится понятнымъ, если вспомнить ученіе этихъ сектаторовъ о писанномъ откровеніи, о небесныхъ рукописяхъ, или свиткахъ, ниспосланныхъ Богомъ Аврааму. Невозможно, конечно, прослѣдить съ полной точностію — откуда взяты тѣ или другія суры корана; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ онѣ, за немногими исключеніями, возникли, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, этимъ вѣчнымъ путемъ заимствованія. Вся же первоначальная проповѣдь Мохаммеда, по всѣмъ признакамъ, есть не что иное, какъ ученіе ганифовъ. Даже названіе новой религіи и ея послѣдователей — „исламъ“ и „мослимы“, заимствовано у нихъ. Самъ пророкъ долгое время, даже въ коранѣ, называлъ себя ганифомъ. Всѣ ганифы первоначально были на его сторонѣ, и толь-

ко когда онъ сталъ примѣшивать къ ихъ ученію представленія и понятія другихъ религіозныхъ толковъ, они отстали отъ него, и нѣкоторые, какъ напримѣръ Варака, перешли въ христіанскую вѣру.

Вопросъ объ откровеніяхъ является, такимъ образомъ, у Шпренгера, весьма простымъ и естественнымъ. О какомъ-нибудь высшемъ посланничествѣ Мохаммеда не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Но несомнѣнно, однако, и то, что самъ онъ, первоначально по-крайней-мѣрѣ, былъ твердо въ немъ убѣжденъ. Лучшимъ доказательствомъ служатъ самыя сомнѣнія и тревоги, которыя онъ испытывалъ при первыхъ своихъ припадкахъ. Осаждаемый неотвязными видѣніями и голосами, дико блуждалъ онъ по пустыннымъ скаламъ, гдѣ камни звали его по имени. Долго не зналъ онъ, что думать о своемъ состояніи, о томъ дивномъ и странномъ, что съ нимъ творилось. Сначала галлюцинаціи эти имѣли, по-видимому, мрачный характеръ — и онъ воображалъ себя одержимымъ злымъ духомъ. Въ 612 г., когда онъ объявилъ о своемъ пророческомъ призваніи, въ немъ, вѣроятно, совершился какой-то переломъ, вызывавшій теперь, напротивъ, свѣтлыя и радостныя грезы — ангеловъ, мелодическіе звуки и т. п. Хадиджа, Абу-Бекръ, Отманъ, Варака и всѣ ганифы, съ своей стороны, увѣрили Мохаммеда, что онъ дѣйствительно избранникъ божій. По ихъ ганифскимъ понятіямъ, появленіе новаго пророка въ средѣ ихъ было дѣломъ совершенно естественнымъ. Это былъ, въ ихъ глазахъ, новый кагинъ Аллаха, какихъ было много въ то время.

Мы не хотимъ сказать этимъ, что Мохаммедъ всегда и постоянно дѣйствовалъ искренно. Было много случаевъ, гдѣ онъ и обманывалъ, съ полнымъ сознаніемъ выдавая свои собственныя выдумки за внушенія свыше. Особенно, это можно сказать о позднѣйшемъ періодѣ его жизни, когда ему удалось покорить корайшитовъ, овладѣть Меккой и сдѣлаться повелителемъ аравійскаго міра. Кровожадный деспотъ и властолюбецъ, признанный всѣми за пророка, онъ тогда уже самоувѣренно шелъ напроломъ и не отступалъ передъ грубымъ обманомъ. Прежнія откровенія, составленныя, большею частью, въ ганифскомъ духѣ, въ то время, когда ему еще и не снилось быть основателемъ міровой религіи, и когда все честолюбіе его стремилось лишь къ тому, чтобъ быть признаннымъ корайшитами, — были передѣланы теперь и приноровлены къ новымъ обстоятельствамъ и новой роли всеарабскаго пророка. Въ старыя суры, по требованію данной минуты, вставлялись интерпо-

ляцій, измѣнявшія смыслъ ихъ. Например, всѣ мѣста корана, гдѣ говорилось о близкомъ наказаніи божіемъ, которымъ Мохаммедъ грозилъ невѣрующимъ корайшитамъ, были теперь, когда обѣщанная кара не исполнилась, измѣнены въ смыслѣ пророчествъ объ общемъ страшномъ судѣ. Та-же исторія повторилась и съ учрежденіемъ всенощныхъ бдѣній, которыя пророкъ заимствовалъ у сабіевъ, или же у абиссинскихъ христіанъ. Сначала они сдѣланы были строго обязательными для всѣхъ, и самъ Мохаммедъ предавался имъ съ большимъ рвеніемъ. Когда же лѣта и неумѣренныя наслажденія ослабили его здоровье, и онъ не въ силахъ былъ болѣе нести это благочестивое бремя, въ коранѣ появилась вставка, что великодушный Господь не требуетъ невозможнаго и что бдѣнія предоставляются личному усердію каждаго. Вообще, редакція откровеній корана, не только по содержанію, но и по формѣ, доставляла пророку очень много заботъ. По нѣсколько разъ, нерѣдко, онъ отдѣлывалъ, поправлялъ, переписывалъ эти будто бы вдохновенныя, сразу вылившіяся тирады. Наконецъ, чтобы стереть память частныхъ случаевъ, подававшихъ къ нимъ поводъ, совершенно перемѣшалъ ихъ хронологическій порядокъ.

Но слѣдуетъ ли, въ-правѣ ли мы изъ всего этого вывести заключеніе, что Мохаммедъ былъ не болѣе, — какъ ловкій обманщикъ? Въ болѣзненной, нервной, временами экзальтированной натурѣ, подобной этой, представлявшей неуловимыя оттѣнки искренности и притворства, кротости и свирѣпости, истины и лжи, — кто въ состояніи провести черту между самообольщеніемъ и умышленнымъ обманомъ? Кто можетъ поручиться за то, что даже въ нормальномъ своемъ состояніи, безъ видѣній и диктующихъ ангеловъ, Мохаммедъ искренно не считалъ себя пророкомъ и не принималъ собственныхъ мыслей за внушенія свыше? Притомъ же, какъ замѣчаетъ Ренанъ, было бы не совсѣмъ справедливо слишкомъ строго, — и по нынѣшнимъ нравственнымъ понятіямъ, судить о нѣкоторыхъ поступкахъ Мохаммеда, которые въ наши дни можно было бы назвать шарлатанствомъ. Трудно себѣ представить, до какой степени у мусульманъ честное убѣжденіе и даже благородство характера могутъ уживаться съ извѣстною степенью умышленнаго обмана. Мохаммедъ не былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ, и достовѣрно, по-крайней-мѣрѣ, одно, что беззавѣтная вначалѣ вѣра его въ свое посланничество, въ позднѣйшемъ, мединскомъ періодѣ его жизни за-

мѣтно и значительно слабѣетъ, хотя, по властолюбію и политическому разсчету, онъ все-таки продолжалъ разыгрывать вдохновляемаго Богомъ пророка.

Бартелеми Сентъ-Илеръ упрекаетъ Шпренгера въ томъ, что, въ анализѣ духовной организаціи Мохаммеда, онъ приписалъ слишкомъ много значенія его истерическимъ страданіямъ, посвятивъ объясненію ихъ цѣлую большую главу. „Признаюсь, говоритъ онъ, соображенія подобнаго рода занимаютъ меня очень мало и каталептическіе припадки, по-моему, не объясняютъ еще ничего. Очевидно, было въ этомъ человѣкѣ что-то иное, такъ-какъ не всѣ же каталептики бываютъ пророками. И это-то иное, а именно — его душевное настроеніе, и важно знать здѣсь изслѣдователю“. Говорить такимъ образомъ значитъ съ умысломъ игнорировать самую существенную заслугу Шпренгера предъ наукой. Весь огромный трудъ знаменитаго оріенталиста направленъ именно къ уясненію душевной исторіи Мохаммеда; если же онъ мало касается его моральнаго состоянія непосредственно предъ началомъ первыхъ откровеній, то лишь потому, что объ этой эпохѣ его жизни не дошло до насъ никакихъ положительныхъ извѣстій. Но за-то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за происхожденіемъ самыхъ откровеній, послѣдовательно изображая всѣ фазы тѣхъ разнообразныхъ душевныхъ настроеній пророка, которыя ихъ вызывали, условливали ихъ содержаніе и характеръ. Видѣнія же и вообще галлюцинаціи, бывшія слѣдствіемъ болѣзненности организма, въ глазахъ Шпренгера, какъ и всякаго другого разумнаго историка, не болѣе, какъ случайное обстоятельство, давшее поводъ къ появленію ислама.

И такъ, весь начальный періодъ проповѣднической дѣятельности Мохаммеда можно назвать „ганифскимъ“. „Когофъ“ или авраамовы свитки съ передѣланными на арабскій ладъ библейскими сказаніями, съ рѣзко выступающимъ въ нихъ ученіемъ о единомъ Богѣ, были тѣмъ раннимъ, первымъ источникомъ, откуда черпалъ онъ свои вдохновенія, выдавая ихъ за внушенныя свыше. Множество ветхо-завѣтныхъ исторій, — о сотвореніи міра и первыхъ людей, о потопѣ и патріархѣ Ноѣ, объ Авраамѣ и Лотѣ, объ Іаковѣ и Іосифѣ, о Моисеѣ и фараонѣ, попало въ коранъ этимъ путемъ, или въ видѣ цѣльныхъ своеобразныхъ разсказовъ, или же въ видѣ намековъ и аллегорій. Откуда же могли быть взяты и тѣ довольно темныя представленія о Іоаннѣ Крестителѣ, Іисусѣ

Христѣ и Дѣвѣ Маріи, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ древнѣйшихъ суръ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ повторяются даже по нѣсколько разъ съ разными амплификаціями и варіантами, что очевидно указываетъ на постепенное разширеніе и усовершенствованіе свѣдѣній самого пророка по этой части, пополнявшихся въ разное время изъ другихъ источниковъ, преимущественно — вслѣдствіе частыхъ сношеній съ абиссинскими и сирійскими христіанами и евреями. Разумѣется, что какъ въ выборѣ, такъ и въ обработкѣ подобныхъ сказаній, Мохаммедъ не стѣснялся исторической точностью. Прежде всего онъ пользовался ими, какъ матеріаломъ для своихъ назидательныхъ цѣлей, прибѣгая къ помощи той или другой легенды, для того, чтобы приведеннымъ примѣромъ подѣйствовать на слушателей въ желанномъ смыслѣ. Особенно это нужно сказать о всѣхъ библейскихъ разсказахъ, гдѣ говорится о карѣ божіей за грѣхи человѣчества. Сказанія о потопѣ, о гибели Содома и Гоморры, о страшномъ судѣ — эксплуатированы имъ именно съ тою цѣлью, чтобы напугать корайшитовъ, упорствовавшихъ въ своемъ идолопоклонствѣ. Но разсказывать имъ эти библейскія исторіи, просто какъ библейскія, казалось Мохаммеду не совсѣмъ достойнымъ роли посланника Бога, получавшаго непосредственно отъ него свои вдохновенія. Надо было облечь ихъ, въ глазахъ массы, большимъ и высшимъ авторитетомъ. И вотъ онъ не задумывается выдать ихъ „за вторичныя откровенія". Онъ не скрываетъ, впрочемъ, что все это находится и въ древнихъ писаніяхъ пророковъ, но утверждаетъ въ то-же время, что ему-то стало оно извѣстно путемъ непосредственнаго, высшаго наитія. Такимъ маневромъ достигалась двойная цѣль: устранялось обвиненіе въ обманѣ со стороны тѣхъ, кто ближе знакомъ былъ съ библіей, съ подлинной ли или съ ганифской ея передѣлкой, — и упрочивалось дѣйствіе этихъ разсказовъ на умы.

Таковъ характеръ историческаго фонда въ древнѣйшихъ мекканскихъ сурахъ корана. Что касается догматической его части, то въ-началѣ, т. е. въ ганифскую эпоху, она была чрезвычайно ясна и несложна. Простой откровенный монотеизмъ, опиравшійся столько-же на личномъ натуральномъ убѣжденіи, сколько и на ученіи ветхо-завѣтныхъ пророковъ, составлялъ все существенное содержаніе, — вечернія же и утреннія молитвы и „дзикръ" или славословіе Аллаху — весь внѣшній культъ этой возникающей религіи.

Пока юный исламъ оставался на такой первобытной и простой

почвѣ, онъ могъ довольно свободно пропагандироваться между мекканцами. Ганифство еще до Мохаммеда здѣсь было извѣстно,—общество успѣло къ нему привыкнуть и, наравнѣ съ другими ученіями и культами, ему оказывало присущую всякому политеизму терпимость. Религіозный индифферентизмъ корайшитовъ служилъ ему лучшей охраной. Однако кромѣ Хадиджи, десятилѣтняго мальчика Али и вольноотпущеннаго раба Зеида, — лицъ принадлежавшихъ къ собственному семейству Мохаммеда, проповѣдь его и тогда даже привлекла только очень немногихъ. Самыми важными пріобрѣтеніями въ это первое время были, впрочемъ, Абу-Бекръ и Отманъ, очень зажиточные и вліятельные купцы, связанные съ пророкомъ давнею дружбой, можетъ быть давнимъ единомысліемъ, а впослѣдствіи — и кровнымъ родствомъ. Первый, какъ извѣстно, сдѣлался тестемъ Мохаммеда, выдавъ за него, по смерти Хадиджи, дочь свою Айишу, второй—красивый, увлекательный юноша, женился на любимѣйшей изъ дочерей пророка Рокайѣ. Оба были, впослѣдствіи, такъ-же, какъ и Али, преемниками его въ калифатѣ. Состояніе и связи этихъ двухъ лицъ и общее уваженіе, какимъ они пользовались у соплеменниковъ, въ трудное время начавшихся вскорѣ за-тѣмъ гоненій послужили для ислама надежнѣйшею опорой. Безъ ихъ поддержки и преданности Мохаммеду никогда бы не удалось выйдти побѣдоносно изъ борьбы со своими врагами, такъ точно какъ безъ дружбы Хадиджи и ея нравственнаго вліянія не удалось бы ему сохранить, посреди долгихъ неудачъ и опасностей, необходимую энергію воли и твердость убѣжденій.

Изъ этихъ-то ближайшихъ друзей и родственниковъ пророка, да изъ нѣсколькихъ постороннихъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, составилась первая мусульманская община въ Меккѣ. Корайшиты, и именно ихъ денежная аристократія, заправлявшая, разумѣется, всѣми дѣлами города и племени, до тѣхъ поръ оставляла ее въ покоѣ, пока Мохаммедъ, подпавшій между тѣмъ вліянію раманизма, не присоединилъ къ своей начальной проповѣди о единомъ Богѣ, ученія о загробной жизни, о раѣ и адѣ, о наградахъ и наказаніяхъ, тамъ уготованныхъ.

Если-бы дѣло шло только о появленіи новаго догмата въ ганифскомъ исламѣ, корайшиты, конечно, остались бы вѣроятно пассивными и спокойными зрителями пропаганды. Но тутъ были важны общественныя послѣдствія, изъ него вытекавшія. Проповѣдуя загробную жизнь и ставя спасеніе или погибель въ ней въ зави-

симость отъ принятія или непринятія ислама, Мохаммедъ являлся какъ-бы раздавателемъ вѣчнаго счастія или вѣчныхъ страданій, и мекканская „мала", т. е. капитальная знать города, должна была въ первый разъ недовѣрчиво посмотрѣть на человѣка, могшаго современемъ сдѣлаться опаснымъ конкуррентомъ ея вліянія и власти, — такъ-какъ для честолюбиваго теократа нѣтъ ничего легче и заманчивѣе, какъ перенести свой авторитетъ въ загробныхъ вопросахъ на дѣла чисто мірскія. Какъ-бы инстинктомъ угадывая опасность, корайшитская аристократія заволновалась. Когда же Мохаммедъ, вмѣстѣ съ проповѣдью монотеизма, сталъ рѣзко обличать древнее суевѣріе и поносить идоловъ, наполнявшихъ каабу, она увидѣла въ немъ не только посягателя на религію отцовъ и дѣдовъ, но, что было въ ея глазахъ гораздо важнѣе, измѣнника интересамъ своего племени. Все благосостояніе, все богатство и значеніе корайшитовъ и „малы" ихъ, преимущественно, зависѣло отъ поддержанія стараго арабскаго политеизма, въ которомъ Мекка и храмъ ея играли роль какого-то пантеона. Напасть на эту сторону мекканскихъ порядковъ значило грозить разореніемъ и униженіемъ своему племени, или, что все равно по понятіямъ араба, — своему собственному отечеству. Можно было предвидѣть поэтому, что корайшиты ни за что въ мірѣ не согласятся на такую добровольную гибель и уступятъ одной только силѣ.

Не забудемъ, къ тому-же, что племя это было самымъ образованнымъ и развитымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ арабовъ, и между такими разумными, положительными и нѣсколько скептическими людьми Мохаммеду не легко было бы разыграть роль пророка даже и тогда, еслибъ проповѣдь его, не касаясь ихъ существенныхъ земныхъ интересовъ, имѣла одно только религіозное значеніе. Большинство корайшитовъ съ самаго-же начала встрѣтило новаго пророка съ сомнѣніемъ, не измѣнило этому чувству и впослѣдствіи, даже послѣ завоеванія Мекки, и съ сомнѣніемъ же проводило его въ могилу. Абу-Софіанъ, глава и представитель этого огромнаго большинства, сдавшись на милость побѣдителя, приведенъ былъ, какъ плѣнникъ, къ Мохаммеду. Вѣришь ли ты теперь въ мое посланничество? спросилъ его пророкъ. Жизнь моя въ твоихъ рукахъ, отвѣчалъ побѣжденный, но на этотъ счетъ я позволю себѣ сохранить нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ-же точно и всѣ почти соплеменники пророка, за исключеніемъ немногихъ фанатиковъ ислама, остались при своемъ неизлѣчимомъ скептицизмѣ. Даже по смерти

Мохаммеда продолжалось это невѣріе, и омайяды, потомки Абу-Софіана, представляли, какъ извѣстно, либеральную реакцію противъ стараго мусульманскаго преданія, противъ безотчетной вѣры ансаровъ и мохаджировъ.

Только на чужой почвѣ и въ чужомъ городѣ могла пустить новая религія свои прочные корни и получить надежную точку опоры. Мекканцы же то и дѣло приставали къ Мохаммеду съ насмѣшливыми требованіями доказать истину своего пророчества какимъ-нибудь чудомъ. Видишь, говорили они ему, какъ узка наша долина, какъ скудны наши пастбища. Вели этимъ горамъ разступиться, а почвѣ одѣться сочной травой. Когда же пророкъ ссылаясь на библейскіе примѣры, вздумалъ грозить имъ карой небесной, говоря, что долготерпѣніе божіе истощилось и что часъ гнѣва и возмездія близокъ, — они съ ироніей потребовали, чтобы онъ тутъ-же низвелъ на нихъ каменный дождь за ихъ непреклонное невѣріе.

Среди такой обстановки Мохаммеду нужно было держать себя чрезвычайно осторожно и по-возможности не вдаваться въ чудесное. Онъ, правда, постоянно твердилъ о таинственныхъ сношеніяхъ своихъ съ архангеломъ Гавріиломъ, будто-бы приносившимъ ему откровенія свыше; но мы уже знаемъ какого рода видѣнія посѣщали пророка и какія причины заставили его самого до извѣстной степени убѣдиться въ ихъ внѣшней дѣйствительности. Во всемъ остальномъ онъ избѣгалъ всякихъ случаевъ выдавать себя за что-нибудь сверхъестественное и всегда говорилъ, что его божественная миссія состоитъ не въ томъ, чтобъ творить чудеса, такъ-какъ люди все равно не повѣрили же чудесамъ прежнихъ пророковъ, — а только въ проповѣди и распространеніи откровеннаго слова Аллаха. Когда же однажды измѣнилъ этому благоразумію и, желая, вѣроятно, подѣйствовать на воображеніе колебавшихся, пустилъ въ ходъ исторію о своемъ воздушномъ путешествіи въ Іерусалимъ и на небеса, то разсказъ этотъ встрѣченъ былъ такимъ дружнымъ негодованіемъ и такимъ градомъ насмѣшекъ, что даже многіе изъ прежнихъ мослимовъ отпали тогда отъ ислама, вдавшагося въ такое недостойное шарлатанство, и самъ пророкъ поспѣшилъ объявить, что то было не болѣе, какъ сновидѣніе.

Да, какой-то трезвый, разсчетливый и сдержанный характеръ носитъ на себѣ вся жизнь Мохаммеда и вся его пророческая карьера. Это человѣкъ, — какъ всѣ. Сначала онъ пастухъ, потомъ — странствующій приказчикъ, наконецъ заводитъ и собственныя тор-

говыя дѣла. Торговлей продолжаетъ заниматься онъ даже и тогда, когда удостоивается небеснаго избранія. Подобно всѣмъ, онъ имѣетъ свои слабости, любитъ благовонія, до страсти преданъ женщинамъ; подобно всѣмъ — ошибается, сознаетъ ошибки, отступаетъ, колеблется. Личной храбрости въ немъ такъ мало, что недостатокъ ея граничитъ почти съ трусостію. Въ сраженіяхъ онъ участвуетъ не иначе, какъ въ двойномъ панцырѣ и шлемѣ. Въ несчастной битвѣ подъ горою Оходомъ онъ раненъ камнемъ въ лицо и окровавленный безъ чувствъ падаетъ на землю. Предсказанія ему положительно не удаются, какъ это показало его извѣстное пророчество о благопріятномъ исходѣ этого самаго оходскаго дѣла. Самобытною твердостію воли онъ тоже не отличается. Многими важнѣйшими рѣшеніями, условившими успѣхи ислама, онъ обязанъ другимъ, преимущественно непреклонному и энергическому Омару, этому бурному фанатику новой религіи, привившему къ ней тотъ нетерпимый и завоевательный духъ, который доставилъ ей владычество надъ цѣлымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Самыя блестящія побѣды одержалъ за него Халидъ и другіе генералы. Изобрѣтательности и творчества въ немъ нѣтъ и слѣдовъ. Весь коранъ состоитъ изъ однихъ почти заимствованій; вся организація первобытнаго калифата взята изъ древне-арабскихъ и особенно химіаритскихъ общественныхъ учрежденій. Наконецъ, въ строгомъ смыслѣ нельзя даже назвать его ни честнымъ, ни гуманнымъ человѣкомъ. Онъ не только не церемонится, когда это нужно, съ лицемѣріемъ и обманомъ, но не отступаетъ даже передъ преступленіемъ и безчеловѣчною жестокостію. Посредствомъ тайныхъ убійствъ отдѣлывается онъ въ Мединѣ отъ лицъ, для него опасныхъ, и холодно осуждаетъ на истребленіе цѣлыя сотни евреевъ. Съ какой стороны ни посмотришь, вездѣ является предъ нами человѣкъ, стоявшій, конечно, по нравственнымъ качествамъ, не ниже общаго уровня своихъ современниковъ, но все-таки быть можетъ уступавшій нѣкоторымъ изъ нихъ. Поэтъ Омайя, напримѣръ, тоже монотеистъ по убѣжденіямъ, былъ даровитѣе его, Абу-Софіанъ — честнѣе и искреннѣе, Омаръ — энергичнѣе и отважнѣе, Абу-Бекръ и Али — человѣчнѣе.

Въ чемъ же тайна его успѣховъ и почему именно его выдвинула исторія на такую недоступную для другихъ высоту? Странно сказать, но одною изъ главнѣйшихъ причинъ величія Мохаммеда были самыя его слабости. По всѣмъ, дошедшимъ до насъ признакамъ и извѣстіямъ, это была какая-то женственная, или правиль-

нѣе, — художественно-пассивная организація. Что преобладаетъ обыкновенно въ подобныхъ натурахъ надъ всѣми другими качествами,— это чрезвычайно тонкая и чуткая воспріимчивость. И такимъ-то всеугадывающимъ, почти женскимъ чутьемъ въ высокой степени, какъ кажется, надѣленъ былъ и Мохаммедъ. И еслибъ для оправданія такого предположенія не существовало никакихъ историческихъ данныхъ, то уже одинъ истеризмъ и каталепсія указывали бы достаточно на нервный, впечатлительный и легко раздражимый характеръ. Но мы имѣемъ и въ исторіи обильныя его доказательства и слѣды. Вся жизнь Мохаммеда, съ того момента, какъ она становится намъ болѣе извѣстною, т. е. со времени выступленія его въ качествѣ пророка, есть непрерывный рядъ чужихъ вліяній, которымъ онъ послѣдовательно подвергался. Ракузіи, ганифы, раманисты, абиссинскіе христіане, евреи и язычники, приходя въ различныя житейскія столкновенія съ пророкомъ, попеременно оставляли въ душѣ его слѣды, видоизмѣняли его убѣжденія и взгляды. Такъ, мало-по-малу, человѣкъ этотъ воспринялъ въ себя всѣ духовные элементы, бывшіе вокругъ него въ броженіи, слилъ ихъ въ одну систему, создалъ для нихъ какую-то среднюю примиряющую норму и сдѣлался, если можно такъ выразиться, равнодѣйствующею всѣхъ религіозныхъ силъ и тенденцій своей націи и своей эпохи.

Съ другой стороны, только такая мягкая, уступчивая, чтобы не сказать страдательная натура могла возвыситься до господства среди буйныхъ, рѣзкихъ, энергическихъ личностей арабскаго міра. Неустрашимому и пылкому Омару, напримѣръ, никогда бы не удалось разыграть этой роли, именно потому, что, идя вездѣ на-проломъ, онъ оскорблялъ тысячи самолюбій, задѣвалъ тысячи интересовъ,— между тѣмъ какъ чуждый подобной исключительности Мохаммедъ со всѣхъ сторонъ могъ встрѣтить только участіе и сближеніе. Самъ Омаръ преданъ былъ ему безгранично, окружалъ его самою нѣжною заботливостію, ухаживалъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, именно потому, что могъ наслаждаться своимъ на него вліяніемъ. Точно также и другіе его сподвижники и адепты, такъ-какъ каждый, входя съ нимъ въ близкія личныя отношенія, становясь подъ его знамя, прежде всего видѣлъ и любилъ въ немъ самого себя. Его первые непосредственные ученики, такъ-называемые „мохаджиры и ансары“, какъ извѣстно, любили его до фанатизма. Люди эти терпѣли ради него гоненія и муки, покидали родину, имущество и семейство, были его тѣлохранителями, неустрашимѣйшими

солдатами мусульманской арміи, если нужно — палачами. Посреди общей почти холодности и скептицизма, они одни пламенно вѣрили въ посланничество вождя своего и своимъ самоотверженіемъ и мужествомъ не разъ спасали угрожаемый и погибавшій исламъ. Тайна этого замѣчательнаго явленія, недовольно разъясненнаго даже Шпренгеромъ, могла именно заключаться въ томъ, что каждый изъ нихъ отстаивалъ въ Мохаммедѣ свое собственное дѣло и видѣлъ въ немъ воплощеніе личныхъ своихъ интересовъ.

Самое обращеніе пророка съ людьми всякаго состоянія, его внѣшніе пріемы, манеры и рѣчи, по единогласному отзыву всѣхъ его историковъ, были необыкновенно привлекательны, обличая на каждомъ шагу его уваженіе, уступчивость и кротость къ другимъ. Со всѣми былъ онъ одинаково доступенъ и ласковъ, сострадателенъ къ убогимъ и несчастнымъ, простъ и умѣренъ въ образѣ жизни, до-того, что самъ чинилъ себѣ одежду и обувь, — страстный поклонникъ женщинъ, большой другъ дѣтей. При встрѣчѣ съ знакомыми онъ всегда привѣтствовалъ ихъ, не ожидая отъ нихъ поклона и, подавая кому-нибудь руку, никогда не отымалъ ее первый. Богатству тоже особенной цѣны не приписывалъ и, впослѣдствіи, пріобрѣтая счастливыми войнами огромныя сокровища, большею частію раздавалъ ихъ своимъ приверженцамъ. Вотъ свѣтлая сторона его личности, и было бы несправедливо не видѣть, сколько обязанъ былъ онъ ей своими первыми успѣхами.

IV.

Со дня первыхъ откровеній Мохаммеда, какъ полагаютъ, въ 612 г. до бѣгства его въ Медину въ 622 прошло десять лѣтъ. Въ теченіи этого времени совершилось почти полное внутреннее развитіе ислама и выработались его самыя существенныя догматическія основы, — такъ-какъ мединскій періодъ жизни пророка и появившіяся тамъ суры корана носятъ уже иной характеръ — болѣе политическій, чѣмъ религіозный, болѣе положительный и практическій, чѣмъ вдохновенный. Намъ предстоитъ теперь, опираясь на Шпренгера, прослѣдить главныя фазы этой внутренней формаціи новой религіи, — того чрезвычайно поучительнаго историческаго процесса, въ силу котораго, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, самъ пророкъ постепенно видоизмѣнялъ свои первоначальные взгляды и ученіе, приноравливая ихъ къ потребностямъ минуты.

Когда ганифскій монотеизмъ Мохаммеда обогатился новымъ весьма развитымъ ученіемъ о загробной жизни, образовавшимся подъ вѣроятнымъ вліяніемъ раманистовъ, или исказившихся христіанъ арабскихъ, и когда появились въ его ученіи первые признаки теократическихъ покушеній, корайшитская „мала", представлявшая собою не только все богатство, но и всю интеллигенцію племени, образовала противъ него тотчасъ-же правильную оппозицію. Поэтъ Омайя и впослѣдствіи Абдъ-Аллахъ, оба первоначально нечуждые ганифскихъ идей, были ея діалектическими борцами, Абу-Софіанъ и Валидъ Ибнъ-Могира — ея вліятельнѣйшими по своему состоянію и связямъ представителями. Вокругъ нихъ группировались десятки другихъ знатныхъ корайшитовъ. Эти-то люди составляли ядро той огромной партіи, которая боролась съ пророкомъ до послѣдней крайности и всякими средствами — діалектикой, насмѣшкой, тайными преслѣдованіями и открытою силой.

Сначала они явились къ дядѣ Мохаммеда, престарѣлому Абу-Талибу, какъ къ главѣ гашимитской фамиліи, и просили его употребить свое моральное вліяніе на племянника и остановить его богохульныя рѣчи противъ религіи ихъ отцовъ. Абу-Талибъ отвѣчалъ, что онъ не раздѣляетъ и не сочувствуетъ проповѣди Мохаммеда, но, по долгу родоваго старѣйшины, никогда не откажетъ въ защитѣ тому, кто въ дѣтствѣ пользовался его попеченіями, а теперь сдѣлался названнымъ отцомъ его меньшого сына Али. Надо замѣтить, что въ Меккѣ не было правительства въ нашемъ смыслѣ этого слова, и каждое семейство обязано было само защищать своихъ членовъ. Лишить кого-нибудь изъ нихъ защиты, или даже уступить ее чужимъ людямъ считалось величайшимъ позоромъ для цѣлаго рода. Не рискуя кровопролитной усобицей, враги Мохаммеда не могли ничего предпринять противъ него силою. Всѣ гашимиты и всѣ ихъ союзники, вѣрующіе и невѣрующіе, вооружились бы противъ нихъ за родича. Тогда они прокричали пророка помѣшаннымъ и бѣсноватымъ, т. е. человѣкомъ, одержимымъ злыми джинами. Болѣзненные припадки Мохаммеда, безъ сомнѣнія, подавали къ тому благопріятный поводъ. Самъ пророкъ одно время мучился мыслію — не сдѣлался ли онъ въ самомъ дѣлѣ игралищемъ джиновъ. Но тогда Хадиджа и знакомые ганифы успокоили его, внушивъ ему увѣренность въ добромъ началѣ видѣній и голосовъ, его преслѣдовавшихъ. Теперь это обвиненіе опять пущено было въ ходъ его врагами, — и Мохаммедъ употреблялъ всѣ воз-

можныя усилія, какъ можно торжественнѣе заявить въ тогдашнихъ своихъ откровеніяхъ, что онъ — истинный пророкъ божій. Невѣрующіе, разумѣется, потребовали доказательствъ. Къ нему приводили беременныхъ женщинъ и спрашивали — родится ли дѣвочка, или мальчикъ; отъ него желали предсказаній на-счетъ погоды и торговыхъ предпріятій, — ждали какого-нибудь чуда. Испроси у Аллаха, говорили ему, чтобы онъ, среди бѣлаго дня, сослалъ къ тебѣ ангеловъ съ тою небесною книгою, изъ которой ты будто-бы получаешь отрывочныя откровенія неизвѣстнымъ для насъ путемъ. На всѣ эти требованія Мохаммедъ отвѣчалъ, что творить чудеса ему не дано, будущаго онъ не знаетъ, но что за-то Богъ открылъ ему прошедшее и въ доказательство разсказалъ имъ нѣсколько библейскихъ исторій — о сотвореніи первыхъ людей, о паденіи гордыхъ ангеловъ, о цѣломудренномъ Іосифѣ и т. д. Въ теченіи нѣкотораго времени пророкъ рецитировалъ предъ ними въ поэтическихъ образахъ эти древне-еврейскія сказанія, утверждая, что получилъ ихъ путемъ откровенія, для удостовѣренія же точности и правдивости своихъ разсказовъ отсылалъ сомнѣвавшихся къ одному жившему въ Меккѣ ганифу или, можетъ быть, иному іудейско-христіанскому сектатору, по всей вѣроятности Багирѣ, у котораго былъ когофъ или авраамовы свитки, и этими старыми рукописями предлагалъ повѣрить имъ сообщенное. Съ своей стороны Багира свидѣтельствовалъ, что и въ этой древнѣйшей копіи „небесной книги“ написано именно все такъ, какъ разсказывалъ Мохаммедъ. Стали слѣдить за такимъ подозрительнымъ совпаденіемъ извѣстій, и такъ-какъ въ небольшомъ городѣ трудно сохранить что-нибудь въ продолжительномъ секретѣ, то вскорѣ и оказалось, что Багира былъ тайнымъ наставникомъ Мохаммеда и вмѣстѣ — соумышленникомъ въ обманѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялись теперь нареканія и насмѣшки; Мохаммедъ же, въ возвѣщенныхъ по этому поводу откровеніяхъ, оправдывался тѣмъ, что его разсказы переданы чистымъ арабскимъ языкомъ, тогда какъ „азатиръ“ или сказанія древнихъ, на которыя ему указывали, какъ на источникъ его мнимой откровенной мудрости, написаны безобразнымъ арамейско-арабскимъ нарѣчіемъ, такъ-какъ книги эти занесены были Багирою въ Мекку съ сирійской границы. Вотъ къ чему долженъ былъ пророкъ свести доказательства своей божественной миссіи, — къ чистотѣ языка, на которомъ редижированъ коранъ. Такимъ свидѣтельствомъ онъ, конечно, не удовлетворилъ никого и только подалъ поводъ къ но-

вымъ нападкамъ. Явились люди, изъ арабско-еврейскихъ сектъ вѣроятно, ближе и правильнѣе знакомые съ библіей, чѣмъ полуученый наставникъ Мохаммеда, и стали ему доказывать весьма грубыя ошибки и промахи его небеснаго внушителя Гавріила. Оказалось, что Мохаммедъ принималъ въ это время когофъ, ему знакомый, за настоящую библію или „тора“ и, черпая изъ этого источника, разумѣется, то и дѣло впадалъ въ самыя странныя заблужденія. Такъ, напримѣръ, онъ не зналъ тогда, что Исаакъ былъ сынъ Авраама и наивно приписалъ Моисею одну персидскую легенду о похожденіяхъ Дзу-Икарнейна, или Александра Великаго. Пойманный такъ неловко, пророкъ поставленъ былъ въ самое непріятное положеніе и долго не зналъ, что отвѣчать своимъ противникамъ, — только относительно джиновъ могъ замѣтить, что теперь они уже не могутъ подслушивать тайнъ у воротъ небесныхъ, потому что Аллахъ мечетъ звѣздой въ каждаго изъ этихъ дерзкихъ шпіоновъ, а стало-быть и онъ, Мохаммедъ, не отъ нихъ получаетъ свои внушенія. Народное повѣрье, возникшее, можетъ быть, по поводу падающихъ звѣздъ, столь частыхъ въ Аравіи, помогло ему хоть отчасти выпутаться изъ затрудненія.

Тѣмъ не менѣе дѣла его были изъ рукъ вонъ плохи. Осыпанный насмѣшками, почти уличенный въ обманѣ, онъ самъ сталъ повременамъ сомнѣваться въ своемъ призваніи и, безъ поддержки друзей, можетъ быть бросилъ бы свою проповѣдь. Друзей же было пока очень немного. Въ первые три года своего существованія исламъ могъ пріобрѣсть только около сорока послѣдователей. Изъ нихъ отъ восьми до двѣнадцати было явныхъ или открытыхъ мослимовъ, остальные считались тайными приверженцами. Въ томъ числѣ было много рабовъ и вообще людей бѣдныхъ и маленькихъ. Между-тѣмъ торжествующіе корайшиты отъ угрозъ и насмѣшекъ перешли къ преслѣдованіямъ. Мусульмане подвергались вездѣ публичнымъ оскорбленіямъ, а людей несвободнаго состоянія и беззащитныхъ просто мучили, — морили голодомъ и жаждой, или же зарывали въ раскаленный песокъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ самъ пророкъ, въ 614 году, подалъ своимъ приверженцамъ мысль — оставить на-время отечество и искать гдѣ-нибудь убѣжища на чужбинѣ. Страною эмиграціи избрана была близкая Абиссинія, и этотъ выборъ оказался чрезвычайно удачнымъ, такъ-какъ бѣглецы большею частью люди зажиточные, числомъ отъ шести до восьми съ ихъ семействами, въ томъ числѣ Отманъ, зять

пророка, нашли тамъ самый радушный пріемъ. Абиссинскій царь, или неджаши, изъ политическихъ разсчетовъ, желая, можетъ быть, пріобрѣсть себѣ партію среди сосѣдней воинственной націи, оказалъ имъ полное гостепріимство. Исламъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, первую точку опоры не только за предѣлами корайшитской области, но даже и за-границей самой Аравіи. Но, какъ ни важно подобное пріобрѣтеніе могло оказаться въ будущемъ, оно мало измѣняло положеніе ислама въ настоящемъ, — и только родовыя связи, столь могущественныя у патріархальнаго народа, охраняли немногихъ, оставшихся съ пророкомъ мослимовъ отъ злобы враговъ ихъ.

Что отношенія Мохаммеда въ самой Меккѣ остались такими-же трудными, это видно изъ того, что, тотчасъ послѣ первой абиссинской эмиграціи, онъ вошелъ съ корайшитами въ сдѣлку и, за предоставленную ему терпимость, призналъ главнѣйшихъ языческихъ боговъ каабы — Лата, Уззу и Манаха. Какъ ни осторожно сдѣлана была имъ эта уступка, — онъ назвалъ ихъ въ коранѣ только великими заступниками предъ Аллахомъ, — все же это было довольно явное отпаденіе къ язычеству. И если мы вспомнимъ, съ какою чистотою и строгостію обыкновенно проводилъ пророкъ свой абсолютный монотеизмъ, составлявшій душу всего ислама, то поймемъ, какое невыгодное впечатлѣніе должна была произвесть она даже на самихъ корайшитовъ. Это была ни болѣе, ни менѣе, — какъ измѣна самому себѣ, своимъ священнѣйшимъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Согласиться на такой шагъ — значило уронить весь моральный кредитъ, уничтожить окончательно все значеніе своей проповѣди. Мохаммедъ, наконецъ, понялъ это и, спустя нѣкоторое время, взявъ уступку назадъ, воротился на прежній путь самаго рѣзкаго монотеизма. „Богъ единъ, свидѣтельствовалъ онъ торжественно въ появившейся тогда сурѣ; въ себѣ самомъ завершенный, Онъ не родилъ и не родился и никогда не было на свѣтѣ существа ему родственнаго“. Послѣ такого категорическаго заявленія, послѣ раскаянія въ минутной слабости и сомнѣніи, оставившаго слѣдъ въ самомъ коранѣ, съ корайшитами, разумѣется, возобновились прежнія отношенія и начались прежнія преслѣдованія. Въ глазахъ ихъ Мохаммедъ опять былъ опасный новаторъ, посягавшій на самые существенные интересы своего племени, такъ-какъ отвергнуть Лата и Уззу значило отвергнуть дружбу сосѣднихъ бедуиновъ, — а безъ этой дружбы торговая Мекка существовать не могла. Исламъ опять очутился на краю гибели, и опять непредвидѣнная помощь спасла

его. Въ 617 году, именно въ эпоху самыхъ жестокихъ гоненій, совершилось обращеніе Омара, „этого величайшаго государственнаго дѣятеля въ исторіи“, какъ его нѣсколько эмфатически называетъ Шпренгеръ, очевидно избравшій его своимъ любимымъ героемъ.

Объ опасностяхъ, окружавшихъ въ то время исламъ, можно судить по тому, что многіе изъ его послѣдователей, особенно тѣ, которые воротились изъ Абиссиніи, прослышавъ о временномъ примиреніи съ корайшитами,—должны были искать защиты даже у враговъ своихъ. Отманъ, напримѣръ, нашелъ ее у Валида Ибнъ-Могиры, этого ожесточеннаго гонителя мослимовъ, не посмѣвшаго, однакожъ, по рыцарскому чувству араба, отказать въ покровительствѣ человѣку, искавшему у него убѣжища. Самъ пророкъ, несмотря на весь позоръ такой безпомощности, не надѣялся уже, видно, на силу своихъ родныхъ и тоже искалъ безопасности въ домѣ одного изъ учениковъ своихъ, по имени Аркама, принадлежавшаго къ могущественной фамиліи Махцумъ. Подъ защитою махцумитовъ дѣла его тотчасъ приняли болѣе благопріятный оборотъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ число его послѣдователей, которыхъ не было прежде и сорока, разомъ увеличилось до ста.

Къ этому-же времени относится и обращеніе Омара. Пріобрѣтеніе это было такъ важно для будущихъ судебъ ислама, что мусульманская легенда приписала его чуду. Она выставила Омара ярымъ гонителемъ новой религіи, силою корана внезапно обращеннаго въ ея фанатическаго поборника. Исторія знаетъ, напротивъ, что онъ, подобно многимъ другимъ, приведенъ былъ къ обращенію путемъ постепеннаго убѣжденія, пребываніе же пророка въ домѣ Аркама могло ему только доставить случай къ окончательному съ нимъ сближенію.

Вотъ какимъ образомъ рисуетъ Шпренгеръ портретъ этого ревностнѣйшаго апостола исламизма. „Это былъ бѣлый, румяный и несокрушимо сложенный человѣкъ. Въ толпѣ онъ выдавался между всѣми своимъ громаднымъ ростомъ. Онъ былъ амфидекстеръ, т. е. лѣвой рукой владѣлъ съ такою-же ловкостью, какъ и правой, и вообще отличался необыкновеннымъ проворствомъ. Походка у него была быстрая и на-ходу онъ дѣлалъ огромные шаги. Ему было двадцать шесть лѣтъ, когда онъ принялъ исламъ. Въ полномъ развитіи своей юношеской силы находился онъ въ это время. Мощный духъ наполнялъ это крѣпкое тѣло. Онъ имѣлъ вѣрный взглядъ на вещи, быстро составлялъ свои рѣшенія, былъ не-

преклоненъ въ принятыхъ намѣреніяхъ, смѣло, часто насильственно приводилъ ихъ въ исполненіе. Могучій человѣкъ этотъ обладалъ всѣми качествами, чтобы вездѣ, за что бы онъ ни брался, создавать что-нибудь необычайное, быть благодѣтелемъ, или же грозою человѣчества. Къ счастію, онъ былъ чуждъ личной корысти и, хотя подъ своею прямотой скрывалъ немало хитрости и умѣлъ соединять иногда и мягкость съ врожденною грубостію, но намѣренія его были постоянно чисты и безукоризненно благородны. Для друзей готовъ онъ былъ на всякую преданность и жертвы, но-за-то въ важныхъ случаяхъ жизни безропотно должны были они смотрѣть, какъ онъ брался за нихъ говорить и дѣйствовать, — онъ чувствовалъ, что рожденъ властелиномъ. По смерти пророка, онъ не обнаружилъ никакихъ притязаній на калифатъ, но облекши этимъ достоинствомъ Абу-Бекра, руководилъ его политикой и правленіемъ. Отношенія его къ Мохаммеду можно уподобить отношеніямъ мужа къ женѣ. Какъ мужчина, въ самыхъ слабостяхъ жены своей усматриваетъ свое собственное превосходство, именно поэтому нерѣдко слѣдуетъ ея совѣтамъ, снисходитъ къ ея капризамъ, защищаетъ ее, руководитъ и воспитываетъ, такъ точно и могучаго Омара больше всего, какъ кажется, привлекали слабости Мохаммеда. Преклоняясь предъ своеобразнымъ геніемъ пророка, видя въ немъ орудіе божьей воли, въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ онъ бодрствовалъ надъ нимъ, какъ мать надъ своимъ ребенкомъ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на законодательство Мохаммеда. Даже мослимы приписываютъ ему происхожденіе нѣкоторыхъ отрывковъ корана. Онъ вмѣшивался даже въ семейныя отношенія пророка, и когда непокорный духъ обнаружился однажды въ его гаремѣ, между прекрасными его обитательницами появился Омаръ и, раздачею побоевъ и брани, тотчасъ возстановилъ порядокъ. Настоящихъ боевыхъ подвиговъ разсказываютъ про него мало, все-же однако былъ онъ повсюду передовымъ воиномъ ислама, во всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, подававшимъ свой сильный голосъ, умѣвшимъ улаживать палкой или саблей возникавшія противорѣчія и затрудненія. Слабый Мохаммедъ былъ, кажется, склоненъ и послѣдователямъ своимъ внушить тотъ духъ смиренія и самопожертвованія, который нѣкогда наполнялъ его самого. Только твердой волѣ Омара обязаны мослимы чувствомъ гордаго и мужественнаго достоинства и тѣснымъ братскимъ союзомъ, отличающими ихъ между всѣми религіозными общинами. Мослимъ ставитъ себя выше

всѣхъ прочихъ людей, выше ангеловъ даже. Кромѣ своихъ единовѣрцевъ онъ не уважаетъ никого въ мірѣ, но за-то чувствуетъ себя морально отвѣтственнымъ за честь и благосостояніе каждаго собрата по вѣрѣ. Путешествующій мусульманинъ, прибывши въ какакой-нибудь городъ, считаетъ первымъ долгомъ отправиться въ мечеть; здѣсь всегда найдетъ онъ братьевъ, готовыхъ предложить ему свой домъ, добрый совѣтъ и всякое содѣйствіе. Мечеть — это молитвенный домъ, школа и вмѣстѣ форумъ мослимовъ. Когда честь мусульманской женщины въ опасности, каждый правовѣрный окажетъ ей защиту и помощь, но за-то, въ случаѣ дѣйствительной вины, каждый сочтетъ себя въ правѣ наказать ее или убить. Это — духъ Омара, живущій еще и понынѣ между послѣдователями ислама".

Появленіе такого человѣка въ средѣ немногочисленной и робкой мусульманской общины отразилось тотчасъ-же весьма выгодно на ея положеніи въ Меккѣ. Мохаммедъ и ученики его сочли возможнымъ оставить свое убѣжище въ домѣ Аркама, смѣло показывались на улицахъ, стали посѣщать каабу, а пророкъ осмѣлился теперь проповѣдывать публично. Въ появившихся тогда сурахъ онъ рѣшается даже напасть на враждебную ему аристократію, обличая ее въ гордости и доказывая ея ничтожество предъ Господомъ. Такое независимое положеніе и такой вызывающій тонъ, конечно, еще больше ожесточили его враговъ. Мала удвоила свои преслѣдованія и не только наносила мослимамъ публичныя оскорбленія, но стала умышлять даже на жизнь самого Мохаммеда. Наконецъ, съ конца 617 г., она прервала съ ними всѣ общественныя сношенія, отказала имъ въ правѣ брачныхъ союзовъ, исключила изъ участія въ общей караванной торговлѣ. Это было своего рода лишеніе покровительства законовъ, продолжавшееся цѣлыхъ два года. Пророкъ опять увидѣлъ себя въ крайности; многіе изъ учениковъ его отпали; оставшіеся вѣрными загнаны были въ отдаленную часть города, гдѣ ихъ держали почти въ осадномъ положеніи. Самъ Омаръ принужденъ былъ искать покровительства одной могущественной, но враждебной исламу корайшитской фамиліи. Въ такихъ обстоятельствахъ Мохаммедъ снова указалъ своимъ послѣдователямъ на бѣгство въ дружественную Абиссинію, какъ на единственный исходъ изъ этого отчаяннаго положенія. Въ 619 г. состоялась вторая эмиграція, на этотъ разъ уже очень многочисленная: въ ней участвовало восемьдесятъ мужчинъ и восемнадцать женщинъ. Корайшиты, опасаясь, вѣроятно, интригъ эмигрантовъ противъ собст-

веннаго отечества, преслѣдовали ихъ и въ Абиссиніи. Они отправили къ царю ея посольство съ тѣмъ, чтобы изобразить предъ нимъ бѣглецовъ, какъ измѣнниковъ народной вѣрѣ, ослѣпленныхъ безчестнымъ обманщикомъ и притомъ — какъ людей опасныхъ для спокойствія страны, оказавшей имъ гостепріимство. Неджаши, однако, отказалъ имъ въ выдачѣ эмигрантовъ и даже, напротивъ того, назначилъ имъ значительное пособіе отъ казны. Мусульманскіе традиціонисты объясняютъ такое поведеніе царя уваженіемъ, которое онъ почувствовалъ къ ученію Мохаммеда, когда съ нимъ познакомился по разсказамъ мекканскихъ бѣглецовъ. Извѣстіе это довольно вѣроятно. И хотя политическія соображенія имѣли, конечно, и тутъ извѣстную долю вліянія, но несомнѣнно, что и самая сущность ислама, носившаго въ это время сильный христіанскій оттѣнокъ, могла произвесть на него благопріятное впечатлѣніе. Это приводитъ насъ къ вопросу вообще о христіанскомъ вліяніи, которому, около этого времени, подверглись религіозныя представленія пророка.

Съ христіанствомъ Мохаммедъ познакомился въ періодъ абиссинскихъ выселеній и притомъ двоякимъ путемъ: посредствомъ раманистовъ, очень распространенныхъ тогда въ Аравіи и къ которымъ могъ принадлежать уже тогда и тайный учитель его, Багира, и непосредственно, — отъ абиссинскихъ христіанъ. Этотъ послѣдній источникъ открылся для него со времени первой же эмиграціи. Воротившіеся изъ Абиссиніи мослимы, а можетъ быть и прибывшіе съ ними абиссинцы, принесли съ собою множество новыхъ для пророка понятій и впервые познакомили его съ сущностію христіанской догматики. Съ того времени появляются въ коранѣ идеи, до-тѣхъ-поръ чуждыя его первоначальной ганифской основѣ. Мохаммедъ начинаетъ говорить уже о благодати божіей, о разныхъ степеняхъ угодничества, съ величайшимъ уваженіемъ отзывается о самомъ Спасителѣ и Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Есть основаніе думать, что тогдашнее сближеніе съ христіанствомъ простиралось еще далѣе, что, въ-угоду и благодарность своему покровителю неджаши, пророкъ не прочь былъ признать даже божественность Іисуса Христа, — такъ-какъ абиссинская поддержка составляла для него въ то время единственную надежду спасенія и успѣха, — но что потомъ, ставши, уже въ Мединѣ, на собственныхъ ногахъ и подпавши другимъ вліяніямъ, онъ тщательно уничтожилъ въ коранѣ слѣды этихъ уступокъ. Ученіе же о благода-

ти, необходимой для вѣры, приходилось какъ нельзя болѣе кстати къ тогдашнему положенію ислама, такъ-какъ этимъ ученіемъ могъ Мохаммедъ объяснить закоснѣлое упорство корайшитовъ, предвѣчно осужденныхъ на вѣчную гибель. Съ другой стороны, довольно темныя представленія еретическихъ арабскихъ христіанъ о Раманѣ, какъ объ источникѣ благодати, можетъ быть тоже посредствомъ Багиры, проникли въ коранъ. Шпренгеръ думаетъ даже, что подъ именемъ Рамана аскетическія братства этихъ сектаторовъ поклонялись именно Іисусу Христу. Мохаммедъ очень долго употреблялъ въ своихъ откровеніяхъ это имя для обозначенія верховнаго существа и только впослѣдствіи обратилъ его въ эпитетъ Аллаха, какъ это можно видѣть въ извѣстномъ молитвенномъ призываніи мослимовъ — „Бисмиллахъ эль-Раманъ эль-рахимъ“ — во имя Бога, всеблагаго Рамана!

Отъ раманистовъ же, т. е. отъ арабско-христіанскихъ эбіонитовъ, или же, можетъ быть, отъ христіанско-іудейскихъ ракузіевъ, представлявшихъ смѣсь еврейскаго эссеизма съ тѣмъ-же ученіемъ эбіонитовъ, или же сабіевъ перешли къ Мохаммеду и представленія о древнихъ пророкахъ божіихъ: послѣднее — вѣроятнѣе, такъ-какъ мекканцы долгое время называли всѣхъ вообще мослимовъ сабіями, до такой степени, въ ихъ понятіяхъ, обѣ секты казались тожественными.

Ученіе о пророкахъ играетъ такую важную роль въ исламѣ и самъ Мохаммедъ имѣлъ такой близкій личный интересъ развить его какъ можно обстоятельнѣе, что и мы не можемъ оставить этотъ вопросъ безъ полнаго вниманія. Въ коранѣ такъ-же, какъ и въ библіи, пророки представляются боговдохновенными людьми, которыхъ отъ времени до времени Богъ воздвигаетъ между народами для возвѣщенія его правды, воли, милости или гнѣва. Такихъ мужей упоминается тамъ довольно много: Захарія, Іахія, Иза, Ибрагимъ, Исхакъ, Муза, Гарунъ, Идрисъ и Измаилъ — составляютъ, по понятіямъ Мохаммеда, рядъ его предшественниковъ на пророческомъ поприщѣ. Между ними, Авраамъ, Моисей и Іисусъ считаются особыми избранниками неба, стоящими въ ближайшей связи съ откровеніемъ ислама. Главнѣйшимъ признакомъ пророческаго достоинства считается, по этой теоріи, знаніе „небесной книги“ т. е. того писанія божественной мудрости и правды, которое отъ вѣка сохраняется на небесахъ. Не всѣ пророки, однако, знакомы были съ полнымъ содержаніемъ книги. Даже Авраамъ, Моисей и

Іисусъ знали только ея отрывки, отчего и писанія этихъ вдохновенныхъ мужей — когофъ, тора и Евангеліе содержатъ только неполное, отрывочное откровеніе, и только одинъ коранъ, какъ вѣрнѣйшая копія небесной книги, продиктованная самимъ архангеломъ Гавріиломъ, выражаетъ вполнѣ правду и волю божію, предвѣчно написанную на небесахъ. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что онъ, Мохаммедъ, удостоившійся такого полнаго и цѣльнаго откровенія, и есть величайшій изъ пророковъ. Вѣра въ такое происхожденіе ислама впослѣдствіи до-того укоренилась въ мусульманскомъ мірѣ, что арабскіе традиціонисты разсказывали, будто архангелъ Гавріилъ ежегодно, въ теченіи мѣсяца Рамадана, сличалъ коранъ съ его небеснымъ подлинникомъ, а въ годъ смерти пророка сдѣлалъ это даже два раза. Такая оригинальная теорія пророчества созрѣла въ головѣ Мохаммеда конечно не вдругъ. Сначала онъ, вѣроятно, воспользовался идеями своего тайнаго наставника, въ свою очередь перенявшаго ихъ у ракузіевъ, сабіевъ, или же раманистовъ, а потомъ привилъ къ нимъ и нѣкоторыя самостоятельныя и чрезвычайно важныя особенности. Недовольствуясь установленіемъ общей связи своей проповѣди съ религіей древнихъ пророковъ и патріарховъ, онъ возъимѣлъ смѣлую мысль выдать исламъ за прямое возстановленіе и дальнѣйшее развитіе религіи Авраама. Въ этомъ, впрочемъ, не было бы еще ничего оригинальнаго, такъ-какъ и ганифы считали себя послѣдователями древняго служенія авраамова, отчего иначе и назывались авраамитами. Но геніальное изобрѣтеніе самого Мохаммеда состояло въ томъ, что онъ выставилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Авраама учредителемъ древнеарабской народной религіи, состоявшей въ поклоненіи единому Аллаху, въ почитаніи каабы и ежегодныхъ странствованіяхъ къ этой святынѣ. Такою счастливою ложью онъ впервые проложилъ вѣрный путь къ примиренію ислама съ народной религіей края, — впервые обезпечилъ за нимъ прочную будущность. Никогда бы, вѣроятно, исламу не удалось пережить своего основателя, или влачилъ бы онъ незамѣтное существованіе, подобно многимъ другимъ мелкимъ сектамъ и толкамъ Аравіи, если-бы пророкъ не далъ ему этою выдумкой твердой исторической почвы. Однимъ этимъ шагомъ новое ученіе разомъ пріобрѣло все, чтобъ сдѣлаться религіей народныхъ массъ — національность, преданія, мистеріи и обряды, — и изъ безцвѣтнаго аггрегата монотеистическихъ вѣрованій превращалось въ опредѣленное, характерное, носящее неизгладимые слѣды

своего основателя мохаммеданство. Съ этой минуты открывается для ислама возможность сдѣлаться всеарабской религіей. Полудикій бедуинъ, не имѣющій никакого понятія ни о благодати, ни о предопредѣленіи и весьма темное даже о самомъ единобожіи, скрѣпя сердце, покорится ему со-временемъ, когда ему скажутъ, что онъ будетъ по-прежнему пилигримствовать въ Мекку и цѣловать черный камень каабы, какъ это дѣлали его отцы и дѣды. А могучій Омаръ, силою своего энергическаго генія, дастъ этой религіи міровыя притязанія и характеръ.

Въ 619 году, почти одновременно, умерли Абу-Талибъ и Хадиджа. Въ этихъ преданныхъ людяхъ Мохаммедъ лишился своей главной матеріальной и нравственной опоры среди мекканцевъ. Вѣрная и любящая жена, Хадиджа, была вмѣстѣ съ тѣмъ первою увѣровавшею въ его посланничество, первою мусульманкой. Абу-Талибъ не принялъ ислама и умеръ въ язычествѣ, но не смотря на то, всю жизнь оставался непоколебимымъ защитникомъ пророка, своего племянника и друга.

По мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе Мохаммеда, росла и злоба его враговъ. Напрасно онъ грозилъ опять карою неба, ссылаясь на библейскіе примѣры. Мы видѣли, что неисполненіе этихъ угрозъ уже подавало однажды поводъ къ насмѣшкамъ. Земля не разверзлась подъ богохульцами, каменный дождь не пресѣкъ ихъ дерзкихъ рѣчей, какъ то неоднократно предсказывалъ посланникъ божій. Гдѣ-жъ твоя кара? нагло спрашивали теперь корайшиты, призови ее на насъ, если можешь. Пророкъ отвѣчалъ сначала, что Богъ отложилъ свою месть до тѣхъ поръ, пока всѣ, предназначенные къ спасенію, не обратятся въ исламъ, а потомъ, видя, какъ небезопасно пускаться въ слишкомъ опредѣленныя предсказанія, мало-по-малу сталъ придавать имъ совсѣмъ иной смыслъ и доказывать, что подъ именемъ гнѣва небеснаго онъ разумѣлъ всеобщій или страшный судъ, гдѣ каждому будетъ воздано по дѣламъ его. Тѣ мѣста корана, гдѣ говорится о воскресеніи мертвыхъ, о мукахъ ада и наслажденіяхъ рая; тѣ поэтическіе образы, типомъ которыхъ послужили тоже библейскія представленія, съ нѣкоторою примѣсью собственныхъ фантазій пророка, по своему происхожденію, относятся, большею частію, къ этой эпохѣ. Но и возвѣщеніе загробнаго суда, какъ прежде земнаго возмездія, точно такъ-же слабо дѣйствовало на грѣшниковъ, закоснѣлыхъ въ своемъ невѣріи. Скептики и матеріалисты, мекканцы смѣялись теперь и надъ су-

домъ, какъ прежде смѣялись надъ участью Содома и Гоморры, — и террор корана такъ-же мало производилъ дѣйствія, какъ и его возвышенныя идеи.

Болѣе и болѣе пришлось убѣждаться тогда Мохаммеду въ справедливости древней аксіомы — „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“. И вотъ сталъ онъ оглядываться кругомъ въ надеждѣ найдти какую-нибудь точку опоры въ Аравіи за предѣлами корайшитскаго племени. Съ этой цѣлію предприняты были имъ проповѣдническія экскурсіи въ ближайшія мѣстности, съ цѣлію найдти гдѣ-нибудь безопасное убѣжище. Но корайшиты успѣли уже достаточно огласить его обманщикомъ и нарушителемъ общественнаго спокойствія, и гонимому отовсюду пророку не разъ приходилось, какъ напримѣръ въ Таифѣ, спасать жизнь свою отъ опасности. Точно такъже мало сначала имѣла успѣха и проповѣдь его чужеплеменнымъ арабамъ, собравшимся въ Мекку во время празднества пилигримовъ. Валидъ, Абу-Джаль и другіе заклятые враги ислама ходили по слѣдамъ Мохаммеда и предостерегали пришельцевъ отъ опаснаго человѣка. Только нѣсколькихъ хазраджитовъ, прибывшихъ изъ Ятриба, удалось пророку привлечь на свою сторону. Это были зажиточные и вліятельные мединскіе купцы, и обращеніе ихъ въ исламъ оказалось чрезвычайно важно. Они распространили славу пророка на своей родинѣ, — такъ-что въ слѣдующемъ 621 году число мослимовъ, между ятрибскими хазраджитами, возросло до-того, что Мохаммедъ могъ уже, по примѣру Спасителя, избрать между ними двѣнадцать накибовъ, или старѣйшинъ, предназначенныхъ руководить другихъ въ новой вѣрѣ. Въ то-же время, въ тайной сходкѣ на холмѣ Акаба, близь Мекки, они поклялись быть вѣрными исламу, исполнять его заповѣди, и, если нужно, оружіемъ защищать пророка отъ враговъ его. Гонимымъ мекканскимъ мусульманамъ открывалось теперь гостепріимное убѣжище въ отечествѣ этихъ новыхъ союзниковъ, и они стали толпами туда переселяться. Къ половинѣ 622 года только Абу-Бекръ да Али остались съ Мохаммедомъ въ Меккѣ. Самъ пророкъ не скрывалъ своего намѣренія послѣдовать ихъ примѣру. Но такая эмиграція въ чужой и не совсѣмъ дружественный городъ и особенно переселеніе туда Мохаммеда, грозили корайшитамъ опасностію, гораздо серьезнѣе той, какой они боялись нѣкогда отъ абиссинскихъ бѣглецовъ. Всякаго вреда могли они ожидать теперь отъ воспламененнаго местію пророка. Собрался совѣтъ корайшитовъ и на немъ было рѣшено —

во что бы то ни стало не допустить задуманнаго выселенія въ Ятрибъ и, чтобъ разомъ покончить съ десятилѣтнею смутой, волновавшею спокойствіе города, отдѣлаться отъ Мохаммеда убійствомъ. Изъ каждой фамиліи выбрали для этого дѣла по одному юношѣ съ тою цѣлію, чтобъ отвѣтственность пала на всѣхъ корайшитовъ и чтобъ родственники убитаго не смѣли и подумать о мести. По всей вѣроятности, тайные доброхоты во-время успѣли, однако, предупредить пророка о замышлявшемся ковѣ и, благодаря преданному содѣйствію Абу-Бекра и Али, онъ счастливо успѣлъ избѣжать опасности. Мусульманская легенда обставила знаменитое „бѣгство въ Медину“ разными чудесными подробностями и, какъ водится, приписала спасеніе пророка непосредственному покровительству неба. Для исторіи важенъ лишь тотъ обильный послѣдствіями фактъ, что 14 сентября 622 г. ансары и мохаджиры восторженно встрѣчали уже Мохаммеда, подъѣзжавшаго къ Мединѣ.

V.

„Вступленіе Мохаммеда въ Ятрибъ, такъ начинаетъ Шпренгеръ разсказъ о мединской дѣятельности пророка, было вмѣстѣ и его вступленіемъ во всемірную исторію, — и мослимы совершенно правы, начиная этимъ событіемъ свою эру. Въ Мединѣ сдѣлался онъ завоевателемъ и государемъ. Говорилъ онъ теперь мало, — вмѣсто словъ являются дѣла, вмѣсто стремленій — наслажденіе достигнутымъ, дѣйствительность смѣняетъ мечты“.

Каждый шагъ этой тревожной практической дѣятельности можемъ прослѣдить мы теперь съ полною достовѣрностію. Безчисленныя и точныя свидѣтельства, даже документальные памятники дошли до насъ отъ этой поры. Довольно темный процессъ догматическаго развитія ислама почти оканчивается. Наступаетъ эпоха основанія мусульманско-арабскаго государства. Посреди новыхъ отношеній и подъ гнетомъ иныхъ внѣшнихъ условій, религіозный мечтатель становится глубокимъ политикомъ, самоучка теологъ-эклектикъ — національнымъ всеарабскимъ пророкомъ. Измѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его откровеній. Мединскія суры поражаютъ своею положительностію и трезвостію. Вмѣсто образныхъ, ритмическихъ отрывковъ, то проникнутыхъ теплымъ убѣжденіемъ истины, то съ умысломъ туманныхъ и запутанныхъ — отрывковъ исключительно религіознаго и нравственнаго содержанія, изъ которыхъ состоитъ

мекканская часть корана, мы видимъ теперь короткія, ясныя и точныя замѣтки общественнаго дѣятеля, организующаго громадный матеріалъ, добытый прежними размышленіями и созерцательной жизнію, стремящагося примѣнить его къ практическимъ отношеніямъ окружающей жизни. Вмѣсто процесса ассимиляціи самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ представленій, какой постепенно совершался въ Меккѣ, внутреннее развитіе пророка получаетъ, такъ сказать, обратное направленіе. Начинается работа выдѣленія всего несвойственнаго коренному, національно—монотеистическому воззрѣнію, работа обособленія ислама, возведенія его на степень самобытной арабской религіи.

Мохаммедъ засталъ въ Мединѣ слѣдующія отношенія. Населеніе города состояло изъ двухъ элементовъ — арабовъ и евреевъ. Первые, такъ называемые ансары, занимались караваннымъ транзитомъ, а при случаѣ — и грабежемъ, — въ рукахъ вторыхъ была мѣстная промышленность и интеллигенція. Какъ древнѣйшіе владѣтели края, занятаго впослѣдствіи выселенцами съ юга, евреи сохраняли родъ моральнаго первенства предъ арабами и многихъ успѣли обратить въ свою религію. Не смотря на то, однако, не смотря на частыя кровныя связи между тѣми и другими, арабы все-таки смотрѣли на евреевъ, какъ на чужеплеменниковъ, и національная антипатія только затихла, но не исчезла. Своимъ появленіемъ Мохаммедъ пробудилъ ее снова.

Сначала, впрочемъ, онъ повелъ себя чрезвычайно политично. Объявивъ въ коранѣ не только полную терпимость, но и равноправность всѣхъ послѣдователей „писаннаго закона", т. е. іудеевъ, христіанъ, сабіевъ и своихъ собственныхъ учениковъ, онъ тотчасъ уже расположилъ въ свою пользу еврейское населеніе города. Мало того, желая еще больше привлечь его къ себѣ, назначилъ „киблою", т. е. мѣстомъ обращенія въ молитвѣ, не каабу, какъ было въ Меккѣ, а Іерусалимъ. Евреи, съ своей стороны, признали его пророкомъ, посланнымъ отъ Бога къ язычникамъ, какъ Моисей былъ посланъ къ избранному народу.

Пользуясь такими дружескими отношеніями, Мохаммедъ повелъ свою пропаганду такъ успѣшно, что, въ короткое время, успѣлъ обратить въ исламъ большую часть ансаровъ-язычниковъ, нисколько не посягая притомъ на неприкосновенность еврейскаго культа. Но эти обращенія имѣли уже иной характеръ, чѣмъ мекканскій прозелитизмъ. Принимая исламъ, ятрибскіе ансары дѣлались, вмѣстѣ съ этимъ, добровольными подданными пророка, относились къ

нему за судомъ и рѣшеніемъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ житейскихъ. Правительства въ Мединѣ тоже не было никакого. Мохаммедъ могъ распоряжаться совершенно свободно и безопасно, и устройство мусульманской общины, съ переселеніемъ ея на новое мѣсто, начало, мало-по-малу, принимать теократическій характеръ.

Но, вмѣстѣ съ усиленіемъ власти, росло и властолюбіе пророка. Скоро онъ счелъ возможнымъ оставить свое безобидное положеніе и примирительный тонъ своихъ откровеній и доставить исламу господствующую роль. Въ коранѣ появились объясненія, клонившіяся не въ пользу моисеева закона. Онъ, правда, и теперь еще считалъ „тора" откровеннымъ писаніемъ, но уже доказывалъ, что въ немъ содержится только часть небесной книги, тогда какъ коранъ есть полная ея копія. Такими толкованіями задѣвалась, разумѣется, религіозная щекотливость евреевъ, и они стали докапываться знаетъ-ли, по-крайней-мѣрѣ, пророкъ то писаніе, о которомъ позволяетъ себѣ относиться такъ категорически. Но въ происшедшихъ столкновеніяхъ и диспутахъ оказалось — какъ сбивчивы и поверхностны были представленія его о моисеевомъ законѣ.

Съ этой минуты разрывъ между Мохаммедомъ и іудейскими племенами Ятриба дѣлается непримиримымъ. Евреи стали смотрѣть на него, какъ на опаснаго обманщика-властолюбца, а онъ на нихъ,— какъ на заклятыхъ враговъ, стремящихся подорвать его авторитетъ. Это были новые корайшиты въ глазахъ пророка, — тѣмъ болѣе опасные, что вооружены были книжной, библейской ученостію, могшей обличить его на каждомъ шагу. Ему, однако, легче было справиться теперь съ этими новыми врагами. Его окружали здѣсь воинственные и преданные до фанатизма ансары, и онъ, зналъ, какъ легко было воспламенить этихъ суевѣрныхъ и грубыхъ людей племенною и религіозною ненавистью. Въ ихъ раболѣпной средѣ впервые почувствовалъ онъ себя властелиномъ.

Исторія знаетъ не много примѣровъ такой слѣпой, самоотверженной привязанности, хотя и трудно понять, чѣмъ именно такъ безгранично покорилъ себѣ Мохаммедъ этихъ людей. Было, вѣроятно, въ пророкѣ дѣйствительно что-нибудь необыкновенное и внушающее, что такъ сильно приковывало къ нему сердца. Въ числѣ увлекательныхъ качествъ его натуры, указываютъ, напримѣръ, на неотразимое обаяніе его рѣчи. Въ глазахъ знатоковъ многія мѣста корана представляютъ удивительную гармонію и силу, — самъ пророкъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на величайшее чудо,

которымъ Господь засвидѣтельствовалъ истину его призванія. Но объясненія подобнаго рода все еще недостаточны. Непостижимая тайна лежала, быть можетъ, въ самой личности Мохаммеда, и именно — въ тѣхъ ея сторонахъ и особенностяхъ, которыя теперь уже сдѣлались недоступными для потомства.

Первымъ шагомъ къ разрыву Мохаммеда съ евреями было измѣненіе киблы. Уже въ началѣ 623 года мослимы получили отъ Бога приказаніе снова обращаться въ молитвѣ по направленію къ Меккѣ. Больше пока нельзя было предпринять ничего, такъ-какъ собственное положеніе пророка было еще не довольно обезпечено. Мохаджиры или мекканскіе эмигранты до того страдали отъ бѣдности, что просто не имѣли средствъ къ существованію. Ансары, какъ братья по вѣрѣ, конечно помогали имъ, но подаяній ихъ было мало для прокормленія нѣсколькихъ сотъ душъ. Оставался одинъ путь, слишкомъ употребительный въ Аравіи, — грабежъ, тѣмъ болѣе, что этотъ источникъ и прежде хорошо извѣстенъ былъ ятрибскимъ арабамъ. Теперь въ религіозной и общественной ненависти къ мекканцамъ явилось къ нему еще новое побужденіе. И вотъ начинается рядъ хищническихъ экспедицій Мохаммеда противъ корайшитскихъ каравановъ. То была месть изгнанниковъ за прежнія гоненія и обиды и вмѣстѣ — честное, по арабскимъ понятіямъ, средство добыть себѣ пропитаніе. Безпрестанно повторявшіяся нападенія эти приводятъ, наконецъ, мослимовъ, въ 624 г., къ первому серьезному столкновенію съ мекканцами, — къ знаменитому сраженію при Бедрѣ и — къ первой побѣдѣ ислама. Самъ пророкъ командовалъ здѣсь своими, но лично не вмѣшивался въ схватку и ограничилъ свое участіе въ ней тѣмъ, что бросилъ горсть песку въ ряды непріятельской арміи. Тѣмъ не менѣе пораженіе ея было полное, и мусульманскій фанатизмъ впервые показалъ здѣсь чудеса храбрости. Съ небольшимъ триста человѣкъ правовѣрныхъ разбили на голову тысячный корпусъ мекканцевъ, снабженный отличной кавалеріей. Значительная добыча и множество плѣнниковъ достались побѣдителямъ. Омаръ требовалъ казни всѣхъ взятыхъ на полѣ сраженія, но Мохаммедъ удовольствовался смертію только двухъ своихъ личныхъ враговъ, наиболѣе ему досадившихъ — Надра и Окбы. Прочіе были имъ впослѣдствіи освобождены.

Битва при Бедрѣ имѣла огромныя послѣдствія. Въ исходѣ ея Мохаммедъ увидѣлъ, наконецъ, исполненіе тѣхъ угрозъ и пророчествъ о близкомъ наказаніи корайшитовъ, которые такъ долго ос-

тавались безъ послѣдствій. Три тысячи ангеловъ, по словамъ его, ниспосланы были Богомъ на помощь мослимамъ. Упоеніе успѣха, приманка добычи и религіозный энтузіазмъ окончательно овладѣли ансарами.

Въ Медину пророкъ воротился уже полновластнымъ повелителемъ города. Первое, для чего онъ воспользовался своимъ новымъ могуществомъ, было тайное умерщвленіе нѣкоторыхъ мединскихъ вольнодумцевъ, оспаривавшихъ его божественный и гражданскій авторитетъ. Каабъ, Абу-Афакъ, Асма, осмѣивавшіе исламъ въ своихъ сатирическихъ пѣсняхъ, были убиты, по его приказанію. Затѣмъ очередь дошла и до ненавистныхъ евреевъ. Два іудейскія племени, населявшія ятрибскую область, Надиръ и Кайнока, были изгнаны въ Сирію, а третье — Карайтца, сдавшись на милость побѣдителя, истреблено. Мужчины, числомъ шестьсотъ, преданы казни, женщины и дѣти розданы въ рабство мослимамъ. Наконецъ, завоеваніемъ неприступнаго Хейбара въ 628 г. окончательно сломлено іудейское могущество въ Аравіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраненъ самый опасный соперникъ и самый неумолимый врагъ торжествующаго ислама.

Между тѣмъ грабежныя экскурсіи противъ мекканскихъ каравановъ продолжались и, какъ по этимъ побужденіямъ, такъ и въ отмщеніе за бедрское пораженіе, корайшиты, обезпечивъ себя надежными союзами съ сосѣдними бедуинскими племенами, уже въ началѣ 625 года, собрали противъ Мохаммеда десятитысячную армію, съ Абу-Софіаномъ во главѣ; но и въ этомъ походѣ не видно еще полнаго сознанія опасностей грозившихъ торговлѣ и самой независимости Мекки и ея союзниковъ отъ возрастающей силы Мохаммеда. Всѣ мѣры приняты были, правда, къ пріобрѣтенію успѣха, — составлена сильная кавалерія, организованы продовольственные караваны, корайшитскія жены находились при войскѣ и своими пѣснями одушевляли солдатъ. „Дочери ночныхъ звѣздъ, пѣли онѣ на походѣ, — на мягкихъ ложахъ, мы ждемъ побѣдителей въ объятія и съ ненавистью оттолкнемъ бѣглецовъ“.

Съ своей стороны, пророкъ, при всѣхъ усиліяхъ, могъ выставить въ поле только три тысячи воиновъ.

Встрѣча произошла у горы Оходъ, недалеко отъ Медины. Не смотря на одушевляющія предсказанія своего вождя, мослимы потерпѣли здѣсь огромный уронъ и въ безпорядочномъ бѣгствѣ воротились въ городъ. Самъ Мохаммедъ былъ раненъ, но самоотверженные ансары выручили его изъ дальнѣйшей опасности. Одинъ

изъ нихъ помѣнялся съ пророкомъ оружіемъ и панцыремъ, такъ-что тотъ могъ, неузнанный, ускользнуть съ поля битвы. Десятая часть сражавшихся мослимовъ осталась однако на мѣстѣ. Въ дикомъ упоеніи торжества корайшиты долго еще ругались надъ трупами. Ихъ жены отрѣзывали носы и уши убитыхъ и дѣлали изъ нихъ себѣ ожерелья, а Гиндъ, жена Абу-Софіана, вырвала сердце Гамзы, павшаго дяди пророка, и терзала его зубами.

Но дальнѣйшихъ существенныхъ выгодъ изъ своего успѣха мекканцы не извлекли никакихъ. Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться ошеломленіемъ врага, идти на Медину и окончить походъ взятіемъ города и, быть можетъ, самого пророка, они удовольствовались безплодной побѣдой и, назначивъ Мохаммеду новую встрѣчу при Бедрѣ, возвратились домой. По бедуинскимъ понятіямъ, цѣль войны была вполнѣ достигнута, т. е. смерть павшихъ при Бедрѣ отмщена.

Въ слѣдующемъ году, однако, Мохаммедъ не рѣшился на новое сраженіе, но за-то укрѣпился, вопреки арабскому обычаю, окопами и рвами въ самой Мединѣ. Такая неожиданная система обороны очень озадачила Абу-Софіана, по обѣщанію, явившагося съ большими силами. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній на городъ, онъ потерялъ терпѣніе и опять ни съ чѣмъ ушелъ во-свояси. А два года спустя, самъ Мохаммедъ, управившись съ мединскими евреями, отважился уже предпринять полувоинственный-полурелигіозный походъ на Мекку; но на этотъ разъ дошелъ только до Ходайбіи, лежащей на границѣ священной области. Здѣсь корайшиты предложили ему десятилѣтнее перемиріе на основаніи взаимнаго признанія правъ, интересовъ и культовъ договаривавшихся сторонъ.

Но такая сдѣлка не могла продолжаться долго. Меккапцы не могли равнодушно смотрѣть, какъ Мохаммедъ, опираясь на преданное и фанатизированное имъ войско, одно за другимъ подчинялъ исламу и своей власти окрестныя племена; у пророка же была теперь одна цѣль — завоеваніе Мекки. При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, уже въ 630 году дѣло дошло до войны. Какъ быстро возрасла за это короткое время сила Мохаммеда — можно видѣть изъ того, что къ Меккѣ шло теперь десятитысячное войско, состоявшее, большею частію, изъ номадовъ, подчинившихся исламу. Ядро его составляли непобѣдимые ансары и мохаджиры. Въ виду такого грознаго непріятеля, всякое сопротивленіе было бы безполезно. Корайшиты, оставленные своими союзниками-бедуинами, поняли это и сдались на милость врага столь многихъ лѣтъ. Абулъ-

Аббасъ, дядя пророка, и Абу-Софіанъ, злѣйшій антагонистъ его, первые приняли исламъ. Затѣмъ послѣдовалъ торжественный въѣздъ Мохаммеда въ священный городъ. Сидя на верблюдѣ, семь разъ объѣхалъ онъ, по древнему обычаю, каабу, привѣтствуя жезломъ своимъ черный камень, вошелъ потомъ въ самый храмъ съ словами—нѣтъ Бога кромѣ Аллаха!—и тотчасъ велѣлъ очистить святилище отъ идоловъ, его наполнявшихъ. Но насильственныхъ сценъ почти не было. Торжествующій пророкъ велъ себя чрезвычайно умѣренно, объявилъ всеобщую амнистію и только десять человѣкъ самыхъ заклятыхъ враговъ ислама были изъ нея изъяты. Но даже изъ этихъ немногихъ нѣкоторые были прощены, другіе бѣжали, трое же были дѣйствительно казнены.

Конечно, это обращеніе корайшитовъ было далеко неискреннее. Они просто уступили силѣ. Но для пророка такъ дорого было признаніе этихъ передовыхъ людей аравійскаго міра, что онъ не только удовольствовался ихъ наружной покорностью, но всячески старался задобрить ихъ и, впослѣдствіи, при раздѣлѣ добычи, какъ и въ другихъ случаяхъ, отдавалъ имъ даже предпочтеніе передъ самими махаджирами и ансарами, которымъ обязанъ былъ всѣмъ. Мохаммедъ и здѣсь показалъ себя тою слабою натурой, которая готова заискивать и преклоняться передъ всякою силой, и — передъ враждебною еще болѣе, чѣмъ передъ дружественной.

Если Мохаммедъ когда-нибудь сомнѣвался въ своемъ призваніи, то уже одно завоеваніе Мекки должно было наполнить его самою твердою увѣренностію. Такое счастіе ему самому могло показаться чудомъ. Восемь лѣтъ назадъ, гонимый и беспомощный бѣглецъ, вступалъ онъ теперь тріумфаторомъ въ отечественный городъ во главѣ такой военной силы, какой Аравія никогда еще не видала въ стѣнахъ своихъ. Всѣ сомнѣнія, всѣ противорѣчія замолкли, и самые злѣйшіе враги склонили передъ нимъ голову. Отъ всей души, надо думать, приносилъ онъ теперь въ каабѣ свою благодарственную молитву Аллаху: „ты исполнилъ свои обѣтованія, даровалъ рабу твоему побѣду и обратилъ въ бѣгство язычниковъ!“. Какой самоувѣренностью, какимъ сознаніемъ величія долженъ былъ проникнуться онъ послѣ испытаннаго торжества!

Но гдѣ-же разгадка этого изумительнаго успѣха? Одни ансары и мохаджиры, при всей ихъ преданности и всѣхъ чудесахъ боевого мужества, очевидно, уже по одной малочисленности, не могли бы его доставить исламу, если-бы здѣсь не замѣшался и не пришелъ

*

на помощь болѣе общій интересъ всей страны, особенно — степныхъ, бедуинскихъ ея племенъ.

Мы знаемъ уже, какъ сначала сама нужда толкнула Мохаммеда на путь войны, какъ нищіе эмигранты грабежемъ должны были добывать себѣ пропитаніе. Но вотъ является добыча, а съ нею — довольство и почетъ. Міръ полудикихъ номадовъ, въ которомъ вращались эти первые мослимы, былъ слишкомъ чувствительной средой къ подобнаго рода приманкамъ. Удача одного, служа примѣромъ для многихъ, стала притягивать къ счастливымъ авантюристамъ все больше и больше силъ изъ окрестныхъ пустынь. Правда, что въ патріархальномъ быту насиліе значительно сдерживается племенными и кровными узами, но исламъ, во имя новой духовной связи, освобождалъ араба и отъ этой узды. А если мы вспомнимъ еще инстинктивную ненависть кочевника къ осѣдлому жителю, особенно къ богатому горожанину, то поймемъ — почему усилія Мохаммеда, направленныя противъ корайшитовъ, нашли такое усердное содѣйствіе со стороны бедуиновъ. Прежде еще удерживалъ ихъ страхъ и уваженіе къ мекканскимъ святынямъ, но бедуинъ-мусульманинъ не считалъ себя связаннымъ даже и этимъ чувствомъ. Исламъ, по своей простотѣ, есть, по преимуществу, религія номадовъ, и торжество его въ 630 году было вмѣстѣ какъ-бы реакціей степныхъ, бедуинскихъ элементовъ противъ мекканскихъ корайшитовъ, этихъ главнѣйшихъ представителей осѣдлой, городской жизни страны.

За Мохаммеда была, такимъ образомъ, сама сила вещей, и ему, конечно, принадлежитъ та заслуга, что онъ съумѣлъ ею воспользоваться; но едва-ли можно предположить, чтобъ онъ заранѣе оцѣнилъ важность такого содѣйствія и преднамѣренно шелъ къ нему. Такъ-же точно и въ дѣлѣ обособленія ислама обязанъ онъ былъ больше всего обстоятельствамъ. Необходимость заставила его начать истребительную борьбу съ іудействомъ. Та-же необходимость привела его къ разрыву и съ христіанствомъ. Безсильный изгнанникъ, онъ сначала старался подладиться и къ христіанамъ, — ввелъ, по примѣру ихъ, сорокадневный постъ между мослимами, установилъ всенощныя бдѣнія, готовъ былъ видѣть въ личности Спасителя какого-то гностическаго деміурга. Дѣлалъ онъ это частію изъ угожденія своему покровителю неджаши, частію — чтобъ пріобрѣсть опору и добиться признанія хоть отъ этихъ послѣдователей „писаннаго закона“. Когда же эти разсчеты не исполнились, и „насара“

т. е. христіане и не думали отказываться отъ своей вѣры, когда положеніе его въ Мединѣ улучшилось и онъ подпалъ вліянію національныхъ бедуинскихъ элементовъ, отъ которыхъ теперь зависѣлъ, — то стали измѣняться и его отношенія къ христіанамъ. Уже тотчасъ послѣ бедрской побѣды началъ онъ отдѣляться отъ нихъ въ обычаяхъ, сократилъ постъ, перенесъ его на мѣсяцъ Рамаданъ, и безъ того считавшійся у языческихъ арабовъ священнымъ, объявилъ бдѣнія необязательными и подѣлалъ въ коранѣ перемѣны, невыгодныя для христіанскаго ученія; божественность же Іисуса Христа сталъ прямо называть богохульствомъ. Наконецъ неудачныя приглашенія къ исламу, еще въ 628 году, отправленныя имъ къ государямъ окрестныхъ странъ, и между прочимъ — къ императору Ираклію, его намѣстникамъ въ Сиріи и Египтѣ и къ абиссинскому негусу, окончательно охладили его къ христіанамъ. Какъ ни разукрасили мусульманскіе традиціонисты эффектъ этихъ посланій при иностранныхъ дворахъ, въ сущности они не имѣли никакого успѣха. Изъ политическихъ видовъ, посланцевъ, правда, обласкали и надѣлили подарками, но отовсюду получены были уклончивые отвѣты. Мохаммедъ понялъ тогда, что исламъ можетъ и долженъ быть только національной арабской религіей, и еще тѣснѣе примкнулъ къ древнимъ религіознымъ обычаямъ страны. Милостыня, омовеніе, дзикръ, пилигримство въ Мекку и другія учрежденія новаго культа взяты имъ прямо изъ этихъ обычаевъ. Въ другія земли и къ чужимъ народамъ, по мысли Омара, исламъ мечемъ проложитъ себѣ дорогу.

Изъ такого національнаго поворота въ религіозныхъ идеяхъ пророка естественно вытекала мысль о покореніи всей Аравіи. Только оружіемъ можно было заставить многочисленныя отдѣльныя племена, населяющія полуостровъ, отказаться отъ своихъ мѣстныхъ культовъ, такъ-какъ культы эти тѣснѣйшимъ образомъ связаны были съ ихъ политической независимостью. Уже до завоеванія Мекки начато было дѣло распространенія ислама между бедуинами центральной Аравіи, Неджида и Іемамы, этого исконнаго отечества самой чистой арабской расы, — дѣло тѣмъ болѣе трудное, что въ Іемамѣ былъ собственный пророкъ, извѣстный у арабскихъ историковъ подъ насмѣшливымъ прозвищемъ „Мозайлимы“, т. е. мусульманчика. О сущности его ученія очень мало извѣстно, такъ-какъ благочестивые традиціонисты съ умысломъ старались стереть или исказить память этого соперника Мохаммеда; но Шпренгеръ

думаетъ, что онъ тоже проповѣдывалъ монотеизмъ, а по нравственнымъ идеямъ стоялъ едва-ли не выше мединскаго пророка. Далѣе извѣстно, что между двумя пророками шли долго какіе-то переговоры и что Мозайлима въ такомъ только случаѣ соглашался принять исламъ, если Мохаммедъ назначитъ его своимъ преемникомъ. Послѣдній, по мнѣнію Шпренгера, даже согласился и на это условіе, лишь-бы только быть признаннымъ могущественными соплеменниками Мозайлимы, могшими выставлять въ поле сорокъ тысячъ вооруженныхъ людей. По смерти Мохаммеда они дѣйствительно и потребовали исполненія этого договора, и когда мослимы, по настоянію Омара, отказали въ немъ, возстали противъ провозглашеннаго калифомъ Абу-Бекра, вмѣстѣ съ многими другими арабскими племенами, отпавшими тогда отъ ислама. Вопросъ, конечно, шелъ уже не столько о религіи, сколько о томъ — корайшиты ли, или племена іемамскія будутъ господствующими въ Аравіи; но въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьба оставалась нерѣшенною, не смотря на все напряженіе мохаммеданскихъ силъ. Съ такимъ соперникомъ нужно было дѣйствовать съ величайшею осторожностью и, прокладывая путь исламу въ центральную Аравію, пророкъ не скупился на снисхожденія, хотя и неизвѣстно съ точностію, въ чемъ именно состояли его уступки.

Послѣ 630 года, вслѣдъ за покореніемъ священнаго города, исламъ выросъ до степени первой въ Аравіи политической силы, и уже непосредственно изъ Мекки Мохаммедъ направилъ завоевательный походъ на югъ противъ Таифа, одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ и стратегическихъ пунктовъ южнаго прибрежья, и противъ союзныхъ съ нимъ сильныхъ гаваззинскихъ племенъ. Укрѣпленный Таифъ на этотъ разъ устоялъ и впослѣдствіи покорился только на особыхъ, очень выгодныхъ для мѣстной самостоятельности условіяхъ; но десяти-тысячное гаваззинское ополченіе было разсѣяно, и торжествующіе мусульмане впервые внесли оружіе въ счастливую Аравію до самыхъ предѣловъ химіаритской области. Огромную добычу — шесть тысячъ дѣтей и женщинъ, двадцать четыре тысячи верблюдовъ, сорокъ тысячъ овецъ и четыре тысячи унцовъ серебра, — принесли они съ собой изъ одной этой экспедиціи. Можно судить, слѣдовательно, какія сокровища стекались теперь въ руки пророка и какъ легко было ему, одною приманкою обогащенія, привлекать къ себѣ все большую и большую массу приверженцевъ. Въ началѣ слѣдующаго 631 года онъ могъ уже

вооружить тридцати-тысячную армію для похода къ сирійской границѣ. Плодомъ его было покореніе сѣверно-аравійскихъ племенъ, состоявшихъ, большею частію, въ зависимости отъ имперіи и отчасти управлявшихся византійскими намѣстниками. Въ то-же время и области, прилежащія персидскому заливу — Бахрейнъ и Оманъ, покорились исламу, вмѣстѣ съ тѣмъ свергнуто было и персидское владычество въ этихъ мѣстахъ. Позже другихъ приняла исламъ языческая часть населенія южно-аравійскаго Ниджрана и полудикіе кочевники Хадрамаута. Къ концу 631 года почти вся Аравія была уже во власти Мохаммеда.

Непонятнымъ показаться можетъ, какъ въ такое неимовѣрно-короткое время могло совершиться это обращеніе и покореніе нѣсколькихъ десятковъ воинственныхъ племенъ, выше всего на свѣтѣ дорожившихъ своею дикою волей. Но не надо забывать, что, во множествѣ случаевъ, это была одна номинальная зависимость, какъ и номинальное же принятіе ислама. Мохаммедъ довольствовался обыкновенно наружнымъ признаніемъ его авторитета и силы его религіи. Въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ появились его намѣстники и сборщики податей; въ другихъ дѣло ограничивалось присутствіемъ его комиссаровъ, наблюдавшихъ за племенною администраціей; владѣтельные шайхи, гдѣ они были, остались тоже при своихъ прежнихъ правахъ. Какъ нецеремонно относились эти послѣдніе къ новому властелину, появившемуся въ Аравіи, показываетъ примѣръ одного знатнаго эмира изъ племени тамимитовъ, тоже приглашенныхъ пророкомъ къ принятію ислама. „Каково будетъ мое положеніе и мои права, по принятіи новой религіи?“ — спросилъ гордый бедуинъ. „Тѣ-же, какъ и другихъ правовѣрныхъ“, отвѣчалъ пророкъ. „А я думалъ, что мы раздѣлимъ власть съ тобой такъ, чтобъ ты управлялъ городами, а я номадами, — иначе я не согласенъ принять твою вѣру“, замѣтилъ эмиръ и съ тѣмъ уѣхалъ домой. Другіе выговорили себѣ свободу отъ податей, или отъ нѣкоторыхъ предписаній корана, а такифиты потребовали даже права въ теченіи трехъ лѣтъ покланяться своему племенному идолу Латъ, послѣ чего обязались приступить къ новой религіи. Мохаммедъ соглашался почти на все, желая, такъ или иначе, добиться признанія всей Аравіи. Очень естественно, что, при такомъ характерѣ пропаганды, милліоны людей только по имени сдѣлались мослимами; въ собственной арміи пророка солдаты едва знакомы были только съ начальною формулою корана — „во имя Ал-

лаха, милосердаго Рамана". Племена просто находили для себя выгоднымъ, не неся почти никакихъ обязанностей, кромѣ поставки военныхъ контингентовъ, стать подъ защиту могущественнаго ислама. Депутаціи ихъ являлись обыкновенно въ Медину и здѣсь вели съ пророкомъ формальные переговоры объ условіяхъ, на которыхъ согласны были приступить къ новой вѣрѣ. Ихъ поэты и кагины вступали при этомъ въ состязаніе съ Мохаммедомъ, или его приближенными, и окончательное рѣшеніе нерѣдко зависѣло отъ исхода подобныхъ преній. Наконецъ, были племена, которыя не поддались ни на какія приманки и остались при древней независимости. Съ такими пророкъ охотно заключалъ договоры о взаимномъ нейтралитетѣ, но, при первомъ удобномъ случаѣ, нарушалъ ихъ и шелъ на нихъ войною, оправдывая въ коранѣ свое вѣроломство тѣмъ, что съ язычниками не можетъ быть никакихъ серьезныхъ нравственныхъ обязательствъ. Вообще, для достиженія цѣли, т. е. ради довершенія пропаганды, Мохаммедъ не отступалъ ни передъ какими безнравственными мѣрами. Подарками и большими денежными суммами подкупалъ онъ вліятельныхъ людей разныхъ мѣстностей, осыпалъ золотомъ Абу-Софіана и корайшитскую знать, чтобъ только зажать ей ротъ, безсовѣстно измѣнялъ смыслъ прежнихъ откровеній, приноравливая ихъ къ новымъ потребностямъ и интересамъ минуты. Мусульманскіе эгзегеты насчитываютъ до двухъсотъ двадцати пяти противурѣчій въ коранѣ, т. е. двѣсти двадцать пять разъ пророкъ принужденъ былъ исправлять свои ошибки, уничтожать, интерполировать или передѣлывать текстъ его въ разныхъ мѣстахъ. Самый грубый обманъ, или самые неблаговидные извороты нисколько не затрудняли его уже въ это время. На походѣ къ Бедру, напримѣръ, онъ объявилъ, будто-бы вслѣдствіе полученнаго откровенія, что силы корайшитовъ совершенно ничтожны, когда же оказалось, что онѣ, по-крайней-мѣрѣ, втрое превосходили войско мослимовъ, оправдывался тѣмъ, что Богъ съ умысломъ ниспослалъ ложное извѣстіе, чтобъ поддержать духъ правовѣрныхъ. Предсказанія его о побѣдѣ при Оходѣ тоже не сбылись, и пророкъ опять извернулся подобнымъ-же объясненіемъ. Наконецъ, въ высшей степени характерно его поведеніе во время сборовъ къ сирійской экспедиціи. Для снаряженія арміи потребовались огромныя денежныя средства и, чтобъ побудить богатыхъ друзей своихъ къ пожертвованіямъ, Мохаммедъ прощалъ имъ грѣхи, не только прошедшіе, но и будущіе. Куда ни посмотримъ,

словомъ, вездѣ видимъ мы теперь теократа, не останавливающагося ни предъ какими средствами для удовлетворенія своему властолюбію.

Совокупнымъ дѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ — оружіемъ, обманомъ, подкупомъ, энтузіазмомъ, вѣрою, разсчетомъ, къ концу жизни пророка, составилась громадная всеарабская держава съ импровизованнымъ теократо-соціалистическимъ устройствомъ, съ правильнымъ сборомъ милостыни вмѣсто финансовъ, съ полудуховнымъ судомъ и администраціей, съ торговымъ правомъ, лежащимъ въ основаніи всего гражданскаго законодательства, съ фанатическимъ войскомъ, составлявшимъ главную опору ислама.

На-сколько лично самому Мохаммеду принадлежитъ заслуга и слава основателя этой державы, на это отвѣчаетъ Шпренгеръ слѣдующею оцѣнкой. „Не отрицая нисколько заслугъ Мохаммеда, я считаю, тѣмъ не менѣе грубою ошибкой приписывать основаніе ислама исключительно его генію. Самое поверхностное знакомство съ развитіемъ его ученія показываетъ, что на памяти его лежитъ множество непростительныхъ промаховъ, которые даютъ намъ право сомнѣваться если не въ его искренности, то, во всякомъ случаѣ, въ его отвагѣ, и которые очень затруднили его задачу. Такъ, онъ не осмѣлился вначалѣ открыто напасть на поклоненіе идоламъ и въ 616 году формально призналъ ихъ ходатаями предъ Богомъ, чѣмъ, поколебавъ многихъ изъ своихъ приверженцевъ, не удовлетворилъ, однакоже, и своихъ противниковъ. Идея о загробномъ возмездіи была, какъ извѣстно, мыслію, наполнявшею всю его душу. Но, вмѣсто того, чтобъ развить въ болѣе разумной формѣ древнеязыческія представленія объ этомъ вопросѣ, онъ проповѣдывалъ чуждую его соплеменникамъ теорію всеобщаго воскресенія мертвыхъ, и притомъ проповѣдывалъ ее въ довольно искаженномъ видѣ. Такъ-же точно вѣра его въ „небесную книгу“ и въ тожество всѣхъ вообще откровенныхъ религій сильно соблазняло его одно время не приписывать особаго значенія различію внѣшняго культа, если только предметомъ его было поклоненіе Аллаху. При всей возвышенности такого ученія, нельзя не видѣть, что оно крайне непрактично, и его религія непремѣнно затерлась бы, подобно многимъ прежнимъ попыткамъ, еслибы обстоятельства не принудили его дать ей исключительный національный характеръ. Далѣе, его усилія въ-особенности были направлены къ тому, чтобы добиться признанія евреевъ и христіанъ, между тѣмъ какъ опытъ показалъ, — и онъ долженъ былъ бы это предвидѣть, — что настоящій

кругъ его дѣйствія была языческая Аравія. Наконецъ, по его личному убѣжденію, смиреніе, робкая уступчивость и страхъ божій должны были бы составлять главныя добродѣтели правовѣрнаго, тогда какъ, напротивъ, сами фатально сложившіяся отношенія наполнили его духомъ предпріимчивости, воинственной отваги и самоотверженія, а безъ этихъ качествъ никогда бы исламъ не сдѣлался религіей завоевательныхъ азіатскихъ номадовъ. Короче, во всѣхъ сторонахъ его ученія, на-сколько онѣ были плодомъ его собственнаго духа, не могъ я открыть слѣдовъ ни оригинальности, ни генія, ни дальновиднаго разсчета. Духъ школы, изъ которой онъ вышелъ и подъ вліяніемъ которой оставался до конца своихъ дней, состоялъ въ аскетическомъ самоотверженіи и религіозной мечтательности; между тѣмъ какъ школа, которой онъ сдѣлался невольнымъ основателемъ, вся преисполнена была сознаніемъ силы и ясностію идей. Не ему, а практически сильнымъ мужамъ, подобнымъ Омару, Гамзѣ, Валиду, Абдъ-эль-Раману, и еще болѣе — напору внѣшнихъ условій, обязанъ исламъ своимъ побѣдоноснымъ полетомъ.... Главнымъ основаніемъ для поверхностныхъ почитателей пророка служатъ обыкновенно быстрыя побѣды, широкое распространеніе и долговѣчность проповѣданной имъ религіи. Правда, что еще при жизни его, вся Аравія обратилась къ его ученію; но за-то, тотчасъ-же послѣ его смерти, три четверти полуострова отпали отъ ислама, именно — вслѣдствіе его личныхъ ошибокъ. По своему неразумію и вопреки совѣтамъ своихъ друзей, покупалъ онъ признаніе вѣроломныхъ шайховъ, и теократическія мечты ослѣпили его на-столько, что онъ не замѣчалъ лицемѣрія обращенныхъ такими средствами племенъ. Если они приводили къ нему красивую женщину и привѣтствовали его пророкомъ божіимъ при обычномъ мусульманскомъ возгласѣ „саламъ алайкъ“ — соглашался онъ на уступки, которыя не могли имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ возстанія и измѣны. Только преемникъ его Абу-Бекръ принялъ уже тѣ мѣры, которыя Мохаммедъ могъ и долженъ былъ принять, чтобы не только наружно, но и дѣйствительно покорить Аравію. Безъ его энергическаго поведенія мохаммеданство исчезло бы съ лица земли, или же осталось бы незначительной сектой. При Омарѣ, наконецъ, который былъ уже душой и абу-бекрова правленія, разлились мослимы по Персіи, Сиріи и Египту и подчинили эти земли законамъ новой религіи. Омаръ, собственно, и есть основатель мусульманскаго могущества“.

На долю Мохаммеда остается, такимъ образомъ, роль орудія, избраннаго исторіей для совершенія судебъ своихъ. Но именно такимъ избранникамъ и удается совершить земное поприще, не безъ борьбы, конечно, неудачъ и противурѣчій съ личными убѣжденіями, но, въ концѣ концовъ, все-таки счастливо и благополучно. Онъ умеръ 8-го іюня 632 года, посреди полнаго успѣха своего дѣла. За три мѣсяца до смерти ему суждено было испытать величайшій тріумфъ, какой когда-либо выпадалъ въ удѣлъ человѣку. То было знаменитое прощальное пилигримство въ Мекку въ сопровожденіи необозримой процессіи мослимовъ, собравшихся ото всѣхъ предѣловъ Аравіи, чтобъ видѣть и привѣтствовать своего пророка и участвовать, подъ его руководствомъ, въ этомъ блестящемъ національномъ празднествѣ. Торжество это совершилось по всѣмъ древнимъ обычаямъ,—съ хожденіемъ вокругъ каабы, съ путешествіемъ въ долину Мины и Арафата, съ метаньемъ камешковъ въ хавръ или священные столбы, съ закланіемъ животныхъ въ честь Аллаха. Мохаммедъ съ особеннымъ благоговѣніемъ совершалъ всѣ церемоніи и собственноручно принесъ въ жертву шестьдесятъ три верблюда, по числу лѣтъ своей жизни. Мало того, онъ допустилъ даже, по окончаніи общихъ праздниковъ, нѣкоторыя особыя оваціи, въ воспоминаніе прежнихъ племенныхъ божествъ, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ, при учрежденіи новаго культа, превратилась въ служебныхъ ангеловъ божіихъ. Такимъ строгимъ и торжественнымъ выполненіемъ всѣхъ подробностей стародавняго обычая, пророкъ какъ-бы хотѣлъ наглядно показать, что основанная имъ вѣра есть только возстановленное и очищенное древне-арабское богопочитаніе,—религія ганифа Авраама, праотца аравійскихъ народовъ, строителя каабы и учредителя мекканскаго пилигримства. Это было полное примиреніе ислама съ историческими и мѣстными религіозными элементами и, сходя въ могилу, Мохаммедъ успѣлъ еще наложить на него эту послѣднюю національную печать.

Такъ, при самомъ уже концѣ своего поприща, послѣ долгихъ колебаній, тщетныхъ поисковъ и самыхъ разнообразныхъ опытовъ и ошибокъ, такъ сказать, ощупью, напалъ онъ, наконецъ, на единственный путь, который могъ упрочить за его культомъ сколько-нибудь несомнѣнную будущность.

Отнынѣ исламъ сдѣлается, по преимуществу, религіей завоевательныхъ азіатскихъ номадовъ и всей массы племенъ, подходящихъ къ нимъ по уровню общественнаго развитія. Въ своеобразной, прос-

той и общедоступной формѣ онъ познакомитъ ихъ, по выраженію Вейля, „съ нѣкоторыми лучшими ученіями ветхаго и новаго завѣта“, дастъ имъ понятіе о единомъ Богѣ, загробной жизни и основныхъ началахъ нравственности, внушитъ состраданіе къ рабу, уваженіе къ женщинѣ и посѣетъ межъ ними первыя сѣмена человѣчности и культуры. Но за-то исламъ же одушевитъ ихъ неодолимымъ воинственнымъ фанатизмомъ и ненавистью ко всему немусульманскому. „Сражайтесь съ невѣрными, пока всякое противодѣйствіе исчезнетъ, пока вѣра господня станетъ единственной религіей на землѣ“ — училъ пророкъ въ послѣдніе дни своей жизни, — и эта заповѣдь корана, такъ хорошо совпадающая съ естественными инстинктами полудикихъ кочевниковъ, произведетъ въ исторіи чудеса. Она сплотитъ разрозненныя и враждующія племена аравійскія въ одну великую націю и, послѣ баснословныхъ побѣдъ Омара, поведетъ ихъ въ Африку, Испанію, Синдъ и трансоксанскія земли. И долго еще потомъ, изъ степей средней Азіи, извергаться будутъ на образованный міръ потоки мусульманскихъ завоеваній; въ неудержимомъ разливѣ своемъ захватятъ они Константинополь и Индію и, еще девять вѣковъ спустя послѣ Мохаммеда, ихъ бранный кликъ — нѣтъ Бога кромѣ Аллаха! — раздастся у воротъ самой Вѣны.

IV.

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

РЫЦАРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ ЖЕНЩИНѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Рыцарское служеніе женщинѣ въ средніе вѣка.

I.

Говорить о средневѣковой культурѣ значитъ имѣть въ виду по преимуществу XII и XIII столѣтія, такъ-какъ въ это время западно-европейская жизнь отлилась въ тѣ своеобразныя формы, съ которыми потомство привыкло соединять понятіе о „среднихъ вѣкахъ“. Тогда только, къ эпохѣ крестовыхъ походовъ, общественные элементы, бывшіе такъ долго въ броженіи, окрѣпли и организовались на-столько, чтобы заслужить названіе цивилизаціи. И хотя каждое поколѣніе живетъ, конечно, для себя, часто не подозрѣвая и не думая, что оно вмѣстѣ строитъ ступень и для будущаго, но намъ, издали, теперь кажется, что вся предшествующая крестовымъ войнамъ эпоха была лишь подготовленіемъ настоящаго, въ тѣсномъ смыслѣ средневѣковаго быта, а вся послѣдующая, до самаго XVI вѣка, — его упадкомъ и разложеніемъ.

Намъ не для чего напоминать здѣсь черты этого оригинальнаго быта. Онѣ живы у каждаго въ памяти. Благодаря исторіи и историческому роману, особенно нашему общему наставнику Вальтеръ-Скотту, при имени среднихъ вѣковъ, въ воображеніи возникаетъ рядъ самыхъ опредѣленныхъ представленій о ленныхъ и корпоративныхъ отношеніяхъ, бывшихъ тогда единственными общественными связями между людьми, о могуществѣ и первенствующей роли церковной іерархіи, объ общей набожности вѣка, перехо-

дившей по-временамъ въ порывы фанатическаго аскетизма, но умѣвшей создать удивительные памятники религіознаго зодчества и вызвать плодовитые споры богослововъ-философовъ, — о силѣ и богатствѣ городовъ съ ихъ крѣпкими стѣнами и массивными мюнстерами, съ ихъ промышленнымъ духомъ, веселыми празднествами и воинственнымъ одушевленіемъ юности, но въ-особенности — о блескѣ и славѣ рыцарства, какъ избраннаго, передового сословія общества. Замки, турниры, феды, миннезенгеры и трубадуры, поклоненіе женщинѣ и этикетальная жизнь дворовъ, — кому не знакомы эти картины?

Но со временъ Вальтеръ-Скотта и романтиковъ, Сентъ-Пале и Бюшинга, Гизо, Тьерри и Эйхгорна, положившихъ начало научной разработкѣ средневѣковой исторіи, представленія эти измѣнились во многомъ. Утративъ нѣсколько прежней идеальности и поэтическаго блеска, они за-то выиграли въ отношеніи достовѣрности и правды. Не говоря уже о политической сторонѣ эпохи, даже культурныя ея краски начинаютъ являться теперь уже въ иномъ видѣ. Труды и изслѣдованія Вейнгольда, Фальке, Шерра, Риля и другихъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и въ этомъ отношеніи пролили въ послѣднее время много новаго свѣту, представивъ въ болѣе истинномъ видѣ внутренній и частный бытъ тѣхъ временъ, семейную жизнь, юридическое и нравственное положеніе женщины и то пресловутое поклоненіе или служеніе дамамъ, которое составляетъ характернѣйшую особенность тогдашняго общества. Впереди другихъ стоятъ здѣсь ученыя заслуги Карла Вейнгольда, сочиненіе котораго — „о средневѣковыхъ женщинахъ“, по основательности и полнотѣ документальнаго изслѣдованія, далеко превосходитъ все, что было писано прежде объ этомъ предметѣ. Для русской публики, можетъ быть, не безъинтересно будетъ познакомиться ближе съ результатами этихъ новыхъ пріобрѣтеній науки, тѣмъ болѣе, что чужія и по-видимому далекія учрежденія и порядки эти не совсѣмъ однакожъ прошли безъ вліянія и для насъ, оставивъ и въ нашей жизни нѣкоторые, хотя слабые, отголоски съ того времени, какъ мы стали участниками общеевропейскаго образованія.

Что касается насъ лично, то только выяснивъ себѣ надлежащимъ образомъ общій соціальный фонъ времени, надѣемся мы сдѣлать исторически понятнымъ лицо, составляющее предметъ настоящаго очерка. Прежде всего — нѣсколько словъ о положеніи женщины въ средѣ средневѣковаго рыцарства и о происхожденіи самаго обычая „дамской службы“.

II.

Представленіе, будто-бы высокія права и значеніе женщины принесены были германцами на почву классическаго міра, обязано своимъ происхожденіемъ, съ одной стороны, авторитету Тацита, а съ другой—вліянію романтиковъ начала нынѣшняго вѣка. Историческая литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ относилась къ нему еще довольно довѣрчиво, пока въ наше время болѣе близкое знакомство съ памятниками, особенно юридическими, не доказало, какъ много было идеализаціи въ отрывочныхъ свидѣтельствахъ знаменитаго автора „Германіи“, а тѣмъ болѣе въ поэтическихъ образахъ романтиковъ. Пересмотрѣвъ и сличивъ „варварскіе законы“ франковъ, готовъ, бургундовъ, саксовъ, лонгобардовъ, исландцевъ и другихъ германскихъ племенъ, какъ переселившихся на римскія земли, такъ и тѣхъ, которыя остались внѣ этого движенія, Вейнгольдъ пришелъ къ заключенію, далеко не оправдывающему прежняго преувеличеннаго мнѣнія о высокой общественной роли германской женщины.

Не говоря уже о древнѣйшемъ времени, когда отцу семейства предоставлено было право непризнанія и даже умерщвленія больныхъ, уродливыхъ и лишнихъ дѣтей, —право чаще всего тяготѣвшее надъ дѣвочками, какъ менѣе полезными членами семейства, —даже въ сравнительно позднѣйшихъ вѣкахъ, въ VII, VIII и даже IX столѣтіи, положеніе и права германской женщины слабо обезпечивались закономъ. Основной принципъ древне-германскаго законодательства, что только тотъ пользуется гражданскою и политическою полноправностью, кто въ состояніи нести всѣ обязанности въ отношеніи къ общинѣ, прямо исключалъ женщину, какъ лицо, не могущее владѣть оружіемъ, изъ преимуществъ этой полноправности, а слѣдовательно, и изъ права владѣть земельною собственностью. Она является участницей только въ движимомъ наслѣдствѣ послѣ родителей; но даже и этимъ имуществомъ не можетъ располагать произвольно. Какъ неполноправный членъ общины, въ теченіи всей своей жизни она подчинена безвыходной опекѣ, сначала отца, въ случаѣ смерти отца — брата или старшаго родственника въ отцовскомъ колѣнѣ, а потомъ — мужа. Даже въ-случаѣ вдовства не пользуется она свободой, состоя до новаго замужства, или до смерти, въ опекѣ мужскихъ родственниковъ покойнаго. Только съ теченіемъ

времени, вліяніе церкви и римскаго права мало-по-малу измѣнило эти зависимыя отношенія и подняло женщину въ гражданскомъ смыслѣ по-крайней-мѣрѣ на-столько, что, подъ извѣстными условіями и ограниченіями, ей было предоставлено право владѣнія землей въ случаѣ недостатка прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ. Понятно, что при такомъ незавидномъ юридическомъ положеніи не могло быть и рѣчи о какой-либо свободѣ выбора при замужствѣ. Какъ и въ нашемъ древне-русскомъ быту, переговоры о бракѣ молодыхъ людей шли исключительно между ихъ семействами; какъ и у насъ, дѣвушку „отдавали“ замужъ. Соображенія взаимной симпатіи, склонности или привязанности рѣдко входили въ разсчетъ договаривающихся, не всегда занимали даже и вступающихъ въ бракъ. Мужчина просто пріобрѣталъ жену и хозяйку, дѣвушка — покровителя и большую степень самостоятельности въ домашнемъ хозяйствѣ. Были, конечно, исключенія, какъ бываютъ они вездѣ, но мы беремъ здѣсь среднюю норму, или господствующій порядокъ. Въ виду такихъ условій, бракъ является чисто гражданскимъ актомъ. Самая дѣйствительность его обусловливается тѣмъ, совершенъ ли онъ законными опекунами новобрачныхъ. Молодыхъ, правда, спрашивали при совершеніи обряда, согласны ли они принадлежать другъ другу, но это была одна пустая форма, такъ-какъ, въ случаѣ отказа со стороны невѣсты, отецъ, или кто заступалъ его мѣсто, имѣлъ законное право ее принудить... Вся довольно сложная процедура сватовства, при помощи разныхъ посредниковъ, состояла почти исключительно въ опредѣленіи имущественныхъ условій. Сколько женихъ долженъ заплатить выкупа родственникамъ невѣсты (Brautkauf), какъ велико будетъ ея приданое, въ чемъ должны состоять подарки новобрачной (Morgengabe) и ея роднымъ — вотъ о чемъ думали и говорили при сватовствѣ. Самый актъ женитьбы долгое время, даже въ юридическомъ языкѣ, обозначался грубымъ терминомъ „sich eine Frau kaufen“.

Таковы были порядки древнѣйшаго времени. Но немногимъ стало лучше положеніе женщины и позже, когда, съ IX вѣка, развилась и вошла въ силу, въ Германіи и въ западной Европѣ, система ленныхъ отношеній. Вся разница состояла въ томъ, что теперь право располагать рукою женщины пріобрѣтаютъ большею частію сеніоры, или поземельные владѣльцы. А къ какимъ злоупотребленіямъ подавало поводъ это право въ рукахъ полудикихъ династовъ — объ этомъ исторія слишкомъ полна отвратительныхъ воспоминаній.

Матеріальный, или по-крайней-мѣрѣ, чисто гражданскій характеръ супружескаго союза выражался и въ самыхъ обрядахъ, сопровождавшихъ его заключеніе. Мы напомнимъ здѣсь только извѣстный обычай восхожденія на свадебное ложе въ присутствіи родныхъ и свидѣтелей, считавшійся неотъемлемою принадлежностію всякаго законнаго брака.

Человѣческое чувство, свободный голосъ сердца, вѣчно присущій нашей природѣ, по-временамъ возмущались и тутъ противъ насилій. Протестъ выражался въ похищеніяхъ невѣстъ, такъ часто случавшихся въ средніе вѣка; но законъ, вѣрный своему основному воззрѣнію на женщину, какъ на собственность рода или семейства, неумолимо преслѣдовалъ преступленіе, одинаково угрожая смертію какъ похитителю, такъ и похищенной, и только въ немногихъ случаяхъ замѣняя казнь окупомъ или вирой.

Но вотъ дѣвушка становится женой и вступаетъ въ чужую семью. Чрезъ это она не пріобрѣтаетъ однако-же ни большей самостоятельности, ни новыхъ правъ. Напротивъ, древне-германскій законъ отдаетъ ее почти въ безотвѣтственную собственность мужа, что, впрочемъ, и совершенно логично, такъ-какъ человѣкъ, купившій себѣ жену, имѣетъ полное право смотрѣть на нее, какъ на собственность. Въ полуварварскія до-христіанскія времена мужъ дѣйствительно и пользовался такимъ правомъ. Онъ могъ подарить, продать свою жену, отказать ее кому-нибудь въ наслѣдство, совершенно такъ-же, какъ и всякое другое имущество. Законъ и общій обычай признавалъ его полнымъ повелителемъ и господиномъ ея личности и достоянія. Не только бить и наказывать, но даже убить жену, въ чемъ-нибудь провинившуюся, считалось дѣломъ совершенно законнымъ. Убійца отвѣчалъ только передъ своею совѣстію, да передъ родственниками своей жертвы, въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго наказанія. Общественная власть въ это дѣло не входила и не вмѣшивалась. Прежде всего, конечно, мужъ имѣлъ право требовать отъ жены повиновенія и вѣрности супружескому долгу, нарушеніе котораго сопровождалось для виновной самыми гибельными послѣдствіями. Самое меньшее, что ее ожидало, это — позорное изгнаніе изъ дому и лишеніе имущества. Но, караемая такъ строго за всякое уклоненіе отъ семейныхъ обязанностей, жена однако же не имѣла обратнаго права — требовать вѣрности и отъ мужа. Послѣдній могъ открыто держать въ домѣ наложницъ; богатые же позволяли себѣ просто многожен-

ство. Въ виду такихъ ужасныхъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ законодательными и другими памятниками времени, какъ сильно должны поблѣднѣть идиллическіе разсказы Тацита о чистотѣ семейныхъ нравовъ германскихъ!

Такъ было въ древнія, языческія времена. Христіанство, болѣе человѣчный духъ римскаго права, вообще успѣхи образованія, съ теченіемъ времени, смягчили, конечно, во многомъ эти дикія отношенія. Но какъ глубоко коренились они въ крови и понятіяхъ народа, показываетъ вся послѣдующая исторія. Мало того, отголоски ихъ слышны даже въ нынѣшней организаціи семейнаго быта въ Германіи, гдѣ женщина, при всей полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ, при всѣхъ внѣшнихъ знакахъ уваженія общественнаго, и теперь еще не достигла моральнаго равенства съ мужчиной, слишкомъ склоннымъ смотрѣть на жену не какъ на друга, помощника и спутника жизни, а просто какъ на хозяйку своего дома. Тысячу лѣтъ назадъ, въ до-феодальной и феодальной Германіи женщина играла такую-же роль. Только законъ менѣе обезпечивалъ ея личность и гражданское положеніе, да формы общежитія были грубѣе; но и тогда такъ-же точно управляла она домашнимъ хозяйствомъ и завѣдывала дворовыми и полевыми работами, тогда какъ мужъ проводилъ время на войнѣ и охотѣ, или же въ праздномъ домашнемъ покоѣ за кружкой вина, да за игрой въ кости. Интересы, его занимавшіе, были совершенно чужды и недоступны женѣ, такъ точно и на-оборотъ. Оставалась одна физическая и экономическая связь, которая дѣйствительно и была единственнымъ основаніемъ брачной четы. Грубый, полупьяный, невѣжественный, не признававшій надъ собою почти никакой власти, выросшій среди лошадей и оружія, владѣлецъ бурга, конечно, не отличался кротостью нрава и мягкостью обращенія. „Mein eheliches Gemahel, meine liebe Husfrowe“, — моя законная жена, моя милая хозяйка — были, быть-можетъ, единственными ласками, на которыя онъ былъ способенъ въ веселыя и счастливыя минуты. Но спрашивается, что могло сдержать порывы неукротимаго гнѣва и дикаго произвола подобнаго человѣка въ его домашнемъ быту, гдѣ и право и сила — все было на его сторонѣ? А если мы прибавимъ къ этому совершенное отсутствіе общества, потому что, при недостаткѣ или небезопасности дорогъ, никто не выѣзжалъ изъ дому безъ крайней нужды, то это дополнитъ намъ ту печальную обстановку, среди которой протекала жизнь германской женщины въ до-рыцарскіе вѣ-

ка. Гдѣ же то высокое развитіе семейной жизни, будто бы совершившееся въ западной Европѣ, благодаря феодальнымъ замкамъ и ихъ порядкамъ, о которомъ когда-то такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ Гизо и другіе историки прошлыхъ десятилѣтій?

Конечно, представленная здѣсь картина, можетъ быть, слишкомъ мрачна и одностороння, и жестокость законодательныхъ постановленій относительно женщины не всегда служитъ доказательствомъ, что и въ самой жизни господствовала такая-же жесткость и грубость. Нѣмецкіе историки, не исключая и наиболѣе безпристрастнаго Вейнгольда, любятъ говорить о томъ, что здравый народный смыслъ и свойственное германской натурѣ гуманное чувство дѣлали семейныя узы гораздо болѣе пріятными и легкими, нежели какъ это можетъ казаться, судя по юридическимъ кодексамъ эпохи. Однако масса страшныхъ легендъ, и теперь еще гнѣздящихся въ безчисленныхъ развалинахъ бурговъ и замковъ феодальнаго вѣка, какъ будто служитъ отголоскомъ другой, болѣе грустной дѣйствительности. Въ одномъ мѣстѣ покажутъ вамъ башню, гдѣ какой-то баронъ заморилъ жену свою голодомъ, въ другомъ — подземелье, въ которомъ онъ приковалъ ее къ цѣпи. А Фридрихъ фонъ-Дицъ, въ своихъ извѣстныхъ „Жизнеописаніяхъ провансальскихъ трубадуровъ", разсказываетъ много и несомнѣнныхъ случаевъ этого рода. И когда мы читаемъ, напримѣръ, какъ Раймундъ, графъ Руссильона, заставилъ жену съѣсть сердце убитаго имъ любовника, послѣ чего несчастная бросилась съ высокаго балкона и разбилась до смерти, то невольно возникаетъ вопросъ, что же дѣлалось въ другихъ болѣе глухихъ и темныхъ закоулкахъ, когда такія вещи безнаказанно совершались посреди сравнительно образованнаго Прованса?

Допустимъ, наконецъ, что въ житейской практикѣ взаимныя отношенія половъ сложились и справедливѣе и мягче, чѣмъ какъ ихъ представляютъ законодательные памятники, — все же и половины вышеприведенныхъ данныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что древніе германцы въ своихъ юридическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ на женщину ничѣмъ не опередили грековъ и положительно стояли ниже римлянъ, и что идея рыцарскаго „служенія женщинѣ", вскорѣ за-тѣмъ возникшая на западѣ и повлекшая за собой необозримый рядъ нравственныхъ послѣдствій и перемѣнъ для европейскаго общества, ни въ какомъ случаѣ не могла принадлежать имъ. Для подобнаго обычая не было въ исконныхъ нравахъ гер-

манскихъ никакой сочувственной почвы. Да и гдѣ было одинокой, безправной и затертой нѣмкѣ, въ дѣвичествѣ робко заискивавшей и склонявшейся передъ превосходствомъ мужчины, а потомъ вѣчно занятой нянченьемъ дѣтей, да заботами по кладовой и кухнѣ, разыграть роль царицы преклоненнаго у ногъ ея общества! И однакожъ мы видимъ, что, спустя два столѣтія послѣ установленія ленныхъ порядковъ, во всей западной Европѣ происходитъ какая-то волшебная соціальная перемѣна. Новый духъ овладѣваетъ даже самою Германіей, этою преимущественною страной женскаго рабства, и въ короткое время неузнаваемо измѣняетъ общественное положеніе нѣмецкой женщины. Заброшенная и почти презираемая Husfrowe какимъ-то чудомъ превращается въ великолѣпную, изящную даму, окруженную блестящею толпой подобострастныхъ поклонниковъ. Знаменитѣйшіе рыцари вѣка ломаютъ въ честь ея копья, для славы ея имени подвергая жизнь свою опасности. Безчисленныя пѣсни звучатъ хвалой ея красотѣ и достоинствамъ. Она — царица любви и счастія, она — владычица міра. Откуда же этотъ новый духъ, новые обычаи и идеи?

III.

Отечествомъ рыцарства со всѣми его законами и обычаями была, какъ извѣстно, южная Франція, или точнѣе, вся область провансальскаго языка и образованія, въ которую входили не только собственно Провансъ, но и смежные съ нимъ сѣверныя части Испаніи и Италіи. Здѣсь возникла и развилась большая часть рыцарскихъ учрежденій — турниры, куртуазія, суды любви и служеніе избранной дамѣ. Отсюда же распространились они на сѣверъ и востокъ западной Европы, постепенно слабѣя въ своей внутренней силѣ и вліяніи на общество, чѣмъ далѣе удалялись они отъ этого центра рыцарской жизни.

Къ началу XII вѣка много разнородныхъ причинъ стеклось въ этомъ пунктѣ, чтобы сдѣлать изъ Прованса образцовую страну европейскаго рыцарства, и въ частности — чтобъ породить въ ней такое высокое уваженіе и поклоненіе женщинѣ, какого до тѣхъ поръ не знала римско-германская Европа. Естественное и промышленное богатство этого прелестнаго южнаго края, рано развившееся образованіе и утонченность формъ общежитія, прекрасный звучный языкъ, столь способный къ поэзіи, болѣе сильное чѣмъ гдѣ-либо

вліяніе уцѣлѣвшихъ здѣсь остатковъ классической культуры, особенно римскаго права съ его болѣе гуманнымъ и справедливымъ воззрѣніемъ на женщину, наконецъ, близкое знакомство съ очень развитою по тому времени мавританскою цивилизаціей сосѣдняго испанскаго калифата — составили, безъ сомнѣнія, тотъ общій фонъ или почву, на которой сдѣлались возможны явленія, подобныя рыцарской жизни. Послѣднее обстоятельство, то есть, вліяніе арабской культуры на происшедшія вскорѣ за-тѣмъ перемѣны въ общественномъ положеніи женщины, чрезвычайно важно, и еслибъ европейскіе изслѣдователи, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ, были ближе знакомы съ исторіей мусульманской Испаніи, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ много выигралъ бы въ полнотѣ и ясности, тогда какъ теперь мы можемъ только сказать, что едва-ли не арабскимъ представленіямъ обязана южно-французская женщина тѣмъ поэтическимъ обаяніемъ, съ какимъ является она въ канцонахъ и альбахъ трубадуровъ. Поэзія же успѣла идеализировать, или по-крайней-мѣрѣ облагородить и самую распущенность нравовъ, которою отличался край этотъ еще со времени римскаго владычества. Опоэтизированной такимъ образомъ женщинѣ, даже во всѣхъ ея слабостяхъ, не доставало только какого-нибудь нравственнаго ореола, чтобы сдѣлаться кумиромъ общества. Такой ореолъ могла ей дать только церковь. Но церковь, подъ вліяніемъ аскетическихъ идей эпохи, учила смотрѣть на женщину, какъ на низшее, по преимуществу грѣховное, почти нечистое существо, какъ на источникъ соблазна и паденія. Однако, по странному стеченію противорѣчій, именно въ XII столѣтіи, въ вѣкъ самаго напряженнаго и фанатическаго аскетизма, само духовенство проложило женщинѣ путь даже къ моральному владычеству надъ обществомъ, какъ ей принадлежало уже господство эстетическое. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія ученіе латинской церкви о Богоматери, поклоненіе которой быстро дѣлается господствующимъ, предпочтительно предъ всѣми другими культами святыхъ и угодниковъ. Пресвятая Дѣва на престолѣ предвѣчной славы, окруженная сонмами небесныхъ силъ, дѣлается общей заступницей молящихся и вмѣстѣ идеаломъ женственной чистоты и непорочности. Инстинктивное уваженіе къ дѣвственности, присущее еще древнегерманскимъ понятіямъ, находитъ теперь новое оправданіе въ божественныхъ совершенствахъ небесной Дѣвы.

Вотъ главные элементы, изъ которыхъ сама собою создалась но-

вая роль и новое положеніе средневѣковой женщины. Но мы не можемъ упустить изъ виду еще одного вліянія, болѣе впрочемъ, гадательнаго: это — вліянія кельтскихъ преданій. Древнегальскій бытъ, къ сожалѣнію, не на-столько знакомъ намъ въ своихъ подробностяхъ, чтобы точно опредѣлить, какое мѣсто занимала въ немъ женщина; но всѣ сохранившіяся извѣстія у классическихъ писателей несомнѣнно указываютъ на значительную степень общественной и моральной свободы, какою она пользовалась, — свободы, такъ легко могшей перейдти въ послѣдствіи въ распущенность и даже развратъ при столкновеніи съ разлагающею римскою культурой. Извѣстно, какую роль играли кельтскія саги въ эпической поэзіи среднихъ вѣковъ, и, съ другой стороны, какъ сильно дѣйствовалъ этотъ эпосъ на признанное за женщиной положеніе въ свѣтѣ и на самое ея образованіе. Но въ сагахъ этого рода, напримѣръ, во всемъ циклѣ преданій о королѣ Артусѣ и рыцаряхъ Круглаго стола, его сподвижникахъ, женщина постоянно является съ характеромъ безпечнымъ и легкомысленнымъ, съ полною свободой располагать своими влеченіями и поступками и съ сильно развитыми инстинктами чувственности, со всѣми тѣми чертами, которыми въ послѣдствіи стали отличаться дамы рыцарскаго общества во Франціи. Вотъ путь, какимъ кельтскіе образцы могли незамѣтно воспитывать и измѣнять французскую женщину, независимо отъ того, что и среди самаго сельскаго населенія, по преимуществу гальской крови, довольно живо еще могли сохраниться стародавніе обычаи и порядки. То-же обстоятельство, что новое, болѣе свободное общественное положеніе женщины возникло и успѣшно развилось именно въ южной Франціи, странѣ съ живо сохранившимися кельтскими воспоминаніями и характеромъ, дѣлаетъ высказанную выше догадку еще болѣе вѣроятною.

Впрочемъ, перемѣны, исподоволь развившіяся въ Провансѣ остались бы, можетъ быть, изолированнымъ явленіемъ, если бы начавшіеся съ конца XI вѣка крестовые походы не расширили круга ихъ вліянія почти на всю романскую и германскую Европу, и на первую преимущественно, такъ-какъ для подобной перемѣны въ ней было болѣе сочувственныхъ элементовъ. Но не однимъ только распостраненіемъ новыхъ понятій за предѣлы Прованса повліяли крестовыя войны на измѣнившееся значеніе женщины. Онѣ во многомъ способствовали и самому ихъ дальнѣйшему развитію. Ближайшее знакомство съ византійскою и азіатско-арабскою культу-

рой, большій кругъ дѣйствія, большее знакомство съ людьми и свѣтомъ, съ того времени какъ западное рыцарство пришло въ движеніе ради общихъ войнъ противъ невѣрныхъ, когда возникли общіе интересы и завязались новыя связи между людьми, вообще масса новыхъ идей, принесенныхъ крестоносцами изъ далекихъ и трудныхъ странствованій, — все это постепенно измѣняло общія отношенія жизни, и въ томъ числѣ положеніе и роль женщины. Нужно прибавить впрочемъ, что послѣдняя перемѣна коснулась Германіи менѣе, чѣмъ другихъ частей Европы, и что въ этой странѣ рыцарство со всѣми его учрежденіями и со всѣмъ кругомъ своихъ особыхъ понятій, никогда не достигало полнаго развитія и блеска. Идеи о новыхъ правахъ и общественной роли женщины проникли, правда, и сюда, но встрѣтившись здѣсь съ укоренившимися издревле понятіями о женщинѣ, уже намъ знакомыми, составили довольно странную смѣсь свободы и рабства, поклоненія и деспотизма, какія мы видимъ въ отношеніяхъ между полами въ вѣкъ рыцарской Германіи. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе. Теперь-же мы должны составить по возможности опредѣлительное понятіе о томъ, въ чемъ состояло это пресловутое „служеніе дамамъ“, составлявшее неизбѣжную принадлежность каждаго истиннаго рыцаря.

„Служеніе женщинѣ“ (Culte des femmes, Frauendienst), прежде всего, было обычаемъ и модою вѣка. Никто изъ рыцарскаго круга не могъ отъ него уклониться, не рискуя прослыть невѣждой, чудакомъ или человѣкомъ отсталымъ. Каждый, по достиженіи юношескаго возраста и пріобрѣтеніи установленнымъ порядкомъ рыцарскаго достоинства, долженъ былъ избрать себѣ даму, знакомую или незнакомую, замужнюю или дѣвушку, и добиться у ней дозволенія „служить ей“, то есть, носить ея цвѣта, сражаться въ честь ея на войнѣ, или на турнирахъ, защищать ея славу и имя противъ всѣхъ и каждаго и быть готовымъ исполнить малѣйшія ея желанія. Не нужно воображать при этомъ, что выборомъ рыцаря руководила непремѣнно любовь или привязанность. Большею частью онъ просто исполнялъ принятый обычай и удовлетворялъ своему самолюбію, стараясь попасть въ рыцари какой-нибудь знатной дамы или же извѣстной красавицы. Красота, впрочемъ, рѣже входила въ разсчетъ, больше же всего — порода, связи и знатность. Затѣмъ, молодой рыцарь могъ быть женатъ или холостъ — все равно, это не освобождало его отъ дамской службы; но собственная супруга никогда почти не дѣлалась его избранною дамой и пове-

лительницей. Разумѣется, что званіе рыцаря этой избранницы надо было сначала заслужить цѣлымъ рядомъ подвиговъ и испытаній, иногда довольно продолжительныхъ. И когда ищущій (poursuivant) совершилъ ихъ довольно, чтобы поднять славу своей дамы и заслужить ея милость, наступалъ желанный обрядъ формальнаго принятія въ ея рыцари, — обрядъ, совершенно напоминающій церемонію средневѣковой инфеодаціи. И тутъ точно такъ-же, какъ при ленной присягѣ, гдѣ вассалъ на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, произносилъ клятву вѣрности передъ своимъ сузереномъ, — рыцарь, на колѣняхъ же, получалъ отъ дамы въ ленъ свою жизнь, причемъ тотъ-же поцѣлуй и тотъ-же перстень, какъ и при ленномъ обрядѣ, скрѣпляли заключенное условіе. Согласно съ такимъ феодальнымъ характеромъ принятаго на себя „служенія", рыцарь, какъ и всякій ленникъ, прежде и выше всего обязанъ былъ своей дамѣ „вѣрностію". Она же, какъ это бывало и съ патронами, не принимала на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, обѣщая только вообще благоволеніе и милость. Такая чисто моральная связь, во избѣжаніе толковъ и злыхъ языковъ, должна была однако-же оставаться тайной; но разумѣется, это удавалось довольно рѣдко, и бывали случаи, когда рыцарь „служилъ" своей дамѣ прямо съ согласія ея мужа. Провансальскіе трубадуры успѣли потомъ создать цѣлую регламентацію этихъ отношеній, отличить множество степеней дамской службы — таящіеся, ищущіе, выслушанные и достигшіе — съ ихъ привилегіями и правами, и вообще подчинить даму и рыцаря цѣлому кодексу условныхъ законовъ и правилъ; но это было уже вырожденіемъ сначала чистаго и въ сущности идеальнаго культа, — идеальнаго въ томъ смыслѣ, что чувственныя побужденія и цѣли стояли здѣсь далеко не на первомъ планѣ, хотя, съ другой стороны, и безкорыстными отношенія эти тоже назвать нельзя. Тщеславіе играло въ нихъ, большею частію, главную роль. Ухаживая за знатною дамой, обыкновеннымъ путемъ сватовства и брака для него недоступной, рыцарь находилъ въ этомъ нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія и лишенія, которыя налагала на него строгая классификація феодальнаго общества. И если всегда и вездѣ браки болѣе или менѣе условливались равенствомъ общественнаго положенія и богатства, то нигдѣ, быть можетъ, это не соблюдалось такъ строго, какъ въ рыцарскомъ сословіи. Не говоря уже о томъ, что союзъ, или даже простая привязанность къ женщинѣ низшаго, недворян-

скаго рода были для рыцаря совершенно немыслимы, даже въ предѣлахъ своего собственнаго круга онъ встрѣчалъ множество перегородокъ, которыя переступить было очень трудно. Служилый рыцарь, напримѣръ, не смѣлъ думать о дочери своего знаменоноснаго патрона, простой баронъ — о родствѣ съ владѣтельнымъ княземъ и т. д. А между тѣмъ, по теоріи и древнимъ воспоминаніямъ, всѣ рыцари, какъ рыцари, то есть, какъ члены корпораціи, отъ бѣднаго вассала до короля, считались равными. И вотъ личное достоинство, затертое гордостью сильныхъ и предразсудками общества, ищетъ себѣ удовлетворенія въ этихъ тайныхъ знатныхъ связяхъ. Вотъ почему, быть можетъ, обычай „служенія дамѣ“ распространился такъ быстро и повсемѣстно, такъ-какъ развитію его вездѣ способствовали одинаковыя условія общественныя. Вотъ почему также, ранѣе чѣмъ гдѣ-либо, возникъ онъ въ Провансѣ, самой образованной, передовой странѣ тогдашней Европы, гдѣ очень рано проснулся свободный духъ сомнѣнія и критики и гдѣ общественное мнѣніе, устами національныхъ поэтовъ и религіозныхъ новаторовъ, уже въ XII вѣкѣ, протестовало какъ противъ злоупотребленій іерархіи, такъ и противъ несправедливостей ленной организаціи. Но, выставляя на видъ этотъ соціальный мотивъ происхожденія дамской службы, мы вовсе не думаемъ утверждать, что увлеченіе и истинное чувство были совершенно ей чужды. Общество, о которомъ мы говоримъ, было бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ, еслибъ ему были недоступны и эти побужденія. Мы хотѣли сказать только, что любовь не была здѣсь непремѣннымъ условіемъ и стояла часто на второмъ планѣ, такъ-какъ случалось, что рыцарь посвящалъ свою жизнь служенію дамѣ, которую никогда не видѣлъ въ глаза и о которой только наслышался отъ другихъ, — однимъ словомъ, что обычай этотъ, былъ происхожденія и характера, по преимуществу, соціальнаго.

Если мы постоянно будемъ имѣть въ виду такую точку зрѣнія, то намъ многое станетъ понятно въ „служеніи“, что такъ дико и странно поражаетъ въ немъ на первый взглядъ. И прежде всего — какая-то внѣшняя обрядность, какой-то формализмъ, замѣтный во всемъ.... Рыцарь, въ честь и въ угоду своей дамѣ, нерѣдко и по ея требованію, произноситъ разные, иногда очень оригинальные обѣты — молчать въ извѣстные дни, сражаться безъ забрала, отправиться за-море въ крестовый походъ. Онъ одѣвается въ ея цвѣта и носитъ постоянно ея эмблему. Подаренный ею шарфъ или

поясъ украшаютъ его сѣдло; рукавчикъ ея платья, привязанный къ древку копья, служитъ ему почетнымъ знаменемъ и источникомъ мужества въ бою. Ихъ личныя, конечно, оффиціальныя, сношенія обставлены безконечными и скучными формальностями — поклонами, прижатіемъ рукъ къ сердцу, колѣнопреклоненіями. Рѣчь усѣяна приторными комплиментами и избитыми, условными эпитетами и фразами. Даже пѣсни, въ которыхъ рыцарь считалъ долгомъ прославлять свою даму, поражаютъ однообразіемъ и отсутствіемъ огня. Шиллеръ когда-то сказалъ о нихъ, что если-бы воробьи, сидя на своей крышѣ, вздумали издавать журналъ или альманахъ любви, то ихъ литературное чириканье походило бы на пѣсни миннезенгеровъ.

Но самымъ разительнымъ образомъ внѣшній формализмъ рыцарской любви выразился въ учрежденіи такъ-называемыхъ „судилищъ любви“ (cours d'amour), которое мы встрѣчаемъ во Франціи. Знатныя дамы эпохи, какая-нибудь Элеонора аквитанская, бывшая замужемъ за Людовикомъ VII, а потомъ за Генрихомъ II англійскимъ, Эрменгарда, виконтеса нарбоннская, Марія, графиня шампанская, Сибилла, графиня фландрская, эти законодательницы нравовъ и моды своего времени, открывали при дворахъ своихъ полусеріезныя, полушуточныя судилища, со всею обстановкой и процедурой обыкновенныхъ, настоящихъ судовъ, гдѣ дебатировались и рѣшались разные спорные вопросы, столкновенія и тонкости, возникавшія въ практикѣ рыцарской галантеріи. Рѣшенія постановлялись не только на основаніи принятыхъ обычаевъ и совѣсти судей, большею частію — галантныхъ дамъ, но и формальныхъ законовъ, существовавшихъ для подобныхъ случаевъ и шедшихъ, по преданію, отъ короля Аргуса, этого древнѣйшаго идеала всѣхъ рыцарскихъ качествъ и доблестей. До насъ дошли отрывки этого характернаго законодательства, сохраненные Марціаломъ и Андреемъ Капелланомъ, а равно и множество приговоровъ, состоявшихся на этихъ судахъ. И тутъ-то мы видимъ всю шаткость и скользкость морали, порожденной обычаемъ дамскаго культа и руководившей обществомъ, среди котораго возможны были такія явленія. Вотъ нѣкоторые образчики этихъ странныхъ законовъ:

I. Causa conjugii non est amoris excusatio recta.
II. Qui non celat, amare non potest.
XVII. Novus amor veterem compellit abire.
XXVI. Amor nihil posset amori denegare.
XXXI. Unam feminam nihil prohibet a duobus ämari, et a duabus mulieribus unum.

Мы не скроемъ, что въ наукѣ есть нѣкоторыя сомнѣнія въ достовѣрности памятника. Самъ Вейнгольдъ допускаетъ существованіе судилищъ любви только въ сѣверной Франціи. Но анонимный авторъ изслѣдованія „Minnehöfe des Mittelalters", кажется, слишкомъ основательно доказалъ ихъ подлинность. Какъ бы то ни было, мы очень хорошо знаемъ, что вышеприведенныя правила дѣйствительно примѣнялись на практикѣ. Одна дама отказала рыцарю въ любви, потому что вышла замужъ за другого. Графиня Эрменгарда приговорила ее къ продолженію прежней связи на основаніи статьи 1-й. Та-же Эрменгарда рѣшила возникшій вопросъ — гдѣ больше преданности и любви, между супругами или между любовниками, — такимъ образомъ, что эти два рода отношеній, по своей природѣ и по принятымъ обычаямъ, совершенно различны. Одна дама обѣщала рыцарю любовь въ случаѣ, если прекратится связь съ прежнимъ ея поклонникомъ; но вскорѣ она вышла замужъ за этого послѣдняго и доказывала, что такимъ образомъ связь ея не прекратилась. Элеонора, къ которой апеллировала обиженная сторона, рѣшила, что, напротивъ, прекратилась, такъ-какъ между супругами не можетъ быть истинной рыцарской любви.

Сколько оскорбительнаго и безстыднаго должна была, по нашимъ понятіямъ, заключать въ себѣ уже одна гласность подобныхъ процессовъ, самое существованіе какихъ-то законовъ и правилъ, регламентирующихъ любовь, эту святую тайну людскаго сердца. Не служитъ ли это одно уже доказательствомъ, что рыцарское поклоненіе женщинѣ было какою-то внѣшнею игрою тщеславія, заключавшею въ себѣ всѣ условія холоднаго разврата? Высокое и свободное чувство, превратившееся въ схоластически тонкое искусство, которое можно было преподавать и которое дѣйствительно и преподавалось дамами ихъ пажамъ (Galanterie, Minnekunst), обставленное цѣлымъ церемоніаломъ обрядности, парада и показа, основанное сначала на самолюбіи, а потомъ просто на чувственныхъ мотивахъ и цѣляхъ, — вотъ что такое былъ этотъ пресловутый „культъ женщины" среднихъ вѣковъ, о которомъ когда-то кричали такъ много. Нельзя не удивляться поэтому, что и теперь еще находятся люди, говорящіе о немъ съ удивленіемъ. Даже такой основательный знатокъ средневѣковаго быта, какъ Фальке, еще не такъ давно славилъ поэзію, весну и юность тѣхъ поколѣній.

Мы отнюдь не хотимъ быть несправедливыми къ рыцарству и охотно признаемъ за нимъ извѣстную степень цивилизующаго влі-

янія на грубые и жесткіе нравы средневѣковыхъ народовъ и германскихъ особенно. Мы допускаемъ также, какъ мы уже и оговорились выше, возможность и дѣйствительность множества случаевъ и безкорыстнаго, идеальнаго увлеченія, даже множества славныхъ подвиговъ, совершенныхъ во имя высокой идеи. Но принципъ, лежавшій въ основаніи взаимнаго отношенія между полами, былъ все-таки безнравственъ и ложенъ; а онъ-то и условливалъ поведеніе большинства. Безнравственность его, дѣйствительно, вскорѣ и обнаружилась самыми печальными, самыми разлагающими послѣдствіями для общества. Бракъ превратился въ одну формальность, такъ-какъ рыцарскій кодексъ открыто признавалъ, что въ супружествѣ невозможна любовь. Minnedienst, служеніе любви, по натурѣ своей, нѣкогда чистое по-крайней-мѣрѣ отъ грубыхъ побужденій, превратилось въ пошлое ухаживаніе. Развратные fabliaux и сладострастные романы, въ родѣ Амадиса, или Ланселота, сдѣлались любимымъ чтеніемъ общества. Большіе города наполнились притонами разврата. Пилигримы и крестоносцы приносили съ востока множество новыхъ, утонченно-чувственныхъ обычаевъ и наслажденій. Къ концу XIII вѣка публичная мораль была въ полномъ разложеніи, и западная Европа съ высоты идеальныхъ порывовъ, проявившихся было въ первый вѣкъ крестоносныхъ движеній, ринулась въ такую возмутительную грязь, о какой въ наше время мы не имѣемъ и слабаго понятія.

IV.

Какъ ни осторожно мы высказали наше заключеніе о характерѣ рыцарскаго служенія женщинѣ, все же насъ могутъ обвинить въ излишней строгости, или по-крайней-мѣрѣ, поспѣшности приговора, стоящаго въ замѣтномъ противурѣчіи съ ходячимъ нѣкогда, традиціоннымъ мнѣніемъ о платонизмѣ средневѣковой любви. Поэтому мы прибѣгнемъ еще къ одного рода аргументаціи. Мы попросимъ читателя оставить пока историческую почву, область дѣйствительности, засвидѣтельствованной памятниками, и обратить вмѣстѣ съ нами вниманіе на идеальныя представленія вѣка, высказавшіяся въ его литературѣ, и именно въ поэзіи, такъ-какъ извѣстно, что высотой и совершенствомъ этихъ идеаловъ измѣряется отчасти уровень моральной развитости общества. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе не лишнимъ, что Фальке, стараясь выставить картину тогдашней жиз-

ни въ поэтическомъ блескѣ, напираетъ именно на чистоту рыцарскихъ идеаловъ.

Мы беремъ для нашей цѣли знаменитѣйшаго эпическаго поэта средневѣковой Германіи, Вольфрама фонъ-Эшенбаха, въ которомъ, по общему признанію всѣхъ историковъ нѣмецкой литературы, самымъ полнымъ и вѣрнымъ образомъ отразился его вѣкъ и котораго Зимрокъ, его издатель и переводчикъ, называетъ Гете XIII столѣтія.

Вольфрамъ былъ рыцарь до мозга костей своихъ, только рыцарствомъ мечталъ добыть себѣ славу и любовь женщины, щитъ и оружіе считалъ какимъ-то призваніемъ свыше, и, какъ слѣдуетъ истинному рыцарю, былъ неграмотенъ. Достаточное состояніе, отличныя связи и общее уваженіе позволяли ему жить и держать себя независимо, сохранить все достоинство своего таланта и убѣжденій и подняться въ своихъ воззрѣніяхъ на рыцарство до такой высоты, какой не достигалъ ни одинъ изъ его современниковъ. Согласимся послѣ этого, что идеи такого поэта могутъ считаться тою послѣднею чертой, дальше которой не пошелъ рыцарскій идеалъ.

Образъ истиннаго рыцаря начерталъ Эшенбахъ въ своей знаменитой поэмѣ „Парсиваль", гдѣ не только исчерпанъ и сгруппированъ весь кругъ мнѣній, вѣрованій, обычаевъ, нравовъ и внѣшнихъ формъ и особенностей цвѣтущаго гогенштауфенскаго вѣка, этого апогея рыцарской жизни въ Германіи, но представлено даже внутреннее развитіе самой личности рыцаря, процессъ ея духовнаго роста.

Въ данномъ случаѣ для насъ въ высшей степени интересно, какъ понималъ Парсиваль, этотъ цвѣтъ всякаго рыцарства — „die Blüthe aller Ritterschaft" свои обязанности и отношенія къ женщинѣ. А для этого намъ надо прослѣдить всю поэму.

Вѣра въ силу породы и крови, столь сильная въ средніе вѣка вообще, была, конечно, еще сильнѣе въ высшихъ кругахъ того времени. Особенная прирожденная доблесть предполагалась въ благородномъ происхожденіи, и рыцарь считался тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ длиннѣе и славнѣе былъ рядъ его рыцарскихъ предковъ. Вотъ почему Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ начинаетъ свою поэму изображеніемъ подвиговъ отца парсивалева, Гамурета, въ которомъ мы видимъ уже образецъ рыцарскихъ талантовъ и качествъ, унаслѣдованныхъ потомъ и доведенныхъ до высшаго развитія его сыномъ. Рано отправляется онъ искать подвиговъ и приключеній, и, прощаясь съ матерью, говоритъ ей: „Я ѣду, ради высшей славы, ис-

кать рыцарства въ чужой землѣ, и если счастіе сохранитъ меня, заслужу себѣ награду женской любви“. И дѣйствительно, поступивъ на службу къ языческой королевѣ Белаканѣ, онъ побѣждаетъ ея враговъ и получаетъ въ награду ея руку. Но такъ-какъ въ томъ краю не было ни войны, ни турнировъ, то Гамуретъ скоро стосковался въ бездѣйствіи и тайно уѣхалъ оттуда, оставивъ свое новое царство и беременную жену. Вслѣдъ за-тѣмъ мы видимъ нашего рыцаря на одномъ блестящемъ турнирѣ, куда съѣхалось множество князей, королей и герцоговъ и гдѣ наградою побѣдителя назначена рука королевы Герцелейды. Счастливый Гамуретъ и на этотъ разъ одолѣваетъ всѣхъ своихъ противниковъ и женится на этой второй, добытой оружіемъ невѣстѣ, но съ условіемъ однако, чтобы каждый мѣсяцъ былъ для него непремѣнно турниръ. Но по-видимому и это не можетъ удовлетворить неугомоннаго искателя приключеній, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ опять отправляется за море на помощь къ какому-то королю Баруху, гдѣ и находитъ смерть. Герцелейда же, тоже оставленная мужемъ беременною, уже послѣ его кончины, рождаетъ на свѣтъ Парсиваля. Вотъ вся карьера Гамурета. Изъ нея мы видимъ, что для славнаго рыцаря существуетъ на свѣтѣ только одно — это рыцарство со всѣми его обязанностями. Внѣ и выше его онъ не знаетъ надъ собой никакого иного долга. Семейство, отечество, даже религія стоятъ на второмъ планѣ, такъ-какъ онъ не задумывается покинуть родину, жену и дѣтей и отдать свой мечъ на службу врагамъ христіанства каждый разъ, какъ его увлекаетъ слава военныхъ подвиговъ и надежда заслужить награду женской любви (Minnelohn). Что-же касается самой женщины, ради которой онъ творитъ чудеса храбрости и приноситъ такія жертвы, то по-видимому она до тѣхъ только поръ имѣетъ для него цѣну, пока не принадлежитъ ему. Но какъ только становится его женой, энтузіазмъ его совершенно исчезаетъ и начинаетъ искать себѣ новой пищи. Правда, Гамуретъ говоритъ Белаканѣ: „Крестись — и тогда ты, можетъ быть, меня и удержишь“. Но какъ мало эти религіозные мотивы владѣли его душой, видно изъ того, что онъ точно такъ-же покидаетъ потомъ и христіанку Герцелейду, дѣлавшую для него „каждый мѣсяцъ турниръ“ и снова пускается туда, куда зоветъ его рыцарство.

Но Гамуретъ еще не главное лицо поэмы. Настоящій герой ея — Парсиваль. Познакомимся же ближе съ его личностью, имѣя всетаки въ виду нашу цѣль.

Парсиваль выросъ въ совершенной простотѣ мыслей и нравовъ. Нѣжно любящая мать, желая удержать его дома, сберегла его въ полномъ невѣдѣніи прелестей рыцарства. Мальчикъ проводилъ время въ полѣ, охотясь за дичью. Даже о Богѣ имѣетъ онъ такое слабое понятіе, что случайно встрѣтивъ въ лѣсу нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ, принимаетъ ихъ за боговъ. Тѣ объясняютъ ему наконецъ, что они — рыцари Круглаго стола и что король Артусъ можетъ сдѣлать и его членомъ этой почетной коллегіи. Встрѣчи этой было довольно, чтобы разомъ измѣнить кругъ мыслей и весь жизненный путь Парсиваля. Въ немъ нежданно обнаруживается удивительная рыцарская доблесть отца; молодая душа просыпается и рвется въ свѣтъ. Мать должна уступить этому неудержимому порыву, и хотя потомъ умираетъ, убитая горемъ, но отпускаетъ изъ дому сына. Все, что она можетъ посовѣтовать ему на дорогу, это — привѣтствовать встрѣчныхъ, почтительно учиться у старшихъ рыцарскому обычаю, да ухаживать за дамами. Юноша такимъ образомъ является въ свѣтъ круглымъ невѣждой, но скоро попадаетъ въ руки стараго, опытнаго рыцаря Гурнемана, который посвящаетъ его во всѣ тайны военнаго искусства и куртуазіи. Онъ учитъ его быть скромнымъ, умѣреннымъ и милостивымъ, щедрымъ, любезнымъ, но въ-особенности „приличнымъ“, такъ-какъ приличіе во всемъ и составляетъ отличительное качество рыцаря. Надо избѣгать лишнихъ и праздныхъ словъ, не докучать разспросами и быть чистоплотнымъ. Надо удаляться сомнѣній и любить безъ хитрости и обмана. Кромѣ того, его выучиваютъ молиться, слушать обѣдню и исповѣдываться, и когда его познакомили вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами верховой ѣзды, съ „тьостомъ, бугурдомъ“ и другими боевыми пріемами и упражненіями, — то этимъ кругъ его рыцарскаго воспитанія былъ завершенъ. Теперь не доставало только какого-нибудь подвига, для того чтобъ явиться къ Артусу и искать у него формальнаго посвященія въ санъ. Парсиваль защищаетъ угнетенную Іешуту отъ жестокаго и подозрительнаго мужа ея Орилла и возвращаетъ ей права жены. За-тѣмъ, пущенный безъ поводовъ конь приноситъ его въ Вальраперъ, осажденный врагами, гдѣ юная и прекрасная Кондвирамуръ предлагаетъ ему свою руку и свои владѣнія, если онъ поможетъ ей отбиться отъ непріятеля. Парсиваль освобождаетъ городъ и получаетъ обѣщанную награду. Кондвирамуръ становится его женой. Но счастливецъ скоро однакожъ оставляетъ молодую супругу и снова пускается въ свѣтъ искать

приключеній. И тутъ-то случается съ нимъ то необычайное происшествіе, которое рѣшаетъ всю его жизнь. Парсиваль попадаетъ въ Монсальважъ, чертоги святаго граля. Но чтобы понять значеніе этого событія, надо напомнить читателю смыслъ знаменитой саги о гралѣ.

Граль — это драгоцѣнная чаша, принадлежавшая Іосифу аримаѳейскому и, по преданію, служившая Спасителю за тайной вечерей. Въ нее-же пролилась и святая кровь его въ минуту крестной смерти. Чудодѣйственная сила осталась съ тѣхъ поръ на вѣки въ безцѣнномъ сосудѣ. Это — податель всякаго изобилія, довольства и счастія, источникъ неувядающей юности, красоты и безсмертія. Обладатель такого сокровища наслаждается невозмутимымъ блаженствомъ уже здѣсь на землѣ. Посреди людей, волнуемыхъ страстями и угнетаемыхъ нуждами, это единственный человѣкъ, живущій безъ желаній и безъ надеждъ, такъ какъ всѣ желанія его достигнуты и всѣ надежды исполнены. Но приблизиться къ чудотворной чашѣ, а тѣмъ болѣе сдѣлаться ея обладателемъ, можетъ лишь тотъ, кто соединитъ въ себѣ высшія достоинства человѣка съ глубочайшимъ христіанскимъ смиреніемъ. Никакими заслугами, никакими личными подвигами, какъ бы они ни были велики и славны, нельзя достигнуть этого счастья, пока само небо не укажетъ своихъ избранниковъ. На краяхъ чаши мгновенно появляются написанными ихъ имена, и вслѣдъ за-тѣмъ столь-же мгновенно исчезаютъ. И тогда только избранные могутъ проникнуть въ чертоги граля и увидѣть совершающееся чудо. Чертоги эти выстроены, говорила сага, доблестнымъ Титурелемъ анжуйскимъ, сподобившимся сдѣлаться первымъ обладателемъ и королемъ граля и передавшимъ за-тѣмъ свое достоинство славнѣйшему представителю своего рода Ансортасу, родному дядѣ Парсиваля. Но Ансортасъ не устоялъ противъ обольщеній земной любви, отъ которой долженъ отказаться всякій хранитель святаго граля, и за это былъ наказанъ смертельной раной, полученной въ поединкѣ за славу его возлюбленной. Съ тѣхъ поръ волшебный замокъ, служившій ему резиденціей и хранилищемъ самого граля, омрачился уныніемъ. Страдающій король не могъ ни выздоровѣть, ни умереть, такъ-какъ лицезрѣніе граля каждый день возобновляло его угасшія силы. Исцѣленіе этихъ вѣчныхъ мученій было предвозвѣщено лишь тогда, если явится пришлецъ-рыцарь и спроситъ о значеніи всего, что здѣсь творится. И этимъ пришельцемъ-избавителемъ предназначалось быть Парсивалю. И вотъ, во время его рыцарскихъ странствованій по бискай-

скимъ горамъ, довелось ему однажды подъѣхать, поздно вечеромъ, къ берегу незнакомаго озера. Рыбаки, которыхъ засталъ онъ тутъ, указываютъ ему ночлегъ въ единственномъ замкѣ, лежавшемъ по близости. Непроходимый лѣсъ начинался за озеромъ, подымаясь все выше и выше по склонамъ горъ. Но, пробравшись сквозь эту дремучую чащу, герой нашъ очутился вдругъ передъ зданіемъ неописанной красоты и великолѣпія. Тридцать шесть многоэтажныхъ башень стояло по круглой внѣшней стѣнѣ какого-то храма, выстроеннаго на площади зеркально-гладкаго оникса. На каждой башнѣ — бѣлый, хрустальный крестъ, и на каждомъ крестѣ — золотой орелъ съ распущенными крыльями. Смарагды, сапфиры, берриллы и всевозможные цѣнные камни украшаютъ своды, карнизы и окна. А со средины возвышается громадный куполъ, весь изъ литого золота, на вершинѣ котораго — огромный граненый карбункулъ, мечущій во всѣ стороны потоки натуральнаго блеска. Но, вошедши въ зданіе, пришлецъ поражается еще болѣе. Передъ нимъ — залъ, освѣщенный цѣлою сотнею люстръ. Сто столовъ стоятъ по стѣнамъ и за каждымъ столомъ — по четыре почтенныхъ рыцаря. Въ срединѣ же этого блестящаго круга сидитъ король на богато-убранномъ ложѣ, — но сидитъ онъ неподвижно и мрачно, разливая печаль на собесѣдниковъ. Вотъ отворяется настежь кованная серебрянная дверь, и въ залъ являются четыре принцессы въ темныхъ, длинныхъ парчевыхъ платьяхъ съ золотыми свѣтильниками въ рукахъ. За ними слѣдуютъ восемь благородныхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ зеленый бархатъ и несущихъ драгоцѣнный гранатовый подносъ; за-тѣмъ шесть другихъ въ яркихъ шелковыхъ одеждахъ и съ разной серебрянной и золотой посудой. Наконецъ, окруженная шестью избраннѣйшими красавицами, появляется царица этихъ чертоговъ, перлъ земной красоты и женственной прелести, юная Репансъ-де-Жуа. Въ рукахъ у нея — чаша изъ какого-то ослѣпительно-блестящаго камня. Медленно подходитъ она къ королю и, поставивъ передъ нимъ чудный сосудъ, удаляется. Вслѣдъ за-тѣмъ является оруженосецъ съ окровавленнымъ копьемъ въ правой рукѣ, и когда онъ проноситъ его по залу, со всѣхъ сторонъ подымаются вопли и плачъ. Парсиваль, занявъ мѣсто подлѣ короля, видитъ всѣ эти странныя сцены, но, по юношеской робости и простотѣ, не рѣшается спросить, что онѣ значатъ. Начинается вечерній пиръ, окруженный баснословною роскошью, и за-тѣмъ всѣ отходятъ ко сну. Но, проснувшись на другой день утромъ, гость нашъ не узналъ

уже вчерашнихъ чертоговъ. Все показалось ему очень обыкновеннымъ и буднимъ, ни живой души не было видно кругомъ, только осѣдланный конь его стоялъ у воротъ, да какой-то рыцарь со сторожевой башни проводилъ его насмѣшками и проклятіями. Изумленный и уничтоженный, въ раздумьи и отчаяніи, герой ѣдетъ оттуда прочь и, выдержавъ на пути нѣсколько славныхъ поединковъ, является къ Артусу, который, вмѣстѣ съ прекрасной женой своей Жиноврой, держитъ веселый, блестящій дворъ свой въ Діангедронѣ. Артусъ встрѣчаетъ Парсиваля, уже какъ знаменитаго рыцаря и принимаетъ его въ члены Круглаго стола. Но, посреди этого новаго почета и блеска, вдругъ является посланница граля, волшебница Кондрія, и публично срамитъ Парсиваля, называя его позоромъ честныхъ людей и проклятымъ исчадіемъ ада. Тогда только начинаетъ онъ понимать свою простоту и подозрѣвать страшную вину, невольно имъ совершенную. Въ глубокомъ уныніи и скорби о легкомысленно потерянномъ счастіи покидаетъ онъ дворъ короля и ѣдетъ, куда глаза глядятъ, унося въ своемъ сердцѣ семена коренного нравственнаго переворота.

До сихъ поръ мы видѣли Парсиваля, идущаго избитымъ путемъ обыкновенной рыцарской карьеры. Какъ и всѣ, онъ жаждетъ только славы подвиговъ, вниманія и любви знатныхъ дамъ. Ради этихъ пустыхъ приманокъ, безжалостно покидаетъ мать, умирающую съ тоски по немъ, а потомъ — и прекрасную, любящую жену въ ту минуту, какъ она готова подарить его новымъ счастіемъ — отеческаго долга. А очутившись лицомъ къ лицу съ величайшимъ чудомъ христіанской легенды, онъ остается безмолвнымъ и бузучастнымъ зрителемъ, и мысль его не просыпается даже на-столько, чтобы спросить о смыслѣ совершающейся передъ его глазами мистеріи. Но, когда позоръ и униженіе нежданно обрушились на его голову, когда его осрамили въ глазахъ свѣта, мнѣніемъ котораго онъ такъ дорожитъ, первое, что пробудилось въ немъ, это — уязвленная гордость. „Какъ, — восклицаетъ онъ въ порывѣ отчаянія и злобы, — я сражался, гдѣ только могъ, и рука моя не разъ касалась высшей награды. Что же такое Богъ? Я ему вѣрно служилъ, — и еслибъ онъ былъ благъ и могуществень, то не допустилъ бы такой несправедливости. Теперь я отъ него отказываюсь“. И Парсиваль снова ѣдетъ странствовать по свѣту, но уже не затѣмъ, чтобы рыцарскими подвигами добыть себѣ славу и милость благородныхъ красавицъ. Въ сердцѣ его поселились двѣ мысли,

два желанія овладѣли его душой; отыскать вѣрную, хоть и покинутую жену, о которой онъ опять вспомнилъ, когда счастіе ему измѣнило и люди его оставили, и всѣми возможными усиліями проникнуть снова въ чертоги граля и тѣмъ смыть тяготѣвшій надъ нимъ позоръ. Того и другого думаетъ онъ достигнуть собственными силами, такъ-какъ въ помощь и правду божію онъ не вѣритъ. Проходитъ пять лѣтъ въ безплодныхъ исканіяхъ, а завѣтныя цѣли отъ него далѣе, чѣмъ когда-нибудь. Случай, или вѣрнѣе незримая рука Промысла наталкиваетъ его наконецъ на одну знаменательную встрѣчу. Разъ — то было въ страстную пятницу — видитъ онъ почтеннаго старика съ двумя молодыми дѣвушками и съ огромной свитой позади, но босого и въ рубищѣ, идущаго на поклоненіе въ близъ лежащій монастырь. Изъ разговора узнаетъ онъ, что это герцогъ со своими дочерьми. Путники удивляются, что встрѣчный рыцарь въ такой великій день ведетъ себя, какъ язычникъ. Но Парсиваль, пять лѣтъ уже не бывшій въ церкви, отвѣчаетъ, что онъ отказался отъ Бога, потому что онъ несправедливъ. Но потомъ его беретъ раздумье и раскаяніе, и мысль его въ первый разъ обращается къ тому, кого онъ такъ долго не признавалъ. „Въ нынѣшній день онъ особенно милостивъ, думаетъ онъ, дай пущу поводья, — и посмотримъ, что будетъ“. Свободный конь приноситъ его въ одно дикое мѣсто — Фонтенъ-Соважъ, гдѣ въ скалистой пещерѣ живетъ и спасается отшельникъ Тревредентъ. „Сынъ мой, говоритъ аскетъ, выслушавъ его жалобы, я также былъ рыцаремъ, какъ ты, и сражался ради женской любви и вѣрности, но теперь я сталъ служить Богу. Въ немъ одномъ безконечная любовь и несокрушимая вѣрность. Молись и уповай на него“. „Но вѣдь онъ же меня оставилъ, возражаетъ ему Парсиваль. Какихъ только подвиговъ не совершилъ я, и если Богъ только въ состояніи оцѣнить рыцарскую доблесть, — Онъ долженъ избрать меня въ хранители граля“. Въ отвѣтъ на такія высокомѣрныя рѣчи, Тревредентъ указываетъ ему на смиреніе, какъ на единственный путь къ тому, чего онъ ищетъ. Граля никто не достигалъ силою; только милость божія можетъ привести къ нему. Затѣмъ, герой нашъ узнаетъ въ отшельникѣ родного своего дядю и слышитъ отъ него подробную исторію Ансортаса, другого брата своей матери. Внушающая мистерія Монсальважа становится для него ясною, но зато тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ угрызенія совѣсти. Мало-по-малу раскаяніе и смиреніе наполняютъ его очерствѣлую душу, питав-

шуюся до сихъ поръ только гордостью и тщеславіемъ. Просвѣтленнымъ и смягчившимся ѣдетъ онъ оттуда ко двору Артуса, но на дорогѣ выдерживаетъ борьбу съ такимъ сильнымъ и отважнымъ противникомъ, какого еще не встрѣчалъ никогда. То былъ Фейрефисъ, сынъ Гамурета и Белаканы, старшій братъ Парсиваля, знаменитѣйшій рыцарь востока. Долго сражались братья, равные мужествомъ и великодушіемъ, не зная другъ друга. Перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Наконецъ, объяснившееся кровное родство противниковъ положило конецъ ихъ борьбѣ. Примиренные ѣдутъ они ко двору, гдѣ Артусъ, видѣвшій издали ихъ отчаянный бой въ свое магическое стекло, принимаетъ ихъ обоихъ съ радостію и почетомъ въ рыцари и члены своего Круглаго стола. Послѣ этого единоборства, въ которомъ поэтъ символически выразилъ вѣковую борьбу восточнаго и западнаго рыцарства, Парсиваль достигъ высшей міркой славы, какой только можно было желать, а вслѣдъ за-тѣмъ ему досталось и то нравственное величіе, котораго онъ такъ долго и тщетно искалъ. Та-же волшебная посланница граля, которая нѣкогда обезславила его въ этомъ самомъ мѣстѣ, явилась теперь возвѣстить ему, что, по опредѣленію неба, онъ избранъ въ короли граля съ женою и сыномъ. Знаменитѣйшую изъ земныхъ коронъ, „вѣнецъ человѣческой славы“, могъ теперь предложить онъ своей вѣрной, нѣкогда имъ оставленной Кондвирамуръ. Безконечная радость и великое торжество сопровождало ихъ шествіе до Монсальважа, гдѣ ихъ приняли уже съ королевскими почестями. Трижды повергшись въ прахъ передъ святыней, которую ангелы держили нѣкогда на рукахъ своихъ и на которую голубь нисходитъ ежегодно съ небесъ, принося жизнеобильную оплатку, — Парсиваль предлагаетъ, наконецъ, знаменитый вопросъ: „дядя, что съ тобой?“ — и въ ту-же минуту, какъ только произнесены были эти простыя слова, измозженный долгими страданіями Ансортасъ становится вдругъ бодръ, здоровъ, юнъ и невыразимо прекрасенъ.

Этимъ оканчивается поэтическая исторія Парсиваля. Многіе хотятъ видѣть въ немъ какого-то Фауста XII вѣка, и нѣмцы любятъ называть его автора, Эшенбаха, средневѣковымъ Гете. Вильмаръ, напримѣръ, въ своей „Исторіи нѣмецкой національной литературы“, отзывался о немъ такимъ образомъ. Но сходство здѣсь, по нашему мнѣнію, довольно поверхностное и далекое. Оба они, правда, люди стремящіеся и ищущіе: одинъ — послѣднихъ предѣ-

ловъ человѣческаго знанія, другой — высочайшей ступени нравственнаго величія. Оба идутъ къ своей цѣли посреди борьбы и сомнѣній. Но Фауста преображаетъ и спасаетъ всемогущая сила любви, тогда какъ Парсиваль обязанъ своимъ перерожденіемъ непосредственно благодати божіей, имъ лично даже мало заслуженной. Ему стоило только покаяться, да смирить свою гордость, — и вотъ уже на него сыплются всѣ милости неба. Но допустимъ, наконецъ, что онъ заслужилъ ихъ своими долгими страданіями, искренностію своего покаянія. Все же его обращеніе къ оставленной женѣ и вѣрность, ей сохраненная, являются чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, выходящимъ изъ ряда установившихся отношеній. Нуженъ былъ глубокій нравственный переворотъ и почти сверхъестественное просвѣтленіе, чтобы направить его мысли на этотъ путь. А началъ вѣдь и онъ съ коренного рыцарскаго убѣжденія, что женщина есть предметъ тщеславія и источникъ наслажденія. Сама же сага о гралѣ показываетъ, что рыцари, посвящавшіе себя служенію этой святынѣ, руководились какимъ-то несвѣтскимъ, почти монашескимъ взглядомъ на женщину. Они давали обѣтъ безбрачія и отказывались отъ прелестей земной любви. Исключеніе допускалось только въ пользу короля, который могъ быть женатымъ. Никто безнаказанно не нарушалъ этой заповѣди, и мы видѣли, какую страшную кару понесъ за это Ансортасъ и какимъ глубокимъ покаяніемъ искупалъ свою вину Тревреціентъ. Вотъ почему и отношенія Парсиваля къ Кондвирамуръ можно считать не столько нормальнымъ образцомъ для цѣлаго общества, сколько высокимъ и труднымъ идеаломъ для немногихъ рыцарей-подвижниковъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что идеи Вольфрама были далеки отъ общаго направленія вѣка, можетъ служить уже то, что, не смотря на всю его славу и дѣйствительно значительную силу художественнаго дарованія, современники мало увлекались его поэмой. Ея проповѣдническій тонъ, темныя аллегоріи и самая возвышенность идеала возбуждали сочувствіе лишь въ весьма необширномъ кругу людей, шедшихъ за аскетическимъ теченіемъ эпохи, которое началось въ Германіи съ половины XI вѣка и главными проводниками котораго были клюнійскіе монастыри. Большинство же относилось къ нимъ холодно, называя „Парсиваля“ „дикою сказкой“ (wilde Mähre), въ которой авторъ усиливается „сухою вѣткой произвесть роскошную тѣнь“. „Намъ некогда подбирать глоссы къ темнымъ книгамъ“, говоритъ о немъ Готфридъ страсбург-

скій, — и веселая, ликующая, счастливая гогенштауфенская Германія думала точно такъ-же. У нея былъ другой любимый поэтъ, не уступавшій Вольфраму талантомъ, но болѣе подходившій къ ея вкусамъ и направленіямъ, изображавшій жизнь, какъ она есть, не чуждый, можетъ быть, ея слабостей и пороковъ, но имѣвшій довольно мужества и нравственнаго чувства, чтобы порою поднять противъ нихъ и голосъ энергическаго протеста. Это тотъ-же Готфридъ страсбургскій, авторъ „Тристана и Изольды“, соціально-психологическаго романа, составляющаго любимѣйшее чтеніе всего средневѣковаго общества. Его идеи о любви, о бракѣ, и вообще объ отношеніяхъ половъ между собою, для нашей цѣли важнѣе и интереснѣе, такъ-какъ онѣ представляютъ собою мнѣніе и направленіе огромнаго большинства.

V.

Кто былъ Готфридъ, какія обстоятельства воспитали его характеръ, и кругъ убѣжденій, съ точностію неизвѣстно. Можно только догадываться, что онъ не принадлежалъ къ рыцарскому сословію, и такъ-какъ современники называютъ его обыкновенно „Meister Gotfried“, то это обозначеніе даетъ право предполагать, что онъ происходилъ, вѣроятно, изъ класса горожанъ. Впрочемъ, и безъ этого указанія, его постоянно холодное и почти пренебрежительное отношеніе къ рыцарству наводило бы само собою на такое заключеніе. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится описывать турниръ, онъ шутливо отказывается отъ этой задачи, ссылаясь на то, что онъ не мастеръ этого дѣла и что объ этихъ вещахъ писано уже и такъ слишкомъ много. „Я пресыщенъ подобными разсказами, да еслибъ я и призвалъ всѣ мои силы для изображенія рыцарства, то едвали успѣлъ бы въ этомъ. Оттого я и не стану описывать, какъ они тамъ сражались и сколько переломили копьевъ. Пусть ихъ считаютъ оруженосцы, подбиравшіе съ поля обломки“. Какой-то новый духъ, враждебный рыцарскимъ забавамъ и интересамъ вѣетъ уже въ этихъ словахъ. „Das mögen die Garzune zählen“ — „оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“, — какъ будто звучитъ въ этомъ презрительномъ замѣчаніи. Да, новый духъ и новое время дѣйствительно чувствуется въ поэмѣ Готфрида страсбургскаго, новый взглядъ на женщину, новое отношеніе къ семейному вопросу и вмѣстѣ краснорѣчивый протестъ про-

тивъ рыцарскихъ обычаевъ и порядковъ, переполненныхъ формализмомъ и ложью. Но вотъ самое содержаніе романа.

Юный Ривалинъ, король Парменіи, одолѣвъ враждебныхъ сосѣдей, ѣдетъ въ Англію и Корнваллисъ, чтобы при дворѣ тамошняго короля Марке поучиться утонченнымъ свѣтскимъ обычаямъ. На свадьбѣ Марке, онъ влюбляется въ его сестру, прекрасную Бланшефлуръ; но, во время одной стычки, былъ раненъ и полуживой привезенъ въ Тинтайоль—столицу короля. Увлеченная дѣвушка начинаетъ за нимъ ухаживать и часто посѣщаетъ его комнату, переодѣтая нищей. Задобренная гувернантка, по тогдашнему — „Meisterin“, допускаетъ между ними связь въ надеждѣ, что больной умретъ и что дѣло канетъ безо всякихъ слѣдовъ. Между тѣмъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ, Бланшефлуръ дѣлается беременною, а Ривалинъ выздоравливаетъ и, получивъ извѣстіе о новомъ нападеніи враговъ на Парменію, собирается ѣхать домой. Тайно увозитъ онъ съ собой тоскующую по немъ принцессу и, воротившись на родину, на ней женится; но скоро за-тѣмъ погибаетъ въ начавшейся войнѣ. Немногимъ переживаетъ его и королева, и послѣ рожденія сына, слѣдуетъ за любимымъ мужемъ въ могилу. Новорожденный является на свѣтъ круглымъ сиротой и среди такихъ печальныхъ обстоятельствъ, что это и заставило его опекуновъ дать ему имя Тристана.

И здѣсь, стало быть, какъ въ поэмѣ Вольфрама, исторія отца служитъ прологомъ и какъ-бы предсказаніемъ жизненной карьеры сына. Но это уже начало обѣщаетъ читателю совсѣмъ иное, болѣе натуральное, правдивое отношеніе къ жизни, чѣмъ возвышенное пареніе „Парсиваля“. Мы, конечно, очень далеки отъ того, чтобъ оправдывать вину молодыхъ людей. Но тутъ есть, по-крайней-мѣрѣ, свои смягчающія обстоятельства. Это—искренность юнаго увлеченія, не измѣнившая своему характеру и впослѣдствіи. Но важнѣе всего то, что Ривалинъ не могъ искать прямымъ путемъ руки сестры короля Марке. Можетъ быть, покажется на первый взглядъ страннымъ, что владѣтельный князь не смѣетъ мечтать о родствѣ съ такимъ-же владѣтельнымъ княземъ. Но эта темная Парменія, постоянно стоящая въ романѣ на дальнемъ фонѣ картины, составляетъ, по видимому, такое скудное и незавидное достояніе, что, въ кругу богатыхъ и сильныхъ властителей феодальнаго міра, король ея является почти пролетаріемъ. Это обстоятельство надо непремѣнно имѣть въ виду, чтобы понять роль, ка-

кую приходится Тристану разыграть въ большомъ свѣтѣ. Далѣе, такъ-какъ дѣло коснулось комментаріевъ, мы должны замѣтить, что многіе считаютъ Готфрида и его романъ образцемъ глубочайшей безнравственности, какъ по основнымъ идеямъ, такъ и по внѣшнимъ формамъ. Что касается идей, то онѣ именно и есть то искомое неизвѣстное, ради котораго мы предприняли разборъ цѣлаго произведенія. Слѣдовательно, о нихъ рѣчь — впереди. А относительно формы, дѣйствительно, не смотря на всю ея наивную грацію и обольстительную прелесть образовъ и живыхъ красокъ, „Тристана и Изольду“ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать назидательнымъ чтеніемъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что и „Парсиваля“ мы не пожелали бы также видѣть въ рукахъ слишкомъ юнаго читателя. Нѣ смотря на героическій тонъ поэмы въ ней встрѣчаются сцены до-того оскорбительныя для нравственнаго чувства человѣка нашего времени, что невольно приходишь къ мысли, до-чего должна была простираться простота и грубость тогдашнихъ нравовъ, если даже такое возвышенное произведеніе не можетъ быть передано вполнѣ, безъ нарушенія приличій. Готфридъ, конечно, еще болѣе не стѣснялся въ этомъ отношеніи, какъ онъ вездѣ и во всемъ служилъ болѣе естественнымъ и правдивымъ отраженіемъ своего вѣка. Но мы здѣсь имѣемъ дѣло съ идеями, а а не съ формой, и пока еще не видимъ, чѣмъ Ривалинъ безнравственнѣе Гамурета, бросавшаго своихъ женъ, ради рыцарскихъ поисковъ за славой и знатными красавицами.

Но мы переходимъ къ исторіи Тристана. По смерти родителей, сирота-мальчикъ остается на рукахъ маршала Руаля, прозваннаго, за свою ленную вѣрность и преданность королевскому дому, li Foistenant. Сосѣдній владѣтель Морганъ, въ борьбѣ съ которымъ погибъ Ривалинъ, подчиняетъ его царство своей власти. Колыбель ребенка окружена такими опасностями, что Руаль не рѣшается даже объявить о его существованіи. Онъ распускаетъ слухъ, что покойная королева разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, а жена его Флорета разыгрываетъ притворные роды и выдаетъ Тристана за своего новорожденнаго. Проходятъ годы ранняго дѣтства, въ теченіе которыхъ малютка остается на попеченіи своей мнимой матери; но когда ему исполнилось семь лѣтъ, начинается его воспитаніе. Замѣчательно, какъ даже здѣсь отклоняется Готфридъ отъ принятыхъ въ его время обычаевъ и порядковъ. Вмѣсто того, чтобъ отдать мальчика пажемъ ко двору какого-нибудь знат-

наго владѣльца, гдѣ бы его выучили свѣтскому обращенію, да рыцарскому искусству, какъ это водилось обыкновенно въ феодальномъ обществѣ, Руаль приставляетъ къ нему одного мудраго человѣка, который везетъ его въ чужіе края для изученія языковъ и пріобрѣтенія наглядныхъ свѣдѣній о жизни. Но болѣе всего рекомендуется Тристану „книжная наука“, которую всѣми силами долженъ изучать онъ „прежде всѣхъ другихъ знаній“. Не забыто и художественное образованіе, — игра на разныхъ инструментахъ и пѣніе. Послѣ того уже какъ-бы на второмъ планѣ являются упражненія въ верховой ѣздѣ и оружіи, въ охотѣ и гимнастикѣ, во всѣхъ тонкостяхъ тогдашней куртуазіи. Главное — это развитіе умственныхъ и эстетическихъ способностей. Въ четырнадцать лѣтъ Тристанъ уже задумывается надъ своими и чужими общественными порядками и умѣетъ слагать и исполнять всѣ роды пѣсенъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, это человѣкъ новаго времени, не похожій на представителей современнаго ему рыцарства и менѣе всего — на Парсиваля съ его прирожденными и односторонними рыцарскими доблестями. Мы увидимъ сейчасъ, что и своими успѣхами въ жизни онъ обязанъ не рыцарству и предъизбранію свыше, а собственнымъ усиліямъ — уму, ловкости и талантамъ. И какъ-бы въ довершеніе всего развитія, добытаго этимъ путемъ, случай посылаетъ ему еще одного учителя, едва-ли не самаго дѣйствительнаго — нужду и горе. Заѣзжіе купцы обманомъ увозятъ его изъ дому и, когда поднимается на морѣ буря, показавшаяся имъ наказаніемъ за похищеніе, въ ужасѣ высаживаютъ его на первый попавшійся берегъ. Съ этой минуты начинается самостоятельная жизнь нашего героя.

По странному стеченію случайностей, земля на которой очутился Тристанъ, была Корнваллисъ, владѣніе дяди его, уже знакомаго намъ короля Марке. Онъ узнаетъ объ этомъ, повстрѣчавъ въ лѣсу королевскую охоту, хотя, конечно, не подозрѣваетъ, что Марке съ нимъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Выдавъ себя за купеческаго сына, занесеннаго бурей на этотъ берегъ, онъ скоро обращаетъ на себя вниманіе охотниковъ своею ловкостію, знаніемъ охотничьяго дѣла и особенно своимъ удивительнымъ искусствомъ трубитъ въ рогъ. Съ торжествомъ ведутъ они его въ Тинтайоль и представляютъ королю, который совершенно имъ очарованъ. Въ короткое время Тристанъ дѣлается любимцемъ Марке, его неотлучнымъ собесѣдникомъ и получаетъ званіе его великаго ловчаго.

Между тѣмъ вѣрный Руаль не можетъ простить себѣ оплошности, вслѣдствіе которой его питомецъ и будущій государь похищенъ купцами-разбойниками. Онъ самъ отправляется искать его по свѣту и, пространствовавъ нѣсколько лѣтъ среди нищеты и лишеній, находитъ его, наконецъ, въ Корнваллисѣ и, разумѣется, открываетъ Марке тайну его рожденія. Неожиданнымъ образомъ, неизвѣстный и безродный пришлецъ, какимъ его считали во дворѣ, становится принцемъ и наслѣдникомъ своего бездѣтнаго дяди. Первою своею обязанностію считаетъ онъ теперь вознаградить рѣдкую преданность Руаля. Съ нимъ вмѣстѣ возвращается онъ на родину и, одолѣвъ Моргана, возстановляетъ тамъ свои законныя права. Парменія отдана имъ за-тѣмъ въ ленъ сыновьямъ Руаля, а самъ онъ снова отправляется на чужбину искать и добывать себѣ счастія.

Воротившись ко двору дяди, Тристанъ застаетъ здѣсь общее уныніе и печаль. Англія и Корнваллисъ издавна платятъ дань ирландской коронѣ. Страшный витязь Морольдъ, сынъ тамошняго короля, каждый годъ является для сбора этой дани, и теперь именно ожидали его прибытія. Тристанъ предлагаетъ рѣшить дѣло единоборствомъ, и въ состоявшемся поединкѣ убиваетъ Морольда; но въ то-же время самъ получаетъ отъ него рану отравленнымъ мечомъ. Къ счастію, однако, побѣжденный имъ врагъ находитъ довольно великодушія, чтобъ открыть ему секретъ исцѣленія. Передъ смертію онъ говоритъ ему, что никакіе врачи ему не помогутъ, и только сестра Изольда можетъ его вылѣчить. А для этого ему надо ѣхать въ Девелинъ, что очень трудно сдѣлать, потому что въ Ирландіи, въ отмщеніе за смерть Морольда, стали убивать всѣхъ англичанъ; но Тристанъ не унываетъ и, въ надеждѣ на свою ловкость и находчивость, рѣшается идти на-встрѣчу опасностямъ. Подъѣхавъ къ ирландскому берегу, онъ приказываетъ пересадить себя въ небольшую лодку, а корабль плыветъ обратно домой. Здѣсь остается онъ одинъ, полуживой и израненый. При немъ — только его любимая арфа. Но, услышавъ съ моря ея чудные звуки, очарованные прибрежные жители принимаютъ страннаго артиста и начинаютъ съ участіемъ разспрашивать. Тристанъ объясняетъ имъ, что онъ былъ когда-то придворнымъ музыкантомъ, а потомъ пустился торговать. Морскіе разбойники ограбили его теперь и изувѣченнаго бросили въ этой лодкѣ. Какъ водится, его представляютъ ко двору, гдѣ королева и прекрасная дочь ея Изольда до такой степени восхищены его пѣніемъ и игрой, что берутся лѣчить его.

Такъ Тристанъ достигаетъ своей цѣли и, подъ именемъ Тантриса, проводитъ нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ при девелинскомъ дворѣ. Выздоровленіе его подвигается впередъ, а между тѣмъ, въ благодарность за оказанное ему участіе и милости, онъ посвящаетъ юную принцессу во всѣ тайны своихъ удивительныхъ талантовъ. Онъ учитъ ее языкамъ, музыкѣ, разнымъ играмъ, искусству слагать канцоны и письма, и наконецъ такъ называемому „моралитету“. Подъ этимъ именемъ разумѣли въ средніе вѣка науку свѣтскихъ пріемовъ и приличій, и если мы вспомнимъ, до какой степени средневѣковая жизнь заключена была въ неизмѣнныя, условныя формы и какую важность приписывали тогда этой обрядной сторонѣ общественныхъ отношеній, то мы поймемъ роль, которую играли моралитеты, особенно — въ воспитаніи женщины. Тѣлодвиженія, походка, разговоръ, манера носить платье, встрѣчи и поклоны — для всего этого существовалъ цѣлый кодексъ общепринятыхъ правилъ, уклоненіе отъ которыхъ считалось признакомъ неблаговоспитанности. Франція и тогда уже давала тонъ этой свѣтской жизни для всей Европы и считалась образцомъ моды и утонченныхъ обычаевъ. Средневѣковой моралитетъ перешолъ разными путями и къ намъ, и тѣ стереотипныя наставленія, какъ держать руки, голову, спину, какіе дѣлать шаги въ гостинной или на улицѣ, какъ и сколько съ кѣмъ говорить, — которыя и теперь еще внушаютъ наши гувернантки своимъ воспитанницамъ, безъ сомнѣнія, берутъ свое начало оттуда.

Изольда лѣчитъ Тристана, Тристанъ учитъ Изольду. Нетрудно предвидѣть, что, при такихъ близкихъ отношеніяхъ, молодые люди сойдутся и понравятся другъ другу. Умный, ловкій, образованванный, вооруженный всѣми чарами художественной натуры юноша неизбѣжно долженъ былъ овладѣть вниманіемъ даровитой и впечатлительной дѣвушки. Но, разумѣется, о какомъ-нибудь дальнѣйшемъ сближеніи не могло быть и рѣчи. Непроходимая бездна, въ общественномъ отношеніи, отдѣляетъ бездомнаго авантюриста отъ царской дочери. И она только со вздохомъ можетъ сказать себѣ: „Боже мой, какъ странно устроенъ свѣтъ! Этотъ талантливый человѣкъ бѣденъ и незнатенъ, тогда какъ столькими царствами управляютъ бездарные“.

Но вотъ Тристанъ здоровъ и ѣдетъ домой, отпросившись подъ тѣмъ предлогомъ, что у него на родинѣ осталась жена. Появленіе его при дворѣ Марке привело всѣхъ въ изумленіе, а во многихъ

возбудило даже злобу. Надо замѣтить, что великіе бароны Корнваллиса, окружающіе престолъ короля, вообще не жалуютъ Тристана и смотрятъ на него, какъ на выскочку. Только милость и любовь дяди составляютъ всю его силу, ей только онъ обязанъ своимъ положеніемъ. Но внутренно родовая знать не считаетъ его даже равнымъ себѣ и приходитъ въ ужасъ при мысли, что этотъ пролетарій будетъ со-временемъ ея королемъ. Она никакъ не разсчитывала на его возвращеніе, въ полной увѣренности, что онъ погибнетъ, или отъ ранъ, или отъ непріятеля, и была имъ теперь озадачена. Начинаются интриги и подкопы противъ Тристана. Распускаютъ молву, что онъ самозванецъ, что онъ околдовалъ короля, да и Морольда побѣдилъ только чарами. Рутинная аристократія ни за что не можетъ простить ему его превосходства и, чтобы такъ или иначе устранить его отъ престола, настаиваетъ, чтобы старикъ Марке вступилъ въ новый бракъ. И такъ какъ Тристанъ, въ своихъ разсказахъ, постоянно превозносилъ Изольду, ея красоту и достоинства, то рѣшено было, что онъ снова поѣдетъ въ Девелинъ во главѣ свадебнаго посольства отъ короля. На этотъ разъ, думали бароны, онъ уже на вѣрное погибнетъ. Но вѣроятность быть убитымъ была не единственнымъ несчастіемъ, грозившимъ теперь Тристану. Было еще другое, не менѣе чувствительное. Для старика дяди ему приходилось сватать любимую женщину: или смерть, или потеря лучшей въ жизни надежды; такъ ловко и страшно была придумана его врагами роковая дилемма. И если, выпутываясь изъ нея, герой нашъ долженъ былъ опрокинуть установившійся нравственный и соціальный законъ, то согласимся, по-крайней-мѣрѣ, что не вся вина въ этомъ должна пасть на него одного.

На этотъ разъ Тристанъ является въ Ирландію подъ видомъ иноземнаго купца, что ему легко было сдѣлать при знаніи чужихъ языковъ, — и въ этомъ качествѣ получаетъ доступъ въ страну. Первое, что слышитъ онъ здѣсь, это разсказы о страшномъ драконѣ опустошающемъ окрестности, и о томъ, что король обѣщаетъ руку своей дочери тому, кто избавитъ край отъ недоступнаго, изрыгающаго пламя чудовища. Принявъ разныя предосторожности и хитрыя мѣры, Тристанъ идетъ на борьбу съ нимъ и избиваетъ его; но самъ до-того обезсиленъ ядовитыми испареніями отъ его крови, что падаетъ полумертвый въ близъ-текущій ручей. Здѣсь находятъ его королева и ея дочь и, плѣнившись его юною красотой, велятъ перенести во дворецъ. Герой нашъ вторично пользуется нѣжными

попеченіями прекрасной Изольды и, въ награду за совершенный имъ подвигъ, проситъ только одного — безопасности для себя и своихъ людей. Торжественное обѣщаніе, данное ему въ этомъ отношеніи, пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ это самое время, по обломку меча Морольда, узнаютъ, что онъ — его убійца, — и только этимъ дальновиднымъ разсчетомъ спасается онъ отъ мести его родныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывается также, что онъ тотъ самый Тантрисъ, который нѣкогда разыгривалъ роль музыканта и учителя принцессы.

Но когда прошли первые порывы негодованія на цѣлый рядъ обмановъ, жертвою которыхъ такъ долго былъ девелинскій дворъ, Тристанъ находитъ возможнымъ не скрывать долѣе настоящей цѣли своего прибытія и, вытребовавъ свою посольскую свиту, скрывавшуюся на кораблѣ, дѣлаетъ Изольдѣ торжественное предложеніе отъ имени короля Марке. Созванный по этому случаю придворный совѣтъ рѣшаетъ, что, какъ побѣдитель дракона, онъ имѣетъ на то полное право. Родители также соглашаются на этотъ бракъ, находя его выгоднымъ и почетнымъ. Одна Изольда, противъ воли и не безъ внутренняго ужаса, уступаетъ общему желанію. Заботливая мать снабжаетъ ее на дорогу магическимъ любовнымъ напиткомъ для нея и ожидающаго ее супруга, и счастливый Тристанъ увозитъ прекрасную принцессу въ Корнваллисъ. Во время плаванія, онъ, конечно, расточаетъ передъ ней всю нѣжную заботливость родственника и тайнаго поклонника; но на всѣ его ласки Изольда холодно и гордо отвѣчаетъ одно, что онъ выманилъ ее хитростями и что она безчестнымъ образомъ продана. Между тѣмъ, по неосторожности или невѣдѣнію, Тристанъ выпиваетъ часть случайно попавшагося ему волшебнаго питья, приготовленнаго для Марке, а остальное, также неосторожно и случайно, выпиваетъ Изольда, и какъ только молодые люди вкусили роковаго бальзама, тотчасъ-же воспламенились непобѣдимою взаимною страстью. Борьба между долгомъ и чувствомъ, длившаяся нѣкоторое время, оканчивается полнымъ паденіемъ Изольды, — и старый король получаетъ жену, безъ памяти влюбленную въ его молодого племянника.

За-тѣмъ въ супружеской жизни новобрачныхъ развивается цѣлая система обмановъ противъ бѣднаго Марке, слишкомъ соблазнительныхъ по формѣ и содержанію, для передачи хотя бы отчасти нынѣшнею печатью. Да это было бы и излишне, такъ-какъ на этихъ сценахъ собственно прерывается неоконченный романъ

Готфрида страсбургскаго, и онѣ ничего не прибавляютъ существеннаго къ извѣстному намъ его сюжету. Главная идея, впрочемъ, успѣла уже обозначиться довольно ясно, и на ней-то именно мы остановимъ теперь наше вниманіе.

Даже при томъ короткомъ изложеніи, какое мы представили выше, можно видѣть, что „Тристанъ и Изольда“ изображаетъ какой-то иной, новый міръ, мало похожій на рыцарскую сферу, гдѣ вращается и дѣйствуетъ Парсиваль. Нужды нѣтъ, что авторъ водитъ читателя по дворамъ королей, что герой его тоже рыцарь самаго благороднаго происхожденія и что въ повѣсти его выступаютъ на сцену сверхъестественныя явленія и силы. То была невольная дань, заплаченная вѣку. Только среди этого избраннаго рыцарскаго круга привыкло средневѣковое человѣчество видѣть настоящую жизнь со всѣми ея прелестями — свободой, почетомъ и поэзіей. За предѣлами этой привилегированной, но тѣсно замкнутой области никакая заслуга или талантъ не могли найдти себѣ ни пищи, ни признанія, ни награды. Готфридъ тоже долженъ былъ примкнуть къ ней. Но эти удивительные поединки, великаны, драконы и разныя волшебныя зелья, которые мелькаютъ въ его поэмѣ, — не болѣе, какъ условная, общепринятая въ то время литературная форма. Въ сущности же весь строй идей и взглядовъ на жизнь до-того чуждъ и даже противоположенъ всѣмъ основнымъ элементамъ рыцарства, что удивляешься, какъ такой человѣкъ могъ быть современникомъ Вольфрана фонъ-Эшенбаха. Вмѣсто породы, силы, отваги, чести, самоотверженія, тщеславія, фанатизма и набожности, — всего того, что составляло сущность идеальнаго рыцарства въ парсивалевомъ смыслѣ, у Готфрида дѣйствующими пружинами въ жизни являются умъ, образованіе, практическая ловкость, полная человѣческая любовь, не платоническая, конечно, но за-то простая и искренняя, и — собственный интересъ каждаго. Его герой не чуждъ ни великодушія, ни мужества, ни поэзіи, но главное его оружіе — это глубокое знаніе человѣческаго сердца. И еслибъ мы позволили себѣ такое-же преувеличеніе, какое допускаютъ поклонники Вольфрама, называя его предтечею Гете, то мы бы назвали Готфрида страсбургскаго Шекспиромъ XIII вѣка. Но мы будемъ осторожнѣе въ сближеніяхъ и повторимъ только, что Тристанъ — человѣкъ новаго времени и понимаетъ любовь и женщину вовсе не такъ, какъ понимаетъ ихъ рыцарь Парсиваль.

Вотъ то замѣчательное мѣсто „Тристана и Изольды“, гдѣ ав-

торъ противопоставляетъ рыцарскую любовь тому идеалу, какой носился въ его собственномъ воображеніи.

„Когда я подумаю, какія чудеса дѣлаетъ любовь, сколько въ ней радостей и счастія, если къ ней относятся искренно, то сердце мое подымается и дѣлается шире, чѣмъ широкій свѣтъ.

„Всѣ мы, живущіе на землѣ, ищемъ и стремимся къ любви, на которой зиждется жизнь,—и однакожъ никто не хочетъ признать ея истинныхъ правъ.

„Нѣтъ, любовь не создана такою, какою мы ее сдѣлали, примѣшивая къ ней лживыя побужденія. Съ обманомъ и фальшью въ груди приступаемъ мы къ ней въ надеждѣ найдти отраду душѣ и тѣлу. Но она приноситъ намъ только горечи. Мы сѣемъ бурьянъ, а думаемъ собирать розы и лиліи. Такъ въ наши дни обращаемся мы съ любовью, и ничего не находимъ въ ней, кромѣ неудачъ, несчастій и легкомыслія.

„Отъ любви у насъ осталось только слово и имя. Изношенная и поруганная, выходитъ она на торжищѣ съ нищенской сумой и съ краденнымъ добромъ. Царица людскихъ сердецъ, одно, что въ нихъ есть чистаго и прекраснаго, она становится обычнымъ товаромъ. Фальшивые монетчики любви, мы, вмѣсто искренняго чувства, носимъ лишь одну его наглую поддѣлку“.

Въ такихъ краскахъ по-крайней-мѣрѣ, если не въ тѣхъ-же самыхъ словахъ является въ устахъ негодующаго поэта знаменитая рыцарская „Minne“,—эта любовь самолюбія, тщеславія и парада. Все ея несчастіе, все зло состоитъ въ томъ, что она совершенно лишена всякой правды. Только во взаимной искренности состоитъ истинная любовь, и ея-то и недоставало модному рыцарскому культу. При искренности, продолжаетъ Готфридъ, не нужно никакихъ величавыхъ обрядовъ, пышныхъ словъ и внѣшнихъ эмблемъ и отличій. „Одного взгляда, одной улыбки, посланной отъ любящаго сердца, довольно, чтобъ унять всѣ сомнѣнія и боли“.

И вотъ такую-то простую, естественную, искреннюю любовь рисуетъ намъ поэтъ въ граціозной четѣ Тристана и Изольды. Люди эти принадлежатъ другъ другу по равенству развитія и дарованій, по взаимной симпатіи и влеченію, но никѣмъ непризнанному натуральному праву, тогда какъ соціальный законъ раздѣляетъ ихъ неодолимыми преградами. Вѣчная борьба этихъ двухъ силъ и теперь еще наполняющая общество своими явленіями и жертвами, точно такъ-же и тогда волновала грудь человѣка. Готфридъ имѣлъ

довольно мужества, чтобы среди XIII вѣка, въ эпоху полнаго господства родовыхъ привилегій и имущественной ленной классификаціи, поднять голосъ въ защиту свободныхъ правъ каждаго человѣческаго сердца.

Средневѣковая Германія, подавленная ленной іерархіей и косвенно протестовавшая противъ нея уже самымъ обычаемъ „дамской службы“, нашла въ этихъ идеяхъ много сочувственнаго и почтила смѣлаго поэта тѣмъ вниманіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Нѣмецкіе историки, какъ, напримѣръ, Вильмаръ и Курцъ, не находятъ довольно негодованія, чтобы заклеймить Готфрида страсбургскаго позоромъ, какъ наглаго попирателя священнаго учрежденія брака. Но мы опять повторяемъ, что, нисколько не оправдывая цинизма, съ какимъ онъ осмѣиваетъ супружескую жизнь несчастнаго Марке, мы все-таки не должны забывать, что бракъ былъ почти разрушенъ самимъ-же рыцарствомъ вслѣдствіе повсемѣстно распространившагося обычая служенія избранной женщинѣ. Готфридъ запятналъ насмѣшкой только уродливую и пустую форму, оставшуюся въ его время отъ брака.

Къ сожалѣнію, не одинъ только смѣлый протестъ Готфрида противъ безобразныхъ супружескихъ отношеній его вѣка доставилъ ему такую широкую популярность. Современники его увлекались, правда, тою исторіей свободнаго сердца, какая олицетворена имъ въ Тристанѣ; но еще болѣе увлекались они заманчивымъ и опоэтизированнымъ матеріализмомъ, проникающимъ насквозь знаменитое произведеніе. Чувственная страсть достигла здѣсь такой апотеозы и одѣлась въ такія раздражающія краски, что только нынѣшній французскій романъ, во вкусѣ „Нана“ и ему подобныхъ, можетъ стать на-равнѣ съ „Тристаномъ“. Рыцарскій міръ заключалъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ, причинъ и побужденій къ безнравственности, чтобы не броситься съ жадностію на подобную поэзію. Общая порча нравовъ, дѣлавшаяся годъ отъ году грубѣе и ярче, находила въ ней желанную пищу и очень скоро переступила за тотъ предѣлъ, на которомъ удержался Готфридъ страсбургскій. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи, мы уже не встрѣчаемъ ни человѣческихъ идей, ни поэтическаго блеска, которыми этотъ писатель умѣлъ возвысить и облагородить чувственность. Даже отъ „дамской службы“, вообще крайне бѣдной нравственнымъ содержаніемъ, но все-же вращавшейся въ приличныхъ и благородныхъ формахъ, въ половинѣ XIII вѣка осталась одна только карри-

катура. Самый грубый матеріализмъ беззавѣтно овладѣлъ обществомъ.

Къ этой-то эпохѣ стремглавъ падающаго рыцарства, какъ лучшій его образчикъ и представитель, относится образъ Ульриха фонъ-Лихтенштейна.

VI.

Штирійскій рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ жилъ въ половинѣ XIII вѣка и въ свое время хорошо былъ извѣстенъ въ юго-восточной полу-славянской Германіи. Потомство знаетъ его по очень куріезнымъ мемуарамъ, которые онъ оставилъ о своей жизни, или, что все равно, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, такъ-какъ вся жизнь его протекла почти только въ этихъ занятіяхъ. „Frauendienst“ или дамская служба — такъ назвалъ Лихтенштейнъ свою біографію — весьма интересный памятникъ въ своемъ родѣ. Онъ бросаетъ такъ много свѣта на знаменитое рыцарское служеніе дамамъ и заключаетъ столько живописныхъ подробностей вообще о жизни тогдашняго нѣмецкаго рыцарства, что со временъ Бюшинга, его не обходилъ ни одинъ культурный историкъ средневѣковой Германіи. Конечно, здѣсь живо представлено уже падающее, вырождающееся рыцарство, но все же его картины даютъ возможность дѣлать возвратныя заключенія и о прежнихъ, лучшихъ рыцарскихъ поколѣніяхъ, какъ каррикатура часто позволяетъ догадываться объ истинныхъ чертахъ оригинала. Записки Ульриха получаютъ поэтому болѣе общее и важное историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что рыцари добрыхъ старыхъ временъ не умѣли намъ ничего передать о своихъ подвигахъ и жизни, и „Frauendienst“ остается единственнымъ полнымъ документомъ подобнаго содержанія. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться и на-счетъ лихтенштейновыхъ „записокъ“. Называя этимъ именемъ сочиненіе Лихтенштейна, мы не думали сказать, что онъ самъ и „написалъ“ его. Ульрихъ, какъ и всѣ добрые рыцари, незнакомъ былъ съ грамотой и диктовалъ свои воспоминанія такъ-же, какъ, будучи вмѣстѣ и миннезенгеромъ, диктовалъ онъ свои пѣсни. То были вѣка, когда такое лицо, какъ Карлъ Великій, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ безуспѣшно училось писать — tentabat et scribere, какъ говоритъ біографъ его, Эгингардъ, — и когда величайшій эпическій поэтъ средневѣковой Германіи, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, былъ, какъ извѣстно, неграмотенъ. Не смотря на то, Лихтенштейнъ умѣлъ передать

намъ свои мемуары съ такою живостію и съ такою неподражаемой наивностью, что нѣтъ никакой возможности заподозрить ни ихъ подлинности, ни ихъ чистосердечія. Мы постараемся какъ можно ближе держаться довольно точнаго переложенія, сдѣланнаго Тикомъ, и этимъ путемъ познакомить читателя со всѣми характернѣйшими ихъ чертами.

Съ первыхъ же строкъ мы слышимъ страстнаго поклонника прекраснаго пола.

„Хоть меня и мало награждали женщины за мою службу, — такъ начинаетъ Ульрихъ свой „Frauendienst“, — все же долженъ сказать я, что въ нихъ — все благо и счастіе міра. Богъ не создалъ ничего лучше хорошей женщины, и кто опредѣлилъ бы, гдѣ конецъ свѣту, тотъ развѣ указалъ бы предѣлъ ихъ хвалѣ. Чистая, добрая и прекрасная женщина душою и тѣломъ подобна ангеламъ“.

Послѣ такого дифирамба женскимъ прелестямъ, начинается самая исторія.

„Еще мальчикомъ слышалъ я, какъ безпрестанно вокругъ меня говорили о женщинахъ и расточали имъ похвалы, и тогда же рѣшился служить имъ, такъ-какъ только ихъ вниманіе можетъ дать человѣку достоинство, отраду и счастіе“....

„Сталъ я расспрашивать о дамахъ въ нашей сторонѣ; но никого такъ не превозносили, какъ одну. Она была высокорожденная особа, украшенная всѣми достоинствами, хороша, добра, скромна и чиста. Ей рѣшился служить я и служилъ совершенно по-дѣтски. Я цѣловалъ цвѣты, къ которымъ она прикасалась, и украдкой выпивалъ воду, гдѣ она умывала руки. Я пробылъ при ней пажемъ съ пяти до двѣнадцати лѣтъ“.

„За-тѣмъ отецъ отдалъ меня къ Генриху, маркграфу австрійскому, куда я поступилъ оруженосцемъ. То былъ кроткій, великодушный, умный и отважный государь. Ни о комъ ни говорилъ онъ дурно и съ каждымъ прилично умѣлъ обойдтись, носилъ Бога въ сердцѣ и былъ вѣренъ въ дружбѣ и любви, а женщинамъ служилъ такъ преданно, какъ только слѣдуетъ рыцарю. Онъ часто говорилъ мнѣ: кто хочетъ жить достойно, долженъ отдать себя женщинѣ. У него выучился я хорошо говорить о дамахъ, ѣздить верхомъ и въ пѣсняхъ слагать сладкія слова“.

Вотъ и все воспитаніе Ульриха. Это, впрочемъ, обыкновенное воспитаніе тогдашняго юношества. Семилѣтняго отрока отдаютъ въ

чужой знатный домъ, гдѣ онъ совершенно отвыкаетъ отъ родителей, а родители отъ него. Прекращаются всѣ связи съ семьей, и съ первыхъ же дней жизни выростаетъ уже будущій попиратель семейныхъ правъ и семейнаго долга. Какую же цѣну имѣетъ послѣ того нѣкогда ходячее мнѣніе, что общественный строй среднихъ вѣковъ способствовалъ развитію семейной жизни? „Дворы знатныхъ — говорилъ еще Сентъ-Пале и съ голоса его повторяли многіе — были прекрасными школами для юношества и вмѣстѣ — благотворительными заведеніями для бѣднаго рыцарства. Здѣсь получало оно прекрасное наглядное воспитаніе посредствомъ живыхъ примѣровъ, бывшихъ постоянно передъ глазами; здѣсь, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, знакомились будущіе супруги и устанавливалась гармонія связей“. Но изъ разсказа нашего Лихтенштейна мы уже знаемъ, какіе примѣры были у дѣтей на глазахъ, какими разговорами питалась ихъ любознательность и какого рода связи устанавливались въ замкахъ тогдашней знати. Мальчикъ проводилъ время въ „кеменатѣ“, по тогдашнему — въ будуарѣ прекрасной дамы, голова его съ раннихъ поръ наполнялась романическими бреднями, а когда, съ двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ, дѣлался оруженосцемъ (écuyer, Knappe), то, кромѣ верховой ѣзды, да рыцарской гимнастики, ничему не выучивался. А примѣры и разговоры все были тѣ-же. Только еще ближе и еще вреднѣе дѣйствовали они на юное воображеніе. Дворъ какого-нибудь вельможи обыкновенно наполняла толпа бѣдныхъ служилыхъ рыцарей-дармоѣдовъ, людей, рѣдко отличавшихся хорошими свойствами рыцарства и чаще всего дурными, и юноша-оруженосецъ, завѣдывая, по обычаю времени, то конюшней, то столомъ, то оружіемъ, или другими отдѣлами хозяйства, большею частію вращался въ ихъ кругу. И счастливѣе другихъ былъ тотъ, какъ это, по видимому, случилось и съ Лихтенштейномъ, кто, по-крайней-мѣрѣ, состоялъ при особѣ самого хозяина замка.

„Умеръ отецъ“, продолжаетъ далѣе нашъ Ульрихъ свой разсказъ, коротко и холодно касаясь этого событія, и потомъ нигдѣ уже не напоминая ни отца, ни матери, а о женѣ и дѣтяхъ говоря только вскользь, нѣсколько словъ — „умеръ отецъ и, пріѣхавъ домой, я засталъ въ Штиріи много турнировъ, гдѣ молодые оруженосцы упражнялись въ рыцарствѣ, — и я сталъ учиться, подобно имъ. Я думалъ, что если мнѣ суждено заслужить милость моей дамы, то это можетъ случиться только посредствомъ рыцарства, и

потому учился много и ревностно. Такъ прошло три года. Наконецъ меня сдѣлали рыцаремъ. Это произошло въ Вѣнѣ, гдѣ, по случаю свадьбы дочери австрійскаго герцога Леопольда, этотъ благородный князь роздалъ рыцарское достоинство двумъ-стамъ пятидесяти молодымъ людямъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Графы, бароны, служилые рыцари, всѣхъ болѣе тысячи, получили подарки — золотомъ, серебромъ, конями, оружіемъ и платьемъ. Пять тысячъ рыцарей сидѣло за столомъ. Много танцовали, тьостировали и бугурдировали. Было много дамъ. Была и моя, но я не посмѣлъ сказать ей ни слова, и хоть мнѣ было это грустно, но я поступилъ такъ для того, чтобъ избѣжать сплетень. Только одному изъ моихъ друзей сказала она, что рада видѣть меня рыцаремъ. Что еслибъ она позволила мнѣ служить ей? — и эта глупая мечта нравилась мнѣ и внушала мнѣ много гордости“.

По приблизительному разсчету, Ульриху должно было быть въ это время около двадцати лѣтъ, а его дамѣ, по-крайней-мѣрѣ, тридцать пять. При такомъ отношеніи возрастовъ, увлеченія со стороны юноши бываютъ довольно рѣдки. Но если допустить даже такую возможность, то нельзя не согласиться, что въ самомъ процессѣ „избранія“ себѣ дамы есть уже что-то напускное и искусственное. Почти очевидно, да въ этомъ мы дальше и убѣдимся, что тутъ главную роль играетъ подражаніе общепринятому обычаю или просто — модѣ. Дама была знатна и высоко поставлена, — и этого было довольно, чтобъ именно на нее обратить виды. Но замѣчательнѣе всего то, что мало по малу Лихтенштейнъ до татакой степени успѣлъ убѣдить себя самого въ искренности своихъ чувствъ, что сталъ серіезно разъигрывать влюбленнаго и дѣлать разныя сумасбродства. Посмотримъ теперь, какъ принялся онъ преслѣдовать свою цѣль.

„Пришла зима, говоритъ онъ, кончились турниры, и я былъ печаленъ. Моя дама была такъ оберегаема, что не только нельзя было ее видѣть, но даже не было у меня никого, черезъ кого бы можно было передать ей отъ меня слово. Она и не знала, какъ я горю желаніемъ служить ей. Вотъ поѣхалъ я однажды къ моей двоюродной сестрѣ, бывшей замужемъ въ одномъ сосѣднемъ бургѣ. Та угадала мою страсть, обѣщала хранить тайну, помогать сколько можно и если можно, но замѣтила, что она слишкомъ знатна для меня и будетъ сердиться, когда узнаетъ о моей смѣлости. Тогда же сложилъ я, въ честь ея, мою первую пѣсню“.

„Пять недѣль ѣздилъ я потомъ и высматривалъ женщинъ, наконецъ заѣхалъ къ сестрѣ. Оказалось, что она уже говорила съ ней. Отвѣтъ былъ не изъ поощрительныхъ.—Онъ порядочный человѣкъ, сказала благородная дама, и былъ у меня пажемъ. Но эту глупость онъ долженъ оставить. Я никогда не приму его услугъ. Это было бы для него слишкомъ много. Да еслибъ онъ даже украшенъ былъ всевозможными доблестями, то ужь одинъ его отвратительный ротъ способенъ изгнать любовь изъ всякаго женскаго сердца. — Я тутъ-же отвѣчалъ, что велю себѣ обрѣзать губу“.

Герой нашъ, какъ видно, далеко не былъ красавецъ и вдобавокъ на верхней губѣ имѣлъ какой-то наростъ. Но эти природные недостатки не останавливаютъ его искательствъ. Слѣдующей же весной ѣдетъ онъ въ Грацъ, находитъ тамъ какого-то хирурга и мужественно выдерживаетъ операцію, стоившую ему шестинедѣльной болѣзни. „Знакомые крестились отъ изумленія, узнавъ о моей рѣшимости“, прибавляетъ онъ наивно.

„Выздоровѣвъ, поѣхалъ я къ сестрѣ и чрезъ нее послалъ моей дамѣ письмо и пѣсню, которую я сложилъ въ честь ея въ Грацѣ. Она отвѣчала, что слѣдующую недѣлю ѣдетъ въ гости и тамъ желаетъ меня увидѣть, чтобы посмотрѣть мой новый ротъ. Я, разумѣется, тотчасъ поѣхалъ; но она была такъ окружена, что я не могъ и подойдти къ ней. На другой день, однако, я видѣлъ ее въ церкви, гдѣ ея капелланъ служилъ обѣдню. Она мнѣ поклонилась, но не сказала ни слова. На слѣдующій день сестра говоритъ мнѣ: — ты счастливецъ, она позволила тебѣ говорить съ ней сегодня, — она поѣдетъ верхомъ. — Пять разъ подъѣзжалъ я къ ней, чтобы начать разговоръ, но отъ волненія и страха не могъ говорить. Поблѣднѣю, сконфужусь, и языкъ не ворочается. Наконецъ пріѣхали. Стали снимать дамъ съ лошадей. Подхожу я къ ней. — Вы слишкомъ слабы и нездоровы, чтобы снять меня, сказала она смѣясь, — но когда я помогалъ ей сойдти на землю, она выщипнула у меня клочекъ волосъ изъ головы, чего, впрочемъ, никто не видѣлъ. — Это вамъ за-то, что вы такой трусъ, — тихо проговорила она, уходя. Только на другой день, когда она опять ѣхала верхомъ, я, больной и убитый, рѣшился сказать ей, сколько ее люблю и какъ желалъ бы быть ея рыцаремъ. — Позвольте мнѣ служить вамъ, никогда въ жизни не пріобрѣту я ничего прекраснѣе вашей милой особы. — Молчите и уѣзжайте прочь, отвѣчала она, — видите, какъ за мной наблюдаютъ. Плохо пришлось бы

вамъ, если-бы кто услышалъ ваши слова. — И за-тѣмъ, подозвавши къ себѣ другихъ кавалеровъ, она поѣхала рядомъ съ ними".

Спѣшимъ замѣтить, что мы значительно смягчили послѣднюю сцену, и что въ подлинникѣ она гораздо грубѣе и выразительнѣе. Но даже и въ такомъ видѣ разговоръ, приведенный выше, позволяетъ ясно догадываться, какой характеръ имѣло искательство нашего героя и что разумѣли въ то время подъ именемъ служенія дамѣ. Ульрихъ цѣлые годы добивается случая объясниться съ владычицей своего сердца, и когда, наконецъ, его находитъ, то первыя слова, обращенныя къ ней, суть слова оскорбленія ея женственности и чести. А то обстоятельство, что дама, не питавшая къ нему никакого расположенія, не только не разражается противъ него негодованіемъ, но еще заботится о его безопасности, не доказываетъ ли также, что подобныя объясненія были тогда слишкомъ знакомымъ и привычнымъ явленіемъ даже для аристократокъ самаго высокаго полета?

„Все лѣто я турнировалъ очень удачно, продолжаетъ нашъ авторъ, и мнѣ удалось свалить съ коня очень извѣстнаго рыцаря. Но я не стану себя хвалить. Когда же пришла зима, я сочинилъ книжечку и переслалъ ее черезъ сестру моей дамѣ. Посланному велѣно было сказать ей, что это молитва, которую она должна прочесть ночью. На другой день она отдала книжечку посланцу, сказавши, что не желаетъ ее удерживать. Но сестра тотчасъ-же нашла тамъ отвѣтъ и передала мнѣ. Къ несчастію, моего писца не было дома, и цѣлые десять дней письмо оставалось нечитаннымъ. Наконецъ, онъ явился. Смыслъ отвѣта былъ тотъ, что кто желаетъ, чего не долженъ, тотъ только себѣ вредитъ. Что-жь, сказалъ я себѣ, я долженъ съ благодарностію принимать все отъ моей дамы, и пусть только пройдетъ зима, — я опять чѣмъ-нибудь стану служить ей".

Все это такія интересныя черты времени, которыя не требуютъ комментаріевъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на то, что въ интригу введено третье лицо, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ грамотѣевъ-жонглеровъ, которые обыкновенно служили довѣренными посредниками между рыцарями и ихъ красавицами, писали для нихъ письма и рецитировали передъ дамами, при звукахъ какого-нибудь струннаго инструмента, пѣсни, сложенныя ихъ обожателями. То былъ, конечно, общій обычай, условливавшійся неграмотностію самихъ героевъ. Но тѣмъ не менѣе, втор-

женіе подобныхъ лицъ, часто сомнительнаго поведенія и продажной честности, въ сферу интимныхъ и сердечныхъ отношеній должно было сообщать имъ еще болѣе грубый и нѣсколько площадный характеръ. Съ другой стороны, читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ также, какова была грамотность времени, когда сгорающій нетерпѣніемъ любовникъ, въ теченіи десяти дней не можетъ найдти никого, кто бы сумѣлъ прочесть ему письмо обожаемой женщины.

Слѣдуетъ за-тѣмъ тоже весьма любопытное описаніе фризахскаго турнира, куда съѣхалось множество князей, бароновъ и служилыхъ рыцарей, всего шестьсотъ человѣкъ подъ щитомъ. Явилось и духовенство, такъ-какъ настоящею цѣлью собранія было примиреніе маркграфа австрійскаго Генриха съ герцогомъ каринтійскимъ. Посредникомъ явился герцогъ австрійскій Леопольдъ. При каждомъ изъ князей, разумѣется, — громадная свита. Такъ составился великолѣпный турниръ, гдѣ переломали четыре тысячи копьевъ и гдѣ сто пятьдесятъ рыцарей лишились своихъ коней. Прелаты, однако, стали роптать, что они тратятъ здѣсь время на пустяки и проживаются безполезно; поэтому забава продолжалась только три дня, и рыцари, которые всю ночь проводили безъ сна, какъ соколы, ожидая наступающаго утра, чтобы выѣхать въ поле, очень жаловались на такое короткое наслажденіе. А въ чемъ именно состояло это наслажденіе, это лучше всего разскажетъ самъ Лихтенштейнъ, съ величайшими подробностями и съ видимымъ восторгомъ описывающій всѣ турниры, гдѣ ему приходилось участвовать. Разумѣется, что наибольшимъ его сочувствіемъ пользуются тѣ, кто сражался „ради женщинъ“, въ честь своихъ дамъ, — тогда какъ турнировавшіе съ тѣмъ, чтобы завладѣть конемъ побѣжденнаго противника, или, взявъ его въ плѣнъ, потребовать выкупъ, въ его глазахъ, какъ и въ общественномъ уваженіи, стоятъ на второмъ планѣ.

„Подъ моимъ щитомъ, разсказываетъ онъ съ гордостію, стояло тридцать шесть рыцарей, и всѣ они сражались ради дамъ. Но было много и такихъ, которые искали наживы; другіе дрались просто изъ рыцарской охоты, или для того, чтобъ учиться. Уже лежали многіе безъ чувствъ на землѣ, кто потерялъ коня, кто оружіе и каждый норовилъ какъ-бы свалить своего противника, когда и я показался въ полѣ въ сопровожденіи моихъ двѣнадцати оруженосцевъ. Мы всѣ были въ зеленомъ, и насъ никто не узналъ. Тридцать копьевъ переломилъ я въ тотъ день съ разными рыца-

рями. Но съ однимъ былъ по истинѣ славный тьостъ. Я взялъ коня въ шпоры, и мы слетѣлись, — колѣнями задѣли мы другъ друга, копья наши растрескались въ щепы, наши щиты свернулись. Speere, speere her! Намъ подали новыя копья, мы опять помчались на-встрѣчу, и я сбилъ ему шлемъ съ головы".

Не забудемъ, что записки свои Лихтенштейнъ писалъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ и, судя по одушевленію и живости, съ какими разсказываетъ онъ о своихъ рыцарскихъ похожденіяхъ, можно судить, какъ дороги были для него эти воспоминанія. Видно, что въ этомъ-весь интересъ жизни человѣка. Мы продолжаемъ.

„Сестра послала сказать ей, что во Фризахѣ я былъ первымъ и переломалъ сто копьевъ для славы ея имени. И когда она не повѣрила, я снова сталъ ѣздить по турнирамъ, тратилъ мое состояніе и рисковалъ моею жизнію, только бы заслужить ея вниманіе, — и такъ протурнировалъ я все лѣто, какъ слѣдуетъ доброму рыцарю, добившемуся высокой награды отъ своей дамы".

„Вотъ и опять зима, а успѣха все никакого. Сестра отказалась отъ посредничества, потому что возникли уже подозрѣнія. Я долженъ былъ искать другого посланца, но долго не могъ найдти. На весну опять турниры, — въ Тріестѣ, въ Бриксенѣ, въ Боценѣ. Я отличался вездѣ, но въ Мурре мнѣ отшибли палецъ копьемъ. Врачъ дурно пользовалъ, рана сдѣлалась черною, и я сильно страдалъ, но еще больше мучился изъ-за нея".

„Наконецъ нашелъ я вѣрнаго оруженосца и послалъ его къ ней. Тотъ сталъ говорить ей: ваши милыя прелести для него рай и небесное царство. Изъ-за нихъ отказался бы онъ и отъ граля, который Парсиваль добылъ такими великими рыцарскими трудами. — А она въ отвѣтъ: пусть онъ оставитъ эти глупости. Я буду старуха, а все-таки никогда не узнаю, что они тамъ называютъ тайной любовью. Такого сумасбродства я никогда не сдѣлаю, чтобы принять его услуги и уронить мою честь. — За-тѣмъ, прочла мои новыя пѣсни и сказала: онъ глупъ. Чего онъ добивается, того и королю было бы слишкомъ много. Еще не родился тотъ человѣкъ, какъ-бы онъ ни былъ знатенъ и знаменитъ, который не оскорбилъ бы меня такими притязаніями".

„Нечего было дѣлать, поѣхалъ я на зиму въ Римъ и пробылъ тамъ два мѣсяца; когда же весной воротился въ Штирію, то засталъ тамъ много турнировъ и снова надѣлъ шлемъ въ честь моей дамы. Палецъ зажилъ, но остался кривой. Разъ она сказала

моему посланцу: онъ лжетъ, будто потерялъ палецъ ради меня.— Тогда я попросилъ одного товарища отрубить мнѣ этотъ палецъ и, вмѣстѣ съ прекрасной книжечкой, сочиненной по этому случаю, отослалъ его моей дамѣ. Когда она увидѣла посылку, то сказала: такой глупости я еще не предполагала въ немъ. Чтобъ разумный человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное! Мнѣ жаль пальца не изъ любви къ нему, а только потому, что онъ увѣряетъ, будто потерялъ его изъ-за меня. Но это все-таки ни къ чему не ведетъ, и его дѣла оттого не подвинулись ни на волосъ. Еслибъ онъ мнѣ служилъ и тысячу лѣтъ, все-таки его труды были бы потеряны. Но палецъ я сохраню въ моей шкатулкѣ.—Я очень обрадовался узнавъ, что она сберегла мой палецъ. Все-таки она должна теперь обо мнѣ думать".

Вотъ до какого дикаго сумасбродства дошло уже рыцарское служеніе въ лицѣ Лихтенштейна. Провансальскіе трубадуры, какъ извѣстно,—виртуозы этого искусства. Они тоже удивляли міръ разными куріозами галантерейной практики. Фанатики, подобные Пьеръ-Видалю, одѣвались въ волчьи шкуры въ честь своихъ дамъ и творили тому подобныя глупости. Но до самоистязанія дѣло тамъ не доходило. Лихтенштейнъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и достигъ той черты, дальше которой любовная служба не пошла въ своемъ развитіи. Въ уродливомъ возрожденіи вѣка онъ дошелъ до послѣдняго предѣла уродливости, и въ этомъ смыслѣ, какъ типъ цѣлаго порядка жизненныхъ явленій, имѣетъ право на мѣсто въ исторіи.

Что касается самого разсказа, приведеннаго выше, то не знаешъ, чему болѣе удивляться въ немъ—наивности ли, съ какою онъ самъ говоритъ о своихъ дурачествахъ, или той необыкновенной важности, какую онъ имъ приписываетъ. И это очень замѣчательная черта, что герой нашъ продѣлываетъ всѣ свои подвиги въ этомъ родѣ съ серьезностію и такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ будто-бы совершаетъ великое дѣло жизни. Но еще характеристичнѣе поведеніе его дамы. Мы не знаемъ, кто она. Хотя Ульрихъ былъ съ ней въ открытой ссорѣ, когда писалъ свои мемуары, но, какъ подобаетъ рыцарю, нигдѣ не упоминаетъ ея имени. Но очевидно, что это какая-то очень разумная женщина. Она отлично понимаетъ и сумасбродство своего поклонника и даже нелѣпость самого обычая любовнаго служенія. Знатная, богатая, почти уже пожилая и замужняя, она, очевидно, слишкомъ цѣнитъ свой семейный долгъ и свое высокое положеніе общественное, чтобы снизойти къ какому-

то пошлому искательству. Лично Лихтенштейна она не только не любитъ, но даже не питаетъ къ нему и простого расположенія. Она просто смотритъ на него снисходительно, сначала — какъ на ребенка, бывшаго когда-то на ея попеченіи, а потомъ — какъ на потерявшаго голову безумца. И однакожъ, не смотря на все это, она съ нимъ кокетничаетъ, дразнитъ его, допускаетъ отъ него тайныя посольства и письма и даже удостоиваетъ ихъ отвѣтами. Ей какъ будто нравится вся эта процедура рыцарскаго ухаживанья, или по-крайней-мѣрѣ, она не можетъ, не считаетъ себя въ правѣ не допустить того, чего требуетъ повсемѣстный обычай вѣка, — лучшее доказательство, какъ трудно было, при подобномъ порядкѣ вещей и среди такого общества, даже для самыхъ лучшихъ женщинъ сохранить свою нравственную и семейную чистоту. Но дальше это будетъ видно еще яснѣе.

Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что по Лихтенштейну нельзя еще дѣлать общихъ заключеній, что это былъ чудакъ и оригиналъ, какихъ всегда и вездѣ было много, и что несправедливо было бы приписывать цѣлому обществу его личныя странности. Нѣтъ, человѣкъ этотъ пользовался сочувствіемъ огромнаго большинства и составлялъ предметъ удивленія для своихъ современниковъ. Въ томъ-то и вся важность, весь интересъ исторіи Ульриха, что онъ не былъ одиноко стоящимъ явленіемъ, и что вѣкъ былъ очевидно на его сторонѣ. Ни изъ чего это такъ ясно не замѣтно, какъ изъ знаменитаго аллегорическаго путешествія, которое онъ вскорѣ предпринялъ по Германіи въ честь своей дамы. Надо читать въ его запискахъ, съ какими симпатіями и почестями повсюду его встрѣчали, чтобъ убѣдиться, что это былъ дѣйствительно герой своего времени. Вотъ его разсказъ.

„Я рѣшилъ слѣдующей весной предпринять рыцарское путешествіе отъ береговъ Адріатическаго моря до Богеміи въ костюмѣ богини Венеры, съ тѣмъ, что каждый рыцарь, который со мною сразится въ честь своей красавицы, получитъ отъ меня золотое кольцо. Послалъ спросить ее, — и она нашла, что путешествіе хорошо придумано и можетъ принесть мнѣ славу. Тогда, подъ видомъ пилигрима, отправился я тайно въ Венецію, и здѣсь стали мнѣ готовить женскіе наряды: двѣнадцать платьевъ, тридцать рубашекъ и рукавчиковъ, двѣ косы съ жемчугомъ, три бѣлыхъ бархатныхъ плаща, серебрянное сѣдло и сбрую. Двѣнадцать оруженосцевъ были одѣты столь-же роскошно. За-тѣмъ, ко дню св. Ге-

оргія, разослалъ я съ герольдами пригласительную грамоту, гдѣ говорилось, что славная царица Венера призываетъ всѣхъ рыцарей Ломбардіи, Фріуля, Каринтіи, Штиріи, Австріи и Богеміи помѣряться съ ней въ честномъ бою. Кто свалитъ ее на-земь, тотъ получитъ всѣхъ ея боевыхъ коней, а кого — она, тотъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны въ честь дамъ. Къ грамотѣ приложенъ былъ подробный маршрутъ, гдѣ въ какой день я буду. Все путешествіе должно было продолжаться три недѣли, по истеченіи которыхъ — большой турниръ въ Нейенбургѣ.

Тронулся я въ путь съ блестящимъ церемоніаломъ. Впереди ѣхалъ маршалъ съ поварами и прислугой. За-тѣмъ слѣдовало мое знамя и при немъ — трубачи. Далѣе, вели моихъ боевыхъ коней въ бѣлыхъ чепракахъ и серебрянной сбруѣ. Множество оруженосцевъ и конюховъ находилось при нихъ. Шли музыканты съ бубнами, ѣхали скрипачи и двѣ нарядныя дѣвушки, одѣтыя въ бѣломъ. Наконецъ, ѣхалъ я самъ въ бѣломъ бархатномъ плащѣ, съ двумя черными косами, въ перьяхъ и жемчугѣ. За мною — толпа любопытныхъ".

„Первый мой дебютъ былъ въ Тревизѣ, куда съѣхалось до пятидесяти рыцарей. Но мѣстный подеста запретилъ намъ забаву. Я не такъ глупъ, говорилъ онъ, чтобы дозволить нелѣпость. Однако, дамы стали его упрашивать, и въ угоду имъ, онъ разрѣшилъ только два копья. Около двухъ-сотъ дамъ явилось у моей гостинницы узнать, когда я пойду въ церковь, чтобы посмотрѣть на меня. Въ церковь ввела меня одна графиня, почтительно поддерживая мою мантію. Мнѣ принесли подъ ноги богатый коверъ, и всѣ усердно просили Бога благословить мое предпріятіе. Оттого вѣрно оно и удалось такъ успѣшно, потому что Богъ ни въ чемъ не можетъ отказать хорошей женщинѣ. Когда же кончилась мисса, та-же графиня публично поцѣловала меня, сказавши, что это — мнѣ привѣтствіе отъ всѣхъ дамъ. Разумѣется, я очень гордился такимъ вниманіемъ".

„На дорогѣ въ Фельдкирхенъ меня встрѣтила очень красивая дѣвушка верхомъ и въ рыцарскомъ костюмѣ. Баронъ Матіе выслалъ ее мнѣ на-встрѣчу съ любезнымъ привѣтствіемъ и приглашеніями. А прибывъ въ городъ, послѣ обычныхъ тьостовъ, я смотрѣлъ изъ гостинницы, какъ въ честь мою рыцари бугурдировали передъ моими окнами".

„Были и завистники. Такъ, одинъ рыцарь, въ костюмѣ монаха, непремѣнно хотѣлъ свалить меня съ лошади. Но меня предупредили,

и я такъ ловко угостилъ его, что онъ безъ чувствъ полетѣлъ на-земь. Надъ нимъ много потомъ смѣялись. Это случилось во Фризахѣ".

„Въ Нейштадтѣ, послѣ турнира отправился я туда, гдѣ была моя милая жена. Она встрѣтила меня очень дружески и радовалась, что я къ ней пріѣхалъ. Съ ней я пробылъ три дни".

Тутъ только съ изумленіемъ узнаемъ мы, что герой нашъ женатъ. Но изумленіе дѣлается еще большимъ, когда мы видимъ, что рыцарскіе подвиги, предпринятые мужемъ въ честь чужой обожаемой имъ дамы, по-видимому нисколько не оскорбляютъ жену. Супруги встрѣчаются дружески, какъ ни въ чемъ ни бывало, и никакая тѣнь не нарушаетъ ихъ добраго согласія. Въ одномъ мѣстѣ мемуаровъ Ульрихъ говоритъ даже, что онъ очень любилъ жену, хоть и посвятилъ себя служенію другой женщинѣ. И такъ-какъ жена тоже находила это служеніе совершенно естественнымъ и обыкновеннымъ, то теперь уже вполнѣ очевидно, что весь этотъ Frauendienst былъ просто какой-то напускной чадъ, установившаяся мода, которой одинаково покорялись мужчины и женщины, мужья и жены, и которая иногда не нарушала даже обыкновенныхъ супружескихъ отношеній. Все же нельзя не видѣть, что бракъ и семейныя обязанности отодвигались ею далеко на задній планъ. Семья была для сибарита-рыцаря слишкомъ мелкая и скучная сфера домашнихъ дрязгъ и житейскихъ хлопотъ, а онъ искалъ болѣе высокихъ и болѣе трудныхъ наслажденій. Какой грубый эгоизмъ лежалъ, послѣ этого, въ основаніи всего рыцарскаго воззрѣнія на жизнь и на женщину въ особенности! Какой-нибудь Лихтенштейнъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ совѣсти тратитъ дѣдовское состояніе и разоряетъ своихъ дѣтей, — потому что вѣдь эти турниры, путешествія и наряды стоили большихъ денегъ, — не подозрѣвая даже, что тутъ есть что-нибудь противное долгу. Пренебреженная жена, обнищавшее семейство, единственно ради личнаго тщеславія и удовлетворенной прихоти — все это, въ его глазахъ, совершенно натуральный порядокъ вещей. Да и какъ ему не убѣдиться въ томъ, когда общество встрѣчаетъ его съ такими оваціями. И чѣмъ дальше ѣдетъ онъ по Германіи въ своемъ дорогомъ театральномъ костюмѣ, тѣмъ все сильнѣе и больше обнаруживается общее къ нему сочувствіе. Въ Тревизѣ, правда, нашелся одинъ умный итальянецъ, посмотрѣвшій на всю эту затѣю, какъ на нелѣпость, въ другихъ городахъ кое-кто посмѣивается изподтишка; но это — одинокіе голоса, теряющіеся въ хорѣ общаго удивленія.

Нашъ путешественникъ описываетъ далѣе свои тріумфы.

„Въ Нейштадтѣ, когда я, послѣ турнира, сидѣлъ въ ваннѣ одинъ, вошелъ ко мнѣ въ комнату незнакомый оруженосецъ, разостлалъ передъ ванной коверъ и положилъ на немъ богатый и красивый женскій нарядъ, письмо и золотое кольцо съ рубинами. Напрасно я сердился и говорилъ, что не приму ничего этого. Вмѣсто отвѣта, явились еще два оруженосца съ корзинками свѣжихъ розъ, и, усыпавъ меня всего пахучими листьями, молча ушли. Въ безъименномъ письмѣ были очень лестные для меня стихи“.

„Въ томъ-же городѣ славный рыцарь Вольфкеръ фонъ-Горсъ просилъ у меня чести занять должность моего каммергера, а благородный регенсбургскій домфогтъ Готфридъ фонъ-Доценбахъ — маршала, что было для меня чрезвычайно лестно. Знатные люди эти потомъ сопровождали меня повсюду“.

„Подъ Вѣной встрѣтилъ меня мой посланецъ, запѣлъ, подъѣзжая, условную пѣсню и, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: становитесь скорѣй на колѣни. Я повиновался. Ваша дама, продолжалъ онъ, приказала сказать вамъ, что она рада вашимъ успѣхамъ и считаетъ ихъ за великую для себя честь. Она присылаетъ вамъ кольцо, которое десять лѣтъ носила на своемъ пальцѣ. И я съ восторгомъ цѣловалъ этотъ клейнодъ“.

„Въ Вѣну въѣхалъ я въ сопровожденіи восьмидесяти рыцарей и огромной, блестящей свиты. Торжественная встрѣча ожидала меня въ городѣ. Играла музыка, народъ толпился по улицамъ, изъ оконъ вездѣ смотрѣли дамы въ нарядныхъ платьяхъ. Передъ гостинницей, гдѣ я помѣстился, пріѣхавъ, бугурдировало въ тотъ вечеръ множество рыцарей“.

„Я такъ былъ радъ, что она, наконецъ, приняла меня въ свои рыцари, что только и мечталъ о томъ, чтобы еще сдѣлать въ угоду ей. Въ Нейенбургѣ турниръ будетъ парадный — пятьдесятъ рыцарей должны сражаться тамъ подъ моимъ щитомъ. Это стоитъ очень дорого, но я мало объ этомъ думаю“.

„Утромъ, на другой день, какъ водится, я отправился къ обѣднѣ. Сто шестьдесятъ рыцарей, пышно разряженныхъ, сопровождали меня и пѣли пѣсни. Громадная толпа валила за нами, когда мы медленно ѣхали по улицамъ, а изъ оконъ вездѣ смотрѣли разодѣтыя дамы. Въ тотъ день я израсходовалъ на турнирѣ тридцать четыре копья“.

„Въ Нейенбургѣ за Дунаемъ меня опять ожидали въ полѣ двѣсти

шестьдесятъ рыцарей. Я тьостировалъ до вечера и переломалъ опять сорокъ копьевъ“.

„Всего, въ теченіи этого путешествія, я переломалъ триста семь копьевъ, роздалъ сто семьдесятъ одно золотое кольцо и свалилъ четырехъ рыцарей. Никогда еще не бывало такихъ знаменитыхъ рыцарскихъ подвиговъ. Широкая слава уже идетъ о нихъ по свѣту, многіе мнѣ завидуютъ. Даже въ будущія времена станутъ говорить объ нихъ“.

Такъ герой нашъ добился, наконецъ, формальнаго принятія въ рыцари обожаемой дамы. Полученное кольцо было, принятымъ въ то время, условнымъ знакомъ признаннаго и дозволеннаго служенія. Какъ ни противенъ, по-видимому, былъ ей этотъ рыцарь своею личностію, но противъ такихъ жертвъ и подвиговъ, совершенныхъ въ честь ея имени, она устоять не могла. Свѣтъ прокричалъ бы ее безчувственной и несправедливой, еслибъ она отказала ему въ такъ тяжко заслуженной наградѣ. Уступая, такъ-сказать, этому давленію, она „формально“ дѣлаетъ его своимъ рыцаремъ. Сердце ея не лежитъ къ нему, но, повинуясь обычаю, она разыгрываетъ даже любовь. Ульрихъ получаетъ всѣ внѣшніе ея знаки, за исключеніемъ того, чего онъ больше всегда добивается, то-есть, обладанія своей дамой. Комедія начинается со сцены искусственной ревности. Вскорѣ послѣ нейенбургскаго турнира получаетъ нашъ Лихтенштейнъ приказаніе отъ своей дамы возвратить ей кольцо, такъ-какъ она слышала, будто онъ измѣнилъ ей. При такомъ извѣстіи съ несчастнымъ происходитъ цѣлый припадокъ отчаянія. Онъ рветъ на себѣ волосы, рыдаетъ, какъ дитя, кровь бросается у него изъ носу и изъ горла. Домфогтъ, видя его горе, тоже начинаетъ плакать, а какой-то рыцарь фонъ-Вассербергъ, тутъ случившійся, становится даже на колѣни и благодаритъ небеса, что они позволили ему хоть разъ въ жизни видѣть такую любовь. Наконецъ, друзья успѣваютъ нѣсколько успокоить Ульриха тѣмъ, что вѣроятно она хотѣла только испытать его. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней оказывается, что это было точно испытаніе. Дама не только на него не сердится, но даже назначаетъ ему свиданіе. Въ слѣдующее воскресенье онъ долженъ явиться подъ видомъ нищаго къ воротамъ ея замка и ждать тамъ ея приказаній. „Только скажите ему, прибавляла дама, пусть онъ не воображаетъ, что его тутъ ожидаетъ любовь. Я просто хочу дружески просить его, чтобъ онъ меня оставилъ въ покоѣ“. Но герой нашъ, по-видимо-

му, считаетъ эту оговорку пустою формальностію и загоняетъ нѣсколько лучшихъ своихъ лошадей, чтобъ успѣть къ назначенному времени.

„Со мной, разсказываетъ онъ, былъ только мой вѣрный оруженосецъ. Въ воскресенье мы переодѣлись нищими и рано явились передъ воротами бурга, гдѣ уже до тридцати оборванныхъ и голодныхъ калѣкъ ожидали обычнаго подаянія. Мы сѣли между этой сволочью на травѣ и стали ждать. Вотъ нищіе разсказываютъ, что госпожа больна, и, какъ слышно, сама не выйдетъ, но намъ совѣтуютъ все-таки постучать въ ворота, какъ это всегда дѣлаютъ бѣдные люди. Я постучался и жалобнымъ голосомъ сталъ просить хлѣба. На голосъ мой вышла горничная дѣвушка, начала раздавать нищимъ пищу и пфениги и, проходя мимо насъ, потихоньку сказала: Приходите поздно вечеромъ, а теперь скройтесь; вы не похожи на того, кто ломаетъ копья въ честь своихъ дамъ. И точно, я былъ неузнаваемъ. Я вымазалъ себѣ лицо, натеръ опухоль на щекѣ, а волосы сдѣлалъ сѣдыми. Теперь это было бы не нужно; я и безъ того сѣдъ, хоть и не такъ еще старъ. Но неблагодарная минна и вѣроломство друзей прежде времени состарили меня. Вечеромъ намъ сказали, что сегодня нельзя и чтобъ мы приходили завтра. Ночь я провелъ во ржи. Былъ страшный холодъ и дождь, и я страшно продрогъ. На другое утро — та-же исторія. Намъ велятъ придти вечеромъ и, скрывшись во рву, наблюдать, когда въ окнѣ появится свѣтъ“.

Мы не рѣшаемся далѣе передавать до-словно разсказъ Лихтенштейна. Въ немъ столько смѣшнаго въ фактѣ и гомерически грубаго въ выраженіяхъ, что буквальная передача дѣлается почти невозможною. Скажемъ только, что, очутившись въ „кеменатѣ“ своей богини, Ульрихъ засталъ ее окруженною множествомъ придворныхъ дамъ и женской прислуги. Сто свѣтильниковъ горѣло по стѣнамъ. У ногъ ея стояли два великолѣнные канделябра. „Я позволила вамъ сюда явиться, сказала она, чтобы сдѣлать вамъ честь за вашу службу. Вы не должны ожидать ничего болѣе. Вы видите, какъ я васъ принимаю. Мой мужъ и господинъ можетъ быть совершенно покоенъ. Мой собственный долгъ — лучшая мнѣ охрана, и я не пожертвую имъ ни для кого“. Другихъ рѣчей не могъ онъ отъ нея добиться въ тотъ вечеръ. И когда его отчаяніе стало переходить границы, героя нашего хитростію спустили по тѣмъже самымъ веревкамъ, по которымъ онъ взобрался въ завѣтное окно.

Что значитъ вся эта сцена? Насмѣшка, или шутка? — Не мо-

жетъ быть. Женщина не станетъ такъ рисковать собой ради какой-нибудь фантастической прихоти посмѣяться, особенно женщина ея лѣтъ и ея положенія. Очевидно, это — формальное исполненіе одной изъ тѣхъ безнравственныхъ привилегій, изъ которыхъ состояла вся „дамская служба“. Чувствуя себя не въ силахъ, по своимъ убѣжденіямъ, или по направленію своего сердца, предаться своему рыцарю, какъ того требовалъ обычай времени, его дама сочла однакожъ себя обязанною вознаградить его труды и жертвы, исполнивъ, въ отношеніи къ нему, всѣ внѣшнія формы и ступени тогдашней галантеріи. Но много ли было такихъ дамъ, какъ лихтенштейнова Herrin? Мы слишкомъ хорошо знаемъ, къ сожалѣнію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло не ограничивалось однѣми формальностями. Но, если-бы даже предположить, — что противорѣчило бы всякой исторической истинѣ, — что отношенія между рыцаремъ и дамой носили обыкновенно только такой обрядный характеръ, сколько щекотливаго для женственности и оскорбительнаго для нравственнаго чувства заключали бы они даже и въ такомъ видѣ?

Дальнѣйшая исторія Лихтенштейна представляетъ уже мало поучительнаго и интереснаго. Это безконечныя варіаціи все одного и того-же мотива любовной службы, и новаго мы встрѣчаемъ тутъ очень немного. Мы ограничимся поэтому только немногими чертами, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ уже не такъ подробно распространяется о своихъ послѣдующихъ отношеніяхъ къ дамѣ своего сердца. Ясно только одно, что ей, наконецъ, надоѣло это непрошенное поклоненіе назойливаго сумасброда, и она стала серіезно думать, какъ-бы отъ него отдѣлаться разъ навсегда. Такъ, она сначала предложила ему отправиться въ крестовый походъ, обѣщая, въ случаѣ счастливаго возвращенія, свою полную любовь. Къ такому средству часто прибѣгали дамы того времени, чтобъ избавиться отъ слишкомъ докучливыхъ обожателей, и надо читать дошедшія до насъ пѣсни крестоносныхъ рыцарей, чтобы видѣть, съ какой неохотой и грустью шли они за-море. Большая часть смотрѣла на дѣло, считавшееся святымъ, какъ на тяжкое лишеніе и эпитимію, и только немногіе были проникнуты тѣмъ религіознымъ энтузіазмомъ, какой мы привыкли обыкновенно представлять себѣ при имени крестовыхъ походовъ. Что касается Лихтенштейна, то сначала онъ горячо схватился за эту идею. „Богъ не оставитъ и защититъ меня, восклицалъ онъ, воспламеняясь своимъ

легкимъ восторгомъ,—вѣдь это его воля, чтобъ мы всей душей служили и угождали женщинамъ!" Но потомъ сталъ, по своему обыкновенію, шляться по турнирамъ, чтобы высматривать дамъ, посовѣтовался, поговорилъ съ друзьями, — и дѣло о поѣздкѣ заморе какъ-то замялось. Тогда, видя неудачу такого маневра, дама попросила его какъ можно рѣже присылать къ ней гонцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что возникли подозрѣнія. Но когда и это не помогло, и Ульрихъ все-таки продолжалъ свои домогательства, она вышла, видно, изъ себя, потеряла всякое терпѣніе и сдѣлала съ нимъ что-то такое ужасное, что онъ не рѣшается даже сказать, что именно. „Я и теперь еще не могу вспомнить объ этомъ безъ скорби, пишетъ онъ, но приличіе не позволяетъ мнѣ даже назвать такой поступокъ". Хороша, видно, была продѣлка, если и Лихтенштейнъ, нисколько не стѣснявшійся въ выраженіяхъ, отказывается разсказать ее. Все это было какъ нельзя болѣе въ нравахъ вѣка. Но средство, на этотъ разъ, должно быть, радикальное, помогло: герой нашъ сталъ писать противъ своей дамы злобные стихи, и наконецъ отказалъ ей въ своей службѣ. Долго, однако, безъ дѣла оставаться онъ не могъ. Для такого человѣка жизнь была не въ жизнь безъ дамской службы. „Мнѣ скучно стало безъ дамы, пишетъ онъ, — человѣкъ, который не служитъ дамѣ, не имѣетъ никакого достоинства,—я сталъ оглядываться, и наконецъ, нашелъ одну, украшенную многими достоинствами. Я предложилъ ей свои услуги, и она приняла ихъ". На этотъ разъ искатель нашъ былъ, кажется, счастливѣе. „Я умолчу о томъ, что она для меня сдѣлала, говоритъ онъ таинственно, скажу только, что вѣчно ей буду признателенъ и никогда не перестану прославлять ея имя". Ради нея предпринялъ онъ даже новое рыцарское путешествіе по Германіи, на этотъ разъ уже въ образѣ короля Артуса, въ сопровожденіи Ланселота, Ивейна, Гавана, Тристана, Парсиваля и всѣхъ рыцарей Круглаго стола; но это, конечно, была уже копія прежняго тріумфальнаго шествія царицы Венеры, хотя встрѣчали его и теперь съ такимъ-же энтузіазмомъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжались бы эти похожденія неугомоннаго Ульриха, если-бы неожиданныя событія не измѣнили разомъ положенія всего края и не отразились также и на его собственной судьбѣ. Въ 1246 году убитъ былъ герцогъ австрійскій Фридрихъ Браннолюбивый въ сраженіи съ венграми на Лейтѣ. Съ нимъ кончилось блестящее время миннезенгерства и миннерыцарства

*

въ юго-восточной Германіи. Утонченная жизнь и придворный обычай, находившіе пріютъ при дворѣ этого роскошнаго государя, упали. Большіе безпорядки въ Австріи и Штиріи возникли послѣ его смерти. Богатые и сильные грабили бѣдныхъ, разбойники загнѣздились по лѣсамъ и недоступнымъ горнымъ вершинамъ, управы не было. День и ночь слышались вопли раззоренныхъ крестьянъ; даже въ крѣпкихъ бургахъ не было безопасности, и самъ Лихтенштейнъ сдѣлался жертвою грабежа и разбоя. Два вѣроломныхъ пріятеля напали ночью на его замокъ Фрауенбургъ, расхитили все имущество, двухъ сыновей его взяли въ заложники, а самого его изранили и заковали въ цѣпи. Потомъ онъ кое-какъ выпутался изъ бѣды, благодаря заступничеству императорскаго намѣстника и великодушной помощи своей дамы, но однако потерялъ большую часть своего состоянія.

Но не въ одной Австріи происходили такія грустныя перемѣны. Въ другихъ частяхъ Германіи и Европы, почти одновременно, совершился рядъ событій, неблагопріятныхъ для рыцарства и клонившихся къ упадку его обычаевъ и учрежденій. Умеръ ландграфъ тюрингенскій Германъ, вартбургскій замокъ котораго долгое время для сѣверной Германіи былъ такой-же академіей изящнаго вкуса и поэзіи, какою былъ дворъ Фридриха австрійскаго для южной. Наконецъ, сама гогенштауфенская фамилія, главная покровительница блестящей рыцарской жизни, сошла съ историческаго поприща. Настали тѣ смутныя и тяжкія времена, когда, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, не было въ странѣ ни закона, ни порядка, ни государя, это — такъ называемая эпоха великаго междуцарствія.

Посреди общаго смятенія и ужаса разомъ замолкли безчисленные голоса пѣвцовъ любви съ ихъ вѣчно праздничными мелодіями. Какъ переполошенныя грозою птицы, разлетѣлась вся эта беззаботная и чужеядная стая миннезенгеровъ, жонглеровъ и мейстерзенгеровъ. Не до пѣсенъ было и не до провансальскаго ухаживанія за дамами, когда жизнь каждаго висѣла на волоскѣ и никто не могъ поручиться за завтрашній день, когда грозная невзгода бушевала надъ краемъ, сметая слѣды празднаго веселья и театральныхъ подвиговъ рыцарства. Нравы быстро грубѣли, и дикая сила снова царила надъ обществомъ. „Берегитесь, милыя дамы, умоляетъ нашъ Ульрихъ въ заключеніе своего „Фрауэндинста“, — мущины стали уже не тѣ, забыли рыцарскую доблесть и вѣрность и норовятъ только, какъ бы обмануть васъ“. Но дамы не ждали этого

совѣта. Полныя унынія и страха, запираются онѣ въ своихъ опустѣвшихъ „кеменатахъ“, замѣнивъ Ланселота молитвенникомъ и роскошныя вырѣзныя платья — полумонашескимъ чернымъ уборомъ.

А изъ Франціи давно уже нѣтъ ни новыхъ модъ, ни новыхъ пѣсенъ и танцевъ, ни новыхъ сладострастныхъ романовъ. Тамъ тоже не лучше. На самой родинѣ и въ гнѣздилищѣ рыцарской жизни — Провансѣ, со временъ альбигонской войны, лежитъ одно мрачное запустѣніе. Замолкли трубадуры, турниры и празднества, не слышно веселыхъ приговоровъ любовныхъ судилищъ. Только уголья тлѣютъ еще отъ недавнихъ костровъ инквизиціи, да торчатъ обгорѣлыя стѣны роскошныхъ замковъ.

Куда ни посмотришъ, вездѣ конецъ рыцарству, его славѣ, похожденіямъ и любви. Только Лихтенштейнъ не сдается, и, какъ-бы на зло всѣмъ невзгодамъ времени, усиливается допѣть еще свою старую пѣсню.

„Пришла зима, — поетъ онъ уже дряхлымъ, слабѣющимъ голосомъ, — всѣ тоскуютъ и охаютъ, а я веселъ и счастливъ, потому что завишу не отъ погоды, а отъ милости моей дамы“.

„Я оплакалъ смерть моего добраго государя, которому вѣрно служилъ, и всѣ честные люди его оплакали. Но, не смотря на душевную скорбь, я все же пою о моей дамѣ“.

„Времена настали тяжелыя, вездѣ рѣзня и грабежъ, моей собственной жизни грозили злодѣи. Но я все пѣлъ мою даму и не замѣчалъ общаго бѣдствія“.

Какъ-то странно и грустно звучитъ этотъ одинокій старческій голосъ посреди всеобщаго разгрома эпохи. Это — послѣдняя пѣсня умирающаго рыцарства.

VII.

Парсиваль, Тристанъ, Лихтенштейнъ — идеальность, доступная только немногимъ, опоэтизированный матеріализмъ, бывшій удѣломъ большинства, и грубая чувственность, прикрытая лоскомъ благородныхъ формъ, сдѣлавшаяся, наконецъ, достояніемъ всѣхъ — вотъ три ступени, по которымъ рыцарскій культъ средневѣковой женщины нисходилъ постепенно до того дикаго разврата, какой мы видимъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Зародыши этого быстраго паденія лежали какъ въ самомъ принципѣ „дамскаго служенія“, такъ и въ

его соблазнительныхъ формахъ, и мы старались одинаково разоблачить то и другое. Но мы судили и разбирали эти явленія по нашимъ современнымъ понятіямъ. На наши глаза „дамская служба“ представляется дѣйствительно чѣмъ-то уродливымъ и безобразнымъ: этотъ аристократическій характеръ любви, ея обрядность и формализмъ, ея схоластическая софистика и вялая, скучная поэзія, но, что важнѣе всего, ея разрушительное вліяніе на супружескія и семейныя связи — все это не можетъ пользоваться сочувствіемъ нынѣшнихъ поколѣній. Но мы были бы все-таки несправедливы, еслибъ ограничились однимъ только этимъ взглядомъ. Кромѣ такого суда о минувшихъ житейскихъ порядкахъ, есть еще историческое къ нимъ отношеніе. И сравнивая положеніе женщины въ рыцарское время съ тѣмъ, какое она занимала въ обществѣ прежде и послѣ этой эпохи, оно явится намъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

О до-рыцарскихъ вѣкахъ было сказано выше, и читатель знаетъ уже, какое зависимое, подчиненное мѣсто занимала нѣмецкая женщина въ своемъ домашнемъ быту. Въ обществѣ же и вовсе не играла никакой роли, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь коронованныхъ особъ или владѣтельныхъ принцессъ, пользовавшихся особыми правами. Къ такому-же почти положенію возвратилась она, когда кончилась рыцарская эпоха въ Германіи. Боготворимая „Herrin“ рыцарскихъ сердецъ, царица турнировъ и праздниковъ, вдохновительница поэзіи и искусства, опять превратилась въ прозаическую Husfrowe, и рыцарскій вѣкъ прошелъ для нея, какъ сонъ. Въ романской Европѣ онъ оставилъ, конечно, больше слѣдовъ, да и самое рыцарство уцѣлѣло тамъ долѣе, вслѣдствіе особыхъ политическихъ обстоятельствъ тѣхъ земель — вѣковыхъ войнъ между англичанами и французами и борьбы христіанской Испаніи съ маврами, наконецъ потому еще, что рыцарскія учрежденія и обычаи были здѣсь своимъ, природнымъ, а не заимствованнымъ явленіемъ. Но и тамъ даже сохранились въ это позднѣйшее время больше искусственно поддерживаемыя формы, духъ которыхъ давно уже отлетѣлъ. Не то было въ Германіи, гдѣ рыцарство, со всей его обстановкой, было изъ-чужи занесеннымъ, пересаженнымъ на мало воспріимчивую почву растеніемъ. Коренныя и болѣе отдаленныя нѣмецкія земли, напримѣръ Скандинавія, со своимъ обособленнымъ и безпримѣснымъ германизмомъ, вовсе не знали рыцарскаго обычая. Да и въ самой центральной Германіи, даже въ лучшее свое время, а тѣмъ болѣе, въ вѣкъ Лихтенштейна,

является онъ чѣмъ-то напускнымъ и театральнымъ. Его разъигрываютъ больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ живутъ имъ, и рыцарская дама въ Германіи XII столѣтія въ одно и то-же время — и раба своего мужа, и властительница чужихъ сердецъ и жизни. Это — сценическое представленіе, закулисная сфера котораго вовсе не похожа на то, что видятъ издали зрители. Но занавѣсъ падаетъ, мода проходитъ, — и настоящія жизненныя отношенія опять выступаютъ наружу и входятъ въ свои права.

Но неужели весь этотъ рыцарскій праздникъ, продолжавшійся два столѣтія, прошелъ безслѣдно для Германіи и Европы, а чрезъ нихъ, косвенно — и для насъ, и неужели общественное значеніе женщины ничего не выиграло и не вынесло изъ него, кромѣ безплодныхъ воспоминаній? Такое заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ односторонно. Мы не будемъ говорить здѣсь обо всѣхъ заслугахъ и благодѣяніяхъ, принесенныхъ рыцарствомъ для европейской культуры, — о чувствѣ личнаго достоинства и чести, объ облагороженіи военнаго дѣла, о болѣе изящныхъ и утонченныхъ формахъ общежитія, завѣщанныхъ намъ этими далекими европейскими праотцами, — и укажемъ только на одну великую перемѣну, совершенную, или правильнѣе, начатую рыцарствомъ въ положеніи женщины. Она касалась не ея юридическихъ или домашнихъ правъ, а тѣмъ менѣе улучшенія ея нравственнаго состоянія. Все это осталось почти по-прежнему, а моральная сторона стала даже и хуже. Она коснулась того, что есть въ женщинѣ самаго дорогого и властительнаго, это — присущаго ей эстетическаго элемента.

Никогда еще со временъ, быть можетъ, перикловской Греціи, не окружена была женщина такимъ высокимъ обаяніемъ изящнаго, какъ въ вѣкъ рыцарской славы. Все ея воспитаніе, вся обстановка и цѣлый складъ жизни направлены были какъ нельзя болѣе благопріятно къ развитію этихъ преимуществъ ея натуры. Начать съ того, что женщины того времени были вообще гораздо образованнѣе мужчинъ. Многія изъ нихъ были грамотны, а нѣкоторыя даже начитаны въ тогдашней литературѣ. Конечно, литература эта, наполненная волшебствомъ и чудесами, способна была скорѣе развить воображеніе, нежели умъ и сердце. Легенды о святыхъ мученикахъ, безконечныя пѣсни любви, эпическія произведенія своихъ и чужихъ поэтовъ, съ ихъ очарованными замками, великанами и драконами, слишкомъ далеки были отъ міра дѣйствительности, чтобы воспитать въ читателѣ сколько-нибудь правильный взглядъ на

жизнь. Но именно это преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и составляло чрезвычайно симпатичную почву для поэзіи тѣмъ болѣе, что средневѣковая сага, по формѣ и смыслу, большею частію, заключала такъ много граціознаго и изящнаго. Беремъ для примѣра преданіе объ Александрѣ, записанное Лампрехтомъ въ его поэтической исторіи македонскаго героя. Въ одномъ изъ многочисленныхъ странствованій по свѣту случилось однажды Александру, превратившемуся въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ въ совершеннаго рыцаря феодальныхъ временъ, подъѣхать, вмѣстѣ съ своими сподвижниками, къ незнакомому лѣсу. Свѣжіе звонкіе голоса, звуки арфъ, хохотъ и пѣсни неслись оттуда хоромъ на-встрѣчу усталымъ путникамъ. И каково было ихъ изумленіе, когда въѣхавъ въ густую чащу, они увидѣли безчисленный рой прелестнѣйшихъ дѣвушекъ, играющихъ въ прохладѣ душистой зелени. Блаженные дни настали для нашихъ героевъ. Цѣлыхъ три мѣсяца проживали они здѣсь среди беззаботныхъ, веселыхъ юныхъ подругъ, среди ихъ пѣсенъ, танцевъ и ласкъ. Но радостямъ этимъ скоро наступилъ грустный конецъ. Чудныя красавицы лѣса, и рѣчью, и смысломъ, и чувствомъ во всемъ похожія на людей, были, однакоже, существами особаго рода. Когда, послѣ зимнягоне настья, весеннее солнце проникало въ лѣсную чащу и деревья одѣвались листвой, во влажной тѣни ихъ выростало безчисленное множество бѣлыхъ, съ алымъ румянцемъ цвѣтовъ, и когда распускались ихъ круглыя замкнутыя чашечки, то изъ нихъ выходили эти милыя созданія, наполнявшія тотчасъ весь лѣсъ своими пѣснями и весельемъ. Но когда проходило лѣто, блекли цвѣты, падали листья и птицы смолкали надолго, одна за другой умирали также и эти странныя дѣти скоропреходящихъ цвѣтовъ, — умирали до слѣдующей весны. Спутники Александра, дождавшись этого грустнаго времени, съ горемъ уѣхали прочь.

Подобная сказка, разсказанная у каминнаго огня, въ долгій осенній вечеръ, какимъ-нибудь заѣзжимъ странствующимъ пѣвцомъ, или прочитанная въ старинной, дорого купленной рукописи, не могла, конечно, обогатить голову никакими полезными свѣдѣніями, но она уносила мысль въ такой удивительный, фантастическій міръ и ласкала воображеніе такими граціозными образами, что трудно усомниться въ ея образовательно-художественномъ вліяніи на воспріимчивую женскую душу.

Монастырское воспитаніе женщины, бывшее въ обычаѣ въ пред-

шествующемъ періодѣ, дѣлается въ рыцарскую эпоху совершенно свѣтскимъ. Если родители не на-столько богаты, чтобы дать своей дочери такое воспитаніе дома, то съ раннихъ лѣтъ ее отдаютъ ко двору какого-нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ дѣвочка, въ качествѣ подруги, растетъ и учится вмѣстѣ съ его собственными дочерьми и большею частію остается при нихъ до замужества. Всѣ тѣ образовательныя средства, которыми можетъ располагать какая-нибудь принцесса или княжна, дѣлаются такимъ образомъ доступными и для самой бѣдной дворянской дѣвушки. А средства эти всѣ почти направлены къ развитію изящнаго вкуса и усвоенію утонченныхъ придворныхъ обычаевъ. Это — пѣніе, танцы, игра на лютнѣ и арфѣ, благородныя женскія рукодѣлья и уже извѣстный намъ моралитетъ. Умѣлыя въ этихъ искусствахъ гувернантки и придворные рыцари, а нерѣдко и странствующіе пѣвцы и артисты разнаго рода, обыкновенно толпившіеся при богатыхъ дворахъ, были въ нихъ наставницами и наставниками. А большіе пріемы гостей, безпрестанныя празднества, охоты и игры, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, представляли молодымъ особамъ, воспитавшимся въ подобныхъ замкахъ, тысячи случаевъ наловчиться практически въ наукѣ свѣтскаго обращенія и изящныхъ манеръ. Самый костюмъ эпохи, слѣдовавшій, какъ и теперь, французскимъ образцамъ и модамъ, чрезвычайно благопріятствовалъ возвышенію природной женской граціи и красоты. Съ XII вѣка, почти вездѣ въ Европѣ безобразная и мѣшковатая туника, по наслѣдію уцѣлѣвшая отъ римскихъ временъ, уступаетъ мѣсто двойному платью: верхнему покороче и нижнему, падавшему до самыхъ ногъ. Оба, начиная отъ пояса, плотно обхватываютъ талію, обозначая формы роскошнаго бюста и плечъ, тогда какъ обѣ юбки разсыпаются обильными, волнистыми складками, и нижняя оканчивается шлейфомъ. Красивый поясъ ловко стягиваетъ талію. А поверхъ всего костюма накидывается на плечи длинная широкая мантія, считавшаяся необходимѣйшею принадлежностью всякаго благороднаго туалета. Въ такомъ кокетливо-живописномъ и однакоже недоступномъ нарядѣ, съ открытыми волосами, въ большихъ кудряхъ падающими на плечи, лаская одной рукой аграфъ своей мантіи, а другой слегка приподымая длинное переднее платье, медленно и плавно выступала рыцарская дама на-встрѣчу своему гостю.

А что же, если еще и природа надѣлила ее всѣми тѣми совершенствами и прелестями, какихъ искало въ женщинѣ германское

чувство красоты, если это была стройная, изящно развитая блондинка съ ослѣпительной бѣлизной лица и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ голубыми глазами, окаймленными тонкой линіей темныхъ бровей, съ прямымъ умѣреннымъ носомъ и алыми, горделиво приподнятыми губами, — если ея движенія, взгляды и рѣчи дышали достоинствомъ, привѣтливостью и граціей, — если вокругъ нея вѣяло той нравственной чистотой, искренней, или искусно разыгранной, которою такъ прельщалось воображеніе рыцаря, искавшее труднаго и жаждавшее недоступнаго?

Такъ составился въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ идеалъ женской красоты и безпредѣльнаго ей поклоненія, — идеалъ, воспѣтый въ безчисленныхъ пѣсняхъ современниковъ и увѣковѣченный, въ наши дни, безсмертными фресками Каульбаха. На картинѣ, изображающей штурмъ взятаго крестоносцами Іерусалима, на переднемъ планѣ, мы видимъ эту знаменитую германскую „Minne“, несомую въ носилкахъ на плечахъ мусульманскихъ рабовъ. Молодому рыцарю, идущему подлѣ, она указываетъ на стѣны дымящагося города; другая рука ея покоится въ его рукѣ, между тѣмъ какъ юноша, съ поднятымъ къ небу мечомъ и съ выраженіемъ энтузіазма на загорѣломъ, мужественномъ лицѣ, клянется отдать всю кровь свою за одинъ ея взглядъ. И вѣдь эта идеальная сцена бывала нѣкогда дѣйствительностію и правдой. Рыцарь дѣйствительно отваживалъ свою жизнь ради избранной дамы и на служеніе ей посвящалъ всего себя. Жаль только, что при этомъ попиралась семейная связь и что, слѣдуя уродливымъ понятіямъ вѣка, онъ не столько подчинялся, при выборѣ, голосу своего сердца, сколько аристократическимъ соображеніемъ знатности и породы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что, ни прежде, ни послѣ, не бывало такого восторженнаго уваженія къ цѣлому полу и что при этихъ условіяхъ женщина впервые почувствовала свою силу и стала постигать ту область, гдѣ ей по праву принадлежитъ владычество — область женственности, изящества и граціи. Въ первый разъ предъ ней ясно открылась тайна того обаянія и власти, какія она можетъ имѣть надъ мужчиной, и она мастерски съумѣла ею воспользоваться. Тѣ времена потомъ прошли и настали иныя, когда никто уже не думалъ приносить ей серіезныхъ жертвъ, и поклоненіе ей ограничилось парадными словами, да эмблемами. Пришла даже еще худшая пора, когда она уже не предсѣдательствовала на празднествахъ и турнирахъ посреди преклоненныхъ предъ нею

знаменъ и копьевъ, а робко пряталась отъ свѣта и своего одичавшаго мужа. Но драгоцѣнный секретъ и память о его магическомъ дѣйствіи съ тѣхъ поръ остались при ней, и она имъ воспользовалась въ болѣе счастливое время, чтобъ этимъ путемъ эстетическаго и такъ-близко съ нимъ связаннаго моральнаго превосходства уравновѣсить и сгладить общественное неравенство, приготовленное ей природой и завѣщанное исторіей.

V.

ЖАННА Д-АРКЪ.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ.

ЖАННА Д-АРКЪ.

Историко-психологическій опытъ.

Кто не знаетъ исторіи орлеанской дѣвы? Ее воспѣвали поэты, художники избирали ее сюжетомъ своихъ идеальныхъ твореній, народная слава сдѣлала имя это популярнымъ во Франціи и Европѣ. Съ своей стороны и наука почтила память героини трудолюбивыми разысканіями слѣдовъ ея и — оцѣнкою подвиговъ, ею совершенныхъ. Были люди, какъ нѣмецкій ученый Гвидо Герресъ, которые всю жизнь посвятили изслѣдованію вопроса, и еще недавно французскій профессоръ Кишера издалъ въ свѣтъ пять большихъ томовъ актовъ, хроникъ и другихъ документовъ, относящихся къ исторіи Жанны. Множество монографій было писано объ ней въ разное время, съ большимъ или меньшимъ талантомъ. Изъ числа ихъ два изслѣдованія заслуживаютъ особеннаго вниманія — Мишле и Валлона. Послѣднее составлено на основаніи новыхъ достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ Кишера, и въ этомъ отношеніи превосходитъ далеко всѣ прежнія. Но за-то критика этого ученаго, вообще сдерживаемая его клерикальнымъ направленіемъ, слишкомъ щадитъ легенду, которою народная фантазія облекла появленіе дѣвственницы. Правда, Валлонъ нигдѣ прямо и категорически не высказывается въ пользу чудесности событія, но это убѣжденіе сквозитъ въ характерѣ его разсказа, какъ основной фонъ его мысли. Разсказъ Мишле, напротивъ, гораздо бѣднѣе документальною достовѣрностію, но объясненіе факта раціональнѣе и естественнѣе, не говоря уже о столь извѣстномъ талантѣ повѣствовательномъ, въ которомъ историкъ этотъ имѣетъ такъ мало соперниковъ.

Любопытный вопросъ этотъ, затронутый европейскою наукой, нашелъ отголосокъ и въ нашей литературѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ очеркъ покойнаго Порошина. Но статья этого автора, появившаяся нѣкогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ", если не ошибаемся, составлена преимущественно по Валлону, и односторонность этого руководителя невольно въ ней отразилась. Притомъ же, психологическая сторона явленія затронута и изслѣдована довольно слабо, между тѣмъ какъ къ ней, болѣе всего, обращается любознательность читателя, ожидающаго разгадки феномена. Такого рода разъясненіе духовной организаціи Жанны д-Аркъ представляетъ, правда, неодолимыя трудности, по недостатку положительныхъ свидѣтельствъ. Все же самая попытка, въ этомъ смыслѣ, можетъ быть интересна, тѣмъ болѣе, что обнародованные теперь процессы Жанны, — процессы ея осужденія и посмертнаго оправданія, — представляютъ о видѣніяхъ и голосахъ, ее посѣщавшихъ, много любопытныхъ данныхъ. Въ предстоящемъ очеркѣ мы рѣшаемся предпринять такую попытку, на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ исторіи, аналогіи явленій повседневной жизни и нѣкоторыхъ физіологическихъ наблюденій. По-крайней-мѣрѣ, мы постараемся обратить вниманіе читателей на всѣ обстоятельства и оттѣнки событія, которыми условливалось и изобличалось его естественное развитіе.

Едва-ли нужно напоминать здѣсь историческія обстоятельства, среди которыхъ явилась орлеанская дѣва. Обстоятельства эти слишкомъ извѣстны образованной публикѣ. Къ тому-же, въ теченіе этого разсказа, намъ придется говорить объ нихъ не разъ. Позволяемъ себѣ поэтому прямо перенести читателя въ тотъ маленькій патріархальный міръ, въ которомъ росла и воспитывалась Жанна, и познакомить его съ личностью нашей героини.

Жизнь Жанны д-Аркъ похожа на одну изъ тѣхъ классическихъ симфоній, гдѣ, въ сочетаніи звуковъ, передана цѣлая поэма. Какъ волшебныя тѣни, неясныя и таинственныя, проходятъ сцены за сценами, то радостныя и свѣтлыя, то сумрачныя и печальныя, неуловимо, но гармонически сливаясь одна съ другой. Чудные аккорды врываются въ душу, попеременно потрясаютъ всѣ ея струны, и взволновавъ, растрогавъ, измучивъ человѣка, улетаютъ недосказанные и непостижимые. Кончилась музыка, а слушатель все еще стоитъ въ недоумѣніи, хотѣлъ-бы высказать почти схваченную мысль творенія, и все-таки не находитъ для этого словъ....

Въ нашей повѣсти симфонія начинается чисто пасторальными

картинами. Театромъ ихъ служатъ цвѣтущіе берега Мезы, пограничная линія Лотарингіи и Шампани, предѣлъ столкнувшихся здѣсь народностей — нѣмецкой и французской. Лѣсистыя нагорья Вогезовъ наполняютъ страну волнообразными возвышеніями, придавая ей романтическій и нѣсколько пустынный характеръ. Въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, то есть въ началѣ XV вѣка, край этотъ, по нравамъ и простотѣ жизни своего населенія, принадлежалъ къ самымъ патріархальнымъ уголкамъ Европы; а по деревнямъ и селамъ гористыхъ мѣстностей уцѣлѣло еще многое изъ стараго кельтскаго быта. Жители были добрые и ревностные католики, но въ ихъ простыхъ понятіяхъ, средневѣковое христіанство, и безъ того довольно чувственное, приняло еще болѣе вещественныя, хотя и поэтическія формы, перемѣшавшись съ остатками старинныхъ праотческихъ вѣрованій. Легенды о святыхъ и преданія о водныхъ и лѣсныхъ духахъ принимались съ одинаковою наивною вѣрой, и подлѣ самой деревни, гдѣ родилась и выросла Жанна, часовня святой Катерины стояла рядомъ съ „деревомъ фей“.

Французское населеніе этой пограничной полосы, какъ всегда бываетъ на племенныхъ рубежахъ, въ виду чужой, враждебной національности, отличалось сильнымъ патріотизмомъ. Добрые люди эти, быть можетъ, въ силу инстинктивной реакціи противъ чужеземства, отъ души любили свою родину и берегли старый французскій обычай отъ поглощающаго сосѣдняго вліянія. Притомъ же, на окраинѣ своего племени, имъ издали легче, чѣмъ кому-нибудь, можно было обнять его цѣлость, создать представленіе о его единствѣ, и тогда какъ внутри страны французы имѣли еще довольно слабое сознаніе этого единства, называя себя, по провинціямъ, норманами, бретонами, овернцами, провансальцами и т. д., на родинѣ Жанны д-Аркъ говорили уже не иначе, какъ „ѣхать во Францію, — aller en France“, — разумѣя подъ этимъ именемъ всю страну на западъ, до самаго океана.

Патріотическія чувства этихъ сторожевыхъ людей французской земли, въ теченіи XIV вѣка, достигли крайняго напряженія. То было смутное, тяжелое и опасное время. Много народныхъ бѣдствій помнили и разсказывали старики: и нашествія заморскихъ враговъ, и мятежи крестьянскіе, и моровую язву, и крамолы вельможъ, споривших за власть, — какъ одинъ король умеръ въ плѣну у непріятеля, какъ другой съ ума сошелъ и какъ жена помѣшаннаго, безпутная королева Изабелла, вмѣстѣ съ владѣтельнымъ гер-

цогомъ бургонскимъ, продали Францію англичанамъ. Ужъ на что были тяжкіе дни, а лучше и теперь не стало. Англичанинъ разграбилъ и забралъ весь край, отъ Луары до Рейна, и своего короля надъ нимъ поставилъ, да и тотъ король еще малый ребенокъ, такъ-что, пока онъ выростетъ, родной дядя его, герцогъ Бедфордъ, сидитъ и правитъ за него въ Парижѣ. Гнетутъ иноземцы и грабятъ невинный народъ, а измѣнники бургонцы имъ потворствуютъ, да дружатъ съ ними. Бѣднаго мальчика, сына королевскаго, Карла, настоящаго наслѣдника престола, загнали они за Луару, заставили укрыться въ маленькомъ городкѣ Буржѣ, да и оттуда собираются выжить. Уже пошли ихъ полки на Луару и захватили на ней всѣ города и крѣпости, побили послѣднюю рать французскую и подошли къ славному и крѣпкому Орлеану. Если и Орлеанъ возьмутъ, тогда не будетъ имъ дальше никакого отпора; завоюютъ они всю Францію и положатъ конецъ государству. Есть, правда, и добрые французы. Называются они арманьяки. Тѣ стоятъ за свою землю и за народнаго государя, да мало ихъ и не подъ-силу имъ одолѣть врага. Одна надежда на Бога. Не пошлетъ онъ своей помощи, пропадетъ весь край.

Вотъ какимъ, приблизительно, образомъ, представлялись этимъ честнымъ, простымъ людямъ великія событія эпохи — азенкурская катастрофа, труасскій договоръ, регенство Бедфорда во имя малолѣтняго Генриха VI, отчаянное положеніе дофина, поведеніе Филиппа Добраго, походъ Салисбери на Орлеанъ и роль арманьяковъ. Бѣдныя, наивныя души! Они не знали многаго, что теперь знаетъ поздняя исторія и что тогда извѣстно было ближе стоявшимъ къ авансценѣ событій и къ дѣйствующимъ на ней актерамъ. Они не знали, что дофинъ Карлъ, за котораго такъ сильно бились эти честныя сердца, былъ совершенное ничтожество, не стоившее лично никакого участія; что арманьяки были такіе-же интриганы и грабители, какъ и бургиньоны, и что изъ знатныхъ, стоявшихъ во главѣ партій, одинаково терзавшихъ отечество, никто не думалъ о Франціи, а каждый заботился только о собственныхъ интересахъ. Они не знали всего этого и съ дѣтскою вѣрой приписывали обрушившіяся на родину несчастія гнѣву и попущенію божію. Бѣдствія достигли крайнихъ предѣловъ; узлы, завязанные вѣками прежней исторіи, запутались и затянулись такъ крѣпко, что только Богъ, по ихъ понятіямъ, могъ вывести изъ этого безвыходнаго положенія. Отсюда — упованіе на чудесную помощь свы-

ше, разлитое въ то время въ народѣ и выразившееся въ предсказаніяхъ, переходившихъ изъ устъ въ уста. „Жена погубитъ Францію, дѣва спасетъ ее“ — открыто было въ книгахъ чародѣя Мерлина. „Избавительница родины, дщерь божія, придетъ изъ пограничной Лотарингіи, отъ дубоваго лѣса“ — и, вѣроятно, много другихъ подобныхъ пророчествъ носилось въ народѣ, какъ смутное чаяніе лучшихъ временъ, обыкновенно всплывающее наружу въ годину испытаній и бѣдъ.

Другое чувство, преобладавшее въ простыхъ людяхъ того времени, была привязанность къ королю. Забитое и измученное гнетомъ большихъ и малыхъ феодальныхъ тирановъ, сельское населеніе возымѣло слабое предчувствіе свободы лишь съ того дня, какъ стала возвышаться и крѣпнуть центральная королевская власть. Ей обязанъ былъ народъ своими первыми льготами, первыми гарантіями закона. Король, въ его глазахъ, былъ священный помазанникъ Бога, осѣненный особою его благодатію, источникъ мира и правды, представитель государства и націи. Нѣтъ короля, нѣтъ и Франціи; ибо нація теряла съ нимъ все — независимость, единство, порядокъ и счастіе. Вотъ главная причина горячаго сочувствія простолюдиновъ къ превратной участи гонимаго дофина. Несмотря на всю свою безпечность и малодушіе, все же онъ былъ дорогъ народу, какъ его будущій король и защитникъ, какъ его единственная надежда.

Религія, патріотизмъ и преданность королю составляли, такимъ образомъ, господствующій тонъ общаго настроенія умовъ народныхъ; но нигдѣ, быть можетъ, настроеніе это не обнаруживалось такъ сильно, какъ на родинѣ Жанны, вслѣдствіе особеннаго положенія того края. Конечно, духъ политическихъ партій, издавна укоренившійся въ высшихъ слояхъ общества, мало-по-малу, проникъ и въ темныя массы. Въ самой порубежной Лотарингіи часто одно село стояло за бургиньоновъ, а сосѣднее за арманьяковъ, т. е. за англичанъ, или за природнаго короля. Но, вообще говоря, народъ неохотно, нерѣдко по страху и неволѣ, шелъ за своими бургиньонскими вождями отстаивать дѣло, чуждое его интересамъ и чувствамъ. Что же говорить о ненависти къ этой антинаціональной партіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было надобности скрывать своихъ истинныхъ убѣжденій?

Свойства и направленіе народнаго духа составляютъ ту неизбѣжную моральную почву, въ которой коренятся всѣ явленія жиз-

ни и исторіи. Жанна не была изъятіемъ изъ этого закона, а скорѣе блестящимъ его оправданіемъ. Изъ недоступныхъ нѣдръ родной стихіи заимствовалъ этотъ пышный и душистый цвѣтокъ свои лучшіе соки, обнаруживъ въ своемъ развитіи неслыханное богатство жизненныхъ силъ, на диво и поученіе міру. Не для чего, поэтому, искать источника ея вдохновеній въ сверхъестественномъ, когда самый процессъ ея натуральнаго роста представляетъ довольно изумительное зрѣлище, чтобъ остановить полное наше вниманіе.

Родная деревня Жанны лежала близъ пограничнаго городка Вокулера и называлась Домреми. Нѣкогда она принадлежала церкви св. Ремигія, апостола франковъ, на что указываетъ и самое названіе, и слѣдовательно, стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ Реймсу, гдѣ находится гробница святителя. Обстоятельство это не лишено нѣкотораго значенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

На лонѣ сельской природы и простоты, въ честномъ крестьянскомъ семействѣ д-Арковъ провела Жанна свои дѣтскіе годы, посреди полевыхъ и домашнихъ работъ, вмѣстѣ со своими братьями и сестрой. Это была крѣпкая, здоровая и красивая дѣвочка, развившаяся не по лѣтамъ. Между своими ровесницами, любившими поплясать и порѣзвиться съ молодежью на сельскихъ праздникахъ, она выдавалась степенностью и какою-то сдержанностью; была задумчива, мало говорила, искала уединенія, въ церковь ходила часто, молилась долго и усердно. Небольшой садикъ ея родителей, примыкавшій къ церковной оградѣ, былъ обыкновеннымъ мѣстомъ ея прогулокъ. Здѣсь любила она, въ воскресный день, помечтать, прислушиваясь къ звону колоколовъ. О чемъ были эти мечты, что творилось, какіе процессы совершались въ этой юной душѣ — мы не знаемъ; но есть основаніе думать, что ее сильно занимали тогдашнія бѣдствія народныя. Сама она была свидѣтельницей разгрома ихъ деревни отъ проходившей шайки бургиньоновъ. Жители спаслись куда кто могъ, а когда воротились, то нашли дома свои разграбленными и сожженными. Ей сказали, что эти военные люди, ни съ того, ни съ сего, пустившіе по міру столько невинныхъ, стоятъ за одно съ страшными англичанами, и вмѣстѣ съ ними выгнали короля, — оттого и некому теперь защищать народъ. Впечатлѣніе глубоко запало въ воспріимчивую душу ребенка, а частые разсказы обо всемъ, что терпитъ край отъ неправой войны, могли только укрѣпить его. Да и предсказаніе о скоромъ появленіи дѣвы-избавительницы, идущей отъ границъ Лотарингіи, ей было хо-

рошо извѣстно. Кто можетъ поручиться, что въ это время уже не мечтала она быть этой избавительницей, такъ точно, какъ дѣти мечтаютъ часто сдѣлаться генералами и князьями? Обстоятельства подходили. Недалеко былъ даже и дубовый лѣсъ, изъ котораго, по народной молвѣ, должна была выйдти таинственная героиня. Кто знаетъ, сколько разъ, быть можетъ, молилась она объ этомъ, стоя на колѣняхъ предъ потемнѣвшими ликами св. Катерины и св. Маргариты, мѣстныхъ патронокъ села?

Кромѣ молитвъ, Жанна ничему не училась и не имѣла понятія о книгахъ. Но мѣстный священникъ и мать внушили ей начатки религіи и нравственности. Она знала, что нужно трудиться, быть честной, молиться Богу и дѣлать добро. Далѣе ей говорили, что есть всемогущій Богъ, единородный сынъ Его и Его Пречистая Матерь, что престолъ Божій окружаютъ святые угодники, всѣ въ бѣлыхъ и радужныхъ хитонахъ, съ лучезарными вѣнцами на головахъ. Денно и нощно поютъ они славу Творца, предстательствуютъ предъ нимъ за людей, вымаливаютъ имъ милости или отвращаютъ отъ нихъ праведный гнѣвъ Его. Весь кругъ представленій о небѣ и небожителяхъ, свойственный вѣрѣ искренней и безмятежной, усвоенъ былъ ею со всею живостью осязательной дѣйствительности, такъ свойственной дѣтскому возрасту. Такъ-же точно восприняты ею и всѣ убѣжденія, всѣ симпатіи и антипатіи ея среды — негодованіе противъ англичанъ, гнѣвъ противъ измѣнниковъ отечества и безпредѣльная преданность королю.

Вотъ какою должны мы представлять себѣ Жанну, когда съ нею случилось странное происшествіе. Ей было тогда тринадцать лѣтъ. Разъ, лѣтомъ, въ самый полдень, была она въ своемъ любимомъ саду, какъ вдругъ со стороны церковной ограды послышался голосъ, незнакомый, но пріятный и кроткій. Она оглянулась и увидѣла великое сіяніе, и въ немъ человѣческія фигуры, которыхъ она разсмотрѣть не могла, потому что совершенно оторопѣла. Голосъ говорилъ ей: „Жанна, будь добродѣтельна, благоразумна и ходи часто въ церковь“. Этимъ видѣніе кончилось. Но, нѣсколько дней спустя, оно повторилось, и на этотъ разъ Жанна ясно уже увидѣла три двигавшіеся человѣческіе образа — одинъ мужской и два женскихъ. Мужская фигура съ строгимъ лицомъ и препоясанная оружіемъ, сказала ей, что „со-временемъ она должна будетъ идти во Францію, на помощь дофину и отечеству“. И Жанна съ трепетомъ отвѣчала: „Государь, я бѣдная дѣвушка, и не

съумѣю ни скакать на конѣ, ни командовать солдатами“. — „Св. Катерина и св. Маргарита будутъ съ тобою“ — былъ отвѣтъ, и видѣніе снова исчезло.

Съ тѣхъ поръ началось таинственное воспитаніе Жанны для великаго назначенія, къ которому она была призвана. Небесные наставники посѣщали ее постоянно, и она теперь знала уже ихъ имена. То были архистратигъ Михаилъ, являвшійся ей иногда, окруженный сонмами ангеловъ, и св. Маргарита и Катерина. Отъ нихъ узнала она „la grande pitié, qui était en royaume de France“ — великое бѣдствіе Франціи, и мало по малу утверждена была въ рѣшимости идти на ея спасеніе. Видѣнія и бесѣды съ ними продолжались около трехъ лѣтъ, то есть, до конца 1429 года, когда англичане осадили Орлеанъ, съ тѣмъ, чтобы нанести послѣдній ударъ національной партіи. Тогда святые объявили Жаннѣ, что настало время исполнить ея призваніе — освободить Орлеанъ и короновать дофина Карла въ Реймсѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она получила повелѣніе явиться къ Роберу Бодрикуру, лейтенанту дофина въ Вокулерѣ, и требовать, чтобъ ее отправили ко двору, находившемуся въ то время въ увеселительномъ замкѣ Шинонѣ, близъ Буржа.

Тайно, изъ страха, чтобъ ей не помѣшали, оставила Жанна родительскій кровъ. Широкій, невѣдомый міръ лежалъ предъ ней, шестнадцатилѣтней деревенской дѣвушкой, — міръ, полный тревогъ, опасностей и искушеній. Безъ друзей, безъ денегъ, безъ земныхъ покровителей, пустилась она въ путь — совершить дѣло, о которомъ не смѣли мечтать тогда могущественные и сильные міра. „Я пришла отъ имени Господа — говорила она въ Вокулерѣ — освободить Орлеанъ и вѣнчать дофина въ Реймсѣ королевскою короной. Пошлите меня къ нему“. И когда ее встрѣтили недовѣріемъ и упреками, какъ взбаломошную дѣвчонку, безъ воли родителей покинувшую домъ, она твердо отвѣчала: „Еслибъ у меня было сто отцовъ и сто матерей, и всѣ они были бы короли, да королевы, я и тогда бы ушла. Конечно мнѣ лучше было бы сидѣть за прялкой у матери; но надо, надо идти, потому что Господу такъ угодно, потому что безъ меня никто не спасетъ королевства, — и я пойду, хотя бы мнѣ пришлось доползти на колѣняхъ“. Вотъ, стало быть, единственная сила и единственная надежда этого страннаго, самоувѣреннаго ребенка. Это Богъ, пославшій ее на подвигъ. На Его волю, на Его заступничество и помощь ссылается она постоянно, въ теченіи всей своей эфемерной карьеры. „Mon Seigneur“ —

говоритъ она каждый разъ, оправдывая то или другое изъ своихъ дѣйствій — „mon conseil, mes voix“.

Что-же такое эти видѣнія и голоса, за которые Жанна такъ твердо стоитъ до послѣднихъ минутъ своей жизни, — истина, обманъ или игра больнаго воображенія? Были вѣдь разныя мнѣнія объ этомъ.

Странно, по-крайней-мѣрѣ, не исторически, — было бы говорить о непосредственномъ заступничествѣ неба за Францію, да Карлъ VII, изнѣженный, лѣнивый и развратный — такимъ онъ является намъ въ эту эпоху, — и не заслуживалъ бы подобной милости.

Съ другой стороны, невозможенъ тутъ и обманъ. Предположить, что дворъ, и особенно теща дофина, хитрая и честолюбивая Іоланта, герцогиня анжуйская, воспользовалась легковѣріемъ таинственной лотарингской дѣвушки и создала для нея роль, которую она разыграла для того, чтобъ увлечь народъ, — и нелѣпо, и опровергается всѣми историческими свидѣтельствами. Нелѣпо потому, что Жанна, до самаго появленія въ Вокулерѣ, жила въ совершенной безвѣстности и никому не открывала своей тайны. Да и могла ли бы она, простая, наивная крестьянка, сыграть какую бы то ни было роль? Кто читалъ исторію дѣвственницы, и особенно ея отвѣты на допросахъ въ Пуатье и во время руанскаго процесса, кто знаетъ, какимъ глубокимъ убѣжденіемъ и искренностью звучало каждое ея слово, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ подобную мысль.

Есть еще одно объясненіе, предложенное Валлономъ и отчасти раздѣляемое Порошинымъ. Оно заслуживаетъ полнаго вниманія. Дѣло вотъ въ чемъ. До самаго 1431 года, т. е., до времени руанскаго процесса, Жанна нигдѣ и никому не говорила о своихъ видѣніяхъ. Дофину, войску, народу, богословамъ, испытывавшимъ ее въ Пуатье, она просто объявила, что послана отъ имени Бога спасти Францію и короля, не упоминая ни о какихъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, кромѣ таинственнаго голоса, который она слышала и который считала за явленіе Божіе. Въ первый разъ начала она говорить подробнѣе на допросахъ судебной комисіи въ Руанѣ. Въ актахъ процесса сохранились ея показанія, гдѣ нѣсколько разъ, хотя и недовольно опредѣлительно, описываетъ она являвшихся ей святыхъ. Понятно, что усилія слѣдователей болѣе всего были направлены къ разъясненію этого пункта, какъ потому, что по своей необычайности, онъ сильно подстрекалъ ихъ любопытство, такъ и потому, что неправый судъ надѣялся открыть въ отвѣтахъ Жанны доказательства ея сношеній съ нечистою силой и

за-тѣмъ осудить ее, какъ колдунью. Оттого подсудимую засыпали вопросами на-счетъ видѣній, стараясь добиться самаго точнаго описанія. Спрашивали о лицѣ, его выраженіи, членахъ, волосахъ, одеждѣ, походкѣ, даже запахѣ святыхъ, — и на какомъ языкѣ они говорили, и сколько лѣтъ было каждому, и были ли на нихъ какія-нибудь украшенія, кромѣ лучезарныхъ вѣнковъ. Жанна видимо затруднялась отвѣчать на всѣ эти навязчивыя требованія. На нѣкоторые вопросы она просто отказывалась дать показанія, говоря, что это ей запрещено; на другіе — просила отсрочки, чтобы посовѣтоваться со своими „голосами, — pour demander à son conseil“; но и послѣ отсрочекъ, большею частію, все-таки уклонялась отъ категорическихъ объясненій. Или ей не хотѣлось профанировать свою святыню, или же она сама не могла дать себѣ яснаго отчета насчетъ формы своихъ видѣній. Послѣднее предположеніе, какъ это мы увидимъ, имѣетъ за себя сильныя вѣроятности. Все, чего могли отъ нея добиться, состояло въ томъ, что она назвала имена нѣкоторыхъ святыхъ, — Катерину, Маргариту, архангеловъ Михаила и Гавріила, которыхъ она различала, какъ „по ихъ привѣтствіямъ“, такъ и потому, что „они иногда сами себя называли“. Далѣе, описала она ихъ наружность, но описала такъ, какъ обыкновенно изображаютъ святыхъ на иконахъ. Крылатые ангелы, угодники съ сіяніемъ надъ головой, чудное благоуханіе и свѣтъ, сопровождавшій эти явленія, — этимъ въ сущности и ограничивались ея разсказы. Да и неохотно какъ-то, больше чтобы какъ-нибудь отдѣлываться отъ настойчивыхъ разспросовъ, сообщала она ихъ. О „голосахъ“, напротивъ, говорила съ большею увѣренностью, постоянно на нихъ ссылалась и, во время процесса даже, обращалась къ нимъ за совѣтами. Иногда они слышались ей изъ внезапно являвшагося сіянія, иногда просто ни-вѣсть откуда, то вблизи, то издали. Голоса эти руководили всѣми ея поступками. Безъ нихъ не предпринимала она ничего; если же предпринимала, то всегда имѣла поводъ въ томъ раскаяваться. Голоса давали ей наставленія и иногда открывали будущее. Порою это были цѣлые разговоры, въ которыхъ незримые собесѣдники утѣшали ее въ несчастіи и неудачахъ, журили за проступки и т. д. Жанна часто говорила, что не можетъ и никогда не откроетъ всего, что было сообщено ей въ этихъ таинственныхъ бесѣдахъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что „голоса“ были главнѣйшею формой ея откровеній и что видѣнія бывали несравненно рѣже.

На основаніи всего этого Валлонъ и полагаетъ, что разсказы Жанны о святыхъ вынуждены, и такъ-сказать, созданы самымъ допросомъ судей. Что видѣнія были, это не подлежитъ сомнѣнію. Но являлись они ей въ такихъ неопредѣленныхъ и колеблющихся формахъ, что даже сама она не могла себѣ ясно ихъ представить. А между тѣмъ, слѣдователи настаивали, требовали точныхъ показаній, стараясь запутать и поймать ее въ подробностяхъ, чтобы найдти поводъ уличить ее въ колдовствѣ. Очень вѣрный инстинктъ заставилъ подсудимую, для удовлетворенія ея придирчивыхъ судей, прибѣгнуть къ тѣмъ формамъ изображенія святыхъ, какія приняты въ освященномъ церковью иконописаніи. Кромѣ того, многое создано и народною легендой, одѣвшею всю жизнь Жанны д-Аркъ въ какой-то мистическій, полусказочный покровъ. Нѣкоторыя сцены, очевидно, разукрашены народною молвою и перемѣшаны съ чудеснымъ. Къ такимъ относится, напримѣръ, разсказъ о пребываніи ея въ шинонскомъ замкѣ, гдѣ ангелъ, въ присутствіи ея, поднесъ будто бы дофину золотую корону, какъ символъ его будущаго вѣнчанія въ Реймсѣ. Между тѣмъ, обо всѣхъ подобныхъ легендарныхъ событіяхъ судебная комиссія старалась отобрать у подсудимой самыя точныя показанія. Жанна по-неволѣ должна была слѣдовать за своими допросчиками, и многое просто отвергала, какъ напримѣръ, басню о своихъ сношеніяхъ съ нечистою силой подъ заколдованнымъ деревомъ фей, о преступной связи своей съ Бодрикуромъ, и тому подобныя нелѣпости. Но въ иныхъ случаяхъ должна была прибѣгать къ уклончивымъ отвѣтамъ и иносказаніямъ. Такъ поступила она и съ легендой о коронѣ, поднесенной дофину ангеломъ. Прямо отвергнуть вымыселъ она не могла, потому что тогда ей пришлось бы выдать тайну короля его врагамъ. Тайна же и весь мистицизмъ свиданія дѣвственницы съ Карломъ VII состояли въ томъ, что она, отъ имени Бога, разсѣяла его сомнѣнія насчетъ законности его рожденія, — сомнѣнія, которыми онъ долго мучился и которыя находили отголосокъ даже въ народѣ. Какъ было открыть врагамъ Франціи секретъ, щекотливый для чести и опасный для интересовъ ея государя? Жанна, питавшая до послѣднихъ минутъ своей жизни непоколебимую преданность королю, съ радостію схватилась за чудо, приписанное ей народною фантазіей, и аллегорическимъ языкомъ разсказала свое появленіе въ Шинонѣ, разумѣя себя подъ именемъ ангела, а подъ именемъ короны — принесенное ею обѣтованіе будущаго вѣнчанія въ Реймсѣ.

Такимъ образомъ, Валлонъ отвергаетъ только подробности о видѣніяхъ, касающіяся ихъ формы, приписывая ихъ происхожденіе или легендѣ, или морально вынужденнымъ показаніямъ самой Жанны. Но соглашаясь, что были и видѣнія, и голоса, онъ не берется раціонально объяснить ихъ, или лучше, считаетъ ихъ просто непосредственнымъ откровеніемъ Божества.

Исторія, разсматривая явленія народной жизни въ предѣлахъ и условіяхъ естественной возможности, не можетъ довольствоваться подобными объясненіями. Остается открыть какія-нибудь натуральныя причины феномена. И хотя такая попытка представляетъ почти неодолимыя трудности, такъ-какъ тутъ приходится коснуться психологіи Жанны, заглянуть во внутренній міръ ея души, на-вѣки замкнутый и потерянный для потомства; но намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ самая догадка, если она имѣетъ за себя довольно сильныя вѣроятности, составляетъ право и даже обязанность историка. Такую догадку позволяемъ себѣ высказать и мы.

Всякій, кому случалось быть больнымъ горячкой, знаетъ по опыту, до какой степени въ это время напряжено воображеніе. Наши собственныя мысли представляются намъ съ такою осязательною ясностью, что мы какъ будто слышимъ ихъ внѣ насъ. Если горячка и напряженіе достигаютъ еще большей степени, то мы начинаемъ безсознательно выговаривать эти мысли, и является бредъ. Большею частію, идеи, занимавшія насъ въ послѣднее время, господствуютъ и въ бреду. Только правильное развитіе ихъ безпрестанно прерывается другими воспоминаніями и впечатлѣніями, что зависитъ отъ безпорядочнаго, ускореннаго движенія крови, нарушающаго нормальный процессъ мозговой дѣятельности. При извѣстныхъ условіяхъ, подобные припадки можно испытывать и безъ горячки, не скажемъ — въ совершенно здоровомъ состояніи, но, по-крайней-мѣрѣ, въ состояніи, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, кажущемся нормальнымъ. Человѣкъ отлично ѣстъ, пьетъ, спитъ, не чувствуетъ нигдѣ никакой боли, а между тѣмъ, по-временамъ, не въ силахъ овладѣть своею фантазіей и теченіемъ своихъ мыслей. Фантазія представляетъ ему внѣшніе образы, поражающіе зрѣніе; собственныя мысли, еще не схваченныя яснымъ сознаніемъ, слышатся ему въ видѣ чужаго, внѣшняго голоса. Обманъ бываетъ такъ силенъ, что испытавшіе его получаютъ совершенную увѣренность въ дѣйствительности, объективности случившагося явленія. Самыя обыкновенныя изъ нихъ — галлюцинаціи зрѣнія и слуха, то-есть видѣнія

и „голоса". Но нѣкоторыя оригинальны до непостижимости. Лѣтъ двадцать назадъ, въ нѣмецкихъ газетахъ писали про одну тирольскую дѣвушку, Марію фонъ-Мерль, особу очень религіозную и сосредоточенную, которая до такой степени углубилась въ размышленія о страданіяхъ Спасителя, что каждую пятницу испытывала всѣ муки распятія. Другой любопытный примѣръ представляетъ извѣстный мистикъ конца прошлаго столѣтія Сведенборгъ. Человѣкъ этотъ всю жизнь занимался теологіей, и предметъ до-того овладѣлъ его душой, что ему случалось совершенно безсознательно писать цѣлые богословскіе трактаты. Съ полною увѣренностью говорилъ онъ при этомъ, что онъ только секретарь незримаго автора, который ему диктуетъ, — къ сожалѣнію, скажемъ мы, — его весьма туманныя, многословныя и рѣдко возвышающіяся надъ посредственностью сочиненія. Такіе люди часто одарены способностью угадыванья и дѣлаютъ иногда удачныя предсказанія. Самъ Сведенборгъ, въ минуту смерти императора Павла I, говорятъ, объявилъ объ этомъ въ одномъ обществѣ.

Галлюцинаціи — вещь очень обыкновенная. Въ незначительной степени ихъ испытывалъ или можетъ испытать всякій. Можно даже искусственно привести себя въ это состояніе. Стоитъ долго и пристально смотрѣть на одинъ предметъ, чтобъ онъ принялъ фантастическія формы. Стоитъ на-долго сосредоточиться на одной мысли, ничѣмъ не развлекаясь, чтобы думанное представилось въ какомъ-нибудь внѣшнемъ образѣ. Оттого галлюцинаціямъ подвержены, преимущественно, люди сосредоточеннаго, созерцательнаго характера, — старшаго возраста дѣти съ только-что пробуждающимся сознаніемъ, нервныя и мечтательныя женщины и т. д.

Посмотримъ теперь, подходила ли Жанна подъ эти условія? „Elle était forte et moult belle", говоритъ объ ней одна лотарингская хроника, — она была крѣпкаго сложенія и очень хороша собой. Но значитъ ли это, что она была совершенно здорова, что ея физическое развитіе совершилось нормально и правильно? Есть факты, приводящіе на этотъ счетъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ. Въ тринадцать лѣтъ, послѣ первыхъ своихъ откровеній, Жанна дала обѣтъ никогда не выходить замужъ, не знать земной любви и всецѣло посвятить себя Богу, — обстоятельство, указывающее на раннюю зрѣлость ребенка, могшаго составить себѣ такое серіезное рѣшеніе. Всю свою жизнь потомъ Жанна чужда была этихъ помысловъ и никогда не знала женской немощи: эта особенность могла

быть физическимъ условіемъ, предрасполагавшимъ къ галлюцинаціямъ. Что касается моральныхъ, то мы уже отчасти съ ними знакомы. Ея мечтательный характеръ и наклонность къ мистицизму, свойственная всѣмъ простымъ людямъ, особенно тѣхъ темныхъ и далекихъ временъ. ея любовь къ уединенію, восторженная набожность, пылкій патріотизмъ и идеальная преданность королю — слишкомъ ясно засвидѣтельствованы преданіемъ и оправданы ея послѣдующею исторіей и вліяніемъ той среды, гдѣ она воспиталась.

Вотъ, стало-быть, общая почва для галлюцинацій готова. Но были ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Напрасно Валлонъ старается уменьшить опредѣлительность показаній Жанны на этотъ счетъ. „Я ихъ видѣла глазами моего тѣла, говорила она своимъ судьямъ, такъ-же ясно, какъ васъ вижу теперь“. И въ другой разъ: „я такъ увѣрена въ томъ, что ихъ видѣла, какъ увѣрена въ бытіи Бога“. Однажды даже она до-того забылась въ пылу своихъ увѣреній, что стала утверждать, будто обнимала и цѣловала своихъ святыхъ. Разумѣла ли она, быть можетъ, тутъ иконы, ихъ изображавшія, или пристрастный судъ умышленно исказилъ ея слова, — какъ это замѣтно во многихъ актахъ процесса, — но все же этого достаточно, чтобы засвидѣтельствовать непоколебимую увѣренность Жанны въ дѣйствительности и даже отчетливости ея видѣній. А на-счетъ „голосовъ“, повсюду ее сопровождавшихъ, то въ нихъ никто и не сомнѣвался.

И такъ, видѣнія были. Множество признаковъ, намъ извѣстныхъ, заставляютъ отнести ихъ къ категоріи интуитивной, т. е. зрительной галлюцинаціи. Они являются окруженныя и увѣнчанныя сіяніемъ, благоуханіе разлито вокругъ нихъ, говорятъ они кроткимъ и сладкимъ голосомъ, однимъ словомъ — являются въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно представляетъ ихъ установившаяся церковная традиція. И все это знакомые образы святыхъ — Катерины, Маргариты, Михаила, — образы, не разъ видѣнные Жанной на иконахъ. И что говорятъ они ей? „Жанна, будь добродѣтельна, благоразумна и ходи часто въ церковь“. Слова, которыя она очень часто, безъ сомнѣнія, слыхала и прежде отъ сельскаго священника или матери. Далѣе, говорятъ они ей о бѣдствіяхъ Франціи, о чемъ, вѣроятно, говорилось на селѣ каждый день. Наконецъ, приказываютъ ей идти освободить Орлеанъ и вѣнчать дофина въ Реймсѣ. Вотъ это уже гораздо удивительнѣе. До сихъ поръ мы видѣли, что чудесныя явленія дѣвственницы никакъ не

выходили изъ предѣловъ и не были выше той обыкновенной сферы образованія и жизни, въ которой она вращалась. Впечатлѣнія этой сферы доставляли для нихъ весь матеріалъ. Спрашивается, какимъ образомъ изъ такого простаго и темнаго источника могли выйдти два великія рѣшенія, въ которыхъ лежала вся тайна спасенія погибавшей Франціи? Освобожденіе Орлеана и вѣнчаніе Карла VII въ Реймсѣ были, дѣйствительно, двумя важнѣйшими путями къ возстановленію государства. Орлеанъ — это ключъ къ южной, залуарской Франціи, послѣдній оплотъ національной партіи. Рушься онъ — дофину осталось бы только бѣжать на чужбину, о чемъ онъ и помышлялъ уже въ это время. Помазаніе въ Реймсѣ было тѣмъ священнымъ актомъ, который, въ глазахъ народа, облекалъ французскихъ вѣнценосцевъ не только неоспоримымъ правомъ верховной власти, но и прямымъ благословеніемъ и благодатію Бога. Совершеніе этого акта должно было имѣть огромное моральное вліяніе на умы, и вопросъ — кто прежде получитъ вѣнчаніе въ Реймсѣ, Карлъ ли VII или Генрихъ VI, — въ ту эпоху, равнялся вопросу — кто изъ нихъ будетъ признаннымъ королемъ Франціи, одолѣетъ ли окончательно національная партія или чужеземцы? Но и эти великія рѣшенія такъ-же точно могли быть навѣяны Жаннѣ окружавшею ее средой. Судьба Орлеана, осажденнаго въ то время англичанами, занимала всѣхъ. Съ трепетнымъ ожиданіемъ обращены были на этотъ пунктъ взоры всего народа, и Жанна, вмѣстѣ съ другими, инстинктивно понимала, что, прежде всего, здѣсь рѣшается участь государства и короля. А что касается коронаціи, то съ дѣтства она такъ много наслышалась о реймскихъ святыняхъ; притомъ село ея, принадлежавшее когда-то къ патримоніямъ св. Ремигія, питало такое глубокое традиціонное уваженіе къ этому городу, что совершенно натурально могла она прійдти къ убѣжденію, что король, помазанный на царство въ такомъ священномъ мѣстѣ, не можетъ не быть признанъ цѣлою Франціей. Дѣло, такимъ образомъ, объясняется очень просто. Собственныя мысли Жанны представлялись ея возбужденной фантазіи въ видимыхъ образахъ и звукахъ, опредѣленность и ясность которыхъ породила въ ней, простой и мистической дѣвушкѣ, неискоренимую увѣренность въ ихъ внѣшней дѣйствительности. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ текстуально содержанія таинственныхъ рѣчей, которымъ она внимала съ трепетомъ восторга и страха. Приведенные выше изрѣченія извѣстны намъ по преданію, записанному хронистами, а

не по оффиціальнымъ актамъ процесса, и потому мы не можемъ судить о языкѣ и образѣ выраженій слышанныхъ голосовъ. Одинъ только разъ на допросѣ сама Жанна приводитъ буквальный текстъ сказаннаго ей „голосомъ“. Ее спрашивали — какими словами говорилъ ей голосъ, что она должна идти на спасеніе Франціи. Она объяснила, что какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, когда ее надо было подвинуть на какое-нибудь рѣшеніе, голосъ твердилъ ей: „Fille de Dieu, va, va, va. Je serai à ton aide“ — „Дщерь божія, иди, иди, иди. Я твоя помощь“. Согласитесь, что форма выраженія сильно напоминаетъ лихорадочный бредъ; и мы себѣ не можемъ вообразить слуховой галлюцинаціи иначе, какъ именно въ подобномъ родѣ.

Представивъ опытъ анализа душевнаго состоянія Жанны д-Аркъ, мы исполнили самую грустную обязанность историка. По самой натурѣ своей, Жанна представляетъ въ высшей степени поэтическій образъ, обаяніе котораго жаль было бы разрушить. Но грустная обязанность кончена, — и мы теперь увидимъ нашу героиню во всемъ блескѣ ея патріотизма и мужества, во всемъ апотеозѣ ея личныхъ доблестей. Въ этомъ отношеніи не лежитъ на ней ни одной тѣни сомнѣнія, или упрека. Недосягаемо чистая въ помыслахъ и поступкахъ, кроткая и великодушная, энергическая и отважная до самозабвенія, она составляла предметъ удивленія двора, знати, народа, французовъ и иностранцевъ. Не съ толпой поклонниковъ и энтузіастовъ, тѣснившихся вокругъ нея, падавшихъ предъ ней на колѣни и цѣловавшихъ ея одежду, а осторожною поступью испытывающаго наблюдателя послѣдуемъ мы за ней въ ея эфемерной карьерѣ, чтобы тѣмъ съ большимъ правомъ преклониться передъ избранной личностью.

Сцена перемѣняется. Мы видимъ Жанну въ рыцарскомъ костюмѣ эпохи, въ беретѣ, туникѣ, длинномъ камзолѣ, рейтузахъ и при шпорахъ. На конѣ — не хуже опытнаго кавалериста, въ рукѣ — копье, въ другой — знамя, у бедра — мечъ св. Катерины; она трактуетъ съ дворомъ, съ герцогами, генералами и прелатами, участвуетъ въ ихъ совѣтахъ, командуетъ войсками. Новая жизнь началась для нея. Симфонія принимаетъ героическій ритмъ, и послѣдніе тоны сельскаго рожка сливаются съ грохотомъ литавръ и звуками военной трубы.....

Тутъ-то народная легенда овладѣваетъ своею любимицей, разукрашивая жизнь ея всевозможными чудесными разсказами. Какъ она,

въ день несчастнаго для дофина сраженія при Рувре, сказала, что въ эту минуту льется французская кровь; какъ одному рыцарю, ея оскорбившему, предсказала она близкій конецъ, и тотъ дѣйствительно, утонулъ въ тотъ-же самый день; какъ, по ея указанію, въ одной незнакомой церкви, найденъ былъ подъ алтаремъ старый заржавѣвшій мечъ; какъ узнала она дофина въ толпѣ придворныхъ, никогда не видавъ его прежде, — всѣ эти баснословныя подробности, записанныя современниками, большею частью, съ голоса народной молвы, надо принимать съ чрезвычайною осторожностью. Это — участь всѣхъ необыкновенныхъ и популярныхъ людей. Часто легенда преображаетъ ихъ заживо въ сказочныхъ героевъ. Намъ случилось читать біографію Гарибальди, наполненную такими фантастическими сценами изъ его похожденій въ Албаніи и южной Америкѣ, что удивляешься, какъ среди XIX вѣка могло возникнуть подобное сплетеніе чудесъ. Это даетъ образчикъ того, какъ легко было, четыреста лѣтъ назадъ, сдѣлать изъ Жанны существо сверхъестественное. Но, сколько знаетъ исторія изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, сама она никогда не выдавала себя за одаренную высшими силами и уклонялась какъ отъ чудесъ, которыя ей навязывали, такъ и отъ чрезмѣрныхъ почестей, которыми ее окружали. Одно только не подлежитъ, кажется, сомнѣнію. Она, дѣйствительно, умѣла угадывать будущее. Какъ это дѣлалось, и какъ случается это теперь съ иными эксцентрическими натурами, — составляетъ пока неразрѣшимую тайну. „Je sais tout par révélation“, говорила она каждый разъ, какъ ее объ этомъ спрашивали, и во всемъ существѣ ея такъ много искренности, что нельзя ей въ этомъ не вѣрить. Она предсказала, напримѣръ, свою рану при штурмѣ Парижа и свой плѣнъ на вылазкѣ у Компьеня; и нѣсколько другихъ фактовъ въ этомъ родѣ не подлежатъ сомнѣнію. Но былъ ли то инстинктъ самосохраненія, возвышенный экзальтаціей до необыкновенной чувствительности, или другая жизненная сила — трудно рѣшить.

Какъ же приняла Франція женщину, такъ самоотверженно шедшую спасти ее? Очень различно, какъ различенъ смыслъ, который можно придавать слову „Франція“ въ эпоху, когда не было ни народнаго, ни государственнаго единства, когда крамольныя партіи терзали другъ друга, а раздѣленныя китайскими стѣнами сословія не смѣшивались и не сливались между собою. Высшіе классы — дворъ, знатные, церковь, ученый міръ, вообще встрѣтили ее недовѣрчиво и холодно: одни смотрѣли на нее, какъ на искательницу

приключеній, другіе подозрѣвали въ ней что-нибудь нечистое. Начиная съ самого Вокулера, Жанна должна была пройдти цѣлый рядъ испытаній. Ее испытывалъ Бодрикуръ со своимъ капелланомъ, ее разспрашивали при шинонскомъ дворѣ, подъ рукою собирая о ней свѣдѣнія и справки, и наконецъ, послали въ Пуатье, гдѣ былъ парламентъ и университетъ и гдѣ ей сдѣланъ былъ формальный допросъ. Ученые богословы, ее экзаменовавшіе, стали доказывать ей текстами библіи, что она, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть посланницей неба, такъ-какъ это противорѣчитъ св. писанію. Она отвѣчала имъ: „Я не знаю ни А, ни Б, но увѣрена, что послана отъ Бога, а Господь знаетъ больше, чѣмъ написано въ вашихъ книгахъ“. Тѣмъ и кончилось испытаніе. Но народъ не нуждался въ этихъ предосторожностяхъ и не ждалъ результата этихъ повѣрокъ. Онъ сразу повѣрилъ въ божественное посланничество Жанны и изъ бездны несчастій, въ которую ввергли его эгоизмъ и корыстолюбіе знатныхъ, протянулъ къ ней руки, какъ къ послѣднему спасенію. Это былъ лучъ надежды, взошедшій надъ темною и тяжкою долею бѣдняка, — и онъ весь отдался этому давно незнакомому чувству. Велико было также и личное обаятельное дѣйствіе Жанны на массы простолюдиновъ. Она говорила ихъ языкомъ, имѣла всѣ ихъ привычки, была съ ними своя. Народъ увидѣлъ въ ней идеальное воплощеніе своихъ собственныхъ качествъ и духа — здравый умъ и прямое, безкорыстное, честное и доброе сердце. Во всемъ блескѣ дѣвственной красоты и непорочности, съ твердою, самоувѣренной рѣчью, съ неземнымъ вдохновеніемъ въ очахъ, въ предшествіи стоустой молвы, явилась она предъ нимъ, какъ обѣтованный ангелъ-избавитель.... Шампанцы, бретоны, норманны, бургиньоны и арманьяки — все бросилось за ней при общемъ кликѣ — отечество! Вотъ гдѣ надобно искать тайны и чудныхъ подвиговъ Жанны, предъ которыми преклонилась исторія, и всей славной эпопеи освобожденія Франціи. Дѣйствительно, она только одна, посреди своекорыстныхъ партій, осмѣлилась поднять голосъ за интересы народа и за общую родину. Ея личный энтузіазмъ, мало-по-малу, охватывалъ все большія и большія массы, пока, наконецъ, уже много спустя послѣ ея смерти, все соединилось въ общемъ потокѣ проснувшагося народнаго чувства, и чужеземное завоеваніе, какъ наносный илъ, было смыто и выброшено водами этого разлившагося потока. Великій народъ, съ живыми и юными силами и тысячелѣтнею исторіей, не могъ, конечно, быть поглощенъ пришель-

цами. Народный духъ, подавленный временнымъ стеченіемъ несчастій, рано или поздно, возсталъ бы противъ насилія, и такъ или иначе — Франція освободилась бы отъ англичанъ. Но въ великой національной реакціи XV вѣка Жаннѣ д-Аркъ все-таки принадлежитъ благородная иниціатива, составляющая ея славный подвигъ и безсмертную заслугу въ исторіи. Не даромъ остроумный Мишле видитъ въ ней „воплощеніе французскаго народа, — personnification du peuple français", и прообразовательницу его будущей исторической роли. Она была представительницей могучихъ народныхъ силъ, цѣлые вѣка дремавшихъ въ бездѣйствіи. Своимъ вдохновеніемъ и собственными руками, подъ знаменемъ религіи и отечества, совершилъ народъ дѣло своего освобожденія, заявивъ предъ міромъ свои права на самобытную государственную роль.

Только сочувствію массъ обязана была Жанна своимъ успѣхомъ. Высшія сословія, напротивъ, строили ей козни и затрудненія, пытались пользоваться ею, какъ орудіемъ своихъ личныхъ разсчетовъ, и наконецъ, послѣдовавъ за ней, уступили только неодолимому народному увлеченію.

Много затрудненій, недовѣрчивости и интригъ пришлось одолѣть Жаннѣ со стороны малодушнаго и безпечнаго двора, прежде чѣмъ удалось ей склонить Карла — дать ей войско для освобожденія Орлеана. Нѣсколько мѣсяцевъ безполезно потрачено было на приготовленія и проволочки, пока успѣли составить десятитысячный корпусъ, подъ прикрытіемъ котораго былъ снаряженъ обозъ запасовъ для продовольствія истощеннаго города. Экспедиція должна была выйдти изъ Блуа. Дюнуа, Ла-Гиръ и Ксантрайль, лучшіе генералы дофина, командовали отрядомъ. Жанна, окруженная своимъ военнымъ штабомъ, заранѣе отправилась къ войску. Первою заботой ея, по прибытіи въ Блуа, было нравственное преобразованіе арміи. Трудно себѣ представить въ нашъ цивилизованный вѣкъ, что такое были военные люди тѣхъ смутныхъ временъ. Сбродъ наемниковъ разныхъ провинцій и націй, бездомная сволочь, выросшая среди пожаровъ, грабежей и рѣзни, безчеловѣчные, распущенные и нравственно-испорченные до-нельзя, — они скорѣе походили на разбойниковъ, чѣмъ на солдатъ. Жанна считала существенно-важнымъ внушить имъ понятіе о религіи, нравственности, чести и долгѣ. Она завела въ станѣ ежедневныя публичныя молитвы, изгнала развратъ, возстановила дисциплину, — и таково было могущество ея личнаго примѣра и вліянія, что въ нѣсколько недѣль этого войска

нельзя уже было узнать. Это была коренная моральная реформа, напоминающая ту, какую Кромвель произвелъ въ своихъ индепендентскихъ полкахъ. Новый духъ благочестія и патріотизма вступилъ въ этихъ закоснѣлыхъ бродягъ. Всего великаго можно было достигнуть съ такими людьми.

Походъ къ Орлеану имѣлъ видъ церковнаго шествія — съ духовенствомъ впереди, съ хоругвями и пѣснопѣніемъ. Въ виду непріятельскихъ бастіоновъ, вступила Жанна въ городъ и встрѣчена была съ неописаннымъ восторгомъ. Жители, выдержавшіе семимѣсячную осаду почти безъ надежды на помощь, не вѣрили своимъ глазамъ, увидѣвъ среди себя таинственную дѣву отъ границъ Лотарингіи, о которой давно уже ходила пророческая молва. Мечта стала дѣйствительностью. Можно представить энтузіазмъ этихъ добрыхъ, вѣрныхъ орлеанскихъ гражданъ, съ такимъ самоотверженіемъ стоявшихъ за національное дѣло! Англичанъ было не много, всего пять тысячъ, да и разбросаны они были въ разныхъ редутахъ. Кромѣ того, между ними сталъ обнаруживаться упадокъ духа. Какъ ни преувеличиваетъ легенда паническій ужасъ, объявшій ихъ при одномъ появленіи дѣвственницы, не подлежитъ однако сомнѣнію, что они были сильно поражены имъ. Была минута, когда суевѣрный страхъ діавольскаго навожденія, — они иначе и не смотрѣли на Жанну, — дѣйствительно сковалъ имъ руки. Стоитъ взять во вниманіе всѣ эти условія, и станетъ понятна относительная легкость и быстрота, съ какими была достигнута побѣда. Жанна воспользовалась недоумѣніемъ непріятеля и, не теряя времени, съ помощью храбрыхъ орлеанцевъ, штурмомъ взяла три бастіона. Изъ остальныхъ врагъ удалился самъ.

То былъ свѣтлый день въ жизни Жанны, когда, 7-го мая 1429 г., освобожденный городъ торжествовалъ свое избавленіе и осыпалъ свою избавительницу восторженными изъявленіями признательности и благоговѣнія. Но едва-ли не болѣе еще была радость Франціи, всѣхъ тѣхъ, кто мыслилъ и стоялъ за дѣло отечества. Вѣсть объ избавленіи Орлеана электрической искрой пробѣжала въ народѣ. Сердца встрепенулись надеждой, умы были поражены. Такъ это правда? — задавалъ себѣ каждый вопросъ. Эта простая дѣвушка изъ Лотарингіи, стало быть, дѣйствительно посланница неба? Вѣдь говорила же она тысячу разъ, что знаменіемъ ея божественной миссіи будетъ освобожденіе Орлеана. Теперь Орлеанъ свободенъ, знаменіе дано. И какъ быстро совершила она подвигъ, о которомъ

опытнѣйшіе генералы короля не смѣли прежде и думать! Семь мѣсяцевъ осаждали англичане городъ, — и она освободила его въ семь дней! Какъ! — эти непобѣдимые англичане, въ теченіи вѣка наносившіе французамъ страшныя пораженія, разбиты теперь въ первый разъ? Неслыханная новость ходила изъ устъ въ уста. Эхо ея отозвалось за границей. Хронисты, богословы, ученые заговорили о Жаннѣ. Знаменитый Жерсонъ написалъ ей хвалебный трактатъ, въ которомъ теологически доказывалъ истину ея призванія. Дворъ принялъ ее съ необычайными почестями; иностранные рыцари, прослышавъ о героинѣ, пріѣзжали во Францію и становились подъ ея знамя; народъ падалъ предъ ней на колѣни, стараясь прикосновеніемъ убѣдиться — не видѣніе ли она, сошедшее свыше; ей стали служить молебны; въ церквахъ появились ея изображенія.

Но среди обаяющихъ ѳиміамовъ, благословеній и восторговъ толпы, Жанна не забылась ни на одну минуту, и осталась такою же кроткою, доброю и скромною дѣвушкой, „moult simple et peu parlant“, — какъ выражается одинъ современникъ. По-прежнему льнула она къ простымъ людямъ, любила дѣтей, заботилась о раненыхъ и нищихъ, ходила часто въ церковь. Были, впрочемъ, ей и тутъ огорченія.

Безпечный дворъ успокоился на свѣжихъ лаврахъ и не думалъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Недостойные любимцы окружали Карла, внушая ему недовѣріе къ труднымъ и рискованнымъ предпріятіямъ и къ той, которая ихъ настойчиво требовала. Если же кто изъ вельможъ и желалъ похода, то — по какимъ-нибудь личнымъ цѣлямъ. Одинъ требовалъ экспедиціи на Луару, другой — въ Нормандію, смотря по тому, гдѣ былъ замѣшанъ его интересъ. А между тѣмъ Жаннѣ, во что бы то ни стало, надо было совершить и другой подвигъ, составлявшій цѣль ея миссіи, — вѣнчать Карла VII въ Реймсѣ. Дѣло было не легкое. Надо было овладѣть укрѣпленными луарскими позиціями англичанъ и взять города бургонской партіи, лежавшіе по дорогѣ къ Реймсу. Дворъ опять сталъ было терять время въ проволочкахъ и колебаніяхъ, но Жанна настаивала, умоляла, грозила. „Торопитесь, говорила она, потому что я не проживу больше года“. Наконецъ, походъ былъ рѣшенъ.

На этотъ разъ у Карла были уже значительныя силы въ распоряженіи. Къ нему присоединилось нѣсколько его прежнихъ враговъ, между прочимъ конетабль Ришмонъ со своими бретонами. Денежныя пособія сыпались въ королевскую казну. Народный эн-

*

тузіазмъ видимо овладѣвалъ тѣми, кто прежде, по разсчетамъ или необходимости, стоялъ на сторонѣ англичанъ.

Люди всѣхъ званій и партій спѣшили подъ королевское знамя, цѣлый крестовый походъ составился въ пользу Карла, — и вся эта масса стремилась въ Реймсъ, увлекая дворъ и вельможъ, отважныхъ и малодушныхъ. Армія росла по дорогѣ, какъ горный потокъ. Жарго и Божанси штурмомъ взяты у англичанъ; лучшій полководецъ ихъ, Тальботъ, разбитъ при Патэ. Бургиньонскіе города Труа и Шалонъ сдались королю. Жанна лично участвовала во всѣхъ сраженіяхъ, ободряя и увлекая всѣхъ своею хладнокровною отвагой. Въ восемь дней кампанія была кончена, и самый Реймсъ отворилъ ворота. На-скоро, хотя и съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обычаевъ, совершено было помазаніе и вѣнчаніе. Жанна, въ блестящемъ всеоружіи, со своимъ знаменемъ въ рукахъ, стояла подлѣ короля, и когда конченъ былъ священный обрядъ, растроганная и рыдающая, бросилась къ ногамъ Карла и съ умиленіемъ воскликнула: „теперь исполнилась воля божія, Орлеанъ освобожденъ, и ты, государь, помазанъ въ Реймсѣ на царство".

Преданіе прибавляетъ, что, достигнувъ завѣтной цѣли своего призванія, она почувствовала, что роль ея кончена, что высшія силы ее оставили, и потому молила короля отпустить ее домой къ отцу и къ матери, къ роднымъ полямъ и стадамъ, но что Карлъ, видя въ ней драгоцѣнное орудіе, которымъ можно было дѣйствовать въ народѣ, не согласился на ея просьбу. Но съ того времени, по смыслу легендарной исторіи, ничто уже Жаннѣ не удавалось; сверхъестественное наитіе ее покинуло, и она опять сдѣлалась простою, обыкновенною, хотя и даровитою женщиной, ибо только, какъ таковая, могла она попасть въ плѣнъ и принять казнь на кострѣ.

Есть много заманчиваго и даже трагическаго въ подобной легендѣ. Но такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ? Для этого надобно намъ вообще обратиться къ вопросу о степени личнаго участія и вліянія Жанны въ славныхъ событіяхъ 1429 и 1430 годовъ, и потомъ — постараться уяснить себѣ, какія перемѣны могли произойдти въ душевномъ настроеніи нашей героини въ этомъ новомъ фазисѣ ея жизни.

Мы говорили уже, какая громкая слава пошла о Жаннѣ послѣ освобожденія Орлеана. Послѣ коронаціи въ Реймсѣ — это былъ уже цѣлый апотеозъ. Ее возвели въ дворянское достоинство, дали ей графскій дворъ; по просьбѣ ея, Домреми было освобождено отъ по-

датей на вѣчныя времена. Появились ея медали,—и девизы ея стали украшать знамена и оружіе рыцарей. Народъ боготворилъ ее, какъ святую. Невольно, поэтому, возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли заслуживала она этихъ почестей и точно ли ей обязаны были французы своими послѣдними блестящими успѣхами? Намъ кажется, на это можно отвѣчать коротко: въ военномъ и стратегическомъ отношеніи — нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, весьма сомнительно; въ моральномъ — положительно, да. Ея панегиристы, къ которымъ мы отчасти относимъ и Валлона, стараются, впрочемъ, доказать, что ея заслуги, даже въ военныхъ операціяхъ, высоко стоятъ надъ другими и что, какъ въ Орлеанѣ, такъ и въ реймскомъ походѣ, удавались только тѣ предпріятія, которыя дѣлались по ея мысли и распоряженіямъ. Напротивъ, каждый шагъ, затѣваемый воеводами мимо ея воли и безъ ея совѣта, большею частью, имъ-же обращался во вредъ. Не трудно понять, что генералы, подобные Дюнуа и Ла-Гиру, состарѣвшіеся въ ратномъ дѣлѣ, должны были очень легко смотрѣть на военныя предположенія дѣвственницы. Они явно ей не вѣрили, старались, при каждомъ удобномъ случаѣ, обойдти ее, и если приглашали иногда въ военный совѣтъ, то единственно для удовлетворенія общему народному чувству и волѣ короля. Случалось, что они ее просто обманывали, показывая видъ, что исполняютъ ея совѣты, и между тѣмъ дѣлая совсѣмъ иныя распоряженія. Жанну огорчало не задѣтое самолюбіе, а маловѣріе этихъ людей; но каждый разъ, въ подобныхъ случаяхъ, она спѣшила, было ли то днемъ или почью, на помощь своимъ, бросалась впередъ со своимъ знаменемъ и увлекала къ побѣдѣ. Оружія никогда не употребляла и въ жизнь свою никого не убила и не ранила. Но и чисто-личныя ея стратегическія соображенія отличались необыкновенною мѣткостью, и послѣдствія всегда почти оправдывали ея вѣрный военный тактъ. Читая военную исторію этой кампаніи, трудно рѣшить, что именно предпринято было въ ней по мысли Жанны, что только съ ея одобренія, а что и совсѣмъ безъ нея, такъ-какъ благодарная народная память приписала ей весь подвигъ и всю заслугу. Но вообще полагать можно, что личное участіе Жанны въ военныхъ распоряженіяхъ было незначительно. Ей принадлежала только общая мысль кампаніи и непобѣдимое нравственное вліяніе, какое она имѣла на армію. Съ нею никто ничего не боялся, какъ не боялась ничего и она сама. Орлеанскіе граждане безъ оружія ходили съ ней подъ непріятель-

скіе бастіоны въ полной увѣренности, что съ ними ничего худого случиться не можетъ.

Но, устранивъ изъ разсказовъ о военныхъ подвигахъ Жанны все невозможное или трудно вѣроятное, все же еще остается довольно предметовъ для изумленія. Какъ могла эта простая крестьянская дѣвушка такъ скоро привыкнуть къ оружію и военной жизни, такъ легко переносить всѣ ея труды и лишенія? Откуда взялись, съ перваго же сраженія, это хладнокровное мужество, эта самоувѣренность команды, эта ловкая посадка на конѣ, которою всѣ любовались? А умѣнье обращаться съ людьми разнаго званія? По свидѣтельству современниковъ, она явилась при дворѣ съ такою свободой и смѣлостью, какъ будто выросла и воспиталась въ высшемъ обществѣ. Для объясненія этой загадочной метаморфозы, возможны одни предположенія — раннее развитіе, необыкновенный природный умъ, всеугадывающій женскій тактъ и тому подобное. При-томъ, продолжительная народная война на весь народъ налагаетъ военный отпечатокъ. Быть-можетъ, еще ребенкомъ Жанна не разъ играла въ солдаты и строила маленькіе редуты изъ песку или глины. Что же касается самоувѣренности и достоинства, какія она обнаруживала во всемъ своемъ поведеніи, то причина ихъ, очевидно, лежала въ самомъ сознаніи высокаго назначенія, выпавшаго ей на долю. Вложите въ душу самаго простого человѣка великую идею, великое убѣжденіе или чувство, заставьте его проникнуться имъ глубоко и искренно, — и онъ будетъ держать себя, какъ король.

Еще интереснѣе было бы прослѣдить, что сталось съ видѣніями и таинственнымъ „голосомъ“ Жанны, какой видъ приняли ея галлюцинаціи, въ чемъ и какъ измѣнились онѣ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, встрѣченныхъ ею на новомъ поприщѣ; но и на эти вопросы можно отвѣчать только проблематически. Достовѣрно только одно, что явленія эти стали посѣщать ее теперь гораздо рѣже. На „голоса“ еще ссылается она по-временамъ, оправдывая ими то или другое изъ своихъ рѣшеній, но и то трудно изъ словъ ея заключить — были ли то внѣшніе звуки, какъ прежде, обманчиво поражавшіе ея слухъ, или просто внутренній инстинктъ, который она неопредѣленно называла „mon conseil“. Вообще, въ подобнаго рода духовныхъ организаціяхъ внутреннее или внѣшнее проявленіе ихъ особыхъ силъ дѣлается весьма трудно различимымъ даже для нихъ самихъ и зависитъ отъ степени напря-

женности душевной дѣятельности. Что же касается видѣній, то, въ теченіи военной карьеры нашей героини, мы не встрѣчаемъ ихъ и слѣдовъ; по-крайней-мѣрѣ, объ нихъ нигдѣ не упоминается. Иначе и быть не могло. Свободное обнаруженіе подобныхъ феноменовъ требуетъ покоя, уединенія, совершеннаго углубленія въ себя и въ свой внутренній міръ и дѣлается совершенно невозможнымъ посреди тревожной жизни двора или военнаго стана. Оттого мы видимъ, что Жанна въ это время получаетъ свои откровенія, большею частію, только тогда, когда она уединялась на молитву, въ церкви или у себя дома, и когда могъ быть данъ полный просторъ созерцательной потребности ея натуры. Точно такъже должно было измѣниться и самое содержаніе видѣній и „голосовъ". Кругъ понятій, сумма опытовъ обогатились и расширились. Новый міръ открылся передъ Жанной и доставилъ новый матеріалъ для ея психологическихъ процессовъ. Прежде она говорила только объ освобожденіи Орлеана и о коронаціи въ Реймсѣ, какъ о двухъ подвигахъ, опредѣленныхъ ей свыше. Теперь, послѣ блестящихъ успѣховъ, изумившихъ Францію и Европу, виды ея простирались уже гораздо далѣе. Ей нужно было отнять у англичанъ Парижъ, выгнать ихъ совершенно изъ отечества и освободить герцога орлеанскаго, томившагося у нихъ въ плѣну. И эта новая задача являлась ей такъ-же точно предначертанною Богомъ, какъ прежняя. Очевидно, что „голоса" слѣдовали за ея собственнымъ развитіемъ и служили его отраженіемъ. Наслышавшись про герцога, вѣроятно, во время придворной жизни, она уже мечтаетъ о его освобожденіи, тогда какъ на родинѣ она, быть можетъ, и не знала о его существованіи. Понятно также, что въ этихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ Жанна не могла имѣть уже той непоколебимой увѣренности въ успѣхѣ, какую обнаруживала прежде относительно Орлеана и Реймса. Планъ великой общей кампаніи противъ англичанъ, цѣлію которой было бы совершенное изгнаніе ихъ изъ Франціи, былъ ей не по силамъ, и никакіе „голоса" не могли его внушить ей. Одно только знала она твердо, что надо отнять у нихъ Парижъ, такъ-какъ каждый ребенокъ понималъ, что королю нельзя же быть безъ столицы; и тотчасъ послѣ реймскаго вѣнчанія, она стала неотступно настаивать на необходимости этого предпріятія. Дворъ опять судилъ и рядилъ иначе. Силой взять Парижъ казалось ему невозможнымъ, и онъ завелъ переговоры съ Филиппомъ Добрымъ, герцогомъ бургонскимъ, нельзя ли безъ вой-

ны уступкою получить отъ англичанъ столицу, какъ условіе перемирія, о которомъ тогда хлопотали. Жанна ничего не смыслила въ этой политикѣ и очень здраво полагала, что чѣмъ терять время на переговоры, лучше воспользоваться ошеломленіемъ врага послѣ недавнихъ пораженій и съ готовымъ войскомъ, настроеннымъ къ великимъ подвигамъ, оружіемъ достигнуть цѣли. Какъ вѣренъ былъ этотъ разсчетъ и какъ возможна была удача, показываетъ покушеніе дѣвственницы противъ Парижа, предпринятое ею почти безъ вѣдома двора.

Двухдневный штурмъ городскихъ стѣнъ обѣщалъ уже счастливый исходъ, въ самомъ городѣ стало обнаруживаться сочувствіе къ національному королю, — какъ отъ Карла VII полученъ былъ рѣшительный приказъ отступить. Глубоко огорченная, страдающая отъ полученной раны, должна была Жанна исполнить волю короля, или правильнѣе, его недостойныхъ любимцевъ, боявшихся потерять свой дешевый и нечистый кредитъ и для того удерживавшихъ короля отъ дѣятельной жизни, которая могла бы открыть ему глаза. Новое доказательство, что на орлеанскую героиню при дворѣ смотрѣли довольно недовѣрчивыми или, по-крайней-мѣрѣ, равнодушными глазами и ужъ нисколько не расположены были видѣть въ ней что-нибудь сверхъестественное. Все это сильно смущало и печалило Жанну. Послѣ неудавшейся экспедиціи на Парижъ, она потерялась и рѣшительно не знала, что дѣлать дальше.

Есть большое основаніе думать, что вообще столкновеніе съ практическимъ міромъ, непосредственное знакомство съ живою, осязательною дѣйствительностью и съ горькими опытами жизни разрушительно подѣйствовало на своеобразную духовную натуру Жанны, какъ оно обыкновенно дѣйствуетъ на мистиковъ и мечтателей. Оно охладило ее и сбило съ толку. До сихъ поръ дѣйствовала она подъ вліяніемъ какого-то увлекающаго вдохновенія, которое она считала наитіемъ свыше. Здоровое народное чутье и сильный природный геній, возвышенные и просвѣтленные экзальтаціей, инстинктивно наводили ее на самыя вѣрныя мысли и средства, подымая порою уровень ея яснаго пониманія даже до прозрѣнія въ будущее. Но нельзя не видѣть, что это напряженное состояніе въ ней постоянно и незамѣтно слабѣетъ, уступая мѣсто нормальнымъ отправленіямъ жизни. Поэтому легенда о намѣреніи ея идти домой послѣ реймскаго вѣнчанія, чтобы снова предаться сельскимъ занятіямъ, имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ. Если исторически она не совсѣмъ достовѣрна, то за-то совершенно вѣрна пси-

хологически. Это, дѣйствительно, самое лучшее, что Жанна могла-бы сдѣлать, если-бы такіе переходы были возможны въ человѣческой жизни. Неизвѣстно навѣрное, высказала ли Жанна передъ Карломъ желаніе, которое ей приписываютъ; но зная ея натуру, можно съ большою вѣроятностью предположить, что оно должно было не разъ тревожить ея покой. Чистыя и нѣжныя сердца, какъ листья мимозы, сжимаются и сворачиваются при первомъ прикосновеніи житейскаго хлама и дрязгъ. Такъ и Жанна могла войдти въ себя, вдуматься въ свое положеніе, остановиться на томъ, отчего ея видѣнія потускнѣли, „голоса" стали слабѣе и рѣже, и въ душѣ ея, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, шевельнулся вопросъ — да такъ ли это? Если Жанна испытала такую минуту, то она должна была составить переломъ въ ея жизни. Мало-помалу, она теряетъ прежнюю увѣренность, колеблется, томится, порывается къ чему-то. Громкіе тоны симфоніи падаютъ, величавый и торжественный ритмъ ея обрывается, въ смущенныхъ, отрывистыхъ аккордахъ появляются раздирающіе диссонансы, пока, сквозь хаосъ и борьбу страдающихъ звуковъ, не достигаетъ музыка финальнаго, вѣнчающаго апотеоза, въ которомъ мирятся всѣ противорѣчія....

Шиллеръ основалъ свою трагедію „Орлеанская Дѣва" на борьбѣ ея высшаго призванія съ земнымъ чувствомъ къ прекрасному врагу, неотразимо овладѣвшимъ ея душой. Это — совершенно не исторически. Въ жизнь свою Жанна не знала подобныхъ слабостей, и, казалось, была имъ совсѣмъ недоступна. И если есть трагическіе моменты въ ея исторіи, то самый сильный могъ заключаться именно въ столкновеніи ея наивной и восторженной вѣры съ первыми признаками пробужденнаго и разлагающаго анализа. Но было ли такое столкновеніе на самомъ дѣлѣ? Это покажетъ очеркъ послѣднихъ ея судебъ.

Послѣ реймскаго похода и особенно послѣ несчастнаго покушенія на Парижъ, лучезарный нѣкогда образъ дѣвственницы замѣтно тускнѣетъ въ исторіи. Дѣятельность ея теряется въ мелкихъ и безцѣльныхъ экспедиціяхъ, которыя не всегда ей удаются. При Шарите она была разбита, при осадѣ Парижа ранена, а во время одной вылазки изъ Компьеня, осажденнаго англичанами, взята въ плѣнъ и отвезена въ Руанъ, подальше отъ театра военныхъ дѣйствій. Въ своихъ неисповѣдимыхъ предначертаніяхъ, Богъ допустилъ это несчастіе; обычный пророческій голосъ не предупредилъ ее о бѣдѣ, ей грозившей. Она сама откровенно говорила,

что ей открыто было только вообще о ея будущемъ плѣнѣ, но что еслибъ она знала, что это случится при Компьенѣ, то не пошла бы на вылазку. Неисповѣдимы предначертанія Промысла—вотъ все, что можетъ сказать здѣсь вѣрующій въ божественное призваніе дѣвственницы. Но историкъ пораженъ тутъ другимъ обстоятельствомъ: это—необъяснимымъ равнодушіемъ Франціи къ ея судьбѣ. Комендантъ Компьеня, Флави, не пустилъ ее въ городъ. Когда она, послѣ испытаннаго пораженія, бросилась со своими назадъ, чтобъ укрыться за городскими стѣнами, онъ велѣлъ запереть ворота, изъ страха, чтобы, вмѣстѣ съ бѣгущими, не ворвался и преслѣдующій непріятель. Положимъ, что это только осторожность, а не предательство и измѣна; но не заслуживала ли избавительница Франціи самыхъ отчаянныхъ усилій гарнизона, чтобы отбить ее? Между тѣмъ ничего предпринято не было. Дворъ тоже не сдѣлалъ ни одного шага для того, чтобы выручить ее силою, или выкупить деньгами. Притомъ же она попала сначала въ руки бургонцевъ, то есть французовъ же, и тѣ не задумались предать ее злѣйшимъ врагамъ ея, англичанамъ. Положимъ, такимъ постыднымъ образомъ вела себя испорченная знать. Она вѣдь и прежде въ нее не вѣрила и, можетъ быть, боялась скомпрометировать себя заступничествомъ за авантюристку или колдунью, нечаянно попавшую въ просакъ. Но отчего народъ остался въ бездѣйствіи? Куда дѣвался его энтузіазмъ и весь культъ поклоненія и признательности, которыми онъ окружалъ свою героиню? Скажутъ, народъ былъ еще немощенъ и безгласенъ безъ своихъ вождей. Однакожъ, онъ уже способенъ былъ сдѣлать революцію въ Парижѣ во времена Этьена Марселя и вести съ дворянствомъ истребительную войну. Очевидно, народъ былъ пораженъ катастрофой и долго не зналъ, что объ ней думать. Увѣренность многихъ поколебалась. Не могли понять, какимъ образомъ женщина, явившаяся отъ имени неба защищать Францію, не могла защитить самое себя. И въ то время, какъ отъ нея ждали новыхъ подвиговъ и чудесъ, она испытала самую обыкновенную случайность самаго обыкновеннаго солдата на войнѣ. Съ этой минуты нравственный кредитъ Жанны д-Аркъ падаетъ въ народѣ. Пройдутъ вѣка, а на памяти ея все будетъ лежать какое-то горькое сомнѣніе, котораго не смоетъ даже и торжественный очистительный процессъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ ея смерти предпринятый Карломъ VII для возстановленія ея заслугъ и славы. Только наука сниметъ впослѣдствіи съ драгоцѣннаго образа и пыль и фан-

тастическіе покровы и воздастъ ему дань разумнаго удивленія.

На самое Жанну плѣнъ произвелъ, вѣроятно, еще болѣе тяжелое впечатлѣніе. Англичане по этому случаю торжествовали цѣлый тріумфъ. Они посадили ее въ желѣзную клѣтку, заковали въ цѣпи, окружили крѣпкою стражей, изъ опасенія, чтобъ опасная чаровница не ускользнула изъ рукъ ихъ какою-нибудь адскою продѣлкой. Предосторожности эти были совершенно не нужны. Жанна въ это время уже покорилась своей судьбѣ; отчаяніе и горечь первыхъ ужасовъ заключенія въ ней улеглись, и она вся погрузилась въ свой прежній чудесный, созерцательный міръ. Опять начали посѣщать ее видѣнія безмятежныхъ дней ея жизни, чаще и дольше стали бесѣдовать съ ней „голоса". Не вдругъ и не безъ борьбы достигла она этого состоянія. Правда, она никого никогда не обвиняла въ своемъ несчастіи и ни на кого не жаловалась, а королю сохранила, до самой смерти, неизмѣнную, самоотверженную преданность; но трудно предположить, чтобъ она не почувствовала неблагодарности и равнодушія, къ ней показаннаго. Продажность бургонцевъ, выдавшихъ ее на жертву безпощаднымъ врагамъ, какъ это положительно извѣстно, тоже возмущала ее глубоко. Изъ всѣхъ земныхъ бѣдствій Жанна боялась только одного — попасть въ руки англичанъ. Съ дѣтства привыкла она смотрѣть на нихъ, какъ на какихъ-то свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ чудовищъ, и если бы была возможна ненависть въ такой чистой и кроткой душѣ, то она бы ихъ ненавидѣла. И это страшное бѣдствіе теперь съ ней случилось. Въ такомъ состояніи духа, измученная горемъ и тюремною тоской, Жанна рѣшилась на безумный поступокъ. Съ вершины башни замка Боревуаръ, гдѣ ее первоначально держали бургонцы, бросилась она на землю, съ вышины шестидесяти футовъ, и разумѣется, страшно разбилась. Ее подняли почти замертво, и она долго была больна. Что ее понудило къ этому безумному шагу — отчаяніе или надежда? Хотѣла ли она самоубійствомъ прекратить свою жизнь, въ чемъ ее и обвиняли впослѣдствіи, или же разсчитывала на сверхъестественную помощь, которая невредимо поставитъ ее на землю? Послѣднее вѣроятнѣе, такъ-какъ она сама на допросѣ говорила, что желаніе помочь Компьеню заставило ее рѣшиться на бѣгство. Но не могла же она не знать обыкновенныхъ послѣдствій прыжка съ такой вышины. Смутно ожидаемое чудо между тѣмъ не совершилось, и она чуть не поплатилась жизнію за свою попытку. На каждаго менѣе восторженнаго энтузіаста

горькій опытъ безсилія произвелъ бы, можетъ быть, охлаждающее вліяніе: но Жанна была слишкомъ религіозна, чтобы предаться сомнѣнію, а тѣмъ болѣе ропоту. Случай не поколебалъ ея увѣренности въ дѣйствительности чудныхъ явленій, ее окружавшихъ, и она старалась успокоиться въ своемъ несчастіи обыкновеннымъ утѣшеніемъ страдающей кротости и благочестія, вѣчнымъ и неизмѣннымъ — „такъ угодно Богу“. Передъ судьями же своими она объяснила впослѣдствіи, что покушеніе было сдѣлано безъ совѣта и согласія „голоса“ и что Богъ справедливо наказалъ ее за гордость. Такимъ образомъ, настроеніе Жанны не только не измѣнилось, но, напротивъ, болѣзнь и уединеніе, какъ уже замѣчено, опять усилили въ ней созерцательныя наклонности, пріостановленныя на время ея дѣятельною жизнію на войнѣ.

Въ такомъ состояніи перевезена была Жанна въ Руанъ, гдѣ долженъ былъ разыграться послѣдній актъ ея жизненной драмы, гдѣ готовился ей судъ и казнь на кострѣ. Эгоистъ британецъ, и тогда, какъ теперь, былъ неумолимъ въ своей мести и не зналъ великодушія къ опасному, но сломанному врагу. На Жанну онъ смотрѣлъ, какъ на главную виновницу всѣхъ своихъ неудачъ и потерь въ послѣднее время и заранѣе рѣшилъ ея участь. Судебное рѣшеніе дѣла поэтому было бы, въ его глазахъ, излишней формальностью и тратой времени, еслибъ англійское правительство не имѣло тутъ особенной цѣли. Публичнымъ процессомъ дѣвственницы хотѣло оно доказать міру, что мнимая посланница неба есть ни что иное, какъ вѣдьма и орудіе сатаны, и что всѣми своими успѣхами она обязана была содѣйствію адскихъ силъ. Важно было это въ томъ отношеніи что этимъ средствомъ надѣялись подѣйствовать на народъ и разувѣрить общественное мнѣніе въ святости дѣла Карла VII, такъ-какъ это убѣжденіе, разлитое въ массахъ, и составляло главную силу національной партіи. Изъ этого одного уже видно, какую цѣну можно придавать актамъ руанскаго процесса, какъ юридическимъ и историческимъ памятникамъ. Несмотря на самый раболѣпный составъ судебной коммиссіи, назначенной англичанами, нашлись однако и въ ней люди, которые тогда-же протестовали противъ вопіющаго нарушенія всѣхъ юридическихъ формъ. У Жанны не было адвоката; у короля, честь котораго была затронута въ этомъ дѣлѣ, не было представителя. Подсудимой не сообщались заранѣе допросные пункты, самый допросъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Наконецъ, судьи бы-

ли не свободны, находясь подъ моральнымъ давленіемъ и страхомъ мести со стороны англичанъ. Есть подозрѣніе, что многіе акты были просто составлены фальшиво или замѣнены подложными документами.

Судъ былъ духовный, потому что Жанну положено было судить, какъ еретичку и вѣдьму. Мѣстное духовенство, члены св. инквизиціи и нѣкоторые доктора парижскаго университета, подъ предсѣдательствомъ епископа Кошона, низкаго угодника англичанъ, составляли комиссію. Задача ея состояла въ томъ, чтобы заставить Жанну сознаться, что ея видѣнія и „голоса" были навожденіемъ злого духа. Доказывать ей библіей, что на ней не могло быть особеннаго изліянія божественной благодати, какъ это дѣлали уже разъ богословы въ Пуатье, было совершенно безполезно. При ссылкахъ на ученость, на книги, у Жанны былъ всегда одинъ отвѣтъ: „Есть у Господа книга, въ которой не съумѣлъ бы прочесть ни одинъ клирикъ". Трудно было писаніемъ бороться съ женщиной, которая постоянно ссылалась на непосредственное откровеніе, на лично ей объявленную волю божію. Но это самое упорство заявленій о прямыхъ сношеніяхъ съ небомъ подало судьямъ противъ нея оружіе. Она настаиваетъ на непосредственномъ откровеніи, стало быть, она отвергаетъ авторитетъ церкви, выходитъ изъ ея контроля и власти, стало быть, она еретичка. Вотъ губительный силлогизмъ, въ который, какъ въ сѣти, поймали и запутали Жанну сухіе и безсердечные законники. Напрасно объявляла она нѣсколько разъ, что вѣритъ и покоряется церкви во всемъ, исключая своихъ откровеній, но что посланничество свое получила прямо отъ Бога и только ему одному готова отдать въ немъ отчетъ. „Да развѣ я рѣшилась бы иначе,—говорила она своею простою, наивною рѣчью,—да лучше бы меня разорвали четырьмя лошадьми, чѣмъ придти во Францію безъ воли божіей". Ее хотѣли запугать пыткой и показали ей палача и орудія истязаній. Но она и тутъ осталась непреклонною. „Если-бы предо мной пылалъ костеръ и пламя готово было пожрать меня, я бы и тутъ не сказала ничего другого"— былъ ея отвѣтъ. Комиссія убѣдилась, что Жанна неисправимая грѣшница, и составила обширный обвинительный актъ, въ которомъ, кромѣ главнаго ея преступленія, помѣщено было множество другихъ, небывалыхъ и основанныхъ, большею частію, на слухахъ и ложныхъ свидѣтельствахъ и неоднократно отвергнутыхъ ею самою:—какъ она занималась волшебствомъ, развратничала въ лагерѣ арманьяковъ, носила нечестивый для женщины мужской костюмъ,

проливала христіанскую кровь, требовала себѣ божескихъ почестей и тому подобныя нелѣпости. Въ извлеченіи, которое не было даже прочитано подсудимой, актъ этотъ посланъ былъ на заключеніе парижскаго университета. Ученая корпорація, раболѣпствовавшая передъ всѣми сильными міра и оскорбленная въ своемъ самолюбіи и гордости притязаніями какой-то крестьянки на непосредственныя сношенія съ небомъ, нашла ее еретичкой, язычницей и сообщницей злыхъ духовъ, а именно Сатаны, Веліала и Бегемота. Почему почтенные доктора полагали, что именно эти князья адскаго царства были внушителями Жанны,—осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ, гибель Жанны была юридически рѣшена; но цѣль процесса все-таки не достигнута. Отъ нея не могли добиться отреченія отъ божественнаго призванія, на которомъ она непоколебимо стояла. Между тѣмъ англичане грозили коммисіи местью, если она не получитъ у подсудимой такого признанія. Тогда угодливые судьи, епископъ Кошонъ въ особенности, стали дѣйствовать на бѣдную женщину иначе. Жанна часто жаловалась коммисіи на суровость и опасности своей солдатской тюрьмы, на безчеловѣчное и наглое обращеніе стражи, но болѣе всего на то, что ей не дозволяютъ ходить къ обѣднѣ и пріобщаться. Епископъ обѣщалъ ей перемѣнить все, если она откажется отъ своихъ заблужденій. Ей сказали, что въ такомъ случаѣ ее ждетъ только вѣчное церковное покаяніе. Мысль, гдѣ-нибудь въ уединеніи и безвѣстности посвятить остатокъ дней своихъ Богу—всегда была любимою мечтою Жанны. Она поколебалась. Замѣтивъ это, Кошонъ устроилъ на городскомъ кладбищѣ Руана торжественную сцену. Все духовенство процессіально отправилось туда и размѣстилось на особо приготовленныхъ эстрадахъ. За-тѣмъ привели туда подсудимую и, въ виду готоваго костра и палачей, прочли ей сильное увѣщаніе, угрожая тутъ-же предать ее свѣтской власти, если она публично не отречется. Въ то-же время, съ другой стороны, предатель духовникъ, успѣвшій къ ней вкрасться въ довѣренность, умолялъ ее не противиться материнскому голосу церкви и покориться ея волѣ. Испуганная, тронутая и потерянная, Жанна машинально повиновалась, и почти внѣ сознанія, безсмысленно приложила руку къ поданному ей акту отреченія. Такъ описываетъ сцену Валлонъ. Но послѣдующія обстоятельства показываютъ, что она не безсознательно исполнила это дѣло. Она съ покорностью держалась его потомъ нѣсколько дней и только когда увидѣла, что участь ея осталась

та-же и что, вмѣсто обѣщаннаго церковнаго покаянія, ее опять отвели въ прежнюю тюрьму и окружили англійскими солдатами, поняла иной обманъ, которымъ ее прельстили, и стала горько каяться въ своемъ малодушіи. Кто осмѣлился обвинить несчастную женщину въ минутной слабости, единственной въ ея безупречной жизни? Какъ устоять ей, простой и неграмотной крестьянкѣ, противъ общаго голоса стольких ученыхъ и прелатовъ и противопоставить свое личное убѣжденіе мнѣнію всего почти образованнаго міра? А истощеніе силъ отъ тюрьмы и болѣзни, а долгія моральныя страданія, а естественный инстинктъ самосохраненія? Откуда взять мужества, чтобы превозмочь и побѣдить все это? Иной вопросъ — искренно ли она отреклась отъ своихъ откровеній, стала ли сомнѣваться въ ихъ святости. Свидѣтельствъ на это нѣтъ никакихъ. Но думаемъ, что — искренно. Такая цѣльная, высокая и чистая натура, даже въ виду зіяющей смерти, не могла быть способна ко лжи. Для историка и моралиста было бы безотрадно допустить такое предположеніе: оно бросило бы сомнѣніе на все человѣчество. Жанна просто не устояла противъ всеобщихъ увѣреній и на-минуту измѣнила себѣ. Но то была минута, напоминающая вопль невольнаго, исторгнутаго страданіями, ропота на Голгоѳѣ — Отче, почто мя оставилъ! Прошло нѣсколько дней, — и Жанна снова обратилась къ своей внутренней истинѣ и твердо исповѣдывала свое призваніе. „Мои святые, говорила она судьямъ, сильно упрекали меня за малодушіе, достойное гнѣва божія и вѣчной погибели“. Этого было довольно, чтобы послать ее на костеръ, какъ неисправимую грѣшницу, вторично отпавшую отъ церкви. Ничто не препятствовало совершенію казни. Исторгнутое у Жанны отреченіе было уже обнародовано, и теперь враги ея могли насытить свою личную месть.

Если вѣрить преданію, нашедшему, впрочемъ, отголосокъ въ актахъ процесса, Жанна за три мѣсяца предсказала свою смерть, но предсказала какъ-то безсознательно. 1 марта 1431 года „голоса“ открыли ей, что черезъ три мѣсяца она будетъ свободна. Несчастная страдалица приняла сообщеніе, какъ радостную вѣсть о близкомъ освобожденіи изъ плѣна; не знала, какъ оно произойдетъ, но была въ немъ твердо увѣрена. Между тѣмъ, процессъ приближался къ роковому исходу, и въ концѣ мая ей прочли смертный приговоръ. „Видишь, Жанна, говорили ей члены суда, твои духи обманули тебя, стало быть, это — коварные, лживые духи“, — и Жанна не находила отвѣта, опять подавленная сомнѣніемъ и убитая го-

ремъ. Съ какою-то трогательною ревностью оставленной, осиротѣлой души бросилась она, въ эти послѣдніе дни, въ объятія церкви, такъ сурово ее оттолкнувшей, но оставшейся для нея все-таки единственнымъ прибѣжищемъ, — молилась, плакала и была безконечно счастлива, когда ей позволили пріобщиться. Такъ, даже послѣднія минуты этой великой жизни залиты были горечью разбитыхъ надеждъ и святыхъ, но поруганныхъ вѣрованій. Преданіе, любящее округлять и возстановлять внутреннюю цѣльность любимыхъ личностей, прибавляетъ, что истина открылась ей только въ часъ казни. Духовникъ, провожавшій ее на смерть, свидѣтельствовалъ, что стоя уже на кострѣ, она громко исповѣдовала свое божественное посланничество, призывала своихъ святыхъ и послѣднимъ крикомъ ея было имя Іисуса...

Такъ ли это было, что видѣла, что чувствовала она въ эту роковую минуту — останется навсегда неразрѣшимою тайной, такъ точно, какъ останется тайной еще многое въ исключительной духовной организаціи этой удивительной женщины. Исторія знаетъ только, что въ этотъ день была пролита святая и невинная кровь, павшая пятномъ несмываемаго осужденія и позора на тѣхъ, кто ее пролилъ. Благочестивая легенда могла впослѣдствіи утѣшиться мыслію, что непосредственные виновники гибели Жанны — Винчестеръ, Кошонъ, многіе члены судной коммиссіи умерли неестественною и мучительною смертію или понесли другія кары при жизни. Мы не возьмемся, подобно Валлону, быть истолкователями народной вѣры въ земное возмездіе личныхъ преступленій, такъ-какъ трудно опредѣлить — сколько въ подобныхъ явленіяхъ приходится на долю случайностей. Но мы готовы вѣрить въ другое возмездіе судьбы, осудившей не лица, а цѣлыя учрежденія и сословія, не признавшія и отвергнувшія орлеанскую дѣвственницу. Есть какая-то неумолимая немезида, карающая преступленія народовъ и обществъ по естественнымъ законамъ исторіи. Знать, холодно встрѣтившая и равнодушно покинувшая Жанну, средневѣковая церковь, ее отвергнувшая, схоластическая наука, не умѣвшая понять ее, сами надъ собой произнесли приговоръ. Въ лицѣ Жанны д-Аркъ онѣ торжественно отреклись отъ народа и предали поруганію его благороднѣйшіе инстинкты и чувства. Онѣ не поняли тѣхъ еще неизвѣданныхъ, но могучихъ силъ народнаго духа, которыхъ она была идеальнымъ воплощеніемъ, и тѣмъ заявили міру свою собственную несостоятельность.

VI.

ЛЮДОВИКЪ XI.

ОБЩЕ-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ЛЮДОВИКЪ XI.

Обще-историческій очеркъ.

Какъ ни красно говорятъ французы о своей страсти къ общественной свободѣ, ихъ національная исторія очень мало ее оправдываетъ. Ея лучшія воспоминанія относятся именно ко временамъ самыхъ энергическихъ и самодержавныхъ монарховъ и государственныхъ людей — Людовиковъ VI и IX, Филиппа Красиваго, Франсуа I, Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV, Наполеона, — и Франція тогда только является славною, счастливою и могущественной, когда ея судьбою управляетъ твердая рука. Да и самый характеръ націи полный авторитетности, догматизма и нетерпимости, едвали особенно благопріятенъ развитію свободныхъ учрежденій, прочность и успѣхи которыхъ требуютъ прямо противуположныхъ качествъ. Оттого даже французскія революціи оканчивались, большею частью, деспотизмомъ и, среди полнаго разгара республиканскаго энтузіазма, обыкновенно являлись люди, подъ разными именами и формами захватывавшіе тиранію. Мы не думаемъ пускаться въ политическія гаданія о будущихъ судьбахъ этой страны, а имѣемъ дѣло только съ ея исторіей. Исторія же эта, съ того времени, какъ она пріобрѣтаетъ важность для Европы, по преимуществу — монархическая, — отчего и самое изслѣдованіе о герояхъ и подвижникахъ монархической идеи во Франціи получаетъ особый интересъ и глубокую поучительность.

Въ ряду этихъ героевъ Людовику XI принадлежитъ очень видное мѣсто. Онъ стоитъ на предѣлахъ двухъ вѣковъ, — средняго и новаго, совмѣщая въ себѣ особенности того и другого, а въ исто-

ріи французской монархіи представляетъ весьма интересный моментъ вѣковой борьбы ея съ феодальнымъ порядкомъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ важенъ, преимущественно для исторіи своего государства, но въ первомъ, какъ типическое явленіе вѣка, чрезвычайно характеренъ и для общей исторіи Европы. Въ такомъ смыслѣ и мы остановимъ на немъ наше вниманіе, касаясь собственно государственной его дѣятельности лишь для того, чтобы яснѣе понять его обще-культурное значеніе.

Къ счастію, мы имѣемъ для нашей цѣли превосходнаго руководителя въ Филиппѣ де-Коминъ, мемуары котораго посвящены исторіи Людовика и его преемника Карла VIII. Великое преимущество этого памятника предъ другими, ему современными, состоитъ въ томъ, что онъ составленъ государственнымъ человѣкомъ и глубокимъ политикомъ своего времени, коротко знавшимъ тогдашнюю Европу и, въ качествѣ дипломата, принимавшимъ личное участіе въ ея дѣлахъ. Дворы французскій, англійскій, бургундскій и многіе итальянскіе, съ ихъ интригами, отношеніями и всей закулисной жизнію ему также коротко знакомы, какъ и литературное образованіе вѣка.

Въ борьбѣ средневѣковыхъ и новыхъ порядковъ, характеризующей это переходное время, де-Коминъ, какъ и всѣ почти даровитые люди его эпохи, стоялъ, естественно, на сторонѣ послѣднихъ, а на Людовика XI, ихъ главнаго представителя и поборника, смотрѣлъ, разумѣется, самыми благопріятными глазами. Сочувствіе это было, конечно, не совсѣмъ безкорыстно. Де-Коминъ, занимая при бургундскомъ дворѣ должность довѣреннаго совѣтника, позволилъ королю подкупить себя, или по-крайней-мѣрѣ, увлекшись его заманчивыми обѣщаніями, измѣнилъ Карлу Смѣлому и перешелъ на службу во Францію, гдѣ его тотчасъ осыпали богатствомъ и почестями. Къ Людовику, стало быть, онъ имѣлъ много причинъ относиться, какъ къ личному благодѣтелю; но нѣкоторая снисходительность къ его недостаткамъ высказывается въ мемуарахъ, такъ открыто и такъ разумно, что она почти не мѣшаетъ понимать истину. Притомъ же, де-Коминъ — вполнѣ дитя своего времени, этого глубоко безнравственнаго XV вѣка, и смотритъ на всѣ его ужасы и преступленія съ замѣтно притупленною совѣстью. Онъ далеко не Тацитъ, и зло не возбуждаетъ въ немъ никакой негодующей реакціи; но за-то тѣмъ искреннѣе и проще разсказъ и тѣмъ смѣлѣе мы можемъ довѣрять ему. А это ужъ наше дѣло рѣзче отмѣтить порокъ и положить болѣе густыя краски на моральное рас-

тлѣніе вѣка. Но, съ другой стороны, никто такъ глубоко не понялъ и не оцѣнилъ Людовика съ государственной точки зрѣнія, какъ де-Коминъ. Самъ тонкій политикъ, онъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ величайшему государю-политику своего вѣка. И какъ слабы и блѣдны предъ нимъ, въ этомъ отношеніи, мемуаристы и историки такъ называемой бургундской партіи, — Оливье де-ла-Маршъ, Шатленъ, Молине и имъ подобные! Всѣ они стоятъ еще на точкѣ зрѣнія стараго рыцарства и прежнихъ феодальныхъ порядковъ, представителемъ и защитникомъ которыхъ былъ знаменитый бургундскій домъ. Почтенная сторона дѣятельности короля имъ совершенно недоступна — и они видятъ въ немъ только лицемѣра и изверга. Съ ихъ-то голоса и въ послѣдующихъ вѣкахъ идетъ тотъ строгій и не совсѣмъ справедливый судъ надъ Людовикомъ, который произносили надъ нимъ всѣ историки-моралисты. Впрочемъ и бургундскіе историки не лишены значенія, хотя и въ другомъ смыслѣ. Заключая въ себѣ множество интересныхъ подробностей о тогдашнемъ обществѣ, въ особенности о великолѣпномъ дворѣ Филиппа Добраго и сына его Карла Смѣлаго. они живѣе, нагляднѣе знакомятъ съ колоритомъ эпохи, — тогда какъ де-Коминъ сосредоточиваетъ почти все свое вниманіе на одномъ ходѣ политическихъ дѣлъ и интригъ, а потому бѣднѣе ихъ культурными красками.

Мы попытаемся доказать въ предстоящемъ очеркѣ, что Людовикъ XI, далеко превосходя своихъ современниковъ силою политическаго генія, не слишкомъ ниже ихъ стоитъ даже и въ моральномъ отношеніи, и что образъ его, какъ человѣка, является какимъ-то мрачнымъ и дикимъ исключеніемъ только тогда, если оторвать его отъ современной его обстановки.

Каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей, извѣстно, какъ глубоко пала общественная нравственность въ XIV и XV вѣкахъ. Главная причина ея постепеннаго упадка — въ неопредѣленности и шаткости самыхъ принциповъ, на которыхъ построена была средневѣковая жизнь. Когда физическая сила, царившая надъ западной Европой въ первые вѣка послѣ покоренія ея германскими племенами, оказалась несостоятельною для водворенія въ обществѣ порядка, а тѣмъ болѣе какой-нибудь правильной государственной жизни, стали дѣлать попытки основать ее на моральныхъ началахъ. Но разумныхъ отношеній, точнаго и всеобъемлющаго права, по незрѣлости тѣхъ поколѣній, установить не могли, и потому думали закрѣпить общественную связь разными нравственными

обязательствами,—тѣмъ болѣе, что и церковь, единственная воспитательница тогдашнихъ народовъ, и не могла и не хотѣла научить ихъ другимъ основаніямъ. Такъ составилась система идеальныхъ представленій объ обязанностяхъ и правахъ каждаго, руководившихъ жизнію средневѣковаго человѣчества,—представленій неопредѣленныхъ и колеблющихся, какъ всѣ идеалы. Такъ, напримѣръ, всѣ ленныя отношенія основывались на чувствѣ вѣрности. При бѣдности и неразвитости положительнаго законодательства въ этой сферѣ, оно должно было замѣнять и дополнять недостающее. „Entre senior et home n'a que la fei“ — повторяетъ безпрестанно феодальное право. Это значитъ, что, въ случаяхъ, неуказанныхъ закономъ, ленникъ, въ своихъ отношеніяхъ къ сузерену, долженъ руководиться внушеніями этого чувства. Весь кругъ рыцарскихъ обязанностей, подобнымъ же образомъ, основывался на чувствѣ чести; обязанности къ церкви и духовенству — на побужденіяхъ вѣры. Впрочемъ духовенство, скажемъ это мимоходомъ, болѣе другихъ позаботилось обезпечить себя положительными и точными постановленіями. Но вообще говоря, вся сѣть жизненныхъ связей, главнымъ образомъ, опиралась на такихъ эластичныхъ и для точнаго смысла трудно уловимыхъ нравственныхъ началахъ. Но основать общество на подобныхъ принципахъ значитъ предположить въ людяхъ такія совершенства, какихъ они имѣть не могутъ, или могутъ имѣть только избранные. Оттого мы и видимъ въ среднихъ вѣкахъ постоянное противорѣчіе между теоріей и практикой. Исторія ленныхъ порядковъ, вмѣсто вѣрности, на которой они должны быть основаны, представляетъ намъ безконечный рядъ измѣнъ, возстаній и усобицъ,—рыцарская честь очень скоро превращается въ хищничество и разбой, а вѣра — въ суевѣріе. Еще пока сколько-нибудь сохранялась древняя патріархальность и простота нравовъ германскихъ завоевателей, идеалы эти, такъ или иначе, проводились въ жизнь или, по-крайней-мѣрѣ, имѣлись въ виду, какъ моральныя для нея опоры и регуляторы. Но, когда, со-временемъ, и особенно — послѣ крестовыхъ походовъ, умъ человѣческій обогатился новою опытностью, а нравы заразились чужеземнымъ развратомъ, на древнія моральныя нормы никто уже не обращалъ вниманія и каждый сталъ открыто преслѣдовать только собственный интересъ. Тогда сдѣлались возможными такія явленія, какъ эпоха кулачнаго права въ Германіи. Но и въ другихъ странахъ было не лучше. Тамъ тоже средневѣковыя связи ослабѣли до такой сте-

пени, что во Франціи, напримѣръ, въ концѣ этого періода, люди не знали уже, чѣмъ бы обезпечить себя отъ взаимнаго вѣроломства. „По-видимому, говоритъ де-Коминъ, у насъ вовсе нѣтъ уже ни чести, ни вѣрности, и трудно сказать — какими бы связями обезопасить другъ друга“. Какой страхъ, какая мучительная тревога проглядываютъ въ этихъ словахъ! А де-Коминъ вѣдь вовсе не пуристъ нравственности. Неисчислимы, поэтому, заслуги реформаціи XVI вѣка для европейской культуры, — и говорить только о ея церковномъ и политическомъ значеніи — значитъ не отдавать ей должной справедливости. Едвали не важнѣе еще были вызванныя ею моральныя перемѣны. Нравственно-религіозный элементъ снова внесенъ былъ ею въ общество, одичавшее во лжи, суевѣріи и развратѣ, и только на этомъ новомъ фундаментѣ опять возможны стали со-временемъ всѣ благороднѣйшія проявленія человѣческой натуры — искусство, наука, правильная семейная и общественная жизнь. Но то время, о которомъ мы говоримъ, — вторая половина XV столѣтія, какъ эпоха, непосредственно предшествовавшая реформаціи, была именно самымъ безнравственнымъ вѣкомъ европейской исторіи, съ которымъ, въ этомъ отношеніи, могутъ сравниться развѣ послѣднія времена римской имперіи. И какихъ людей породила эта эпоха! Фердинандъ Католикъ, Ричардъ III, Макіавелли, Александръ VI, Цезарь Борджія, — все вѣдь это были почти современники Людовика XI. Въ самой Франціи, въ ближайшей своей обстановкѣ, Людовикъ окруженъ былъ такою неслыханною моральною порчею, какой не бывало ни прежде, ни послѣ въ этой странѣ. Это — дикій бандитъ, Гильомъ де-ла-Маркъ, „кабанъ арденскихъ горъ“, какъ его прозвали современники, своими разбоями наводившій ужасъ на сосѣднюю Фландрію и Германію. Это — Франсуа, герцогъ бретанскій, осудившій родного брата на медленную голодную смерть и исполнившій безчеловѣчный приговоръ съ такою наглою публичностію, что прохожіе ежедневно слышали стоны заключеннаго, умолявшаго бросить ему кусокъ хлѣба черезъ рѣшетку. Это — Адольфъ гельдернскій, избившій до крови своего престарѣлаго отца и наконецъ велѣвшій его, почти обнаженнаго, бросить въ темницу. Это, наконецъ, баронъ де-Ретцъ, похищавшій дѣтей у сосѣднихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобъ приносить ихъ въ жертву Вельзевулу, Сатанѣ, Беліалу, Баррону и Оріанту — „подателямъ золота, знанія и могущества“. Четырнадцать лѣтъ продолжались эти ужасы, — и никто не смѣлъ искать пра-

восудія, пока наконецъ епископъ нантскій, и то больше по личной непріязни къ барону, не поднялъ противъ него процессъ, изъ котораго оказалось, что де-Ретцъ, окруженный разными алхимиками, магами и другими шарлатанами, проливалъ въ честь своихъ идоловъ дѣтскую кровь. Въ подвалахъ замка нашли груды человѣческихъ костей. Вотъ факты, въ виду которыхъ значительно блѣднѣютъ преступленія, совершенныя Людовикомъ. Но мы еще встрѣтимъ ихъ очень много въ теченіи нашего разсказа.

Среди такого-то общества пришлось Людовику XI выполнить государственную задачу, завѣщанную ему ходомъ исторіи. Какъ извѣстно, она состояла въ скрѣпленіи государственнаго союза и въ объединеніи раздробленной націи посредствомъ возвышенія монархическаго начала надъ хаосомъ областныхъ, фамильныхъ и частныхъ интересовъ, театромъ и жертвою которыхъ является средневѣковая Франція. Надъ нею давно уже работали лучшіе государственные люди этой страны. Начиная съ XII вѣка, на французскомъ престолѣ не было почти ни одного даровитаго государя, который бы, такъ или иначе, не подвинулъ ея рѣшенія. Труды Сугерія, Филиппа Августа, Людовика Святого и Филиппа Красиваго сдѣлали въ этомъ направленіи очень много; но едва-ли не болѣе еще сдѣлала сама исторія, — и въ-особенности быстрое развитіе городского элемента и столѣтняя война съ англичанами, въ теченіи которой территоріальная аристократія разорилась матеріально и обезславилась нравственно, а рыцарство, эта главная опора феодальныхъ порядковъ, въ битвахъ Кресси, Пуатье, Азенкура, невозвратно утратило свой блескъ и свое значеніе. При такихъ условіяхъ, даже слабый и безпечный Карлъ VII могъ править почти неограниченно, опираясь то на усердіе горожанъ, то на регулярное войско и постоянныя подати, имъ заведенныя вслѣдствіе нуждъ безпрестанной войны, а еще болѣе — на чувство національности и патріотизма, замѣтно выросшія во Франціи во время вѣковой борьбы съ чужеземнымъ порабощеніемъ. Но лѣнивый и изнѣженный отецъ Людовика XI, даже и не переставая кочевать по своимъ увеселительнымъ замкамъ, среди наслажденій и толпы любимцевъ и фаворитокъ, все-таки достигъ бы, вѣроятно, еще большей власти въ только-что отвоеванномъ у враговъ государствѣ, если-бы власть эта не встрѣчала почти неодолимаго ограниченія въ великихъ коронныхъ вассалахъ, большею частью — принцахъ королевскаго дома, и такихъ-же полноправныхъ государяхъ, какъ и самъ король. Ров-

но половина французской государственной территоріи находилась въ ихъ рукахъ, и каждый въ своей области пользовался всѣми правами величества. Зависимость отъ короны, основанная на шаткихъ моральныхъ обязательствахъ леннаго права, была больше номинальнаго свойства, тѣмъ болѣе, что принцы эти, въ случаѣ опасности со стороны центральнаго правительства, забывали свои частные счеты и нерѣдко довольно дружно соединяли свои силы противъ общаго непріятеля. Карлъ VII всю жизнь свою опутанъ былъ ихъ интригами и находился у нихъ въ опекѣ, да и самой короной обязанъ былъ столько-же энергическому содѣйствію герцоговъ Бретани и Бургундіи, сколько и чудному героизму Орлеанской дѣвы. Наконецъ, въ случаѣ нужды, принцы всегда могли найдти точку опоры въ англичанахъ и снова накликать на государство бѣдствія вражескаго нашествія. Борьба съ такими противниками была бы опасна и для болѣе энергическаго государя, чѣмъ Карлъ, а ему и подавно была не по силамъ. Да онъ и не пытался радикально измѣнить этотъ порядокъ, изрѣдка только позволяя себѣ ограничить то ту, то другую привилегію вельможъ, да подавляя придворные заговоры, въ подобныхъ случаяхъ составлявшіеся.

Такимъ образомъ, великіе государственные вассалы, при вступленіи на престолъ Людовика XI, сохраняли еще неприкосновенно все то полновластіе, какое успѣли себѣ присвоить во время англійскихъ войнъ, когда корона капетовъ, поставленная въ затруднительное положеніе, должна была покупать ихъ содѣйствіе и помощь цѣлымъ рядомъ уступокъ своихъ привилегій: аррасскій договоръ 1435 года герцога бургундскаго и его союзниковъ освободилъ даже вовсе отъ ленной присяги и ея обязательствъ на все время жизни и царствованія Карла VII и постановилъ очень опасное правило, что арріеръ-вассалы великихъ государственныхъ ленниковъ на будущее время должны зависѣть не отъ короля, а отъ своихъ непосредственныхъ сузереновъ. Такъ, одно изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ правъ, добытыхъ капетингами продолжительной и упорной борьбой съ феодализмомъ, опять было потеряно для французской короны.

Такимъ великимъ правамъ равнялась и гордость коронныхъ вассаловъ и ихъ притязанія. Принцы эти, собравшись въ Реймсъ для коронаціи Карла VII, говорятъ народу, представляя ему новаго монарха: вотъ вашъ король, котораго мы, перы Франціи, коронуемъ королемъ и государемъ. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, герцогъ

бретаньскій и графъ Арманьякъ, не довольствуясь всѣми правами величества, приняли также и внѣшніе его знаки — корону, вмѣсто герцогской шляпы, и титулъ — божіей милостію.

Что касается нравственнаго уровня этихъ высокомѣрныхъ и зазнавшихся династовъ, то вотъ какъ характеризуетъ ихъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ самыхъ разумныхъ и почтенныхъ, хоть и старыхъ французскихъ историковъ — Сисмонди: „Высокое происхожденіе этихъ лицъ заставило ихъ думать, что они выше морали, управляющей массою. Ихъ кровь казалась слишкомъ благородною, чтобъ быть пролитою подъ мечемъ закона. Ихъ преступленія были не во власти суда человѣческаго. Само небесное правосудіе, — ихъ легко было въ томъ увѣрить, — къ нимъ было болѣе снисходительно. На нихъ не дѣйствовали ни стыдъ, ни страхъ, ни наказанія, ни угрызенія совѣсти; каждый, среди своихъ льстецовъ и угодниковъ, позволялъ себѣ не стѣсняться ничѣмъ и всегда находилъ людей, готовыхъ исполнить самыя преступныя желанія“.

Спрашивается — какого свойства долженъ быть тотъ герой, который бы отважился выступить на борьбу съ подобными противниками, и какими средствами надо ему вести ее, чтобъ имѣть вѣроятность успѣха? Очевидно, это долженъ быть такой-же извергъ и воевать тѣмъ-же оружіемъ измѣны и жестокости, только хитрѣе и разсчетливѣе своихъ враговъ. Вотъ историческое оправданіе, или, если это выраженіе слишкомъ щекотливо, историческое объясненіе Людовика XI.

Но кто-же были эти готовые, природные враги французскаго короля, какъ бы онъ ни назывался — Людовикъ, Карлъ или иначе? Мы ихъ знаемъ по именамъ, но прежде, чѣмъ назвать отдѣльныя лица, мы должны замѣтить, что къ лагерю ихъ, такъ или иначе, если не дѣломъ, то сочувствіемъ, за немногими исключеніями, принадлежала вся аристократія. Кто — по личной преданности принцамъ, или личной же ненависти къ королю, но большая часть — по принципу. Всѣ они видѣли въ холодно-разсчетливомъ, буржуазно-простомъ и ненасытно-властолюбивомъ Людовикѣ непримиримаго врага той дорогой для нихъ старины, которая вся устроена была къ ихъ выгодамъ и пользѣ. Король ненавидѣлъ все, что они любили, и любилъ все, что они ненавидѣли. Онъ не терпѣлъ самоуправства, привилегій, праздной роскоши и расточительности, турнировъ и каруселей. Онъ не довѣрялъ изношеннымъ леннымъ и рыцарскимъ чувствамъ, избѣгалъ войны, не полагаясь на счастіе

или физическую силу и, какъ опытный игрокъ, за нѣсколько ходовъ впередъ разсчитывалъ и свое поведеніе и планы своихъ противниковъ. Онъ уважалъ бережливость, промышленный трудъ, знаніе, умъ и ловкость и выше всего ставилъ государство и его интересъ. Даже до костюма и образа жизни,—во всемъ новый человѣкъ этотъ былъ полнѣйшею противуположностью средневѣковой старинѣ и рутинѣ. Отсюда — заклятая къ нему ненависть именно того сословія, которое больше всего держалось этой старины и дорожило ею. Знать интригуетъ противъ него, осмѣиваетъ его привычки и манеры, составляетъ противъ него подкопы и заговоры, наконецъ — вступаетъ съ нимъ въ открытую войну. Она же, устами своихъ бургундскихъ историковъ, старается очернить его память въ потомствѣ. Съ своей стороны, Людовикъ инстинктивно чувствуетъ эту ненависть и злобу аристократіи и ни въ чемъ ей не довѣряетъ. Онъ не поручаетъ ей никакихъ важныхъ постовъ въ государственной службѣ, боится войны, чтобъ не нуждаться въ ненадежныхъ вельможахъ, окружаетъ престолъ свой людьми низкаго происхожденія, на преданность которыхъ можно больше разсчитывать.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дѣло дошло до открытаго столкновенія, послѣдовавшаго только четыре года спустя по вступленіи Людовика XI на престолъ, вся Франція раздѣлена уже на двѣ враждебныя партіи: королевскую, на сторонѣ которой большинство націи и особенно — города, и феодально-бургундскую, къ которой примыкаетъ вся аристократія. Силы обоихъ лагерей почти равны. Государственные вассалы располагаютъ большими военными средствами, но имъ недостаетъ единства и даровитыхъ вождей. Король не имѣетъ столько войска, но превосходитъ своихъ враговъ обиліемъ денежныхъ рессурсовъ, сосредоточенностію силъ въ однѣхъ рукахъ и своимъ геніальнымъ умомъ. Открывавшаяся между ними борьба представляетъ интересъ не только историко-политическій, но и нравственно-культурный, такъ-какъ въ лицѣ Людовика XI и его противниковъ борется не только феодальная Франція съ монархической Франціей новыхъ временъ, но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, рѣшается и моральный вопросъ о превосходствѣ духа надъ грубою силой.

Во главѣ феодальной партіи стоялъ могущественный бургундскій домъ въ лицѣ тогдашняго своего представителя герцога Карла Смѣлаго. Владѣнія этой знаменитой фамиліи, бывшей въ очень близкомъ родствѣ съ царствовавшей тогда династіей Валуа, обнимали почти всю нынѣшнюю Бельгію, Голландію и сѣверо-восточную часть

Франціи. Естественныя богатства этого обширнаго края, промышленный духъ его многочисленныхъ городовъ, рѣзкая племенная особенность фламандскаго населенія — подняли значеніе и силу бургундскихъ герцоговъ до такой высоты, какой не достигалъ ни одинъ изъ непосредственныхъ великихъ вассаловъ французской короны. Поставленные въ такое исключительное положеніе, опираясь съ одной стороны на имперію, съ другой — на Англію, владѣтельные князья эти тяготились и той почти номинальной ленной зависимостію, которая связывала ихъ съ престоломъ капетовъ. Роль, какую играли второй и третій представители этого дома — Жанъ Неустрашимый и Филиппъ Добрый въ эпоху англо-французскихъ народныхъ войнъ, слишкомъ извѣстна, чтобъ здѣсь говорить объ ней. Довольно вспомнить, что споръ между Плантагенетами и Валуа за французскую корону долгое время зависѣлъ отъ того, за кого станетъ бургундскій герцогъ. Съ другой стороны, ни одинъ владѣтельный домъ тогдашней Европы, не исключая и императорскаго, не отличался такимъ великолѣпіемъ, пышностію и богатствомъ, какъ дворъ бургундскій. Кто читалъ картинную исторію Баранта, тотъ знаетъ, съ какимъ театральнымъ величіемъ и роскошью устроенъ былъ его блестящій церемоніалъ. Нигдѣ не было такихъ баснословныхъ празднествъ, такихъ веселыхъ каруселей и пышныхъ турнировъ, нигдѣ такъ не процвѣтало рыцарство и рыцарская жизнь. Тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ западной Европы рыцарскій духъ и учрежденія давно уже пали, или же грустно доживали свои послѣдніе дни, — въ Бургундіи они все еще стояли во всей своей славѣ и блескѣ. Конечно, это были уже однѣ искусственно подогрѣтыя формы стараго рыцарства. Общая безнравственность вѣка и ходъ времени успѣли уже значительно исказить ихъ духовное содержаніе; но, при богатствѣ края и сочувствіи владѣтельнаго дома, самыя формы эти, не смотря на ихъ театральную напыщенность, представляли, по-крайней-мѣрѣ издали, много внушающаго величія.

Среди такой обстановки выросъ и воспитался Карлъ Смѣлый. Изъ всѣхъ элементовъ, составлявшихъ атмосферу бургундскаго двора, самый подходящій къ его натурѣ былъ рыцарскій. Рыцарство, даже и въ той внѣшней, выродившейся формѣ, въ какой оно является въ XV столѣтіи, чрезвычайно льстило его самолюбію и фантазіи и удовлетворяло его пылкому темпераменту. Еще юношей начитался онъ о подвигахъ сказочныхъ героевъ стараго времени. Пар-

сиваль, Гаванъ и другіе сподвижники Круглаго стола были его любимыми мечтами. Но особенно улыбался ему образъ того идеальнаго, баснословнаго Александра, который былъ созданъ воображеніемъ средневѣковыхъ поэтовъ и историковъ. Подъ перомъ этихъ писателей, македонскій герой, какъ извѣстно, совершенно превратился въ средневѣковаго рыцаря. Но какъ ни опутывали его исторію сагами, а его личность — фантастическими прикрасами, все же, и послѣ такого произвольнаго пересозданія, въ ней уцѣлѣли двѣ основныя ея черты — неустрашимая отвага и поэтическій нимбъ, и эти-то черты наиболѣе привлекали юное воображеніе Карла. Въ рыцарскихъ же забавахъ и похожденіяхъ протекла и его дальнѣйшая молодость. Да и впослѣдствіи никогда онъ не могъ возвыситься надъ сферою рыцарскихъ понятій и убѣжденій. Личное чувство оскорбленія ли, дружбы, или иного, но всегда личнаго побужденія руководило постоянно его поступками. Государственной цѣли, государственнаго интереса онъ не понималъ вовсе, или, покрайней-мѣрѣ, всегда подчинялъ его впечатлѣнію минуты. Его планы были велики, разнообразны, полны честолюбія; громадныя средства были у него въ рукахъ, — но привести въ исполненіе онъ не могъ ни одного, именно потому, что увлекался личными и, стало быть, случайными мотивами. Онъ мечтаетъ и о независимой галло-бельгійской коронѣ, и о санѣ имперскаго намѣстника, о раздробленіи верховной власти во Франціи, о крестовомъ походѣ на турокъ, о войнѣ съ Германіей, Ліэжемъ, Швейцаріей, и всей Европы, кажется, мало его неугомонному рыцарскому героизму. Но ясно сознанной государственной цѣли, которой бы подчинялись всѣ прочія, нѣтъ никакой. Онъ только бросается изъ предпріятія въ предпріятіе и, преслѣдуя одинъ планъ, тѣмъ самымъ разрушаетъ другой. Самой любимой его мечтой было основаніе отдѣльнаго галло-бельгійскаго королевства, независимаго отъ Франціи и Германіи. Идея эта стоила ему много хлопотъ и усилій. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, императоръ Фридрихъ III далъ свое согласіе и назначилъ даже день коронаціи, пріѣхавъ съ этой цѣлію въ Триръ. Но даже и въ эту столь важную минуту гордый герцогъ не имѣлъ надъ собой довольно власти, чтобъ сдержать свое щекотливое самолюбіе и, по одному ничтожному поводу, жестоко оскорбилъ императора. Воспользовавшись происшедшей размолвкой, Людовикъ XI, съ своей стороны, тоже не преминулъ внушить Фридриху разныя опасенія противъ замысловъ Карла, — и

затѣя рушилась невозвратно. Такъ-же точно и раздробленіе Франціи на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ было конечно дѣломъ не легкимъ, но, при тогдашнихъ условіяхъ, не заключало въ себѣ ничего невозможнаго. Вспомнимъ, что даже по смерти Людовика XI, т. е. послѣ всѣхъ его трудовъ и мѣръ въ пользу государственнаго единства, общесословный сеймъ (états généraux) 1484 г., собравшійся въ Турѣ, формально раздѣлилъ Францію на шесть націй. А въ началѣ правленія Людовика коронпымъ вассаламъ стоило только соединиться подъ знаменемъ такого могущественнаго вождя, какимъ былъ герцогъ бургундскій, и, дѣйствуя единодушно, они непремѣнно разорвали бы страну. Карлу Смѣлому, стремившемуся къ независимой посреднической роли между двумя сосѣдними націями — нѣмцами и французами, очень улыбалась подобная мысль. „Я желалъ бы, говорилъ онъ открыто, чтобъ во Франціи, вмѣсто одного короля, ихъ было шесть“. Но слова и остались словами. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на организаціи тѣсно-сомкнутой лиги великихъ государственныхъ вассаловъ, герцогъ дробитъ и истощаетъ свои силы то въ борьбѣ съ непокорными фламандскими городами, то въ безплодной осадѣ имперскаго города Нейса, то въ совершенно ненужной войнѣ съ швейцарцами, въ которой и находитъ преждевременный конецъ. Какъ истинный рыцарь, онъ видитъ въ войнѣ не средство, но цѣль. Лишь бы воевать, да пожинать лавры побѣдъ, а тамъ — будь что будетъ. Какъ истинному рыцарю, ему не сидится на мѣстѣ и миръ для него тоска. За неимѣніемъ въ виду другихъ подвиговъ, онъ готовъ кинуться даже въ крестовый походъ, это обыкновенное убѣжище соскучившейся рыцарской удали. Нужды нѣтъ, что этими безполезными и безцѣльными подвигами онъ разоритъ свое государство, разрушитъ могущество своего дома и самъ наскочитъ на нечаянную смерть. Все это совершенно въ нравахъ и понятіяхъ рыцарства. За-то слава разнесетъ его имя по свѣту и память его прозвучитъ въ пѣсняхъ потомства. Карлъ Смѣлый достигъ всего этого. Едва ли кто-нибудь изъ современныхъ ему государей носилъ такое громкое имя въ Европѣ, — и тотчасъ же послѣ смерти онъ сдѣлался уже героемъ легенды. Когда разнеслась вѣсть о его гибели въ сраженіи съ швейцарцами при Нанси, современники долго не хотѣли ей вѣрить. Казалось невѣроятнымъ, чтобы смерть могла коснуться того, кто такъ долго, такъ самонадѣянно игралъ всѣми опасностями. Онъ схваченъ, говорили въ народѣ, онъ си-

дитъ въ заточеніи, онъ постригся въ монахи; пилигримы видѣли его въ Римѣ, въ Германіи, въ Іерусалимѣ, — но онъ воротится, прійдетъ непремѣнно, воскреснетъ, если умеръ дѣйствительно.... Славная жизнь, славный конецъ, чего же болѣе? лично онъ удовлетворенъ, а рыцарь больше ни о чемъ и не думаетъ. А между тѣмъ въ трехъ потерянныхъ битвахъ — при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси, погребено благосостояніе и счастіе цѣлаго края и разрушено могущество бургундскаго дома, созданное трудами трехъ поколѣній....

Карлъ Бургундскій не даромъ заслужилъ свое прозвище „le Temeraire“. Личной отваги и мужества въ немъ было, дѣйствительно, очень много, такъ-же какъ много было тщеславія и гордости. Но нравственными качествами истиннаго рыцаря онъ былъ крайне бѣденъ. Ни честности, ни великодушія, ни даже вѣрности данному слову, мы не видимъ въ его исторіи. Все же своей блестящей внѣшней обстановкой и своей импонирующей личностію онъ производилъ обаяніе сценическаго эффекта. Другіе же принцы крови, группировавшіеся подъ его знаменемъ, не имѣли даже и этихъ преимуществъ. Рѣдкій изъ нихъ возвышался надъ самою избитою посредственностію. То были: ничтожный Ренатъ, герцогъ Анжу и Прованса, хорошій рыболовъ и садовникъ и очень плохой живописецъ, поэтъ и ваятель. Погрузившись исключительно въ эти невинныя удовольствія, политику и войну онъ предоставилъ тщеславному сыну своему Жану, носившему титулъ герцога калабрійскаго и считавшему себя претендентомъ пяти коронъ — Неаполя, Сициліи, Іерусалима, Каталоніи и Арагоніи. Послѣ нихъ самымъ виднымъ по значенію и силѣ можно считать герцога бретаньскаго Франсуа, изнѣженнаго и развратнаго магната, болѣе англичанина, чѣмъ француза по характеру и политикѣ. Прочіе были еще ничтожнѣе. Графъ Жанъ Арманьякъ, гордившійся происхожденіемъ своего рода отъ меровинговъ, извѣстенъ только своимъ безчеловѣчіемъ, а сосѣдъ его Жакъ, герцогъ немурскій — своимъ коварствомъ. Одно только лицо выдается замѣтно среди этого собранія бездарностей: это — конетабль, графъ Сенъ-Поль люксамбургскій, богатыя владѣнія котораго лежали между Франціей и Бургундіей. Пользуясь такимъ выгоднымъ положеніемъ своей территоріи, ловкій интриганъ этотъ умѣлъ постоянно поддерживать вражду между своими сильными сосѣдями и сдѣлаться одинаково нужнымъ и опаснымъ для обѣихъ сторонъ. Къ этому же лагерю принадлежалъ наконецъ и родной братъ короля, герцогъ беррійскій Карлъ. Малодушный и робкій отъ при-

роды, запуганный еще болѣе деспотизмомъ Людовика, онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ своихъ предпріимчивыхъ союзниковъ.

Послѣ этого предварительнаго знакомства съ интересами эпохи и съ характеромъ лицъ, стоявшихъ въ ней на первомъ планѣ, мы яснѣе поймемъ Людовика XI.

Людовикъ родился въ Буржѣ 3 іюля 1428 года, въ то время, когда отецъ его Карлъ, тѣснимый англичанами, непризнанный большею частію Франціи, носилъ еще титулъ дофина и наслѣдника короны капетовъ, за которую уже болѣе восьмидесяти лѣтъ шла ожесточенная война. Природа не обидѣла принца, явившагося на свѣтъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Съ дѣтства замѣчали въ немъ и бойкій умъ, и смѣлость, и любознательность, но въ-особенности поражалъ онъ всѣхъ необыкновенною живостью своего характера, нетерпѣливостью и страстью къ новизнѣ, недававшими ему ни минуты покоя. „То и дѣло, говоритъ объ немъ бургундскій мемуаристъ, замышлялъ онъ что-нибудь новое, или же вдругъ выдумывалъ какія-нибудь причуды“. Такія наклонности рано должны были увлечь его въ практическую жизнь. Въ пору самой нѣжной юности успѣлъ онъ уже отличиться въ экспедиціяхъ королевскихъ войскъ противъ нѣкоторыхъ враждебныхъ вельможъ Пуату, Бретани и Лангедока, участвовалъ во взятіи у англичанъ Монлери и въ оборонѣ Діепа, а вскорѣ послѣ англійской войны, вооружился даже противъ собственнаго отца, ставъ во главѣ придворнаго заговора, составленнаго герцогами алянсонскимъ, бурбонскимъ и вандомскимъ, Тремуйлемъ, Дюнуа и другими аристократами, негодовавшими на короля за различныя ограниченія ихъ преимуществъ. Возстаніе это, извѣстное у современниковъ подъ именемъ „La Praguerie“, вѣроятно потому, что тогдашнія гусситскія дѣла очень занимали общее вниманіе, не достигло своей цѣли. Планъ заговорщиковъ — лишить власти слабаго Карла VII, или, по-крайней-мѣрѣ, низложить его любимцевъ — былъ во время открытъ. Они смирились, а ихъ шестнадцатилѣтній предводитель получилъ въ управленіе Дофине, гдѣ ознаменовалъ свою администрацію тою-же страстью къ новизнѣ и перемѣнамъ, какую замѣчали въ немъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Отсюда ходилъ онъ еще противъ мятежныхъ графовъ арманьякскихъ, грабежи и звѣрство которыхъ вошли даже тогда въ поговорку, — дрался потомъ, у Сенъ-Жака, съ швейцарцами, какъ союзникъ императора Фридриха III; но, не смотря на всѣ эти подвиги, вліянія при дворѣ все-таки до-

биться не могъ, и его пылкая дѣятельность осуждена была вращаться въ предѣлахъ небольшой области. Самолюбіе его страдало, когда онъ видѣлъ, что какой-нибудь Брезе, или Даммартенъ, безотчетно располагали довѣренностью короля, тогда какъ онъ, имѣвшій на то законное право, жилъ, какъ чужой, вдали отъ двора и явно былъ устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Прибавимъ къ этому вспыльчивый, раздражительный и властолюбивый характеръ юноши, и мы поймемъ его холодность къ отцу и непримиримую ненависть къ его любимцамъ, неразбиравшую ни средствъ, ни лицъ, ей обреченныхъ на жертву. Въ 1446 году онъ чуть не отравилъ де-Брезе, когда-же это не удалось, завелъ тайныя сношенія съ Савойей, Генуей, Швейцаріей и особенно съ Филиппомъ бургундскимъ, очевидно замышляя, съ помощію этихъ союзниковъ, произвести какой-то переворотъ. Вскорѣ за-тѣмъ скоропостижно умерла Агнесса, эта всемогущая фаворитка Карла VII, и многіе подозрѣвали, что она была отравлена по волѣ дофина, къ которому теперь стекались всѣ недовольные правительствомъ и который всюду искалъ ихъ. Онъ обращался и къ городамъ Нормандіи, и къ крамольнымъ вельможамъ, призывая тѣхъ и другихъ къ возстанію противъ короля, примирился даже со злѣйшими врагами своими, графами арманьякскими, и кончилъ тѣмъ, что окончательно разсорился съ отцемъ и, тѣснимый имъ, въ 1456 году, долженъ былъ бѣжать къ дядѣ своему, Филиппу Доброму бургундскому, который принялъ его съ родственнымъ радушіемъ и большими почестями. „Тѣмъ лучше, сказалъ старый король, узнавши объ этомъ; онъ принялъ къ себѣ лисицу, которая у него-же передушитъ куръ". Здѣсь въ генапскомъ замкѣ, въ окрестностяхъ Брюсселя, провелъ Людовикъ шесть лѣтъ изгнаннической жизни, среди безплодныхъ переговоровъ съ отцомъ, льстивыхъ угожденій дому, его принявшему, и пышныхъ забавъ и празднествъ великолѣпнаго бургундскаго двора.

Вотъ главное, что мы знаемъ о юности Людовика XI. Приведенныя выше обстоятельства и событія были той практической средой, — гдѣ воспитался будущій король Франціи, гдѣ онъ образовалъ свой характеръ и сложилъ первыя убѣжденія. Нельзя сказать, чтобъ эта школа была особенно благопріятнымъ стимуломъ для нравственнаго воспитанія молодого человѣка. Передъ глазами его былъ добродушный, но слабый государь, окруженный временщиками и женщинами, старавшимися подставить ногу другъ другу,

18

а со всѣхъ сторонъ трона бушевала гордая, буйная и развратная знать. Морально выродившееся рыцарство, опять поднятое изъ забвенія недавними побѣдами надъ заморскимъ врагомъ, вездѣ стояло на первомъ планѣ, опираясь на свой блестящій центръ при бургундскомъ дворѣ. Интересъ государственный такъ тѣсно перепутался съ личными интригами и корыстными цѣлями сановниковъ, что неопытному взгляду могло казаться, будто въ мірѣ царствуетъ одинъ только эгоизмъ. Молодой принцъ понялъ урокъ окружающей жизни и, подобно всѣмъ, бросился искать власти. Другіе искали ея интригой и хитростію, — сангвиническій юноша попробовалъ добыть ее открытою силой; но сила не взяла и только привела его къ собственному несчастію, — и онъ это твердо запомнилъ. Подобно всѣмъ, растопталъ онъ при этомъ совѣсть и нравственность, потому что несчетные примѣры убѣдили его, что это — и безнаказно и выгодно. Потомъ приходитъ изгнаніе, а съ нимъ — нужда и унизительная милость чужихъ людей. Надо было льстить, заискивать, покупать свою безопасность горькими жертвами самолюбія. И вотъ въ юномъ сердцѣ, можетъ быть, сначала вовсе нежестокомъ, поселяется злоба, коварство и ложь. Да и всѣми другими мрачными чертами своей натуры обязанъ онъ той-же воспитательницѣ жизни, и въ зародышахъ вынесъ ихъ уже почти изъ первыхъ своихъ опытовъ. Только суевѣрная набожность развилась въ немъ впослѣдствіи, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ. Поэтому намъ кажется совершенно несообразнымъ, когда такой тонкій психологъ, какимъ считается Мишле, говоритъ, что „у Людовика не было ни дѣтства, ни юности, и что онъ былъ уже рожденъ Людовикомъ XI, т. е. человѣкомъ страшно безпокойнымъ, саркастическимъ и злымъ“. Развѣ подобныя изъятія возможны, — развѣ не всѣ мы дѣти нашего воспитанія?

Какъ воспитывался человѣкъ, такимъ-же путемъ воспитался и государь съ его будущей правительственной программой. Въ безчисленныхъ столкновеніяхъ своей юности могъ онъ узнать близко и коротко, что такое принцы — коронные вассалы и какое они тяжкое зло для страны и государя. Тогда уже былъ онъ въ открытой ссорѣ со многими, разумѣется — по личнымъ мотивамъ, — съ немурскимъ, напримѣръ, — за отказъ въ денежномъ займѣ, съ арманьяками — за неоднократныя вѣроломства, а съ графомъ де-Шароле, будущимъ Карломъ Смѣлымъ, въ Генапѣ шли безпрестанныя стычки, самыя щекотливыя для самолюбія и чести дофина. Такимъ

образомъ, и безъ всякой государственной идеи, у Людовика было довольно поводовъ лично ненавидѣть этихъ людей, такъ много вредившихъ ему въ молодости, приготовившихъ его многолѣтнее изгнаніе. Оттого и въ открывшейся за-тѣмъ борьбѣ съ ними, онъ разъигрываетъ постоянно двойную роль—монарха, преслѣдующаго великую политическую цѣль, и низкаго мстителя за личныя обиды.

Но бургундское изгнаніе было важно, и отчасти даже полезно, для Людовика и въ другихъ отношеніяхъ. Ни въ одной странѣ противуположность рыцарской и городской жизни не бросалась въ глаза такъ рѣзко, какъ здѣсь. Мы уже упоминали, что нигдѣ не было такого блестящаго рыцарства, какъ въ Бургундіи; но за-то и немногіе города Европы могли сравниться по богатству и силѣ съ фламандскими. Контрастъ этотъ не могъ не поразить умнаго и наблюдательнаго изгнанника. Съ одной стороны, онъ видѣлъ мишуру, тщеславіе, праздную роскошь и ничѣмъ неузаконенную гордость, съ другой — дѣятельный умъ, заслуженное благосостояніе, честный трудъ и честное сознаніе своего достоинства и своихъ правъ. Человѣку свѣтлаго и непредубѣжденнаго взгляда трудно было колебаться въ выборѣ, особенно при тѣхъ огромныхъ личныхъ счетахъ, какіе онъ имѣлъ съ людьми рыцарскаго круга. Выборъ былъ сдѣланъ. И по убѣжденію и по нуждѣ, Людовикъ сталъ рѣшительно на сторонѣ горожанъ.

Наконецъ, изгнаніе, при извѣстныхъ условіяхъ, вообще можетъ играть великую роль въ процессѣ духовнаго развитія. Человѣку, вдругъ оторванному отъ обычной среды, лишенному обычной дѣятельности и значенія, которыя можетъ дать только родина, представляется полный просторъ сосредоточиться въ себѣ, повѣрить свое прошедшее и безпристрастнѣе оцѣнить покинутыя отношенія. То-же случилось теперь и съ Людовикомъ. Можетъ быть, въ первый разъ онъ зрѣло взвѣсилъ свое минувшее поведеніе, созналъ свои ошибки и промахи и составилъ опредѣленный планъ дѣйствій для будущаго, что тѣмъ болѣе возможно, что ему было тогда уже за тридцать лѣтъ.

Но тѣмъ не менѣе достовѣрно и то, что даже и эта эпоха его жизни еще не сдѣлала его совершенно инымъ человѣкомъ, тѣмъ Людовикомъ, какимъ онъ является подъ конецъ своей жизни. Еще слишкомъ много энергіи кипѣло въ этой неукротимой натурѣ, чтобы подчиниться тому неслыханному самообладанію, какимъ онъ отличался впослѣдствіи. А жажда дѣятельности была такъ сильна,

что, одно время, онъ даже просилъ у отца позволенія участвовать въ предполагавшемся тогда крестовомъ походѣ на турокъ, — мысль, на которой онъ бы никогда не остановился въ другое время. Нужно было еще много опытовъ и горькихъ жизненныхъ уроковъ, чтобы разбить послѣднія иллюзіи и до-воспитать эту своеобразную натуру. Въ настоящую же минуту онъ подготовлялъ себя только теоретически, — посредствомъ наблюденій, обширныхъ знакомствъ и особенно чтеніемъ книгъ, которымъ онъ много занимался въ Генапѣ. Что именно читалъ онъ, съ точностію мы не знаемъ. Но, вѣроятно, это были сочиненія итальянцевъ, или, по-крайней-мѣрѣ — объ Италіи, потому что къ этому времени относится начало того высокаго уваженія, почти пристрастія къ итальянской государственной жизни, которое онъ сохранилъ до конца своихъ дней. Особенно плѣняла его воображеніе тогдашняя итальянская тиранія, олицетворенная въ Сфорцахъ, Медичисахъ и другихъ умныхъ и ловкихъ династахъ. Франческо Сфорца, бывшій мужикъ котильоньскій, природнымъ геніемъ проложившій себѣ дорогу къ престолу, не строго разбирая средства и не слишкомъ оглядываясь на мораль, — просто сдѣлался идеаломъ дофина. Онъ бредилъ имъ, вступилъ съ нимъ въ переписку и даже впослѣдствіи часто прибѣгалъ къ его совѣтамъ. Какая противуположность направленій обнаруживается тутъ уже между нимъ и его рыцарскимъ кузеномъ, графомъ де-Шароле, мечтавшимъ о славѣ баснословнаго Александра!

Вообще это вліяніе итальянскихъ образцовъ и государственныхъ идей надо непремѣнно имѣть въ виду, чтобъ вѣрно понимать развитіе монархическихъ учрежденій во Франціи. Французы, постоянно выставляя свое отечество самымъ передовымъ и самобытнымъ государствомъ континента, не любятъ много говорить объ этихъ чужихъ вліяніяхъ. Но Ранке справедливо замѣтилъ въ своей исторіи Франціи, что, въ сущности, страна эта столько-же заимствовала у своихъ сосѣдей, какъ и всякая другая европейская нація. Не говоря уже о художественныхъ и литературныхъ вліяніяхъ, Италія одно время дала ей политику и дипломатію, Испанія — формы придворнаго абсолютизма, Германія — первый толчекъ церковной реформы, а Англія послужила идеаломъ общественной свободы. Что же касается политики Людовика XI, то, какъ мы увидимъ, она вся основана на итальянскихъ началахъ и образцахъ, о чемъ Мишле, Мартенъ и другіе историки-ораторы нынѣшней Франціи упоминаютъ слишкомъ мимоходомъ.

Мы старались постигнуть тотъ фазисъ духовнаго развитія, въ которомъ находился Людовикъ, когда въ 1461 году неожиданная смерть Карла VII открыла ему доступъ къ той власти, которой онъ такъ долго и жадно искалъ. Де-Коминъ очень мало говоритъ объ этомъ времени, распространяясь болѣе о государственной дѣятельности своего героя, но изъ бургундскихъ источниковъ мы знаемъ, что новаго короля, явившагося въ Парижѣ въ сопровожденіи герцога Филиппа и значительнаго корпуса его войскъ, подданные встрѣтили далеко нерадостно. Народъ плакалъ на-взрыдъ, когда на панихидѣ провозгласили вѣчную память усопшему королю Карлу, но слезы полились еще сильнѣе, когда раздался возгласъ многолѣтія его преемнику. Такъ разсказываютъ бургундцы, но мы имѣемъ нѣкоторое основаніе сомнѣваться въ справедливости этихъ извѣстій. Нѣтъ сомнѣнія, что о Людовикѣ, предъ его появленіемъ во Францію, ходили самые невыгодные слухи, распущенные его врагами. Но собственно народъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ поводовъ бояться новаго царствованія; иное дѣло — аристократія и въ частности — дворъ покойнаго короля. Эти люди, сдѣлавшіе Людовику столько зла, дѣйствительно, могли ожидать теперь только всего худого, — и имъ-то, вѣроятно, принадлежали тѣ слезы, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись.

Опасенія, дѣйствительно, оправдались. Съ самаго вступленія своего на французскую землю Людовикъ показалъ, что въ ней есть король, не желающій знать ни родныхъ, ни чужихъ, ни Бургундіи, ни Бретани, никого кромѣ государства. Съ презрительною улыбкою слушалъ онъ привѣтственныя рѣчи сановниковъ, полныя декламаціи и риторики, арестовалъ англійскаго агента, явившагося къ Филиппу Доброму безъ королевскаго паспорта, хохоталъ надъ великолѣпнымъ турниромъ герцога, даннымъ въ Парижѣ по случаю коронаціи. Совѣтники и любимцы Карла VII — графъ де-Менъ, герцогъ бурбонскій, де-Брезе, Даммартенъ, — разумѣется, тотчасъ удалены отъ двора. Всѣ дѣла вѣдались и рѣшались непосредственно самимъ государемъ. Люди маленькіе, незнатные, какъ Бюро, Жакъ Керъ, Оливье-ле-Денъ, въ качествѣ секретарей и простыхъ агентовъ, окружили новый престолъ. Два опытныхъ сенатора выписаны изъ Венеціи, чтобъ, въ важныхъ случаяхъ, давать королю совѣты администраціи и политики. Совершенно новымъ духомъ повѣяло при дворѣ и во Франціи, а быстрота, съ какою совершились всѣ эти перемѣны, навела на вельможъ смятеніе и ужасъ.

Тревожное чувство еще невѣдомой, но близкой, грозящей опасности овладѣло ими. До всего, казалось, дошла теперь очередь, ничто не скрывалось отъ зоркаго, входившаго во всѣ подробности короля. Вездѣ встрѣчали его хитрыхъ агентовъ. Самъ онъ рѣдко и жилъ въ столицѣ, переѣзжая, со скромною свитой, съ мѣста на мѣсто и, подъ предлогомъ охоты или богомолья, заглядывая во всѣ углы своего государства, была ли то Бретань, Анжу, Гасконь, королевская земля или вассальная.

Въ такомъ-же смыслѣ работала и далѣе эта неугомонная дѣятельность. До самой войны Общественнаго блага, это — одинъ неудержимый потокъ преобразованій и перемѣнъ. Прагматическая санкція Карла VII, столь выгодная для интересовъ знати, располагавшей большею частію церковныхъ бенефицій, отмѣнена. Въ ущербъ этому-же сословію уничтожено право заповѣдной охоты. Интригами и подкупомъ возвращены отъ Бургундіи города на Сомѣ, отъ Испаніи — Руссильонъ. Учреждены новые парламенты въ Греноблѣ, Бордо и Дижонѣ, чѣмъ значительно ослаблено значеніе парижскаго. При брюссельскомъ дворѣ подкуплены де-Круа, управлявшіе старымъ герцогомъ Филиппомъ, при англійскомъ — извѣстный графъ Варвикъ, при кастильскомъ — перекупленъ весь королевскій совѣтъ до послѣдняго человѣка. Принцамъ крови, не платившимъ со своихъ областей никакой подати, вмѣнено въ обязанность вносить ее въ государственную казну, — потребованы огромныя суммы даже за прошедшее время. Кромѣ того, король, казалось, употреблялъ всѣ усилія, чтобы разрознить вельможъ. Бургундскій домъ онъ старался поссорить съ бретаньскимъ, анжуйскій — съ бурбонскимъ; бралъ у вассальныхъ принцевъ въ заложники дѣтей, подъ предлогомъ воспитанія ихъ при дворѣ своемъ; герцоги алянсонскій и орлеанскій, графы д-Альбре и де-Фуа должны были выслать къ нему сыновей своихъ.

Направленіе этой наступательной политики было ясно, какъ день. Всѣ понимали, что король, во что бы то ни стало, хочетъ сломить силу коронныхъ вассаловъ, особенно опасное бургундское могущество, и уничтожить послѣднія ограниченія своей власти. Тѣ, кого это ближе всего касалось, должны были трепетать тѣмъ болѣе, что новое правительство окружало свои планы и дѣйствія такою непроницаемою тайной и такъ мало обращало вниманія на выборъ средствъ и людей для своихъ замысловъ, что знать могла ожидать отъ него всего.

Однажды, напримѣръ, близъ Гаги, гдѣ въ то время проживалъ графъ де-Шароле, — схваченъ былъ какой-то Рубашре, человѣкъ подозрительный, подосланный Людовикомъ XI съ тайными порученіями. Въ чемъ состояли эти порученія, — говорили различно. Пойманный, на допросѣ, показалъ, что ему велѣно арестовать одного бургундскаго агента, ведшаго секретные переговоры съ Бретанью, — впрочемъ, путался въ отвѣтахъ, и тѣмъ навлекъ на себя еще большія подозрѣнія. Графъ велѣлъ задержать его и извѣстить герцога о случившемся. А между тѣмъ стала распространяться молва, что дѣло состояло тутъ вовсе не въ арестѣ агента, а въ похищеніи самого де-Шароле, котораго король будто бы хотѣлъ прибрать къ рукамъ, чтобы, лишивъ Филиппа Добраго единственнаго наслѣдника, овладѣть, послѣ его смерти, богатыми землями бургундскаго дома, — молва, которую особенно поддерживалъ придворный историкъ герцога, Оливье де-ла-Маршъ. Сколько было справедливаго въ этихъ слухахъ — достовѣрно сказать нельзя, но что Людовикъ способенъ былъ составить подобный замыселъ, въ томъ не сомнѣвался никто. Для самого же Карла де-Шароле случая этого было достаточно, чтобы съ тѣхъ поръ думать только о мести ненавистному королю — тѣмъ болѣе, что Людовикъ, узнавши о задержаніи своего комисара, тотчасъ отправилъ въ Лиль своего канцлера Морвилье требовать его освобожденія, причемъ посолъ такъ смѣло и обидно говорилъ герцогу Филиппу объ оскорбленіи королевскаго величества его сыномъ, что вспыльчивый графъ вышелъ изъ себя, оправдывался съ жаромъ и, наконецъ, сказалъ уходящему де-Морвилье: „поручите меня почтительно милости короля, но скажите ему, что прежде чѣмъ исполнится годъ, онъ раскается въ обидѣ, мнѣ теперь нанесенной“. Съ этого достопамятнаго дня, де-Шароле, очень любившій свою праздную рыцарскую жизнь, сталъ, однакожъ, такъ неутомимо работать надъ составленіемъ вооруженной коалиціи противъ Людовика, что не прошло и году, какъ уже вся знать стояла противъ него съ оружіемъ въ рукахъ.

Такъ сильна была общая злоба, ненависть и опасенія, что самые близкіе родственники, даже родной братъ Карлъ беррійскій, вооружились противъ короля вмѣстѣ съ другими. Недовольные, украсивъ свое возстаніе пышнымъ именемъ „лиги общественнаго блага“, посредствомъ манифестовъ и прокламацій, призывали къ содѣйствію всю Францію. Положеніе Людовика было трудное. На внѣшнюю помощь разсчитывать онъ не могъ. При бургундскомъ

дворѣ де-Круа не имѣли уже значенія, Варвикъ тоже потерялъ свой кредитъ при англійскомъ. Наиболѣе друзей у короля было въ Италіи, но на далекую помощь Сфорцы или Неаполя трудно было надѣяться. Внутри господствовала измѣна. Подстрекаемый духовенствомъ, народъ волновался, парижскій парламентъ поднялъ голову. А между тѣмъ лигисты соединяли войска и подходили къ Парижу. Напрасно король попытался поправить свои дѣла публичной апологіей предъ націей и словесными объясненіями предъ принцами, съѣхавшимися на совѣтъ въ городъ Туръ. „Я твердо помнилъ клятву, данную при вѣнчаніи, оправдывался здѣсь Людовикъ, — защищать моихъ подданныхъ, хранить права и преимущества короны, творить судъ правдивый“. Именно противъ этого и возстала феодальная лига.

Все дѣло теперь зависѣло отъ того, чью сторону приметъ столица. Съ самаго восшествія на престолъ, Людовикъ XI дѣлалъ все, чтобы привлечь къ себѣ горожанъ. Онъ подтверждалъ ихъ привилегіи, носилъ ихъ костюмъ, кумился съ ними, записывался въ ихъ цехи и заставлялъ принцессъ своего дома ходить въ баню съ парижанками. И этой дальновидной политикѣ обязанъ онъ былъ тѣмъ, что, въ минуту наибольшей опасности, Парижъ остался ему вѣренъ и спасъ хоть часть его расхищенныхъ правъ.

Впрочемъ, былъ у него въ запасѣ еще и другой путь спасенія. Это его итальянское умѣнье сѣять между друзьями и союзниками раздоръ, и на него-то, повидимому, больше всего онъ разсчитывалъ. Тонкою лестью, пышными обѣщаніями, подарками и тайными сношеніями ему удалось привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ членовъ союза и тѣмъ лишить лигу главной ея силы — единства. Въ-особенности не щадилъ онъ никакихъ усилій, чтобъ опутать своими интригами Карла бургундскаго, бывшаго душею и вождемъ всей коалиціи. Послѣ многихъ переговоровъ, успѣлъ онъ, наконецъ, добиться съ нимъ свиданія, на которомъ очаровалъ его совершенно. „Братъ мой, сказалъ онъ ему при встрѣчѣ, я вижу теперь, что вы рыцарь, и притомъ — благороднаго французскаго дома, и на вопросъ графа — что значитъ это привѣтствіе, продолжалъ: помните, когда этотъ сумасшедшій де-Морвилье наговорилъ вамъ чего-то, вы тогда велѣли передать мнѣ, что я раскаюсь въ томъ раньше, чѣмъ исполнится годъ. Вы сдержали ваши слова, — люблю имѣть дѣло съ людьми, которые умѣютъ исполнить обѣщанное. И сказалъ это король весело и улыбаясь, потому что зналъ характеръ того, съ

кѣмъ говорилъ, и не сомнѣвался, что такія слова ему понравятся. И, дѣйствительно они ему очень понравились“,— прибавляетъ де-Коминъ, разсказчикъ этой сцены.

Теперь король мало заботился о томъ, на какихъ условіяхъ сойдется онъ со своимъ тщеславнымъ соперникомъ де-Шароле. Главное было уже сдѣлано. Объ этомъ де-Шароле разнесся уже слухъ, что онъ хочетъ измѣнить интересамъ союзниковъ и ведетъ отдѣльные переговоры съ Людовикомъ. Тогда каждый сталъ думать о себѣ, и несогласія до-того усилились между лигистами, и прежде не слишкомъ довѣрчиво смотрѣвшими другъ на друга, что между бретонами и бургундцами чуть не дошло до открытой схватки, а потомъ тѣ-же бургундцы съ бретонами заключили тайный союзъ противъ Карла беррійскаго, подозрѣвая его въ намѣреніи, съ помощью союзныхъ силъ, овладѣть короной.

Такъ королю, „лучше всѣхъ постигавшему искусство поселять раздоры между людьми“, удалось раздѣлить союзниковъ и заключить съ ними отдѣльные трактаты въ Конфланѣ и Сенъ-Морѣ. Престолъ уцѣлѣлъ, уцѣлѣлъ и лично самъ государь. Но, какъ ни хитро, какъ ни искусно онъ дѣйствовалъ, все же долженъ былъ согласиться на такія тяжелыя и унизительныя условія, какія рѣдко монархъ когда-либо заключалъ со своими подданными. Условія эти, помѣщенныя Дюмономъ въ его „дипломатическомъ кодексѣ“, весьма характеристичны для исторіи тогдашнихъ отношеній. Вотъ главныя: Карлу беррійскому, брату короля, уступлена Нормандія, графу де-Шароле — города на Сомѣ, герцогамъ бурбонскому, немурскому, бретаньскому и калабрійскому, графамъ люксамбургскому, арманьякскому, д-Альбре и Дюнуа розданы разные города и денежныя вознагражденія. Прежнимъ совѣтникамъ Карла VII, подпавшимъ, какъ мы видѣли, опалѣ и гнѣву его преемника, предоставлены выгодныя или почетныя должности. Даже любовницѣ герцога бретаньскаго. какой-то мадемуазель Вильке, назначенъ пансіонъ. Кромѣ того, положено было избрать тридцать шесть коммиссаровъ для всеобщей реформы королевства. Людовикъ не отступалъ ни предъ какими жертвами и соглашался на все, твердо помня практическій совѣтъ пріятеля своего, Сфорцы, что никогда не должно скупиться на обѣщанія, такъ-какъ все, уступленное въ минуту опасности, легко воротить, когда она пройдетъ.

Война общественнаго блага была завершительнымъ актомъ жизненнаго воспитанія Людовика XI, послѣднимъ урокомъ, сдѣлав-

нимъ его такимъ, какимъ онъ перешелъ въ исторію, но урокомъ во многихъ отношеніяхъ самымъ тяжелымъ. Мы видѣли, съ какою страстностію, воротившись во Францію королемъ, бросился онъ ломать старые порядки, какъ бы желая тѣмъ вознаградить себя за время, праздно потерянное въ изгнаніи. Онъ тогда все еще не думалъ, что его преобразованія такъ мало оцѣнятся даже тѣми, въ чью пользу они клонились, что общая испорченность такъ неизлѣчима, что сила враговъ такъ велика, — и не безъ самонадѣянности шелъ къ своей цѣли, мало даже заботясь о томъ, чтобы скрыть свои истинныя намѣренія. И вотъ теперь только, во всемъ своемъ размѣрѣ, предстала предъ нимъ трудность его задачи. Еще и еще разъ убѣдился онъ, окончательно, что силой рѣшить ее нельзя. Въ теченіи возстанія онъ имѣлъ случай помѣряться оружіемъ съ одними только бургундцами. Къ счастію, монлерійская битва, довольно, впрочемъ, кровопролитная, кончилась нерѣшительно. А что же, еслибъ союзники противупоставили ему всѣ свои соединенныя силы, — что, если между ними составится когда-нибудь планъ единодушнаго дѣйствія, котораго онъ такъ сильно боялся? На самыхъ горожанъ даже, наиболѣе ему преданныхъ, или по-крайней-мѣрѣ, тѣснѣе чѣмъ кто-либо связанныхъ съ интересами короны, онъ не могъ твердо разсчитывать. Онъ помнилъ, какъ во время успѣховъ аристократіи нашли однажды ночью въ Парижѣ городскія ворота отворенными со стороны Бастиліи, и отъ его наблюдательнаго взгляда не скрылось, какъ замѣтно поколебалась тогда довѣренность къ законному правительству, даже въ самой столицѣ, не говоря о другихъ городахъ, изъ которыхъ многіе были явно на сторонѣ мятежниковъ. Ему не на кого было положиться, и вездѣ онъ видѣлъ одну измѣну. Ему измѣнили самые близкіе родственники, многіе за милости заплатили неблагодарностью, въ сраженіи при Монлери умышляли на жизнь его. Обласканный, облагодѣтельствованный имъ герцогъ немурскій перешелъ на сторону его враговъ. Де-Брезе, командовавшій авангардомъ королевской арміи, не смотря на строгое приказаніе избѣгать столкновеній съ непріятелемъ, подошелъ къ нему такъ близко, что поставилъ Людовика въ необходимость вступить съ нимъ въ бой. Лучшіе полководцы, прославившіе предшествовавшее царствованіе, Дюнуа, Шабанъ, Танеги-дю-Шатель, командовали въ непріятельскомъ лагерѣ. Наконецъ, принцы-лигисты вынудили у него постыднѣйшій договоръ и, пользуясь критическимъ положеніемъ короны, безстыд-

но расхитили ея богатства, земли и привилегіи. Интересъ государственнаго цѣлаго никому не приходилъ въ голову, и въ рядахъ вооружившихся подданныхъ не нашлось ни одного, кто бы забылъ въ Людовикѣ личнаго оскорбителя или врага и видѣлъ въ немъ короля Франціи. Почти одиноко стоялъ этотъ король посреди націи, со своими планами и намѣреніями, отъ которыхъ, однакожъ, отказаться не могъ. Двойная цѣль и двойное наслажденіе связаны были съ ними, — выполнить лучшее убѣжденіе своей жизни и отмстить своимъ личнымъ врагамъ. Но гдѣ взять средства, въ виду доказанной невозможности дѣйствовать открытымъ путемъ? Средства эти ему указывалъ вѣкъ и въ-особенности безчисленные примѣры итальянской государственной жизни. Чѣмъ Сфорца и ему подобные счастливые честолюбцы достигли верховной власти? Хитростію, вѣроломствомъ, тонкимъ разсчетомъ и неогляднымъ презрѣніемъ общепринятой нравственности. Людовикъ XI пошелъ теперь рѣшительно этимъ обычнымъ путемъ итальянскихъ тирановъ, — тѣмъ болѣе, что прежняя жизнь и окружающая обстановка превосходно воспитали его для этой роли. Къ этому-то времени относятся, вѣроятно, тѣ два знаменитыя правила, которыя Людовикъ сдѣлалъ девизомъ своей политики: „когда гордость скачетъ впередъ, позоръ и утраты слѣдуютъ за ней тутъ-же“ — и „тотъ не умѣетъ царствовать, кто не умѣетъ хитрить“. И дѣйствительно, теперь мы не замѣчаемъ въ немъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ не только стыда, совѣсти и чести, но даже обыкновеннаго человѣческаго чувства состраданія и жалости. Нужда и польза, словомъ, — одинъ голый интересъ остается только въ этой окончательно очерствѣвшей душѣ. Люди, хорошіе и дурные, самые близкіе, какъ и самые далекіе, въ его глазахъ, просто и безразлично — орудія извѣстныхъ государственныхъ и личныхъ цѣлей. Оказывалась въ комъ надобность, — король не жалѣлъ ни денегъ, ни лести, ни униженій; нужда проходила, — и король холодно и спокойно губилъ средство, чтобъ никто другой имъ не воспользовался. Итальянскихъ же тирановъ напоминаетъ онъ и своею крайнею подозрительностью, недовѣріемъ ко всему и ко всѣмъ. Намъ странно видѣть, какъ государь, среди своихъ подданныхъ, заключаетъ себя въ неприступный замокъ, обноситъ его стѣнами, палисадами, рвами, съ тысячами предосторожностей и предохранительныхъ мѣръ, видится съ роднымъ братомъ не иначе, какъ сквозь крѣпкую желѣзную рѣшетку и заключаетъ съ нимъ формальный договоръ о

безопасности своей жизни. Но что же дѣлать, если этотъ человѣкъ на каждомъ шагу встрѣчалъ только продажность, обманъ и измѣну, если совершенное отсутствіе публичнаго довѣрія было общею болѣзнію времени. „Нынче, говоритъ де-Коминъ, всѣ государи подозрительны, и въ-особенности благоразумные и имѣющіе много враговъ“. Намъ отвратительными кажутся притворное смиреніе Людовика, его заискиванія и льстивая угодливость людямъ полезнымъ или опаснымъ, и подлѣ этого — самое холодное безчеловѣчіе и самое возмутительное вѣроломство. Король Франціи, неосторожно попавшійся въ перонскій плѣнъ къ своему злѣйшему врагу Карлу Смѣлому, покупаетъ свое освобожденіе цѣною безчисленныхъ униженій, простирающихся до-того, что, подъ знаменемъ своего вассала, идетъ онъ даже на приступъ мятежнаго города Ліежа, имъ-же возбужденнаго къ возстанію. Эти ужасныя желѣзныя клѣтки, въ которыя заключали государственныхъ преступниковъ, этотъ безправный судъ и расправа извѣстнаго Тристана-отшельника, довѣреннаго тѣлохранителя и палача Людовика, все это, конечно, производитъ на нынѣшняго человѣка самое безотрадное впечатлѣніе, и исторія давно уже заклеймила Людовика XI именемъ безсердечнаго тирана. Но та-же исторія обязана напомнить, что онъ не былъ дикимъ исключеніемъ своей эпохи, а напротивъ совершенно стоялъ въ уровень вѣку, когда такъ легко играли жизнію человѣка, когда искусный обманъ называли просто ловкостью, при дворахъ держали особыхъ чиновниковъ для поддѣлки актовъ и подписей, и думали, какъ это доказываетъ де-Коминъ, что личныя свиданія и встрѣчи государей только усиливаютъ вражду и ненависть между ними. Въ тѣ мрачныя времена всѣ были болѣе или менѣе похожи на Людовика XI, и самъ даже Карлъ бургундскій, считавшійся образцомъ рыцарскихъ доблестей эпохи и очень гордившійся такою славой, не отличался ни особенной честностію, ни благородствомъ, а въ гнѣвѣ доходилъ до такой свирѣпости, которая уже не знала никакихъ границъ. Вспомнимъ его далеко не рыцарскій захватъ короля, пріѣхавшаго въ гости въ его перонскій лагерь, его интриги съ конетаблемъ Сенъ-Полемъ и коварную выдачу графа на вѣрную месть Людовику, — и рыцарскій ореолъ его значительно поблѣднѣетъ въ нашихъ глазахъ. Но Людовикъ, по-крайней-мѣрѣ, этимъ путемъ лжи и крови, шелъ къ благодѣтельной государственной цѣли, удовлетворяя только мимоходомъ собственной мести и алчности, когда тому не препятство-

валъ общественный интересъ; другіе же топтали всѣ божескіе и человѣческіе законы исключительно ради своихъ страстей и капризовъ. Что политика ужаса и обмана, которой слѣдовалъ Людовикъ XI, носилась въ самой атмосферѣ XV-го вѣка, видно, между прочимъ, и изъ того, что вскорѣ за-тѣмъ нашелся человѣкъ, который изложилъ ее въ формѣ государственнаго трактата, долгое время считавшагося превосходнымъ руководствомъ для государей. Но макіавеллизмъ развился, конечно, прежде самого Макіавелли, и Людовикъ XI, за цѣлые десятки лѣтъ до появленія „del Principe“, уже совершенно усвоилъ себѣ его систему. Мы познакомимся съ ней еще ближе, когда прослѣдимъ дальнѣйшую борьбу его съ вассалами королевства, начавшуюся тотчасъ послѣ войны Общественнаго блага и кончившуюся, черезъ двѣнадцать лѣтъ, гибелью почти всѣхъ его враговъ. Теперь же въ дополненіе нашей характеристики, мы приведемъ образъ Людовика, начертанный рукою де-Комина, который зналъ его именно въ эту послѣднюю пору его жизни. Образъ этотъ нѣсколько отзывается панегирикомъ, но въ связи съ тѣми чертами, которыя привели мы выше, превосходно рисуетъ намъ если не человѣка, то, по-крайней-мѣрѣ, правителя.

„Никто изъ монарховъ, которыхъ когда-либо знавалъ я, говоритъ знаменитый мемуаристъ, не умѣлъ такъ ловко выходить изъ затрудненій, въ минуту несчастія, какъ Людовикъ XI, государь нашъ, при всемъ его смиреніи и простотѣ въ рѣчахъ и наружности. Больше всего заботился онъ о томъ, чтобы привлечь къ себѣ людей полезныхъ или опасныхъ и никогда не терялъ терпѣнія, если человѣкъ, котораго онъ заискивалъ, не сдавался, но до тѣхъ поръ продолжалъ ласкать его обѣщаніями, а иногда и дѣйствительными подарками, — землями ли, или деньгами, что кому болѣе нравилось, — пока не пріобрѣталъ его въ свою пользу. Даже тѣхъ, кого случалось ему низложить въ спокойствіе и счастливое время, нисколько не задумывался онъ искать снова, когда того требовала нужда, хотя бы то и стоило очень дорого, — и за-тѣмъ пользовался ихъ услугами, не питая къ нимъ никакой злобы за прошедшее. Онъ былъ естественно другомъ людей средняго сословія и недругомъ знатныхъ, не особенно въ немъ нуждавшихся. Никто такъ не любилъ собирать новости и свѣдѣнія всякаго рода и заводить обширныя личныя знакомства. Онъ зналъ всѣхъ, кто имѣлъ какую-либо власть или значеніе въ Англіи, Испаніи, Португаліи, Италіи, во владѣніяхъ бургундскихъ и бретаньскихъ, не говоря уже о соб-

ственныхъ подданныхъ. И такими-то средствами онъ спасъ свою корону отъ враговъ, которыхъ нажилъ при вступленіи на престолъ. Особенно помогала ему много его великая щедрость. Но, являя столько мудрости и находчивости въ несчастіи, онъ дѣлался совсѣмъ инымъ человѣкомъ, коль скоро спокойствіе и безопасность казались ему обезпеченными. Разными мелочами вооружалъ онъ тогда противъ себя людей, въ которыхъ болѣе не нуждался, какъ будто тяготясь продолжительнымъ миромъ. Онъ бывалъ также очень невоздерженъ въ рѣчахъ и мнѣніяхъ, въ присутствіи ли, или въ отсутствіи тѣхъ, о комъ говорилъ, за исключеніемъ, впрочемъ, такихъ лицъ, которыхъ по чему-нибудь опасался, тѣмъ болѣе, что былъ довольно боязливъ отъ природы. Когда же ему случалось оскорбить подобнаго человѣка неосторожнымъ словомъ, тотчасъ-же старался онъ поправить ошибку, говоря обыкновенно въ такихъ случаяхъ: я знаю, сколько вреда дѣлаетъ мнѣ языкъ мой, хотя въ другое время приноситъ мнѣ много и удовольствія, въ настоящую же минуту, съ него слѣдуетъ взысканіе. И никогда почти не проходило, чтобъ онъ не сдѣлалъ оскорбленному какого-нибудь подарка, иногда очень значительнаго. Богъ никогда не оставляетъ своею милостію государя, въ которомъ, подлѣ зла, есть и добро, и особенно, когда, подобно нашему королю, добра въ немъ больше, чѣмъ зла. По моему же мнѣнію, много принесли ему пользы невзгоды его юности, когда онъ долженъ былъ бѣжать отъ отца къ герцогу Филиппу Доброму, гдѣ и пробылъ шесть лѣтъ. Искусству угождать и нравиться людямъ, столь не маловажному въ жизни, научили его именно тогдашнія несчастія.

Послѣднее замѣчаніе де-Комина можно распространить еще далѣе и сказать вообще, что не только умѣньемъ заискивать людей, но и многими другими своими талантами Людовикъ XI обязанъ былъ горькимъ опытамъ своей молодости и что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ правителей, которые, прошедши школу испытаній и несчастій, всегда почти играли въ исторіи очень видную роль.

„Правда, продолжаетъ далѣе де-Коминъ, что и воспитаніе онъ получилъ не такое, какъ другіе принцы нашей страны, которымъ внушали только тщеславіе, да учили кичиться нарядами, и которые не имѣютъ понятія о дѣлахъ, предоставляя ихъ своимъ чиновникамъ. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ государей, которые говорятъ: я не клирикъ, чтобъ копаться въ бумагахъ, пусть мой совѣтъ занимается ими. Онъ былъ довольно начитанъ и имѣлъ пре-

восходный здравый смыслъ, который нужнѣе всякихъ познаній. Я зналъ его во цвѣтѣ лѣтъ и во дни величайшаго счастія, но никогда не видѣлъ его безъ трудовъ и заботъ. Даже, когда отдыхалъ онъ, голова у него работала, ибо во многихъ мѣстахъ были у него дѣла, свои ли, или чужія, въ которыя онъ охотно входилъ. Во многое онъ вмѣшивался, что могло бы сдѣлаться и безъ него, но уже таковъ былъ его характеръ, что безъ этого онъ жить не могъ. Память у него была такъ крѣпка, что удерживала все. Онъ зналъ всѣхъ въ чужихъ краяхъ и вокругъ себя и, казалось, скорѣе предназначенъ былъ управлять міромъ, нежели однимъ королевствомъ".

Портретъ этотъ, очевидно, написанъ снисходительною кистью. Но, сколько бъ мы ни прибавляли къ нему новыхъ тѣней, остается несомнѣннымъ одно, что у этого человѣка на первомъ планѣ въ жизни стоялъ интересъ государственный и что всѣ другія, даже личныя поползновенія и страсти, всегда почти уступали ему мѣсто. Конечно, въ подобныхъ личностяхъ очень трудно бываетъ провести раздѣльную черту между эгоизмомъ и общей идеей, — такъ привыкаютъ они отожествлять себя съ государствомъ; но даже и это — l'état c'est moi, формулированное другимъ, позднѣйшимъ Людовикомъ, стоитъ неизмѣримо выше дробныхъ интересовъ средневѣковаго общества. Людовикъ XI, и въ этомъ отношеніи, опять-таки входитъ совершенно въ категорію итальянскихъ тирановъ, которые, въ своей политикѣ и администраціи, проводили ту античную идею о всемогуществѣ и всезначеніи государства, которая всплыла въ западной Европѣ, вмѣстѣ съ научнымъ возрожденіемъ классической древности.

Всматриваясь въ ходъ многолѣтней борьбы Людовика XI съ членами союза Общественнаго блага, мы еще болѣе убѣждаемся, что на французскомъ престолѣ сидитъ ученикъ итальянскихъ тирановъ, усвоившій въ совершенствѣ всѣ ихъ политическіе пріемы. Къ оружію прибѣгаетъ онъ только въ крайнихъ случаяхъ, и то — съ величайшимъ страхомъ и отвращеніемъ. Очевидно, онъ не довѣряетъ физической силѣ, особенно — рыцарской. Да и какъ довѣрять ему, когда вокругъ него творятся событія, ясно доказывающія ея несостоятельность. Простая крестьянка изъ Домреми возвращаетъ корону могущественнѣйшему изъ христіанскихъ монарховъ; котиньольскій мужикъ дѣлается миланскимъ герцогомъ; въ битвахъ Грансона, Муртена и Нанси цвѣтъ европейскаго рыцарства безславно уступаетъ побѣду толпѣ нищихъ швейцарскихъ пастуховъ. Людовикъ понялъ эти знаменія времени и рѣшительно отворотился отъ

рыцарской войны. Два раза только, почти вынужденный обстоятельствами, встрѣтился онъ въ нерѣшительномъ бою со своими врагами, а между тѣмъ былъ вовсе не трусъ, и въ обоихъ сраженіяхъ — при Монлери и Гинегатѣ, лично командовалъ арміей. Да и юность его, какъ мы видѣли, ознаменована нѣкоторыми блестящими военными предпріятіями. Онъ просто боится рисковать и идти на-удачу, предпочитая разсчитывать только на вѣрныя выгоды. Оружіе, которымъ воюетъ онъ съ лигистами все это время, есть, во-первыхъ, та самая система равновѣсія политическихъ силъ, которая, уже съ XIV столѣтія, практиковалась въ итальянской государственной жизни и которая, главнымъ образомъ, состояла въ томъ, чтобы ограждать свою безопасность союзами, разстроивая союзы противника и отвлекая его силы страхомъ нападенія его собственныхъ враговъ, — и во-первыхъ — дипломація, извѣстная у де-Комина подъ характеристическимъ названіемъ „ловкостей“ — des habiletes, — причемъ нужно разумѣть то искусство политическихъ обмановъ эпохи, которое шло къ своей цѣли, не уважая ни родства, ни нравственнаго долга, ни самыхъ священныхъ человѣческихъ отношеній. И здѣсь, такимъ образомъ, Людовикъ является уже правителемъ новаго времени, вооруженнымъ политическими средствами, которыхъ не знали средніе вѣка, опиравшіеся, преимущественно на силѣ. Вотъ факты.

Послѣ войны Общественнаго блага, король естественно долженъ былъ, прежде всего, подумать о томъ, чтобы возвратить коронѣ тѣ тягостныя уступки, которыя тогда онъ долженъ былъ сдѣлать лигистамъ. Возбудивъ съ этою цѣлью ліэжцевъ къ возстанію противъ бургундскаго правительства и поссоривъ бретаньскаго герцога съ братомъ своимъ Карломъ, онъ пользуется этой минутой, чтобъ отнять у послѣдняго Нормандію, уступленную ему по конфлянскому договору, противупоставляетъ снова встревоженнымъ принцамъ etats généraux въ Турѣ и склоняетъ Бретань къ отдѣльному договору въ Ансенисѣ. Одинъ врагъ былъ, такимъ образомъ, обезоруженъ. Бывшій герцогъ Нормандіи, оставленный всѣми, удалился къ бретаньскому двору. „Послѣ чего, прибавляетъ мемуаристъ, было еще много посольствъ отъ графа де-Шароле къ герцогу бретаньскому, отъ этого послѣдняго къ королю и отъ короля въ Бретань и Бургундію. Одни пріѣзжали ради шпіонства, другіе для того, чтобъ подкупить нужныхъ людей, или — съ иными злыми умыслами подъ предлогомъ добрыхъ намѣреній“.

Раздѣливъ союзниковъ, Людовикъ думалъ теперь опутать своею

политикою и самого герцога бургундскаго; но при свиданіи съ нимъ въ Перроннѣ, довѣрившись неосторожно его честному слову, былъ имъ задержанъ, какъ плѣнникъ, и за свое освобожденіе поплатился новымъ постыднымъ договоромъ, въ силу котораго обязался возвратить брату Нормандію и выполнить еще другія условія прежняго трактата въ Конфлянѣ. Впрочемъ, отъ этого договора, какъ отъ вынужденнаго, уже въ 1470 году, освободило его настроенное имъ собраніе нотаблей. Только Нормандію, такъ или иначе, приходилось снова отдать Карлу беррійскому. Но чтобъ, разрушить по-крайней-мѣрѣ, самую опасную мысль конфлянскихъ условій и воспрепятствовать сосѣдству трехъ такихъ сильныхъ вассальныхъ владѣтелей, какъ герцоги Бургундіи, Нормандіи и Бретани, — Людовикъ склоняетъ брата къ принятію Гіени вмѣсто Нормандіи; однакожъ узнавъ, что новый герцогъ гіеньскій, по-прежнему, ведетъ какія-то секретныя сношенія съ Бретанью и Бургундіей, губитъ его посредствомъ тайнаго яду. Пылая мщеніемъ за смерть его, герцогъ бургундскій вторгается въ Нормандію и предаетъ ее страшному опустошенію. Но король, не выступая самъ для защиты своей провинціи, возбуждаетъ противъ него козни графа Сенъ-Поля, и герцогъ видитъ себя въ необходимости оставить нормандскія завоеванія, чтобъ отмстить конетаблю. Отдѣльные трактаты съ Бретанью и Бургундіей въ Санли освобождаютъ Людовика отъ страшной опасности, ему угрожавшей.

Всѣ эти происшествія и отношенія опутаны неразрѣшимою сѣтью интригъ, въ изобрѣтеніи которыхъ одна сторона превосходила другую. Недостойная дипломатія вѣка была въ полномъ ходу. Какъ Людовикъ XI, такъ и Карлъ Смѣлый отличались, въ этомъ темномъ искусствѣ, особенными совершенствами. „Все же, прибавляетъ де-Коминъ, подробно разбирающій всю эту путаницу, если подумаешъ о другихъ государяхъ нашего времени, то эти покажутся еще и великими, и благородными, и достойными, хотя они и не имѣли другого намѣренія, какъ обмануть другъ друга“.

Въ слѣдующее за-тѣмъ время политика короля направлена почти исключительно на Бургундію, такъ-какъ тутъ находился главный узелъ и могущественнѣйшая опора всей лиги. Вся задача ея состоитъ въ томъ, чтобы возбудить противъ Карла Смѣлаго какъ можно больше враговъ, а между тѣмъ потихоньку обдѣлать дѣла во Франціи. Такъ, воспользовавшись безразсудными предпріятіями герцога противъ имперіи, Людовикъ на свободѣ расплачивается съ

герцогомъ алансонскимъ и графомъ арманьякомъ за ихъ старинную вражду и многократныя измѣны; присоединяетъ къ коронѣ ихъ владѣнія и за-тѣмъ подымаетъ швейцарцевъ и нѣкоторыхъ имперскихъ князей противъ самого Карла бургундскаго, который безразсудною и упорною осадою Нейса истощаетъ свои силы именно въ то время, когда онѣ ему больше всего нужны для соединенія съ войсками короля Эдуарда IV, сдѣлавшаго высадку во Францію по его настоянію.

Никогда, быть можетъ, Людовикъ не былъ такъ близокъ къ гибели, какъ въ это нашествіе англичанъ; никогда планы Карла Смѣлаго, будь онъ только нѣсколько разсчетливѣе и сосредоточеннѣе въ своей политикѣ, не могли быть такъ легко приведены въ исполненіе. Короля опять спасла его дипломатія, его искусство непобѣдимыхъ „ловкостей“. Эдуардъ требовалъ ни болѣе ни менѣе, какъ французской короны, какъ своего законнаго и наслѣдственнаго достоянія, — требовалъ ея съ тѣмъ, чтобы „возвратить церкви, дворянству и народу ихъ прежнія вольности и права, чтобъ отмѣнить тяжкія подати и налоги“. Для Людовика XI настало время самыхъ трудныхъ испытаній, какія когда-либо ему приходилось выдерживать. Ничего въ мірѣ онъ такъ не боялся, какъ высадки англичанъ. Онъ очень хорошо зналъ, что вокругъ заморскаго непріятеля соберутся тотчасъ-же всѣ его враги и, если-бы въ эту минуту бургундцы съумѣли развязаться со своими имперскими предпріятіями, конецъ короля былъ бы неизбѣженъ; но, при ихъ отсутствіи, магнатамъ не доставало рѣшительности и единодушія. Людовикъ воспользовался этимъ замѣшательствомъ и повелъ интригу такъ удачно, что поссорилъ Карла Смѣлаго съ коннетаблемъ Сенъ-Полемъ и съ англійскимъ королемъ. Все было пущено въ ходъ: подкупы, лесть, униженія — чтобъ склонить Эдуарда IV къ отдѣльному договору. Наконецъ, къ величайшей радости короля, договоръ этотъ состоялся въ Пекиньи. Людовикъ обязался платить, до самой смерти своей, по пятидесяти тысячъ экю ежегоднаго взноса въ пользу англійской короны, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на то, что въ трактатѣ Эдуардъ не признавалъ за нимъ даже и титула королевскаго и три дня потомъ угощалъ въ Амьенѣ уходившихъ англичанъ, расточая предъ ними всевозможныя ласки и лесть. Въ глазахъ рыцарскаго поколѣнія Карла VII, живо помнившаго свои недавнія побѣды надъ англичанами и еще доживавшаго тогда свои дни, подобное поведеніе казалось непростительнымъ малодушіемъ и почти измѣной національной чести. Но

король смотрѣлъ на это дѣло съ своей точки зрѣнія. Онъ боялся не столько англичанъ, сколько случайностей военнаго счастія, а еще больше — внутренней измѣны, его окружавшей. Онъ зналъ, что при такихъ условіяхъ, одной потерянной битвы достаточно, чтобы погубить себя, свои планы и будущность Франціи и, не смотря на ропотъ своихъ генераловъ, поставилъ на своемъ и уклонился отъ войны. Филиппъ де-Коминъ вѣрнѣе другихъ своихъ современниковъ оцѣнилъ побужденія Людовика въ этомъ случаѣ, сказавши, что онъ „не желалъ ставить себя въ зависимость отъ игры случая, опасаясь крамолы подданныхъ, если-бы счастіе ему измѣнило“.

Нашествіе англичанъ было послѣднимъ труднымъ узломъ, который Людовику приходилось распутывать. Далѣе обстоятельства складывались уже чрезвычайно благопріятно. Судьба, казалось, хотѣла теперь вознаградить короля за столько трудовъ и настойчивыхъ усилій. Вскорѣ послѣ того мстительный герцогъ бургундскій, по договору въ Солерѣ, выдаетъ Сенъ-Поля на месть королю. Конетабль погибаетъ на эшафотѣ. Новый договоръ въ Санли обезпечиваетъ Людовика со стороны Бретани.

Между тѣмъ, противъ Карла Смѣлаго возстаютъ отовсюду враги, поднятые королемъ, — сперва императоръ, потомъ швейцарцы. Въ битвѣ при Нанси рѣшается участь бургундскаго дома и его паденіемъ пользуется наиболѣе Людовикъ XI, не пославшій ни одного солдата въ помощь своимъ союзникамъ. Обѣ Бургундіи и Пикардія достаются на долю Франціи изъ развалинъ эфемернаго бургундскаго государства. Такимъ-же путемъ интриги и дальновиднаго разсчета выпутывается Людовикъ аррасскимъ трактатомъ изъ сомнительнаго положенія своего послѣ гинегатскаго похода противъ имперскихъ силъ, губитъ послѣдняго врага своего герцога немурскаго и присоединяетъ къ государственнымъ землямъ наслѣдіе анжуйскаго дома Провансъ, съ которымъ переходятъ къ коронѣ также и наслѣдственныя притязанія этой фамиліи на Италію.

„Велика была радость короля, заключаетъ этотъ разсказъ де-Коминъ, когда, наконецъ, увидѣлъ онъ себя свободнымъ отъ всѣхъ своихъ враговъ“. Одни, какъ герцогъ немурскій, конетабль Сенъ-Поль и графъ Арманьякъ, испытали его мщеніе; другихъ онъ пережилъ лѣтами. Вымеръ весь домъ анжуйскій; въ лицѣ Карла Смѣлаго и единственной наслѣдницы его Маріи погасла вся бургундская отрасль Валуа. Умеръ и Эдуардъ IV англійскій и Іоаннъ II арагонскій. Настало время, когда Людовикъ не видѣлъ болѣе не-

пріятеля ни внутри государства, ни вокругъ него. Внутри одна Бретань оставалась свободнымъ государственнымъ леномъ, но и она, рано или поздно, не могла избѣжать общей участи, и дѣйствительно, уже въ слѣдующее царствованіе отошла къ коронѣ. Сосѣди — Кастилія, Арагонія, Миланъ, Флоренція, Генуа, Савойя, Швейцарія, Англія, даже Венгрія и Богемія — искали дружбы, союза и покровительства короля французскаго, собравшаго теперь плоды своихъ многолѣтнихъ усилій, плоды, которыхъ онъ, впрочемъ, совершенно заслуживалъ „такъ-какъ въ немъ, говоритъ его историкъ, было болѣе качествъ, достойныхъ истиннаго правителя и государя, нежели въ другихъ, ему современныхъ монархахъ“.

Нельзя не видѣть даже изъ этого короткаго изложенія, что вся тайна успѣховъ Людовика XI заключалась въ томъ, что онъ понялъ характеръ своихъ враговъ и разсчетливо направилъ ихъ силы къ ихъ-же собственному уничтоженію. Онъ понялъ, что для истощенія громадныхъ, но нестройныхъ силъ государственныхъ ленниковъ довольно предоставить ихъ собственной участи, себѣ же оставилъ только трудъ дать имъ направленіе, сообразное своимъ цѣлямъ. Ясно, напримѣръ, что герцогъ бургундскій самъ былъ виною своей гибели. Роль Людовика ограничилась лишь тѣмъ, что онъ противупоставлялъ ему противниковъ — въ городахъ Фландріи, въ Швейцаріи и Германіи, о которые разбивалось его могущество. Зная натуру своего соперника, онъ былъ увѣренъ, что ничѣмъ лучше и удобнѣе нельзя отомстить ему, какъ давъ ему полную волю бросаться изъ предпріятія въ предпріятіе и, наконецъ, окончательно въ нихъ запутаться. Разсчетъ его былъ удивительно вѣренъ. Все исполнилось по его желанію.

„Старый король, какъ испытанный игрокъ, артистически разыгралъ свою партію“, говоритъ объ немъ одинъ нѣмецкій писатель. И дѣйствительно, ходъ событій, сейчасъ нами очерченный, невольно наводитъ на сравненіе съ шахматной игрой, гдѣ перевѣсъ достается глубинѣ и дальновидности разсчета. Сталкиваются и перекрещиваются интриги, вѣдомыя съ той и другой стороны, вѣдутся тайные и явные переговоры, возникаютъ и исчезаютъ частые, перемѣнчивые и разсчетливые союзы, — это шашки движутся взадъ и впередъ по своимъ расчерченнымъ квадратикамъ, — это первые дебюты, первые слабые опыты той системы „политическаго равновѣсія“, на которой отнынѣ устроятся взаимныя отношенія европейскихъ народовъ. Въ средніе вѣка не бывало ничего подобнаго;

тамъ была одна только дѣйствительная связь между націями и государствами, — это единство религіозное, такъ-какъ имперія, долженствовавшая служить формой политическаго между ними единства, всегда оставалась одной только фикціей. Но сознаніе общихъ религіозныхъ интересовъ было чрезвычайно сильно, особенно со времени крестовыхъ походовъ, когда такъ рѣзко обозначилась противуположность христіанскаго міра мохаммеданскому, когда вся западная Европа впервые получила у писателей и одно общее обозначеніе „христіанства“ — Chrétienté. Такимъ образомъ, и эта международная связь, какъ и всѣ общественныя связи среднихъ вѣковъ, была тоже — чисто моральнаго свойства и могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока силенъ былъ принципъ вѣры и набожности, лежавшій въ ея основаніи. Когда же эти чувства ослабли и главнымъ рычагомъ человѣческой дѣятельности сдѣлался положительный интересъ, возникла нужда обезпечить себя новыми связями, опиравшимися на равновѣсіи противуположныхъ интересовъ каждой державы. Новый порядокъ вещей возникаетъ сначала въ Италіи, какъ въ передовой странѣ континента, и за-тѣмъ итальянскими, французско-габсбургскими и другими войнами и столкновеніями, мало-по-малу, распространяется на всю Европу, постепенно втягивая въ свой кругъ самые отдаленные народы. Въ XV столѣтіи такой общей системы еще нѣтъ; есть только отдѣльныя политическія сферы, въ которыхъ работаетъ этотъ новый механизмъ. Людовикъ XI, въ борьбѣ своей съ великими коронными вассалами, представляетъ намъ образчикъ такой сферы. Но, кромѣ Франціи, и каждая другая европейская страна, или во внутренней политикѣ, или въ сношеніяхъ съ сосѣдями, болѣе или менѣе, уже слѣдуетъ такимъ же путемъ. Съ недовѣрчивостью и страхомъ смотрятъ народы на своихъ ближайшихъ сосѣдей, приходя въ тревогу каждый разъ, когда кому-нибудь изъ нихъ удается усилить свое могущество, и тотчасъ-же принимая новыя мѣры для своей собственной безопасности. Де-Коминъ видитъ въ этомъ даже какой-то общій законъ, начертанный свыше. Вотъ его замѣчательныя разсужденія. „Мнѣ кажется, что Богъ не создалъ ни одного предмета въ этомъ мірѣ, ни человѣка, ни животнаго, не давъ ему противника, который бы удерживалъ его въ страхѣ и смиреніи. Такъ, герцогъ бургундскій нашелъ своего противника въ городахъ Фландріи и королѣ французскомъ, французы — въ англичанахъ, англичане — въ шотландцахъ, испанцы — въ португальцахъ, итальянскіе

государи — въ городскихъ общинахъ Венеціи, Генуи, Флоренціи, Болоньи, Сіены, Пизы, Лукки, — Арагонія — въ анжуйскомъ домѣ, Сфорцы — въ орлеанскомъ, Венеція — во Флоренціи, Флоренція — въ Сіенѣ и Пизѣ, Австрія — въ Баваріи и швейцарскихъ кантонахъ, Клеве, — въ Гельдернѣ и ганзейскіе города — въ Даніи. И каждая изъ этихъ державъ наблюдаетъ, какъ бы сосѣдъ его не возвысился. Такимъ образомъ, можно подумать, что эта враждебность и соперничество на свѣтѣ необходимы и предначертаны самимъ Богомъ для удержанія людей и государствъ въ смиреніи и страхѣ".

Ходъ времени и общіе успѣхи цивилизаціи значительно облагородили потомъ эту систему взаимной недовѣрчивости и страха, примиривъ ее, по возможности, съ началами христіанской любви и морали; но въ XV вѣкѣ, она, какъ мы видѣли, представляется еще во всей наготѣ самаго безстыднаго корыстолюбія и эгоизма, типичнымъ выраженіемъ котораго можетъ считаться Людовикъ XI.

Да и въ другихъ сферахъ его государственной дѣятельности мы постоянно видимъ то-же свѣтлое пониманіе духа и идей наступающаго новаго времени, и ту-же грустную зависимость отъ данныхъ условій эпохи. Такъ, напримѣръ, всѣ внутреннія учрежденія Людовика носятъ на себѣ этотъ двойственный характеръ. Отъ старыхъ формъ администраціи и вообще общественной жизни онъ еще отрѣшиться не въ силахъ, и все остается какъ будто по-прежнему, — только къ средневѣковымъ учрежденіямъ и порядкамъ незамѣтно прививается новый смыслъ и значеніе, приноровленныя къ господствующему монархическому принципу. Государственные сеймы собираются при немъ, какъ бывало и въ-старину, но, въ рукахъ искуснаго короля, они служатъ только орудіемъ его антифеодальной политики. Таковы были états généraux 1468 и 1470 года, направленные имъ прямо противъ лигистовъ. Такъ-же точно, средневѣковая автономія областей французскихъ не только не падаетъ при Людовикѣ, но, напротивъ, еще болѣе развивается; только мѣстные парламенты, чувствуя надъ собой энергическую волю короля, болѣе чѣмъ когда-нибудь пріучаются къ зависимости отъ центральнаго правительства. Въ прежнихъ же формахъ живетъ и движется еще и городская община среднихъ вѣковъ и мѣщане продолжаютъ пользоваться правомъ выбирать своихъ чиновниковъ; но ихъ выборный мэръ и двѣнадцать старшинъ зависятъ уже непосредственно отъ короля, даютъ ему особую присягу на вѣрность. Даже рыцарскія учрежденія какъ будто пользуются еще поддержкой

этого въ высшей степени нерыцарскаго правителя. Чрезвычайно замѣчательно, напримѣръ, что Людовикъ XI основалъ новое рыцарское товарищество или орденъ въ честь архангела Михаила и принялъ самъ достоинство его великаго магистра. Но сокровенная цѣль учрежденія не имѣла ничего общаго съ средневѣковымъ рыцарствомъ. Тамъ ордена являются свободными и независимыми корпораціями съ совершеннымъ равенствомъ членовъ и съ подчиненіемъ ихъ только выборному орденскому начальству. Такой корпораціи Людовикъ, разумѣется, не допустилъ бы въ странѣ, гдѣ еще памятна была борьба Филиппа Красиваго съ тампліерами. Это было просто подражаніе позднѣйшему бургундскому ордену Золотого руна, въ формѣ котораго блестящее рыцарство этой страны группировалось около своихъ герцоговъ. Людовикъ XI, употреблявшій всѣ средства, чтобы обезпечить и возвысить королевскую власть, попробовалъ, учрежденіемъ этой почетной корпораціи, привязать къ своей особѣ и своему престолу строптивое французское рыцарство узами чести, въ которую самъ никогда не вѣрилъ.

Такъ или иначе, однакожъ, подъ конецъ своей жизни, Людовикъ увидѣлъ себя, по-крайней-мѣрѣ фактически, такимъ неограниченнымъ монархомъ великой и единой Франціи, какимъ не бывалъ еще никто изъ его предшественниковъ. Удивительно счастливо достигъ онъ всего, къ чему стремился. И упроченная монархія, и объединенное государство, и внѣшній политическій вѣсъ — все ему удалось, какъ нельзя успѣшнѣе. Даже личная страсть нашла полное удовлетвореніе въ гибели его всѣхъ злѣйшихъ враговъ и въ мести надъ ними. Оставалось только сохранить и насладиться пріобрѣтенными съ такимъ усиліемъ благами. И тутъ-то овладѣваетъ дряхлѣющимъ королемъ то мучительное безпокойство, которое бросаетъ такую мрачную тѣнь на его послѣдніе годы. Теперь, это— старый скряга верховной власти, помнящій, какими несчетными трудами, лишеніями и жертвами скопилъ онъ свое сокровище. Ради него потратилъ онъ всю свою жизнь и быть можетъ, погубилъ свою душу,—и вотъ невыразимый ужасъ и тревога овладѣваютъ имъ при мысли, что власть эту могутъ отнять у него, или же смерть заставитъ съ нею разстаться на-вѣки. Послѣднія шесть лѣтъ своей жизни Людовикъ почти исключительно занятъ одной этой мыслію. Передъ нами шестидесятилѣтній старикъ съ угасающими силами и разбитымъ здоровьемъ, уступившимъ, наконецъ, разрушительному вліянію времени, а еще болѣе—напряженной жизненной дѣятельности. Это—

та сухощавая, нѣсколько сгорбленная фигура съ острыми чертами лица и проницательными глазами, въ мѣщанскомъ кафтанѣ и старой черной шляпѣ со множествомъ оловянныхъ образковъ, — которая жива въ воображеніи каждаго, благодаря безсмертной кисти сэръ-Вальтеръ-Скотта. Теперь онъ уже не скитается болѣе по всѣмъ закоулкамъ своего королевства, а живетъ почти безвыѣздно въ своемъ грозномъ замкѣ Плесси-ле-Туръ, изрѣдка только выѣзжая на охоту въ окрестности. На случай нечаяннаго нападенія, въ замкѣ приняты величайшія предосторожности. Шотландская наемная стража день и ночь охраняетъ стѣны, башни и выходы. Въ восемь часовъ только опускается подъемный мостъ главныхъ воротъ, но и тогда осматриваютъ каждаго входящаго — нѣтъ ли у кого скрытаго оружія. Капканы и маскированные провалы устроены по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Плесси, и никто не смѣетъ къ нему приблизиться не въ урочное время. Стрѣлки имѣютъ право убивать ослушныхъ изъ своихъ сторожевыхъ бастіоновъ. Старый король, кромѣ двухъ-трехъ лицъ испытанной вѣрности, не довѣряетъ рѣшительно никому, безпрестанно мѣняетъ слугъ и чиновниковъ. Вездѣ ему чудятся измѣны и заговоры и онъ дрожитъ при малѣйшемъ шумѣ. Кого же боится еще этотъ грозный властелинъ, теперь уже съ безграничною властію отъ Британскаго моря до Средиземнаго? Де-Коминъ глухо только упоминаетъ о людяхъ, искавшихъ случая напасть на Плесси, но не трудно догадаться, кого разумѣлъ тутъ историкъ. То были все тѣ-же старые враги Людовика — вельможи, да принцы его собственнаго семейства, во враждѣ съ которыми протекла вся его жизнь. Теперь они уже не могли, правда, какъ бывало встарь, кинуться въ поле, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ королевскаго знамени; но на тайную крамолу ихъ достанетъ еще надолго, и долго еще французская корона будетъ бороться съ ихъ заговорами и кознями. Не даромъ же, во время послѣдняго процесса герцога немурскаго, оказалось, что не только герцогъ бурбонскій и другіе вельможи, близкіе къ особѣ короля, но даже самъ Дамартенъ, столько имъ обласканный и слывшій за образцоваго рыцаря, знали о замыслахъ не задолго предъ тѣмъ казненнаго конетабля Сенъ-Поля и готовы были ему содѣйствовать. А замыслы эти состояли, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы свергнуть Людовика XI съ престола и даже убить его, если это понадобится. Притомъ-же, въ тотъ безнравственный вѣкъ политическія убійства были такимъ обыкновеннымъ явленіемъ.

А тутъ еще, именно около этого времени, получены были извѣстія о гибели герцога миланскаго Галеаццо Сфорцы, зарѣзаннаго въ церкви и — среди бѣлаго дня, о злодѣйскомъ ковѣ кондотьера Кампобассо, жертвою котораго палъ Карлъ Смѣлый въ сраженіи при Нанси. Все это произвело самое тяжелое впечатлѣніе на душу короля, быть можетъ, самаго подозрительнаго и недовѣрчиваго человѣка во всей тогдашней Франціи и, прибавимъ, наиболѣе имѣвшаго на то право. Тогда-то затворился онъ окончательно въ своемъ неприступномъ Плесси-ле-Туръ, окруживъ себя, почти исключительно, креатурами самаго низкаго состоянія, между которыми его цырюльникъ и камердинеръ Оливье, возведенный впослѣдствіи въ достоинство графа Мелена, игралъ главную роль. За исключеніемъ Дюнуа и еще очень немногихъ, дворъ короля сдѣлался почти недоступнымъ для вельможъ и знати. А если мы вспомнимъ при этомъ, что старческая трусливость простительнѣе всякой другой, то кто станетъ строго винить его въ этихъ предосторожностяхъ?

Но былъ еще другой врагъ у дряхлѣющаго Людовика, отъ котораго труднѣе уберечь себя и противъ котораго безсильны шотландскіе стрѣлки и бастіоны: близящаяся смерть наводила на него несказанный ужасъ. Трудно предположить, чтобы то были мученія совѣсти, или тревожныя опасенія за будущую участь за гробомъ. Религіозныя понятія, въ которыхъ былъ воспитанъ Людовикъ, легко находили выходъ изъ такихъ опасеній. Ученіе латинской церкви объ индульгенціи и объ очистительной силѣ разныхъ священныхъ реликвій открывало весьма легкія средства примириться съ своею совѣстію. Король исчерпалъ ихъ всѣ, — строилъ монастыри, надѣлялъ ихъ вкладами, ѣздилъ постоянно на богомолье и окружилъ себя цѣлой коллекціей священныхъ рѣдкостей, между которыми находились также частицы животворящаго креста. Значительную часть дня проводилъ онъ на молитвѣ и за каждую жертву своей мрачной политики непремѣнно приносилъ какую-нибудь эпитимію. Страннымъ, можетъ быть, покажется, что умнѣйшій человѣкъ своего вѣка такъ поверхностно, формально понималъ религію. Къ сожалѣнію, самый геніальный умъ въ этихъ вопросахъ оказывается совершенно безсильнымъ, если сердце его не согрѣто любовью и человѣчностью, — а объ этихъ чувствахъ Людовикъ XI не имѣлъ никакого понятія. Наружная набожность такъ удобна для подобныхъ натуръ, что онѣ весьма охотно ей предаются. Такъ было и съ состарѣвшимся королемъ, когда подходившая смерть,

отъ времени до времени, напоминала ему о старыхъ грѣхахъ. На религію, какъ и на все другое, онъ смотрѣлъ съ чисто практической стороны и видѣлъ въ ней не внутреннюю потребность сердца, а просто средство доставить себѣ душевный покой, удачу и счастіе. Поэтому, для него все равно было, съ какой бы стороны ни пришли къ нему эти блага, — отъ мощей ли, заступничества какого-нибудь святого, или отъ астролога Галеотти, котораго онъ держалъ при своемъ дворѣ. Въ этомъ отношеніи Людовикъ — совершенный рабъ своего вѣка, суевѣрнаго и механически набожнаго, какъ немногія эпохи въ исторіи. Съ точки зрѣнія такихъ понятій, Людовикъ могъ считать свою загробную жизнь совершенно обезпеченною, — такъ-какъ едва-ли кто-нибудь больше его сдѣлалъ разныхъ богоугодныхъ дѣлъ и чаще призывалъ предстательство и милость угодниковъ божіихъ, изображенія которыхъ носилъ даже постоянно на своей шляпѣ. Смерти боялся онъ такъ ужасно, не ради будущей, а здѣшней жизни. Ему тяжело было разстаться съ властію, такъ дорого и трудно добытой. И если-бъ, по-крайней-мѣрѣ, имѣлъ онъ утѣшеніе видѣть, что она перейдетъ къ преемнику, который съумѣетъ ее поддержать, если не возвеличить. Но дофинъ былъ слабъ и малолѣтенъ, на принцевъ крови и подавно нельзя было надѣяться, а тѣ, кто понималъ и сочувствовалъ его идеямъ, были слишкомъ ничтожны, по своему положенію, чтобъ, послѣ него, сохранить его твореніе. Оставалось одно — прожить самому, какъ можно долѣе. И вотъ Людовикъ съ жадностію бросается на всѣ средства, какими располагало и въ которыя вѣрило тогдашнее время для продленія угасающей жизни. При всей своей разсчетливости, онъ платилъ медику своему Котье огромныя суммы и терпѣливо сносилъ его наглое обращеніе, — онъ, нетерпѣвшій ни малѣйшихъ противорѣчій. „Очень можетъ случиться, говаривалъ хитрый эскулапъ, что вы и меня отправите туда-же, куда столькихъ уже спровадили; но знайте, что вамъ не прожить и восьми дней послѣ моей смерти“. И напуганный Людовикъ смиренно покорялся своей судьбѣ. Де-Коминъ увѣряетъ, что это неуваженіе къ королевскому величеству было для него самымъ тяжелымъ мученіемъ, какое онъ испыталъ въ своей жизни.

Кромѣ врачебныхъ пособій, больной перепробовалъ также всѣ способы и секреты такъ называемой „тайной науки“, которая тогда пользовалась огромнымъ кредитомъ даже у самыхъ свѣтлыхъ умовъ. Со всѣхъ концовъ Европы присылали къ нему разные та-

лисманы и эликсиры. Даже султанъ Баязетъ II выслалъ ему изъ Константинополя нѣсколько такихъ рѣдкостей. Обрядъ помазанія на царство вторично былъ совершенъ надъ умирающимъ, — такъ-какъ этому священному акту приписывали въ то время и особенную цѣлительную силу. Наконецъ, изъ далекой Калабріи вызванъ былъ одинъ знаменитый отшельникъ въ надеждѣ, что „святой человѣкъ", быть можетъ, вымолитъ ему хоть какую-нибудь отсрочку.

Но, чувствуя, совершенный упадокъ силъ и скорую неизбѣжную развязку, король все еще не сдавался и усиливался задержать ея приближеніе. „Быть можетъ, я не такъ еще боленъ, какъ вы думаете, — милость божія велика" — отвѣчалъ онъ приближеннымъ, когда тѣ рѣшились объявить ему, что всѣ надежды потеряны. Наконецъ, 30 августа 1483 года, кончилась эта замѣчательная борьба умирающаго со смертію. Людовикъ умеръ, какъ жилъ. До послѣдней минуты сохранилъ онъ и неугасимую жажду дѣятельности, поглощавшую всю его жизнь, и неусыпную заботливость о государственныхъ интересахъ, и свое ненасытное властолюбіе. Наконецъ, тотъ-же страхъ за цѣлость и неприкосновенность такъ тяжко пріобрѣтенной власти провожалъ его до могилы. До послѣдней минуты не хотѣлъ онъ никому поручить занятіе дѣлами и, когда, однажды, въ безпамятствѣ, передалъ ихъ зятю своему де-Боже, то, пришедши въ себя, тотчасъ-же велѣлъ распустить государственный совѣтъ, собравшійся уже въ Амбуазѣ. По-прежнему всѣмъ онъ завѣдывалъ самъ. Чиновники не смѣли, безъ его вѣдома, высылать даже самыхъ нужныхъ депешъ. Въ страшномъ изнеможеніи, иногда въ бреду, лепеталъ онъ еще безсвязные отвѣты на полученныя донесенія и письма, и ни за что не хотѣлъ, чтобы во Франціи и Европѣ знали объ опасности его положенія. Ему все казалось, что, узнавши объ этомъ, его перестанутъ бояться и откажутъ ему въ повиновеніи. Поэтому, онъ постоянно распускалъ слухи о своемъ выздоровленіи, усиливаясь казаться веселымъ и бодрымъ, — нарочно придумывалъ для преступниковъ самыя жестокія казни, сталъ даже одѣваться изысканно и великолѣпно, чего прежде терпѣть не могъ. Никогда еще такъ не дрожали передъ нимъ приближенные. До послѣдней минуты то былъ государь, у котораго, по выраженію де-Комина, — „надо было смотрѣть въ оба". Такъ и кончился онъ, хладѣющей рукой хватаясь еще за власть, которая вмѣстѣ была для него и жизнію...

VII.

САВОНАРОЛА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

САВОНАРОЛА.

Историческій очеркъ.

Есть во Флоренціи, на одной изъ лучшихъ площадей ея, очень древній доминиканскій монастырь Санъ-Марко. Обитель эта и ея церковь, построенныя въ старинномъ тосканскомъ стилѣ, принадлежатъ къ знаменитостямъ города. Еще въ XV столѣтіи, въ памятный вѣкъ медицейской славы, это былъ одинъ изъ центровъ художественной и умственной жизни цвѣтущаго края. Фра-Беато-Анджелико, фра-Бартоломео-делла-Порта и нѣсколько другихъ славныхъ художниковъ эпохи, мастерскіе фрески которыхъ украшаютъ и до-нынѣ внутреннія стѣны строенія, воспитались въ кругу монастырской братіи. Медичи — Косимо и великолѣпный внукъ его, Лоренцо, любили искать здѣсь отдыха и душевнаго освѣженія среди правительственныхъ заботъ своихъ. Монастырь и теперь еще сохранилъ много слѣдовъ и памятниковъ ихъ покровительства и щедрости.

Здѣсь-же, три съ половиною вѣка тому назадъ, жилъ одинъ замѣчательный человѣкъ. Современники звали его фра-Джироламо. Въ потомствѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Іеронима Савонаролы.

Благодаря спеціальному изслѣдованію французскаго ученаго Перрана и открытіямъ итальянца Виллари, наука, въ настоящее время, успѣла почти вполнѣ объяснить этотъ нѣкогда загадочный образъ и опредѣлить его мѣсто въ исторіи. Замѣчательный трудъ Перрана, доставившій автору званіе корреспондента французскаго Института, нѣсколько наградъ отъ разныхъ правительствъ и почетную извѣстность въ ученой литературѣ, принятъ въ основаніе и предстоящаго очерка.

Мы должны перенестись въ Италію конца XV вѣка и составить себѣ понятіе о состояніи Флоренціи въ эту эпоху.

Лоренцо Медичи, Макіавелли, Анджело Полиціано, Рафаэль, Микель-Анджело.... кто назоветъ передъ публикой эти славныя имена, тотъ напомнитъ ей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Ими дѣйствительно характеризуются всѣ господствующіе интересы, всѣ направленія жизни Италіи на рубежѣ двухъ столѣтій, XV и XVI. Умирающая свобода въ борьбѣ съ умной и образованной тираніей, мощный политическій духъ, запятнанный глубочайшею безнравственностью, благоговѣйное поклоненіе античному міру и высокое художественное развитіе, — вотъ, въ немногихъ словахъ, италіянская жизнь того времени.

Флоренція, родина и поприще цѣлой фаланги національныхъ геніевъ, есть главный фокусъ, въ которомъ соединяются лучи этого оригинальнаго образованія, и едва-ли не средоточіе всего духовнаго развитія тогдашней Европы.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ намъ тогдашнія заальпійскія страны? Одичалую Англію, едва вышедшую изъ кровавой распри двухъ розъ; французское рыцарство, все еще считающее привилегіей и почти честью своего сословія не умѣть читать и писать; Испанію, довоевывающую свою фанатическую вѣковую войну съ маврами; имперію, обезсиленную и обезславленную позорною политикой Фридриха III и ничтожнаго сына его Максимиліана. Коегдѣ только, въ Германіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ, по городамъ и при дворахъ князей, появляются первые признаки зарождающагося умственнаго движенія. Но что значатъ эти разбросанные огоньки въ сумеркахъ сравнительно съ яркимъ полднемъ Италіи, пережившей уже Данте, Петрарку, платонову медицейскую академію во Флоренціи и десятки школъ ваянія и живописи? Правда, этотъ знойный полдень скоро окончится ненастнымъ, угрюмымъ вечеромъ, — и уже замѣтны признаки наступающихъ невзгодъ. Свобода итальянскихъ республикъ, принесшая столько благоденствія и счастія прекрасной странѣ, пала почти повсюду. Страстная борьба безчисленныхъ политическихъ партій, какъ это всегда бываетъ, кончилась повсемѣстнымъ водвореніемъ тираніи. Медичи, Сфорцы, Бентиволіо и много другихъ счастливыхъ честолюбцевъ успѣли захватить общественную власть въ лучшихъ областяхъ полуострова. Промышленность и торговля, богатство и благосостояніе, однимъ словомъ, преобладаніе мирныхъ интересовъ въ жизни, мало-по-малу,

совершенно отучили граждан отъ оружія. А между тѣмъ соперничество и зависть мелкихъ государствъ, на которыя раздробленъ весь край, поддерживаютъ безпрерывную между ними войну. Цвѣтущая страна, охраняемая лишь продажнымъ мечомъ кондотьеровъ, открыта теперь нападеніямъ перваго смѣлаго хищника, перваго предпріимчиваго заальпійскаго варвара, который захочетъ воспользоваться ея беззащитностію. Самолюбіе, корысть и взаимныя распри туземныхъ династовъ облегчатъ ему предпріятіе и въ самое сердце Италіи проложатъ путь иноземному господству. Умственное и промышленное развитіе, несмотря на весь внѣшній блескъ свой, имѣло тоже и свои темныя стороны. Оно было безсильно отвратить глубокую нравственную испорченность геніальнаго Макіавелли.

Вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ должны мы представлять себѣ Флоренцію въ концѣ XV вѣка.

Въ то время это былъ обширный, многолюдный городъ, покрайней-мѣрѣ втрое многолюднѣе нынѣшняго, владѣвшій значительною частью Тосканы. Медичи уже украсили его великолѣпными постройками и памятниками искусства. Земельная и финансовая аристократія слѣдовала ихъ примѣру. И теперь еще стоятъ обветшавшіе дворцы этихъ гордыхъ флорентійскихъ магнатовъ, этихъ Питти, Ридольфи, Корсини, Каппони, Строцци, Риккарди, — сложенные изъ гранита и мрамора, наполненные безцѣнными статуями и картинами. Комфортъ и утонченность матеріальнаго быта, нисходя отъ этихъ высшихъ ступеней общественныхъ, сдѣлались общею потребностью. Огромная торговля, кипящая промышленная дѣятельность давали къ тому средства. Однѣ шерстяныя мануфактуры занимали сорокъ тысячъ рабочихъ. Сукна продавалось ежегодно на пятьнадцать милліоновъ рублей на наши деньги. Восемьдесятъ банковъ управляли коммерческими оборотами не только Флоренціи, но и цѣлой Европы. Были торговые дома, у которыхъ монархи Европы занимали огромныя суммы, какъ въ наше время занимаютъ они у Берингсовъ и Ротшильдовъ.

Во главѣ этого цвѣтущаго государства стоялъ домъ Медичи, составившій себѣ огромное состояніе банкирскими и торговыми оборотами. Лоренцо, за свою величавую роскошь и щедрость, прозванный современниками Великолѣпнымъ, il Magnifico, въ эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, былъ представителемъ этой знаменитой фамиліи. Какъ въ лучшемъ типѣ всего медицейскаго рода, въ немъ соединились его достоинства и слабости, — тонкій государственный

умъ, благородное меценатство наукѣ и изящнымъ искусствамъ, патріотическое одушевленіе ко благу родины, вмѣстѣ съ неизбѣжными пороками тирана — жестокостью, коварствомъ и недовѣрчивостью. Все же это былъ лучшій и достойнѣйшій изъ тирановъ, и не даромъ патріоты, мечтавшіе о единствѣ раздробленнаго отечества и о возстановленіи его древняго могущества и славы, устремляли свои надежды и помыслы на его семейство. Изъ всѣхъ тогдашнихъ итальянскихъ династовъ однимъ Медичи могла бы соединенная нація довѣрчиво ввѣрить свою судьбу. Такова впослѣдствіи и была мысль Макіавелли, развитая имъ въ знаменитомъ del Principe.

Впрочемъ, политика Лоренцо, въ главныхъ чертахъ, была обыкновенной политикой узурпаторовъ. Щадить имена и формы старинныхъ свободныхъ учрежденій, но дѣйствительную власть незамѣтно прибирать въ свои руки; пользоваться общественною казной для пріобрѣтенія приверженцевъ; ослѣплять народъ блескомъ двора, шумными удовольствіями, пышными постройками и покровительствомъ литературѣ и искусствамъ; ласкать національное тщеславіе успѣхами внѣшней политики, а если можно, безъ большаго риска, то и счастливыми войнами; всячески заставить общество забыть о потерѣ свободы и потихоньку обдѣлывать свои дѣла и фамильные интересы, — вотъ обыкновенная общая программа всѣхъ честолюбцевъ, умѣвшихъ захватить власть въ свои руки, начиная съ Пизистратовъ и Діонисіевъ до Наполеоновъ, и можно только удивляться, какъ люди, въ теченіи слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, не научились еще распознавать эти избитые пріемы.

Все же флорентійцы, измученные раззорительною борьбою партій, были довольны сравнительно кроткимъ и просвѣщеннымъ медицейскимъ господствомъ. Лоренцо оставилъ всѣ прежнія республиканскія формы: и синьйорію изъ восьми человѣкъ, имѣвшую исполнительную власть и дѣйствовавшую подъ руководствомъ избирательнаго гонфалоньера, и законодательныя коллегіи buonuomini, и демократическій органъ balia, родъ народнаго трибуната; но, опираясь на свое вліяніе и богатство, онъ умѣлъ замѣщать всѣ эти должности своими приверженцами, преимущественно изъ среднихъ, городскихъ классовъ, не допуская ко власти ни магнатовъ, ни черни, какъ элементы слишкомъ подвижные и ненадежные. Справедливость, умѣренность, доступность и щедрость сдѣлали его любимцемъ огромнаго большинства, и, не принимая никакихъ пышныхъ титуловъ, безъ внѣшнихъ знаковъ монарха, онъ, новый Августъ,

умѣлъ, однако, въ теченіи четырнадцати лѣтъ, править государствомъ спокойно и самовластно, изрѣдка только крутыми мѣрами подавляя заговоры и ропотъ республиканцевъ. Во всей Италіи въ то время боролись партіи, то аристократическія съ демократическими, то демократическія между собою, то магнаты съ магнатами. Гвельфы и Гибеллины, Монтекки и Капулетти, Мальтраверси и Скаккези, Берголини и Распанти, Орсини и Колонна, Торріани и Висконти — враждовали другъ противъ друга по разнымъ городамъ и государствамъ полуострова. Были партіи и во Флоренціи. Друзья Медичи назывались „сѣрыми“, а приверженцы старинной республики — „бѣлыми“; но умный Лоренцо умѣлъ держать ихъ въ равновѣсіи.

Однако подавленіе врожденнаго человѣку стремленія къ свободѣ, особенно если онъ хоть разъ уже пользовался этою свободой, какъ всякое насиліе, влечетъ за собою разстройство всего общественнаго организма и вызываетъ въ немъ ненормальныя, болѣзненныя явленія. Такъ случилось и здѣсь. Граждане, напитанные античными воспоминаніями римско-республиканскихъ временъ и памятью своего собственнаго прошедшаго, но осужденные на пассивную жизнь деспотическаго государства, бросились въ матеріализмъ. Разгоряченная фантазія изобрѣтала чудовищныя наслажденія чувственности, а огромное богатство города давало къ тому средства. Надо читать современныхъ историковъ Флоренціи, Нарди и Нерли, надо читать проповѣди самого Савонаролы, чтобы видѣть нравственное паденіе тогдашняго общества. „Я видѣлъ, — говорилъ впослѣдствіи проповѣдникъ, — какъ прелаты пренебрегали своею паствой и развращали ее дурнымъ примѣромъ, какъ духовенство проматывало церковныя имущества и съ каѳедры забавляло публику ничтожною болтовней, какъ родители портили дѣтей своихъ, правители угнетали подданныхъ и поселяли между ними раздоръ, купцы гонялись лишь за корыстью, женщины покланялись только нарядамъ, какъ поселяне разбойничали и солдаты богохульствовали“. Передовые классы — духовенство и аристократія подавали примѣръ разврата. Ночныя оргіи, азартныя игры, гдѣ проматывались цѣлыя состоянія, всѣ роды утонченныхъ и неестественныхъ чувственныхъ наслажденій сдѣлались обыкновеннымъ препровожденіемъ времени. Языкъ, костюмъ и нравы приняли циническій характеръ. Молодежь бродила по церквамъ лишь для того, чтобы нагло оскорблять женщинъ, которыя сами подавали къ тому поводъ, яв-

ляясь къ божественной службѣ въ открытыхъ до пояса платьяхъ. Объ истинной религіи не было и помину. Языческія представленія и понятія заняли мѣсто отрицаемаго всѣми Христа. Слабоумные и слабохарактерные бросились въ астрологію, некромантію и подобныя суевѣрія. А что сказать о флорентійскихъ дамахъ того времени? Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующій случай. Савонарола, когда уже онъ былъ вліятельнымъ лицомъ во Флоренціи, въ порывѣ негодованія на всеобщій развратъ предлагалъ однажды правительству выставлять публичныхъ женщинъ къ позорному столбу, при звукахъ трубъ и литавръ. Ему отвѣчали, что, въ такомъ случаѣ, пришлось бы выставить къ столбу все женское населеніе города.

Такова была Флоренція, когда весною 1490 года появился въ ней доминиканскій монахъ Савонарола. Странная слава сопровождала этого человѣка, и много удивительнаго разсказывали про его прошедшее. Пришелъ онъ теперь изъ Болоньи, гдѣ нѣкоторое время жилъ въ качествѣ проповѣдника. Однажды, такъ гласила молва, говорилъ онъ проповѣдь въ тамошнемъ соборѣ. Вдругъ входитъ въ церковь княгиня Бентиволіо, жена тогдашняго тирана болонскаго, пышная дама, разодѣтая въ пухъ и прахъ, окруженная толпой блестящихъ кавалеровъ. Шумъ, давка, никто не слушаетъ проповѣдника, вниманіе всѣхъ привлечено вошедшими. Савонаролѣ досадно было прервать свою рѣчь, въ ожиданіи пока все успокоится, но онъ смолчалъ. Въ слѣдующее воскресенье сцена повторилась еще съ большимъ скандаломъ и, на этотъ разъ, Савонарола сухо и твердо попросилъ княгиню не мѣшать ему болѣе. Когда же, въ третій разъ, Бентиволіо явилась съ такимъ-же нахальствомъ и съ явнымъ намѣреніемъ досадить ему, онъ вышелъ изъ себя и публично, съ церковной каѳедры, назвалъ ее чортомъ, смущающимъ благочестіе вѣрныхъ. Услышавъ эти слова, гордая и вспыльчивая женщина велѣла окружавшимъ ее рыцарямъ тутъ-же убить дерзкаго монаха. Тѣ бросились было къ амвону, но не могли подняться и на первую ступень его: невидимая сила приковала ихъ на мѣстѣ. Между тѣмъ, Савонарола спокойно сошелъ съ каѳедры и благополучно воротился домой. Спустя нѣкоторое время, Бентиволіо снарядила бандитовъ зарѣзать его во чтобы ни стало; но убійцы, проникши къ нему въ келью, могли только броситься къ ногамъ святого и просить у него благословенія. Да и теперь, когда онъ шелъ пѣшкомъ изъ Болоньи, съ нимъ тоже случилось чудо.

Невѣдомый странникъ присталъ къ нему на дорогѣ, холилъ и покоилъ его весь путь до самой Флоренціи, и, проводивъ до городскихъ воротъ, внезапно исчезъ.... Говорили также о его учености, о его святой жизни и чудесныхъ цѣленіяхъ, которыя онъ творилъ, о его долгихъ странствованіяхъ по Италіи; но связно о его прошедшемъ не умѣлъ разсказать никто.

Кто же такой былъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ загадочный человѣкъ, привлекавшій теперь вниманіе суетныхъ, легкомысленныхъ флорентійцевъ? Исторія и теперь еще, собравши всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о Савонаролѣ, только приблизительно можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Джироламо Савонарола былъ родомъ изъ Феррары и въ молодости учился медицинѣ, но, по-видимому, любви къ ней не имѣлъ. Съ его созерцательнымъ направленіемъ и съ природнымъ складомъ его ума болѣе гармонировали богословскія науки и философскія умозрѣнія. Весьма рано сдѣлался онъ отвлеченнымъ мыслителемъ и кабинетнымъ ученымъ, избѣгалъ общества, чуждался женщинъ, хотя и не помышлялъ еще тогда объ отшельнической жизни. Любимымъ чтеніемъ его былъ Аристотель и великіе авторитеты схоластическаго богословія, особенно Ѳома аквинатскій, „ангельскій учитель“, doctor angelicus, какъ его называли въ средніе вѣка. Неизвѣстно, какой случай, или какое вліяніе заставили его поступить въ монастырь. Изъ письма его къ родителямъ, отъ которыхъ онъ ушелъ тайно, видно, что его побудило къ тому глубокое негодованіе на неправду и нравственное растлѣніе людей, или, какъ онъ выражается, „народовъ Италіи“. „Я не могъ переносить, — говоритъ онъ, — жизни общества, гдѣ добродѣтель въ презрѣніи, а порокъ въ почетѣ. Это было для меня величайшимъ страданіемъ, — и я молилъ Бога указать мнѣ путь. Въ своемъ милосердіи, онъ указалъ мнѣ его“. За-тѣмъ, сухими діалектическими пріемами старается онъ доказать отцу, какъ неразумно было бы сокрушаться о немъ. Онъ начинаетъ дилеммой: „или вы меня любите, или не любите. Но вы, я знаю, не скажете, что вы меня не любите. Если же вы меня любите, то, спрашивается, какую часть меня любите вы, душу или тѣло? Но вы не можете любить мое тѣло, ибо это значило бы любить во мнѣ худшее. Стало быть, вы любите мою душу. Если же вы ее любите, то вы не можете не радоваться ея спасенію, не можете не радоваться тому, что сынъ вашъ сталъ, хотя и недостойнымъ, ратникомъ Господа“. Странно

звучитъ эта схоластическая аргументація въ прощальномъ письмѣ сына къ отцу. Она показываетъ какую-то абстрактную натуру, мало способную къ личной привязанности. Или, можетъ быть, схоластика и Ѳома аквинатскій изсушили его юное сердце? Была, впрочемъ, черта, искупавшая ту суровую сухость, которая придаетъ всей исторической фигурѣ Савонаролы сумрачный и мало симпатическій характеръ. Савонарола любилъ читать св. писаніе, евангеліе и особенно пророковъ. Ихъ вѣщимъ духомъ и ихъ горячимъ патріотизмомъ напитался онъ съ юности, согрѣвъ зачерствѣлое чувство вдохновеніемъ священной, всечеловѣческой правды. Ученость его была не глубока, по-крайней-мѣрѣ, суха и тяжеловѣсна: это доказываютъ оставленныя имъ сочиненія, догматическій трактатъ — „Торжество креста“ и другія; но библію, ветхаго и новаго завѣта, зналъ онъ почти на-память, почерпая въ ней нравственное освѣженіе и душевное равновѣсіе каждый разъ, когда его увлекали самолюбіе, нетерпимость и страстность порывистаго южнаго темперамента.

Савонарола не въ первый разъ явился теперь во Флоренціи. Онъ уже былъ здѣсь четыре года назадъ, но остался тогда совершенно незамѣченнымъ. Въ монастырѣ Санъ-Марко преподавалъ онъ метафизику и натуральную философію для новиціатовъ, и преподавалъ хорошо; но, какъ проповѣдникъ, не имѣлъ никакого успѣха. Это былъ хилый, болѣзненный человѣкъ, съ слабою грудью, слабымъ голосомъ, съ тяжелою жестикуляціей и напыщенною рѣчью. Великопостныя проповѣди его кончились почти совершеннымъ фіаско. Онъ исчезъ изъ города и цѣлые четыре года скитался по Ломбардіи. Время это — самое темное въ его жизни. Какія вліянія, какіе опыты укрѣпили и сформировали окончательно эту отнынѣ желѣзную натуру, мы не знаемъ. Когда онъ снова появился во Флоренціи, это былъ уже иной человѣкъ. Громадные, строго обдуманные планы уже сложились въ его головѣ, глубокое убѣжденіе запало въ душу и сообщило всему существу его и всѣмъ дѣйствіямъ цѣльность и строгую послѣдовательность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно иначе зазвучалъ теперь его голосъ и иная послышалась рѣчь. Прямо отъ сердца стали выходить горячія, прочувствованныя слова, проникнутыя авторитетомъ. Съ этого времени начинается изумительная семилѣтняя борьба его съ Флоренціей, оканчивающаяся полнымъ торжествомъ этого неизвѣстнаго пришлеца-монаха надъ гордымъ, сильнымъ, богатымъ и утонченнымъ обществомъ. Въ выс-

шей степени интересно слѣдить за ходомъ этой борьбы и видѣть, какъ цѣлая драма развивается предъ глазами зрителя, какъ сначала спокойное, разсчитанное, отчасти хитрое поведеніе Савонаролы, мало-по-малу, подъ вліяніемъ раздраженной препятствіями страсти, доходитъ до крайностей, до безумнаго самообольщенія, запутывается въ безвыходныхъ столкновеніяхъ и оканчивается катастрофой.

Джироламо поселился въ знакомомъ ему Санъ-Марко. Тихо и скромно пріютился онъ между братіей, принялъ по-прежнему должность лектора философіи и сталъ изрѣдка проповѣдывать. Между тѣмъ онъ оглядывался кругомъ и обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій. Глубоко оскорбленный упадкомъ вѣры и нравственности въ своихъ современникахъ, онъ давно уже замыслилъ моральное преобразованіе духовенства, а чрезъ духовенство — и всего общества. „О, еслибы знали все, что я знаю! — восклицалъ онъ съ горестію предъ своими слушателями, — какъ страшно, какъ отвратительно, — вы содрогнулись бы. Взгляните на этого аббата, въ завитыхъ и раздушенныхъ кудряхъ, войдите къ нему въ домъ: столы ломятся отъ золота и серебра, собаки, мулы, многочисленная прислуга, драгоцѣнныя вещи и ткани, ненасытная жадность денегъ. За нихъ продаетъ онъ благословенія и таинства, изъ-за нихъ только посѣщаетъ церковь, чтобы получить тамъ часть при раздѣлѣ пребенды. Цѣлый день болтаетъ онъ съ женщинами, и все время проводитъ въ сплетняхъ. Сколько разъ видѣли переодѣтыхъ мальчиками женщинъ въ монастыряхъ, часто прислуживающихъ даже у обѣдни. Но вѣдь все это только тысячная часть истины!“. Дѣйствительно, упадокъ духовенства передъ реформаціей слишкомъ извѣстенъ. До насъ дошли папскіе декреты того времени, запрещавшіе духовнымъ посѣщать трактиры, игорные дома и притоны разврата. Наконецъ, на самомъ престолѣ св. Петра возсѣлъ Александръ VI, это соединеніе всѣхъ, даже самыхъ противоположныхъ пороковъ, какъ его характеризуетъ ученый Манси. Кто не знаетъ этой позорной фигуры въ исторіи папства, этого Геліогабала римской куріи! Глубочайшая нравственная испорченность и холодный цинизмъ преступленій нашли въ немъ свое полное выраженіе. Легко понять, какъ отразилось подобное зрѣлище въ душѣ суроваго аскета въ Санъ-Марко. Оно не только возмущало его совѣсть, но болѣзненно раздражало его все болѣе и болѣе и влекло на борьбу со зломъ. Но затѣять борьбу съ цѣлымъ обществомъ, одному, безъ значенія, безъ приверженцевъ, было немыслимо. Савонарола рѣшился сначала опе-

реться на своихъ монастырскихъ собратій. Обитель Санъ-Марко была одною изъ наименѣе испорченныхъ и нѣкогда славилась даже святою жизнію своихъ иноковъ. Стоило явиться человѣку, проникнутому духомъ искренняго благочестія, и наносная ржавчина легко могла уступить неотразимой силѣ искренности и глубокаго убѣжденія. Савонарола достигъ своей цѣли. Въ короткое время братія совершенно подчинилась его вліянію и избрала его своимъ пріоромъ. Монастырь сдѣлался неузнаваемъ. Привольную, сибаритскую жизнь смѣнили строгія аскетическія упражненія. Настоятель, во всемъ подававшій примѣръ, безпрерывными духовными подвигами воспитывалъ монаховъ, какъ воинство, всегда готовое къ бою и, чтобы лишить ихъ возможности когда-нибудь возвратиться на прежній путь, продалъ все огромное монастырское имущество, раздавъ вырученное бѣднымъ. За-то репутація братства возвысилась, численность его возрасла, члены лучшихъ фамилій флорентійскихъ стали поступать въ него. И странно было видѣть этихъ гордыхъ и вольнодумныхъ Руччелаи, Кальвіатп, Альбицци, играющихъ въ монастырскомъ саду въ библейскія игры, — то выбирающихъ изъ среды себя депутатовъ къ Іисусу Христу съ порученіемъ говорить предъ нимъ рѣчи, то покланяющихся Пресвятой Дѣвѣ въ образѣ какого-нибудь молоденькаго юноши-клирика. И что подумать о человѣкѣ, который имѣлъ довольно моральнаго авторитета, чтобы внушить религіозное чувство людямъ, до тѣхъ поръ совершенно погрязшимъ въ матеріализмѣ!

Обезпечивъ себя въ монастырѣ, Савонарола рѣшился теперь попробовать свои силы въ задуманномъ преобразованіи общества. Но тутъ обыкновенной личной инициативы было недостаточно. Изучая людей и нравы общественные, Джироламо замѣтилъ, что вѣра не совсѣмъ еще угасла въ сердцахъ и была даже потребностью многихъ. Только общее направленіе вѣка, заглушивъ ее господствомъ чувственныхъ интересовъ, превратило ее въ суевѣріе. Онъ рѣшился воспользоваться этою преобладающею слабостью общества, и, чтобы дать большій вѣсъ и силу своимъ словамъ, выдалъ себя за пророка.

Мы употребили здѣсь очень смѣлое выраженіе — выдалъ себя за пророка. Что̀ такое было пророчество Савонаролы — вопросъ очень сложный и темный, и мы должны остановиться на немъ повнимательнѣе.

Уже между современниками Джироламо, въ этомъ отношеніи, господствовало полное разногласіе. Передовые люди эпохи, какъ Макіавелли и Гвичардини, считали его просто умнымъ шарлатаномъ.

Но много другихъ знаменитостей вѣка, какъ напримѣръ, Пико-делла-Мирандола, извѣстный переводчикъ Платона Марсиліо Фичино, филологъ Полиціано и французскій мемуаристъ Филиппъ де-Коминъ, смотрѣли на него, какъ на необыкновеннаго человѣка, были его поклонниками и друзьями. Новые ученые наслѣдовали такія разнорѣчивыя мнѣнія. Трудъ Перрана представляетъ собою попытку примирить эти разнорѣчія. Сущность его изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ.

Савонарола, подобно Жаннѣ д-Аркъ, развилъ въ себѣ способность видѣній. Монастырская жизнь, постоянное одиночество, созерцательный складъ ума и пылкая фантазія, мало-по-малу, привели его въ состояніе, гдѣ онъ свои фантазмы могъ представлять себѣ, какъ нѣчто дѣйствительно существующее, внѣ его находящееся; а большая начитанность библіи постоянное сосредоточеніе мыслей на всеобщемъ растлѣніи нравовъ и на судьбѣ Италіи сообщили его видѣніямъ религіозно-патріотическій характеръ. Подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ образовъ и воспоминаній, онъ воображалъ себя Аммосомъ, Іоною, Іезекіилемъ, однимъ словомъ — пророкомъ, посланнымъ въ міръ возвѣстить кару божію развратившимся людямъ и гордымъ ихъ повелителямъ. Но, какъ человѣкъ мыслящій, онъ не легко поддался своему обаянію и, по-видимому, долго боролся съ нимъ, самъ не зная, что думать о своемъ странномъ состояніи. По-крайней-мѣрѣ первые шаги его на поприщѣ предсказаній отличаются величайшею осторожностію, да и впослѣдствіи, до послѣднихъ дней его жизни, въ немъ проглядываютъ какое-то сдержанное сомнѣніе и недовѣрчивость, и только по-временамъ, увлеченный страстью или раззадоренный врагами, всецѣло и неоглядно предается онъ порывамъ своего эксцентрическаго вдохновенія.

Такъ, мысль о карѣ божіей, кромѣ своего библейскаго источника, даже и въ тогдашнемъ обществѣ была далеко не нова. Ее высказывали уже св. Бернардъ и св. Винцентій, хотя въ выраженіяхъ весьма неопредѣленныхъ. Савонарола овладѣлъ этимъ могущественнымъ средствомъ вліянія. Онъ рѣшился возвѣстить близящееся наказаніе людямъ за ихъ грѣхи. Но можно почти положительно сказать, что сначала это былъ только обдуманный разсчетъ съ его стороны. Это замѣтно по той осторожности, съ какою онъ пустилъ въ ходъ свое предсказаніе. Еще въ Брешіи, за пять лѣтъ до того, пробовалъ онъ погрозить грядущею карой, но попытка не произвела впечатлѣнія на слушателей и прошла незамѣченною. Видя,

что простое убѣжденіе не производитъ дѣйствія, онъ почувствовалъ потребность дать проповѣди иное происхожденіе и облечь свое предсказаніе высшимъ авторитетомъ. Нѣкоторое время спустя, въ другомъ мѣстѣ, онъ высказался уже смѣлѣе, ссылаясь на откровеніе свыше. На слова его обратили больше вниманія. Наконецъ, во Флоренціи, приготовивъ достаточно умы разными аллегоріями св. писанія, онъ прямо сказалъ, что гнѣвъ небесный близокъ, что преобразованіе падшей церкви стоитъ на порогѣ, и что его устами говоритъ самъ Богъ. Тутъ-же сталъ онъ, въ первый разъ, ссылаться на свои видѣнія, но въ выраженіяхъ еще весьма неопредѣленныхъ. Мы сейчасъ увидимъ, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ эти робкіе начальные шаги перешли у него въ необузданное влеченіе и самоувѣренность.

Въ 1492 году, два самые вліятельные дѣятеля тогдашняго итальянскаго міра сошли со сцены. Умеръ Лоренцо Великолѣпный и за нимъ — папа Иннокентій VIII. Мѣста ихъ заняли: во Флоренціи — Піетро Медичи, въ Римѣ — Александръ VI. Положеніе вещей быстро измѣнилось къ худшему. Легкомысленный, заносчивый и тщеславный Піетро такъ-же мало походилъ на отца, какъ Александръ на своего благодушнаго предшественника. Одинъ сталъ оскорблять память древней свободы и патріотизмъ флорентійцевъ своимъ наглымъ деспотизмомъ и своекорыстіемъ, другой скандализировалъ христіанскій міръ своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Времена помрачились, и негодованіе Савонаролы противъ всеобщаго разврата и раболѣпства получило новое оправданіе. Сильнѣе прежняго началъ гремѣть онъ теперь противъ зла, смѣло указывая на Римъ, какъ на источникъ всякой скверны. Здѣсь — начало столкновеній его съ флорентійскимъ правительствомъ и куріей. Исторія столкновеній этихъ интересна потому, что она рисуетъ личный характеръ Савонаролы, эту странную смѣсь возвышеннаго самоотреченія и мелкой игры самолюбія.

Савонарола не любитъ Лоренцо, и когда сдѣлался пріоромъ Санъ-Марко, не пошелъ къ нему на-поклонъ, какъ того требовалъ обычай, сказавъ, что возвышеніемъ своимъ обязанъ одному Богу, и его одного долженъ благодарить. „Чужой монахъ поселился въ моемъ домѣ и отказывается навѣстить меня!“, говорятъ, замѣтилъ оскорбленный князь. Но, какъ человѣкъ очень тонкій, онъ ничѣмъ далѣе не обнаружилъ своего неудовольствія, напротивъ, сталъ даже заискивать въ пріорѣ, посылая ему подарки и вклады для обители. Савонарола принималъ все, и все раздавалъ бѣднымъ, но

держалъ себя попрежнему и чуждался двора. За-то, въ послѣдній часъ свой, Лоренцо пожелалъ непремѣнно видѣть Савонаролу, какъ единственное духовное лицо, достойное его напутствовать.

Послѣ того, главою государства является Піетро, не имѣвшій и сотой доли заслугъ и достоинствъ отца. И однакожъ мы видимъ, что отношенія къ нему Савонаролы гораздо мягче и снисходительнѣе. Своенравный правитель разъ даже запретилъ ему проповѣдывать и выслалъ изъ города, но потомъ возвратилъ,—и во время революціи, низвергшей фамилію Медичи, Савонарола почти защищалъ Піетро.

Другой характеръ имѣли отношенія его къ Риму. Александръ VI очень хорошо зналъ, что говорили про него и про курію; но, весь поглощенный политическими интригами и планами территоріальныхъ пріобрѣтеній для своей фамиліи, онъ съ загрубѣлымъ цинизмомъ смотрѣлъ на всесвѣтный скандалъ римской церкви. Поэтому онъ обращалъ мало вниманія на обличительныя рѣчи какого-то доминиканскаго монаха во Флоренціи. Но, когда ему стали шептать, что дѣло можетъ принять неблагопріятный характеръ, то, слѣдуя обыкновеннымъ правиламъ Борджія, онъ попробовалъ заискать опаснаго человѣка. Савонаролѣ предложили флорентійское архіепископство и кардинальскую шапку. Вмѣсто отвѣта, пріоръ св. Марка пригласилъ на другой день папскихъ агентовъ въ церковь и произнесъ тамъ проповѣдь, въ которой самыми яркими красками изобразилъ нравственное безобразіе высшаго духовенства и папы. „Мученическій вѣнецъ, — пророчески сказалъ онъ въ заключеніе,— обагренный моею собственною кровью — вотъ будетъ моя красная шапка!“. Съ тѣмъ агенты и уѣхали. „Да, это святой человѣкъ,— воскликнулъ съ какимъ-то страхомъ Александръ, не привыкшій встрѣчать въ людяхъ столько безкорыстія и нравственнаго мужества, — прошу впередъ никогда не говорить мнѣ о немъ дурно!“.

Съ этого времени Джироламо на-долго оставили въ покоѣ, и онъ могъ на свободѣ развивать и преслѣдовать свои планы.

Мы уже видѣли, какъ Савонарола началъ свои преобразованія съ монастырской жизни Санъ-Марко. Сдѣлавшись провинціаломъ доминиканскихъ монастырей въ Тосканѣ, онъ распространилъ реформу и на духовенство всего края. Съ этою цѣлью онъ нѣсколько разъ объѣзжалъ страну, и своимъ личнымъ вліяніемъ достигъ того, что большинство пристало къ его конгрегаціи. Значительная сила очутилась теперь въ его рукахъ. Посредствомъ ея онъ могъ на-

чать дѣйствовать и на общество. Главнымъ орудіемъ его въ этомъ предпріятіи была проповѣдь.

До насъ дошло значительное число проповѣдей Савонаролы, записанныхъ современниками. Слава его, какъ проповѣдника, не ограничивалась Италіей; его знаменитыя великопостныя проповѣди на Амоса были когда-то извѣстны даже во Франціи и Германіи. Самъ султанъ Баязидъ, по преданію, читалъ ихъ и велѣлъ будто бы перевесть на турецкій языкъ. Перранъ приводитъ отрывки изъ этихъ проповѣдей, но по нимъ трудно составить понятіе объ ораторскомъ талантѣ Джироламо и объяснить то потрясающее впечатлѣніе, которое онѣ производили на слушателей; при чтеніи, онѣ поражаютъ только своею оригинальною формой и напыщеннымъ тономъ. Все дѣйствительное обаяніе ихъ заключалось въ увлекательной устной импровизаціи и въ живомъ, современномъ интересѣ ихъ содержанія. Савонарола говорилъ въ нихъ обо всемъ: о вѣрѣ и нравственности, о политикѣ и государственныхъ дѣлахъ. Въ нихъ онъ защищался отъ враговъ, каралъ развратъ и неправду, давалъ народу отчеты въ возложенныхъ на него порученіяхъ. Обыкновенно онъ избиралъ какой-нибудь библейскій текстъ, и по поводу его лилась свободная, разнообразная рѣчь. Это былъ неукротимый потокъ святаго гнѣва и личнаго раздраженія, кроткая жалоба гонимаго христіанина, патріархальная, наставительная бесѣда отца со своими дѣтьми, горячая молитва тоскующей о правдѣ души. Проповѣдникъ плакалъ и смѣялся на каѳедрѣ, падалъ на колѣни, билъ себя въ грудь, грозилъ кулаками, и все это — съ самою непритворною искренностію, подъ вліяніемъ увлеченія минуты. Вся Флоренція, мущины, женщины и дѣти, стекались слушать его, жадно слѣдя за каждымъ его движеніемъ и словомъ, и огромный соборъ Santa Reparata не могъ вмѣщать безчисленную публику, такъ-что принуждены были выстроить эстрады въ нѣсколько этажей, для того чтобы выиграть мѣсто. Въ исторіи духовнаго краснорѣчія едва-ли много найдется примѣровъ такого блестящаго и продолжительнаго успѣха. Человѣкъ этотъ на цѣлыя семь лѣтъ оковалъ общество силою своего слова.

Одною изъ темъ этихъ проповѣдей, говоренныхъ тономъ пророка, было приближеніе кары божіей на Италію и Флоренцію. За пять лѣтъ, говорятъ, предсказалъ онъ походъ Карла VIII за Альпы, выставивъ этого короля-авантюриста орудіемъ небеснаго гнѣва. Но, зная хотя немного исторію Италіи, со временъ Бренна и Ан-

нибала бывшей предметомъ хищности иноземцевъ, нетрудно было мыслящему человѣку предвидѣть, что тотъ или другой заальпійскій завоеватель захочетъ воспользоваться беззащитнымъ положеніемъ раздробленной страны. Въ то время, одна только Франція, по своимъ внутреннимъ отношеніямъ, могла отважиться на такое дѣло. Притомъ-же, Карлъ вовсе не скрывалъ своихъ намѣреній, дѣлалъ военныя приготовленія и громко говорилъ, что пойдетъ искать въ Неаполѣ наслѣдства, завѣщаннаго ему королевой Іоанной. Такъ-же точно и другія пророчества Джироламо, — какъ предсказаніе кончины дряхлаго и больного Иннокентія VIII и Лоренцо, уже въ то время одержимаго неизлѣчимымъ недугомъ, не представляютъ ничего необыкновеннаго. За-то случалось ему подъ-часъ пророчествовать и неудачно. Вѣчное процвѣтаніе флорентійской свободы и обращеніе турокъ въ христіанскую вѣру оказались химерами.

„Покайтеся! восклицалъ проповѣдникъ, — я видѣлъ мечъ господень надъ Флоренціей и Италіей. Возсталъ мужъ кары за Альпами!“. Дѣйствительно, весной 1494 года, армія Карла VIII спустилась въ долины Піемонта. Король, извѣщенный о тайномъ союзѣ Піетро съ Арагоніей и Неаполемъ, направилъ походъ на Флоренцію. Негодованіе противъ своекорыстной политики Медичи вспыхнуло въ городѣ. Приверженцы его должны были удалиться въ изгнаніе, а самъ Піетро выѣхать на встрѣчу французамъ во главѣ умилостивительнаго посольства. Но тутъ властолюбецъ этотъ, изъ личныхъ интересовъ, согласился на такія унизительныя и тяжкія уступки, что сограждане выгнали его изъ города. Съ Карломъ же заключенъ новый трактатъ, выплачена значительная контрибуція и уступлены пограничныя тосканскія крѣпости.

По удаленіи французовъ, Флоренція очутилась, наконецъ, свободною. Граждане сами могли организовать свое общественное устройство. Но долгая неволя отучила ихъ отъ самоуправленія, а снова поднявшіяся партіи готовы были броситься на ножи. Савонарола спасъ республику отъ страшнаго кровопролитія и анархіи. Такъ великъ уже былъ въ то время авторитетъ и вліяніе этого человѣка, что народъ принялъ предложенную имъ форму правленія.

Политическія симпатіи Савонаролы стремились къ монархіи, какъ государственной формѣ, наиболѣе приближающейся къ божественному міроправленію. Но, не надѣясь найдти мужа, достойнаго быть намѣстникомъ Бога на землѣ, онъ предпочелъ теократическую демократію. Верховнымъ правителемъ республики провозглашенъ былъ

Іисусъ Христосъ. Савонарола взялся быть истолкователемъ его воли. Управленіе дѣлами сосредоточивалось въ синьйоріи или сенатѣ, и народномъ вѣчѣ, состоявшемъ изъ трехъ тысячъ избраннѣйшихъ гражданъ. Высшія должности замѣщались по выбору, низшія — по жребію.

Неслыханная власть очутилась, такимъ образомъ, въ рукахъ этого пришлеца-монаха. Но перемѣна общественнаго устройства, въ глазахъ Савонаролы, была не цѣлію, а только средствомъ къ другому, болѣе глубокому, нравственному преобразованію, которое онъ замыслилъ. И на нѣкоторое время, по-крайней-мѣрѣ, ему удалось достигнуть и въ этомъ отношеніи изумительныхъ результатовъ — Флоренція сдѣлалась неузнаваема. Женщины отказались отъ своихъ нескромныхъ костюмовъ; въ праздничные дни, и во время проповѣди, закрывались лавки; исчезли танцы и шумныя удовольствія, публичныя увеселенія прекращались въ шесть часовъ вечера. Городъ превратился въ суровый монастырь, въ школу, управляемую строгимъ учителемъ. Вошло въ моду безбрачіе. Случалось, даже новобрачные налагали на себя обѣты цѣломудрія. Самыя развлеченія приняли религіозный характеръ. Семейства, или цѣлыя общества отправлялись за городъ и проводили тамъ время въ пѣніи священныхъ гимновъ, или же забавлялись игрой въ младенца-Іисуса. Половина года проходила въ постахъ, половина дня — въ молитвахъ. Мясники раззорились, ювелиры и галантерейные мастера обанкротились. Только Женева, во времена Кальвина, могла представлять нѣчто подобное.

Разумѣется, что такая рѣзкая перемѣна не могла не вызвать противодѣйствія. Нашлось не мало грѣшниковъ, упорствовавшихъ въ старинѣ. Образовалась партія противъ Савонаролы и стала извѣстна подъ именемъ „campagnacci“. Противниковъ своихъ въ насмѣшку она назвала „piagnoni“ — плаксивыми. Но піанони имѣли перевѣсъ въ городѣ, располагали синьйоріей, вѣчемъ и магистратурой. Опираясь на нее, Савонарола успѣлъ провести множество строгихъ декретовъ противъ игроковъ, ростовщиковъ, развратниковъ. Но зло оказалось неискоренимымъ; насильственное исправленіе не привело къ цѣли. Сами чиновники, органы общественной власти, часто подавали дурной примѣръ, еще чаще потворствовали испорченности.

Тогда увлеченному монаху приходить въ голову странная мысль окончательно преобразовать общество посредствомъ дѣтей. Съ этою

цѣлью онъ началъ на свой ладъ воспитывать юное поколѣніе. При тогдашнемъ огромномъ народонаселеніи, въ городѣ считалось до десяти тысячъ учащихся дѣтей и юношей. Савонарола обратилъ на нихъ особенное вниманіе. Для нихъ были устроены отдѣльныя эстрады въ церкви, гдѣ онъ проповѣдывалъ; съ каѳедры онъ обращался къ нимъ съ поученіями и воззваніями, какъ къ единственной надеждѣ отечества. Совѣтами, ласками и польщеннымъ самолюбіемъ онъ успѣлъ совершенно привлечь ихъ на свою сторону. Подъ руководствомъ фанатика-учителя, дѣти составили священный легіонъ для борьбы съ порокомъ и стариной. Особые чиновники, подъ именемъ люстраторовъ, корректоровъ и инквизиторовъ, выбраны были изъ нихъ, съ порученіемъ — наблюдать за нравами старшихъ гражданъ. Легко понять, сколько скандала, раздоровъ и злоупотребленій возбудила эта безумная мѣра. Маленькіе тираны вторгались въ дома, шпіонили, разглашали семейныя тайны, конфисковали принадлежности роскоши и комфорта, — карты, игорныя кости, музыкальные инструменты, маски, эссенціи, сочиненія языческихъ поэтовъ и другіе запрещенные новымъ порядкомъ предметы. Жены извѣщали тайно о секретахъ мужей своихъ; слуги доносили на господъ и получали за то награду отъ правительства. Крики негодованія и ужаса послышались въ обществѣ. Но Савонарола, съ какою-то якобинскою яростію и ослѣпленіемъ, шелъ впередъ. На первой недѣлѣ великаго поста, на площади передъ Санъ-Марко, устроено было ауто-да-фе съ самою торжественною обстановкой. На огромный костеръ свалили монахи все имущество, конфискованное дѣтьми, и сожгли, при пѣніи псалмовъ. Картины и статуи лучшихъ художниковъ, произведенія древнихъ и національныхъ поэтовъ, множество цѣнныхъ вещей погибли въ пламени, между тѣмъ какъ доминиканцы и піанони, старцы и дѣти, взявшись за руки и составивъ три концентрическіе круга, плясали на площади при пѣніи церковныхъ гимновъ.

Этотъ фанатизмъ, эти священныя вакханаліи сильно уронили значеніе и кредитъ Савонаролы. Многіе изъ его приверженцевъ даже отъ него отшатнулись. Враги нашли новую пищу скандалу и обвиненіямъ. Они вошли въ сношенія съ Людовикомъ Моро, неблагопріятно смотрѣвшимъ на флорентійскую демократію, интриговали у папы, стараясь побѣдить его обычное равнодушіе къ церковнымъ дѣламъ; въ самой синьйоріи, наконецъ, появились люди, враждебные проповѣднику. По требованію ихъ, Александръ VI ве-

лѣлъ ему выѣхать изъ Флоренціи. Но за Савонаролу стояла демократія, бѣдные классы, интересы которыхъ онъ постоянно поддерживалъ. Прощальная проповѣдь патера произвела такое волненіе въ народѣ, что само правительство должно было просить папу оставить его въ городѣ, какъ единственнаго человѣка, который своимъ вліяніемъ могъ обуздать анархію. Тогда враги Савонаролы выставили ему противника въ другомъ проповѣдникѣ. Между двумя монахами завязался диспутъ, кончившійся побѣдой Савонаролы. Смѣлѣе прежняго сталъ онъ теперь говорить о Римѣ и высшемъ духовенствѣ. Тогда курія грозно подняла голосъ противъ дерзкаго обличителя. Папа звалъ Савонаролу къ отвѣту въ Римъ; ему запрещалась проповѣдь, подъ страхомъ интердикта для цѣлой Флоренціи. Савонарола, однако, подъ разными предлогами, не поѣхалъ, извинился почтительно, и на цѣлые два мѣсяца долженъ былъ замолчать. Но онъ уже слишкомъ привыкъ къ своей тревожной дѣятельности, къ шумной карьерѣ проповѣдника-демагога. „Я не могу жить, не проповѣдуя“, жаловался онъ часто, — и снова явился на каѳедрѣ.

Но тутъ уже раздраженіе овладѣло имъ совершенно. Рѣчи его наполнились туманнымъ экстазомъ, ссылками на видѣнія, приняли торжественный, пророческій тонъ. „О, Флоренція! восклицалъ онъ, — я не могу открыть тебѣ всего, что ощущаетъ душа моя, ибо въ настоящую минуту ты еще не приготовлена меня выслушать. О, еслибъ я могъ сказать тебѣ все; ты увидѣла бы, что я подобенъ плотно замкнутому сосуду, въ которомъ вино бродитъ и бродитъ, не находя себѣ выхода! Я ношу въ себѣ много тайнъ, которыя твое невѣріе не позволяетъ открыть. О, Флоренція! ты мнѣ не вѣрила до-нынѣ, повѣрь же хоть теперь. Не смотри, что я бѣдный монахъ, бѣдный грѣшникъ. Не я, а Богъ, моими устами, открываетъ тебѣ новое и сокровенное. Слушай, Флоренція, о, слушай, что скажу я тебѣ, и что внушилъ мнѣ Богъ“. Тексты св. писанія перемѣшиваются у него съ собственными изреченіями, которымъ онъ придаетъ высшій авторитетъ. „Эту истину“, прибавляетъ онъ часто, „получилъ я въ недавнее время путемъ откровенія“. Знаменитое его изреченіе: „Се мечъ господень падетъ быстро и внезапно на землю“, — составляетъ главную тему многихъ его проповѣдей. Онъ зоветъ себя трубой божьяго суда и, наконецъ, прямо — пророкомъ. Проповѣдь его нерѣдко принимаетъ характеръ діалога съ самимъ собой. „Отчего, — спрашиваетъ онъ себя отъ

лица своихъ противниковъ, — ты слишкомъ жестоко трактуешь граждапъ?". И самъ-же отвѣчаетъ: „да, но лучше погубить одного, чѣмъ десятки тысячъ". Защищаясь отъ нападокъ враговъ, онъ восклицалъ: „они говорятъ, что мои откровенія — сны. Но въ такомъ случаѣ Аммосъ и Илія — сны. Обвиняютъ меня, что я мѣшаюсь въ политику, но и Моисей мѣшался въ политику. Говорятъ, что я выдалъ себя за пророка. Я этого не говорилъ, а еслибъ и сказалъ, почему они знаютъ, что я не пророкъ? Онъ, кричатъ они, проповѣдуетъ праздность, говоря, что молитва важнѣе труда. Но посмотрите, кто работаетъ, какъ не наши", и т. д. Въ порывѣ своего необузданнаго увлеченія онъ возвѣщалъ міру новую, страшную, близко-грядущую кару, какую-то общую революцію всѣхъ стихій, хаосъ, въ которомъ погибнетъ земля, люди и ангелы. Однажды онъ предложилъ своимъ врагамъ, чтобы доказать истину возвѣщеннаго имъ ученія, отправиться съ ними на кладбище и тамъ испытать — кто въ силахъ, онъ или враги его, воскресить мертваго. Піанони такъ были увѣрены въ могуществѣ своего учителя, что одинъ изъ нихъ серіезно просилъ воскресить его дядю. Въ другой разъ, онъ брался сдѣлать еще не менѣе сильный опытъ: взойдти съ дарами на высокую гору, въ сопровожденіи невѣрующихъ, и тамъ испросить у Бога молнію на того, кто говоритъ ложь.

Подобныя выходки нѣсколько разъ сходили ему съ рукъ, но за одну изъ нихъ онъ дорого поплатился.

Въ проповѣдяхъ своихъ Савонарола и его ученики часто изъявляли готовность, въ доказательство истины своихъ рѣчей, подвергнуться испытанію огнемъ. Одинъ францисканецъ, по имени фра-Франческо, вызывалъ смѣльчаковъ на подобное состязаніе. Духовный поединокъ этотъ, однако, не состоялся, потому что въ назначенный день Франческо скрылся изъ города. Доминиканцы торжествовали и преслѣдовали противниковъ насмѣшками. Но францисканцы, чтобъ избавиться отъ позора, нашли-таки между своими фанатика-монаха, тоже именемъ Франческо, который серіезно принялъ вызовъ, требуя, однако, чтобъ испытанію, вмѣстѣ съ нимъ, подвергся самъ Савонарола. Положеніе послѣдняго было крайне затруднительно. Однако онъ принялъ предложеніе, но назначилъ такія невыполнимыя условія, что согласіе равнялось отказу. Онъ требовалъ, чтобы при опытѣ присутствовали, кромѣ папскаго легата, послы всѣхъ христіанскихъ государей, и чтобы, въ случаѣ побѣды, ему дана была полная воля преобразовать церковь. Всѣ по-

няли, что это была уловка; но мысль такъ сильно заняла публику, что друзья и враги Савонаролы, каждый съ своими цѣлями, непремѣнно требовали чуда. Одинъ фанатикъ изъ друзей Джироламо, нѣкто Бенивіени, совершенно безъ вѣдома учителя, изъявилъ, наконецъ, желаніе идти вмѣсто него въ огонь. Савонарола былъ очень недоволенъ этимъ, но дѣлать было нечего. Съ большою неохотой и страхомъ, онъ далъ свое согласіе. Назначили день и мѣсто. На городской площади воздвигнутъ былъ костеръ въ сорокъ аршинъ длиной, съ узкимъ ходомъ посрединѣ, сквозь который въ пламени должны были пройдти состязующіеся. Построивъ эстрады для духовенства и властей, мѣсто окружили стражей. Весь городъ сбѣжался смотрѣть интересное зрѣлище. Кампаньяччи и піанони были въ оружіи. Савонарола въ тотъ день утромъ служилъ торжественную обѣдню въ Санъ-Марко; несмотря на папское отлученіе, подъ которымъ онъ тогда уже находился, онъ пріобщалъ, пріобщился самъ и сказалъ краткую рѣчь, въ которой объявилъ, что Богъ возвѣстилъ ему побѣду, если предстоящее испытаніе состоится; но состоится ли оно, это ему не открыто, хотя, по его человѣческимъ соображеніямъ, оно должно состояться. Это сомнѣніе, эта уклончивость, выраженныя за часъ до готовящагося событія, весьма замѣчательны. Они показываютъ, что Савонарола всѣми силами души своей не желалъ опыта, и видя предъ собой неизбѣжный роковой исходъ, все еще разсчитывалъ на какія-нибудь случайности, могущія остановить катастрофу.

Между тѣмъ на площади все было въ тревожномъ ожиданіи. Наконецъ, явились обѣ партіи и заняли мѣста. Не зажженный еще костеръ былъ у всѣхъ передъ глазами. Но тутъ начались между противниками длинные переговоры. Разсуждали сперва о томъ, дозволить или нѣтъ состязующимся идти въ огонь въ полномъ церковномъ облаченіи, какъ того требовали доминиканцы. Когда же этотъ пунктъ былъ улаженъ, францисканцы, тоже, какъ видно, всячески уклонявшіеся отъ опыта, воспротивились желанію Бенивіени взять съ собою деревянный крестъ. Савонарола, напротивъ, настаивалъ, чтобы представитель его имѣлъ право нести не только крестъ, но и причастіе. А время между тѣмъ шло да шло. Наступилъ полдень, небо заволокло тучами. Крики нетерпѣнія, угрозы и насмѣшки раздались въ толпѣ. Кампаньяччи бросились было къ трибунѣ Савонаролы, съ намѣреніемъ убить его; но піанони остановили ихъ натискъ. Наконецъ, полилъ страшный дождь, — и

синьйорія положила конецъ скандалу, приказавъ всѣмъ разойдтись по домамъ. Подъ прикрытіемъ городской стражи, но сопровождаемый насмѣшками и ругательствами народа, воротился Савонарола въ Санъ-Марко.

Это былъ ударъ, окончательно его погубившій. До сихъ поръ сила его держалась на сочувствіи и преданности демократіи. Но такое наглое поруганіе вѣры и чувства народа не могло пройдти даромъ для того, кто былъ виновникомъ скандала. Многіе піанони, предвидя печальный исходъ своего дѣла, оставили городъ, другіе отпали отъ учителя. Ряды защитниковъ Савонаролы стали рѣдѣть съ каждымъ днемъ. Теперь и Римъ, давно уже безсильно гремѣвшій противъ новатора, могъ наложить на него руку.

Ничто такъ не рисуетъ характера Савонаролы, какъ его отношенія къ Риму въ послѣднее время. Поразительны эти рѣзкіе переходы отъ самоувѣренности къ униженію, эта смѣсь раболѣпства съ заносчивостію. Въ натурѣ Савонаролы трусость соединялась съ экзальтаціей. Это была слабая, тщедушная организація, трудно переносившая боль. Онъ боялся, впрочемъ, не столько смерти, сколько страданій физическихъ. Когда, въ 1496 году, во Флоренціи появилась моровая язва, Савонарола скрывался въ стѣнахъ Санъ-Марко и не выходилъ къ больнымъ, не смотря на то, что нѣсколько разъ говорилъ окружающимъ, что болѣзнь его не тронетъ. Этимъ онъ также сильно подорвалъ свою популярность. Такъ и въ борьбѣ съ куріей часто обнаруживались его малодушіе и робость. Когда проходили порывы экзальтаціи, плотская немощь овладѣвала имъ, и въ такія минуты, изъ страха пытки и казни, онъ готовъ былъ на все, даже на низости. Такъ, когда по доносу какого-то фра-Маріано, папа отлучилъ его отъ церкви, онъ написалъ къ Александру VI самое унизительное оправданіе, въ которомъ, между прочимъ, не постыдился самъ обвинить Маріано въ дурныхъ отзывахъ о куріи и даже брался доказать это свидѣтелями. Вслѣдъ за-тѣмъ онъ писалъ къ папѣ очень трогательное письмо съ соболѣзнованіями о смерти любимѣйшаго сына его Джованни Борджія. И такимъ образомъ относился онъ къ человѣку, котораго, въ другое время, публично клеймилъ заслуженнымъ позоромъ. Положимъ, что католическія представленія о святости сана верховнаго главы церкви, слишкомъ въ него вкоренившіяся, заставляли его падать къ ногамъ даже Александра VI; однако трудно согласить эти дѣйствія съ тѣмъ увлеченіемъ карающаго гнѣва,

*

которое заставляло его восклицать съ каѳедры, по случаю отлучительной буллы: „я презираю римское проклятіе, если меня не отвергнетъ самъ Богъ. Какъ будто неизвѣстно, что въ Римѣ за три лиры можно отлучить отъ церкви кого угодно!“. Нельзя не согласиться, что человѣкъ, которому одинъ изъ совѣтниковъ Александра, кардиналъ Пикколомини, предлагалъ папское помилованіе за пять тысячъ скуди, имѣлъ полное право такъ выражаться о Римѣ. Но у Савонаролы все-таки не достало мужества публично и торжественно разорвать связи съ папствомъ, какъ это скоро послѣ того сдѣлалъ Лютеръ. Разъ только сдѣлалъ онъ такую попытку, но и то весьма нерѣшительную. Застигнутый безвыходнымъ положеніемъ, въ виду грозы, уже надъ нимъ собравшейся, онъ вздумалъ отправить циркулярное посланіе ко всѣмъ христіанскимъ монархамъ съ приглашеніемъ — созвать соборъ для суда и низложенія недостойнаго Александра VI. Но курьеръ, везшій эти прокламаціи за Альпы, былъ перехваченъ въ Миланѣ Людовикомъ Моро, а обличительные документы отправлены прямо къ папѣ. Съ этой минуты гибель Савонаролы была рѣшена. Въ Римѣ поговаривали даже о войнѣ съ Флоренціей, если ея правительство откажется выдать опаснаго возмутителя. Синьйорія уже нѣсколько разъ защищала Савонаролу и ходатайствовала за него у папскаго престола, потому что боялась народной революціи, и притомъ это былъ единственный человѣкъ, могшій сдерживать партіи и обуздывать анархію въ республикѣ. Когда же кредитъ его палъ, приверженцы частію поколебались и люди оппозиціи вступили въ управленіе дѣлами, новая синьйорія изъ кампаньяччи, ставшая во главѣ государства, поспѣшила тотчасъ-же принять энергическія мѣры противъ ненавистнаго теократа.

Въ теченіе двѣнадцати часовъ ему велѣно было выѣхать изъ города. Но выѣхать было невозможно. Подъ вліяніемъ яростныхъ возбужденій озлобленныхъ кампаньяччи, народъ возсталъ, разграбилъ нѣсколько богатыхъ піанонскихъ домовъ и, послѣ страшныхъ убійствъ, тамъ совершенныхъ, бросился штурмовать Санъ-Марко. Пріоръ въ это время совершалъ торжественную процессію внутри монастырскихъ стѣнъ, съ хоругвями, мощами и дарами. За-тѣмъ, вошедши въ церковь, въ полномъ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, онъ поникъ предъ алтаремъ на молитву. Вокругъ, на колѣняхъ, стояла братія съ факелами. Немногіе піанони собрались защищать учителя. Съ оружіемъ въ рукахъ приго-

товились они встрѣтить враговъ. Въ эту минуту вломились въ церковь кампаньяччи, и на храмовыхъ плитахъ завязался отчаянный, фантастическій бой. Нѣсколько монаховъ, подвязавъ къ факеламъ мечи, приняли участіе въ схваткѣ. Съ своимъ незримымъ оружіемъ, въ своихъ бѣлыхъ широкихъ рясахъ, съ блѣдными, исхудалыми лицами, освѣщенными краснымъ отблескомъ факеловъ, они казались какими-то ангелами-истребителями. Крики сражавшихся дико смѣшивались съ торжественными звуками гимновъ церковныхъ, которые колѣнопреклоненная братія, съ своимъ пріоромъ, пѣла предъ алтаремъ. Новая толпа кампаньяччи, приваливших изъ города, пораженная удивительнымъ зрѣлищемъ, говорятъ, пала на колѣни и съ паническимъ страхомъ воскликнула: „да здравствуетъ Іисусъ Христосъ, царь Флоренціи!“ Неизвѣстно, какъ долго боролись бы еще ожесточившіеся, если-бъ синьйорія не велѣла выдвинуть пушки противъ Санъ-Марко. Тогда Савонарола увидѣлъ необходимость сдаться. Помолившись и пріобщившись св. таинъ, онъ произнесъ трогательную прощальную рѣчь, въ которой возвѣстилъ свой конецъ, и увѣщевалъ братію твердо стоять на добромъ пути. „Я буду молиться за васъ, — сказалъ онъ въ заключеніе, — и счастливъ, что могу отдать жизнь за мое стадо“. Послѣ того онъ предался въ руки своихъ враговъ, и осыпаемый проклятіями и ругательствами черни, еще такъ недавно его боготворившей, отведенъ въ государственную тюрьму.

Папскіе комиссары нарочно были присланы изъ Рима по этому случаю, и по прибытіи ихъ, начался процессъ, или, правильнѣе, осужденіе Савонаролы, такъ-какъ едва-ли можно назвать процессомъ тѣ произвольныя формы, которымъ слѣдовали судьи. Рядъ насилій простирался такъ далеко, что былъ обнародованъ даже подложный обвинительный актъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, трудно теперь составить себѣ правильное понятіе, — какъ велъ себя Савонарола на судѣ и въ чемъ состояли его истинныя показанія. Какъ смотрѣлъ онъ на свое посланничество въ эти послѣднія минуты, это остается все-таки темнымъ. Можно только догадываться, что и здѣсь высказывался онъ объ этомъ нерѣшительно и сбивчиво, съ умысломъ облекая свои отвѣты въ туманный, иносказательный покровъ. Вообще, когда дѣло доходило до категорическаго заявленія — пророкъ ли онъ, у Савонаролы никогда не доставало мужества. Нѣсколько разъ онъ вовсе отрицалъ подобное призваніе, говоря, что никогда не называлъ

себя пророкомъ, а только выставлялъ себя какъ мужа, удостоеннаго непосредственныхъ откровеній свыше, что нисколько не противорѣчитъ ученію церкви. А между тѣмъ еще недавно онъ восклицалъ съ каѳедры: „я пророкъ, и моими устами вѣщаетъ самъ Богъ; это такъ-же вѣрно, какъ и то, что я здѣсь стою передъ вами!“. Нужно, однакожъ, замѣтить, что во время процесса, какъ и прежде въ оффиціальныхъ случаяхъ, онъ только отклонялъ отъ себя названіе пророка, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ понятіями католической церкви, по ученію которой пророчество должно сопровождаться и оправдывать себя чудесами; но онъ всегда твердо стоялъ за свои прямыя откровенія отъ Бога, въ которыхъ, по-видимому, былъ совершенно увѣренъ. Конечно, мученія пытки, употребленной нѣсколько разъ при допросахъ, заставляли его отрекаться отъ всего и называть себя еретикомъ, богохульцемъ, діаволоодержимымъ и т. п. Но послѣ истязанія, онъ тотчасъ бралъ свои показанія назадъ, какъ исторгнутыя у него силою. Даже передъ самымъ совершеніемъ казни, когда костеръ уже пылалъ передъ его глазами, онъ не измѣнилъ себѣ, и когда папскій легатъ произнесъ надъ нимъ отлученіе отъ церкви воинствующей и торжествующей, онъ и тутъ еще имѣлъ довольно духа, чтобъ отвѣчать: „это не въ вашей власти!“. Съ укоризненными словами — „что ты дѣлаешь, о Флоренція!“ исчезъ онъ въ карающемъ пламени....

Преданіе разукрасило впослѣдствіи память Савонаролы многими баснословными чертами. Благочестивые біографы, почитатели его ученія и дѣяній, приписали ему столько чудесъ и подвиговъ, что фра-Джироламо выросъ въ легендѣ до размѣровъ св. Доминика и св. Франциска. Но исторически достовѣрно лишь то, что, въ главныхъ чертахъ, изложено выше.

Историки, какъ Берингеръ и Перранъ, видятъ въ Савонаролѣ церковнаго реформатора, въ глазахъ котораго политика служила только почвой для насажденія истинной христіанской морали; другіе, вмѣстѣ съ Виллари, смотрятъ на него, какъ на общественнаго преобразователя, пользовавшагося религіей, какъ средствомъ возстановить древнюю свободу Флоренціи. Но какъ бы ни смотрѣть на него, во всякомъ случаѣ нельзя не придти къ заключенію, что въ реформаторы онъ все-таки не годился. Онъ былъ человѣкомъ прошедшаго, а не будущаго. Всѣ симпатіи его — въ этомъ прошедшемъ. Предстоящее преобразованіе церкви онъ воображалъ себѣ не иначе, какъ въ духѣ стараго католицизма, со всѣми его

догматами и учрежденіями. Средневѣковыя формы его казались ему безусловно хорошими; стоило только возобновить въ нихъ духъ древняго благочестія и нравственности, — и къ этой цѣли направлены были исключительно его усилія. Враждуя съ Александромъ VI, онъ благоговѣлъ однако предъ идеей папской власти и, повременамъ, падалъ ницъ передъ человѣкомъ, котораго лично такъ глубоко презиралъ. Подобнымъ-же образомъ относился онъ и ко всему старому церковному порядку, полагая совершенно достаточнымъ ограничиться одною моральною реформой, но не понимая того, что такая реформа, въ предѣлахъ существовавшихъ тогда отношеній, была уже положительно невозможна. Рядъ прежнихъ опытовъ, казалось, долженъ былъ доказать это. Начиная съ великихъ соборовъ XV вѣка, благомыслящіе католики хлопотали постоянно о такомъ нравственномъ возрожденіи церкви; всѣ ихъ усилія не повели, однакожъ, ни къ чему, и католицизмъ падалъ все болѣе и болѣе....

Но уже не далеко было время, когда другой, болѣе геніальный христіанскій дѣятель, скорбя и негодуя о поруганіи и упадкѣ религіи, станетъ глубже и свободнѣе вникать въ причины всеобщаго зла, пока додумается до кореннаго источника порчи и цѣленія, заключеннаго въ самомъ ученіи католической церкви и соотвѣтственно сложившихся ея формахъ. Въ ту самую пору, когда Савонарола вводилъ во Флоренціи свои смѣлыя, но недолговѣчныя перемѣны, Лютеръ уже воспитывался въ Тюрингіи. Тогда это былъ еще бѣдный школьникъ, безъ пристанища бродившій по улицамъ и выпрашивавшій себѣ подаяніе пѣснями, но на немъ незримо лежалъ уже перстъ исторіи...

VIII.

ТОМАСЪ МЮНЦЕРЪ.

ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

ТОМАСЪ МЮНЦЕРЪ.

Великая крестьянская война.

На самомъ исходѣ первой четверти XVI вѣка, Германія была театромъ страшнаго общественнаго потрясенія. Оно извѣстно въ исторіи подъ именемъ „великой крестьянской войны". 1525-й годъ на-долго остался въ памяти народа. Это былъ самый сильный взрывъ крестьянскаго мятежа противъ свѣтскихъ и духовныхъ князей имперіи, охватившій всю страну отъ Швейцаріи до Голландіи и отъ Дуная до океана.

Неудовольствіе развивалось медленно и, въ теченіи столѣтій, зрѣло въ тиши, изрѣдка только обнаруживая себя, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, отдѣльными вспышками возстанія. Лига „бѣднаго Конрада" въ южной Германіи, „союзъ башмаковъ" въ областяхъ прирейнскихъ, революціонныя движенія земскаго населенія въ Швейцаріи и на Дунаѣ — были въ XV столѣтіи такого рода симптомами. Какъ глухіе раскаты подземнаго грома возвѣщаютъ близкое изверженіе волкана, такъ эти явленія могли быть знаменательными предостереженіями для нѣмецкихъ правительствъ, для высшихъ, владѣтельныхъ классовъ общества, еслибъ они поняли угрожающій смыслъ ихъ. Но они оставались слѣпы даже и тогда, когда уже почва колебалась подъ ихъ ногами. Легкомысленная безпечность привилегированныхъ сословій, на которую указываетъ Токвиль предъ началомъ французской революціи, еще въ большей, быть можетъ, степени поразительна здѣсь. На-канунѣ переворота, едва не опрокинувшаго весь стародавній порядокъ имперіи, сильные міра, казалось, вовсе не подозрѣвали опасности и съ каждымъ годомъ усиливали гнетъ тягостей, падавшихъ на бѣдный народъ.

Положеніе дворянства, въ это время, уже измѣнилось во многомъ противъ добрыхъ старыхъ временъ. Рыцарство потеряло прежнее значеніе въ военной службѣ. Камнеметальные пороховые снаряды — тогдашняя артиллерія, — и пѣхотное земское ополченіе, Landwehr, мало-по-малу, оттѣснили на задній планъ почти безполезную и дорого стоившую броненосную кавалерію среднихъ вѣковъ. Феды или частныя войны, гдѣ бы еще можно было найдти поле для дѣятельности и средства обогащенія, со времени учрежденія земскаго мира и имперскаго каммергерихта, становились все рѣже и рѣже въ Германіи. Въ гражданскихъ вѣдомствахъ малограмотныхъ и рѣдко учившихся дворянъ тоже неохотно принимали на службу. И тогда, какъ средства ихъ съуживались и истощались постепенно, требованія роскоши возрастали. Благородная дама носила платье въ десять и пятнадцать гульденовъ, тогда какъ десятина удобной земли стоила три. Одни крестьяне расплачивались за все. Ихъ заставляли работать вдвое, вдвое противъ прежняго платили они повинностей и во столько-же хуже стало обращеніе съ ними и усилился господскій произволъ. Территоріальный владѣлецъ нерѣдко имѣлъ право жизни и смерти надъ своимъ крѣпостнымъ. Ничтожнаго проступка довольно было для того, чтобы дать поводъ барону, подъ видомъ суда, удовлетворить давнему неудовольствію или просто капризу. Еще чаще дворянство прибѣгало къ выгодному наказанію провинившихся посредствомъ пожизненныхъ денежныхъ штрафовъ. И въ то время, какъ рыцарство и князья брали съ народа непомѣрныя суммы, духовенство съ своей стороны, подъ видомъ десятины, аннатъ, паллій, резервацій, диспенсацій и индульгенцій, выжимало изъ него и послѣдніе соки. Въ продажныхъ судахъ для бѣдняка не было защиты. Кто больше платилъ, тотъ былъ правъ, а платить могло одно дворянство. Къ тому же въ это время начало въ Германіи распространяться римское право съ его ученіемъ о всемогуществѣ верховной власти, о рабахъ и рабствѣ. Послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ, уцѣлѣвшіе еще коегдѣ, подъ разными предлогами, были приписаны къ владѣльческимъ землямъ и обращены въ крѣпостные.

Мѣра народнаго терпѣнія переполнилась. Можетъ быть не переполнилась бы она, потому что много и долго можетъ переносить неизбалованный жизнію простолюдинъ. Но тутъ подоспѣла реформація. Лютеровъ переводъ библіи началъ появляться съ двадцатыхъ годовъ. Въ первый разъ народъ сталъ читать слово божіе

на родномъ языкѣ и, сравнивая библейскіе образцы съ своей собственной жизнію, увидѣлъ, какъ далеко отклонилась она отъ христіанскаго идеала. Насъ когда-то учили, что крестьянская война была плодомъ ложнопонятаго ученія Лютера объ евангельской свободѣ и равенствѣ. Этому теперь никто не вѣритъ. Народъ очень хорошо и очень вѣрно понялъ, что если люди равны предъ Богомъ, то тѣмъ болѣе они должны быть равны предъ лицомъ человѣческаго закона. Самъ Лютеръ тоже отлично понималъ все это. Но изъ страха революціи, могшей ниспровергнуть общественный порядокъ, сталъ впослѣдствіи самъ съ собою въ противорѣчіе, доказывая необходимость и законность рабства. Но софизмами можно обмануть только софистовъ, а не здравый, натуральный народный смыслъ. Трудно было простого человѣка увѣрить, что Богъ освятилъ его неволю, когда каждый день говорили ему въ церквахъ о неисчерпаемой благости Создателя, любящаго всѣхъ равно, какъ дѣтей своихъ. Нашлись люди, которые растолковали ему это до очевидности. Долго затаенное чувство обиды и мщенія, столь естественное въ грубой натурѣ, наконецъ прорвалось и вышло наружу. Народъ сформулировалъ свои жалобы въ „двѣнадцати статьяхъ“, потребовалъ себѣ правды по закону божественному и, когда ему отказали въ ней, пошелъ брать ее силою.

Мы не хотимъ сказать этимъ, что чтеніе библіи было причиною крестьянской войны. Массы никогда не подымаются изъ-за однѣхъ идей, и книги, какія бы онѣ ни были, рѣдко производятъ революціи. Только тяжкая матеріальная нужда, голодъ, моръ, невыносимыя притѣсненія, словомъ, — экономическія условія и причины въ состояніи вызвать народный мятежъ. Такъ случилось и здѣсь. Евангелическая проповѣдь была только искрой, воспламенившею вѣками накопившійся горючій матеріалъ, тѣмъ внезапнымъ озареніемъ, которое уяснило народу его положеніе и дало основаніе его требованіямъ. Реформація же воспитала народу вождей, которые повели его въ бой противъ старыхъ угнетателей — князей, дворянства и іерархіи. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ, безспорно, былъ Томасъ Мюнцеръ.

Дѣятельность Мюнцера, какъ и вся исторія крестьянскаго мятежа, только въ послѣднее время болѣе правильнымъ образомъ оцѣнены въ наукѣ. Нѣмецкій ученый Циммерманъ издалъ весьма любопытное изслѣдованіе объ этой эпохѣ. Многіе годы посвятилъ составитель розысканію и тщательной разработкѣ матеріала, лично

посѣтилъ мѣста, бывшія театромъ войны, собралъ памятники въ архивахъ, преданія, уцѣлѣвшія въ народѣ, и успѣлъ представить соціальное движеніе XVI вѣка съ тою наглядною живостью, какая дается только писателю, непосредственно знакомому съ массою современныхъ свидѣтельствъ. На всю реформацію, наконецъ, на личность Лютера и его отношенія къ народному дѣлу пролито имъ много оригинальнаго свѣту. Крестьянской войнѣ, которая даже у лучшихъ нѣмецкихъ историковъ представлялась до сихъ поръ какимъ-то второстепеннымъ эпизодомъ реформаціи, онъ далъ болѣе обширное значеніе и первый посмотрѣлъ на нее, какъ на опытъ европейской революціи, бывшей сигналомъ всѣхъ послѣдующихъ соціальныхъ переворотовъ. Великое крестьянское возстаніе, на его взглядъ, явленіе — совершенно родственное революціямъ англійской и особенно французской. Въ ниспроверженіи средневѣковыхъ порядковъ и учрежденій оно имѣло съ ними общую цѣль и во многомъ руководилось однѣми и тѣми-же идеями. Поэтому и передовые люди германскаго движенія были, такъ-сказать, предтечами героевъ и вождей революцій во Франціи и Англіи. Какъ первый опытъ еще слишкомъ незрѣлаго общества, нѣмецкое демократическо-революціонное движеніе не имѣло конечно успѣха, и на самыхъ лицахъ, стоявшихъ во главѣ его, въ томъ числѣ и на Мюнцерѣ, лежитъ какая-то грустная тѣнь.

Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія, въ Германіи начиналось броженіе умовъ, бывшее предвѣстникомъ наступившей за-тѣмъ революціи, Мюнцеру было съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Великія событія, въ которыхъ онъ игралъ такую важную роль, застали его, слѣдовательно, человѣкомъ уже сформировавшимся и окрѣпшимъ. То былъ не увлекшійся юноша, какимъ представляетъ его Циммерманъ, стараясь тѣмъ извинить незрѣлость его идей и несбыточность стремленій, но вполнѣ сложившійся мужъ, съ полнымъ кругомъ развитыхъ убѣжденій и взглядовъ, которые едва-ли измѣнились бы много, еслибъ ему и суждено было прожить долѣе. Мюнцеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ неисправимыхъ энтузіастовъ, утопіи которыхъ мало отрезвляются годами, и которые почти невозможны въ нашъ расчетливый и положительный вѣкъ. Для нихъ нужна особенная нравственная атмосфера, какою были, напримѣръ, времена революціи въ прошломъ столѣтіи, и эпоха гуманизма и реформаціи въ XVI. Здѣсь философы создавали идеальное государство, тамъ теологи строили идеальную церковь.

Идеалы носились въ воздухѣ, и дыша ими каждый день, можно было всю жизнь оставаться зеленымъ, мечтательнымъ юношей. Къ тому-же, многое въ увлеченіяхъ Мюнцера объясняется его нервной, порывистой, страстной и нѣсколько женственной организаціей... Но мы не будемъ предупреждать послѣдовательности разсказа.

Каждому извѣстно, сколько разнообразныхъ богословскихъ толковъ породила свобода религіозной мысли, возвѣщенная реформаціей. Только во имя этой свободы могъ возстать Лютеръ противъ вѣкового авторитета римской церкви и каноническаго преданія. „Я не могу подчинить моего убѣжденія, говорилъ онъ на вормскомъ сеймѣ, ни папѣ, ни соборамъ, такъ-какъ извѣстно, сколько разъ ошибались и тѣ и другіе“. Во имя этой-же самой свободы, которую глава реформы такъ торжественно требовалъ для себя, стали теперь и другіе евангелическіе теологи заявлять и проповѣдывать свои личныя мнѣнія. И такъ-какъ въ область религіи, въ обширномъ смыслѣ, прямо или косвенно, можетъ быть введено рѣшительно все, то смѣлые новаторы и воспользовались этимъ, чтобы выйдти изъ предѣловъ чисто-богословской контроверзы и коснуться вопросовъ соціальныхъ и политическихъ. Проповѣдь ихъ нашла живое и понятное сочувствіе, потому что ближе стояла къ насущнымъ интересамъ народа. Августинское ученіе о благодати и оправданіи вѣрою, около котораго вращалась вся ученая протестантская полемика эпохи, для простого человѣка было далеко и мало доступно, но вопросъ — нести ли ему барщину и платить ли произвольныя подати былъ для него дѣломъ первой важности, ибо касался самыхъ существенныхъ условій его жизни. Народъ жадно прислушивался къ такимъ рѣчамъ, тѣмъ болѣе, что новые проповѣдники опирали ихъ на библіи, давая ей широкое толкованіе и нерѣдко — аллегорическій смыслъ. На религіозной почвѣ начиналось соціальное броженіе. Реформа готова была перейдти въ революцію. Тогда только Лютеръ увидѣлъ всѣ необозримыя послѣдствія возвѣщеннаго имъ принципа духовной свободы, — и обычная отвага его оставила. Онъ ужаснулся мысли, что слѣпая буря народнаго мятежа, разъ поднявшаяся на нѣмецкой землѣ, вмѣстѣ съ неправдой и злоупотребленіями, можетъ снести и разрушить много разумнаго и святого — образованіе, гражданственность и самыя основы религіи. Въ идеяхъ реформатора обнаружился вдругъ поворотъ къ старинѣ. Съ этого времени онъ поставилъ себѣ задачей держаться, по возможности, консервативнаго направленія и спасти изъ

разрушавшагося католицизма все, что могло быть еще спасено, все, что не стояло только въ явномъ противорѣчіи съ библіей. Вмѣсто отвергнутой католической догмы онъ создалъ новую, протестантскую; вмѣсто папскаго авторитета поставилъ свой собственный и сталъ смотрѣть на уклонившихся отъ него евангелическихъ богослововъ, какъ на еритиковъ. Держаться строго буквальнаго смысла св. писанія и ограничить преобразованіе одною церковью, не касаясь политики, — сдѣлалось для него тѣмъ волшебнымъ кругомъ, за который не должны были переступать напиравшія со всѣхъ сторонъ нововведенія. При такихъ только условіяхъ казалось ему возможнымъ отстоять и утвердить реформу. Нужды нѣтъ, что этимъ впадалъ онъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, со своимъ-же собственнымъ началомъ личной религіозной свободы. Въ его глазахъ интересы человѣчества требовали того, — и онъ рѣшился. Еще разъ сказалъ онъ себѣ, какъ нѣкогда предъ лицомъ всей имперіи, — hier stehe ich, ich, kann nicht anders, — и остался твердо на своемъ посту до конца своихъ дней.

Между тѣмъ радикальныя вѣтви возбужденнаго имъ движенія продолжали идти и развиваться своимъ путемъ. Народъ не понялъ дальновидной консервативной програмы, которую ему предлагали, и остался къ ней равнодушенъ; за-то Карльштаты, Мюнцеры, анабаптисты и другіе мечтатели-проповѣдники овладѣли его вниманіемъ, и кредитъ ихъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. Люди эти разорвали всѣ связи съ Лютеромъ, прозвали его виттенбергскимъ папою и на-долго уронили его популярность. Съ своей стороны, Лютеръ сталъ преслѣдовать ихъ не только литературнымъ путемъ, но и посредствомъ полиціи, отчего еще болѣе поколебалось къ нему общее уваженіе и любовь. Боготвореннаго нѣкогда героя лейпцигскаго диспута и вормскаго сейма встрѣчали теперь холодно въ большой публикѣ. И когда онъ говорилъ простымъ людямъ: доля ваша тяжела, это — правда, но, что дѣлать, терпите по-христіански, — въ него летѣли насмѣшки и каменья. Тогда, потерявъ опору въ народѣ, глава реформы примкнулъ къ князьямъ и дворянству.

Такъ обнаружилась непримиримая вражда между двумя теченіями эпохи: однимъ, стремившимся къ умѣреннымъ преобразованіямъ церковныхъ учрежденій въ предѣлахъ существующаго общественнаго порядка, и другимъ, — увлекавшимъ массы къ радикальнымъ перемѣнамъ въ церкви, государствѣ и цѣлой жизни. На почвѣ этого антагонизма воспитался и дѣйствовалъ Мюнцеръ. Весь смыслъ

борьбы и вся ея страстность полнѣе всего отразилась на этой даровитой личности.

Реформаціонное развитіе Томаса Мюнцера было совершенно оригинально. Оно началось раньше лютерова и шло независимо отъ него. Сначала, впрочемъ, Мюнцеръ былъ жаркимъ поклонникомъ виттенбергскаго реформатора и ожидалъ отъ него многаго; но, замѣтивъ его осторожность и полумѣры, разочаровался въ немъ. „Это, говорилъ онъ, сибаритъ, который подъ нѣжное и больное тѣло подкладываетъ подушки“. Суровую и грубую натуру реформатора меньше всего можно было назвать сибаритскою, но ему не нравились уступки и сдѣлки съ прошедшимъ,—онъ рѣшился разорвать съ нимъ всѣ связи и идти своимъ путемъ.

Долгія богословскія занятія, въ послѣднее время еще болѣе возбужденныя выступленіемъ и успѣхами Лютера, обогатили Мюнцера огромными свѣдѣніями, въ которыхъ отдавали ему справедливость даже враги. Священное писаніе ветхаго и новаго завѣта зналъ онъ почти наизустъ и, съ изумительною находчивостью, умѣлъ пользоваться его текстами. Творенія отцовъ церкви, какъ и текущая литература, были ему одинаково близко знакомы. Но теологія его не удовлетворяла. „Гдѣ, спрашивалъ онъ себя, доказательство, что библія—дѣйствительно откровеніе божіе? Христосъ и апостолы говорили это. Но вѣдь и Мохаммедъ утверждалъ то-же самое о коранѣ. Гдѣ-жъ истина, гдѣ ложь?“. Отъ сомнѣній къ сомнѣніямъ дошелъ онъ, наконецъ, до того убѣжденія, что полная истина достижима только путемъ прямого, непосредственнаго общенія съ Богомъ. Но какъ достигнуть этого общенія? Вѣдь были-же люди, которые его удостоивались? И вотъ началъ онъ тщательно изучать жизнь и творенія мужей, извѣстныхъ своею святостію, пророческимъ даромъ и чудесами, стараясь уловить и постигнуть тайну ихъ высшаго озаренія. Средневѣковые мистики сдѣлались его любимымъ чтеніемъ. Особенно сильное впечатлѣніе сдѣлалъ на него Іоахимъ калабрійскій, полуеретическій монахъ XII вѣка. Замѣчательный человѣкъ этотъ жилъ въ тяжелую для него годину. Родина его была угнетена чужеземцами, сословіе, къ которому онъ принадлежалъ, какъ и вся тогдашняя церковь, приняло совершенно мірской характеръ. Наука, гдѣ искалъ онъ утѣшенія и мира своей болящей душѣ, не могла ему дать ихъ. Схоластическое богословіе, господствующее, если не единственное знаніе вѣка, стало принимать уже въ то время то пустое, формальное діалектическое развитіе, кото-

рое, впослѣдствіи, такъ безпощадно осмѣивалъ Эразмъ Роттердамскій, этотъ Вольтеръ XVI вѣка. Какимъ образомъ во св. причастіи accidentia могутъ существовать безъ своей субстанціи? Какъ тѣло Христово, въ одно и то-же время, можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ? Въ какое именно мгновеніе происходитъ пресуществленіе? — и тому подобные вопросы поглощали уже все вниманіе ученыхъ. Мозгъ высыхалъ и душа черствѣла въ неисходномъ лабиринтѣ замысловатыхъ distinctiones, терминовъ a quo и ad quem, conclusiones implicitæ et explicitæ, которыми фехтовались между собою эти неугомонные ратоборцы науки. Благодать Божія является въ міръ, какъ gratia gratis data и gratia gratificata, добрыя дѣла раздѣляются на opera operantia и opera operata, и тысячи подобныхъ формальныхъ положеній были плодомъ этой сухой, кропотливой и безцѣльной умственной работы. Мы вовсе не думаемъ осуждать безусловно схоластику. Она понятна, какъ явленіе историческое. Мы хотимъ сказать только, что для любящей души аббата Іоахима, патріота, аскета и мыслителя, окружавшая современность не давала ни пищи, ни отрады. И вотъ, въ тиши своего калабрійскаго монастыря, сталъ думать онъ о неправдахъ міра и, посреди мистическихъ видѣній и аллегорій, въ которыхъ безпрестанно путалась его одинокая мысль, додумался до многихъ превратныхъ понятій, до которыхъ, только шесть столѣтій спустя, дошли французскіе и англійскіе раціоналисты. Среди XII вѣка, въ эпоху величайшаго могущества и значенія церкви и іерархіи, онъ отвергалъ необходимость посредничества между Богомъ и человѣкомъ и смотрѣлъ на церковь, какъ на учрежденіе лишнее. Такъ-же точно казались ему ненужными и неважными наука, книги и самое писаніе. Въ своихъ туманныхъ видѣніяхъ прозрѣвалъ онъ время, когда Христосъ, пріявъ бичъ, изгонитъ торжниковъ изъ храма и самый храмъ сдѣлается незримымъ, духовнымъ чертогомъ общенія людей съ божествомъ, — то время, когда духъ освободится отъ буквы и люди получатъ евангеліе, написанное не перомъ и чернилами, но начертанное въ сердцахъ непосредственнымъ вдохновеніемъ божіимъ.

Для воспріимчивой души Мюнцера это были искры, освѣтившія въ ней цѣлый міръ новыхъ идей. То обѣтованное царство думалъ онъ, — царство духа, свободы и счастія, котораго чаялъ обманутый жизнію мечтатель XII вѣка, должно осуществиться теперь. Оно будетъ состоять въ водвореніи евангельской свободы и равен-

ства между людьми, во взаимномъ довѣріи и любви, общемъ трудѣ и имуществѣ, въ вѣчномъ мирѣ, довольствѣ и радости. Религія не будетъ болѣе мертвою буквой, но живымъ, постояннымъ и непосредственнымъ общеніемъ человѣческой души съ божествомъ. Ни войны, ни кастъ, ни духовенства, ни деспотизма не будетъ съ тѣхъ поръ на землѣ. Исчезнутъ даже государство и церковь, потому что формы эти окажутся излишними среди священнаго, пресвитерскаго народа, какимъ будутъ тогда всѣ христіане.

Какъ видите, — чистѣйшая утопія; но Мюнцеръ не былъ исключительнымъ утопистомъ. Онъ не только мечталъ, но горѣлъ желаніемъ дѣла и практики для своихъ идеаловъ. Онъ рѣшился исполнить то, что считалъ единственно разумнымъ и справедливымъ и имѣлъ довольно отваги не отступить передъ трудностію своей задачи. Онъ, бѣдный странствующій докторъ теологіи, ничтожный пролетарій, зарабатывавшій себѣ кусокъ хлѣба то проповѣдью, то литературнымъ трудомъ, затѣваетъ борьбу со всѣми властями міра; потому что вѣдь дѣло шло, ни болѣе ни менѣе, какъ о коренномъ преобразованіи всѣхъ условій тогдашней жизни. Надо было уничтожить церковь какъ старую, такъ и новую, разрушить вѣковой порядокъ имперіи, вырвать власть у нѣсколькихъ сотъ владѣтельныхъ домовъ Германіи, измѣнить устройство городовъ во всей странѣ, отнять у сословій и корпорацій ихъ безчисленныя привилегіи, преобразовать нравы общества, внушить ему новыя понятія и чувства. Мюнцеръ былъ мечтатель, но не полный безумецъ, и осуществить разомъ такую программу не могло никогда придти ему въ голову. Но все-таки онъ считалъ долгомъ начать и сдѣлать пока, что можно. Начать же онъ рѣшился съ „тирановъ“, какъ называлъ онъ свѣтскихъ и духовныхъ князей, въ которыхъ видѣлъ главное зло, главный источникъ неправды, и слѣдовательно — капитальное препятствіе къ водворенію царства божія на землѣ. Ихъ ненавидѣлъ онъ отъ всей души, какъ извратителей божественнаго порядка, поработившихъ народъ во имя вселюбящаго Бога. Во всю жизнь свою онъ не встрѣчалъ ни одного добраго князя, а съ дѣтства вынесъ ужасное воспоминаніе о графахъ Штольбергахъ, по тиранскому произволу которыхъ отецъ его былъ обезглавленъ. Но еще больше, если возможно, ненавидѣлъ онъ прелатовъ, обратившихъ религію Христа въ идолопоклонство, грабившихъ общество и заражавшихъ его дурнымъ примѣромъ.

Конечно, не рѣшился бы Мюнцеръ даже и на это возстаніе,

если-бы не случились благопріятныя обстоятельства. Крестьяне начали повсемѣстно подниматься противъ господъ, городской пролетаріатъ волновался завистью и злобой противъ богатыхъ гражданъ, захватившихъ все управленіе въ свои руки, обнищавшее рыцарство смотрѣло съ жадностью на несмѣтныя богатства духовенства. Съ голоса Гуттена патріоты мечтали о единствѣ Германіи подъ властію національнаго императора, религіозные новаторы со всѣхъ сторонъ штурмовали церковь. Вотъ сколько горючаго матеріалу накопилось въ странѣ къ тому времени, когда громадные планы созрѣли въ безпокойной головѣ нашего мечтателя-авантюриста.

1524 годъ засталъ общество уже въ полномъ броженіи. Темные слухи, зловѣщія предзнаменованія смущали народъ. Солнце и луна являлись среди горящихъ факеловъ и круговъ, въ облакахъ слышенъ былъ стукъ оружія, какія-то вѣнценосныя тѣни сражались въ воздухѣ. Всѣ ждали чего-то.... Голодъ и моръ опустошительно прошли по Германіи отъ края до края. Странствующіе проповѣдники, босые, оборванные, съ блѣдными, исхудалыми лицами, на открытыхъ мѣстахъ, огненными словами говорили народу о приближеніи царства божія и призывали всѣхъ уготовить путь ему истребленіемъ нечистыхъ и недостойныхъ. Вооруженныя чѣмъ попало толпы стекались на голосъ этихъ невѣдомыхъ „предикантовъ". Первый вызвавшійся смѣльчакъ, искатель приключеній принималъ надъ ними начальство. Въ долинахъ Оденвальда, въ Швабіи и Франконіи образовались цѣлыя крестьянскія арміи. Импровизованныя вожди ихъ — трактирщикъ Метцлеръ, отставной солдатъ Бульгенбахъ, авантюристы-рыцари Флоріанъ Гейеръ и Гецъ фонъ-Берлихингенъ повели нестройныя, но дышавшія мщеніемъ банды противъ дворянскихъ и княжескихъ замковъ. Эти первыя движенія темныхъ силъ застали знатныхъ врасплохъ. Ихъ первые успѣхи одушевили и подстрекнули робкихъ и колебавшихся. Неслыханный энтузіазмъ овладѣлъ народомъ. Возвѣщенная предикантами эра свободы и счастія казалась такою близкою и возможною. Пошелъ слухъ между простыми людьми, что старый императоръ Барбаросса всталъ изъ гроба и появился въ родной своей землѣ, у подножія швабскихъ горъ, съ тѣмъ, чтобы вести народъ противъ тирановъ. О странствующихъ проповѣдникахъ, апостолахъ новаго евангелія, тоже разсказывали чудеса: ангелы освобождали ихъ изъ темницъ, огненные столпы вели ихъ отъ мѣста до мѣста, какъ древле израиля въ пустынѣ....

На смутномъ фонѣ этого взбаломученнаго общества является въ первый разъ въ исторіи полузагадочный образъ Томаса Мюнцера. Является онъ въ видѣ странствующаго предиканта-изгнанника и народнаго агитатора, какихъ въ то время бродило по Германіи очень много. Но природный геній и самоотверженная преданность народному дѣлу тотчасъ выдѣлили и отличили его отъ толпы собратій. Дѣйствительно, такъ высоко стоялъ онъ надъ ними, что всѣ эти Пфейферы, Вестербурги, Карльштаты являются какими-то копіями, отрывками его даровитой, типической натуры.

Подобно имъ, Мюнцеръ выдавалъ себя за пророка, говорилъ о видѣніяхъ, ему ниспосланныхъ, о своихъ бесѣдахъ съ невѣдомымъ голосомъ, но больше всего — о внушеніяхъ духа божія, на него изливаемыхъ. Циммерманъ полагаетъ, что это просто была роль, которую онъ умышленно разыгрывалъ предъ народомъ для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на суевѣрные и простые умы и придать своей пропагандѣ высшій авторитетъ, но далеко не берется доказать это положительно и распутать всѣ сложныя и тонкія стороны явленія. Въ сочиненіи его, однако, разсѣяно нѣсколько интересныхъ на этотъ счетъ данныхъ и указаній. Мы постараемся сгруппировать ихъ здѣсь въ одинъ фокусъ.

Кому не извѣстно, что необыкновенныя эпохи родятъ необыкновенныхъ людей, и что напряженное состояніе общества въ такія времена часто выражается появленіемъ эксцентрическихъ и болѣзненно организованныхъ личностей. Оттого ихъ такъ много было во времена реформаціи и крестьянской войны. Въ Саксоніи и Тюрингіи, гдѣ сильнѣе всего кипѣло религіозное броженіе вѣка, развились цѣлыя общества мистиковъ-революціонеровъ, хвалившихся непосредственными откровеніями свыше, мечтавшихъ о водвореніи тысячелѣтняго царства божія на землѣ, которому должно предшествовать истребленіе нечистыхъ и злыхъ. Люди эти вели строгую безупречную жизнь и отличались первобытными христіанскими нравами. Каждаго чистаго сердцемъ они приглашали въ свое братство, организованное по коммунистическимъ принципамъ, и каждому вмѣняли въ обязанность распространять его повсемѣстно. Символомъ своего духовнаго союза они приняли второе крещеніе, считая полученное въ дѣтствѣ недѣйствительнымъ. Отчего — и названіе секты — второкрещенные, или „анабаптисты“. Не только въ народѣ, но и у людей передовыхъ пользовались они большимъ уваженіемъ. Курфюрстъ Фридрихъ Мудрый трактовалъ ихъ весьма уступчиво

и осторожно, считая себя не вправѣ отказать имъ въ томъ, что дозволилъ Лютеру, т. е. въ свободной проповѣди. Меланхтонъ удивлялся имъ. Лютеръ пораженъ былъ тѣмъ, что, въ доказательство своего пророческаго дара, они, говорятъ, отгадывали его мысли, хотя и приписывалъ это демоническимъ силамъ. Мистицизмъ былъ, стало-быть, совершенно въ духѣ вѣка. если даже такіе умы увлекались имъ. Знаменитый Рейхлинъ, филологъ и юристъ по профессіи, всю жизнь занимался каббалистическими науками, думая открыть, въ словахъ и созвучіяхъ еврейскаго текста библіи, неизреченныя и таинственныя имена божіи, силою которыхъ можно творить чудеса. Очень понятно также, что между множествомъ тогдашнихъ мистиковъ были шарлатаны, но были и дѣйствительные визіонеры, искусственными, или природными созерцаніями приводившіе себя въ состояніе религіознаго экстаза. Къ этимъ послѣднимъ могъ принадлежать и Томасъ Мюнцеръ. По-крайней-мѣрѣ, мы знаемъ, что это былъ въ высшей степени искренній и цѣльный характеръ, гнушавшійся лжи и обмана, глубоко ненавидѣвшій ихъ въ другихъ. Въ дѣйствительности его видѣній, слѣдовательно, нѣтъ никакого повода сомнѣваться, хотя предъ народомъ могъ онъ подчасъ и съ умысломъ драпироваться въ свою пророческую мантію и принимать внушающій и властительный тонъ, чтобы дать больше вѣсу и силы рѣчамъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Мюнцеръ ни на минуту не заблуждался на-счетъ свойства и значенія этихъ феноменовъ. Первый изъ визіонеровъ, онъ съ полною ясностію понималъ, что вдохновляющее его откровеніе есть голосъ его собственнаго духа. Духъ, разумъ человѣка, просвѣтленный благодатію неба, и голосъ божій — для него понятія совершенно тожественныя. Вообще, предъ силами нашей духовной природы преклонялся онъ съ величайшимъ уваженіемъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на главный, единственный источникъ истины. Только истина, добытая этимъ путемъ, лично сознанная и открытая, имѣетъ, въ его глазахъ, непреложное значеніе Напротивъ, библія, евангеліе, откровеніе писанное всегда представляетъ нѣчто неполное и относительное. Оно удовлетворяетъ потребностямъ и развитію одной эпохи и можетъ оказаться несостоятельнымъ руководствомъ для другой. „Церковь, со свойственною ему рѣзкостью писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, признаетъ какого-то нѣмого Бога, который разъ высказался въ писаніи и потомъ замолкъ; между тѣмъ какъ Богъ вѣчно и непрерывно выражаетъ себя

посредствомъ избранныхъ людей, разумъ и мысли которыхъ озарены Его внушеніями“. Такія откровенія можетъ получать каждый, чистый душею и сердцемъ, и каждый, слѣдовательно, можетъ быть божьимъ пророкомъ, — каждый, кто нравственно себя къ тому приготовилъ и умѣлъ возвыситься надъ буквой писанія и надъ мертвой религіей догмы. Духъ такого избранника и есть верховный и чистѣйшій критеріумъ истины.

Пуритане, индепенденты, спекулятивные философы XVIII и XIX столѣтій, два и три вѣка спустя, высказывали и развивали тѣ-же самыя идеи, только иногда болѣе примиренныя съ христіанствомъ. Въ мистическихъ ученіяхъ Томаса Мюнцера отразилась, такимъ образомъ, вся перспектива этого будущаго философскаго развитія, такъ точно, какъ и по нѣкоторымъ соціальнымъ идеямъ онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Мюнцерѣ визіонерство нашло свою разгадку, и объясненіе, такъ-сказать, достигло самосознанія. Ключъ тайны былъ открытъ. То, о чемъ Мохаммедъ не имѣлъ даже смутнаго чаянія, что временами смущало простую и чистую душу орлеанской дѣвственницы, съ чѣмъ Савонарола безвыходно боролся всю жизнь, — то было найдено Мюнцеромъ. Смѣло и съ полной увѣренностію сказалъ онъ, предъ лицемъ всего міра, — голосъ божій — это мой собственный духъ. Съ этой минуты визіонерство падаетъ въ общественномъ мнѣніи, становится рѣже и рѣже, или, по-крайней-мѣрѣ, лишается, мало-по-малу, своего загадочнаго, сверхъестественнаго характера, нисходя постепенно въ-уровень обычныхъ явленій жизни, еще неизслѣдованныхъ окончательно, но все же доступныхъ испытующему анализу науки.

Но возвратимся къ Томасу Мюнцеру, послѣдуемъ за нимъ въ его тревожной практической карьерѣ и посмотримъ, какъ его идеалы столкнулись съ твердой дѣйствительностію и что вышло изъ этого столкновенія.

Нашъ идеалистъ началъ свое дѣло, по-видимому, очень практически. Понимая, что преобразователю прежде всего нужны способные и преданные сотрудники, вполнѣ ему сочувствующіе, Мюнцеръ сталъ пріобрѣтать прозелитовъ. Въ небольшомъ саксонскомъ городкѣ Цвиккау, между тамошними ткачами и рудокопами, встрѣтилъ онъ въ первый разъ анабаптистовъ и сблизился съ ними. Сближеніе было не трудно, потому что ихъ идеи и стремленія какъ нельзя болѣе подходили къ его собственнымъ, а ученіе о тысяче-

лѣтнемъ царствѣ божіемъ могло служить прекрасною рамкой для коренныхъ реформъ, имъ замышленныхъ. Конечно, высокоразвитый Мюнцеръ не могъ сочувствовать многимъ предразсудкамъ этихъ полуобразованныхъ людей, никогда не принималъ второго крещенія и едва-ли вѣрилъ пророческимъ способностямъ своихъ новыхъ друзей и главы ихъ — суконщика Никласа Шторха. Но онъ видѣлъ въ нихъ полезное орудіе и надѣялся найдти въ нихъ апостоловъ для своей пропаганды. Что касается второкрещенныхъ, то даровитый пришлецъ произвелъ на нихъ величайшее впечатлѣніе. Предъ нимъ преклонились они, какъ предъ свѣтиломъ новой евангельской проповѣди, великимъ пророкомъ, чуть не вторымъ мессіей. Мюнцеръ наполнилъ ихъ энтузіазмомъ дѣла и предпріимчивости. Кроткіе до тѣхъ поръ мечтатели превратились въ разрушительныхъ демагоговъ. Магистратъ, устрашенный ихъ безпокойнымъ духомъ и насильственными поступками противъ „стараго идолослуженія“, какъ называли они католицизмъ, долженъ былъ ихъ выслать изъ города. Изгнанники разсѣялись теперь по всей Германіи. Особенно много появилось ихъ на Шварцвальдѣ, въ верхней Швабіи и на Рейнѣ, гдѣ уже начались движенія крестьянъ. То были первые миссіонеры мюнцеровыхъ идей, первые апостолы новаго евангелія. Радостно шли они на мученическую смерть во свидѣтельство истины, и составили между собой духовное братство, узнавая даже незнакомыхъ членовъ условленнымъ привѣтствіемъ — миръ божій съ тобою! Подъ вліяніемъ ихъ фанатической проповѣди, крестьяне Шварцвальда образовали „евангельское братство“, съ коммунистическимъ устройствомъ, и посредствомъ воззваній приглашали всѣхъ другихъ своихъ собратьевъ послѣдовать ихъ примѣру.

Самъ Мюнцеръ, между тѣмъ, послѣ неудачной попытки въ Прагѣ, переселился въ Альштедтъ, въ Тюрингіи, и учредилъ здѣсь „союзъ истинныхъ сыновъ божіихъ“, который и разослалъ агентовъ въ разныя стороны возвѣстить приближеніе „царствія божія“ и предстоящее истребленіе злыхъ. Сначала, впрочемъ, попробовалъ онъ подѣйствовать на этихъ злыхъ, т. е. на князей, путемъ христіанскаго убѣжденія, и съ этой цѣлію отправилъ къ саксонскимъ владѣтелямъ Фридриху Мудрому и брату его Іоганну увѣщаніе, въ которомъ приглашалъ ихъ приступить къ евангельскому союзу, отказавшись предварительно отъ всѣхъ своихъ привилегій и власти. Такъ мало зналъ онъ свѣтъ и людей, не понимая даже того, что власть, располагающая силой, можетъ уступить только силѣ. Князья

пожелали видѣть смѣлаго агитатора и лично познакомиться съ его проповѣдью, о которой столько наслышались. Для Мюнцера это былъ самый желанный случай. Онъ совершенно чувствовалъ себя въ роли древнихъ пророковъ, безстрашно обличавшихъ недостойныхъ царей, и очень былъ радъ, что могъ теперь сильнымъ міра высказать въ глаза нѣкоторыя горькія истины. „Вы вѣшаете бѣдняка за малѣйшее преступленіе, говорилъ онъ имъ, а сами, то-и-дѣло грабите и воруете крестьянское добро". Вообще, смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что князья и дворяне — весь корень зла, грабежа и обмана и что безбожныхъ князей, по точнымъ предписаніямъ библіи, должно истреблять безъ всякой пощады. То обстоятельство, что, послѣ этого, проповѣдника отпустили цѣлымъ и невредимымъ, даетъ очень выгодное понятіе какъ о характерѣ саксонскихъ князей, такъ и о терпимости эпохи. Правительство ограничилось тѣмъ, что просто выслало его изъ страны. И тѣмъ рѣзче еще выказывается достоинство этого благодушія, если сравнить его съ поведеніемъ Лютера. Виттенбергскій папа металъ въ это время противъ новаторовъ громы, не хуже ватиканскихъ. Въ посланіи къ князьямъ онъ требовалъ насильственнаго подавленія возникшаго въ Саксоніи „духа крамолы и смуты", объявилъ Карльштата и Мюнцера зловредными исчадіями ада, посредствомъ цензуры не допускалъ ихъ сочиненій до публики и посылалъ предостереженія магистратамъ тѣхъ городовъ, куда являлись гонимые повсюду изгнанники. И замѣчательно, что чѣмъ даровитѣе былъ кто изъ расходившихся съ нимъ богослововъ, тѣмъ болѣе навлекалъ онъ ненависти съ его стороны. Карльштатъ былъ отличный ученый и талантливый диспутантъ и проповѣдникъ, но чудакъ-мистикъ и человѣкъ односторонній. Разорвавши связи съ евангельскимъ правовѣріемъ, онъ совершенно увлекся мистическими бреднями анабаптистовъ, бѣгалъ по мастерскимъ и бесѣдовалъ съ рабочими о смыслѣ писанія, на томъ основаніи, что малымъ, простымъ людямъ Богъ открылъ больше, чѣмъ мудрецамъ. Въ-особенности презиралъ онъ науку, называя ее „паутиной, которая опутала свѣжую зелень жизненнаго древа". По его совѣтамъ, молодежь толпами оставляла университеты и шла учиться ремесламъ. Лютеръ, бывшій когда-то его другомъ, сталъ потомъ его преслѣдовать. Но что значитъ эта вражда въ сравненіи съ ненавистью, которую чувствовалъ онъ къ Мюнцеру? Надо читать въ сочиненіяхъ Меланхтона и Лютера отзывы ихъ о Мюнцерѣ, чтобы понять, съ какимъ суевѣрнымъ страхомъ они на

него смотрѣли. Сквозь всѣ бранныя выходки, хулу и притворное пренебреженіе, чувствуется въ нихъ какъ будто какое-то тайное сознаніе его превосходства. Они говорятъ объ немъ, какъ о вредномъ, извращенномъ, но могучемъ и грозномъ духѣ, внезапное появленіе котораго привело бы ихъ въ трепетъ, смутило и обезсилило. Такъ умѣлъ импонировать этотъ человѣкъ своимъ умомъ, рѣчами, вдохновеніемъ, всею своею личностью.

Оттого Лютеръ зорко слѣдилъ изъ Виттенберга за каждымъ шагомъ своего главнаго врага, стараясь, сколько можно, парализировать его успѣхи. Такъ, повредилъ онъ ему въ Нюрнбергѣ, предупредивъ объ немъ городскія власти, какъ о человѣкѣ опасномъ. Въ Мюльгаузенѣ самъ Мюнцеръ испортилъ свои дѣла, вмѣшавшись въ борьбу городскихъ партій и принявъ, разумѣется, сторону демократовъ.

Испытавъ эти неудачи, Мюнцеръ совершенно предался карьерѣ бродячаго предиканта и, въ началѣ 25-го года, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пфейферомъ, обошелъ значительныя части Швабіи, Франконіи и Тюрингіи, уже объятыя пламенемъ возстанія. Въ сѣрой войлоковой шляпѣ, въ крестьянскомъ платьѣ, со странническимъ посохомъ въ рукахъ, являлся онъ предъ народомъ и электризировалъ массы. Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ точностію прослѣдить его дѣятельность въ этихъ мѣстахъ по недостатку достовѣрныхъ слѣдовъ. Не можемъ даже утверждать положительно его участія въ составленіи знаменитаго крестьянскаго манифеста „двѣнадцати статей“, хотя доказанная редакція этого документа Пфейферомъ и сходство съ нѣкоторыми памфлетами самого Мюнцера заставляютъ думать, что онъ не могъ оставаться чуждымъ изданію такого важнаго публичнаго акта. На него стоитъ обратить вниманіе. Поразительны та умѣренность и благоразуміе, съ которыми крестьяне ограничиваютъ въ немъ свои требованія. Они хотятъ только отмѣны крѣпостного права, уничтоженія незаконныхъ поборовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, большаго безпристрастія въ судахъ свободной проповѣди подъ контролемъ общины, безпрепятственнаго пользованія лѣсами, охотой и рыбною ловлей, отчетности въ податяхъ, платимыхъ народомъ, и вознагражденія за нѣкоторыя явныя несправедливости въ произвольномъ управленіи господъ. Вотъ все, чего народъ первоначально требовалъ. Ни объ общности имуществъ, ни даже объ уничтоженіи сословій и привилегій нѣтъ здѣсь и рѣчи. Общій тонъ документа — весьма почтительный и смирен-

ный. Крестьяне безпрестанно ссылаются въ немъ на библейскіе тексты, оправдывая ими свои желанія, протестуютъ торжественно, что не хотятъ ни смуты, ни войны, ни кровопролитія и готовы даже вовсе отказаться отъ своихъ требованій, если, на основаніи священнаго писанія, будетъ имъ доказана ихъ несправедливость. Если только правда, что манифестъ составленъ при содѣйствіи, или, покрайней-мѣрѣ, съ согласія Мюнцера, то это дѣлаетъ честь его политическому такту. Во всякомъ случаѣ остается вѣроятнымъ, что могъ онъ его одобрить, какъ мѣру временную и приготовительную. Революція, дѣйствительно, имѣла въ началѣ лишь эту умѣренную программу, и большинство народа оставалось ей вѣрнымъ до конца. Только крайнія партіи, увлеченныя то религіознымъ фанатизмомъ, то мщеніемъ и жаждой грабежа, вдались въ неистовства и тѣмъ вызвали усиленную реакцію со стороны князей и высшихъ сословій.

Но мы знаемъ уже, что для Мюнцера собственно это могло быть только началомъ „великаго дѣла“. Онъ допускалъ возможность подобной сдѣлки до тѣхъ поръ, пока надежда на справедливость и великодушіе сильныхъ міра не исчезла въ немъ совершенно. Когда онъ увидѣлъ, что вмѣсто уступокъ, согласныхъ съ божественнымъ закономъ, князья коварствуютъ съ народомъ, затягиваютъ время обманчивыми переговорами, вооружаются и уступаютъ лишь силѣ, — страстное негодованіе овладѣло его душой. Истребленіе, думалъ онъ, безпощадное истребленіе нечистыхъ и недостойныхъ — вотъ единственный остающійся путь. Вся суровость ветхозавѣтныхъ представленій относительно враговъ израильскаго племени была имъ буквально перенесена на современную аристократію. Въ его глазахъ, привилегированныя сословія были исконными врагами божьяго народа, обреченными отъ вѣка гнѣву и мести Іеговы. Какъ Моисею и древнимъ вождямъ Израиля заповѣдалъ Богъ истребленіе хананскихъ язычниковъ, для того чтобы спасти избранный народъ отъ заразы нечестія, такъ неумолимо должны быть истреблены и эти новые нечестивцы. Орудіемъ кары, освободителемъ своего народа отъ вѣковаго рабства будетъ онъ, Мюнцеръ, которому самъ Богъ вложилъ въ душу его призваніе. Враги заподозрили чистоту побужденій Мюнцера и приписали одному честолюбію великую роль, на себя имъ принятую. Правда, честолюбіе было ему вовсе не чуждо; ему нравилась мысль явиться вождемъ и пророкомъ-избранникомъ въ предстоявшей борьбѣ за народную правду. Но было бы крайне несправедливо видѣть въ этомъ чувствѣ единственный мо-

тивъ его дѣйствій. Въ искренней, дѣйствительной любви къ человѣчеству ему также отказать нельзя. Не для риторики только и популярности говорилъ онъ съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ о горькой долѣ народа. У него въ самомъ дѣлѣ болѣло сердце его бѣдами, нищетой и безправностію. За это-то больше всего и любили его простые люди, любили потому, что вѣрили его словамъ.

Да и личностію своею производилъ онъ на нихъ величайшее впечатлѣніе. Мюнцеръ былъ рожденъ народнымъ трибуномъ и ораторомъ. Звучный, симпатическій голосъ, даръ неистощимой импровизаціи, вдохновеніе добра и правды, магнитически увлекавшее слушателей, скоро сдѣлали его идоломъ массъ. Ему не доставало только ясности и точности выраженія, часто расплывавшагося въ мистическомъ туманѣ, чтобы сдѣлаться неодолимымъ соперникомъ Лютера даже и въ этомъ отношеніи. Но какъ не зрѣлы были самыя его идеи, такъ и высказывались онѣ въ неопредѣленныхъ, колеблющихся, аллегорическихъ образахъ. Тѣмъ не менѣе это была одна изъ тѣхъ властительныхъ личностей, обаянію которыхъ противостоять очень трудно. Когда своимъ простымъ и величественнымъ, моделированнымъ на библейскій ладъ, языкомъ рисовалъ онъ картины наступающаго царствія божія, народъ впивался въ него глазами и слухомъ и приходилъ въ неописанный энтузіазмъ. Но когда негодованіе овладѣвало его душой, и, затронувъ свою любимую тему, начиналъ онъ гремѣть противъ тирановъ и сильныхъ міра, онъ становился неодолимъ и неподражаемъ. Подобно древнему пророку, онъ могъ сказать тогда о себѣ — „слово мое пламя и молотъ“.

И дѣйствительно, пламя слѣдовало за этимъ фатальнымъ человѣкомъ повсюду, гдѣ онъ не появлялся. И хотя трудно опредѣлить долю прямого участія его въ революціонныхъ безпорядкахъ Франконіи и Швабіи, но его широкая популярность и вліяніе на массы даютъ право предполагать, что она была очень велика. По-крайней-мѣрѣ, поведеніе его въ Мюльгаузенѣ, куда онъ воротился послѣ своихъ странствованій въ началѣ 25-го года, вполнѣ оправдываютъ такую догадку.

На этотъ разъ, обстоятельства сложились благопріятно для его видовъ. Съ помощію черни, ему удалось низвергнуть аристократическое правленіе города и наполнить магистратъ выборными отъ всего народа. Вслѣдъ за тѣмъ, Мюльгаузенъ приступилъ къ „христіанскому братству“, т. е. къ союзу съ возставшими крестьянами. Соотвѣтственно этому новому характеру, въ обществѣ произведены

важныя преобразованія въ евангельскомъ духѣ, какъ понимали его проповѣдники царствія божія. До нѣкоторой степени введена была даже общность имуществъ, — богатымъ гражданамъ вмѣнено въ обязанность снабжать бѣдныхъ простою одеждой и пищей. Мюнцеръ сдѣлался моральнымъ авторитетомъ города. Не занимая офиціально никакой должности, онъ, однакожъ, заправлялъ всѣмъ. Каждый день присутствовалъ онъ лично въ засѣданіяхъ ратуши и наблюдалъ, чтобы дѣла рѣшались не по буквѣ закона, а по христіанскому духу. Въ другое время это былъ проповѣдникъ и учитель мюльгаузенскихъ гражданъ, болѣе чѣмъ проповѣдникъ, — пророкъ. Народъ считалъ святымъ каждое его изреченіе, окружалъ его какимъ-то религіознымъ почетомъ. Предъ нимъ, юношей и пришельцемъ, склонялись гордые граждане свободнаго имперскаго города. Каждый разъ, какъ онъ начиналъ и оканчивалъ проповѣдь, хоръ юношей и дѣвъ пѣлъ псаломъ обѣтованія и надежды — „на утро изойдете, и Господь будетъ съ вами“. Особенный костюмъ носилъ онъ въ это время. Широкій, черный, падавшій длинными складками плащъ, густая борода и длинные волосы придавали его юной фигурѣ какой-то ветхозавѣтный и патріаршескій видъ. Этимъ впрочемъ и ограничивалось его внѣшнее славолюбіе. Жилъ онъ очень бѣдно, просто и часто не имѣлъ средствъ прилично одѣть свою жену, — заботился о нищихъ, посѣщалъ больныхъ, нравственности былъ безукоризненной.

Между тѣмъ, тюрингскій городъ Мюльгаузенъ, въ общихъ планахъ Мюнцера, игралъ, конечно, очень маленькую роль. Онъ былъ для него только операціоннымъ базисомъ обширнаго поприща, на которомъ предполагалось дѣйствовать. Во всѣ стороны Германіи разсылались отсюда его агенты и летѣли возбудительныя воззванія отъ имени „раба божія противъ безбожныхъ“, какъ онъ въ нихъ называлъ себя. Планъ кампаніи состоялъ въ томъ, чтобы, поднявъ общее возстаніе одновременно на всѣхъ концахъ нѣмецкой земли, выступить потомъ съ избраннымъ отрядомъ и „мечемъ Гедеона“ нанести врагамъ послѣдній ударъ.

Надо знать, поэтому, какъ шли дѣла революціи, чтобъ видѣть, на что могъ разсчитывать Мюнцеръ.

Было уже замѣчено, по поводу такъ называемыхъ „двѣнадцати крестьянскихъ статей“, что характеръ революціоннаго движенія 20-хъ годовъ въ Германіи далеко не соотвѣтствовалъ стремленіямъ крайнихъ реформаторовъ. Огромное большинство народа хотѣло

преобразованій умѣренныхъ и возможныхъ, особенно въ началѣ возстанія. Отмѣна крѣпостной зависимости и полная свобода совѣсти были главными требованіями. Выраженіемъ этого большинства былъ крестьянскій манифестъ, играющій здѣсь такую-же роль, какъ „déclaration des droits de l'homme" въ эпоху великой французской революціи. При помощи печати, документъ этотъ, съ быстротою молніи, распространился по всей странѣ и вездѣ почти положенъ былъ въ основаніе революціи.

Но, подлѣ этого главнаго толка общественнаго мнѣнія, существовало множество уклоненій. Были консерваторы, желавшіе все оставить по-прежнему и отмѣнить только злоупотребленія стараго порядка. Были радикалы и террористы, стремившіеся къ коренному измѣненію всѣхъ условій жизни, сколько бы крови и жертвъ это ни стоило. Наконецъ, было много такихъ, которые противъ воли увлечены были потокомъ возстанія и сами не знали, чего держаться. Не меньше разногласія было и въ религіозномъ отношеніи. Одни довольствовались лютеровой реформой, другіе хотѣли совершеннаго уничтоженія церкви и всѣхъ внѣшнихъ символовъ и обрядовъ религіи, какъ училъ Мюнцеръ и второкрещенные.

Согласно съ этимъ движеніемъ идей шелъ и самый процессъ революціи. Ополченіе инсургентовъ двигалось обыкновенно въ извѣстномъ направленіи. Передъ нимъ шли герольды съ печатными экземплярами „двѣнадцати статей" и приглашали на пути лежавшіе города, села, замки и монастыри вступить въ „христіанское братство", т. е. принять условія манифеста. Можно было достигнуть добровольнаго соглашенія, — тогда дѣло ограничивалось заключеніемъ договора съ крестьянами. Но, большею частію, приходилось прибѣгать къ силѣ, такъ-какъ поводовъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ представлялось довольно, особенно — съ дворянствомъ и князьями. Застигнутый врасплохъ владѣтель замка принималъ обыкновенно „двѣнадцать статей" и соглашался на всѣ условія. Но, при первой надеждѣ на помощь, при первой возможности защищаться, нарушалъ ихъ и выступалъ враждебно противъ крестьянъ. Тогда начинались репрессаліи. Озлобленный вѣроломствомъ народъ шелъ на штурмъ „дворянскаго гнѣзда", жегъ, рѣзалъ и грабилъ все, что ни попадалось. Многіе владѣтели бѣжали, замки такихъ тоже были сожжены и разграблены. Иногда дѣйствовала просто давняя месть, возмездіе за старыя обиды. Разумѣется, что, чѣмъ болѣе встрѣчалось подобныхъ случаевъ, — тѣмъ больше разгарались

страсти и разыгрывались разрушительные инстинкты, свойственные простому и грубому человѣку, тѣмъ болѣе крайнія партіи получали перевѣсъ надъ благоразумными и увлекали другихъ. Дошло дѣло до возмутительныхъ сценъ, сопровождающихъ такъ часто народные мятежи. Образчикомъ ихъ можетъ служить вейнсбергское дѣло.

Франконскій городъ и замокъ Вейнсбергъ издавна принадлежали владѣтельной фамиліи графовъ Гельфенштейнъ. Княжескій родъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ нелюбимыхъ въ Германіи, и много вытерпѣли простые люди, ихъ подданные, всякаго рода обидъ и жестокостей отъ гордыхъ и безчеловѣчныхъ династовъ. У народа, слѣдовательно, было много старыхъ счетовъ съ Гельфенштейнами. Тѣмъ не менѣе, крестьянское войско Франконіи, предводимое Метцлеромъ и рыцаремъ Флоріаномъ Гейеромъ, согласилось и съ ними заключить договоръ на основаніи „двѣнадцати статей". Но тутъ выказалось обычное вѣроломство тогдашняго молодого графа. Во время самыхъ переговоровъ, онъ велѣлъ убить крестьянскаго герольда, истреблялъ со своими людьми мятежныя банды въ окрестностяхъ и сносился съ ближайшими князьями о дружномъ нападеніи на инсургентовъ. Когда обо всемъ этомъ узнали въ крестьянскомъ лагерѣ, рѣшенъ былъ штурмъ. Городъ и замокъ, вмѣстѣ съ своимъ владѣтелемъ и его семействомъ, достались въ руки разсвирѣпѣвшихъ крестьянъ. И въ то время, какъ главное ополченіе разсѣялось для грабежа, террористы, руководимые кровожаднымъ фанатикомъ Эклейномъ Рорбахомъ, занялись расправой надъ графомъ. Напрасно предлагалъ теперь несчастный какія угодно условія и тридцать тысячъ гульденовъ выкупа. „Еслибы ты давалъ намъ двѣ бочки золота, кричали ему въ отвѣтъ, ты все-таки долженъ умереть". Молодая графиня, красавица, съ маленькимъ сыномъ на рукахъ, бросилась къ ногамъ Рорбаха и, обливая слезами его колѣни, умоляла о пощадѣ мужа. Извергъ оттолкнулъ ее копьемъ, ранивъ при этомъ ребенка. За-тѣмъ, въ глазахъ обезумѣвшей отъ ужаса женщины, прогнали Гельфенштейна сквозь копья цѣлой толпы, и долго еще потомъ ругались надъ его трупомъ. Съ отрядомъ шла „черная женщина", явившаяся Богъ вѣсть откуда. Полунагая, полупомѣшанная, палачъ и пророчица, она пѣла пронзительныя пѣсни, дышавшія ненавистью къ аристократамъ, и своимъ дикимъ вдохновеніемъ фанатизировала народъ. Какъ при всякомъ кровопролитіи, она присутствовала и при казни графа, своими безумными криками одушевляя убійцъ, — и когда изуродованное тѣло

валялось уже на землѣ, бросилась на него сама, топтала его ногами, распорола животъ и саломъ внутренностей вымазала себѣ башмаки.

Самъ Циммерманъ, вообще съ слишкомъ большимъ сочувствіемъ описывающій крестьянскую войну, не берется оправдывать звѣрство и ужасы революціи и особенно вейнсбергскій эпизодъ, но все же пробуетъ смягчить и оттѣнить его рѣзкость.

„Историки прежняго времени, говоритъ онъ, много декламировали по поводу возмутительныхъ вейнсбергскихъ сценъ. Все это такъ; но отчего же не взять во вниманіе и смягчающихъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, не всѣ крестьяне были участниками злодѣйства. Большая часть, занятая въ это время разграбленіемъ замка и города, вовсе не знала о происходившемъ въ лагерѣ и громко высказала потомъ свое неодобреніе; а Гейеръ, со своимъ отрядомъ, послѣ этого, даже совсѣмъ отдѣлился отъ Метцлера. Далѣе, народъ въ эту минуту былъ особенно озлобленъ не только лично на Гельфенштейна за его вѣроломство и жестокости, но и вообще противъ господъ, не-задолго до того истребившихъ у Вурцаха семь тысячъ крестьянъ. Вейнсбергская катастрофа имѣла, такимъ образомъ, какъ-бы характеръ репрессалій. И потомъ, что значитъ хотя-бы и лютая казнь благороднаго графа въ сравненіи съ тысячами жертвъ, безвѣстно погибшихъ на плахѣ, на висѣлицѣ или въ душныхъ подвалахъ замковъ въ теченіи многихъ и многихъ столѣтій? Объ нихъ не говоритъ никто, потому что это были простые люди; но развѣ они страдали меньше другихъ?“.

Во всемъ этомъ, конечно, много справедливаго; но все-же это не примиряетъ еще возмущеннаго человѣчественнаго чувства и не можетъ служить оправданіемъ дикому фанатизму, тогда уже возбудившему почти общее негодованіе страны. Вейнсбергское дѣло, въ этомъ смыслѣ, имѣло огромное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ революціи.

Въ кругу самихъ крестьянъ, во-первыхъ, оно произвело замѣтную реакцію въ пользу умѣренныхъ партій, тѣмъ болѣе, что терроръ, распространившійся по всему краю, заставилъ многихъ владѣтельныхъ князей серіезно войдти въ сдѣлки съ возставшими. Графы Гогенлоэ, Левенштейнъ, Геммингенъ спѣшили принять „двѣнадцать статей“. Курфюрстъ пфальцскій заключилъ съ ними договоръ. Многіе города пристали къ ихъ союзу. Инсургенты ограничивались тѣмъ, что, для подписанія условій, требовали личной

явки покорившихся владѣтелей и, въ знакъ новаго христіанскаго братства, заставляли ихъ надѣвать крестьянскіе башмаки. Одного только заносчиваго и гордаго рыцаря, оскорбившаго ихъ своимъ презрительнымъ обращеніемъ, проучили они тѣмъ, что велѣли ему въ своемъ лагерѣ снимать шляпу передъ каждымъ крестьяниномъ. Впрочемъ вожди умѣреннаго направленія — Гиплеръ, Вейгандъ, Берлинъ, — съ каждымъ днемъ получали болѣе перевѣса надъ красными. Временно они рѣшились даже поступиться „двѣнадцатью статьями“ и, до общаго преобразованія имперіи, которое имѣлось въ виду, требовали только облегченія повинностей и уничтоженія нѣкоторыхъ вопіющихъ злоупотребленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родилась мысль организовать возстаніе правильнымъ образомъ и укрѣпить его силы, притянувъ къ нему рыцарство и города противъ князей и прелатовъ, какъ противъ общихъ враговъ. Съ этой цѣлью учрежденъ былъ центральный правительственный комитетъ въ Гейльброннѣ, гдѣ засѣдали крестьянскіе депутаты отъ разныхъ мѣстностей. Туда-же положено было созвать и крестьянскій конгрессъ для составленія плана общей реформы имперіи. Планъ этотъ, составленный крестьянскими депутатами, весьма замѣчателенъ. Въ немъ предполагалось отмѣнить пагубное для страны княжевластіе и все верховное управленіе сосредоточить въ рукахъ единаго національнаго императора. Города и общины соединенной нѣмецкой земли должны получить устройство, согласное съ заповѣдью христіанской любви и требованіями натуральнаго права. При такомъ порядкѣ, привилегированные классы не будутъ уже угнетать народъ, а напротивъ — будутъ любить и защищать его. Кромѣ государственныхъ повинностей, никакихъ другихъ впредь не будетъ. Единство монеты, вѣса и мѣръ, свобода дорогъ, мостовъ, воды и лѣсовъ — довершатъ политическое и общественное объединеніе Германіи, а преобразованное по смыслу Евангелія духовенство станетъ въ ней стражемъ истиннаго благочестія и правды. Большая часть того, о чемъ и теперь еще мечтаютъ нѣмецкіе патріоты-утописты, здѣсь — въ этомъ эфемерномъ крестьянскомъ проэктѣ.

Если красная революція, временно увлекшая инсургентовъ, въ самихъ-же крестьянахъ встрѣтила такое противодѣйствіе, то тѣмъ больше отпора должна была вызвать она со стороны Лютера и князей. До вейнсбергскаго дѣла, глава германской реформы держалъ еще себя довольно уклончиво. Извѣстно, что крестьяне посылали ему на утвержденіе свои „двѣнадцать статей“, чѣмъ поставили его

въ весьма щекотливое положеніе. Онъ думалъ выпутаться изъ него, явившись посредникомъ между князьями и народомъ. Первымъ совѣтовалъ сдѣлать нѣкоторыя справедливыя уступки, второму — отказаться отъ неумѣренныхъ требованій. Разумѣется, что этимъ онъ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны. Но когда пришла вѣсть о вейнсбергскихъ ужасахъ, положеніе его обрисовалось вполнѣ. Въ посланіи „противъ разбойниковъ и убійцъ крестьянъ", онъ разразился противъ революціи со всею силою своей порывистой и бурной натуры и требовалъ отъ князей безпощаднаго истребленія мятежниковъ, которыхъ слѣдуетъ „бить, колоть, рѣзать и вѣшать, какъ бѣшеныхъ собакъ".

Но князья не ждали этого призыва. Еще прежде, чѣмъ раздался громовый голосъ изъ Виттенберга, Георгъ герцогъ саксонскій, Филиппъ ландграфъ Гессена и союзъ швабскихъ владѣтелей начали истребительную войну съ революціей. Крестьяне же, съ своей стороны, еще болѣе повредили своему дѣлу тѣмъ, что съ самаго начала стали во враждебныя отношенія къ городамъ и рыцарству. При тогдашнемъ недовольствѣ этихъ сословій своимъ положеніемъ, въ нихъ могли бы они найдти отличныхъ союзниковъ, и вмѣсто того находили теперь враговъ. Попытка сближенія, со стороны гейльброннскаго правленія, была предпринята, но поздно, и не повела ни къ чему. Инсургенты предоставлены были однѣмъ собственнымъ силамъ. Но что такое были инсургенты? Нестройныя толпы всякаго сброда, въ родѣ недавнихъ польскихъ бандъ, плохо вооруженныя, незнакомыя ни съ дисциплиной, ни съ военнымъ искусствомъ, почти вовсе не имѣвшія артиллеріи. Еще могли бы они подавить враговъ своею многочисленностію и дружнымъ, повсемѣстнымъ, одновременнымъ напоромъ на нихъ достигнуть цѣли возстанія. Но въ томъ-то и дѣло, что этого единодушія не было и не могло быть. Если даже въ настоящую минуту нѣмцы довольно угловато еще чувствуютъ себя то пруссаками, то австрійцами, то саксонцами и ганноверцами, то легко представить, съ какою рѣзкостію выдѣлялись ихъ племенныя особенности въ XVI столѣтіи. Тогда не только швабы смотрѣли съ какою-то враждебностію на франконцевъ и франконцы — на тюринговъ, но въ самой Швабіи существовалъ племенной антагонизмъ между оберъ- и нидеръ-швабами, во Франконіи — между верхними и нижними франконцами. Что-жъ удивительнаго, что князья, связанные общими интересами и общею опасностію, успѣли со своими немногочисленными, но храб-

рыми и опытными наемными полками, въ нѣсколько мѣсяцевъ, разсѣять и истребить нестройныя, разрозненныя крестьянскія рати? Георгъ Фрундсбергъ, знаменитый кондотьеръ временъ Карла V, нанесъ сильный ударъ революціи, подавивъ возстаніе на Шварцвальдѣ, т. е. въ самой его колыбели. Предводитель войскъ швабскаго союза Трухзесъ фонъ-Вальдбургъ очистилъ отъ крестьянскихъ шаекъ прирейнскія области. Георгъ саксонскій, Филиппъ гессенскій и герцогъ брауншвейгскій взяли на себя усмиреніе Франконіи и Тюрингіи.

Таковъ былъ ходъ событій въ Германіи весной и лѣтомъ 25-го года. Что же дѣлалъ въ это время и какъ относился ко всему этому Томасъ Мюнцеръ, котораго мы въ послѣдній разъ оставили въ Мюльгаузенѣ?

Когда дѣла революціи приняли неблагопріятный оборотъ, стало исчезать и очарованіе, подъ властію котораго такъ долго находился Мюнцеръ. Смутно сталъ онъ догадываться, что затѣялъ дѣло, не только превышавшее его собственныя силы, но и силы эпохи, слишкомъ для того незрѣлой. Онъ мѣрилъ народъ своимъ собственнымъ энтузіазмомъ и горько въ немъ ошибся. Теперь только началъ понимать онъ, что никто не властенъ сдѣлать свободнымъ того, у кого въ душѣ еще рабскія чувства и помыслы. У него предъ глазами совершались событія, не оставлявшія никакого сомнѣнія на счетъ исхода великой борьбы, вождемъ и героемъ которой онъ думалъ явиться. Союзные князья застигли крестьянскую армію близъ Фульды, у подошвы Фрауэнберга, истребили ее почти всю, — и никто изъ собратій не подалъ ей помощи. Напротивъ, паническій страхъ оковалъ всю страну. Напрасно изъ Мюльгаузена летѣли огненныя воззванія. На голосъ ихъ откликнулись очень немногіе. Тюринги были народъ невоинственный, непривычный къ оружію, мало приготовленный къ возстанію. Революціонная пропаганда шла здѣсь медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ Швейцаріи и на Рейнѣ. Кое-какъ, однако, съ большими усиліями, удалось здѣсь составить новое восьмитысячное крестьянское ополченіе. Это-то войско, послѣдняя надежда революціи, встрѣчено было князьями у Франкенгаузенѣ. Инсургенты укрѣпились на возвышенностяхъ, лежащихъ за городскими стѣнами, окопались рвомъ и окружили себя вагенбургомъ, т. е. оградой изъ походныхъ повозокъ. Они ждали помощи, обѣщанной изъ Мюльгаузена. Въ виду ихъ стояли князья со своими отборными дружинами, неуступавшими имъ чис-

*

ломъ, и съ многочисленною артиллеріей. Не трудно было предвидѣть исходъ предстоящей битвы. Оттого изъ крестьянскаго лагеря скакали въ Мюльгаузенъ гонцы за гонцами съ просьбами и мольбами о помощи. Положеніе Мюнцера было самое критическое. Правда, онъ давно уже готовился къ выступленію,—лилъ пушки, заготовлялъ оружіе и составлялъ отряды изъ гражданъ и волонтеровъ. Но отчаянное положеніе франкенгаузенской рати было слишкомъ ясно для всѣхъ. Выступить къ нимъ на помощь значило идти на вѣрную гибель. Мюнцеръ понималъ это какъ нельзя лучше. Но обстоятельства сложились такъ фатально, что ему нельзя было не идти. Какъ было ему, въ самомъ дѣлѣ, оставить и отвернуться отъ людей, поднявшихся на его призывъ и принесшихъ жизнь свою на поле битвы въ единственномъ упованіи на него? Гедеонъ новаго израиля не могъ и не долженъ былъ прятаться въ минуту крайней опасности. Народъ, вѣрившій въ него, какъ въ пророка, ждалъ отъ него не только подвиговъ, но и чудесъ. Мюнцеръ стоялъ на краю пропасти, и голова у него кружилась. Ему, проповѣднику энтузіазма, въ жизни своей не видавшему ни одного сраженія, выступить въ поле противъ отличной регулярной арміи, предводимой опытными генералами, принять команду, распоряжаться, другимъ подавать примѣръ,—ему, неумѣвшему владѣть другимъ оружіемъ, кромѣ пера и увлекательной рѣчи? Судорожно схватился онъ теперь за эти единственные рессурсы, разослалъ новыя прокламаціи, отправилъ гонцовъ къ уцѣлѣвшимъ еще во Франконіи бандамъ, призывая ихъ къ дружному содѣйствію, объявилъ мюльгаузенцамъ, что, согласно съ даннымъ ему откровеніемъ, съ закатомъ солнца должны выступить всѣ. Никто не двинулся на этотъ отчаянный зовъ. Тупое оцѣпенѣніе оковало гражданъ, рѣшившихся умирать уже лучше на стѣнахъ родного своего города. Мюнцеръ принужденъ былъ выступить съ толпой наэлектризованныхъ имъ фанатиковъ, числомъ не болѣе трехъ-сотъ, и благополучно достигъ Франкенгаузена.

Въ крестьянскомъ лагерѣ все было въ страшномъ уныніи. Ропотъ слышался отовсюду. Обвиняли безумно вождей, приведшихъ ихъ сюда на явную смерть. Появленіе Мюнцера съ горстью отчаянныхъ мюльгаузенцевъ нѣсколько оживило надежды, но не могло поднять сильно упавшаго духа. Князья воспользовались этимъ и завели переговоры съ крестьянами, обѣщая имъ пощаду, если они выдадутъ Мюнцера и главныхъ начальниковъ. Толпа поколе-

балась. Нашлись люди, — одинъ священникъ и какой-то замѣшавшійся дворянинъ, которые уговаривали народъ въ этомъ смыслѣ. Мюнцеръ увидѣлъ, что еще нѣсколько минутъ нерѣшительности, — и дѣло будетъ невозвратно потеряно. Тогда самосохраненіе, негодованіе, самолюбіе, отчаяніе, — всѣ пружины человѣческой энергіи и героизма проснулись въ немъ вдругъ. Онъ понялъ, что надобно дѣйствовать и что громадной отвѣтственности, предъ которою отступалъ онъ такъ долго, избѣжать нельзя. Началъ онъ съ того, что велѣлъ тутъ же обезглавить двухъ малодушныхъ совѣтниковъ, смущавшихъ народъ. За-тѣмъ собралъ вокругъ себя своихъ людей и сказалъ имъ одну изъ тѣхъ зажигающихъ рѣчей предиканта и демагога, которыя фанатизируютъ массы. Онъ говорилъ о своемъ посланничествѣ, о томъ, какъ Богъ избралъ его орудіемъ истребленія безбожныхъ и нечестивыхъ, пожирающихъ потъ и кровь бѣдняка, о горькихъ и долгихъ неправдахъ, вынесенныхъ народомъ, о страшной будущности въ случаѣ неудачи. Съ теченіемъ рѣчи, энтузіазмъ наполнялъ его самого, сначала неувѣреннаго и колебавшагося, — лицо просіяло вдохновеніемъ, въ рукахъ развѣвалось бѣлое знамя съ изображеніемъ радуги, символа небесной надежды.... „Князья робѣютъ передъ силою божьей рати, говорилъ онъ далѣе, — и стараются обезоружить ее раздоромъ и хитрыми кознями. Но не страшитесь страхомъ плоти, а уповайте на Бога. Гедеонъ, Іонаѳанъ и Давидъ, съ немногими избранниками, поражали полчища. Пушекъ также не бойтесь, — я соберу въ мой рукавъ всѣ брошенные въ васъ камни“. Былъ полдень, горизонтъ обложился тучами, частый дождь шелъ сторонами. Вдругъ появилась на небѣ радуга. Такое стеченіе случайностей суевѣрной и увлеченной толпѣ дѣйствительно могло показаться чудомъ. Радуга, всѣ знали, была эмблемой Мюнцера. „Видите, указывалъ онъ на нее радостный и восторженный, — самъ Богъ посылаетъ намъ знаменіе на небесахъ. Онъ грозитъ злодѣямъ судомъ и карой. Смѣло идите же въ бой, съ надеждой на божію помощь!“.

Экзальтація достигла высшихъ предѣловъ. „Не выдадимъ, умремъ съ тобою!“ — кричали растроганные голоса, и за-тѣмъ все собраніе инстинктивно бросилось на колѣни и запѣло молитвенный гимнъ Святому Духу, поборающему враговъ...

Но въ то время, какъ крестьяне, полагаясь на трехчасовое перемиріе, заключенное съ непріятелемъ, предавались своему энтузіазму, князья уже окружили возвышенность своею артиллеріей и, до

истеченія условленнаго срока, начали аттаку. Оглушительный залпъ внезапно прервалъ благоговѣйную сцену, и тысячи метательныхъ камней полетѣли въ молящихся. Ошеломленные нежданнымъ ударомъ, инсургенты растерялись совершенно. Многіе въ оцѣпененіи такъ и остались на колѣняхъ съ поднятыми къ небу глазами. Окровавленныя тѣла, разорванные члены валялись повсюду. Часть ополченія бросилась бѣжать по направленію къ городу, но другіе защищались отчаянно и легли всѣ на мѣстѣ. Рѣзня продолжалась и на улицахъ Франкенгаузена, и только три тысячи крестьянъ успѣли спастись бѣгствомъ или вымоленной пощадой. Самъ Мюнцеръ попался въ руки побѣдителя.

Въ глубокомъ подземельи гельдрунгенскаго замка томился теперь вождь и главный виновникъ несчастнаго дѣла. Участь его была уже рѣшена. Князья ждали только покоренія Мюльгаузена, чтобы предать его казни въ глазахъ тѣхъ, которые еще такъ недавно поклонялись ему, какъ своему пророку. О состояніи души его въ это время даетъ понятіе письмо, посланное имъ отсюда къ мюльгаузенскимъ гражданамъ. Оно проникнуто смиреніемъ и покорностію судьбѣ. Видно, что страданія и несчастія сломили буйную энергію и страстность этой натуры, но не могли сломить ея убѣжденій. Правда, онъ совѣтовалъ мюльгаузенцамъ сдаться и вымолить милость князей. Въ успѣхѣ „великаго дѣла“ онъ тоже совершенно отчаялся и приписываетъ это „эгоизму, своекорыстію и неразумію многихъ“. Грустное сознаніе незрѣлости общества, о счастіи котораго онъ мечталъ, проступаетъ ясно въ этихъ горькихъ упрекахъ. „Обо мнѣ же не сѣтуйте, заключаетъ онъ письмо. Падая жертвой чужихъ грѣховъ и ошибокъ, я радуюсь опредѣленію божію. Можетъ быть смерть моя послужитъ къ исправленію заблуждавшихся“. Но ни одной тѣни сомнѣнія въ справедливости дѣла, за которое онъ отдавалъ теперь свою жизнь, — нѣтъ въ этомъ послѣднемъ письмѣ, послѣдней исповѣди Томаса Мюнцера. Не даромъ Лютеръ видѣлъ въ немъ закоснѣлаго грѣшника, не обнаружившаго ни малѣйшаго слѣда раскаянія. До послѣднихъ минутъ своей жизни, онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Наконецъ, сдался и Мюльгаузенъ — на милость и немилость побѣдителей. Пятьсотъ женщинъ въ разорванныхъ одеждахъ и съ распущенными волосами, и пятьсотъ дѣвицъ съ терновыми вѣнками на головахъ пришли въ лагерь князей просить пощады для города. Ихъ приняли ласково, накормили хлѣбомъ и сыромъ, но требова-

ли, чтобы граждане явились сами. Тогда потянулась печальная процессія кающихся. Съ босыми ногами и непокрытою головой, съ бѣлыми посохами въ рукахъ, вышли мюльгаузенцы изъ своихъ стѣнъ и трижды повергдись на колѣни передъ князьями. Имъ оставлена жизнь, но не свобода. Они потеряли права имперскаго города, должны были платить ежегодный трибутъ. Главные виновники казнены. Въ числѣ ихъ и Мюнцеръ. Окованнаго и измученнаго страшною пыткой привезли его на мѣсто казни и стали корить многочисленными винами. Несчастный приподнялся на своей повозкѣ и сказалъ: „я вижу, что затѣялъ великое, не по слабымъ силамъ моимъ, дѣло". И за-тѣмъ увѣщавалъ князей быть добрыми и милостивыми къ народу, — тогда и не будетъ подобныхъ смутъ. „Читайте библію, говорилъ онъ имъ. Въ ней вы увидите и примѣры для вашего поведенія и образчики того, какъ страшно наказываетъ Господь безбожныхъ и немилосердныхъ правителей". Это были его послѣднія слова. Ему отрубили голову.

Какъ бы строго ни смотрѣть на Мюнцера, — считать ли его утопистомъ, мечтателемъ и энтузіастомъ, не понимавшимъ истинныхъ потребностей общества, заблуждавшимся на-счетъ народа, который онъ слишкомъ идеализировалъ, — во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это былъ самый оригинальный и даровитый изъ вождей нѣмецкой революціи XVI вѣка. Робеспьеръ своего времени, онъ подобно французскому Робеспьеру былъ исключительный теоретикъ, — съ тѣмъ, однако, различіемъ, что ненависть и кровавыя мѣры противъ аристократовъ проистекали у него не изъ отвлеченной и холодной доктрины, до которой онъ додумался въ тиши кабинета, а изъ сердца, переполненнаго горячимъ участіемъ къ народу. Можно и должно упрекнуть его въ недостаткѣ практичности, необходимой каждому, кто, такъ или иначе, призванъ вести людскія дѣла, но въ безкорыстной любви къ человѣчеству и въ строгой послѣдовательности, съ какою онъ проводилъ свои идеи, ему также отказать нельзя.

Франкенгаузенская катастрофа, паденіе Мюльгаузена и казнь Мюнцера возвѣстили конецъ революціи и возвратъ къ старому порядку, — возвратъ насильственный и кровавый, какъ всѣ почти реакціи, слѣдующія за общественными потрясеніями. Сто тысячъ крестьянъ было избито, прежде чѣмъ князьямъ удалось окончательно подавить возстаніе. Съ другой стороны тысяча дворянскихъ замковъ и монастырей лежало въ развалинахъ.

Что же осталось отъ дикаго взрыва, отъ котораго Германія дол-

го не въ силахъ была оправиться? Остались моральныя перемѣны. Измѣнились понятія и чувства. Территоріальная аристократія, послѣ такого удара, никогда уже съ тѣхъ поръ не могла поднять головы. Она обѣднѣла и измельчала, упала духомъ. Она стала человѣчнѣе, уступчивѣе, уважительнѣе къ народнымъ правамъ. Она помнила всегда урокъ предковъ реформаціоннаго вѣка. Красный призракъ революціи стоялъ у ней постоянно передъ глазами. О ней каждый день напоминали безчисленныя развалины, покрывающія вершины германскихъ горъ по Эльбѣ, Рейнѣ и Дунаю. Страшная исторія шла нѣкогда этимъ путемъ и побросала эти скелеты. Какъ историческія привидѣнія, свидѣтели минувшихъ невзгодъ, и теперь еще торчатъ среди кипящей жизни эти пустынныя, древнія, мхомъ поросшія стѣны, дико и поучительно озирая, своими пустыми, черными окнами, поля, сады, виноградники, города съ вѣчно дымящимися фабриками, желѣзныя дороги и пароходы и все шумное движеніе счастливой современности... Народъ тоже измѣнился во многомъ. На необозримыхъ нѣмецкихъ поляхъ, отъ Швейцаріи до Голландіи и отъ Дуная до океана, гдѣ горѣли нѣкогда костры крестьянскихъ лагерей, выросли новыя поколѣнія. Наученныя судьбой и дѣлами отцовъ, они сдѣлались самыми мирными и кроткими изъ поселянъ. Страсть къ революціямъ исчезла въ нихъ надолго, можетъ-быть, навсегда. Рядомъ настойчивыхъ, вѣковыхъ усилій, путемъ образованія и труда, стали достигать они того счастія, которое ихъ предки пытались добыть насильственной рукой.

IX.

ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ.

НАЧАЛЬНАЯ ЭПОХА ГУМАНИЗМА.

ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ.

Начальная эпоха гуманизма.

При той важности какую въ послѣднее время пріобрѣлъ у насъ вопросъ о классическомъ образованіи, распространеніе правильныхъ понятій объ этомъ предметѣ составляетъ одну изъ прямыхъ обязанностей ученой литературы. Обстоятельная исторія гуманизма, объясняя судьбы и вліяніе классической науки у главнѣйшихъ народовъ Европы, болѣе всего могла бы удовлетворить такой цѣли. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ даже на западѣ изслѣдованъ чрезвычайно слабо. Большая часть сочиненій гуманистовъ до сихъ поръ не издана. О замѣчательнѣйшихъ дѣятеляхъ этого направленія мало хорошихъ монографій; а общее сочиненіе о начальной исторіи „возрожденія“ Георга Фогта, хотя и дѣльное, но — единственное въ этомъ родѣ, и притомъ, оно касается преимущественно Италіи.

При такихъ условіяхъ даже предстоящій короткій очеркъ можетъ быть не безъинтересенъ для читателя, такъ-какъ онъ имѣетъ въ виду познакомить его съ происхожденіемъ и первоначальнымъ характеромъ европейскаго классическаго образованія, съ тѣмъ памятнымъ въ исторіи временемъ „возрожденія“, когда изученіе древнихъ языковъ и литературъ впервые сдѣлалось господствующею системою образованія. Ее называли тогда прекраснымъ именемъ человѣчественнаго воспитанія — „гуманизма“, разумѣя подъ этимъ словомъ развитіе всѣхъ высшихъ, благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой природы, почерпнутое изъ памятниковъ греческаго и римскаго генія. Разносторонности свободнаго и плодовитаго знанія, гибкости развитаго и тонкаго ума, воспріимчивости къ великому и

изящному, уваженія къ человѣческому достоинству, строгаго сознанія гражданскаго долга, — всего, однимъ словомъ, что украшаетъ жизнь и придаетъ ей моральную цѣну и прелесть, думали достигнуть и отчасти дѣйствительно достигали этимъ путемъ. То было время безъотчетнаго увлеченія, слѣпого энтузіазма къ классической древности. Новооткрытый міръ этотъ, какъ все неизвѣстное, неудержимо манилъ воображеніе, подстрекалъ любознательность и энергію изслѣдованія. Въ немъ предполагали всю мудрость и совершенство, отъ него ждали рѣшенія всѣхъ вопросовъ и задачъ современности, закрывая глаза на его недостатки и съ презрѣніемъ относясь къ окружавшей дѣйствительности.

Любопытно видѣть поэтому — къ какимъ практическимъ результатамъ привелъ тогда этотъ общеевропейскій порывъ и какое вліяніе произвелъ онъ на разныя отрасли культуры.

Образованіе это возникло, въ XIV вѣкѣ, на античной почвѣ Италіи, гдѣ и народный языкъ, и сосѣдство древней Византіи, и множество классическихъ воспоминаній, уцѣлѣвшихъ въ памятникахъ литературы и искусства, въ учрежденіяхъ и правѣ, представляли готовые для него элементы.

Его могучимъ иниціаторомъ и типомъ является посреди этого столѣтія Петрарка, въ своемъ лицѣ и дѣятельности совмѣстившій уже почти всѣ тѣ направленія и черты, которыя свойственны вообще итальянскому гуманизму. Уже онъ высказалъ основной принципъ всей системы, доказывая, что развитіе человѣка должно быть всесторонне и гармонично, что наука, поэтому, одна и что она тогда только имѣетъ смыслъ, когда ведетъ насъ къ нравственному совершенству. Вмѣсто цехового, школьнаго, ремесленно-хлѣбнаго знанія схоластиковъ, онъ первый потребовалъ единой, цѣльной, живой и свободной науки, увѣнчанной христіанской моралью. И такъ-какъ матеріалъ и методъ для такого образованія въ то время могли дать только древніе, то отсюда — его благоговѣйное поклоненіе античному міру. Геніальный дилеттантъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, Петрарка самъ стремился къ такому цѣльному и всестороннему развитію, — былъ поэтомъ, филологомъ, юристомъ, естествовѣдомъ и теологомъ, предпочитая, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромное имя христіанина славѣ величайшаго философа.

Такъ-сказать на зарѣ гуманистическаго образованія родилась эта руководящая мысль его, какъ первый даръ возрожденной древности. И какъ ни велики были впослѣдствіи ея искаженія на прак-

тикѣ, но уже важно было то, что историческій путь новой Европы, съ самаго же начала, освѣтился такимъ прекраснымъ идеаломъ. Но идеалъ этотъ, какъ всѣ идеалы, могъ, конечно, воплотиться только не вполнѣ и не вдругъ. Какъ мало доступенъ былъ онъ тогдашнимъ поколѣніямъ, это доказалъ самъ же Петрарка, его творецъ и провозвѣстникъ, — своею жизнію. Проповѣдуя, въ трактатахъ и письмахъ, пренебреженіе къ земнымъ благамъ, смиреніе, культъ тихой дружбы, простую созерцательную жизнь философа и всю суровую мораль древнихъ стоиковъ, — на дѣлѣ это былъ человѣкъ, полный тщеславія и гордости, гонявшійся за вѣнками и почестями, за дружбою и вниманіемъ знатныхъ, за доходными синекурами и пансіонами. Патріархъ итальянскаго и всего европейскаго гуманизма въ хорошихъ его чертахъ, онъ-же первый показалъ примѣръ и обратной его стороны, — того глубокаго разлада между теоріей и практикой, ученіемъ и жизнію, и цѣлой системы лицемѣрія и лжи, какія встрѣчаемъ мы почти во всѣхъ итальянскихъ гуманистахъ.

Въ Петраркѣ, однако, подлѣ такого оскорбительнаго противурѣчія между словомъ и дѣломъ, мы все-же находимъ еще и два почтенныхъ качества — патріотизмъ и уваженіе къ церкви. Но слѣдующія поколѣнія гуманистовъ, въ извѣстной степени, отрѣшились и отъ реальной почвы. Большая часть ихъ сдѣлалась какими-то абстрактными всемірными гражданами, настоящимъ отечествомъ которыхъ была ихъ „litterarum respublica“. Они кощунствовали надъ христіанствомъ, или же относились къ нему равнодушно, видя въ св. писаніи не источникъ нравственнаго обновленія, а просто — литературный памятникъ. Неискренность же рѣчи и разладъ ея съ дѣломъ становятся въ нихъ еще поразительнѣе. Что представляетъ намъ, напримѣръ, жизнь Филельфо, Поджо, Лоренцо Валы, этихъ корифеевъ классической учености въ первую медицейскую эпоху, т. е. въ вѣкъ Козимо и Николая V? Неумолкающую перебранку и взаимныя интриги, раболѣпное ползанье передъ знатными меценатами, безсовѣстный торгъ убѣжденіемъ и талантомъ, и подлѣ всего этого — самое наглое самохвальство и гордое презрѣніе къ „profanum vulgus“, т. е. къ народу, его языку, интересамъ и чувствамъ. Нахалъ и низкій попрошайка Филельфо, продававшій свое хвалебное перо кому угодно, очень серіезно убѣжденъ былъ въ своемъ превосходствѣ надъ Виргиліемъ и Цицерономъ потому только, что могъ писать отлично по-латыни и по-гречески въ стихахъ и прозѣ. Вала, по заказу покровителя своего, короля неаполитанскаго Альфонсо,

бывшаго во враждѣ съ римскимъ дворомъ, разражается противъ папства самою бурною инвективой и обнародываетъ весьма непріятныя для католической церкви критическія замѣчанія на вульгату; но, нѣсколько лѣтъ спустя, мы видимъ того-же Валу на службѣ куріи и на хорошемъ жалованьи у Николая V. Такихъ и еще худшихъ примѣровъ можно было бы привести десятки и сотни изъ исторіи итальянскихъ гуманистовъ. И однакожъ то были люди, въ своихъ сочиненіяхъ, очень краснорѣчиво декламировавшіе о добродѣтели на-манеръ Цицерона и Сенеки. Что же подумать затѣмъ о самомъ обществѣ, если его учители и апостолы новаго просвѣщенія отличались такою глубокой деморализаціей? Время гуманизма, въ нравственномъ отношеніи, есть, дѣйствительно, самое мрачное въ итальянской исторіи. Моральная порча эта имѣла, конечно, другое происхожденіе и возникла ранѣе. Но мы въ-правѣ указать на то, что классическое образованіе не только не исцѣлило ее, но, напротивъ, еще болѣе усилило, такъ-какъ имъ снова введено было въ жизнь много чувственной грязи и пороковъ растлѣннаго Рима послѣднихъ временъ. Да и какъ могла улучшиться публичная мораль, когда продажное перо гуманистовъ, этихъ кондотьеровъ науки, властвовавшихъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, одинаково готово было прославить и благороднѣйшіе характеры, какими были Медичи, Козимо и Лоренцо, и такого безсердечнаго и отвратительнаго тирана, какъ Филиппо Марія, послѣдній Висконти? А между тѣмъ, въ чаду безстыдныхъ ласкательствъ передъ кормильцами-меценатами, тупѣла совѣсть народа и чувство правды и добра стиралось до полнаго индифферентизма. Даже учрежденіе платонической академіи во Флоренціи, основанной Козимо де-Медичи съ цѣлію распространенія возвышенной этики Платона не только въ школахъ, но и въ жизни, мало пособило бѣдѣ. И въ то самое время, какъ члены ея собирались на свои ежегодные симпосіоны, чтобы почтить память боготворимаго философа братскимъ пиршествомъ въ предполагаемый день его рожденія и общей бесѣдой о его ученіи, — Савонарола велъ свою дикую аскетическую реакцію именно противъ самаго антиплатоническаго порока, — противъ отвратительнѣйшей чувственности, обуявшей всю Италію. Въ аристократическомъ кругу академиковъ встрѣчается, конечно, и нѣсколько свѣтлыхъ личностей, подобныхъ Марсиліо Фичино, Анджело Полиціано и нѣкоторымъ представителямъ медицейской фамиліи; но, въ общей массѣ, это были одинокія явленія.

Въ нравственномъ отношеніи, стало-быть, возрожденіе классической древности оказалось для Италіи безплоднымъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ благотворнымъ вліяніемъ. Посмотримъ теперь — какія послѣдствія принесло оно въ политикѣ и общественной жизни.

Дѣйствіе пробужденныхъ античныхъ воспоминаній на политическую сторону итальянской жизни было чрезвычайно могущественно. По мѣрѣ того, какъ ученые, мало-по-малу, знакомились съ римскими историками, ораторами и юристами, предъ ихъ изумленными взорами изъ тысячелѣтняго гроба подымался вѣнчанный призракъ древняго Рима съ его стройной организаціей, съ его славой и всемірнымъ владычествомъ. Неслыханный восторгъ овладѣлъ ими при этомъ зрѣлищѣ. Вѣдь это наши прямые праотцы, кричали гуманисты, Италія — наслѣдница Рима, его величія и исторической роли. Заальпійскіе варвары, опять, какъ нѣкогда, должны склониться у нашихъ ногъ! Подъ вліяніемъ такихъ представленій имъ показалось возможнымъ воскресить давно умершее прошедшее; въ ихъ экзальтированной фантазіи современная жизнь стала уже одѣваться въ античные цвѣта; подъ ихъ перомъ, итальянскіе тираны превратились въ Августовъ и Траяновъ, подравшіеся кондотьеры — въ Аннибаловъ и Сципіоновъ, даже христіанское небо — въ древній олимпъ. Гуманистъ папа Пій II, Пикколомини, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ о какомъ-то усопшемъ, что онъ, вмѣстѣ съ Христомъ и Богомъ, пьетъ нектаръ безсмертія на небесахъ. Отъ этого, конечно, Сфорца и Альфонсо Арагонскій не сдѣлались Августами, точно такъ-же, какъ кондотьеры не сдѣлались дѣйствительными Сципіонами, и жизнь по-прежнему продолжала идти и развиваться своимъ несовратимымъ путемъ; но въ сферѣ политики все же водворилась какая-то неискренность и обманъ и то-же противорѣчіе слова и дѣла, какое мы видѣли уже въ частной морали. Болѣе трезвые умы, впрочемъ, сознавали, что для возстановленія древней славы Италіи и ея мірового значенія, нужно искать какихъ-нибудь практическихъ, реальныхъ путей, а не античныхъ фантазій въ родѣ театральной попытки Коло-ди-Ріенци воскресить, среди XIV вѣка, „senatus populusque romanus“. Практическія средства эти навѣяны были патріотамъ тѣмъ-же возрожденнымъ античнымъ міромъ. Они поняли, что нечего и думать о древнемъ величіи края, пока онъ разорванъ на множество мелкихъ политическихъ сферъ, ослаблявшихъ и терзавшихъ другъ друга. Они поняли также, что, при тогдашней нравственной порчѣ, невозмож-

на въ немъ и общественная свобода, и потому указали на тиранію, въ духѣ римскаго императорства, какъ на органъ и средство объединенія Италіи. „Libro del principe“ Макіавелли есть не что иное, какъ теоретическая обработка этихъ представленій. Въ глазахъ его, домъ Медичи, и именно тогдашній глава флорентійской республики, Лоренцо, былъ человѣкомъ, наиболѣе способнымъ къ роли такого спасительнаго всеитальянскаго тирана. Въ назиданіе ему написалъ онъ и свой знаменитый трактатъ, гдѣ классическая идея о всемогуществѣ государства и о ничтожествѣ личности передъ этимъ всепоглощающимъ кумиромъ древности проведена съ тою неоглядною послѣдовательностію, которая не обращаетъ вниманія ни на голосъ христіанской любви къ человѣку, ни на правила обыденной морали. Такимъ образомъ макіавеллизмъ, съ его бездушной и безнравственной тираніей, властвовавшій надъ Европой почти до временъ революціи, былъ тоже довольно фатальнымъ подаркомъ „возрожденія“. Ходъ европейской исторіи, начиная съ XV вѣка, и безъ того, конечно, клонился къ повсемѣстному возвышенію абсолютной монархіи, и само ученіе Макіавелли потому только и получило значеніе, что совпадало съ естественнымъ теченіемъ времени; но нельзя однако не видѣть, что древне-римскія представленія о государствѣ, привившись къ новой монархіи, придали законному и въ сущности благодѣтельному процессу ея развитія какой-то суровый и отталкивающій характеръ. Между тѣмъ, для самой Италіи античныя мечты Макіавелли и единомышленныхъ съ нимъ патріотовъ не принесли ожидаемыхъ плодовъ. Страна по-прежнему осталась политически-разорванною и безсильною и, пользуясь этимъ, презираемые заальпійскіе варвары, вмѣсто того, чтобы склониться у ногъ царственной націи, три вѣка еще топтали ея прекрасную почву. Давно желанное объединеніе и освобожденіе совершились только теперь, на нашихъ глазахъ, и притомъ такими путями, съ которыми имѣютъ весьма немного общаго государственныя теоріи гуманизма.

За-то въ наукѣ, литературѣ и особенно искусствѣ произвело возрожденіе древности дѣйствительно великія явленія. Стоитъ вспомнить имена Микель-Анджело, Рафаэля, Леонардо да-Винчи, Корреджіо и Тиціана, чтобы представить себѣ такую блестящую эпоху художественнаго развитія, какой Европа не видала со временъ перикловской Греціи. Даже въ литературѣ это художественное направленіе сдѣлалось преобладающимъ. Итальянецъ прежде всего —

артистъ, а потому и въ произведеніяхъ древности онъ увлекся не столько ихъ содержаніемъ, сколько изящною внѣшнею отдѣлкой. Стройность и благозвучіе античной рѣчи, музыка метрическаго стиха больше всего плѣнили его сначала и увлекли къ рабскому подражанію. Извѣстно, какъ бѣдны творчествомъ сочиненія гуманистовъ; но Пико делла-Мирандола, Полиціано, Бембо, Муретъ и десятки другихъ достигли такого совершенства древней версификаціи и владѣли такою безукоризненной цицероновской латынью, какая недоступна была даже самимъ римлянамъ послѣ того, какъ миновалъ золотой вѣкъ ихъ письменности. Въ пылу этого благоговѣйнаго поклоненія древности, національный языкъ и національный геній, еще въ началѣ XIV вѣка, двинутые мощной рукою Данта, были задержаны въ своемъ полетѣ. Многіе стыдились даже писать по-итальянски. Петрарка, напримѣръ, смотрѣлъ на свои сонеты, какъ на пустую забаву и почти — какъ на грѣхи своей юности. Потомство отомстило имъ за это пренебреженіе родного языка и родной стихіи. „Сфорціада“ Филельфо, на которой онъ основывалъ свои надежды и права на безсмертіе, не удостоилась даже печатнаго изданія и тлѣетъ въ пыли библіотекъ. Или — кто знаетъ въ наше время о латинскихъ сочиненіяхъ Петрарки, за которыя его нѣкогда вѣнчали въ Капитоліи; кто знаетъ даже о его поэмѣ „Африка“, гдѣ виргиліевскими гексаметрами воспѣлъ онъ вторую пуническую войну? Послѣ смерти знаменитаго автора, гуманисты торжественно перенесли ее во Флоренцію, какъ непреходящій памятникъ отечественной славы. Но уже нѣсколько поколѣній спустя, она была совершенно забыта, какъ забыты десятки другихъ подобныхъ произведеній. Между тѣмъ какъ его патріотическая канцона — „Italia mia“ и теперь еще заставляетъ биться итальянское сердце.

Наука также, съ гуманизмомъ, сдѣлала огромный и рѣшительный шагъ. Свѣдѣнія гуманистовъ по разнымъ отраслямъ на столько превосходили старую схоластику, на сколько истинный Аристотель и Плиній выше Аверроэса и Альберта Великаго, Трибоніанъ — выше глоссаторовъ и блаженный Августинъ и греческіе отцы — выше Ѳомы аквинатскаго или Николая лирскаго. Но не одною массою и правильностію новыхъ научныхъ понятій, почерпнутыхъ изъ классическихъ источниковъ, превосходили эти люди средневѣковыхъ ученыхъ. Что, въ-особенности, давало имъ неизмѣримый перевѣсъ въ глазахъ общества, это ихъ отношеніе къ наукѣ, ихъ пріемы и методъ. Схоластическая ученость эпохи давно уже

превратилась въ пустое діалектическое развитіе, въ безцѣльное и безплодное перемалываніе традиціонно установившихся авторитетовъ, гдѣ, за тонкостями и хаосомъ различеній, опредѣленій, подраздѣленій, комментаріевъ и цитатъ, погасла и потерялась живая мысль и ея практическое значеніе. Самые отвлеченные вопросы и столь-же отвлеченные способы ихъ рѣшенія поглотили все вниманіе ученыхъ. Эразмъ роттердамскій, въ знаменитой сатирѣ „похвала глупости", осмѣиваетъ одного теолога старой школы, который, передъ своими слушателями, весьма пространно и съ большой эрудиціей доказывалъ божественность Спасителя тѣмъ, что его латинское имя „Jesus" склоняется только въ трехъ падежахъ, соотвѣтствующихъ идеѣ начала, средины и конца, т. е. божества. Вооруженный здравымъ практическимъ смысломъ, воспитаннымъ античными образцами, гуманизмъ повелъ неумолимую войну противъ этой мертвой, ремесленной, сухой и неприложимой науки, противъ ея исключительнаго церковнаго характера и, наконецъ, вытѣснилъ ее изъ школъ и жизни. Конечно, на мѣсто ниспровергнутыхъ средневѣковыхъ авторитетовъ, онъ, на нѣкоторое время, подчинилъ европейскую мысль другому, столь-же стѣснительному авторитету древности; но обнаруженный имъ въ борьбѣ со схоластикой смѣлый и свободный методъ долженъ былъ повести впослѣдствіи и къ самостоятельному богатому развитію, далеко оставившему за собой все, до чего, въ области мысли и знанія, могъ дойдти древній міръ.

Вотъ свѣтлыя и темныя черты итальянскаго гуманизма. И какъ ни бѣгло представленъ здѣсь его очеркъ, все же изъ него видно уже довольно ясно, что образованіе это, какъ нѣчто привитое и чуждое, въ сущности не измѣнило естественнаго теченія итальянской жизни и что вліяніе его тогда только оказывалось и могучимъ и прочнымъ, когда его стремленія и характеръ совпадали съ дѣйствительными настроеніями и интересами общества.

Такъ, ни политикѣ, ни морали оно не въ силахъ было дать лучшаго хода; если же въ искусствѣ и наукѣ произвело могучее движеніе, то лишь потому, что, въ этомъ отношеніи, гармонировало какъ съ художественнымъ характеромъ націи, такъ и съ духомъ времени. Что же касается литературы, то подражательный классицизмъ только на-время заслонилъ въ ней развитіе національнаго генія, но, уже полтора вѣка спустя послѣ Петрарки, романтическій эпосъ и лирика, въ лицѣ Пульчи, Аріосто и отчасти Тассо, опять торжествовали свой блестящій періодъ.

Гуманизмъ не выполнилъ всѣхъ надеждъ и не оправдалъ энтузіазма, съ какимъ его встрѣтили поколѣнія XIV и XV вѣковъ, но, посреди мрака предразсудковъ и невѣжества, въ виду безжизненнаго и узкаго схоластицизма эпохи, онъ все-же былъ могучимъ, тогда единственнымъ, рычагомъ всесторонняго духовнаго развитія. Это было солнце, взошедшее надъ Европой изъ-за альпійскихъ вершинъ и наполнившее своими лучами Францію, Англію, Германію, далекую Венгрію и Польшу. Апостолы новаго образованія, итальянскіе ученые и литераторы, разнесли его сѣмена по всѣмъ этимъ странамъ, а великіе церковные соборы въ Пизѣ, Костанцѣ, Базелѣ и Флоренціи, такъ много вообще способствовавшіе взаимному обмѣну идей между западными націями, еще ближе познакомили съ нимъ Европу. Наконецъ, итальянскія войны и всесвѣтно-монархическіе планы Карла V, сдѣлавшіе Италію средоточіемъ тогдашней политики, окончательно распространили его повсемѣстно. Въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ оно принимало тотъ или другой характеръ и породило весьма различныя явленія, но общій законъ, что жизнь, со своими насущными потребностями, сильнѣе всѣхъ научныхъ системъ, повторился повсюду.

Такъ, во Франціи гуманизмъ столкнулся съ рыцарскимъ духомъ страны и съ монархическими стремленіями ея правительства. Кажется — что могло быть противуположнѣе, какъ рыцарство и античное государство! Здѣсь — полный просторъ личной воли и личныхъ правъ, сдерживаемый однимъ только нравственнымъ закономъ; тамъ — полное поглощеніе личности интересами и цѣлями общества. Но гуманизмъ умѣлъ однако ужиться съ обоими элементами. И въ то время, какъ Приматиче и Челлини, Делормъ и Леско украшаютъ своими художественными произведеніями блестящій средневѣковый дворъ короля-рыцаря, — юристы изъ школы Альціата, на основаніи новооткрытыхъ пандектовъ, въ королевскихъ ордонансахъ проводятъ идею государственнаго абсолютизма. Даже въ литературѣ французской, временъ такъ называемаго классицизма, какъ-то странно мирятся ея придворный, монархическій характеръ и подражаніе древнимъ сюжетамъ и формамъ съ феодальною куртоазіей и рыцарскими воззрѣніями и чувствами. Эпоха „возрожденія“, однимъ словомъ, состояла и для Франціи не во внесеніи въ жизнь какого-нибудь новаго начала, а только въ большемъ развитіи данныхъ, существующихъ направленій.

Въ Англіи тоже, куда гуманистическое образованіе проникло

нѣсколько позже другихъ странъ европейскихъ, оно не измѣнило ни сущности, ни исхода горѣвшей здѣсь борьбы между католичествомъ и новыми религіозными мнѣніями и, съ другой стороны,— между свободнымъ гражданскимъ духомъ страны и абсолютизмомъ Тюдоровъ и Стюартовъ. Въ обоихъ лагеряхъ оно одинаково служило могущественнымъ оружіемъ и способно было воспитать какъ Томаса Мура, мученика католической церкви и стойкаго поборника стараго британскаго права, такъ и Елисавету, героиню протестантизма и государыню съ сильными наклонностями къ самовластію. Національной-же литературѣ оно меньше чѣмъ гдѣ-нибудь помѣшало идти естественнымъ путемъ,—и, тогда какъ филологи XVI вѣка приготовляли блестящую эпоху классической науки, эпоху—Меттеровъ, Беркеровъ и Бентли, англійская поэзія, начавши свое могучее народное развитіе съ Чосера,—въ геніи Шекспира достигла уже всемірнаго значенія.

Наконецъ, въ Германіи гуманизмъ засталъ совершенно другія обстоятельства, иныя политическія задачи, иной духъ и стремленія; но, въ свою очередь, умѣлъ послужить и имъ.

Между различными интересами, наполняющими средневѣковую жизнь этой страны, самое видное мѣсто безспорно занимаетъ исконное стремленіе нѣмецкой націи отбиться отъ тираніи Рима. Ибо не только господствующее явленіе ея исторіи—борьба имперіи съ папствомъ—имѣетъ, въ своей основѣ, это значеніе, но оппозиція идетъ систематически въ теченіи вѣковъ и проникаетъ сокровеннѣйшіе изгибы народнаго духа. На континентѣ Европы едва-ли былъ другой народъ, который бы столько разъ, и притомъ—въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, протестовалъ противъ теократическихъ притязаній и мірского характера римской іерархіи. И мистики XIV столѣтія, и народная литература въ своихъ пасквиляхъ и сатирахъ, и тяжеловѣсная школьная эрудиція на соборахъ временъ великаго раскола—неоднократно подымали свой голосъ въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, всевозможныя еретическія мнѣнія—вальденсовъ, лоллардовъ, гусситовъ, гонимыя въ ихъ отечествѣ, находили здѣсь безопасное убѣжище. Плодомъ такого долгаго и общаго настроенія была, какъ извѣстно, реформація XVI вѣка. Гуманизмъ очень рано примкнулъ къ этому оппозиціонному движенію, сообщивъ ему и болѣе научный характеръ и силу.

Уже въ половинѣ XV вѣка представляются намъ въ Германіи двѣ группы гуманистовъ: національная, опиравшаяся на мистиковъ

предъидущаго столѣтія, распространенная преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ и на Рейнѣ и имѣвшая своимъ средоточіемъ девентерскую школу и подвижническое „братство совокупнаго жительства", — и итальянская, составившаяся въ земляхъ верхняго и средняго Дуная усиліями итальянскихъ пропагаторовъ; центры ея — въ Вѣнѣ, Прагѣ и Нюрнбергѣ. Лучшимъ представителемъ первой можетъ считаться Томасъ кемпійскій, авторъ знаменитаго сочиненія „о подражаніи Христу", второй — Энеа Сильвіо де-Пикколомини, бывшій впослѣдствіи папою подъ именемъ Пія II. Тотъ и другой служатъ полнымъ выраженіемъ направленій, ими представляемыхъ, и вмѣстѣ — глубокой противуположности между гуманическимъ геніемъ двухъ странъ. Томасъ кемпійскій — патріотъ и христіанинъ въ самомъ глубокомъ значеніи этихъ словъ, и даже христіанинъ болѣе, чѣмъ патріотъ. Его книга — это внутренняя религія сердца въ противуположность внѣшней обрядности и формализму, въ которыхъ давно уже потонуло пресловутое благочестіе среднихъ вѣковъ. Древніе философы и моралисты для него важны лишь на-столько, на-сколько они могутъ укрѣпить и развить чувства благодатной любви и созерцательнаго общенія съ божествомъ. Энеа Сильвіо — космополитъ и практическій дѣятель, безцеремонно эксплуатирующій религію, убѣжденія, чувства свои и чужія, ради житейскихъ выгодъ и цѣлей. Классической литературѣ онъ поклоняется именно потому, что она представляетъ превосходную школу практической мудрости, а ея изящныя формы плѣняютъ его артистическое чутье. Ихъ ученики естественно стали въ такую-же взаимную противуположность. Это двѣ отдѣльныя струи, параллельно текущія и рѣдко сливающіяся между собою: самороднаго нѣмецкаго гуманизма и — заноснаго, итальянскаго. Первая конечно, какъ болѣе свойственная характеру націи, дѣлается преобладающимъ направленіемъ и непосредственно подготовляетъ великое духовное возрожденіе XVI вѣка. Между учениками же Томаса стоятъ лучшіе люди и извѣстные ученые эпохи — Родольфъ Агрикола, Іоганнъ Рейхлинъ, Конрадъ Цельтесъ, — тогда какъ между многочисленными послѣдователями Энеа Сильвіо не было замѣчательныхъ дѣятелей. Исключеніе составляетъ только Эразмъ, который хотя и воспитывался въ Девентерѣ, но совершенно усвоилъ себѣ направленіе итальянское. Наконецъ и всѣ почти церковные реформаторы слѣдующаго затѣмъ поколѣнія — Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли — выросли на почвѣ національнаго классическаго образованія.

У самобытнаго образованія этого было общимъ съ итальянскимъ только восторженное поклоненіе древности. Точно такъ-же и здѣсь, какъ за Альпами, разыскивали, комментировали, переводили и издавали греческихъ и римскихъ писателей, покупая рукописи на вѣсъ золота и наивно считая безсмертнымъ каждаго замѣчательнаго латиниста. Во всемъ остальномъ оно стояло въ рѣзкой противуположности съ романскимъ духомъ аппенинскаго полуострова. Гордая, цѣльная, почти безпримѣсная народность Германіи постоянно служила оплотомъ какъ чистотѣ публичной морали, такъ и стародавнему устройству общественному, проникнутому территоріальнымъ и племеннымъ партикуляризмомъ. Римская идея императорской, т. е. единой, всепоглощающей государственной власти, — идея, искусственно пересаженная на нѣмецкую почву, никогда не пользовалась здѣсь прочнымъ сочувствіемъ. Самъ Карлъ V, воспитанный античнымъ ученіемъ Макіавелли, при всемъ своемъ громадномъ могуществѣ, встрѣтилъ со стороны національныхъ элементовъ такой отпоръ, о который сокрушились всѣ его планы и силы. А распространеніе римскаго права путемъ науки и его постепенное введеніе въ практику до такой степени противорѣчило отечественнымъ преданіямъ и чувствамъ, что было даже одною изъ сильнѣйшихъ причинъ великаго народнаго мятежа временъ реформаціи. Ясно, что, при такомъ настроеніи патріотическаго большинства, политическая литература древнихъ не могла здѣсь встрѣтить симпатичнаго пріема. За-то классическая философія, особенно идеализмъ Платона, очень удачно гармонировавшій съ духомъ и характеромъ націи, и воспитавшіеся на платонической морали отцы христіанской церкви стали властвовать надъ лучшими умами. По примѣру медицейской академіи во Флоренціи, возникло даже литературное общество на Рейнѣ съ цѣлію научнаго и практическаго распространенія этихъ ученій. Здѣсь, правда, не было ни витіеватыхъ рѣчей, ни философскихъ банкетовъ, ни всего театральнаго показа итальянцевъ; но люди, какъ Дальбергъ, Геймбургъ, Агрикола, своею жизнію иллюстрировали древне-германскую честность, просвѣтленную и осмысленную тонкимъ классическимъ образованіемъ. Здѣсь не было также и того равнодушія къ религіи, какое мы видѣли за Альпами. Напротивъ того, какъ филологическими работами, такъ и изученіемъ самаго содержанія древнихъ писателей, нѣмецкій гуманизмъ весь направленъ былъ къ возстановленію первобытной чистоты христіанства, искаженнаго своекорыстной и мірской политикой папъ.

Наконецъ, самое меценатство, ученая гордость гуманистовъ и ихъ аристократическое пренебреженіе къ народу — здѣсь далеко не были такъ оскорбительны, какъ въ Италіи. Въ Германіи, однимъ словомъ, классицизмъ попалъ въ иную среду, и потому произвелъ иныя явленія и результаты.

Какое же заключеніе вправѣ мы теперь вывести изъ сдѣланнаго обзора?

Мы видѣли, что гуманизмъ во всѣхъ странахъ Европы являлся превосходнымъ и могущественнымъ средствомъ развитія, но что онъ почти безразлично развивалъ всякое данное содержаніе. Съ одинаковымъ успѣхомъ воспитывалъ онъ вѣру и скептицизмъ, мораль и безнравственность, патріотизмъ и космополитію, свободу и рабство, вездѣ прилаживаясь къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ времени; если же иногда и пытался провести независимо какую-нибудь античную идею въ-разрѣзъ съ дѣйствительными интересами жизни, то всегда почти безуспѣшно. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что образованіе это, въ свою первую пору, т. е. въ XV и XVI столѣтіяхъ, болѣе всего способствовало лишь формальному развитію уже готовыхъ, данныхъ самою жизнію элементовъ и что тѣ или другіе плоды его совершенно зависѣли отъ свойства этихъ элементовъ, отъ почвы, на которую падало сѣмя.

Въ видѣ нагляднаго уясненія этой мысли, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на двухъ знаменитыхъ историческихъ дѣятеляхъ XVI вѣка — Эразмѣ и Лютерѣ. Люди эти, одинаково воспитавшіеся на классицизмѣ, были не только современниками, но и главными героями одного и того-же историческаго интереса, волновавшаго въ ихъ время западную Европу, — и однако-же, какъ различны были ихъ убѣжденія, ихъ образъ дѣйствій и достигнутые ими результаты!

Хотя Эразмъ роттердамскій по рожденію былъ голландецъ, но собственно не принадлежалъ никакой націи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ абстрактныхъ ученыхъ, какихъ эпоха гуманизма породила довольно много, особенно въ Италіи. Нельзя даже назвать его и космополитомъ, потому что прямымъ отечествомъ его былъ одинъ только древній, классическій міръ или правильнѣе — его возрожденная литература. Всю жизнь свою переѣзжая съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, и проживая иногда по цѣлымъ годамъ то въ Нидерландахъ, то во Франціи, то въ Англіи, или Италіи, онъ однако же остался совершенно чуждъ общественнымъ

интересамъ этихъ странъ. Даже въ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни, не умѣлъ онъ привязаться ни къ чему и жилъ въ Базелѣ просто по привычкѣ, уставши подъ старость отъ кочующей жизни. Съ какою-то остентаціей, почти съ гордостью, хвалился онъ тѣмъ, что не умѣетъ говорить ни по-итальянски, ни по-французски, ни по-англійски. Можно думать, что и по-голландски зналъ онъ также довольно плохо. Настоящимъ роднымъ его языкомъ былъ латинскій, на которомъ онъ писалъ и говорилъ съ такою легкостью, свободой и изяществомъ, что даже лучшіе итальянскіе гуманисты удивлялись ему и завидовали. Почти въ такомъ-же совершенствѣ овладѣлъ онъ и греческимъ. Даже думалъ онъ не иначе, какъ на одномъ изъ древнихъ языковъ, преимущественно по-латыни.

Такихъ удивительныхъ познаній въ мертвыхъ языкахъ достигъ Эразмъ долгимъ и настойчивымъ самовоспитаніемъ, такъ-какъ ни девентерская школа, гдѣ онъ началъ свое гуманистическое образованіе, ни парижскій университетъ, гдѣ онъ продолжалъ его, не могли дать ему и сотой доли того громаднаго знакомства съ древними литературами, какое усвоилъ онъ себѣ при своей необыкновенной памяти и неусыпномъ трудѣ. Это не значитъ однако, что онъ развилъ себя на классицизмѣ совершенно самобытно; онъ только не поддался ни глубокой и сердечной религіозности, господствовавшей въ Девентерѣ, ни схоластическому духу тогдашнихъ французскихъ коллегій, такъ какъ ни то, ни другое не соотвѣтствовало его вкусамъ и наклонностямъ. За-то всѣ его симпатіи, съ ранней молодости, стремились къ Италіи и тамошней гуманистической школѣ. Особенно Лоренцо Вала произвелъ на него впечатлѣніе до-того неизгладимое, что онъ всю жизнь оставался вѣренъ направленіямъ и задачамъ, поставленнымъ этимъ ученымъ. Возможно большее распространеніе научныхъ свѣдѣній, борьба съ предразсудками и обскурантизмомъ монаховъ, примѣненіе филологической критики къ исправленію каноническаго текста библіи, — все, къ чему стремился и что началъ Вала, было воспринято и довершено Эразмомъ. Даже богословскія мнѣнія итальянца, напримѣръ — о свободѣ человѣческой воли, нашли отголосокъ въ роттердамскомъ ученомъ. Изъ древнихъ же писателей самое большее образовательное вліяніе на Эразма имѣлъ Лукіанъ, отрицатель и скептикъ, не вѣрившій ни во что и надъ всѣмъ смѣявшійся. Если мы прибавимъ къ этому женственное воспитаніе въ дѣтствѣ, моральный гнетъ не по убѣж-

денію принятыхъ монашескихъ обѣтовъ и хилое тѣлосложеніе, то получимъ довольно приблизительное понятіе объ условіяхъ, среди которыхъ сложился нравственный и ученый характеръ роттердамскаго мудреца. Сухимъ раціонализмомъ, безусловнымъ поклоненіемъ древнимъ авторитетамъ, раздражительнымъ и чуткимъ самолюбіемъ и не всегда честнымъ заискиваньемъ у сильныхъ меценатовъ, онъ совершенно напоминаетъ итальянскихъ гуманистовъ. Отъ этихъ-же образцовъ заимствовалъ онъ и неутолимую жажду славы и земного безсмертія, бывшую, какъ извѣстно, какимъ-то лихорадочнымъ недугомъ тогдашнихъ итальянцевъ. Впрочемъ, чисто античная черта эта — одно изъ общихъ явленій „возрожденія", въ противуположность средневѣковому, аскетическому взгляду на жизнь, — и Эразмъ только знаменитѣйшій ея представитель. Наконецъ, подобно итальянцамъ же, выше всего ставилъ онъ интересы своей просвѣтительной миссіи и думалъ, что прочныя благодѣянія древней науки возможны и безъ нравственной почвы въ самой совѣсти и сердцѣ человѣка. Оттого всѣ его усилія направлены лишь къ тому, чтобы разлить между своими современниками возможно большую массу научныхъ свѣдѣній. Съ этой цѣлію предпринимаетъ онъ цѣлый рядъ изданій классическихъ писателей и отцовъ церкви съ богатѣйшими критическими примѣчаніями и комментаріями, составляетъ громадные сборники древнихъ пословицъ и апофтегмъ или замѣчательнѣйшихъ сентенцій и изреченій древнихъ философовъ и моралистовъ, возстановляетъ болѣе правильный латинскій текстъ новаго завѣта и издаетъ къ нему великолѣпнѣйшіе парафразы, полагая тѣмъ первое основаніе наукѣ библейской критики и экзегезы. Этимъ-же господствующимъ побужденіемъ объясняется и его ожесточенная борьба съ обскуратизмомъ, схоластикой и ихъ опаснѣйшими представителями, тогдашними католическими монахами. Извѣстно, съ какимъ ѣдкимъ сарказмомъ осмѣивалъ онъ ихъ невѣжество, тупоуміе и развратъ въ своихъ діалогахъ, письмахъ и сатирѣ „похвала глупости". А каково было дѣйствіе этой борьбы на умы и вообще успѣхъ этой дѣятельности — можно судить по тому, что знаменитый памфлетъ, еще при жизни автора, выдержалъ восемь большихъ изданій и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и что Германія, гдѣ въ половинѣ XV вѣка, по свидѣтельству Энеа Сильвіо, университетскіе профессора едва знакомы были съ греческимъ алфавитомъ и гдѣ было множество священниковъ, которые въ жизнь свою никогда не читали полнаго текста евангелія, — семьдесятъ лѣтъ

спустя, классической ученостью могла уже потягаться съ самими итальянцами. Между дѣятелями и виновниками такого быстраго, почти внезапнаго научнаго перерожденія нѣмецкаго общества Эразму роттердамскому безспорно принадлежитъ первое мѣсто и безсмертная историческая заслуга. Это былъ великій учитель обновленной „возрожденіемъ“ Европы, и не даромъ общественное мнѣніе эпохи украсило его своими лучшими вѣнками. Въ наше время трудно себѣ представить то высокое уваженіе, какимъ онъ пользовался у современниковъ. Отъ Англіи до Италіи, отъ Польши до Венгріи, по выраженію одного изъ нихъ, шла его слава. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіоны и почетныя приглашенія. Римская курія предлагала ему кардинальство. Въ его базельскомъ домѣ была цѣлая комната, сверху до-низу уставленная цѣнными вещами, присланными къ нему изъ разныхъ странъ Европы. Могущественнѣйшіе государи — Генрихъ VIII англійскій, король Франсуа, папы, кардиналы, прелаты, государственные люди и первые ученые вѣка считали за счастіе съ нимъ переписываться. Баварское правительство готово было назначить ему огромное содержаніе только за то, чтобъ онъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Нюрнбергъ. Когда ему случилось однажды пріѣхать во Фрейбургъ, то магистратъ, цехи съ распущенными знаменами, университетъ съ привѣтственными рѣчами и дипломами и все населеніе города вышли къ нему на-встрѣчу, какъ къ какому-нибудь монарху. И дѣйствительно, это былъ властелинъ своего рода. Этотъ маленькій бѣлокурый старичекъ съ голубыми полузажмуренными глазками, полными тонкой наблюдательности и съ саркастической улыбкой на устахъ, съ робкими манерами и походкой, вѣчно больной и хилый, дрожавшій при словѣ — смерть, — представлялъ собою великую нравственную силу, впервые тогда возникшую въ Европѣ и незнакомую ни среднему вѣку, ни древности, — силу общественнаго мнѣнія, предъ которымъ невольно склонялись сильные міра, пока ни научились управлять имъ въ извѣстной степени.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Эразмъ достигалъ уже апогея своей ученой извѣстности, жадно прислушиваясь къ хору похвалъ и лести, несшихся къ нему со всѣхъ концовъ образованнаго міра, — въ стѣнахъ эрфуртскаго августинскаго монастыря томился молодой и безвѣстный инокъ Мартинъ Лютеръ, — томился неутолимою жаждою христіанской истины. Посреди распущенной, или равнодушной братіи, странный человѣкъ этотъ весь поглощенъ

былъ безъисходною думой о вѣчномъ спасеніи и о лучшихъ къ нему путяхъ. Ради нея оставилъ онъ міръ, простился съ грезами юности, съ веселымъ студентскимъ кружкомъ, — и никогда, быть можетъ, древнія стѣны обители не видѣли болѣе ревностнаго и самоотверженнаго подвижника. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что эти думы и тяжкая борьба, порожденная ими, принесли Германіи и Европѣ цѣлый періодъ нравственнаго обновленія.

Что же привело его на этотъ путь исканія и за-тѣмъ — плодотворной жизненной дѣятельности?

Сынъ мансфельдскаго рудокопа, Лютеръ вышелъ изъ самыхъ чистыхъ и глубокихъ нѣдръ нѣмецкой народности. Ребенкомъ покинулъ онъ бѣдный родительскій кровъ, унося съ собой праотческую честность и патріархальную простоту. Горе и нужда, и какъ слѣдствіе ихъ — раннее знаніе жизни воспитали его дѣтство; а юность посвящена была богословскимъ и классическимъ наукамъ въ эрфуртскомъ университетѣ. Къ пустой и безплодной схоластикѣ онъ тогда-же получилъ отвращеніе; за-то „humaniora“ привлекла его очень серіозно и даже, вступая въ монастырь, изъ всего своего имущества онъ взялъ съ собой только Виргилія и Плавта. Правда, онъ не сдѣлался блистательнымъ латинистомъ и впослѣдствіи вовсе оставилъ эти занятія; но чтеніе римскихъ историковъ, ораторовъ и поэтовъ развило въ немъ тотъ дѣльный практическій смыслъ, которымъ такъ славились древніе и который потомъ не измѣнялъ ему никогда. Съ другой стороны, изучалъ онъ мистиковъ XIV столѣтія — Таулера, Гейнриха Сузо, Рюисброка, — читалъ св. писаніе и творенія блаженнаго Августина, все болѣе и болѣе напитываясь изъ этихъ источниковъ глубокимъ и внутреннимъ благочестіемъ сердца, столь противуположнымъ внѣшней обрядности средневѣковаго католицизма. Вотъ — первый зародышъ его сомнѣній въ состоятельности старой церковной системы и начало его испытующаго анализа. Но прежде, чѣмъ дать имъ полный просторъ, онъ рѣшается испробовать еще послѣднее средство этого внѣшняго благочестія — предается аскетическимъ подвигамъ и, когда и это не дало желаннаго мира его душѣ, приходитъ къ рѣшимости отложиться вовсе отъ безсильной и безплодной старой религіи папства.

Такимъ путемъ вырабатывался въ Лютерѣ будущій реформаторъ церковный, начавшій великое историческое дѣло съ собственнаго своего преобразованія. Но гуманизмъ и мистики едвали бы произвели на него такое могучее впечатлѣніе, если-бы сѣмена ихъ не упали

на благодарную почву, если-бы духъ Таулера и кемпійскаго Томаса не нашелъ себѣ сочувственнаго пріюта въ честномъ и искреннемъ сердцѣ патріархальнаго крестьянина, если-бы житейская мудрость Горація не столкнулась дружески съ горькою опытностію безпріютнаго школьника, съ девятилѣтняго возраста уже промышлявшаго о себѣ. И здѣсь, стало быть, основу и сущность человѣка создала сама жизнь, образованіе же только развило ихъ въ извѣстномъ направленіи.

Далѣе мы видимъ, что не книжное стремленіе, а та-же неотразимая сила жизни увлекаетъ Лютера и на поприще практической дѣятельности, заставляетъ и для другихъ желать того-же духовнаго перерожденія, какое онъ испыталъ уже въ себѣ самомъ. Было вѣдь и до него много благочестивыхъ мужей, проникнутыхъ тѣми-же убѣжденіями. Съ самаго XII вѣка тянется рядъ непрерывныхъ протестовъ противъ свѣтскаго характера римской церкви, противъ нравственной порчи ея пастырей. Августинское ученіе о грѣховности и безсиліи человѣческой воли, о всемогуществѣ единоспасающей благодати, убѣжденіе въ непогрѣшительности одного только писанія, — все то, на чемъ Лютеръ основалъ свою догматическую реформу, точно такъ-же руководило и всѣми прежними отщепенцами католицизма. Между современниками его были тысячи людей, которые такъ-же ясно, какъ онъ, понимали злоупотребленія іерархіи и на всѣ голоса вопили противъ невѣжества, предразсудковъ, фанатизма и неизлѣчимой моральной порчи тогдашнихъ монаховъ. Отчего же именно онъ, Лютеръ, сдѣлался центромъ всего движенія и главнымъ героемъ долговѣчнаго переворота? Мы не будемъ говорить о благопріятно сложившихся политическихъ условіяхъ времени. Каковы бы они ни были, обстоятельства эти одинаково благопріятствовали какъ Лютеру, такъ и сотнѣ другихъ теологовъ подобнаго-же евангелическаго направленія. Но что неизмѣримо возвышало этого человѣка надъ всѣми его единомышленниками, это — глубокая и горячая преданность своей родинѣ. Съ дѣтства онъ выросъ и воспитался среди народа, жилъ его жизнію, видѣлъ и раздѣлялъ его нужды и интересы, его бѣдами болѣло у него сердце. Безсовѣстный грабежъ тунеяднаго духовенства, поглощавшаго трудовой потъ бѣдняка, продававшаго ему, какъ товаръ, богослуженіе и таинства, не только оскорблялъ его, какъ христіанина, но и наполнялъ негодованіемъ, какъ патріота. Какое честное гражданское чувство звучало въ его словахъ, когда, изло-

живъ свои убѣжденія и требованія предъ лицомъ главы и представителей всей имперіи, говорилъ онъ на вормскомъ сеймѣ: „я знаю, что столь великіе и мудрые государи не нуждаются, конечно, въ моихъ бѣдныхъ совѣтахъ; но одно побужденіе, единственная цѣль моя та, чтобъ исполнить долгъ, котораго Германія вправѣ ожидать отъ каждаго изъ вѣрныхъ сыновъ своихъ“. Только эта преданность родной землѣ, сливавшаяся въ душѣ его гармонически съ христіанской любовью къ человѣчеству, и могла внушить ему ту несокрушимую энергію, ту твердость и мужество, которыя одолѣли всѣ препятствія, пренебрегли всѣми опасностями и довели трудное дѣло до благополучнаго конца. „Если-бы, говорилъ онъ друзьямъ своимъ, боявшимся за участь его на сеймѣ, — если-бы огонь разведенъ былъ отъ Виттенберга до Вормса и въ вышину достигалъ до небесъ, я и тогда бы пошелъ туда“. Исторія знаетъ, что такую самоотверженную, желѣзную волю можетъ дать человѣку только религія и патріотизмъ.

Что-же дѣлалъ и какъ велъ себя Эразмъ во время начавшейся борьбы со старою церковью? Естественнѣе всего было ожидать, что онъ смѣло станетъ на сторону реформаторовъ. Вѣдь въ своихъ сочиненіяхъ тысячу разъ высказывалъ онъ тѣже нападки на испорченность клира и учрежденій церковныхъ; а надъ выродившимся монашествомъ вѣка никто не смѣялся такъ зло и безпощадно, какъ онъ, никто не питалъ къ нему столько ненависти. Съ Лютеромъ онъ расходился только въ догматическомъ вопросѣ о благодати; во всемъ же остальномъ былъ съ нимъ совершенно согласенъ. И однакожъ, мы видимъ, что, посреди разыгравшагося движенія, онъ постоянно держится въ какомъ-то уклончивомъ и двусмысленномъ положеніи, осторожно и робко лавируя между спорными вопросами времени и не рѣшаясь открыто высказаться въ какомъ-нибудь смыслѣ. Чаще всего старается онъ угодить и тому, и другому лагерю. Дастъ онъ, напримѣръ, по какому-нибудь случаю, благопріятный отзывъ о новыхъ теологахъ, какъ тотчасъ уже спѣшитъ оправдаться предъ папой и кардиналами. Онъ не прочь и отъ реформъ, но желалъ бы ихъ путемъ добровольнаго и мирнаго соглашенія, какъ-бы забывая, что этотъ путь испытанъ былъ уже много разъ и никогда не приводилъ ни къ чему. Сначала онъ какъ будто поддерживалъ Лютера, переписывался съ нимъ, обмѣнивался взаимными комплиментами; когда же простой академическій споръ превратился въ общественный пожаръ и, посреди вол-

ненія, охватившаго всю страну, послышались зловѣщіе крики о кострахъ, казняхъ, изгнаніяхъ и проклятіяхъ, мало-по-малу отдѣлился отъ него и умылъ руки. „Демонъ овладѣлъ этимъ неукротимымъ человѣкомъ", писалъ онъ уже о реформаторѣ тотчасъ послѣ разрыва его съ папствомъ и скандальной полемики съ Генрихомъ VIII, — изъ страха прослыть еретикомъ сочинилъ цѣлый трактатъ противъ его ученія и кончилъ тѣмъ, что не только отрекся отъ всякой съ нимъ солидарности, но, подъ конецъ жизни, примирился даже со злѣйшими своими врагами, нищенствующими монахами. Но, употребляя всѣ возможныя усилія, чтобъ не подать и малѣйшаго подозрѣнія въ сочувствіи открытому возстанію противъ папства, онъ въ то-же время продолжалъ потихоньку посмѣиваться надъ старыми грѣхами старыхъ грѣшниковъ папистовъ. Такимъ поведеніемъ, разумѣется, онъ не удовлетворилъ никого и былъ оставленъ обѣими партіями. Протестанты заклеймили его именемъ малодушнаго отступника, а монахи все-же не перестали твердить, что онъ-то и есть корень всего зла, что онъ положилъ яйцо, а Лютеръ его только высидѣлъ.

Вотъ роль, которую разыгрывалъ Эразмъ въ величайшемъ жизненномъ вопросѣ своего времени. Безучастнымъ и холоднымъ наблюдателемъ стоитъ онъ на берегу, глядя на мимонесущіяся волны и заботясь только о томъ, какъ-бы и его не подхватило теченіе. А между тѣмъ, какой огромный вѣсъ могъ бы имѣть голосъ такого человѣка посреди поднявшихся отовсюду сомнѣній, — какъ дѣятельно могъ бы онъ послужить реформѣ со своимъ всеевропейскимъ авторитетомъ и властью надъ умами! Но кому много дано, съ того и взыщется много. Потомство не забыло этого равнодушія, почти измѣны общественному дѣлу, и на памяти великаго ученаго легла несмываемая тѣнь.

Лучшіе историки нашего времени — Ранке, Мотли, почтенный біографъ эразмовъ Адольфъ Мюллеръ, объясняютъ такое недостойное поведеніе роттердамца отчасти его болѣзненной и хилой организаціей, не позволившей въ немъ развиться сильному характеру, отчасти же тѣмъ, что, дорожа больше всего успѣхами гуманистическаго образованія, онъ боялся, что смуты и волненія реформаціи могутъ повредить этой тогда еще неокрѣпшей наукѣ. Оттого онъ и ограничился только отвращеніемъ отъ зла и указаніемъ пути къ его исцѣленію, но самъ не пошелъ по немъ. Намъ кажется, что такой взглядъ на практическую несостоятельность Эразма еще да-

леко не исчерпываетъ вопроса и что коренная ея причина заключается все-таки въ отсутствіи всякой реальной почвы подъ этимъ человѣкомъ. Это былъ типъ отвлеченнаго гуманиста, преданнаго всецѣло однимъ только древнимъ литературамъ. Въ настоящей, дѣйствительной жизни не было у него никакихъ сильныхъ интересовъ, а стало-быть не было и побужденій къ достойной практической дѣятельности. Что создаетъ истинно великія дѣла, воспитываетъ героевъ, одушевляетъ на подвиги и жертвы? Рѣдко — отвлеченная истина. Чаще всего это — евангельская любовь къ человѣчеству, это — преданность родной землѣ, привязанность къ семьѣ и близкимъ нашему сердцу. Въ душѣ Эразма не было никакихъ подобныхъ пружинъ. Его религія состояла въ томъ холодномъ, раціонализованномъ католицизмѣ, очищенномъ отъ нѣкоторыхъ старыхъ злоупотребленій, какой впослѣдствіи развивали іезуиты; его мораль была вычитана только изъ книгъ и слѣдовательно безплодна, отечества у него не было, семейства — тоже, а на дружбу онъ смотрѣлъ просто, какъ на античный философскій обычай. Откуда же у него могли взяться энергія, мужество и вся дѣятельная сила, даже еслибъ онъ одаренъ былъ самымъ атлетическимъ сложеніемъ и былъ бы меньше преданъ интересамъ кабинетной науки? Все же и тогда вышелъ бы изъ него только ученый эгоистъ, сибаритъ и эпикуреецъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. „Пусть кто хочетъ идетъ на муки за истину, я же считаю себя недостойнымъ подобной чести“, говорилъ онъ съ своимъ холоднымъ цинизмомъ, видя какъ другіе отваживаютъ жизнь свою для счастія ближнихъ. Лютеръ совершенно вѣрно понялъ и оцѣнилъ этотъ характеръ, сказавши, что при всѣхъ его достоинствахъ и заслугахъ, ему все-таки недоставало главнаго, т. е. благодатной и плодотворной любви, какъ лучшаго источника истинно-человѣческой дѣятельности.

X.

ФИЛИППЪ II.

ПАДЕНІЕ АРАГОНСКОЙ КОНСТИТУЦІИ.

ФИЛИППЪ II.

Паденіе арагонской конституціи.

Со временъ появленія въ русскомъ переводѣ послѣдняго сочиненія Прескотта, публика наша могла основательно познакомиться съ исторіей первой половины царствованія Филиппа II, короля испанскаго. Къ сожалѣнію, смерть застигла знаменитаго американца посреди неконченнаго труда, и самая интересная часть вопроса — послѣднее двадцатилѣтіе Филиппа — остается очень мало извѣстною въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, именно въ послѣдніе годы своей жизни личность эта и является въ томъ характерѣ, въ какомъ преимущественно осталась ея память въ потомствѣ — въ образѣ сухого и мрачнаго деспота, фанатика-рыцаря католической церкви, шедшаго на-проломъ противъ вѣка, представителя гордой старо-испанской исключительности, послѣдняго поборника изветшавшей идеи крестовыхъ походовъ.

Вообще, два періода политической дѣятельности Филиппа довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга. Въ первомъ — онъ консерваторъ, занятъ своими домашними дѣлами, устройствомъ своего обширнаго царства, — мало принимаетъ участія въ ходѣ общеевропейской политики и воюетъ только съ невѣрными — съ Тунисомъ, съ турками, съ Нидерландами — по необходимости, потому что надо же усмирить взбунтовавшихся подданныхъ. Смѣлые политическіе планы великаго императора почти оставлены; миролюбивый князь Эболи составляетъ душу королевскаго кабинета и, въ дѣлахъ внутренняго управленія, потихоньку проводитъ національную кастильскую реакцію противъ чужеземныхъ идей и учрежденій, противъ

фламандскихъ чиновниковъ и всей космополитической системы Карла V. Правда, въ государственномъ совѣтѣ имѣетъ не меньше вліянія герцогъ Альба, и наравнѣ съ соперникомъ, по-видимому, пользуется довѣріемъ государя. Онъ порывается къ дѣятельности внѣшней, требуетъ войны, славы, завоеваній, энергическихъ мѣръ; но голосъ стараго генерала рѣдко одерживаетъ верхъ надъ сильной партіей эболіанцевъ.

Такимъ путемъ идутъ дѣла въ Испаніи до начала семидесятыхъ годовъ XVI вѣка, именно до той эпохи, на которой прерывается разсказъ Прескотта. Но тутъ начинается поворотъ къ другому направленію. Прежніе совѣтники короля — Эболи, Альба, кардиналъ Спиноза, герцогъ Ферія, донъ-Антоніо де-Толедо — одинъ за другимъ сходятъ въ могилу, кто въ славѣ и почестяхъ, а кто и въ опалѣ. Въ донъ-Хуанѣ австрійскомъ эболіанская партія лишается своего блестящаго полководца, а въ Антоніо Пересѣ — своего послѣдняго представителя. Мѣсто этихъ дѣятелей заступаютъ новыя лица, большею частію иностранцы: сначала — бургундецъ Гранвелла потомъ — бискаецъ донъ-Хуанъ Идіакесъ, португалецъ донъ-Кристоваль де-Мура и графъ Шиншонъ, выходецъ французской крови. Новыя идеи и характеръ вносятъ они въ политику мадридскаго кабинета. Правительство начинаетъ обнаруживать небывалые планы и обширные замыслы, — дерзко, наступательно вмѣшивается въ дѣла Европы, оружіемъ и деньгами поддерживаетъ католическую лигу во Франціи, интригуетъ съ Гизами о пріобрѣтеніи французской короны для Габсбурговъ; завоевана Португалія; громадный флотъ выходитъ изъ пиренейскихъ гаваней на разгромленіе Англіи; ожесточеннѣе пылаетъ война въ Нидерландахъ; чаще, чѣмъ когда-нибудь, пылаютъ костры инквизиціи на всемъ пространствѣ испанскихъ владѣній; въ крови арагонскихъ патріотовъ потоплены послѣдніе остатки народной свободы. Мысль универсальной монархіи, наслѣдственная мысль австрійскаго дома, задушевная мечта Карла V, уже не кажется болѣе химерой испанскимъ министрамъ и дипломатамъ. Она ясно ложится въ основаніе всей дѣятельности кабинета, и въ далекой перспективѣ самыхъ сложныхъ и смѣлыхъ политическихъ комбинацій виднѣется ему всемірное католичество и всемірный абсолютизмъ. Тяжелымъ кошемаромъ подымается тогда испанское владычество надъ Европой и далеко за Пиренейскими горами, на берегахъ Темзы, Эльбы, Рейна и Дуная, десятки лѣтъ мечутся народы подъ его удушливымъ гнетомъ. Тогда-же возни-

каетъ и та ужасная память, которую Филиппъ оставилъ въ исторіи; англичане, голландцы, весь угнетенный протестантскій міръ, весь свободный и мыслящій западъ мстятъ ему проклятіями и ненавистью. Двѣсти восемьдесятъ лѣтъ проходятъ со смерти Филиппа, — а эта ненависть и теперь еще тяготѣетъ на его имени, какъ это доказываютъ послѣднія сочиненія англійскихъ и американскихъ историковъ. Только теперь она сдѣлалась сознательнѣе и разумнѣе и изъ криковъ страсти и воплей отчаянія превратилась въ спокойный приговоръ исторической немезиды.

Рядомъ съ этимъ поворотомъ испанской политики, большія перемѣны развиваются также въ характерѣ и въ душѣ короля. Филиппъ сенъ-кентенской битвы и супругъ Маріи Тюдоръ мало похожъ на Филиппа временъ армады и покоренія Португаліи.

Было время, когда испанцы горячо покланялись своему юному королю. Они видѣли въ немъ воплощеніе лучшихъ свойствъ ихъ народнаго духа. Приверженность къ національнымъ обычаямъ, костюму и языку, величавое и гордое спокойствіе — родовое испанское sosiego, любовь къ изящнымъ искусствамъ, религіозный энтузіазмъ, развившійся въ націи вслѣдствіе вѣковой борьбы ея съ маврами и перешедшій потомъ въ слѣпую преданность католицизму и безсмысленное ханжество — все это вначалѣ привлекало къ нему сердца тѣмъ болѣе, что лучи заходящей звѣзды Карла V успѣли упасть еще на сына и покрыть тщедушную фигуру эту величіемъ и блескомъ, ласкавшимъ народную гордость страны. За границей даже, въ Италіи, Германіи, Нидерландахъ, гдѣ Филиппъ появлялся два раза, въ 1552 и 1554 годахъ, не смотря на все невыгодное впечатлѣніе, произведенное имъ тогда, многіе отдавали, однако, справедливость и его похвальнымъ качествамъ — строгому достоинству, трудолюбію, благотворительной щедрости. Правда, что и тогда уже отталкивалъ онъ всѣхъ своею надменностію и необщительностію, своими испанскими манерами и равнодушіемъ, даже неспособностію къ военному дѣлу, этому аристократическому искусству вѣка, составлявшему въ тѣ времена главное, любимѣйшее занятіе знати. Дивились также не мало той рѣзкой противуположности между Филиппомъ и его отцомъ, которая всѣмъ бросалась въ глаза. Кромѣ физическаго, фамильнаго сходства, между ними не было, по-видимому, ничего общаго. Карлъ былъ любезенъ, ласковъ, доступенъ, милъ и простъ въ обращеніи, — обладалъ быстрымъ умомъ, неистощимою находчивостію, твердостію воли, независимостью идей; ра-

бота кипѣла у него подъ руками; зрѣло обдумывались планы, настойчиво и послѣдовательно приводились въ исполненіе; вѣчно поглощенный тревожной практической дѣятельностью, дни и недѣли проводилъ онъ на конѣ, всю жизнь — въ разъѣздахъ и путешествіяхъ. Сынъ его, напротивъ, былъ сухъ, сосредоточенъ и гордъ, не любилъ жизни и ея развлеченій, сидѣлъ дома, коптилъ свою молодость; ни бистроты соображенія, ни энергіи характера въ немъ не замѣтили. Въ его рѣчахъ, письмахъ, сношеніяхъ съ людьми и поступкахъ видѣлся неутомимый, но узкій и кропотливый труженикъ. Но, проводя это невыгодное для Филиппа сравненіе, современники смотрѣли на него снисходительно, находя, что новый государь въ сущности все же — не злой человѣкъ и объясняя его недостатки молодостью, тѣмъ болѣе, что и Карлъ V такъ-же мало подавалъ надеждъ въ началѣ своего поприща и только впослѣдствіи развернулся и выросъ неожиданно, какъ сказочный богатырь.

Воротившись въ 1559 году въ Испанію, Филиппъ никогда уже не покидалъ полуострова; но за границею долго еще судили объ немъ по этому первому, оставленному имъ впечатлѣнію. Только событія семидесятыхъ годовъ начали открывать глаза на его истинный характеръ. Къ этому времени, дѣйствительно, личность Филиппа успѣла сложиться вполнѣ и окончательно. 1568-й годъ,— годъ смерти Елисаветы, третьей его супруги, и донъ-Карлоса, составляетъ замѣтный переломъ въ его жизни. Съ него начинается то постепенное удаленіе отъ міра, отъ общества живыхъ людей, которое, подъ конецъ жизни, приводитъ Филиппа почти къ совершенному затворничеству. Съ этого времени суровая и чинная жизнь мадридскаго двора, въ которую дочь Екатерины Медичи вносила нѣкогда шумную веселость юности и живой характеръ свой родины, болѣе и болѣе погружается въ монастырское безмолвіе. Въ этой увлекательной женщинѣ король лишился самой сильной привязанности, какую, быть можетъ, испыталъ въ теченіи своей жизни. Его черствая натура, согрѣтая на-время теплымъ и живительнымъ чувствомъ, опять покрылась обычнымъ льдомъ. Да и лѣта стали подходить не мягкія: Филиппу было тогда уже за сорокъ лѣтъ. Ужасная и все еще не совсѣмъ разгаданная драма донъ-Карлоса разыгралась на этомъ порогѣ наступающей старости. Покушеніе сумасброднаго принца на жизнь родного отца окончательно убило въ душѣ его всякое довѣріе къ людямъ, всякую способность любви. Съ той минуты, какъ Филиппъ принужденъ былъ изречь же-

стокій приговоръ собственному сыну, человѣческія чувства въ немъ умерли навсегда. Остался только монархъ и католикъ, — монархъ непроницаемый и подозрительный, облеченный безконтрольной властію надъ полуевропой, католикъ фанатическій, какъ древніе рыцари креста, видѣвшій въ жизни одно покаяніе, въ евангеліи — одинъ кодексъ уголовныхъ законовъ. Съ утратой послѣднихъ привязанностей исчезаетъ и вѣра въ людей, и на мѣсто изсякшей любви къ нимъ является одно холодное сознаніе долга. Нетрудно понять, какія несчастія повисли надъ христіанскимъ міромъ съ того дня, когда могущественнѣйшій изъ его повелителей отдался руководству только этого внѣшняго долга. Тутъ даже самому благонамѣренному государю легко сдѣлаться, вмѣсто отца и попечителя своихъ подданныхъ, ихъ полицейскимъ приставомъ, а потомъ и палачемъ, смотря по тому, въ чемъ видитъ онъ правительскій долгъ свой. Филиппъ видѣлъ его въ спасеніи душъ христіанскихъ отъ яда еретическихъ мнѣній, волновавшихъ въ то время европейскій западъ, въ повсемѣстномъ поддержаніи и защитѣ католицизма. Мысль эта внушена была ему съ дѣтства; Карлъ V отказалъ ее въ завѣщаніи; она срослась съ нимъ, сдѣлалась уже не мыслію, а какимъ-то простымъ, не подлежащимъ анализу инстинктомъ. Въ ней видѣлъ онъ свое призваніе, свыше ему опредѣленную миссію. Въ виду такой высокой задачи, въ глазахъ безсердечнаго фанатика, подобнаго Филиппу, всѣ средства хороши и дозволены, и чѣмъ прямѣе ведутъ они къ цѣли, тѣмъ лучше. Но чѣмъ, скорѣе всего, достигнуть покорности въ дѣлѣ религіи, какъ не истребленіемъ гражданской свободы? Вотъ естественный путь, какимъ, въ головѣ Филиппа, католичество и деспотизмъ слились въ одну нераздѣльную идею. Ему легко было увѣрить не только другихъ, но и себя, что костры, казни, пытки, рѣзня въ Нидерландахъ — полезны его подданнымъ, какъ иныя горькія лекарства больному, и что, если онъ самъ протягиваетъ руку къ чужимъ землямъ и коронамъ, то дѣлаетъ это единственно ради спасенія христіанскихъ душъ.

Католичество и деспотизмъ — вотъ вся программа, до которой дошелъ Филиппъ съ лѣтами и опытностію. Внѣ ея не оставалось ему въ жизни никакой дѣятельности, никакихъ интересовъ, — и онъ жадно схватился за ея выполненіе, весь погрузился въ политическіе планы, разсчеты, приготовленія и интриги. Дѣла, дѣла и дѣла — вотъ чѣмъ заполнилось все время, вся душа старѣющаго

короля. Болѣе и болѣе начинаетъ онъ тогда уклоняться отъ общества и постепенно уходить отъ взоровъ своихъ подданныхъ. Къ концу семидесятыхъ годовъ достроился Эскоріаль, этотъ колоссальный дворецъ-монастырь съ одиннадцатью тысячами оконъ и четырнадцатью тысячами дверей, и сдѣлался любимой резиденціей Филиппа. Рѣдко покидалъ онъ теперь печальную и пустынную долину, окаймленную со всѣхъ сторонъ невысокими скалистыми холмами, на которой построенъ этотъ чудовищный памятникъ чудовищнаго монарха. Ни дерева, ни ручья не видно на всемъ пространствѣ безотраднаго мѣста; холодные туманы часто покрываютъ долину на нѣсколько мѣсяцевъ, — а Филиппъ сидитъ здѣсь цѣлые годы, молится, работаетъ, да кается въ грѣхахъ посреди монаховъ. Отъ времени до времени сначала ѣзжалъ онъ еще отсюда по провинціямъ, а весной — въ Аранхоэсъ, или куда-нибудь въ горы — смотрѣть на охоту; больше, впрочемъ, по требованію медиковъ, предписывавшихъ моціонъ и свѣжій воздухъ, нежели для собственнаго развлеченія. Но и въ такихъ даже поѣздкахъ не было у него другого разговора, какъ служба и дѣло. Изрѣдка показывался онъ также на народныхъ празднествахъ, или въ какой-нибудь процессіи; потомъ, раза два или три въ годъ, можно было видѣть его на галлереѣ мадридскаго замка, по которой проходилъ онъ изъ своихъ покоевъ въ придворную капеллу; но въ послѣдніе годы своей жизни не выходилъ уже никуда и сидѣлъ постоянно въ своемъ кабинетѣ, изъ котораго проведенъ былъ даже прямой ходъ на церковные хоры, гдѣ и теперь еще показываютъ родъ ложи, или конфессіонала, въ которомъ Филиппъ, никѣмъ не видимый, слушалъ обыкновенно обѣдню. Такъ, мало по-малу, привыкло лицо его къ выраженію невозмутимаго покоя, къ тому выраженію до совершенства доведенной серіозности, которая подавляла, уничтожала всякаго, кто къ нему приближался. Испытаннѣйшіе и находчивѣйшіе ораторы терялись, стоя передъ нимъ и чувствуя на себѣ этотъ ледяной взглядъ, измѣрявшій ихъ съ ногъ до головы. „Успокойтесь“, говорилъ тогда Филиппъ, — и едва замѣтная улыбка скользила по его блѣдному лицу. Никто никогда не видалъ его взволнованнымъ. Какое ни приходило извѣстіе, самое радостное, какъ и самое печальное, всегда встрѣчалось оно съ однимъ и тѣмъ-же спокойнымъ и неподвижнымъ лицомъ. Когда прискакалъ курьеръ съ вѣстью о лепантской побѣдѣ, величайшей, какую христіане, въ теченіи трехъ столѣтій могли одержать надъ невѣрными, Филиппъ сказалъ толь-

ко — „однако донъ-Хуанъ рисковалъ тутъ сильно“, и больше ни слова. Въ другое время получено было донесеніе объ ужаснѣйшемъ несчастіи филиппова царствованія — о гибели армады, съ которою связано было столько великихъ плановъ и надеждъ испанской монархіи, на которую истощены были лучшія силы и средства страны. „Что-жъ, сказалъ король, вѣдь я посылалъ ее противъ людей, а не противъ бурь“ — и остался совершенно спокоенъ. Единственный энергическій жестъ, который удалось у него подмѣтить, состоялъ въ томъ, что, въ случаѣ какой-нибудь крайней неожиданности или досады, онъ, подобно серіознымъ арабамъ, схватывалъ себя рукою за бороду. Такъ-же точно никому не удавалось замѣтить, чтобъ Филиппъ когда-нибудь публично смѣялся. Разъ только былъ съ нимъ такой исключительный случай. Но, какъ бы вы думали, когда? — когда въ Мадридѣ получено было извѣстіе о варѳоломеевской ночи. „Тутъ король, доносилъ Карлу IX его посланникъ при кастильскомъ дворѣ, вышелъ изъ себя отъ восторга, обнялъ меня, превозносилъ Ваше Величество, твердилъ, что теперь вы вполнѣ заслуживаете титулъ христіаннѣйшаго короля и при этомъ хохоталъ такъ задушевно, что всѣ были поражены этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ“. Но съ того времени никто уже не видѣлъ короля хохочущимъ. Посреди многолюднаго и пышнаго двора, человѣкъ этотъ умѣлъ составить себѣ полное уединеніе. Чѣмъ обширнѣе становились его планы, чѣмъ далѣе растягивались нити его политики, тѣмъ больше онъ самъ отдалялся отъ людей, сосредоточивался въ себѣ и уходилъ въ глубь своего кабинета, чуждаясь даже своихъ домашнихъ. Рѣдко обѣдалъ онъ съ женой и дѣтьми. Большею частію, одинъ, съ величайшей умѣренностію и аккуратностію, всегда одними и тѣми же блюдами, въ одинъ и тотъ-же урочный часъ. Съ такою-же аккуратностію и постоянствомъ текла и вся жизнь — привычки, занятія, ежедневныя посѣщенія церковной службы, бесѣды съ духовникомъ, или какимъ-нибудь придворнымъ богословомъ о разныхъ тонкостяхъ догматическихъ или щекотливыхъ вопросахъ совѣсти; все это — сегодня, какъ вчера и завтра, какъ сегодня. Даже одѣвался онъ всегда одинаково, въ простой черный испанскій костюмъ, безъ всякихъ украшеній; рѣдко появлялись на немъ драгоцѣнности, рѣдко вѣяли перья на его шляпѣ.

Такова была полумонашеская жизнь Филиппа въ домашней, семейной сферѣ. Сейчасъ познакомимся мы съ нимъ, какъ съ государемъ; но, слѣдя даже за этой ея стороной, мы не встрѣчаемъ

въ ней ничего, что могло бы ее украсить, согрѣть и облагородить,— ни дружбы, ни любви; нигдѣ не видимъ мы въ ней человѣка, а только властелина и католика, руководимаго однимъ холоднымъ понятіемъ долга. По своему характеру, быть можетъ, онъ не былъ ни золъ, ни жестокъ; находились люди, вѣрно ему служившіе; но едва ли кто-нибудь любилъ его лично, да онъ, кажется, и не чувствовалъ въ томъ нужды. Даже собственное семейство его боялось, и послѣ покушенія донъ-Карлоса, онъ не питалъ къ нему никакого довѣрія. Подъ гнетомъ безотвѣтной покорности воспитывались его дѣти, такъ что инфантъ могъ видѣться и говорить съ сестрой не иначе, какъ съ разрѣшенія отца. Такъ онъ и умеръ, какъ жилъ. Одиноко и безучастно, никѣмъ неоплаканный и многими проклинаемый, сошелъ онъ въ могилу, оставивъ по себѣ страшную и поучительную память въ исторіи.

Объ этомъ-то послѣднемъ и самомъ интересномъ періодѣ правленія и жизни Филиппа II у насъ извѣстно пока очень немногое. А между тѣмъ рѣдкій изъ вопросовъ европейской исторіи изслѣдованъ такъ обстоятельно, какъ этотъ. Съ того времени, какъ Ранке, полвѣка тому назадъ, поставилъ его въ новомъ свѣтѣ открытіемъ цѣлой рукописной литературы, относящейся къ исторіи XVI и XVII вѣка, ученые поняли, что, главныхъ матеріаловъ для исторіи Филиппа должно искать не въ риторическихъ разсказахъ тогдашнихъ историковъ, но въ самыхъ документахъ политической дѣятельности этого государя, — въ его дипломатической корреспонденціи, частныхъ письмахъ, депешахъ, инструкціяхъ, государственныхъ актахъ и тому подобныхъ памятникахъ, — что только такія свидѣтельства, разобранныя и провѣренныя критикой, могутъ представить твердыя и несомнѣнныя данныя для оцѣнки Филиппа, какъ правителя и человѣка.

Путь этотъ, вѣрный вообще, тѣмъ болѣе удобенъ въ отношеніи къ Филиппу II, что едва-ли какой-нибудь другой политическій дѣятель оставилъ по себѣ обширнѣйшую корреспонденцію. Всю жизнь свою человѣкъ этотъ провелъ за письменнымъ столомъ, и сколько былъ молчаливъ и скупъ на слова, столько же перо его не знало покоя. Ему, напримѣръ, ничего не стоило написать письмо въ двѣнадцать страницъ къ чиновнику, который могъ находиться въ сосѣдней комнатѣ и о такомъ дѣлѣ, гдѣ для другого довольно было пятиминутнаго словеснаго объясненія. Но эта тяжелая, недовѣрчивая, медлительная и кропотливая натура всегда предпочита-

ла переписку, какъ-бы боясь въ изустномъ разговорѣ обнаружить себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ болѣе, нежели того требовали обстоятельства. Оттого письма, депеши, записки, инструкціи, приказы тучами разлетались изъ кабинета во всѣ стороны — къ секретарямъ, министрамъ, правительственнымъ агентамъ въ провинціяхъ, резидентамъ и шпіонамъ при заграничныхъ дворахъ. И опять, со всѣхъ сторонъ, летѣли къ королевскому столу безчисленныя донесенія, просьбы, акты, журналы и консульты разныхъ вѣдомствъ. Дни и ночи просиживалъ король надъ этими грудами бумагъ, работая съ какимъ-нибудь секретаремъ, чаще всего — въ совершенномъ одиночествѣ. Величайшимъ наслажденіемъ его было перечитывать всю эту корреспонденцію, дѣлать на поляхъ замѣтки, строчить отвѣты и класть резолюціи. Въ этой-то громадной дѣловой перепискѣ и является намъ Филиппъ въ своемъ истинномъ характерѣ, съ своимъ узкимъ умомъ, вѣчными подозрѣніями, скрытностію, коварствомъ и страстью къ мелочамъ. Никто, быть можетъ, такъ всецѣло не высказалъ себя передъ потомствомъ, какъ этотъ скрытный и сосредоточенный человѣкъ. По его перепискѣ, съ величайшею точностію, мы можемъ слѣдить за нимъ день за днемъ, видѣть, какъ развивались и зрѣли въ головѣ его политическіе планы, присутствовать при его ночныхъ совѣтахъ, этихъ знаменитыхъ „junta de noche", гдѣ выслушивались доклады секретарей, рѣшались входившія бумаги и откуда безконечная сѣть интригъ, шпіонства и пагубныхъ замысловъ расходилась по всѣмъ странамъ стараго и новаго свѣта. Оттого, въ послѣднее время, съ особеннымъ усердіемъ старались открыть и обнародовать такого рода документы. Библіотеки Парижа, Лондона, Брюсселя и Мадрида доставили ученымъ цѣлыя коллекціи самаго интереснаго матеріала. Открытъ былъ даже знаменитый симанкскій архивъ, бывшій, въ теченіи вѣковъ, хранилищемъ секретныхъ бумагъ испанской монархіи. Немного лѣтъ тому назадъ, публичность впервые проникла и подъ эти древніе своды. Можно было бы сказать, что, въ настоящее время, для историка Филиппа II нѣтъ болѣе тайнъ, еслибъ въ стѣнахъ Ватикана цѣлый міръ неизвѣстныхъ рукописей не скрывался еще отъ его любознательности. Между ними, конечно, нашлось бы много интереснаго и для исторіи Филиппа, находившагося съ римской куріей въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ, — какъ и вообще въ нихъ нашла бы наука разрѣшеніе не одного темнаго вопроса въ исторіи христіанскаго міра. Но папское правительство, имѣя

много причинъ не довѣрять смѣлости нынѣшней критики, ревниво бережетъ накопленныя вѣками сокровища, трудно и рѣдко открываетъ къ нимъ доступъ ученымъ.

Не смотря на то, историческая литература, воспользовавшись обиліемъ обнародованныхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, доступныхъ документовъ, можетъ и теперь уже указать на нѣсколько такихъ изслѣдованій о Филиппѣ II, которыя, по полнотѣ, основательности и искусству разсказа, стоятъ въ ряду лучшихъ пріобрѣтеній современной науки. Между ними первое мѣсто принадлежитъ сочиненіямъ двухъ американскихъ писателей, Мотли и Прескотта, хотя первый ограничился только изображеніемъ нидерландской революціи, начавшейся при Филиппѣ II, а второй, къ сожалѣнію, далеко не кончилъ своего труда. Но недостающее у нихъ дополнено другими, преимущественно же — Ранке, составившимъ свою мастерскую характеристику Филиппа II по „реляціямъ венеціянскихъ легатовъ“ или посланниковъ, съ величайшею подробностію доносившихъ своему правительству обо всемъ, что происходило въ Мадридѣ и Эскоріалѣ, — и Миньё, которому мы обязаны документальнымъ объясненіемъ знаменитаго процесса Антоніо Переса, секретаря королевскаго, — процесса, разоблачившаго, во всей гнусной наготѣ, дворъ, политику, судъ и душу Филиппа въ его послѣдніе годы.

На основаніи этихъ пособій и всего, намъ доступнаго матеріала, мы предприняли представить здѣсь одинъ изъ самыхъ интересныхъ и наименѣе извѣстныхъ у насъ эпизодовъ изъ исторіи Филиппа II, — эпизодъ „о паденіи арагонской конституціи“.

Въ вѣковой борьбѣ съ маврами испанцы не только завоевали себѣ родину, но и свободу. Когда потомки древнихъ готовъ стали спускаться съ горъ, куда укрылись они во время мохаммеданскаго разлива на полуостровѣ, имъ приходилось каждый шагъ занимаемыхъ равнинъ брать съ бою у непріятеля. Подъ выстрѣлами мавританскихъ крѣпостей и замковъ, посреди величайшихъ опасностей, строились христіанскіе города и возникали христіанскія поселенія. Только самыми широкими правами и привилегіями можно было удержать и укрѣпить эти колоніи на завоеванныхъ пространствахъ, только полная свобода могла вознаградить готскаго воина за всѣ понесенные имъ труды. Вотъ начало испанскихъ представительныхъ сеймовъ, или кортесъ, областного самоуправленія и безчисленныхъ иммунитетовъ и мѣстныхъ привилегій или такъ называемыхъ фуэросъ. Привилегіи эти тѣмъ разнообразнѣе, что каждая область бы-

ла нѣкогда отдѣльнымъ королевствомъ и имѣла свою самобытную конституцію. Изъ этихъ конституцій—арагонская была такъ оригинальна и размашиста, что не только на пиренейскомъ полуостровѣ, но и во всей христіанской Европѣ среднихъ вѣковъ едва-ли найдется другая, которая, въ этомъ отношеніи, могла бы съ нею сравниться. Одно развѣ государственное устройство старинной Польши, во многихъ чертахъ напоминающее арагонское, не уступитъ ей ни всемогуществомъ привелегированнаго дворянства, ни ничтожествомъ королевской власти. Оттого старинная конституція эта въ Арагоніи держалась долѣе и упорнѣе, нежели въ другихъ областяхъ испанскихъ. Она не уступала монархіи даже и тогда, когда, начиная съ XV вѣка, повсемѣстный и неудержимый ходъ исторіи сталъ клониться къ централизаціи, сплоченію феодальныхъ территорій въ большія государства, къ сглаженію мѣстныхъ оттѣнковъ и привилегій въ общемъ національномъ единствѣ, къ рѣшительной побѣдѣ все равняющаго абсолютизма. Напротивъ, арагонцы еще ревнивѣе стали беречь свои древніе фуэросъ съ тѣхъ-поръ, какъ, въ началѣ XVI вѣка, страна ихъ поступила подъ власть кастильскаго дома. Ни Фердинандъ Католикъ со своимъ кардиналомъ Хименесъ, ни Карлъ V со своимъ европейскимъ могуществомъ, не отважились посягнуть на свободныя учрежденія арагонцевъ, стоявшихъ грудью за свои древнія права, видѣвшихъ въ нихъ все свое счастіе и честь. Въ каждомъ домѣ можно было найдти у нихъ книгу о правахъ арагонскихъ кортесъ. Дѣти учились читать по ней. Первое, что узнавали они, послѣ десяти заповѣдей, были привилегіи ихъ отцовъ.

Вотъ главныя черты этого оригинальнаго устройства. Арагонія составляла отдѣльное, самобытное королевство, имѣвшее съ Кастиліей только общаго монарха. Но каждый новый король, при вступленіи на престолъ, обязанъ былъ дать присягу въ неприкосновенномъ соблюденіи всѣхъ старинныхъ фуэросъ. Кто не знаетъ той знаменитой и высокомѣрной формулы, съ которой хустисія-майоръ, верховный судья Арагоніи, обращался, отъ имени націи, къ нововѣнчанному государю. „Мы, говорилъ онъ ему, равные вамъ достоинствомъ, но превосходящіе васъ могуществомъ, мы дѣлаемъ васъ нашимъ королемъ, но съ тѣмъ, чтобъ вы соблюдали наши привилегіи; если-жъ нѣтъ — нѣтъ, se no—no“. И слова эти не были пустою фразою. Нарушеніе фуэросъ давало подданнымъ право возстать противъ короля и, въ крайнемъ случаѣ, даже низложить его.

При сигнальномъ крикѣ—contra fuero! вся Арагонія подымалась тогда, какъ одинъ человѣкъ. „Даже камни, говоритъ одинъ испанскій историкъ, сдвигались съ мѣстъ своихъ при этомъ завѣтномъ воззваніи“. Изъ арангонцевъ только должны были короли избирать своихъ намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ для управленія страною, въ которой принципъ автономіи укоренился съ незапамятныхъ временъ и куда не смѣлъ проникнуть ни одинъ иноземный солдатъ. Арагонскій парламентъ или „cortes“, раздѣленный на четыре сословія — духовенства, магнатовъ, низшаго дворянства и горожанъ — созывался аккуратно каждые два года и былъ открываемъ лично королемъ, или однимъ изъ принцевъ крови. Онъ судилъ, въ высшей инстанціи, о войнѣ и мирѣ, назначалъ подати, контролировалъ администрацію. Король не имѣлъ права ни распустить его, ни отсрочить. Королевскія предложенія получали силу закона не иначе, какъ при единодушномъ принятіи всѣми членами. Каждый, лично за себя, могъ подать собранію жалобу, въ случаѣ, если вводимый законъ въ чемъ-нибудь нарушалъ его привилегіи, — и одной такой жалобы, какъ пресловутаго польскаго veto, было достаточно, чтобъ остановить ходъ совѣщаній до тѣхъ поръ, пока претендентъ не получалъ удовлетворенія. Постоянная депутація кортесъ, состоявшая изъ представителей всѣхъ четырехъ сословій, завѣдывала текущими дѣлами въ промежуткахъ между сессіями.

Еще болѣе оригинальнымъ и независимымъ образомъ организована была государственная юстиція Арагоніи. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ испанской короны, были, правда, суды королевскіе и духовные; но всѣ они стояли подъ верховнымъ контролемъ и высшимъ авторитетомъ сановника, называвшагося хустисія-майоръ (justizia mayor) и облеченнаго властію защищать народъ и его права. Каждый арагонецъ могъ къ нему апеллировать, — и тогда прекращалась власть прочихъ судилищъ, произнесенный ими приговоръ терялъ свою силу, исполненіе его могло быть пріостановлено даже и тогда, когда осужденный, съ веревкой на шеѣ, стоялъ бы уже подъ висѣлицей. Верховный судья переслѣдывалъ дѣло и кассировалъ прежнее рѣшеніе, если находилъ его несовмѣстнымъ съ привилегіями королевства. Въ противоположность другимъ трибуналамъ того времени, процедура хустисіи совершалась посреди величайшей публичности; при слѣдствіяхъ никогда не прибѣгали къ пыткѣ и насилію; самая тюрьма его носила прекрасное имя „манифестаціи“, или свободы. Авторитетъ и санъ этого ма-

гистрата составлялъ, поэтому, предметъ самаго горячаго сочувствія и уваженія націи, видѣвшей въ немъ лучшую гарантію своей независимости. Назначеніе въ это званіе зависѣло, правда, отъ короля, но онъ не могъ ни смѣнить его, ни остановить его дѣйствій. Великій защитникъ арагонской конституціи и фуэросъ, хустисія, имѣлъ право призвать народъ къ оружію даже противъ короля, если-бы онъ рѣшился посягнуть на нихъ. Одни только кортесъ, облеченные всею верховною властію народа, могли его контролировать и даже отставить отъ должности, если-бы онъ уличенъ былъ въ пристрастіи или слабости.

Однимъ словомъ, Арагонія, подобно Польшѣ, носила только имя королевства. Значеніе монарха ограничивалось почти однимъ титуломъ. На самомъ же дѣлѣ это была настоящая замкнутая республика, но республика аристократическая и, такъ-же какъ Польша, военно-аристократическая. Тамъ господствующимъ элементомъ государства была воинственная шляхта, здѣсь — рыцарскіе хидальгосъ. Тѣ и другіе пользовались почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, изъятіемъ отъ повинностей, правомъ ничего ни дѣлать и смотрѣть съ-высока на остальныхъ согражданъ. Мѣстный законъ позволялъ хидальгу даже не платить долговъ, потому что никто не имѣлъ права конфисковать его домъ, лошадь и оружіе. Въ Арагоніи, правда, классъ горожанъ имѣлъ больше политическихъ гарантій, нежели въ Польшѣ; но его участіе въ кортесъ ограничивалось весьма незначительнымъ вліяніемъ, такъ-какъ промышленный трудъ не пользовался уваженіемъ. Въ обоихъ государствахъ, наконецъ, массы земскаго населенія томились въ безправномъ рабствѣ. Откуда же это сходство въ чертахъ общественнаго устройства двухъ разноплеменныхъ націй, жившихъ на противоположныхъ концахъ христіанскаго міра? Причина его, быть можетъ, въ нѣкоторомъ сходствѣ ихъ общей исторической роли. Какъ Испанія, такъ и Польша, долгое время, были граничными бойцами, форпостами католической Европы противъ враждебнаго ей мохаммеданскаго востока, — одна — противъ арабовъ, другая противъ татаръ и турокъ; и это обстоятельство, болѣе всего, могло условить сходную военно-аристократическую организацію обѣихъ странъ. Но обыкновенныя пагубныя послѣдствія подобнаго устройства — дикій произволъ аристократіи, бѣдное развитіе заклейменной презрѣніемъ промышленности, горькая доля земледѣльца, застой образованія, узкій эгоизмъ магнатовъ, патріотизмъ, превратившійся въ сеймовую декламацію съ пѣною у

рта и саблею на-голо, — въ Арагоніи обнаружились гораздо прежде, чѣмъ въ Польшѣ, и прежде привели ее къ упадку, такъ-какъ Испанія раньше и отыграла свою историческую роль. Кастильскіе короли давно уже смотрѣли враждебно на гордую конституцію арагонцевъ. Уже Изабелла вздыхала о томъ, что они ведутъ себя смирно и не подаютъ коронѣ никакого повода коснуться ихъ привилегій. Карлъ V, какъ добрый католикъ, просилъ, говорятъ, св. отца — освободить его отъ присяги, данной арагонскимъ фуэросъ. Но никто не имѣлъ столько причинъ жаловаться на арагонскіе кортесъ, какъ Филиппъ II. Пробовалъ онъ было сначала лично открывать эти представительные сеймы, но каждый разъ выносилъ оттуда самыя непріятныя воспоминанія. Несговорчивые депутаты не принимали никакихъ его предложеній, самого его трактовали чуть не за-панибрата, не стѣсняясь говорили при немъ о кабинетѣ такъ и такія вещи, отъ которыхъ давно уже отвыкло кастильское ухо Филиппа, но что болѣе всего огорчало короля — неотступно требовали уничтоженія, или по-крайней-мѣрѣ, совершеннаго ограниченія инквизиціи, у которой съ конституціонными учрежденіями страны были постоянныя столкновенія. При этомъ, говорятъ, Филиппъ, единственный разъ въ жизни, вышелъ изъ себя. Цѣлыя двадцать лѣтъ не собиралъ онъ потомъ арагонскихъ кортесъ. Когда же, въ 1585 году, созваны были они опять, по случаю присяги наслѣднику престола, то, по множеству накопившихся дѣлъ, неудовольствій и жалобъ, на сеймѣ обнаружилась такая анархія, что Филиппъ бросилъ засѣданія и уѣхалъ, поклявшись воспользоваться первымъ поводомъ, чтобъ покончить съ ненавистнымъ устройствомъ. Но поводъ этотъ представился только въ 1592 году. И вотъ какимъ образомъ.

24-го мая, часовъ въ восемь утра, едва только отошла ранняя обѣдня, на главной площади Сарагоссы стало обнаруживаться волненіе. Трое знатныхъ хидальгосъ — донъ-Мартинъ де-ла-Нуса, донъ-Педро де-Балеа и донъ-Ибанъ Куконъ, въ гнѣвѣ выбѣжали изъ палацца великой хустисіи, находившагося тутъ-же, и съ криками: „да здравствуетъ свобода! contra fuero, contra fuero!“ бросились въ шумѣвшую толпу и стали призывать народъ къ оружію. Въ ту-же минуту, съ ближайшихъ церквей, послышался набатъ. — и шайки вооруженныхъ людей стали наполнять площадь, приливая массами изъ узкихъ и кривыхъ улицъ, расползавшихся въ разныя стороны отъ этого центральнаго пункта. Посреди общей су-

матохи, хидальги кричали, что нынче утромъ совершилось вопіющее нарушеніе фуэросъ, по приказанію короля Филиппа и его кастильскихъ чиновниковъ, что не болѣе какъ два часа тому назадъ Антоніо Пересъ былъ взятъ агентами инквизиціи изъ государственной тюрьмы „manifestados“, куда онъ укрылся было отъ преслѣдованій короля, и отвезенъ въ замокъ Альхаферью, и что великій хустисія имѣлъ слабость допустить это.

Старинный мавританскій замокъ Альхаферья, лежащій за городскими стѣнами, очень хорошо извѣстенъ въ Сарагоссѣ и давно уже это имя возбуждаетъ омерзѣніе и ненависть въ душѣ каждаго свободнаго арагонца. Всѣ знаютъ, что тамъ — трибуналъ св. инквизиціи. Въ городѣ нѣтъ пятилѣтняго ребенка, котораго бы мать не стращала разсказами объ ужасахъ, какіе тамъ творятся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, адвокатъ Барахасъ какимъ-то чудомъ спасся изъ этого вертепа и, прежде чѣмъ бѣжалъ въ Пиренеи, успѣлъ разсказать друзьямъ и роднымъ, укрывшимъ его съ опасностію собственной жизни, какъ тамъ его терзали и мучили. „Не знаю, говорилъ онъ, сколько времени просидѣлъ я въ моей тюрьмѣ, потому что въ вѣчномъ мракѣ этихъ ужасныхъ подземелій исчезаетъ различіе дней и ночей. Мнѣ запретили говорить и пѣть; все время не слышалъ я ни одного слова кругомъ, посреди оцѣпѣняющаго безмолвія. Нѣмой сторожъ приносилъ мнѣ изрѣдка хлѣба и воды. Сначала я терзался и сильно страдалъ. Но голодъ, отчаяніе, неизвѣстность и безнадежность до такой степени истомили меня, что я впалъ въ какую-то летаргію и почти лишился сознанія. Въ такомъ состояніи, полуживой и полумертвый, лежалъ я однажды на землѣ и начиналъ забываться. Какъ вдругъ съ визгомъ отворяются двери и входятъ какіе-то люди съ фонарями; схватили меня, повели по длинному корридору, покато уходившему внизъ, и, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться отъ испуга, я стоялъ уже въ какой-то комнатѣ со сводами и столбами, освѣщенной краснымъ пламенемъ факеловъ. По стѣнамъ и съ потолка висѣло множество желѣзныхъ гирь, колецъ, щипцовъ и еще чего-то. Широкая деревянная скамья съ винтами и скобами, что-то въ родѣ столярнаго станка, стояла по-срединѣ. Нѣсколько монаховъ сидѣло подлѣ съ бумагами. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что я обвиненъ въ нѣмецкой ереси. Кто обвинялъ, какія были доказательства, — я не зналъ ничего. Только по пунктамъ прочли мнѣ улики и потребовали сознанія. Почти машинально пролепеталъ я, что ничего не

знаю. Тогда человѣкъ, весь одѣтый въ черномъ, съ глазами, сверкавшими изъ отверстій, прорѣзанныхъ въ его капюшонѣ, отдѣлился отъ темной стѣны и, по данному знаку, сорвалъ съ меня одежду....“ Но мы не будемъ пересказывать здѣсь ужасовъ инквизиціоннаго допроса, слишкомъ хорошо извѣстныхъ образованной публикѣ, благодаря превосходному сочиненію Льоренте. Замѣтимъ только, что такихъ разсказовъ много ходило тогда въ народѣ, поддерживая и разжигая въ немъ ненависть къ инквизиціи и кастильской коронѣ. Воротимся теперь на сарагосскую площадь.

Пылкій южный темпераментъ и полуарабскуя кровь арагонцевъ легко было зажечь и безъ такихъ сильныхъ возбужденій, какія волновали ихъ въ настоящую минуту, когда національная вражда къ кастильцамъ, нелюбовь къ королю Филиппу, участіе къ судьбѣ знаменитаго узника, негодованіе противъ насилій инквизиціи, и особенно оскорбленіе, нанесенное привилегіямъ края—этимъ священнымъ арагонскимъ фуэросъ—соединились вмѣстѣ, чтобы подвинуть массу на какое-нибудь безумное дѣло. Увлекаемый этими чувствами и своими вождями, вооруженный народъ, съ криками „смерть измѣнникамъ!“, ринулся двумя большими толпами. Одна осадила домъ губернатора, маркиза д-Альменары, и стала толстыми бревнами выламывать дверь; а другая бросилась за городъ, къ замку инквизиціи, съ угрозами и проклятіями, требуя немедленной выдачи Переса. „Коварные кастильцы, кричала толпа, отдайте намъ арестанта,—или мы сожжемъ васъ всѣхъ въ вашемъ проклятомъ гнѣздѣ. Сами тогда узнаете, какъ весело горѣть на кострѣ!“. Въ ту-же минуту начали рубить деревья, таскать хворостъ и обкладывать ими стѣны. Какъ всѣ средневѣковые замки, Альхаферья былъ укрѣпленъ надежно, а для черни, неимѣвшей пушекъ, могъ и подавно остаться неприступной твердыней. За этими высокими стѣнами, складенными изъ толстыхъ каменныхъ блоковъ, инквизиторамъ легко было бы посмѣяться всѣмъ угрозамъ разъяренной толпы, еслибъ изъ города не стали приходить вѣсти, одна другой печальнѣе и грознѣе. Тамъ народъ потребовалъ у великой хустисіи ареста генералъ-губернатора, подозрѣваемаго въ стачкѣ съ инквизиціей. Хустисія долго отстаивалъ д-Альменару и уступилъ только тогда, когда инсургенты стали штурмовать домъ его каменьями, бревнами и аркебузами. Тогда только вывелъ онъ маркиза на площадь и, прикрывая особу его собой и своими ассистентами, направился къ тюрьмѣ manifestados. Высокое, почти бла-

гоговѣйное уваженіе, съ незапамятныхъ временъ окружавшее санъ великой хустисіи, нѣкоторое время удерживало чернь отъ новыхъ насилій; но толпа напирала на кортежъ такъ сильно, что, наконецъ, сбила съ ногъ хустисію и его ассесоровъ. Д-Альменара остался безъ защиты. Въ ту-же минуту послышались голоса — „смерть ему, смерть!“, — и на несчастнаго посыпались удары кинжаловъ. Послѣ этой катастрофы въ городѣ наступила совершенная анархія. Изъ людей, облеченныхъ правительственнымъ авторитетомъ, оставался одинъ вице-король. Понявъ безполезность дальнѣйшаго сопротивленія народной волѣ, онъ самъ поспѣшилъ въ замокъ, и, по его настоянію, инквизиторы согласились, наконецъ, выдать Переса. Неописанъ былъ народный восторгъ, когда знаменитый узникъ появился у желѣзныхъ воротъ Альхаферьи, хотя не столько личность освобожденнаго вызывала этотъ бурный энтузіазмъ, сколько право, которое отстоялъ въ немъ народъ. На рукахъ донесъ онъ Переса до кареты и съ тріумфомъ проводилъ до государственной тюрьмы, изъ которой извлекла его инквизиція. И здѣсь еще, у воротъ manifestados, прощаясь съ нимъ, безчисленные голоса кричали ему: „сеньоръ Антоніо, просимъ васъ впередъ три раза въ день показываться у вашихъ оконъ, чтобъ мы знали, что наша свобода уважена и что никто не осмѣлился нарушить наши фуэросъ!“.

Послѣ этой сцены, волненіе утихло, толпа разошлась и порядокъ снова возстановился въ городѣ.

Но кто же такой этотъ Антоніо Пересъ, изъ-за котораго цѣлая революція вспыхнула въ Арагоніи, и какимъ образомъ кабинетный секретарь короля попалъ въ сарагосскую тюрьму manifestados?

Имя Переса принадлежало къ самымъ громкимъ именамъ тогдашняго политическаго міра. Его знали вездѣ, куда только проникало испанское вліяніе; а куда не проникало оно во второй половинѣ XVI вѣка! Цѣлыя десять лѣтъ Европа съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдила за судьбою этого человѣка. Его интимныя связи съ Филиппомъ II, непримиримый разрывъ, которымъ онѣ кончились, жестокія преслѣдованія и долгая борьба съ королемъ, его громкій процессъ, возстаніе въ Арагоніи, имъ возбужденное, его бѣгство изъ Испаніи и изгнанническая жизнь при иностранныхъ дворахъ — все это сдѣлало Переса одною изъ самыхъ интересныхъ личностей своего вѣка. Превосходная монографія Минье подробно знакомитъ насъ съ ея судьбой и характеромъ. Мы заимствуемъ изъ нея только самыя крупныя черты.

Хотя Антоніо Пересъ происходилъ отъ одной изъ арагонскихъ дворянскихъ фамилій, но всю жизнь провелъ при кастильскомъ дворѣ, гдѣ отецъ его, секретарь Карла V, приготовилъ ему блестящую политическую карьеру. Въ короткое время, молодой Антоніо сдѣлался любимцемъ сильнаго князя Эболи, а чрезъ него попалъ въ милость и къ Филиппу II, который облекъ его большимъ довѣріемъ и, впослѣдствіи, возвысилъ въ званіе своего секретаря и министра. Одно время, именно въ семидесятыхъ годахъ, Пересъ былъ даже главою кабинета и пользовался почти дружбой короля, на-сколько Филиппъ былъ способенъ къ подобнымъ отношеніямъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ довѣрялъ ему важныя тайны, поручалъ самыя тонкія дипломатическія операціи и даже сдѣлалъ повѣреннымъ въ своей любовной интригѣ со вдовою покойнаго Эболи. За полумонашествующимъ королемъ водились такого рода слабости. Зная характеръ Филиппа, легко понять, какими средствами можно было заслужить у него столько довѣрія и близости. Только хитрый и изворотливый проныра, честолюбивый и гордый Сеянъ, спрятавшійся подъ маской самой раболѣпной угодливости, могъ вкрасться въ душу этого новаго Тиберія. Таковъ, дѣйствительно, и былъ Антоніо Пересъ. Въ этой маленькой, хилой фигуркѣ кипѣли огненныя страсти и разыгрывалось непомѣрное честолюбіе. Онъ былъ гордъ, любилъ роскошь, бралъ взятки и торговалъ интересами Испаніи за границей. Но Филиппъ не видѣлъ въ немъ ничего, кромѣ вѣрнаго слуги и даровитаго агента, воспитаннаго въ правилахъ неоглядной и безсовѣстной итальянской политики вѣка. Такъ Пересъ достигъ своей завѣтной мечты — счастія королевскаго любимца; но это самое счастіе вскружило ему голову. Онъ сталъ заносчивъ, неостороженъ, дерзнулъ тайно соперничать у княгини Эболи съ самимъ королемъ и нажилъ много враговъ между придворными. Маттео Баскесъ, графъ Шиншонъ, Діэго де-Кава, духовникъ короля — составили противъ него партію, искавшую только случая погубить его. Случай этотъ представился въ дѣлахъ донъ-Хуана австрійскаго.

Юный, прелестный герой лепантской побѣды, баловень счастія и женщинъ, недовѣрчиво и холодно принятъ былъ при мадридскомъ дворѣ. Таланты, слава, успѣхи, предпріимчивость и честолюбіе принца сильно не нравились Филиппу и кололи ему глаза. Всячески старался онъ парализовать его смѣлые планы и разрушать мечты о пріобрѣтеніи какой-нибудь независимой короны, которыми полна была душа даровитаго и пылкаго юноши. Въ прахъ разле-

тались всѣ замыслы молодого мечтателя въ Тунисѣ, Нидерландахъ и Англіи. На этой послѣдней странѣ сосредоточены были особенно вниманіе и надежды донъ-Хуана. Сдѣлать изъ Фландріи высадку на британскій берегъ, собрать подъ свое знамя католическую партію, освободить томившуюся въ плѣну королеву шотландскую Марію и, вмѣстѣ съ рукою прекрасной женщины, получить корону могущественной страны — вотъ въ чемъ состояла его самая задушевная мечта. Военная отвага и слава, религіозный энтузіазмъ, рыцарскій культъ красоты — тутъ было все, чтобы прельстить воображеніе юноши и героя. Оттого принцъ, бывшій тогда правителемъ Нидерландовъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить на этотъ планъ короля Филиппа и получить его содѣйствіе. Довѣренный секретарь его, Эсковедо, жилъ, съ этой цѣлію, въ Мадридѣ и старался заискать дворъ и особенно Антоніо Переса, находившагося тогда въ полномъ довѣріи у короля. Вскорѣ, однако, между двумя дипломатами вспыхнула вражда. Эсковедо удалось открыть отношенія Переса къ княгинѣ Эболи, и онъ имѣлъ неосторожность грозить ему — донести объ нихъ. Пересъ зналъ, что Филиппъ никогда не проститъ такого оскорбленія, и рѣшился заранѣе погубить Эсковедо. Съ величайшими предосторожностями увѣдомилъ онъ короля, что планъ донъ-Хуана не останавливается на пріобрѣтеніи англійской короны, что, достигнувъ ея, принцъ намѣренъ высадиться съ войскомъ въ Испаніи, наконецъ, что Эсковедо — главны агентъ и виновникъ этихъ замысловъ. Поддѣлавъ нѣкоторыя депеши и исказивъ смыслъ ихъ, онъ успѣлъ убѣдить въ этой нелѣпости подозрительнаго и трусливаго короля. Филиппъ уполномочилъ его — отдѣлаться отъ секретаря донъ-Хуана какимъ-нибудь тайнымъ путемъ. Разумѣется, какъ во всѣхъ щекотливыхъ случаяхъ, посовѣтовались съ духовникомъ; благодушный патеръ объявилъ, что король, имѣя власть надъ жизнію и смертію подданныхъ, можетъ убить кого ему вздумается, и, въ-слѣдъ за-тѣмъ, Эсковедо зарѣзанъ былъ ночью, на улицѣ, людьми, подосланными Пересомъ. Сначала все шло хорошо. Убійцъ не открыли; Пересъ радовался, что отдѣлался отъ врага, а Филиппъ — что избавился отъ опасности. Но враги Переса провѣдали объ истинныхъ причинахъ смерти Эсковедо и донесли объ нихъ королю.

Съ этой минуты начинается одинадцатилѣтняя, въ высшей степени характерная, борьба Филиппа II со своимъ министромъ — борьба, занимавшая, въ свое время, весь политическій европейскій

свѣтъ. Какъ ни сильны были негодованіе и ненависть Филиппа, но прямо погубить Переса онъ не могъ. Въ рукахъ послѣдняго было множество важныхъ бумагъ и компрометирующихъ королевскихъ писемъ. Королю надо было сначала добыть эти опасные документы и тѣмъ обезоружить противника. Поэтому, его арестовали сначала только за злоупотребленія по службѣ и лихоимство. Когда же процессъ, дѣйствительно, уличилъ его во многомъ, Филиппъ велѣлъ сказать ему, что обѣщаетъ прощеніе, если онъ выдастъ всѣ секретныя бумаги. Пересъ тогда собственной кровью написалъ изъ тюрьмы записку, въ которой уполномочивалъ жену отдать бумаги королевскимъ агентамъ. Завѣтный ящикъ былъ точно выданъ; но, въ то-же время, важнѣйшіе документы отобраны и припрятаны въ домѣ Переса. Теперь Филиппъ, увѣренный, что у подсудимаго не осталось уже въ рукахъ никакихъ средствъ защиты, позволилъ сыновьямъ Эсковедо поднять противъ Переса процессъ за убійство отца. Несчастнаго снова бросили въ тюрьму и, не добившись добровольнаго сознанія, стали пытать. Побѣжденный муками, Пересъ объявилъ, что онъ точно убилъ Эсковедо, но что сдѣлалъ это по повелѣнію короля. Потребовали доказательствъ. Тайно сбереженные документы еще были у подсудимаго, но онъ боялся представить ихъ судьямъ, которые могли, по раболѣпству, или изъ страха королевской немилости, уничтожить ихъ тутъ-же. А между тѣмъ неминуемая казнь грозила ему теперь, какъ уличенному убійцѣ, клеветнику и оскорбителю величества. Изъ этого критическаго положенія выручила Переса жена. Подъ предлогомъ болѣзни мужа, она ходила къ нему въ тюрьму и, въ одно изъ такихъ посѣщеній, переодѣла его въ свое платье и выпустила, а сама осталась на его мѣстѣ. Средства къ побѣгу были уже приготовлены заранѣе, — и узникъ нашъ счастливо перебрался за кастильскую границу. Едва только очутился онъ на почвѣ своей родины, какъ за нимъ летѣли уже смертные приговоры, погоня и сыщики изъ Мадрида. Но здѣсь уже не такъ легко было захватить его. На свободной арагонской землѣ власть короля Филиппа, всесильная въ Кастиліи, на каждомъ шагу встрѣчала ограниченія въ древнихъ національныхъ фуэросъ. Какъ урожденный арагонецъ, Пересъ имѣлъ право стать подъ защиту великой хустисіи, — и король какъ всякій обыкновенный гражданинъ, могъ вести съ нимъ только законный процессъ. Никакое насиліе, никакая власть на землѣ не могли наложить на бѣглеца свою руку съ того часа, какъ занялъ онъ мѣсто въ государ-

ственной тюрьмѣ manifestados. Дѣлать нечего. Филиппу приходилось опять начинать формальный процессъ. Но тутъ Пересъ могъ уже смѣло представить документы, ясно свидѣтельствовавшіе объ участіи короля въ убійствѣ Эсковедо. На основаніи этихъ бумагъ, великій хустисія торжественно оправдалъ его. Безсильная ярость Филиппа могла излиться только на благородную жену Переса, героиню супружеской привязанности и долга, и на его семейство. Они брошены были въ мрачную тюрьму, въ ожиданіи чего-нибудь худшаго. Напрасно Пересъ смиренно молилъ теперь короля — позволить ему, въ видѣ особенной милости, прожить гдѣ-нибудь въ неизвѣстности, съ женой и дѣтьми, — напрасно грозилъ открытіемъ важныхъ государственныхъ тайнъ, бывшихъ у него въ рукахъ. У Филиппа все еще оставалась надежда погубить его. Былъ въ Испаніи еще другой трибуналъ, отъ котораго не спасали ни полъ, ни возрастъ, ни высокое положеніе общественное, — трибуналъ дѣйствовавшій во мракѣ, не знавшій иныхъ формъ процедуры, кромѣ пытки, иного закона — кромѣ интересовъ католицизма и воли короля. Къ нему теперь, къ услугамъ св. инквизиціи, прибѣгнулъ Филиппъ, чтобъ добить своего врага. Поводъ къ обвиненію найдти было не трудно, и св. судилище никогда этимъ не стѣснялось. Въ припадкахъ отчаянія и тюремной тоски, у Переса, въ сущности добраго католика, вырвалось нѣсколько богохульныхъ восклицаній. Этого было достаточно, чтобъ обвинить его въ ереси. Нашли свидѣтелей, составили актъ и потребовали у великой хустисіи выдачи обвиненнаго для отвѣта предъ трибуналомъ инквизиторовъ. Хустисія частію изъ страха и угодливости къ королю, частію потому, что вообще не было опредѣленныхъ законовъ о правахъ св. судилища и его отношеніяхъ къ свободнымъ учрежденіямъ страны, согласился, — и Переса, закованнаго въ цѣпи, тайкомъ отвезли въ Альхаферью. Но у него были большія связи съ арагонской аристократіей, много друзей въ Сарагоссѣ; имъ не трудно было поднять народъ, ненавидѣвшій инквизицію и кастильцевъ, — и тогда, въ самый день выдачи Переса, на городской площади произошла сцена, которую мы описали выше.

Вѣсть о сарагосскихъ событіяхъ застала Филиппа II уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, въ ту пору его жизни, когда онъ совершенно отдалился отъ міра и весь сосредоточился въ своихъ дѣлахъ, въ своемъ эскоріальскомъ кабинетѣ. Кабинетъ этотъ, съ окнами, выходящими на церковь, весь обтянутый чернымъ, украшен-

ный распятіемъ и безчисленными реликвіями, свезенными сюда ото всѣхъ концовъ христіанскаго міра, похожій болѣе на монашескую келью, уцѣлѣлъ еще и теперь въ прежнемъ видѣ, переживъ всѣ перемѣны, какимъ подвергался Эскоріаль въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій. И теперь еще показываютъ старинный письменный столъ и высокія кресла, въ которыхъ дни и ночи работалъ неугомонный труженикъ. И вотъ сидитъ онъ въ полночный часъ, одинокій, заваленный кипами бумагъ, исписывая листы за листами. Голова его побѣлѣла, глаза потухли, лицо въ морщинахъ, станъ согнулся и высохъ, пищевареніе слабо, болѣе чѣмъ когда-нибудь манеры его сдѣлались ледяными и гробовыми; но едва-ли въ политическомъ мірѣ найдется другой, болѣе неутомимый работникъ. Онъ знаетъ все и всѣхъ въ Испаніи, Европѣ и Америкѣ. Личности современныхъ монарховъ, ихъ министровъ, дипломатовъ и государственныхъ людей, вожди фламандскаго движенія, кастильская аристократія, административные агенты громадной державы — извѣстны ему такъ хорошо и подробно, какъ будто онъ вѣкъ прожилъ съ ними. Съ изумительною точностію онъ знаетъ характеръ, привычки, связи, лѣта, даже наружность каждаго изъ нихъ — онъ, никогда не видѣвшій ихъ въ глаза. До ничтожныхъ мелочей ему извѣстны внутреннее состояніе, силы и средства каждой изъ западныхъ странъ. Шесть огромныхъ волюмовъ составленнаго, по его распоряженію, статистическаго описанія испанской монархіи никогда не сходятъ съ его рабочаго стола, доставляя обильный матеріалъ для правительственныхъ соображеній. Придворныя и политическія интриги эпохи, тайные планы и отношенія кабинетовъ извѣстны ему такъ отчетливо, что историкъ былъ бы счастливъ, еслибъ могъ обладать такою массою свѣдѣній о тогдашнемъ политическомъ мірѣ. Чего, казалось, не могъ бы достигнуть монархъ съ такимъ могуществомъ, свѣдѣніями и трудолюбіемъ? И однакожъ мы знаемъ, что Филиппъ былъ плохой правитель и близорукій политикъ. Вся эта безпримѣрная кабинетная дѣятельность не вела ни къ чему. Во-первыхъ, король, ни къ кому не имѣлъ довѣрія. Идіакесъ, Мура, Шиншонъ, считавшіеся, въ послѣднее время, его любимцами, далеко не были посвящены во всѣ тонкости его политики. Всѣ приходившіе пакеты Филиппъ распечатывалъ самъ, читалъ депеши и, по усмотрѣнію, иногда сообщалъ министрамъ тѣ или другія данныя. Въ противномъ случаѣ все погребалось въ вѣчной, безмолвной тайнѣ. Тайна, главный рессурсъ деспотическихъ правительствъ, развита

была въ политикѣ Филиппа до послѣднихъ размѣровъ. Тайну хранилъ онъ даже и тогда, когда объ ней говорили уже на улицахъ. Оттого рѣдко находилъ онъ себѣ удачныхъ сотрудниковъ. Да и какъ помогать человѣку, окруженному вѣчными подозрѣніями и загадками? Но былъ ли, по-крайней-мѣрѣ, самъ Филиппъ въ состояніи нести все то бремя власти и заботъ, которыя такъ ревниво берегъ отъ другихъ? Напротивъ, это былъ одинъ изъ самыхъ бездарныхъ тружениковъ. Умъ его былъ невѣроятно узокъ. Никогда не могъ онъ возвыситься до общихъ, широкихъ плановъ и соображеній и постоянно терялся и путался въ мелочахъ. До насъ дошло множество собственноручныхъ замѣтокъ Филиппа, которыя онъ дѣлалъ обыкновенно на поляхъ прочитанныхъ бумагъ. Всѣ почти поражаютъ своею мелочностію и пустотою. Такъ, напримѣръ, въ чрезвычайно важномъ донесеніи о снаряженіи армады въ походъ, вниманіе Филиппа остановилось на простой грамматической ошибкѣ, или скорѣе — опискѣ. „Армада, сказано въ депешѣ, простояла въ Лиссабонѣ около мѣсяца“, по-испански — quassi un mes. Филиппъ дѣлаетъ замѣчаніе, что quasi пишется однимъ s, а не двумя. Около того-же времени, испанскій агентъ въ Лондонѣ доносилъ своему королю о вооруженіяхъ Англіи. Онъ подробно перечисляетъ сдѣланныя тамъ приготовленія — военные корабли, пушки, порохъ, составъ арміи, распространяется о личности Елисаветы, ея образѣ жизни, государственныхъ людяхъ, дворѣ — и, въ одномъ мѣстѣ, разсказывая объ убранствѣ ея покоевъ, говоритъ вскользь, что однажды, въ ожиданіи аудіенціи, онъ открылъ, въ окнахъ ея пріемной, множество какихъ-то насѣкомыхъ. Филиппъ, оставляя въ сторонѣ пушки, корабли и армію, сосредоточивается исключительно на этомъ мѣстѣ и высказываетъ остроумную догадку, что, должно быть, это блохи. И на подобныя мелочи уходила и терялась дѣятельность государя, по своему положенію и могуществу, составлявшаго средоточіе тогдашняго политическаго міра. Міръ этотъ, по его мнѣнію, управлялся депешами и протоколами, и событія имѣли право возникать не иначе, какъ по программѣ, составленной въ его кабинетѣ. Въ каждомъ уклоненіи отъ програмы, въ каждомъ свободномъ движеніи народной жизни онъ видѣлъ не прогрессъ и развитіе, а аномалію и мятежъ. И вотъ сидитъ онъ неподвижно въ высокихъ креслахъ, кропотливо разбирая бумаги и разсылая безчисленные пакеты по всѣмъ странамъ и направленіямъ свѣта. Какъ паукъ, распускаетъ отсюда онъ свои тонкія нити по

всему лицу христіанской Европы, и всѣ эти нити сходятся здѣсь, у этого стола, въ этомъ безмолвномъ и безотрадномъ кабинетѣ. Франція мечется въ лихорадкѣ гражданской войны, Нидерланды превратились въ бойню, Ирландія въ хроническомъ возмущеніи, Англія дрожитъ отъ страха, что вотъ заморская армія высадится на ея берега, сама Испанія сдѣлалась уже добычею невѣжества, нищеты и фанатизма, — и виною всѣхъ этихъ бѣдствій этотъ одинокій, неугомонный старикъ, этотъ педантъ-чиновникъ, носящій на головѣ своей короны Испаніи, Португаліи, Неаполя, Милана, Нидерландовъ и безчисленныхъ владѣній на океанахъ.

Что касается арагонскихъ событій, то, какъ ни сильно раздраженъ былъ король первыми объ нихъ извѣстіями, но онъ глубоко скрылъ оскорбленіе и все принялъ съ обычнымъ, невозмутимымъ спокойствіемъ. Медленный отъ природы и по разсчету, неумолимый въ мести, непроницаемый въ намѣреніяхъ, онъ ждалъ послѣдствій и про себя обдумывалъ средства, ничѣмъ не рискуя, навѣрное достигнуть своихъ цѣлей. Прежде всего, ему хотѣлось воспользоваться реакціей, которой можно было ожидать въ Арагоніи вслѣдъ за революціоннымъ порывомъ и, въ видѣ условія амнистіи, вынудить у сословій выдачу Переса. А тамъ уже легко было найдти случай отмстить виновникамъ волненія и даже уничтожить самую конституцію, подавшую къ нему поводъ. Съ этою цѣлію онъ обратился къ арагонской знати, какъ самому испорченному классу общества, и объявилъ, что готовъ забыть прошедшее, если она поведетъ себя уступчиво въ отношеніи къ требованіямъ инквизиціи. Аристократія безъ труда согласилась на эту постыдную сдѣлку, тѣмъ болѣе, что имѣя множество самыхъ заносчивыхъ притязаній, она никакъ не была увѣрена, что съумѣетъ отстоять ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Подъ вліяніемъ такого расположенія умовъ, въ Сарагоссѣ составлена была комиссія изъ тринадцати главнѣйшихъ юристовъ королевства, которая, по обсужденіи дѣла, нашла, что инквизиція, не уничтожая права манифестаціи, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, пріостановить его дѣйствіе, и что Переса слѣдуетъ выдать св. трибуналу, если хустисія будетъ на то согласенъ. Но сановникъ этотъ въ вопросѣ о выдачѣ Переса уже и прежде былъ въ пользу правительства и съ его стороны не могло быть препятствій. Фарисейское рѣшеніе комиссіи принято было также депутаціей кортесъ, магистратомъ и городскими властями. Филиппъ тѣмъ болѣе радовался такому направленію дѣла, что, въ это время, до

него дошли слухи объ опасныхъ замыслахъ Переса, имѣвшаго будто бы намѣреніе поднять всю страну противъ кастильскаго владычества, учредить въ ней республику на-манеръ Венеціи или Генуи и, въ крайнемъ случаѣ, отдаться даже во власть Генриху IV. Въ глазахъ напуганнаго короля 24-ое мая было какъ-бы прелюдіей замышленнаго переворота; потому онъ не щадилъ теперь арагонцамъ ни ласкъ, ни обѣщаній, желая поскорѣе устранить послѣднія затрудненія. Но за-то для Переса наступала фатальная минута. Напрасно несчастный заклиналъ хустисію именемъ своихъ долгихъ страданій, божескаго правосудія и древней свободы Арагоніи — не отказывать ему въ покровительствѣ. Хустисія оставался глухъ ко всѣмъ его мольбамъ. 24-го августа назначена была новая его выдача. Близился день, когда голосъ его потеряется навсегда въ какомъ-нибудь мрачномъ подземельи, откуда не долетитъ уже отъ него ни одной жалобы, ни одного протеста. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, ему не оставалось другого пути, какъ еще разъ возбудить въ Сарагоссѣ возстаніе. Съ этою цѣлію онъ распустилъ въ народѣ множество возмутительныхъ памфлетовъ, или, какъ ихъ тогда называли, пасквиновъ, а друзья его, съ толпами вооруженныхъ лакайосъ, приготовились, по-прежнему, отбить его силою. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ предосторожности начальствъ и значительную вооруженную силу, ими приготовленную, 24-го августа на улицахъ города произошло новое кровопролитіе. Инсургенты опять разогнали королевскихъ чиновниковъ и альгвазиловъ инквизиціи, зажгли домъ, куда укрылись они отъ ярости черни, и съ торжествомъ вынесли Переса на площадь, гдѣ народъ осыпалъ его радостными привѣтствіями. Вслѣдъ за-тѣмъ, ему приготовили лошадь, и въ ту-же ночь онъ былъ уже въ Пиренейскихъ горахъ, а оттуда счастливо перебрался во Францію.

Долго еще продлится оригинальная борьба короля со своимъ подданнымъ. Изъ Навары, Парижа и Лондона будетъ Пересъ мстить своему государю за всѣ перенесенныя бѣдствія и до самой смерти своей станетъ Филиппъ умышлять на жизнь своего врага посредствомъ тайныхъ убійцъ и козней. Мы уже не послѣдуемъ болѣе за ходомъ этой характерной трагедіи вѣка и скажемъ только нѣсколько словъ о развязкѣ арагонскихъ волненій.

Послѣ бѣгства Переса ничто болѣе не стѣсняло гнѣва и мести короля. Казалось, ему теперь не зачѣмъ было прикидываться незлопамятнымъ и увѣрять въ милостивыхъ намѣреніяхъ. Врагъ его

ускользнулъ, арагонцы были кругомъ виноваты и можно было предвидѣть, что у нихъ не станетъ ни силъ, ни рѣшимости энергически защищать свои права; но Филиппъ и тутъ предпочелъ медлительную, осторожную и коварную политику. Въ то самое время, когда благодушно выслушивалъ онъ арагонскую депутацію, явившуюся въ Мадридъ съ просьбою о прощеніи, на границахъ Арагоніи собиралось двѣнадцатитысячное кастильское войско. Патріоты тотчасъ подняли крикъ, что это — явное нарушеніе фуэросъ, а комиссія юристовъ объявила, что король Филиппъ посягнулъ на конституцію и что хустисія обязанъ призвать гражданъ къ оружію для защиты страны. Филиппъ старался успокоить раздраженіе, распустивъ слухъ, что войско идетъ во Францію и только мимоходомъ поможетъ правосудію наказать главныхъ виновниковъ мятежа, впрочемъ совѣтовалъ во всемъ довѣриться ему. Но хустисія уже провозгласилъ поголовное вооруженіе и самъ принялъ начальство надъ нестройною, наскоро составленною арміей инсургентовъ. Національное арагонское знамя св. Георгія, украшенное славою столѣтнихъ побѣдъ надъ маврами, опять развѣвалось теперь въ полѣ и опять эти неукротимые горцы несли, какъ нѣкогда, въ бой свою древнюю отвагу и любовь къ отчизнѣ. Но духъ времени былъ уже не на ихъ сторонѣ. Оружіе, организація, дисциплина, искусство генераловъ давали кастильцамъ явный перевѣсъ. У арагонцевъ, напротивъ, не было ни артиллеріи, ни военнаго искусства, ни дисциплины, а главное — вожди ихъ уже не вѣрили въ свое дѣло. Малодушные и выродившіеся хидальги первые стали оставлять лагерь. Герцогъ де-Виллагермоза, графъ д-Аранда, со своими отрядами укрылись въ горы, и армія разсѣялась, даже не встрѣтившись съ непріятелемъ. Кастильскій генералъ безпрепятственно вступилъ въ Сарагоссу, со временъ мавританскихъ не видавшую въ стѣнахъ своихъ чужеземныхъ солдатъ. Сначала, впрочемъ, кастильцы вели себя кротко и скромно; королевскій комиссаръ объявилъ милостивыя намѣренія Филиппа; — но это только для того, чтобъ заставить разбѣжавшихся инсургентовъ возвратиться въ городъ. И когда большая часть, довѣрившись этому обманчивому снисхожденію, дѣйствительно возвратилась, Филиппъ вдругъ перешелъ къ крутымъ мѣрамъ. Начали съ хустисіи. Напрасно несчастный протестовалъ противъ насилія, ссылаясь на свои древніе фуэросъ, по которымъ только арагонскіе кортесъ могли законно судить его. Ему показали простую записку короля, въ которой онъ тре-

бовалъ его головы. Въ тотъ-же день, на городской площади воздвигли эшафотъ, окружили его солдатами, и послѣднiй великiй судья свободной Арагонiи, донъ-Хуанъ де-ла-Нуса, фамилiя котораго сто сорокъ лѣтъ носила санъ этотъ наслѣдственно, возведенъ былъ на него въ траурной одеждѣ и въ цѣпяхъ. При кровавомъ зрѣлищѣ никто не присутствовалъ изъ арагонцевъ. Оцѣпенѣнiе и ужасъ царствовали въ городѣ. Всѣ чувствовали, что, въ лицѣ народнаго трибуна, Филиппъ казнилъ свободу цѣлаго края. Много жертвъ восходило еще потомъ на эти самыя подмостки, пока совершенно утолилось мщенiе короля, и въ то время, какъ кровь лилась подъ сѣкирами кастильскихъ палачей, красное зарево стояло надъ Сарагоссой отъ пылающихъ костровъ инквизицiи, побѣдоносно поднявшей теперь свою голову....

Подъ влiянiемъ паническаго страха, собрались арагонскiе кортесъ и, по приказанiю короля, сами отмѣнили всѣ важнѣйшiя гарантiи своей древней свободы. Католичество и деспотизмъ — мрачная программа Филиппа II — безконтрольно воцарились теперь и въ Арагонiи, единственномъ уголкѣ пиренейскаго полуострова, гдѣ еще уцѣлѣли, въ то время, остатки средневѣковой свободы. Съ этой минуты пагубная система быстро распространяется по всей католической Европѣ. Она проникаетъ во Францiю, Австрiю, южную Германiю и, при Стюартахъ, грозитъ поработить даже Англiю. Но, соболѣзнуя объ участи славнаго народа и о судьбѣ его учрежденiй, въ которыхъ было столько прекраснаго, которыя добыты были вѣками крови и жертвъ, историкъ не можетъ, однако же, слишкомъ далеко простирать къ нимъ сочувствiя. Онъ долженъ утѣшиться мыслiю, что средневѣковыя конституцiи, и даже лучшая изъ нихъ — арагонская, обезпечивали права только немногихъ, привилегированныхъ гражданъ, условливаясь рабствомъ остальной массы населенiя, и что Европѣ нужно было пройдти сквозь долгую и суровую школу абсолютизма, чтобъ воспитать себя для широкой, разумной и справедливой свободы нашего времени.

XI.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ЮБИЛЕЙНАЯ РѢЧЬ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ЮБИЛЕЙНАЯ РѢЧЬ.

Сегодня исполнилось два столѣтія, какъ въ Россіи родился величайшій изъ историческихъ дѣятелей, какого когда-либо видѣлъ міръ.

Безъ увлеченій и хвалебныхъ пріемовъ, съ полнымъ уваженіемъ къ строгой научной истинѣ, называемъ мы нашего Петра величайшимъ героемъ всемірной исторіи, и твердо увѣрены, что еслибъ подобная личность явилась въ средѣ германскаго или романскаго общества, — она давно бы заняла первое мѣсто между знаменитѣйшими подвижниками мірового прогресса. Только наше славянское смиреніе, да шаткость народнаго сознанія, бывшая такъ долго нашимъ общественнымъ грѣхомъ, причиной тому, что въ представленіяхъ людей европейскаго запада имя Великаго Петра не стоитъ еще выше всѣхъ прославленныхъ именъ человѣчества.

Общепризнанныя заслуги, самая яркая слава блѣднѣютъ передъ русскимъ Петромъ. Прогремѣли по свѣту имена Карла Великаго, Карла V, Наполеона; но дѣла ихъ прошли. Явился Александръ Великій, Цезарь, Оттонъ Великій и Фридрихъ II. Оставили они прочный слѣдъ въ исторіи; но своими подвигами и славой обязаны и заслугамъ своихъ предшественниковъ. За иныхъ работало время, а громкія имена остались только фирмами всесильнаго историческаго процесса. Таковы римскій Августъ и Людовикъ XIV въ лучшіе свои годы. А сколько такихъ знаменитостей, дѣятельность которыхъ достигла блестящихъ результатовъ только въ одномъ направленіи, во всѣхъ же другихъ осталась безплодною!

Дѣло Петра не прошло; оно крѣпнетъ и зрѣетъ съ годами, съ развитіемъ сознанія общественнаго. Предшественники не приготовили для него почти ничего. Онъ самъ создалъ средства, самъ воспиталъ людей, самъ примѣнилъ все это къ достиженію высочайшихъ задачъ и цѣлей исторіи, — къ распространенію и успѣхамъ человѣческаго образованія. Слѣдуя за теченіемъ времени, сознавая и предугадывая его потребности, онъ тѣмъ не менѣе развернулъ и собственную изумительную дѣятельность; громадную личную заслугу, и притомъ — не въ одномъ, не въ нѣсколькихъ направленіяхъ, а во всѣхъ отрасляхъ народной и государственной жизни.

Другаго подобнаго явленія, непреходящаго, самороднаго, всеобъемлющаго и необъятнаго, не представляетъ исторія. Несравненнымъ и единственнымъ стоитъ въ ней нашъ Петръ, возвышаясь надъ всѣмъ, что могло выставить лучшаго древнее и новое человѣчество.

Какою безконечною гордостію должна наполнить насъ мысль, что родиной этого міроваго колосса была Россія, что это чудо исторіи всецѣло принадлежитъ намъ, что до мозга костей своихъ это былъ русскій человѣкъ!

Какой всенародный праздникъ можетъ быть выше и священнѣе для насъ, какъ празднованіе памяти Петра, вмѣстѣ съ цѣлой Россіей, торжествуемое нами теперь! Всѣ мы — правнуки Великаго, „духъ его, говоря словами его ближайшаго потомства, и по нынѣ въ душахъ нашихъ живетъ. Его неусыпными трудами, его единымъ руководствомъ, изъ тьмы ничтожества, призваны мы на театръ міровой славы, отъ небытія къ бытію произведены!“.

Для историка-выразителя народныхъ чувствъ и народнаго сознанія нѣтъ и не можетъ быть предмета, болѣе возвышеннаго, какъ говорить о дѣлахъ Петра, — и съ этой стороны я считаю себя счастливымъ, что столь почетный трудъ и въ такую торжественную минуту, достался на долю мнѣ. Но задача эта есть вмѣстѣ и самая трудная. Изобразить Петра Великаго значитъ изобразить всю русскую исторію, такъ какъ Петръ составляетъ въ ней тотъ жизненный узелъ, гдѣ сходятся всѣ нити нашего древняго развитія и откуда начинаются его новые, нынѣшніе пути. Сознавая, поэтому, всю неисчерпаемость предстоящей мнѣ темы, я позволю себѣ остановить ваше вниманіе только на двухъ ея сторонахъ: на опредѣленіи кореннаго источника Петровской реформы и ея общаго смысла, т. е. тѣхъ руководящихъ идей, которыя легли въ основаніе его дѣятельности.

Какъ область, занятая славянорусскимъ племенемъ, по своимъ естественнымъ свойствамъ и условіямъ, не похожа на государственныя территоріи запада, такъ и характеръ русскаго народа и его судьба имѣютъ мало общаго съ судьбой и характеромъ западноевропейскихъ націй. Область эта лежитъ на восточной окраинѣ Европы, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ монгольской Азіей. Оттого Россія, въ теченіи всей своей исторіи, сначала — стражъ христіанскаго міра отъ напора восточныхъ номадовъ, а потомъ — естественный посредникъ между двумя частями свѣта, призванный примирить ихъ противоположности. На такую роль русской земли указываетъ и направленіе ея водныхъ путей. Начинаясь у центральной или Валдайской возвышенности, въ области древнѣйшаго господства русскихъ славянъ, рѣки европейской Россіи расходятся, въ трехъ направленіяхъ, — къ морямъ Каспійскому, Черному, Балтійскому и Сѣверному, призывая племена, сидящія на верховьяхъ, добиться до устьевъ: Волгой — до Каспія и странъ азіатскаго Востока, Днѣпромъ — до Чернаго моря, ведущаго въ Грецію, и Западной Двиной, вмѣстѣ съ Волховомъ и Невой — до Балтики, открывающей путь сношеніямъ съ западною Европой.

Такимъ образомъ, задача русской исторіи не создана правительствомъ, не выдумана учеными; она начертана природой на русской землѣ. Но для выполненія такого призванія, для пріобрѣтенія этихъ естественныхъ племенныхъ границъ, потребовался трудный и медленный процессъ ассимиляціи инородныхъ элементовъ, облегавшихъ окраины, — славянская колонизація финскаго сѣверо-востока, тюрко-монгольскаго юга и финско-латышскаго запада.

Ко времени появленія Петра, послѣ восьми сотъ лѣтъ неимовѣрныхъ усилій, русскому народу удалось добиться только до морей Сѣвернаго и Каспійскаго, посредствомъ которыхъ и шли у него сношенія съ Западомъ и Востокомъ. Отъ Чернаго — отдѣляли его необъятныя степи, съ XIII вѣка сдѣлавшіяся недоступными; на Балтійскомъ побережьи загнѣздились нѣмцы. Двѣ лучшія дороги для сношеній съ Азіей и Европой были для Россіи заграждены. Полоса по Сейму и Донцу оставалась ея южной границей, Днѣпръ и великія озера служили рубежами на западѣ. Слабымъ вознагражденіемъ служило для насъ то обстоятельство, что до-петровская Русь раскинулась на востокъ и, покоривъ инородную Сибирь, дошла до береговъ Тихаго Океана. Она пріобрѣла громадныя, но почти необитаемыя земли и, владѣя, въ половинѣ

XVII вѣка, 237-ю тысячами квадратныхъ миль пространства, разметала по немъ свое рѣдкое населеніе такъ раскидисто, что на пять квадратныхъ верстъ, въ общей сложности, приходилось по одному человѣку. Самыя плотныя массы этого населенія легли отъ южной и западной границы до Ураловъ и средней Волги. Въ этой-то области, покрытой тогда дремучими лѣсами и болотами, но богатой рѣками и озерами, на почвѣ глинистой, иловатой и лишь коегдѣ плодородной, въ краю суровомъ по климату и ландшафтамъ, вращалась жизнь до-петровской Россіи, — Московіи, какъ называли ее иностранцы.

На огромномъ пространствѣ разбросано 300 городовъ. Изъ нихъ только 20 имѣютъ каменныя постройки и торги. Остальныя — большія села съ деревянными кремлями, со рвами и частоколами для защиты, населены земледѣльцами. Но и это населеніе малочисленно, бѣдно. Тула, Калуга, Суздаль, Тверь — имѣли по двѣ и по три тысячи жителей. Посадскій человѣкъ, платя рубль съ своего двора, находилъ эту подать такимъ тяжкимъ бременемъ, что часто бѣжалъ отъ нея въ Литву, въ степь, за Камень, закладывался за кого-нибудь, становился добровольнымъ холопомъ. Промыслы по городамъ тоже скудны и рѣдки, да и потребностей въ нихъ нѣтъ. Крестьянинъ самъ себѣ строитъ домъ, дѣлаетъ одежду, обувь, посуду; все хозяйство его стоитъ не болѣе трехъ рублей. На служилыхъ людей, — на бояръ, дворянъ, помѣщиковъ работаютъ тоже ихъ холопи, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Да и живетъ это барство просто и незатѣйливо, „безъ великаго устроенія и призрѣнія“. Зачѣмъ же ремесла, фабрики и торговля? Оттого и торговыхъ людей такъ мало. Въ Россіи Алексѣя Михайловича большихъ гостей насчитывалось не болѣе 30-ти. Да и изъ нихъ — большая часть — иностранцы. Заграничный отпускъ черезъ Архангельскъ, запертый льдами большую часть года, — отпускъ хлѣба, пеньки, поташу и смолы, — больше торговать было нечѣмъ, — въ рукахъ у нихъ же. Заводовъ такъ мало, что они не удовлетворяютъ даже первымъ потребностямъ. Когда Петръ началъ въ Воронежѣ строить флотъ, то пришлось выписывать изъ заграницы не только канаты и парусину, но даже гвозди и плотничьи инструменты, — все, кромѣ дерева. Нѣтъ даже сносныхъ земледѣльческихъ орудій по деревнямъ. Правительство само должно нерѣдко разсылать ихъ нуждающимся. Разстоянія между городами и селами дальнія, сообщенія сколько-нибудь удобны только зимой,

когда вовсе не нужно дорогъ. Плохи они даже по городамъ. Только кое-гдѣ бревенчатыя мостовыя. Объ освѣщеніи улицъ нѣтъ и помину.

Плохо жить горажанину, не лучше и мужику. Съ XVII вѣка онъ теряетъ личную свободу, становится собственностію дворцовой, монастырской, или помѣщичьей. Законъ, правда, обезпечиваетъ на бумагѣ его имущество и безопасность, защищаетъ его отъ жестокаго обращенія и непосильной эксплуатаціи помѣщика; но въ рукахъ грубаго и хищнаго рабовладѣльца, на самомъ дѣлѣ, онъ не болѣе, — какъ безличная и безправная рабочая сила. Половину добываемыхъ произведеній отдаетъ онъ хозяину своей земли; изъ другой — кормитъ свою семью и несетъ, натурой и деньгами, повинности государственныя, — подати, пошлины, заставныя, ямскія, полоняничныя, стрѣлецкія, воеводскія, приказныя. Но государство, въ пользу котораго несетъ онъ такое тяжкое бремя, не въ силахъ дать ему взамѣнъ почти ничего, — ни образованія, ни праваго суда, ни даже простой безопасности. Его грабятъ и разбойники, и ратные люди, и воевода со своими приказными; его душитъ моръ, губитъ засуха и голодъ, а частые пожары то и дѣло истребляютъ его скудныя запасы. И онъ тоже спасается, бѣжитъ въ степь и за Волгу, становится разбойникомъ, казакомъ, раскольникомъ; а оставшіеся платятъ за избылаго. Села пустѣютъ и деревни въ 30 дворовъ считаются уже многолюдными. А тутъ отъ безалабернаго хозяйства, отъ разброда людей и выжиганья лѣсовъ, оскудѣваетъ почва, уменьшается рыба и дичь, которыми нѣкогда такъ изобиловала древняя Русь. Полный экономическій кризисъ готовъ былъ обрушиться на страну, — и, въ теченіи XVII вѣка, высказывается уже цѣлымъ рядомъ общественныхъ смутъ.

Рядомъ съ хозяйственнымъ истощеніемъ древней Россіи, разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ въ ней и много другихъ причинъ, — нестроеній общественныхъ и нравственныхъ, накопляющихся именно къ XVII же столѣтію. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія московское самодержавіе и связанная съ нимъ государственная централизація. Во всей Европѣ торжествовали уже тогда новыя государственныя понятія; — но на Руси верховная власть все еще вращалась въ патріархальныхъ формахъ — имѣла характеръ домоначалія и домовладѣнія. Царь былъ безотчетнымъ главою большого хозяйства, обнимавшаго всю Русскую землю. Бояре, окольничіе, думные и другіе дворяне, стряпчіе, жильцы, воеводы, полков-

ники и всякіе начальные люди, отъ великаго и до малаго чина, составляютъ какъ бы личную служню государеву, считаются его холопями. Государь жалуетъ ихъ за службу помѣстьями и вотчинами, платьемъ, шубами, блюдами съ своего стола, за вины казнитъ смертію, отымаетъ имущество, велитъ бить батогами и кнутомъ передъ своими палатами. О гражданскомъ значеніи и какихъ-нибудь правахъ служилыхъ людей нѣтъ еще и помину. Царская дума, по описанію современниковъ, представляется намъ не государственнымъ учрежденіемъ, а домашнимъ совѣтомъ царя. Кормленіе на воеводствахъ, кормленіе отъ дѣлъ по приказамъ, которое государь жалуетъ за заслуги, — все это явленія и признаки патріархальнаго порядка вещей.

Между тѣмъ, древне-русская община, составлявшая у насъ нѣкогда главную основу какъ сельскаго, такъ и городскаго быта, въ описываемое время была уже въ полномъ упадкѣ. Въ XVII вѣкѣ она уцѣлѣла еще, правда, по городамъ и селамъ, завѣдуя мѣстнымъ хозяйствомъ и раскладкой податей; но ея земское значеніе было уже совершенно подорвано почти безконтрольной властію воеводъ и приказныхъ, вѣдавшихъ государево дѣло т. е. интересы казны и высшаго правительства. А вмѣстѣ съ упадкомъ общиннаго самоуправленія, русскій народъ сталъ постепенно терять чувства общественнаго долга и гражданской отвѣтственности. Дьяки и подъячіе загнѣздились во всѣхъ уголкахъ русской земли, засѣли по приказамъ, опутали неумѣлыхъ правителей, разъѣдались потомъ народнымъ. Поднялись протесты во имя подавленной воли, — казачество, Разины, — но своимъ безсиліемъ или дикими крайностями, только укрѣпили установившійся гнетъ. И вотъ являются сомнѣнія въ самыхъ способностяхъ русскаго человѣка, высказываются объ немъ понятія въ родѣ слѣдующаго отзыва ученаго серба Крижанича: „нашего народа люди суть коснаго разума и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ не будетъ показано... Нашъ народъ лѣнивъ и непромышленъ и сами себѣ не хотятъ дѣлать добро, если не будутъ принуждены къ тому силою“... Страшное обвиненіе, страшное средство отъ вкоренившагося недуга, — силою надо принудить народъ дѣлать себѣ добро!

Какъ истощались матеріальныя средства страны, какъ поникли ея гражданскія силы, такъ постепенно падалъ ея нравственный уровень и съуживался умственный горизонтъ. Бѣдность и односторонность литературы, вращавшейся почти исключительно въ кругу

религіозно-церковныхъ интересовъ, — тугое развитіе книгопечатанія, появившагося у насъ только черезъ сто лѣтъ послѣ его изобрѣтенія на западѣ — общая отсталость въ искусствахъ техническихъ и изящныхъ, — недостатокъ школъ и научныхъ пособій, — круглое невѣжество нисшаго духовенства, — церковный расколъ, какъ плодъ этого невѣжества, слабое распространеніе грамотности даже среди высшихъ сословій, — мелочность ихъ интересовъ, вращавшихся на кормленіи, да на мѣстническихъ счетахъ, — множество дикихъ предразсудковъ, опутавшихъ всѣ классы общества, — бродячіе монахи, нищіе и калѣки, кликуши и юродивые, — толпы скованныхъ арестантовъ, выпрашивающихъ милостыню на улицахъ, — разбойники, разгуливающіе многолюдствомъ по большимъ и малымъ дорогамъ, — сотни холопей, томящихся по знатнымъ дворамъ для удовлетворенія барской спѣси, — правежъ, пытка, — бѣдность жизненной обстановки, — полуазіатскіе обычаи, — безобразные пиры съ несчетными блюдами, съ бражничаньемъ и дракой между людьми первыхъ чиновъ государства; — вотъ тѣ слишкомъ извѣстныя черты, изъ которыхъ складывается печальный образъ до-петровской Россіи.

А тутъ непрошенныя и незванныя новшества, западные обычаи и идеи, западные изобрѣтенія и люди, со временъ Романовыхъ, неудержимо проникаютъ въ заповѣдный кругъ прадѣдовской старины, не смотря на всѣ предосторожности, на весь страхъ и ненависть къ иноземщинѣ, — подкапываются подъ нее, смущаютъ умы, возбуждаютъ сомнѣнія и критику. Немногимъ мыслящимъ людямъ становится уже не подъ силу въ затхлой атмосферѣ застоявшейся жизни, — и они бѣгутъ въ чужіе края, за западную границу. Дѣло неслыханное дотолѣ, — является русская эмиграція. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ, Кошихинъ, пишетъ въ Швеціи озлобленную картину московскихъ порядковъ. „Россійскаго государства люди, обличаетъ онъ родину предъ глазами Европы, породою своею спѣсивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не пріемлютъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства, и ненависти и неправды“. Само правительство начинаетъ сознавать несостоятельность вѣками сложившагося строя, — дѣлаетъ попытки преобразованій, вызываетъ западно-русскихъ ученыхъ, приглашаетъ иностранцевъ, чувствуетъ потребность учить и учиться. Но эти робкія начинанія встрѣчаются враждебно общественнымъ мнѣніемъ. Противъ нихъ — все духовенство, огромное большинство служилаго сословія, вся масса народная.

Какую же политическую силу могло представлять государство, расшатавшееся до такой степени въ своихъ экономическихъ, гражданскихъ и нравственныхъ основаніяхъ? Понятно, что вѣсъ Россіи не могъ быть значителенъ даже въ сношеніяхъ съ азіатскими сосѣдями; въ европейскихъ же дѣлахъ она и вовсе не принимала участія. Со второй польской войны Алексѣя Михайловича, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, наполненныхъ безпрерывными походами, русскіе не одержали ни одной побѣды, — и до самаго исхода XVII столѣтія московскій дворъ находился въ постыдной зависимости отъ крымскихъ хищниковъ, — зависимости, выражавшейся ежегодной данью, такъ называемыми поминками, въ случаѣ малоцѣнности которыхъ, послы наши подвергались въ Бахчисараѣ поруганіямъ и побоямъ. Вотъ что сталось въ XVII столѣтіи съ Русью Ярослава, Мономаха, Александра Невскаго и Грознаго.

Представимъ себѣ все это, соединимъ все сказанное въ общей картинѣ, — и мы съ изумленіемъ спрашиваемъ себя — какъ могло среди такого общества возникнуть явленіе, подобное Петру Великому? Откуда почерпнулъ онъ свои геніальныя силы, — какимъ чудомъ косно-ползущая жизнь вдругъ прорвалась неукротимою и необъятною дѣятельностью?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только складъ характера русскаго народа, воспитанный цѣлой его исторіей.

Въ основу этого характера легли, конечно, общеславянскія черты, — природная доброта и мягкость — и развившіяся на этой почвѣ семейныя качества и поэтическая воспріимчивость, — духъ человѣчности, выразившійся въ сильномъ стремленіи къ общественному равенству, — богатыя умственныя дарованія, но съ замѣтнымъ перевѣсомъ чувства и нравственныхъ инстинктовъ. Подобному типу нельзя долго уцѣлѣть въ практической жизни. Оттого мы видимъ, что каждое изъ славянскихъ племенъ значительно видоизмѣнило его подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ своей судьбы. Но нигдѣ, быть можетъ, не подвергся онъ такому сильному измѣненію, какъ у русскихъ славянъ, и именно — въ племени великорусскомъ, — такъ какъ никому изъ его родовыхъ собратій не суждено было пройти такую суровую и многотрудную школу дѣятельности, испытаній и бѣдъ.

Историческое воспитаніе великорусскаго племени началось съ медленнаго, труднаго дѣла колонизаціи чудско-монгольскаго сѣверо-востока Европы. Отъ Балтійскаго моря и финскихъ озеръ двига-

лось оно, въ теченіи вѣковъ, шагъ за шагомъ къ Уральскимъ горамъ, перешагнуло за этотъ рубежъ и разсѣяло свои поселенія по необозримымъ пространствамъ сѣверной Азіи до крайнихъ оконечностей Сибири. Здѣсь, въ борьбѣ съ дикой природой, съ безчисленными лишеніями и опасностями, развилась столь извѣстная практическая сноровка великорусса, настойчивость и твердость его труда, находчивость и мужество въ бѣдѣ, а нужда научила преодолѣвать представлявшіяся на каждомъ шагу препятствія не въ одиночку, а артельно-общинными усиліями. Здѣсь посреди неоглядныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ, — шири, пустоши и приволья, выросла его богатырская сила и молодецкая удаль. Полюбилъ онъ тутъ волю буйную, созналъ свое превосходство предъ поганымъ, предъ нехристемъ, но вмѣстѣ созналъ и потребность въ крѣпкой, руководящей власти, способной направлять къ дружной цѣли разрозненныя, разметавшіяся силы новопріобрѣтенныхъ земель. То была героическая пора въ жизни народа, когда зародились первые мотивы его въ высшей степени характерной пѣсни, протяжной, безконечной, переходящей въ такой же безшабашный разгулъ. Скоро однако къ этой пѣснѣ привязалась грустная нота, легъ на ней заунывный колоритъ. Одолѣла степная, азіатская татарщина. Подъ игомъ полудикихъ кочевниковъ русскій человѣкъ остался тѣмъ же, но замкнулся въ себѣ, сталъ недовѣрчивъ, упоренъ, равнодушенъ къ жизни, а подъ часъ и жестокъ. А исконное терпѣніе и выносливость закалились въ немъ окончательно, — и еще рѣзче опредѣлилось въ немъ его племенное и религіозное отличіе отъ неславянскаго, нехристіанскаго востока. Ненависть и презрѣніе къ чужеплеменнику и иновѣрцу онъ перенесъ потомъ и на западныхъ сосѣдей, литву и нѣмцевъ, съ которыми тоже долженъ былъ вести вѣковую борьбу. Такъ составила Русь какой-то отдѣльный міръ между двумя частями свѣта, не принадлежала ни той, ни другой. Національная исключительность сдѣлалась чертою русскаго характера. Наконецъ монгольское рабство кончилось. Настала пора московскихъ государственныхъ порядковъ. Но иго не прошло безслѣдно. Оно оставило множество самыхъ пагубныхъ извращеній народнаго духа, — хищность правительства, страшное огрубѣніе нравовъ. Началась въ огромныхъ размѣрахъ эксплоатація народа непроизводительными классами, мало по малу захватившими въ свои руки всю земельную собственность, бывшую тогда единственнымъ богатствомъ. Среди въ высшей степени человѣчнаго славянскаго народа

являются лютыя казни, звѣрскія истязанія. Преступниковъ живьемъ зарываютъ въ землю, льютъ имъ въ горло расплавленный металлъ, ломаютъ ребра раскаленными щипцами. Подавлена община, народъ прикрѣпленъ къ городу, къ землѣ, конецъ его старой волѣ. Все это нужно для пользы, для крѣпости государства; но для народа новая кабала хуже татарской неволи. Онъ подымаетъ смуты, разбѣгается по степямъ и лѣсамъ. И вотъ опять новыя наслоенія, новые невыгодные оттѣнки въ его характерѣ — отвращеніе отъ труда, плоды котораго достанутся не ему, безпечность, жизнь на авось и какъ-нибудь.

Толстый слой грубой коры наложило прошедшее на силы русскаго человѣка; но за то и силы, таившіяся подъ ней, были громадны. Ими только объясняется возможность Петра въ нашей исторіи. Стоило имъ прорваться наружу, — и онѣ породили явленіе, изумившее міръ столько же своими гигантскими размѣрами, какъ и своею неожиданностію, — изумившее даже Россію, которая сама неподозрѣвала, что способна выставить такого человѣка. Оттого русскіе люди и не поняли сначала Петра, а раскольники прямо говорили, что онъ — не настоящій царь, а подставленный нѣмцами. А между тѣмъ, Петръ — чисто великорусская натура, — и нѣтъ въ ней ни одной черты, которая бы не объяснялась народными задатками. Неугомонная, всепроникающая дѣятельность, разнообразнѣйшій трудъ — отъ тонкой умственной работы до послѣдняго грубаго мастерства, вѣчные разъѣзды отъ Балтійскаго моря до Волги, отъ Архангельска до Азова, простая, часто разгульная жизнь, — такъ и видишь древняго новгородскаго повольника, звѣролова, промышленника, торговца и перваго населителя далекихъ и пустынныхъ краевъ. Затѣмъ, страсть къ морю и морскимъ похожденіямъ, почти съ дѣтства развивавшаяся въ Петрѣ, приводила въ изумленіе многихъ. Даже спеціальный историкъ Петра Великаго, недоумѣваетъ, какъ подобная страсть могла зародиться въ юношѣ, выросшемъ въ подмосковномъ Преображенскомъ, гдѣ, на пространствѣ ста верстъ кругомъ не было и порядочнаго озера. Но это — та же древне-русская потребность шири, простора и раздолья, которую мы видимъ въ казакахъ, вольницѣ, сибирскихъ и степныхъ колонистахъ. А практическій смыслъ, а желѣзная воля, а твердость въ несчастіяхъ, терпѣніе въ неудачахъ, — все это исконныя черты въ высшей степени реальнаго и выносливаго великорусскаго характера. Но, народъ, скованный обрядностію неподвижной московской

жизни, во многомъ сталъ тогда уже забывать себя, а потому изумился, когда увидѣлъ, что Петра не водятъ подъ руки сибирскіе и касимовскіе царевичи, что онъ даже вовсе не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ; изумился еще болѣе, когда онъ побратался съ нѣмецкими проходимцами, принялъ ихъ обычаи, надѣлъ ихъ короткое платье. Видя все это, народъ задумался, — да нашъ ли это, ужъ не нѣмецъ ли — воровскимъ образомъ сѣлъ къ намъ въ цари? А тутъ къ довершенію ужаса, царь этотъ самъ ѣдетъ смотрѣть нѣмецкую землю, толпами посылаетъ туда учиться лучшихъ русскихъ людей. И все это творится въ государствѣ, откуда за границу ѣздили до сихъ поръ только послы, да большіе гости, и то за крѣпкими поруками; а кто бы безъ вѣдома уѣхалъ, того имѣніе отбирали въ казну, да всѣхъ его родственниковъ допрашивали на пыткѣ. Этого народъ ужъ не могъ стерпѣть. Въ отсутствіе Петра разыгрывается стрѣлецкій бунтъ; кричатъ, что царь измѣнилъ православію, родную землю предалъ еретикамъ. Съ голоса озлобленныхъ современниковъ, нашлись и въ потомствѣ писатели, рѣшившіеся заподозрить Петра въ нелюбви къ Россіи. Едва ли стоитъ опровергать это обвиненіе. Петръ любилъ Россію; но не той инстинктивной привязанностію, которую можетъ питать къ родинѣ и дикарь, а любовью разумною и святою, желая ей пользы, славы, величія и силы. Онъ любилъ не ту Россію, которую видѣлъ вокругъ себя, а Россію будущаго, — великую, просвѣщенную, богатую, человѣчную, — и этой идеальной Россіи всецѣло приносилъ въ жертву личные интересы, кровныя связи, всего себя. „Я за мое отечество и люди, пишетъ онъ съ горечью недостойному сыну, — живота своего не жалѣлъ... Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ? Кому насажденіе свое оставлю?“ А знаменитый приказъ передъ Полтавской баталіей, — „о Петрѣ не думайте, жила бы Россія въ довольствѣ и славѣ“. Наконецъ, вся его дѣятельность, каждая минута которой посвящена была родинѣ, не доказываетъ ли лучше всего его горячую, самоотверженную преданность ей. Онъ сблизился съ иностранцами, ласкалъ и платилъ имъ только ради пользы Россіи. Онъ видѣлъ въ нихъ нужныхъ людей, способныхъ учителей своему народу, но нигдѣ не отдавалъ имъ существеннаго предпочтенія, — и на высшихъ постахъ государственной службы мы видимъ при Петрѣ почти исключительно однихъ русскихъ. Выходитъ, что и въ этомъ сближеніи съ иностранцами, въ самомъ предпочтеніи чужеземныхъ обы-

чаевъ, порядковъ и образованности — Петръ дѣйствовалъ какъ практическій русскій человѣкъ: увидѣлъ, что это нужно, что въ этомъ лучшее средство спасти Россію, — и не посмотрѣлъ ни начто. Совершенно народной же чертой является въ немъ также и удивительная способность самообразованія. Не получивъ почти никакого систематическаго образованія, учась всему на лету и мимоходомъ, будучи именно геніальнѣйшимъ изъ русскихъ самоучекъ, Петръ тѣмъ не менѣе, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, обладалъ уже такими обширными и разнообразными свѣдѣніями, что изумлялъ ими иностранныхъ спеціалистовъ.

Съ какой бы стороны, словомъ, ни изучали мы личность Петра, — сердечную ли его религіозность, далекую отъ фанатизма и ханжества, съ его смиреніемъ въ счастіи и простотою въ величіи, или его военныя доблести — хладнокровіе и стойкость въ опасностяхъ, великодушіе къ побѣжденному врагу, полное отсутствіе суетнаго личнаго славолюбія, — вездѣ видимъ мы въ немъ воплощеніе лучшихъ свойствъ народнаго генія, на почвѣ котораго только и могъ выросги этотъ блестящій феноменъ. Даже темныя стороны его характера — невоздержность, вспыльчивость, припадки бѣшенаго гнѣва, вообще крутость нрава, доходившая до жестокости — объясняются столько же его страстнымъ, огненнымъ темпераментомъ, сколько и вліяніемъ среды его воспитавшей.

Таковъ былъ Петръ — русскій человѣкъ, впервые развернувшійся во всю свою ширь, впервые показавшій міру свою внутреннюю несокрушимую мощь! А если мы представимъ себѣ его въ кругу его западныхъ современниковъ, сравнимъ его съ показнымъ себялюбцемъ Людовикомъ XIV, съ изнѣженнымъ и развратнымъ Августомъ II, съ рыцарственнымъ Карломъ XII, ради личной славы ставившимъ на карту счастіе своихъ подданныхъ, съ безцвѣтнымъ и чопорнымъ цесаремъ Леопольдомъ, даже съ прославленнымъ Вильгельмомъ Оранскимъ, правившимъ Англіей въ интересахъ родной своей Голландіи, — то съ какимъ благоговѣніемъ должны мы преклониться передъ Петромъ, — какимъ гигантомъ возвышается между ними этотъ царь съ мозолями на рукахъ, царь-плотникъ, бомбардиръ и шкиперъ, служащій своей странѣ и народу на всѣхъ возможныхъ поприщахъ, и работающій на этой службѣ, какъ никто изъ его подданныхъ. Западъ первой четверти XVIII вѣка выставилъ одного только истинно замѣчательнаго человѣка, — это Лейбница, имѣющаго большія заслуги во всѣхъ почти отрасляхъ

человѣческихъ знаній — въ математикѣ, естествознаніи, философіи, филологіи и исторіи, и эта универсальная знаменитость тогдашней ученой Европы привѣтствовала всѣми своими сочувствіями универсальнаго генія, явившагося на сѣверѣ.

Только русская земля могла породить богатыря, подобнаго Петру; только такой богатырь могъ разбудить ея исполинскія силы, двинуть ее на новую дорогу.

Петръ Великій не создалъ задачи для своей дѣятельности, да это и не въ силахъ человѣка. Онъ засталъ ее готовою. Ее указала природа страны и завѣщала ея исторія. Задача состояла въ томъ, чтобъ раздвинуть русскую землю до ея естественныхъ рубежей и сдѣлать ее посредницей между Азіей и Европой. То и другое стремленіе неотразимо влекло народъ русскій къ Балтійскому морю. Только добившись до него, Россія могла войти въ органическую связь съ европейскимъ міромъ, примкнуть къ нему такъ же тѣсно, какъ, съ другой стороны, она примыкала уже къ азіатскому Востоку. Заслуга Петра состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ ясно понялъ потребности, начавшія высказываться уже за 100 лѣтъ до него, — и пріобрѣтеніе береговъ прибалтійскихъ поставилъ главною задачею своей жизни. Такимъ пріобрѣтеніемъ разомъ достигались три великія цѣли: Россія получала на западѣ свою природную границу, безъ которой ни ея политическое значеніе, ни самостоятельное развитіе ея народныхъ силъ никогда не могли бы считаться обезпеченными; затѣмъ — впервые открылась для нея возможность явиться связующимъ звѣномъ между двумя частями свѣта, — и наконецъ, — путемъ усвоенія европейской образованности, избѣжать неминуемаго кризиса, грозившаго ей во всѣхъ почти отрасляхъ ея внутренней жизни. Вся русская исторія не представляетъ вопроса болѣе важнаго, какъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ. Но для рѣшенія его въ нашу пользу, требовались именно такія колоссальныя силы, какими одаренъ былъ Петръ Великій, такъ какъ трудности дѣла представлялись неодолимыми. Надо было вести тяжкую 20-лѣтнюю борьбу съ первой военной націей тогдашней Европы. Шведская армія считалась образцовою. Лучшіе нѣмецкіе полководцы второй половины XVII вѣка и генералы, прославившіе царствованіе Людовика XIV, вышли изъ школы Густава-Адольфа. Одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ стоялъ во главѣ этой арміи. Политическое могущество Швеціи, хотя и искусственно созданное, было тѣмъ не менѣе весьма

значительно. Держава эта владѣла въ то время всѣми берегами Балтійскаго моря и даже приморскою частію сѣверной Германіи до самаго Одера. Но намъ уже извѣстно, что могла противупоставить такому противнику старая до-петровская Россія.

Надо было приготовить силы для борьбы съ нимъ. Въ одно и то же время и вести войну, и создавать для нея средства, и учить народъ—какъ пользоваться этими средствами, учить его съ помощію тѣхъ же нѣмцевъ, съ которыми велась борьба, да притомъ, преодолѣвать безчисленныя внутреннія затрудненія, такъ какъ закоснѣлый народъ не хотѣлъ учиться, волновался, возставалъ противъ учителей, и надо было, какъ нѣкогда совѣтовалъ Крижаничъ, „заставлять его силою дѣлать себѣ добро". Цѣлая четверть вѣка ушла на эту тяжкую работу, сотни тысячъ жертвъ нашли въ ней свою могилу, народныя силы доведены до страшнаго напряженія; — но великая цѣль была достигнута. Русскій народъ добился, наконецъ, до западнаго моря, сталъ на немъ твердою ногою, сдѣлался народомъ европейскимъ. Правда, Петру помогли обстоятельства,—шестилѣтнее отсутствіе Карла XII послѣ Нарвской битвы, война за Испанское наслѣдство, начавшаяся одновременно съ войною Сѣверной и отвлекавшая вниманіе западныхъ державъ отъ событій на сѣверѣ, замыслы Альберони, долго озабочивавшіе Австрію и морскія державы; — но и при всемъ томъ, остается громадный личный подвигъ на долю самого Петра, если мы вспомнимъ — съ какимъ искусствомъ умѣлъ онъ пользоваться представлявшимися выгодами, съ какой осторожностью и настойчивостью велъ самую борьбу, — если представимъ себѣ, что въ то же время въ государствѣ шли всесторонніе внутреннія преобразованія, создавалась регулярная армія и флотъ, финансы, фабрики и ремесла, необходимыя для потребностей войны, воспитывались солдаты, генералы, самъ царственный вождь ихъ; наконецъ — что бороться приходилось не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ домашней измѣной, — со стрѣльцами, раскольниками, буптомъ Астраханскимъ и Булавинскимъ, съ Мазепой, со множествомъ недовольныхъ во всѣхъ классахъ общества, даже съ кознями родного сына, преемника царскаго престола.

Едва кончена тяжкая война на западѣ, какъ Петръ начинаетъ думать уже и о другой великой задачѣ нашей исторіи — о посредничествѣ Россіи между Европой и Азіей въ торговомъ и политическомъ отношеніи. Съ этою цѣлію соединяетъ онъ каналомъ Балтійское море съ Каспійскимъ, стараясь установить непрерывный

водный путь между двумя частями свѣта, — предпринимаетъ военную экспедицію въ Хиву, — подчиняетъ русскому вліянію калмыковъ, Кубанскую орду и горскія племена по Тереку, — завязываетъ сношенія съ Кабардой, Арменіей, Грузіей, Китаемъ, — наконецъ, смѣлымъ походомъ Персидскимъ, становится твердой ногой на западномъ берегу Каспія, откуда Россія можетъ уже отнынѣ рѣшительно вліять на судьбу народовъ кавказскихъ, средне-азіатскихъ ханствъ и самой Персіи. Будущему русскому владычеству на востокѣ положено твердое основаніе.

Другія неисчислимыя послѣдствія явились сами собой.

На поляхъ полтавскихъ упрочено политическое могущество Россіи, а съ нимъ — и полноправность славянскаго племени въ кругу міровыхъ, образованныхъ націй. Но „великая викторія“ рѣшила не одинъ этотъ вопросъ. Она окончательно закрѣпила за нами малороссійскій народъ. Такъ долго колебавшаяся между Москвой и Польшей, Малая Россія только съ этой поры стала органически сливаться съ Великой своей соплеменницей.

Но, какъ только рѣшена невозвратно судьба Малороссіи, какъ естественно выдвигалась на очередь и участь Россіи Западной, тѣсно связанная съ судьбою всего Польскаго государства.

Даже Азовскіе походы и несчастная Турецкая кампанія 1711 г. полны значенія для будущаго. Подъ Азовомъ одержали мы первую побѣду надъ грозными турками, сознали необходимость черноморскаго флота для дальнѣйшей борьбы съ ними; а Прутскій походъ обнаружилъ внутренніе недуги Османской державы, столь страшной тогда еще для Европы, но что всего важнѣе, впервые обратилъ на насъ взоры православныхъ народовъ, подвластныхъ Портѣ.

Румыны, сербы, болгары, греки поняли, что возстановленіе христіанскихъ государствъ на Дунаѣ и за Балканами возможно только заступничествомъ и помощію Россіи, и имя перваго русскаго Императора осталось и по нынѣ у южныхъ славянъ исходной точкой ихъ національныхъ надеждъ.

Но не только во внѣшней политикѣ, — борьба за берега прибалтійскіе является средоточіемъ всей дѣятельности Петра Великаго и по отношенію ко внутреннимъ преобразованіямъ. Не должно думать, что всеобъемлющія реформы народной и государственной жизни велись имъ по какому-нибудь заранѣе составленному плану. Подобно всѣмъ истинно-практическимъ дѣятелямъ, Петръ не имѣлъ никакой систематической программы, а дѣлалъ только

то, на что указывала нужда, чего требовали обстоятельства. Война съ турками и шведами доказала необходимость европейски-организованнаго войска и морской силы; заведеніе регулярной арміи и флота потребовало фабрикъ, заводовъ и большихъ денежныхъ средствъ, а чтобъ открыть новые финансовые источники, надо было поднять промышленность и торговлю, и преобразовать правительственныя учрежденія. Наконецъ, ничего этого нельзя было достигнуть безъ умѣнья и нужныхъ свѣдѣній, — отсюда рядъ мѣръ къ водворенію образованія и науки. Все это развилось естественно и вызывалось одно другимъ. Послѣдовательность и стройность, замѣчаемыя въ дѣлахъ Петра, тѣмъ то и велики, что въ нихъ не было ничего искусственнаго, что они прямо вытекали изъ положенія вещей и неотразимыхъ потребностей времени. Только такія дѣла и бываютъ истинно полезны и долговѣчны. Крайніе славянофилы высказывались когда-то, что наша реформа XVIII вѣка была личнымъ дѣломъ Преобразователя, не вытекала изъ духа народнаго, была имъ навязана Россіи, отчего будто бы органическій ростъ русской жизни былъ насильственно извращенъ и самое общество разбито на двѣ чуждыя другъ другу сферы, — европейски-образованное меньшинство и массу народную, оставшуюся вѣрной отечественнымъ преданіямъ. Такой взглядъ на дѣло Петра не нашелъ себѣ оправданія въ наукѣ, — и наши лучшіе изслѣдователи этой эпохи — Кавелинъ, Устряловъ, Соловьевъ — считаютъ реформу столько же народной, какъ народенъ былъ и самъ Петръ всѣми свойствами своей личности. Что же касается раздвоенія общества на два враждебные слоя — высшій и низшій, то, — во первыхъ, — это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ крутой перемѣны, начатой сверху и коснувшейся сначала только высшихъ классовъ общественныхъ, такъ какъ разомъ всего сдѣлать нельзя; а, во вторыхъ, — самая перемѣна эта не коснулась вовсе ни основаній исторически установившагося государственнаго строя, ни коренныхъ свойствъ народнаго духа, — и люди, тронутые реформой, усвоившіе себѣ цивилизацію Запада, въ сущности остались такими же русскими, какъ и темная масса, закоснѣвшая въ старинѣ. Но лучшимъ доказательствомъ, что переворотъ прошлаго столѣтія не былъ личнымъ дѣломъ Преобразователя, служитъ его дальнѣйшая судьба. Дѣло Петра не только не погибло вмѣстѣ съ нимъ, но напротивъ развивалось и зрѣло послѣ его смерти, — и притомъ — среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, — и кругъ людей, составлявшихъ, пол-

тора вѣка назадъ, такое ничтожное меньшинство, разростался съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, и со временемъ, конечно, обхватитъ весь народъ русскій.

И такъ, Петръ Великій стоитъ также твердо на интересахъ своего времени, какъ и на почвѣ своей народности, соединяя въ себѣ именно тѣ два условія, безъ которыхъ никакая дѣятельность не можетъ быть прочною, никакой историческій подвигъ — незыблемымъ. Но истинная заслуга его открывается, во всей полнотѣ своего величія, въ исполненіи исторически сложившейся задачи, т. е. въ открытіи наиболѣе цѣлесообразныхъ путей, въ примѣненіи пробужденныхъ имъ силъ народныхъ, въ идеяхъ, по которымъ развивалась вся его необъятная дѣятельность.

Господствующая идея петровской реформы — это возвеличеніе государства, а слѣдовательно — и государственной власти. Сильному развитію самодержавія Россія преимущественно обязана своимъ нынѣшнимъ величіемъ и могуществомъ, — обязана тѣмъ, что, одна изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, она успѣла сложиться въ крѣпкій политическій организмъ, послужившій охраной ея народности посреди безчисленныхъ опасностей съ востока и запада. Чѣмъ была бы она, съ ея рѣдкимъ народонаселеніемъ, разбросаннымъ на необозримыхъ пространствахъ, безъ этой связующей и руководящей силы? Петръ Великій, постоянно нуждавшійся, для своего дѣла, въ содѣйствіи всей земли, въ ея дружныхъ усиліяхъ и жертвахъ, долженъ былъ, разумѣется, еще болѣе возвысить и укрѣпить это начало. Но, возвеличивая верховную власть, возводя ее на высоту недосягаемую, онъ впервые сообщилъ ей характеръ, не только облекавшій ее полнѣйшей законностью, но и снискавшій ей на вѣки всю преданность и благоговѣніе народа. Характеръ этотъ — есть служеніе общественное. Государь, наравнѣ со своими подданными, служитъ своему государству, благо и счастіе котораго и есть верховный интересъ государя, страны и народа. „Я для славы и чести народа россійскаго, пишетъ онъ въ манифестѣ объ отрѣшеніи Алексѣя Петровича отъ престола, здоровье свое истратилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего не жалѣлъ“. „Польза государственная“, „слава народа нашего“ — вездѣ являются въ петровскихъ указахъ на первомъ планѣ. Этому единственному интересу должны отнынѣ подчиниться всѣ связи, которыми держалось древне-русское общество, — родовые союзы, личныя выгоды, династическія цѣли, сама церковь, отъ которой, на ряду съ ея духов-

нымъ призваніемъ, потребовали и служенія общественнаго. Отнынѣ единственная связь между русскими людьми должна заслонить собою всѣ прежнія. Это связь между ними, какъ между гражданами одного великаго государства. Никакая жертва не кажется Преобразователю слишкомъ великою, когда имѣется въ виду эта цѣль. Ради нея приводитъ онъ народныя силы въ страшное напряженіе, сближается съ Европой, насильственно пересаживая къ намъ плоды ея болѣе развитой цивилизаціи, насильственно отдаетъ русскихъ людей въ выучку иноземцамъ, неумолимо преслѣдуетъ всякія противугосударственныя стремленія въ комъ бы они ни обнаруживались, — въ разбойничьихъ ли шайкахъ, въ стрѣлецкихъ ли мятежахъ, въ раскольникахъ, въ злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, даже самыхъ близкихъ, наконецъ — въ родномъ сынѣ. Всѣхъ русскихъ людей, какого бы чина и званія они ни были, отъ вельможи до крестьянина и солдата, заставляетъ онъ служить не лицамъ и учрежденіямъ, не роду и племени, а государству, — и самъ первый подаетъ неслыханный по своей ревности примѣръ этого служенія. Самому себѣ даже, „самовластному Монарху Россіи, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ“, какъ сказано въ его Военномъ Уставѣ, требуетъ онъ повиновенія только ради блага и пользы общественной, и — если кн. Яковъ Долгорукій, во имя того же государственнаго интереса, останавливаетъ исполненіе Царскихъ указовъ, умѣетъ сносить и прощать гражданское величіе подданнаго.

Но Петръ не только отъ всѣхъ и каждаго требовалъ службы государству, но и училъ русскихъ людей — какъ надо служить ему. Онъ училъ ихъ указами, инструкціями, регламентами, неослабнымъ контролемъ за дѣйствіями каждаго, — училъ дома и за границей, въ школахъ и практической жизни. Важнѣйшимъ поприщемъ для ученья служили новыя учрежденія, и особенно — учрежденія коллегіальныя, — отъ Сената, Синода и Коллегій — до Ландратскихъ Совѣтовъ по провинціямъ и губерніямъ и до магистратовъ по городамъ. Вездѣ въ учрежденіяхъ этихъ господствуетъ выборное начало и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго изъ членовъ. Законодатель видимо усиливается снова пріучить русскихъ людей къ общественной самодѣятельности и самопочину, отъ которыхъ они отвыкли со времени подавленія общинной жизни московскими приказными порядками. „Денегъ нѣтъ, подати не выплачиваются; народъ разбѣгается и бѣдствуетъ — жалуется самородный экономистъ

петровской эпохи, а все отъ того, что купцы и крестьяне живутъ не союзно и не любовно, ѣдятъ, обманываютъ другъ друга, не держатъ межъ собою компанства“. И вотъ Великій учитель хочетъ заставить всѣхъ работать не порознь и въ одиночку, какъ бывало встарь, — а общими силами — ремесленниковъ — въ цѣхахъ, купцовъ въ компаніяхъ, чиновниковъ — въ коллегіяхъ, — такъ какъ только солидарностію цѣлей, интересовъ и чувствъ, дружнымъ дѣйствіемъ тѣсно-сомкнутой массы головъ и рукъ — достигаются великіе результаты, преуспѣваетъ общее благо.

Но, поставивъ такъ высоко государство и его интересы, заставляя всѣхъ приносить ему самыя тяжелыя жертвы, Петръ, однако, не простеръ этого принципа до крайности, не затеръ государствомъ личности гражданина, его достоинства и правъ; — а напротивъ принялъ рядъ мѣръ къ ея обезпеченію. Такъ, въ высшихъ сословіяхъ онъ окончательно ослабилъ старое родовое начало, установивъ табель о рангахъ, которою давался просторъ личной заслугѣ, а въ нисшемъ — тотъ же результатъ достигнутъ введеніемъ подушнаго, т. е. личнаго оклада, при чемъ каждый членъ семьи отвѣчалъ предъ казною самъ за себя, тогда какъ прежде государство знало только семью или дворъ, а не отдѣльнаго человѣка. Такъ же и въ семейномъ быту права личности ограждены свободой каждаго заключать брачные союзы, а отмѣной уничижительныхъ именъ и холопскихъ пріемовъ въ оффиціальныхъ обращеніяхъ къ царской особѣ опять пробуждено въ русскомъ человѣкѣ заглохшее чувство гражданскаго достоинства.

Къ чему же, въ концѣ концовъ, сводятся руководящія начала всего преобразованія — возвеличеніе государства, поднятіе личности, работа общими силами, возбужденіе гражданскихъ чувствъ и гражданскаго духа?

Одна непреклонная мысль, одно страстное желаніе лежитъ въ основаніи всего этого: вызвать въ русской натурѣ силы, далеко ей нечуждыя, напротивъ — знакомыя ей и родныя, но притупленныя и подавленныя цѣлымъ процессомъ неблагопріятныхъ историческихъ наслоеній; возродить въ ней старую любовь къ дружному творческому труду для родной земли, — старое чувство отвѣтственности за этотъ трудъ и сознаніе пріобрѣтенныхъ за него правъ; — сдѣлать, однимъ словомъ, русскаго человѣка тѣмъ, чѣмъ онъ былъ уже однажды и какимъ могъ бы быть по складу своихъ способностей. Сознавая въ себѣ самомъ эти способности, чувствуя себя

*

русскимъ до мозга костей своихъ, Петръ ни на одну минуту не усомнился въ Россіи, въ ея силахъ и будущности, — взялся учить ее на первый разъ, хоть и чужими учителями, такъ какъ своихъ у насъ не было, — но за то цѣлью ученія было развитіе и очистка исконнаго древнерусскаго генія, только случайно обезображеннаго чужеядными наростами. Народъ нашъ инстинктивно понялъ въ чемъ дѣло, — неудержался отъ нѣсколькихъ бунтовъ, — нѣсколькихъ невольныхъ судорогъ, но покорился стыду и боли чужого ученья, какъ покоряется больной мучительной операціи. Этимъ-то и объясняется, — отчего, не смотря на иноземныя формы преобразованія и на крутость его пріемовъ, не только образованные люди, но и народная масса, сохранили у насъ о Преобразователѣ такую благодарную память, — такъ какъ для всѣхъ, со временемъ, стало ясно, что не нѣмцами же хотѣлъ насъ сдѣлать Петръ, а настоящими русскими въ лучшихъ и благороднѣйшихъ чертахъ этого типа.

Тяжкую для него науку, въ суровой школѣ Преобразователя, проходилъ народъ въ эту годину. Повсюду кипитъ удесятеренная дѣятельность, повсюду — насильственныя мѣры, невыносимыя тягости: наборъ въ рекруты и матросы, наборъ въ школы и новыя учрежденія, указный сгонъ рабочихъ для казенныхъ построекъ; а тутъ — на каждомъ шагу — денежные поборы для безконечной войны, для безчисленныхъ новыхъ нуждъ государственныхъ. Казна беретъ рѣшительно со всего, — съ торговъ, съ промысловъ, съ душъ, съ потребленія, съ раскольниковъ — за право раскола, съ бородачей — за бороды, беретъ даже съ продажи дубовыхъ гробовъ, какъ съ предмета роскоши. Силъ подъ часъ не хватаетъ, дохнуть некогда. Народъ спасается какъ можетъ, — умножаются бѣглые, усиливаются разбои. На ослушниковъ падаютъ лютыя казни, на лѣнтяевъ — суровыя наказанія.... И не смотря на то, народъ благоговѣетъ къ памяти Петра. Въ пѣсняхъ, относящихся къ этой эпохѣ, онъ возвеличилъ, прославилъ его образъ, поставивъ его на ряду съ любимѣйшимъ героемъ своего позднѣйшаго богатырскаго эпоса, — съ образомъ Грознаго. — Поетъ онъ въ нихъ и про стрѣлецкія казни, и про стоны земли, изрытой каналами, „про грозну службу Государеву, что часты дальни походушки“; но къ виновнику тягостей относится съ постояннымъ благоговѣніемъ, сознавая справедливость и величіе его дѣла. А между тѣмъ, такъ долго подавленный духъ народный успѣлъ уже воскреснуть подъ руковод-

ствомъ Державнаго Возбудителя, — и еще при жизни своей, Петръ имѣлъ утѣшеніе слышать изъ устъ своего крестьянина такія слова: „много нѣмцы насъ ушлѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они насъ ругаютъ напрасно“.

Изъ родныхъ, а не чуждыхъ источниковъ, вытекла, такимъ образомъ, вся животворящая дѣятельность Петра, — безчисленныя благодѣянія, излитыя имъ на русскую землю, цѣлая величественная программа ея будущаго развитія. „На что въ Россіи ни взгляни, заключимъ мы словами восторженнаго свидѣтеля славной эпохи, — все Его началомъ имѣетъ, и что бы въ будущемъ ни дѣлали, — отъ сего источника черпать будутъ!“

W 82

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: 2002
PreservationTechnologies

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
MAY - JUNE 1989